РУССКОЕ СЛОВО

1862.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
Вас. Остр., 8 лин., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

РУССКОЕ СЛОВО.

IV.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1862.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 8 мая 1862 года.

Ценсоръ *А. де-Роберти.*
Ѳ. Рахманиновъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Histoire de la Terreur 1792—1794 d'après les documents authentiques et des pièces inédites par M. Mortimer-Ternaux. Paris, vol 1, 1862. В. ПОПОВА 1

ЖЕНСКАЯ ИСПОВѢДЬ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь...

Лермантовъ.

Это было весною. Мы сидѣли въ саду. Фруктовыя деревья были въ полномъ цвѣту, и воздухъ, насыщенный благоуханіями, сладко томилъ и разнѣживалъ тѣло. Въ каждомъ цвѣткѣ яблони и сливы сладострастно жужжала пчела. Пестрыя бабочки кружились въ воздухѣ, играя на солнцѣ. Зеленая сизоворонка вылетала изъ дупла столѣтней ветлы и садилась на вѣтку, самодовольно покачиваясь на ней. Тысячи птицъ тихо, но весело перекликались на деревьяхъ. Подъ нашими ногами, сквозь листву деревъ, виднѣлась широкая Волга, блестѣвшая серебромъ своихъ водъ и золотомъ солнечныхъ лучей. Тихо катила свои струи величавая рѣка, ласково и медленно покачивая плывшія по ней суда... Верхушки пирамидальныхъ раинъ, позлащенныя солнцемъ, радостно трепетали въ воздухѣ, между тѣмъ какъ нижнія вѣтви казались совсѣмъ черными и какъ бы дремали въ глубокой тѣни. Вся природа, казалось, была счастлива и утопала въ нѣгѣ полнаго, сладострастнаго довольства... Какъ теперь вижу я эту обстановку, при которой ея грустное,

болѣзненное лицо возбуждало особенную симпатію. Она разсказывала мнѣ свою печальную повѣсть...

Я была въ то время не такая, какою вы знаете меня теперь... Эти потухшіе глаза въ то время блестѣли жизнью и надеждой, эти засохшія, полинявшія губы тогда еще были свѣжи и улыбались, эти жидкіе волосы въ то время замѣнялись длинной и густой косою, которая часто надоѣдала, и тяготила голову, хотя нерѣдко я и сама любовалась ею. Всѣ меня называли красавицей, говорили это въ глаза и за глаза. Я сама знала, что была хороша. Немного прошло съ тѣхъ поръ времени, но никто не узнаетъ меня. Я пережила два тяжелыхъ горя: первое прошло, хотя послѣ мучительныхъ страданій, но не оставило по себѣ такихъ печальныхъ слѣдовъ и не разрушило меня такъ, какъ послѣднее.

Мы жили въ этой самой деревнѣ, гдѣ и теперь, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Я воспитывалась дома во всей патріархальной простотѣ нашей семьи и нашего небольшаго деревенскаго общества. Мнѣ только что минуло пятнадцать лѣтъ, когда въ меня влюбился и сдѣлалъ мнѣ предложеніе нашъ сосѣдъ, помѣщикъ, такой же молоденькій и такой же почти ребенокъ, какимъ была и я. Онъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова и притомъ такъ добръ, нѣженъ, въ немъ было столько симпатичнаго, что, мнѣ казалось, я сама была влюблена въ него. Вы знаете, мы очень не богаты, семья у насъ большая, напротивъ, онъ считался сравнительно богатымъ человѣкомъ. Родители меня охотно за него отдали.

Я помню эти два года, которые мы прожили съ нимъ вмѣстѣ, вдвоемъ, почти безвыѣздно въ его деревнѣ. Я вспоминаю объ этомъ времени, какъ о какомъ-то прелестномъ, радостномъ снѣ, который такъ похожъ и вмѣстѣ не похожъ на дѣйствительную жизнь... Должно быть это время было то, что называется полнымъ счастіемъ. Мы жили какъ будто въ какомъ-то раю, гдѣ все намъ улыбалось, все намъ радовалось, все жило и существовало только для насъ однихъ. Мы не знали не только горя и скуки, но даже не понимали, что значитъ о чемъ нибудь думать и заботиться. Мы жили только сами въ себѣ и другъ въ другѣ. Намъ не было дѣла

ни до людей, ни до кого и ни до чего на свѣтѣ. Разумѣется, это была жизнь счастливыхъ, балованныхъ дѣтей, но жилось такъ хорошо, такъ весело, такъ радостно... Теперь я не понимаю возможности такой жизни, а въ то время намъ не приходило даже въ голову подумать: можетъ ли быть и есть ли какая нибудь иная жизнь. Я не могла бы вамъ разсказать, какъ мы проводили время, что дѣлали, о чемъ говорили, чѣмъ занимались. Но мы были постоянно довольны, постоянно веселы, вотъ какъ эти бабочки, которыя теперь кружатся въ воздухѣ. Мы просыпались съ улыбкой, цѣлый день смѣялись и засыпали опять съ той же улыбкой...

Не знаю, долго ли бы мы наслаждались этимъ блаженствомъ, еслибы не нарушила его вдругъ и неожиданно смерть... Онъ умеръ. Умеръ послѣ весьма непродолжительной болѣзни. Я до тѣхъ поръ не видала смерти, я только слыхала, но никогда не думала о ней. Меня такъ поразила необходимость вѣчной разлуки съ Полемъ, что я сошла съ ума въ ту самую минуту, какъ его хоронили... Родители увезли меня къ себѣ. Я убѣжала отъ нихъ въ домъ Поля. Родители переѣхали туда же, чтобы наблюдать за мной. Разсказываютъ, что я цѣлые дни проводила на могилѣ мужа, что-то такое шептала или разсказывала весело, со смѣхомъ, какъ будто онъ былъ передо мною. Я просиживала бы тамъ и ночи, еслибы меня не уводили домой насильно.

Зачѣмъ-то меня стали повязывать бѣлымъ платкомъ. Деревенскіе ребятишки постоянно провожали меня толпою на кладбище и домой, называя сумасшедшей барынькой. Я скоро съ ними подружилась, играла съ ними, отвѣчала на ихъ смѣхъ и шалости веселымъ хохотомъ.

Между тѣмъ меня лечили. Что со мною дѣлали—не помню, но знаю изъ разсказовъ, что мѣсяцевъ черезъ семь послѣ смерти мужа сумасшествіе прошло и я впала въ уныніе, тосковала и часто плакала о Полѣ. Родители рѣшили отвезти меня въ Москву, гдѣ жилъ старшій братъ мой; надѣялись, что новыя впечатлѣнія и разсѣянная жизнь меня окончательно вылечатъ. Они не ошиблись: я выздоровѣла, но на радость ли? Не лучше ли бы было мнѣ остаться на всю

жизнь сумасшедшей? Мнѣ кажется, я не страдала въ сумасшествіи, мнѣ кажется, напротивъ, я продолжала жить прежнею счастливой жизнью... Правда, я жила до тѣхъ поръ только для себя одной, я должна была, можетъ быть, какъ человѣкъ, жить въ обществѣ и для людей. И я узнала эту жизнь... Но слушайте же, принесла ли я радость хоть кому нибудь? Нужна ли я была людямъ?

Братъ мой былъ холостой человѣкъ, умный, честный, но нѣсколько сухой и эгоистъ. Нужда ли, которую онъ перенесъ до тѣхъ поръ, пока создалъ себѣ приличное положеніе въ обществѣ, то ли, что онъ былъ всѣмъ обязанъ себѣ одному, сдѣлали его такимъ—я не знаю, но онъ видимо любилъ только себя одного, а затѣмъ признавалъ долгъ, во имя котораго и дѣйствовалъ такъ или иначе, но всегда холодно, равнодушно, безъ увлеченій и никогда не измѣнялъ себѣ. Мы съ нимъ не видались съ дѣтства и я почти не помнила его, конечно, и онъ меня также, но онъ встрѣтилъ меня ласково, привѣтливо, хотя и безъ особенной нѣжности. Онъ сказалъ родителямъ, что считаетъ себя обязаннымъ окружить меня всевозможной заботливостью и сдержалъ свое слово; но мы никогда бы не могли подружиться и, проживши у него слишкомъ годъ, я никогда не входила съ нимъ въ интимные разговоры и никогда не любила его, но только уважала и нѣсколько боялась.

Родители пробыли со мною въ Москвѣ нѣсколько недѣль и, полагаясь на брата, оставили меня его попеченію, а сами возвратились въ деревню, куда призывала ихъ и привычка, и хозяйство, которымъ они существовали. Я осталась одна съ братомъ. Чтобы слѣдить за состояніемъ моего здоровья, былъ приглашенъ докторъ, а между тѣмъ мнѣ доставлялись всѣ возможныя развлеченія.

Я въ первый разъ была въ столицѣ и ея громадность, зданія, шумъ, постоянное движеніе очень меня занимали; но всего больше и съ перваго же раза меня увлекъ театръ. Я помню его первое впечатлѣніе. Прежде всего меня поразила въ немъ громадность постройки, множество народа, обиліе свѣта и блеска, какихъ я не видывала; но когда открылся занавѣсъ и я услышала со сцены звуки страсти, выра-

женіе новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ чувствъ, у меня захватило духъ, я забыла все окружающее и превратилась въ слухъ и зрѣніе. Я не помню, какую піесу играли, кто были актеры, хорошо или дурно исполняли свои роли, но я, какъ ребенокъ, то хохотала, то горько плакала и до такой степени искренно и безцеремонно, что братъ меня старался останавливать и даже признавался послѣ, что былъ смущенъ моимъ поведеніемъ и боялся, что я обращу на себя общее вниманіе и даже насмѣшки. Но я совершенно не уясняла себѣ въ то время замѣчаній и совѣтовъ брата и не въ силахъ была даже обратить на нихъ вниманіе: въ головѣ моей поднялись и роились какія-то новыя мысли, сердце было переполнено какими-то смутными ощущеніями. Мнѣ было и весело, и грустно, и тяжело въ одно и то же время. Мнѣ кажется, что только въ эти минуты я окончательно выздоровѣла отъ сумасшествія, покрайней мѣрѣ въ первый разъ, по возвращеніи изъ театра, я думала почти цѣлую ночь—и могу сказать о чемъ.

До сихъ поръ мнѣ было только скучно, тяжело, грустно, но отчего, почему—я не могла сказать. Поль представлялся мнѣ какъ живый, но я никогда не думала о немъ, не провѣряла его словъ и моихъ отношеній къ нему, я просто тупо горевала о человѣкѣ, къ которому привыкла, съ которымъ никогда не думала разстаться и котораго не было со мною. Въ эту ночь, напротивъ, мнѣ какъ-то уяснялся его образъ, я какъ будто поняла, что̀ это былъ за человѣкъ, что̀ я къ нему чувствовала и что̀ въ немъ потеряла. Я припоминала всѣ его фразы, его ласки, наши почти дѣтскія игры, нашъ образъ жизни въ теченіи двухъ лѣтъ, которыя мы съ нимъ прожили; и меня поражало, отчего это Поль никогда ничего не говорилъ мнѣ такого или въ родѣ того, что я слышала въ театрѣ, отчего всѣ его слова были такъ похожи одни на другія, отчего они не возбуждали во мнѣ ничего похожаго на тѣ ощущенія, которыя я перечувствовала въ театрѣ, отчего каждый день нашей жизни съ нимъ такъ похожъ на всѣ другіе, откуда, изъ чего возникаютъ между людьми такія разнообразныя отношенія, которыя я замѣтила сегодня въ первый разъ на сценѣ,

отчего это въ настоящую минуту, еслибъ даже Поль явился передо мной живый, я бы иначе стала выражать ему любовь мою и мнѣ скучно было бы попрежнему бѣгать въ запуски или скакать по стульямъ и столамъ, какъ это, бывало, забавляло насъ по цѣлымъ часамъ? Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Поль не только безпрестанно цѣловалъ меня и носилъ на рукахъ, и чтобы онъ не говорилъ мнѣ только тѣ слова нѣжности, которыя я постоянно отъ него слышала, не называлъ бы меня только душечкой, красоточкой, ангелочкомъ, сокровищемъ; я хотѣла бы, чтобъ онъ сказалъ мнѣ что нибудь другое, болѣе сильное, болѣе выражающее его любовь ко мнѣ. Я хотѣла бы, чтобъ онъ не только говорилъ мнѣ: какъ сегодня тепло—пойдемъ гулять, или какой славный воздухъ—будемъ пить чай въ саду, или какой чудесный морозъ—поѣдемъ кататься и сами будемъ править лошадью, и чтобы онъ не смѣялся такъ весело, когда обгонитъ меня или когда опрокинутся сани и я упаду въ снѣгъ. Зачѣмъ это, отчего намъ всегда было такъ весело, такъ все смѣшно и радостно, отчего это мы всегда только играли и веселились, тогда какъ въ жизни такъ много горя и страданій? да отчего и веселье, и радость у другихъ людей выражаются совсѣмъ не такъ, какъ у насъ? Мы съ нимъ какъ будто бы ничего не желали и не ждали отъ жизни, а другіе, вѣдь, такъ многаго желаютъ и къ чему-то стремятся... И что́ бы было, еслибы я вдругъ потребовала отъ Поля другихъ мыслей, другихъ чувствъ и словъ, и еслибы вдругъ вся та жизнь, которую мы вели, показалась бы мнѣ такою однообразною и даже скучною, какъ кажется теперь? Что́ бы сталъ Поль говорить и дѣлать? Однимъ словомъ, я тогда не уяснила себя, но въ первый разъ почувствовала, а поняла уже впослѣдствіи подъ вліяніемъ другаго человѣка, что еслибы судьба перенесла меня въ какую нибудь иную обстановку, въ другую сферу жизни, съ иными людьми и еслибъ въ душѣ моей возникли какимъ нибудь образомъ новыя потребности, то Поль не могъ бы отвѣчать мнѣ на нихъ и я могла бы разлюбить его или покрайней мѣрѣ скучала бы въ его обществѣ...

Мало-по-малу театръ сдѣлался для меня не только лю-

бимымъ развлеченіемъ, но почти необходимостью, и всякій разъ, какъ братъ предлагалъ мнѣ какое нибудь общественное удовольствіе, я просила его, чтобы онъ ѣхалъ со мною въ театръ. Черезъ него я знакомилась съ жизнью, которою до сихъ поръ не жила, въ немъ я училась и чувствовать, и мыслить—онъ развивалъ меня; не знаю, правильно ли думала я о жизни и людяхъ, но я уже думала и разсуждала.

По мѣрѣ того, какъ я выздоравливала, то есть дѣлалась веселѣе и разговорчивѣе, квартира брата чаще и чаще наполнялась молодыми людьми и товарищами его по службѣ. Это были большею частью все чиновники, люди или очень солидные и серьезные, съ какимъ-то сухимъ, однообразнымъ разговоромъ, или очень бойкіе, развязные и говорливые, но которые также казались мнѣ похожими одни на другихъ и бесѣда которыхъ никогда не увлекала и не занимала меня. Первые говорили все больше о дѣлахъ и иногда очень не смѣшно шутили, хотя сами очень громко хохотали, другіе разсказывали постоянно какія-то новости для меня вовсе не интересныя, какіе-то анекдоты о своихъ знакомыхъ, которыхъ я не знала, говорили и спорили о повѣстяхъ и романахъ, обращаясь въ этомъ случаѣ ко мнѣ, но я въ то время еще ничего почти не читала; заговаривали иногда и о театрѣ—при этомъ разговорѣ я оживала, но не надолго, потому что, мнѣ казалось, они говорятъ совсѣмъ не о томъ, что меня занимало въ сценическомъ произведеніи: они оцѣнивали игру актеровъ, критиковали иногда и самое драматическое произведеніе, а меня занимала самая жизнь, которая была перенесена и изображена на сценѣ... Я не умѣла объяснить своихъ мыслей, да и не хотѣла ихъ высказывать, а потому, просиживая цѣлые вечера въ кругу молодыхъ людей, больше молчала и слушала и почти всегда только утомлялась, не вынося ничего изъ продолжительныхъ разговоровъ. Было нѣсколько человѣкъ, которые видимо любезничали со мною, говорили мнѣ комплименты, старались понравиться, но всѣ они не только не интересовали меня, но даже казались очень скучны и противны.

На этихъ вечеринкахъ сначала изрѣдка, а потомъ чаще и чаще, сталъ появляться докторъ, который лечилъ меня.

Это былъ молодой человѣкъ, очень серьезный и молчаливый, который въ то время начиналъ входить въ славу, но не сдѣлался еще очень дорогъ и потому былъ приглашенъ братомъ тѣмъ болѣе, что они были знакомы еще съ университета. Я не стану вамъ описывать его наружность: скажу одно только, что у него были прекрасные глаза съ какимъ-то мягкимъ, ласкающимъ и въ то же время чрезвычайно грустнымъ выраженіемъ. Сначала я не обращала на него большаго вниманія; онъ пріѣзжалъ каждое утро только на нѣсколько минутъ, и, спросивши о состояніи моего здоровья, давши какой нибудь совѣтъ или, поговоря наединѣ съ братомъ, тотчасъ же уѣзжалъ. Вскорѣ визиты его стали продолжительнѣе и онъ иногда вступалъ со мною въ разговоръ, но въ такой общій и неопредѣленный, что не оставлялъ послѣ себя никакого впечатлѣнія. По вечерамъ, въ обществѣ другихъ молодыхъ людей, онъ большею частью молчалъ и, если вступалъ въ разговоръ, то говорилъ какими-то отрывочными фразами, въ которыхъ иногда было много ума и желчи и которыми, я не разъ замѣчала, онъ иногда сердилъ, иногда смущалъ своихъ собесѣдниковъ; но и это случалось не часто. Обыкновенно онъ сидѣлъ и молчалъ.

Въ эти вечера я нерѣдко замѣчала его глаза, какъ бы прикованные ко мнѣ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ; но всякій разъ, какъ наши глаза встрѣчались: или я спѣшила почему-то уклониться отъ его взглядовъ, или онъ быстро избѣгалъ моего взгляда. Съ нѣкотораго времени онъ сдѣлалался чрезвычайно ласковъ и внимателенъ ко мнѣ, но былъ также не разговорчивъ, какъ и со всѣми.

Однажды, утромъ, онъ пріѣхалъ къ намъ въ то время, когда брата не было дома. Это былъ не обычный часъ его визита.

Для компаніи мнѣ нанята была какая-то бѣдная женщина, которая должна была находиться со мною въ отсутствіе брата и въ то же время занимала у насъ должность экономки. Это была очень не глупая, говорливая и чрезвычайно хвастливая особа, которая постоянно надоѣдала мнѣ расказами о своей жизни: какъ она прежде живала въ бо-

гатствѣ и даже въ роскоши, имѣла свой домъ, лавки (она была изъ купеческаго званія), экипажи, прислугу, какъ потомъ мужъ ея обанкротился и съ горя сошелъ съ ума, какъ она ходила за нимъ сумасшедшимъ цѣлыхъ десять лѣтъ, пока не прожила послѣдней копѣйки и не принуждена была отдать мужа въ сумасшедшій домъ, а сама идти въ экономки и пр., и пр. При этомъ она такъ искусно умѣла перемѣшивать правду съ ложью и хвастовствомъ, что почти каждый день я слышала новыя подробности изъ исторіи ея жизни. Лизавета Савишна (такъ звали ее) была при этомъ чрезвычайно обидчиваго и мстительнаго нрава. Въ ту минуту, какъ пріѣхалъ докторъ, ея тоже не было дома по какому-то случаю: я оставалась одна... Неожиданный пріѣздъ доктора нѣсколько смутилъ меня. Сама не знаю, почему, но я покраснѣла при его появленіи. Подходя ко мнѣ, онъ быстро осмотрѣлъ комнату и, раскланявшись, какъ всегда, сѣлъ около меня.

— А вы одни? спросилъ онъ, какъ будто совершенно неумышленно.

— Да, братъ уѣхалъ, кажется въ присутствіе.

— А ваша... я не знаю, какъ назвать—дульцинея, или femme de compagnie и ея тоже нѣтъ?

— Да, и она ушла куда-то.

— Ну, что же вы подѣлываете?

— Такъ, почти ничего.

— Все еще тоскуете о вашемъ мужѣ? спросилъ онъ пристально, но какъ-то особенно, не по докторски, смотря на меня.

Я не нашлась, или не хотѣла ничего сказать на это и отвѣчала улыбкой.

— А какъ здоровье? спросилъ онъ, беря меня за руку, какъ будто для того, чтобы посмотрѣть пульсъ.

— Ничего особеннаго, сказала я: какъ всегда.

Онъ молча держалъ мою руку и не спускалъ съ меня глазъ, въ которыхъ было то выраженіе, какое я замѣчала нѣсколько разъ и прежде, во время его вечернихъ посѣще-

ній. Мнѣ сдѣлалось неловко. Я хотѣла освободить свою руку,—онъ не отпускалъ и держалъ ее крѣпко.

— Скажите, вы очень любили вашего мужа? вдругъ спросилъ онъ меня.

До сихъ поръ онъ никогда не говорилъ со мною о мужѣ и такимъ тономъ.

— Да, отвѣчала я тихо и чувствовала, что снова краснѣла.

— И любите его даже теперь?

— Мнѣ этотъ разговоръ тяжелъ, докторъ, сказала я съ упрекомъ.

— Мнѣ нужно было предложить вамъ этотъ вопросъ... какъ доктору... и какъ человѣку, прибавилъ онъ глухимъ и не твердымъ голосомъ.

Я снова сдѣлала движеніе, чтобы освободить свою руку. Онъ опустилъ ее съ подавленнымъ вздохомъ.

— Послушайте, что я вамъ скажу, проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, увѣрены ли вы, что были бы счастливы, еслибъ вашъ мужъ оставался живъ до сихъ поръ?

Я съ невольнымъ любопытствомъ взглянула на него.

— Почемъ вы знаете, продолжалъ онъ, что онъ не разлюбилъ бы васъ... или что вы не разочаровались бы въ немъ?

Эти слова были опредѣленнымъ выраженіемъ того, что я сама смутно думала. У меня какъ-то странно вздрогнуло сердце. Я молчала.

— Вы такъ мало знали жизнь, такъ мало видѣли людей и были такъ молоды, что въ то время мужъ, какой бы онъ ни былъ, а особенно красивый и добрый, молодой человѣкъ, могъ казаться вамъ божествомъ. А почемъ вы знаете, что еслибъ вы узнали жизнь и людей, хоть даже такъ, какъ теперь, то вы не охладѣли бы къ нему?...

— Я не думаю. Это невозможно, проговорила я, чтобы сказать что нибудь и чтобы скрыть страшное волненіе, которое вдругъ овладѣло мною.

— Невозможно... Напротивъ, это такъ должно было быть.

Такія натуры, какъ ваша, не удовлетворяются тѣмъ мелкимъ счастіемъ, какимъ вы наслаждались. Для васъ нужно нѣчто болѣе.

— Что же? невольно спросила я его.

— Любовь полная, со всѣми ея страданіями и радостями, любовь человѣка развитаго и умѣющаго отвѣчать на всѣ вопросы вашего сердца и ващего ума. Вашъ мужъ, сколько я знаю, не могъ бы никогда дать вамъ такой любви.

— Почемъ вы знаете? спросила я его. Кровь во мнѣ кипѣла, я горѣла какъ въ горячкѣ.

— Вотъ этотъ румянецъ — признакъ настоящей жизни, проговорилъ онъ, смотря на меня восторженными глазами, и какое было бы счастье, еслибъ эта жизнь, пробужденная мною, и принадлежала мнѣ.

Онъ смѣло взялъ и поцѣловалъ мою руку. Я вздрогнула всѣмъ тѣломъ и вырвала руку. Я не была сердита на него за дерзость, но мнѣ было досадно на самую себя... За что? не умѣю вамъ объяснить. Онъ, вѣроятно, отнесъ это выраженіе досады на свой счетъ и сказалъ:

— Не сердитесь на меня, вы первая паціентка, у которой вмѣстѣ съ тѣломъ, я хотѣлъ бы излечить и душу. Мнѣ показалось, что вы совсѣмъ выздоровѣли, до сихъ поръ я никогда не видалъ такого румянца на вашихъ щекахъ, и если я неосторожно и дерзко выразилъ свою радость, — простите меня. Я говорилъ съ вами, какъ докторъ, и думалъ, вы не прогнѣваетесь на меня, что я такъ искренно выразилъ свою радость.

Я взглянула на него. Лицо его было печально.

— Нѣтъ, я не сержусь, проговорила я торопливо.

— Благодарю васъ и за это. Ожидать большаго счастія я не долженъ и не имѣю права... Буду радоваться покрайней мѣрѣ тому, что не заслужилъ презрѣнія за излишнюю любовь къ вамъ.

Онъ горько улыбнулся. Мнѣ сдѣлалось тяжело и грустно. Я готова была заплакать, не умѣя и не находя силъ сказать, что чувствовала. Мнѣ кажется, онъ читалъ на моемъ

лицѣ каждое движеніе моего сердца. Въ его глазахъ блеснула радость. Онъ опять взялъ мою руку и хотѣлъ что-то говорить, когда въ одной изъ дальнихъ комнатъ послышался голосъ и шаги Лизаветы Савишны. Чувство досады мгновенно пробѣжало по его лицу, онъ быстро оставилъ мою руку и сталъ ходить по гостиной.

— Если вы не сердитесь на меня, то не забудьте, что вы дороже для меня всего на свѣтѣ, проговорилъ онъ быстро.

Вошла Лизавета Савишна.

— Вы дурно исполняете ваши обязанности, сказалъ докторъ, обращаясь къ ней, какъ бы съ шуткою. Оставляете Варвару Михайловну одну, а у ней лихорадочное состояніе. Я пожалуюсь на васъ Андрею Михайловичу. Вѣроятно она безъ васъ раздумалась, растосковалась и чувствуетъ себя не хорошо. Вамъ нужно читать, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, это васъ будетъ развлекать. Я вамъ привезу книгъ.

Онъ простился со мною повидимому, равнодушно, какъ всегда, но уходя успѣлъ взглянуть на меня такъ выразительно, что я долго не могла забыть этого взгляда, въ которомъ выразилось такъ много и любви, и какой-то необъяснимой грусти.

Весь этотъ день послѣ отъѣзда доктора я была въ новомъ, неиспытанномъ мною расположеніи духа: мнѣ было и весело, и грустно, сердце ускоренно билось и замирало, голова была какъ будто въ какомъ-то чаду. Я не могла опредѣленно мыслить, но слова его не выходили изъ моей памяти. Неужели я въ самомъ дѣлѣ могла бы разлюбить Поля, неужели чувства мои къ нему не были настоящая любовь, неужели та жизнь, которую я вела съ нимъ, еще не настоящее счастіе? На всѣ эти вопросы я не смѣла еще дать себѣ рѣшительный отвѣтъ, но, мнѣ кажется, они уже съ той минуты были рѣшены въ моемъ сердцѣ.

На другой день докторъ привезъ мнѣ нѣсколько романовъ Жоржъ Занда. Онъ говорилъ съ братомъ о необходимости для меня читать книги, говорилъ объ этомъ сначала вслухъ, при мнѣ, потомъ увелъ брата въ другую комнату и они что-то толковали вдвоемъ. Я невольно прислушива-

лась къ ихъ разговору и до меня долетали слова доктора: я нарочно выбралъ этого автора; онъ лучше всѣхъ извѣстныхъ мнѣ писателей знаетъ женское сердце и скорѣе всѣхъ понимается женщиною. Онъ возбудитъ въ ней дѣятельность ума и всѣ женскіе инстинкты. А вся задача леченія должна состоять, по моему мнѣнію, въ возбужденіи всего ея нравственнаго организма.

— Все это такъ, возражалъ братъ, но я боюсь одного, чтобы этотъ писатель не экзальтировалъ ее.

— Нужды нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, пусть даже она экзальтируется. Въ ея состояніи экзальтація будетъ переломомъ болѣзни къ лучшему. Здравый смыслъ впослѣдствіи вылечитъ ее окончательно.

Когда они снова пришли ко мнѣ, я видѣла, что братъ совершенно согласился съ мнѣніемъ доктора. Послѣдній держалъ себя въ этотъ визитъ какъ обыкновенно и даже былъ, кажется, серьезнѣе, нежели всегда. Уходя, онъ снова повторилъ свой совѣтъ, чтобы я читала, и обѣщалъ пріѣхать когда нибудь, чтобы потолковать о прочитанномъ.

Я принялась за чтеніе съ жадностью. Я переживала жизнь каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ романа. Снова я находила новыя ощущенія, желанія, страсти, съ которыми не была знакома. Мнѣ казалось страннымъ, что я не встрѣчала въ герояхъ романовъ ничего похожаго на Поля, но черты доктора, мнѣ казалось, я узнавала во многихъ; то, что я чувствовала наканунѣ, тоже какъ будто было похоже на нѣкоторыя ощущенія, передаваемыя Жоржъ Зондомъ въ нѣкоторыхъ лицахъ. Я невольно задала себѣ вопросъ: неужели я могла бы любить доктора и неужели любовь моя къ нему могла бы быть похожа на тѣ чувства, которыя такъ великолѣпно воспроизводилъ романистъ? Сравненіе себя и доктора съ описываемыми лицами придавало особенный интересъ чтенію. Между тѣмъ онъ продолжалъ дѣлать свои обычные визиты. Иногда мы говорили съ нимъ о томъ, что я читала. Случалось, онъ пріѣзжалъ безъ брата, но держалъ себя со мною чрезвычайно осторожно, былъ постоянно грустенъ, но никогда въ его словахъ не было и тѣни похожаго

на нашъ первый продолжительный разговоръ, который я вамъ передала, только глаза его часто смотрѣли на меня какъ-то особенно и я невольно при этомъ краснѣла и смущалась. Не знаю, какъ и когда, но я убѣдилась въ душѣ, что люблю его: въ его присутствіи я чувствовала какое-то радостное довольство и спокойствіе; когда онъ уѣзжалъ, мнѣ становилось грустно. Но любитъ ли онъ меня или покрайней мѣрѣ могъ ли бы любить? Мнѣ казался онъ такъ недоступно уменъ и возвышенъ надо мною, что любовь его ко мнѣ представлялась невозможною—и эта мысль мучила меня. Предчувствіе брата сбывалось: я начинала экзальтироваться; въ сердцѣ моемъ проснулась жгучая потребность любви. Часто я проплакивала цѣлыя ночи отъ мысли, что я не стою его любви, что я такъ проста, глупа, что во мнѣ онъ, можетъ быть, не признаетъ даже и способности сильно любить. Но что же значилъ тотъ разговоръ? Онъ просто, какъ докторъ, радовался моему выздоровленію и приласкалъ меня, какъ ребенка, а говорилъ все это для того, чтобы отвлечь мои мысли отъ Поля. И, хоть мнѣ стыдно, но я вамъ признаюсь, я совсѣмъ почти перестала вспоминать о мужѣ, а когда онъ приходилъ мнѣ на память, то я ставила его нравственно, кажется, гораздо ниже того, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ мнѣ казался только добрымъ, милымъ, но не далекимъ мальчикомъ.

Не знаю почему, брату вздумалось однажды предложить мнѣ сдѣлать нѣсколько знакомствъ съ семейными домами, въ которыхъ онъ былъ принятъ. До тѣхъ поръ я никуда не выѣзжала и кромѣ Лизаветы Савишны не видала женщинъ у себя въ домѣ.

— Да къ кому же и зачѣмъ я поѣду, отвѣчала я, вѣдь надобно знакомиться съ новыми лицами, привыкать къ новому обществу, а мнѣ это такъ трудно. Я отвыкла отъ женскаго общества и, мнѣ кажется, надо мной будутъ смѣяться.

— Ну, это вздоръ, что станутъ смѣяться. А я именно боюсь, что ты совсѣмъ одичаешь... Я бы свозилъ тебя сначала въ два, три коротко знакомыхъ мнѣ дома, гдѣ, надѣюсь, тебя приняли бы какъ родную.

Братъ назвалъ нѣсколько фамилій.

— И вотъ къ нашему доктору, прибавилъ онъ.

— Какъ, развѣ докторъ женатъ? спросила я вздрогнувъ, какъ будто чего испугалась.

Не знаю, замѣтилъ ли братъ это движеніе, но отвѣчалъ очень спокойно.

— Да, онъ женатъ ужъ давно, лѣтъ пять или шесть. Онъ славную сдѣлалъ партію, у жены его прекрасное состояніе, а главное—большое родство, что доставило ему возможность пріобрѣсти значительную практику. Да онъ и стоитъ этого. Никто не рѣшится ему позавидовать. Онъ чрезвычайно уменъ, образованъ и съ громадными знаніями въ своей наукѣ, и отличный семьянинъ.

Я едва въ силахъ была сидѣть на мѣстѣ и смотрѣть на брата, слушая эти слова. Сердце мое рвалось на части отъ страшной боли.

— Что съ тобой? спросилъ братъ.

— Ничего, отвѣчала я, стараясь говорить спокойно.

— Ты блѣдна какъ смерть. Что ты, опять нездорова?

Я что-то такое отвѣтила ему, прося не обращать на это вниманія; кажется, сказала, что со мною часто случается сердцебіеніе.

— Ты бы посовѣтовалась съ докторомъ. Это не хорошо. Объ этомъ нужно сказать ему.

— Я попрошу, чтобы онъ прописалъ мнѣ что нибудь.

— Да, пожалуйста, ты не пренебрегай этимъ.

Я была рада, что братъ скоро ушелъ послѣ этого разговора. Въ первый разъ я узнала тогда муки ревности. Вся моя смутная надежда на возможность его любви ко мнѣ разлеталась какъ дымъ. Мнѣ было страшно тяжело; но, кажется, любовь моя къ нему еще усиливалась. Со страхомъ и нервнымъ нетерпѣніемъ ожидала я его пріѣзда, считая часы и минуты.

Онъ пріѣхалъ такой же, какъ всегда, ласковый, серьезный и грустный. Въ первый разъ еще, съ извѣстнаго времени, его присутствіе не принесло мнѣ той радости, какую я испытывала прежде. Напротивъ, при взглядѣ на него я

едва въ силахъ была удержать слезы, которыя душили меня. Братъ не забылъ разсказать о моей внезапной блѣдности и просилъ доктора обратить на этотъ пароксизмъ особенное вниманіе. Онъ пристально, молча, поглядѣлъ на меня. Этотъ взглядъ опять взволновалъ во мнѣ всю кровь. Я вспыхнула и слезы навернулись на глазахъ. Одно его слово, одинъ вопросъ—и я зарыдала бы. Но онъ опустилъ глаза, молча взялъ меня за пульсъ и потомъ проговорилъ очень спокойно, обращаясь къ брату: нѣтъ ничего особеннаго, это что нибудь нервное.

Затѣмъ онъ тотчасъ же уѣхалъ.

На слѣдующій день въ обычный часъ онъ не пріѣхалъ. Я сидѣла одна. Лизаветы Савишны тоже не было. Я старалась анализировать свое чувство и убѣдить себя въ необходимости разлюбить его въ ту самую минуту, какъ онъ вошелъ совершенно неожиданно. Я вскрикнула, увидя его, и поблѣднѣла.

— Вы не ждали меня, сказалъ онъ, садясь около меня, но я нарочно пріѣхалъ въ это время, чтобы застать васъ одну и наединѣ распросить о томъ, что съ вами дѣлается. Что вы чувствуете? объясните мнѣ, какъ доктору или какъ другу, если позволите.

— Ничего.

— А, вы не хотите быть откровенны со мною. Я не заслужилъ этого. Я понимаю теперь по крайней мѣрѣ, что это не такая болѣзнь, которую могъ бы лечить докторъ... А на то, чтобы проникать въ тайны вашего сердца, разумѣется, я не имѣю никакого права, потому что, какъ бы велика ни была симпатія или даже любовь моя къ вамъ, она не даетъ права на откровенность, если вы не отвѣчаете на нее.

Я не умѣю вамъ объяснить, но вы, можетъ быть, поймете и объясните сами, почему, вмѣсто отвѣта, на его слова, я сказала ему:

— Мнѣ на дняхъ братъ предлагалъ познакомиться съ вашей супругой.

Я смотрѣла на него пристально. Глаза его при моихъ

словахъ какъ-то особенно блеснули, но точасъ же приняли свое обычное прежнее выраженіе, лицо же оставалось совершенно покойно.

— Конечно, жена моя почтетъ за особенное удовольствіе познакомиться съ вами, отвѣчалъ онъ. А вы не знали, что я женатъ?

— Нѣтъ, не знала до разговора съ братомъ.

— Что же, васъ удивило это?

— Чему жъ тутъ удивляться?

— Да, конечно, нужно удивляться не тому, что я женатъ, а тому, что женатый человѣкъ осмѣлился надѣяться на возможность для него счастья въ жизни, что онъ можетъ еще хотѣть жить и любить, что не всѣ требованія его сердца удовлетворены или задавлены, что въ груди его еще бьется сердце, а не механическій препаратъ для кровообращенія. Послушайте, не правда ли, вѣдь вамъ было бы смѣшно и гадко выслушать отъ женатаго человѣка признаніе, что онъ любитъ васъ. Вы вѣдь насмѣялись бы надъ нимъ, стали бы упрекать его въ безнравственности, были бы убѣждены, что онъ лжетъ, сказали бы ему, что онъ не имѣетъ права любить никого, кромѣ жены своей. Не правда ли, вѣдь вы такъ бы отвѣчали на его признаніе?

Онъ остановился и смотрѣлъ на меня, ожидая отвѣта. Въ голосѣ его было слышно раздраженіе, глаза выражали упрекъ.

— Неужели онъ меня любитъ? Неужели онъ намекаетъ на себя? думала я, слушая его слова.

— Что же вы не отвѣчаете? продолжалъ онъ. Впрочемъ, что же я спрашиваю васъ? Вы не знали иной любви, кромѣ слѣпаго обожанія своего мужа, вы, можетъ быть, даже не допускаете никакихъ движеній сердца, кромѣ тѣхъ, которыя приняты и дозволены, вы думаете, что еслибъ прожили со своимъ мужемъ десятки лѣтъ, то никогда бы, никогда не представили себѣ даже возможности иного счастія, иного чувства.

— Я уже не думаю этого, сорвалось у меня съ языка.

— Какъ, вы уже не думаете этого, вскричалъ онъ ра-

достно, хватая меня за руку. О, такъ вы поймете меня. Слушайте же: я сдѣлалъ въ жизни только одну подлость: женился безъ любви, прельстившись богатствомъ. И за это страшно наказанъ: мнѣ жизнь въ тягость. Я понимаю обязанности женатаго человѣка, но онѣ тяготятъ меня не поддерживаемыя и не освящаемыя любовью. Мнѣ было тяжело и грустно жить до сихъ поръ. Я чувствовалъ себя рабомъ на всю жизнь. Положеніе, которое дало мнѣ хорошее состояніе жены, не вознаграждаетъ и не утѣшаетъ меня за ту неволю, въ которую я попалъ. До сихъ поръ мнѣ было только тяжело и грустно жить на свѣтѣ. Но теперь... теперь, эта жизнь стала невыносима, потому что я люблю васъ всѣми силами моей души. Неужели вы этого не видѣли и не догадывались? Былъ одинъ день, когда я чуть, чуть не высказалъ вамъ всего, что лежало на душѣ, но тогда мнѣ помѣшали. Я думалъ, хотѣлъ побѣдить себя, хотѣлъ скрыть отъ васъ это чувство, еслибъ не въ силахъ былъ его уничтожить въ душѣ... И вотъ опять не выдержалъ. Ну, осмѣивайте меня теперь, разсказывайте всѣмъ и каждому, что вашъ докторъ, солидный, счастливый семьянинъ сдѣлался ловеласомъ и расточаетъ любезности, дѣлаетъ признанія въ любви своимъ паціенткамъ. Ну, что же, вознаградите меня такъ, какъ я этого заслуживаю, я, человѣкъ, измѣнившій своему долгу, позволившій себѣ любить васъ.

Я вся дрожала, слушая его. Богъ знаетъ, что дѣлалось со мною. Не помню, что я ему отвѣчала, не могу разсказать вамъ, какъ это случилось, но я была въ его объятіяхъ: онъ цѣловалъ меня съ какой-то бѣшеной страстью; я не только не противилась, но и отвѣчала на его ласки. Я любила его.

Я не стану вамъ разсказывать подробностей нашихъ дальнѣйшихъ свиданій, да и не могла бы разсказать, еслибъ и хотѣла. Кончилось тѣмъ, что я отдалась ему совершенно. Я перехожу прямо къ самому мучительному для меня воспоминанію. Я не стану говорить подробно о немногихъ дняхъ моего полнаго счастія. Мы видались наединѣ сколько возможно часто. Онъ былъ постоянно восторженно ласковъ со мною, веселъ и разговорчивъ, выраженіе грусти въ глазахъ его пропадало, онъ казался такимъ счастливымъ. А я,

это мало сказать, что я любила его, моя любовь перешла въ какое-то обожаніе: я готова была молиться на него, я смотрѣла на него, какъ на божество. Онъ никогда не говорилъ со мною ни слова о своей женѣ; я даже забывала, что онъ женатъ и если мнѣ иногда и приходила въ голову мысль о женѣ его, то я тотчасъ же прогоняла отъ себя эту мысль и что-то такое, какое-то особенное чувство, котораго я вамъ не умѣю ни назвать, ни опредѣлить, не позволило бы мнѣ выговорить съ нимъ ни одного слова о ней. Я не ревновала его къ женѣ, я чувствовала, что онъ не любитъ ее, я не стыдилась того, что люблю женатаго, но мнѣ хотѣлось бы не знать, не слышать о томъ, что есть женщина, которая называется его женою. Даже оставаясь часто одна, сама съ собою, и думая объ немъ, я представляла себѣ только его одного и никогда вмѣстѣ съ тою женщиною, съ которою онъ былъ связанъ и которой принадлежалъ въ глазахъ всѣхъ людей.

Встрѣчаясь съ нимъ при братѣ или при посторонних, мы держали себя очень далеко другъ отъ друга, какъ совершенно чужіе, и были вполнѣ увѣрены, что о нашей связи никто не знаетъ и даже не догадывается. Въ такой жизни прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Родители, получая извѣстія о моемъ выздоровленіи, нѣсколько разъ предлагали мнѣ пріѣзжать къ нимъ, чтобы и жить съ ними, но, разумѣется, я не могла и подумать объ этомъ безъ ужаса и отказывалась подъ разными предлогами. Братъ не тяготился моимъ присутствіемъ и даже былъ, кажется, доволенъ, что я жила у него, потому что я приняла въ свои руки все его холостое хозяйство и умѣла угождать ему. Лизавета Савишна, которая мѣшала нашимъ свиданіямъ съ докторомъ, была удалена по моему предложенію, какъ совершенно лишній человѣкъ въ домѣ. Братъ, человѣкъ довольно расчетливый, охотно на это согласился тѣмъ болѣе, что я приняла на себя почти всѣ ея обязанности. Я была чрезвычайно довольна своею новою жизнью и не хотѣла ничего, кромѣ возможности чаще видѣть моего Пьера. Я еще не говорила вамъ, что это было его имя. Но братъ почему-то желалъ сдѣлать свой домъ доступнымъ для его семейныхъ знакомствъ и нѣсколько

разъ упорно настаивалъ, чтобы я сдѣлала съ нимъ нѣсколько визитовъ въ знакомые ему семейные дома и въ томъ числѣ къ доктору. Я должна была уступить его желанію, но мнѣ предстояло встрѣтиться съ женою Пьера, это страшно пугало меня; ѣхать же къ другимъ и отказаться отъ визита къ доктору было не ловко.

Я нашла время передать объ этомъ желаніи брата Пьеру. Онъ нахмурился и нѣсколько минутъ молчалъ, соображая что-то.

— Мнѣ самому не хотѣлось бы этого знакомства, сказалъ онъ наконецъ. Но что же дѣлать. Поѣзжай, только будь, пожалуйста, какъ можно осторожнѣе въ ея присутствіи. Она очень ревнива и подозрительна.

Послѣ этого разговора онъ въ первый разъ наединѣ со мною былъ молчаливъ и грустенъ почти попрежнему. Никакія ласки мои не могли сдѣлать его веселымъ.

— Послушай, если ты не хочешь, я откажусь на-отрѣзъ отъ всякихъ знакомствъ, хоть и дала почти слово брату.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не ловко. Нѣтъ, пріѣзжай!

Онъ тяжело вздохнулъ. У меня не стало духа распросить его объ его семейной жизни, самъ онъ ничего не говорилъ болѣе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы съ братомъ пріѣхали къ доктору. Я встрѣтила его жену съ невольнымъ смущеніемъ. Это была женщина некрасивая но и не безобразная, нѣсколько смуглая, съ черными, блестящими глазами. Манеры ея показались мнѣ нѣсколько рѣзки, а въ голосѣ что-то повелительное, какъ будто отъ привычки приказывать. Вся ея фигура выражала здоровье и силу, но въ то же время въ ея взглядѣ, въ выраженіи ея лица, въ самомъ звукѣ голоса отражалось внутреннее недовольство и раздражительность. Она приняла меня любезно, но не особенно ласково. Мнѣ показалось, что она пронизываетъ меня своимъ взглядомъ. Я чувствовала себя не ловко и не смѣла взглянуть на Пьера, но при каждомъ словѣ его, которое доходило до моего слуха у меня болѣзненно сжималось сердце. Пьеръ разговаривалъ съ братомъ, не обращая на меня

никакого вниманія, но я чувствовала, что ему также не ловко, какъ и мнѣ, онъ даже видимо покушался увести брата въ другую комнату, предлагая идти курить въ его кабинетъ; но братъ отказался и онъ долженъ былъ остаться. Среди разговора со мною, жена вдругъ обратилась къ Пьеру съ какимъ то вопросомъ. Я мелькомъ взглянула на него: онъ былъ таковъ, какимъ я его узнала—тотъ же ласковый и грустный взглядъ, только брови его были какъ-то сосредоточенно сдвинуты, и на лицѣ его, которое я уже такъ хорошо знала и понимала, выражалась внутренняя тревога: онъ видимо желалъ скрыть ее подъ ласковой улыбкой, съ которою выслушивалъ и отвѣчалъ своей женѣ, и которая такъ не шла къ его сдвинутымъ бровямъ. Съ него мои глаза невольно обратились на его жену и, женскимъ инстинктомъ, по ея взгляду, по голосу, которымъ она говорила съ нимъ, я угадала, что она страстно любитъ своего мужа. Мнѣ сдѣлалось ужасно тяжело и я была рада, когда этотъ визитъ кончился и мы разстались съ докторшей. Дорогой, братъ спрашивалъ, понравилась ли мнѣ жена доктора, хвалилъ ее за умъ, за образъ мыслей, за то, что она умѣла такъ привязать къ себѣ мужа, разсказывалъ, что онъ слыветъ отличнымъ семьяниномъ; хвалилъ и его за то, что онъ не облѣнился, получивши хорошее состояніе, что не бросилъ практику.

— Другой бы, говорилъ братъ, и жилъ себѣ припѣваючи около жены, окруженный полнымъ довольствомъ, и не захотѣлъ бы шагу сдѣлать изъ дома для какого нибудь труда. А онъ почти покою не имѣетъ, слава его растетъ и онъ у всѣхъ, какъ говорится, на расхватъ, такъ что ему почти не удается десяти часовъ въ сутки быть дома.

Я объясняла себѣ трудовую жизнь Пьера изъ другаго источника: мнѣ думалось, что онъ держится за практику, какъ за единственное средство освобождаться отъ тяжелаго для него присутствія нелюбимой жены.

Можетъ быть вамъ покажется страннымъ, но ни послѣ перваго моего визита, ни послѣ новыхъ моихъ встрѣчъ съ докторшей, у меня и въ ея домѣ, мы никогда ни слова не

говорили о ней съ Пьеромъ, какъ будто ея вовсе не было на свѣтѣ.

Такъ прошло нѣсколько времени. Я почувствовала себя матерью и сказала объ этомъ Пьеру. Мы стали думать о будущемъ. Оставаться въ домѣ брата было невозможно, онъ не былъ настолько великодушенъ, чтобы простить меня и принять подъ свою защиту; ѣхать въ деревню я не могла, потому что не въ силахъ была разстаться съ Пьеромъ и боялась огорчить моихъ стариковъ родителей. Рѣшено было, что черезъ нѣсколько времени я ѣду въ Петербургъ, куда обѣщалъ вслѣдъ за мной пріѣхать и Пьеръ.

Однажды мы сидѣли вдвоемъ и разсуждали о моемъ отъѣздѣ. Голова моя лежала у него на плечѣ, онъ обвилъ меня своими руками. Мнѣ было грустно. Пьеръ успокоивалъ меня и увѣрялъ въ своей любви. Вдругъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и передъ нами стояла жена Пьера. Въ одно мгновеніе мы оба вскочили на ноги, но я тотчасъ же опять опустилась на диванъ, потому что не въ силахъ была стоять. Жена Пьера была страшна въ эту минуту: большіе черные глаза ея сверкали злобой и казались еще больше, на щекахъ выступили багровыя пятна, а губы были почти синія. Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— А, такъ вотъ ты гдѣ, вотъ ты съ кѣмъ, говорила она дрожащимъ отъ ярости голосомъ. Вотъ ты, вѣрный супругъ, чѣмъ занимаешься. Ты думалъ, я не найду тебя. Вотъ какая практика у знаменитаго доктора, которая заставляетъ его на цѣлые дни покидать жену. Безсовѣстный, гнусный человѣкъ.

Тутъ посыпался такой градъ неистовой брани и упрековъ, какихъ я не слыхивала въ устахъ порядочной женщины. По мѣрѣ того, какъ она бранилась, бѣшенство все больше и больше овладѣвало ею, на губахъ показалась пѣна. Я невольно взглянула на Пьера. Онъ стоялъ блѣдный, со стиснутыми губами, молча и опустя голову. Этотъ взглядъ она изловила и какъ фурія бросилась на меня съ какими-то дикими несвязными фразами... И.. не смотрите на меня: мнѣ и страшно, и стыдно разсказывать. Прежде, чѣмъ я успѣла

вскрикнуть, она схватила меня за волосы, рвала ихъ, била меня. Я закричала и потомъ помню, какъ будто видѣла во снѣ, Пьеръ схватилъ ее за руки, между ними началась борьба и они оба скрылись.

Мнѣ тяжело останавливаться долго на этомъ случаѣ. Я уже много выстрадала послѣ того, моя чувствительность притупилась, но и теперь не могу безъ ужаса и тоски вспоминать этотъ случай. А тогда я оставалась одна и сидѣла какъ полуумная. Долго я не могла вполнѣ сознать того позора и униженія, которое перенесла. Но когда я совершенно пришла въ себя, со мною сдѣлался припадокъ бѣшенства: я металась по комнатѣ, рыдала, рвала ва себѣ волосы, ломала руки. Я чувствовала такую злость и такую нервную силу въ себѣ, что еслибы эта женщина въ эту минуту явилась передо мной, мнѣ кажется, я съ наслажденіемъ убила бы ее своими руками. Но, признаться ли вамъ? Въ эти минуты я страдала не отъ чувства перенесеннаго мною униженія и оскорбленія, я объ этомъ почти не думала, но отъ мысли, что Пьеръ принадлежитъ такой женщинѣ и что теперь онъ можетъ возненавидѣть меня, опозоренную въ его присутствіи, въ его глазахъ. Эта послѣдняя мысль убивала меня.

До сихъ поръ я не знаю, какимъ образомъ жена Пьера открыла нашу связь. Вѣроятнѣе всего предполагать, что виновницей всего этого была Лизавета Савишна, которая сердилась на меня за удаленіе изъ дома брата, и которая скорѣе всѣхъ могла догадаться и замѣтить мои отношенія къ Пьеру. Люди наши, конечно, были подкуплены докторшей, потому что въ домѣ не было ни одного человѣка изъ прислуги, когда она прошла черезъ заднее крыльцо. Но для меня всего удивительнѣе, какимъ чудомъ братъ остался въ совершенномъ невѣдніи о всемъ случившемся.

Когда я на другой день послѣ ужасной ночи, проведенной въ мучительныхъ нравственныхъ страданіяхъ, сдѣлалась больна и не могла встать съ постели, братъ тотчасъ же послалъ за Пьеромъ; но посланный привезъ отвѣтъ, что докторъ не можетъ быть, потому-что нездоровъ. Это извѣ-

стіе придало мнѣ новыя силы. Онъ сдѣлался боленъ, онъ страдаетъ за меня и около него ненавистная ему женщина! Я покрайней мѣрѣ одна, сама съ собою, а передъ нимъ постоянный упрекъ, въ лицѣ жены его, которая опозорила его любовь... И во всѣхъ этихъ страданіяхъ его я винова-та... Можетъ быть онъ теперь думаетъ обо мнѣ, зоветъ меня, простираетъ ко мнѣ руки... И вмѣсто меня, около него эта ненавистная женщина, которая каждую минуту грызетъ, укоряетъ его или окружаетъ заботами, ласкою, что еще хуже, еще не выносимѣе... Пьеръ, Пьеръ, чѣмъ бы я не пожертвовала, чтобы въ настоящую минуту быть при немъ или хоть бы взглянуть на него... Съ такими мысля-ми я встала съ постели и рѣшительно объявила брату, что не нуждалась въ докторской помощи, что со мною была ми-нутная слабость, которая и прошла, что я теперь совершен-но здорова... Но должно быть глаза и лицо мое говорило совсѣмъ другое, потому что братъ настоятельно убѣждалъ меня обратиться къ доктору и былъ удивленъ моимъ упор-нымъ отказомъ. И въ самомъ дѣлѣ я была въ горяченномъ состояніи и бродила по комнатамъ, какъ лунатикъ, ничего не видя, не слыша, ни съ кѣмъ не говоря... Такъ прошло два мучительныхъ дня, я ничего не знала о Пьерѣ; нако-нецъ на третій день въ тотъ часъ, когда братъ обыкновен-но былъ на службѣ, меня вызвалъ какой-то незнакомый, на-звавшійся чьимъ-то слугою и подалъ мнѣ книгу: въ ней я нашла записку отъ Пьера. Онъ умолялъ меня, если я здо-рова, пріѣхать въ домъ, куда привезетъ меня карета, которую будетъ сопровождать человѣкъ, подавшій мнѣ эту записку. Тамъ я найду его, а карета будетъ ожидать меня на углу нашей улицы. Быть у тебя въ домѣ, я не могу. писалъ онъ. За мною слѣдятъ сто глазъ. Разумѣется, въ назначенный часъ я была тамъ... Увидя его, я бросилась къ нему на шею, какъ безумная, и рыдала на его рукакъ, какъ ребе-нокъ. Онъ тоже былъ похожъ на сумашедшаго: плакалъ, цѣловалъ мои руки, ноги, бросался предо мною на колѣна, просилъ прощенія, умолялъ не презирать его... говорилъ какія-то несвязныя рѣчи, которыхъ я не могла понять.

— Неужели ты все еще любишь меня, спросила я его,

неужели я не ненавистна тебѣ и теперь, оскорбленная, прибитая руками твоей жены?..

— Не говори, не говори, вскричалъ онъ съ болѣзненнымъ стономъ, закрывая лицо руками, не поминай объ этомъ, не добивай меня окончательно... Я истерзанъ, измученъ, я ненавижу себя, я въ состояніи убить себя, если ты будешь напоминать мнѣ, говорить объ этомъ случаѣ... О, какъ я безсиленъ, какъ я подлъ, какъ я низокъ... говорилъ онъ, рыдая и скрывая лицо свое на моихъ колѣняхъ. Ты должна презирать, ненавидѣть меня... Но прости меня, не отталкивай хоть за мою любовь къ тебѣ... Какъ я люблю тебя... Господи, Господи! Чего мнѣ стоили эти два дня... О, не говори, не говори объ этомъ, умоляю тебя...

Я не понимала тогда за что онъ себя упрекаетъ, но видѣла, чувствовала какъ онъ страдалъ при этихъ словахъ и не хотѣла спросить его.

— Что же мы станемъ теперь дѣлать? сказала я, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Ты должна уѣхать отъ брата, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Скажи ему, что уѣзжаешь домой, въ деревню, и вмѣсто того поѣзжай въ Петербургъ. Черезъ недѣлю, черезъ двѣ, черезъ мѣсяцъ, однимъ словомъ, какъ только будетъ возможно, я и самъ пріѣду туда...

— Я поѣду, отвѣчала я, но какъ же я перенесу эту продолжительную и неопредѣленную разлуку съ тобой?..

— Но что же мнѣ дѣлать? Неужели ты думаешь, что эта разлука будетъ для меня легка. Я и теперь уже, говоря только о ней, предчувствую будущія страданія. Но, ангелъ мой, какъ же быть, что дѣлать? Помоги мнѣ своимъ мужествомъ, своей любовью... Я предлагалъ *ей* даже разойтись со мною. Она отвѣчала мнѣ, что пока жива, она на шагъ не отойдетъ отъ меня, что если я только приму намѣреніе бросить ее, она ославитъ сама по всему городу и меня, и тебя, будетъ разсказывать каждому встрѣчному о нашей связи съ тобой и все-таки не оставитъ меня. И она это сдѣлаетъ. Я слабъ, безсиленъ передъ ней, какъ ребенокъ.

Я ненавижу, презираю ее и все-таки живу съ ней... и совершенно подчиненъ ея волѣ. Сбросить съ себя эти оковы я не могу, не въ силахъ... Я долженъ бороться съ нею, съ людьми, съ общественнымъ мнѣніемъ, съ собственной совѣстью. Мнѣ не выдержать этой борьбы. Не презирай же меня. Я невольно сказалъ больше, нежели желалъ. Ты была моимъ ангеломъ-утѣшителемъ, ты принесла мнѣ счастіе.. твоей любовью! Не лишай же меня ея!

Мнѣ было грустно, больно, слушать его признаніе въ своемъ безсиліи, но любовь моя не допустила въ мою душу и тѣни презрѣнія къ нему.

— Я буду дѣлать все, что ты велишь, сказала я ему.

Онъ совершенно ожилъ отъ этихъ словъ. Ласкамъ его, клятвамъ, увѣреніямъ не было конца, но они не производили на меня въ этотъ день того обаятельнаго впечатлѣнія, какъ прежде.

Черезъ нѣсколько недѣль я была уже въ Петербургѣ. Я не стану вамъ описывать нашего послѣдняго свиданія и прощанья передъ отъѣздомъ: это все понятно само собою. Скажу вамъ только, что его малодушіе, его безсиліе дѣлало меня мужественною и рѣшительною. Я разставалась съ нимъ, конечно, не безъ тоски, не безъ слезъ, но была покойна и тверда болѣе, нежели ожидала. А можетъ быть уже въ то время моя любовь къ Пьеру начинала охладѣвать, хотя я сама еще не сознавала того.

Въ Петербургѣ у него были знакомые только родные жены, и потому онъ не могъ никому поручить меня. Я была предоставлена самой себѣ, а вы, я думаю, замѣтили изъ моего разсказа, что въ то время я еще совсѣмъ не знала жизни практически, потому что находилась постоянно какъ бы подъ опекой то у родителей, то у мужа, то у брата. Мнѣ было чрезвычайно трудно въ Петербургѣ, особенно въ первое время, тѣмъ болѣе, что и денегъ со мною было очень не много: у брата я не могла взять, потому что онъ самъ нуждался, а у Пьера я не хотѣла просить, самъ же онъ, вѣроятно, не осмѣлился предложить мнѣ денегъ, боясь оскорбить меня.

Цѣлыхъ два мѣсяца прожила я въ Петербургѣ въ томительномъ ожиданіи пріѣзда Пьера. Я хотѣла сдержать свое обѣщаніе—не стѣснять воли его, и въ своихъ письмахъ никогда не просила его поскорѣе пріѣхать, хотя и описывала ему всю тоску разлуки и тягость ожиданія; но каждое письмо мое оканчивалось словами: пріѣзжай только тогда, когда самъ увидишь, что это возможно безъ вреда тебѣ. Поступай въ этомъ отношеніи не по голосу сердца, но по совѣту благоразумія. Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда съ большой нѣжностью, пылко выражалъ свою любовь и въ каждомъ письмѣ оправдывался въ невозможности пріѣхать.

А между тѣмъ матеріальныя средства моего существованія истощились до такой степени, что мнѣ могла угрожать голодная смерть. Я должна была продать почти всѣ свои платья, одно за другимь и, разумѣется, почти за безцѣнокъ. Жила я въ какой-то грязной коморкѣ, въ пятомъ этажѣ, сырой и холодной. Здоровье мое видимо начинало страдать. Но всего болѣе меня стѣсняла горничная, которая должна была сопровождать меня въ деревню и которую я вмѣсто того привезла въ Петербургъ на такое тяжелое житье, которое и для нея даже было невыносимо. Эта дѣвушка была привязана ко мнѣ и, кажется, отгадывала мои отношенія къ Пьеру, но я никогда не посвящала ее въ нихъ, потому что берегла свое чувство, какъ святыню, и никому не хотѣла говорить о немъ. Теперь я должна была по необходимости признаться ей во многомъ, чтобы она не писала ничего до времени ни въ деревню, ни къ брату. Я замѣчала часто, что она тосковала, плакала, потомъ она стала обращаться со мною сначала фамильярно, а иногда даже съ грубостью... Я отпустила бы ее домой, но боялась остаться совершенно одна среди незнакомыхъ людей.

Всѣ эти обстоятельста привели меня къ такой мысли: зачѣмъ же я скрываю отъ родныхъ, гдѣ я и въ какомъ положеніи. Вѣдь они могутъ хватиться меня и начать отыскивать, тогда огласка будетъ шумнѣе. И я рѣшилась написать брату, что по обстоятельствамъ, поѣхала не въ деревню, а въ Петербургъ, гдѣ и теперь нахожусь; просила его, чтобы

онъ, если желаетъ сохранить честь своего и моего имени и не огорчить прежде времени родителей,—всѣмъ знакомымъ московскимъ говорилъ, что я въ деревнѣ, а родителямъ писалъ бы, что я живу у него до тѣхъ поръ, пока я сама не увѣдомлю ихъ о себѣ. Просила его также, чтобы онъ немедленно прислалъ мнѣ своихъ денегъ, а деньги, которыя присылаются ко мнѣ изъ деревни, бралъ себѣ.

Къ родителямъ я еще не рѣшалась писать: я все чего-то ждала отъ жизни лучшаго и не хотѣла огорчать стариковъ поступкомъ, который, по ихъ понятіямъ, огорчилъ бы ихъ столько же, сколько самая смерть моя; а можетъ быть даже заставилъ бы ихъ возненавидѣть меня, потому что я знала—они не признавали любви безъ формальнаго брака и считали ее развратомъ. Я надѣялась когда нибудь сама увидѣть ихъ и лично передъ ними оправдаться.

Братъ очень скоро выслалъ мнѣ денегъ, но отвѣчалъ очень холоднымъ и сухимъ письмомъ, въ которомъ выражалъ сожалѣніе, что его заботы обо мнѣ и его довѣріе къ моему благоразумію такъ дурно вознаграждены; впрочемъ, обѣщалъ исполнить всѣ мои просьбы. Я ничего другого и не ожидала отъ него, а потому это письмо нисколько не огорчило меня, хотя я и видѣла, что между нами совершенный разрывъ, и что насъ могутъ помирить съ нимъ только время и благопріятныя обстоятельства. Присланныя деньги нѣсколько улучшили мое положеніе, но здоровье мое отъ всѣхъ испытанныхъ мною нравственныхъ и физическихъ страданій было уже разстроено. Я страшно похудѣла и пожелтѣла, волосы мои падали цѣлыми горстями...

На третій мѣсяцъ ожиданій Пьеръ наконецъ пріѣхалъ. Онъ вскрикнулъ отъ изумленія, увидя меня, и признался, что не узналъ бы меня, еслибъ неожиданно встрѣтилъ—до такой степени я подурнѣла и перемѣнилась. Подъ впечатлѣніемъ радости свиданія съ нимъ, я не обратила почти никакого вниманія на эти слова его, не замѣтила даже и того, что онъ, хотя былъ ласковъ и нѣженъ ко мнѣ, но не былъ уже тѣмъ восторженнымъ обожателемъ, какимъ представлялся прежде... Я сообразила это уже послѣ при воспоминаніяхъ

о всемъ прошедшемъ. Онъ засталъ меня уже на лучшей квартирѣ и въ лучшей обстановкѣ, но и отъ этой пришелъ въ ужасъ и предлагалъ мнѣ нанять болѣе удобную, но я отказалась и не хотѣла отравлять его радости свиданія со мною разсказомъ о томъ, что перенесла.

Изъ разговоровъ съ нимъ я узнала, что онъ никакъ не могъ пріѣхать раньше, не возбудивъ подозрѣній жены, что она не вѣритъ моему отъѣзду въ деревню, все еще его подозрѣваетъ и слѣдитъ за нимъ, что и въ Петербургъ она не отпустила его одного, но пріѣхала съ нимъ вмѣстѣ, что каждый день она преслѣдуетъ его упреками, жалобами, бранью и оскорбленіями, обращенными на его и на мое имя, что онъ невыносимо страдалъ все это время. И въ самомъ дѣлѣ, онъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ послѣ разлуки со мной.

— Жизнь моя отравлена окончательно, говорилъ онъ. Съ моей женой могъ бы сладить развѣ только такой человѣкъ, который рѣшился бы заколотить ее въ гробъ. Но я съ моими понятіями о правахъ женщины рѣшительно становлюсь передъ нею въ тупикъ и не знаю, что мнѣ дѣлать... О, какъ страшно я наказанъ за одинъ опрометчивый и не честный шагъ въ моей жизни!..

— На долго ли же ты пріѣхалъ сюда? спросила я его.

— Постараюсь пробыть какъ можно дольше. Я выдумалъ разныя дѣла, какъ предлогъ для поѣздки сюда. Буду хлопотать о мѣстѣ здѣсь... Если удастся, такъ останусь, а не удастся—она не захочетъ здѣсь оставаться...

— И увезетъ тебя опять въ Москву? спросила я съ невольной желчью, которая послышалась еще въ первый въ моемъ разговорѣ съ нимъ.

— Ты начинаешь презирать меня, ты будешь скоро упрекать меня, смѣяться надо мной, сказалъ онъ съ такимъ горемъ, что мнѣ стало жалко его.

Я постаралась изгладить впечатлѣніе моихъ словъ.

Сначала, по пріѣздѣ, мы видались почти каждый день и онъ оставался у меня по-долгу; но я стала замѣчать, что нерѣдко онъ былъ молчаливъ и печаленъ, смотрѣлъ на меня съ

какою-то особенною грустью и часто повторялъ сожалѣніе о томъ, что я перемѣнилась наружно. Потомъ его посѣщенія становились рѣже и короче, и въ ласкахъ его, во вниманіи ко мнѣ, чувствовалась какая-то принужденность. Это безпокоило и терзало меня. Я начинала подозрѣвать, что любовь его ко мнѣ проходитъ и однажды рѣшилась высказать ему это. Онъ оправдывался въ своихъ рѣдкихъ визитахъ, въ своей унылости и кажущейся холодности домашними пытками, которыя убиваютъ его, говорилъ, что жена требуетъ отъ него отчета въ каждой минутѣ, которую онъ проводитъ не съ нею, и, если онъ рѣшается не отвѣчать ей, мучитъ его подозрѣніями и упреками; жаловался, что ревность ея доходитъ до послѣднихъ предѣловъ и умолялъ меня не мучить его еще и съ моей стороны. Я замолчала, но не успокоилась. Далѣе я замѣтила, что, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и отъ него пахло виномъ, тогда онъ былъ и ласковѣе, и сильнѣе выражалъ любовь свою. Наконецъ онъ сталъ даже требовать вина каждый разъ, какъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Я послѣ поняла, что виномъ онъ старался возбуждать въ себѣ угасавшее чувство. Ему хотѣлось обмануть меня; можетъ быть у него не ставало воли даже на то, чтобы сразу разорвать со мною всѣ связи и признаться, что пересталъ любить меня...

Но, какъ бы то ни было, я видѣла, я чувствовала, что онъ уже не то для меня, чѣмъ былъ. Я страдала молча и потому еще болѣзненнѣе.

Между тѣмъ срокъ моей беременности проходилъ. Я должна была скоро родить. Я сказала ему объ этомъ. Но опять жена и обстоятельства, какъ онъ послѣ оправдывался, помѣшали ему быть при мнѣ въ это время: онъ не позаботился даже, обезопасить меня, приставивши ко мнѣ акушерку—я родила одна и мертваго младенца... На другой день онъ пріѣхалъ. Я была въ страшномъ горѣ и чувствовала себя очень дурно...

Онъ показывалъ участіе ко мнѣ, но сожалѣніе о смерти ребенка было такъ притворно и такъ неискусно, что я съ

разу поняла, какъ онъ мало любилъ меня въ настоящее время. Я поняла, что онъ любилъ только мою красоту, и когда ея не стало — преслѣдованія жены не вознаграждались уже для него моей любовью...

Чувство оскорбленной материнской любви и мгновенное негодованіе и презрѣніе къ нему я приняла за совершенную ненависть и, собравши всѣ свои силы, сказала ему:

— Подите прочь отъ меня, вы не любите вашего ребенка, вы не любите и меня... Не обманывайте меня! Не обманывайте напрасно и вашей жены! Подите, скажите ей, что вы меня больше не любите и что я васъ презираю и ненавижу...

Но я любила еще его. Я готова была отказаться отъ своихъ словъ. И когда онъ, выслушавши ихъ, молча взялся за шляпу и, не поднимая головы, какъ-то отвратительно-робко пошелъ къ дверямъ, я лишилась чувствъ. Онъ ушелъ и прислалъ ко мнѣ доктора. Меня едва спасли отъ смерти и зачѣмъ? Я не видала его болѣе. Дѣвушка разсказывала мнѣ, что пока я была между жизнью и смертью, онъ часто ѣздилъ ко мнѣ и плакалъ надо мной... О чемъ? спросить бы его.

Но съ тѣхъ поръ, какъ опасность миновалась, онъ не являлся болѣе. Выздоровѣвши, я посылала узнать о немъ. Его уже не было въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ въ Москву опять вмѣстѣ съ женою.

Разсказъ мой конченъ, хоть и тянется еще жизнь ни для кого не нужная.

Проѣзжая изъ Петербурга въ деревню черезъ Москву, я справлялась о немъ. Мнѣ разсказали, что онъ имѣетъ, попрежнему, хорошую практику, прекрасный докторъ, прекрасный семьянинъ, хоть, говорятъ, нѣсколько подъ башмакомъ у жены, но что, бѣдный, очень хандритъ и сталъ что-то плохъ здоровьемъ. Я не хотѣла его видѣть. Я боялась за себя...

Года два назадъ я слышала о немъ почти то же самое, что и за восемь лѣтъ.

Я и теперь еще люблю его, но люблю, какъ воспоминаніе самыхъ лучшихъ и самыхъ страдальческихъ дней моей жизни.

АЛЕКСѢЙ ПОТѢХИНЪ.

19 марта 1862 г.

ФАЛЬШИВЫЙ МОНЕТЧИКЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

Судьба положительно улыбалась Льву Петровичу Бѣленкову: въ лѣтахъ возмужалости онъ имѣлъ немаловажный чинъ маіора, должность городничаго весьма многолюднаго городка; жена у него, хоть и купеческаго рода, но тѣмъ не меньше воспитывалась въ благородномъ пансіонѣ и въ домъ Льва Петровича внесла, кромѣ благоуханія женственности, еще порядочный капиталъ; два ангела-малютки украшали своимъ присутствіемъ домашній очагъ; все соединилось съ тѣмъ, что бы украсить жизнь Льва Петровича всякими цвѣтами,—но тѣмъ не менѣе въ минуту начала нашего разсказа Левъ Петровичъ озабоченно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, повременамъ сильно третъ себѣ лобъ.

Мысль очень серьезная занимаетъ Льва Петровича,—горе весьма законное съѣдаетъ его сердце.

— Восемьнадцать лѣтъ тру лямку, и ничего! На кого ни посмотришь, у того Станиславъ болтается, у того Анна, у того вся грудь увѣшана,—а на меня, хоть бы плюнулъ кто, «на, вотъ, дескать, и тебѣ,—не все же тебѣ словно ошельмованнымъ ходить»... И какъ бы это заполучить, ну, хоть бы Станислава. Правителю сунуть? Да вѣдь онъ не беретъ,—вонъ они какіе нынче, туда тебя сунетъ, что и вѣкъ не-образумишься. Передъ начальствомъ отличиться?

Задавъ себѣ послѣдній вопросъ, Левъ Петровичъ остановился надъ нимъ. Другихъ путей полученія ордена не предвидѣлось. Но какъ отличиться? Но чѣмъ? рѣшительно сбивало съ толку Льва Петровича и запрудило его немногодумную голову такимъ количествомъ дичи и нелѣпостей, что Левъ Петровичъ сталъ уже приходить въ отчаяніе при видѣ невозможности найдти исходъ изъ этихъ нелѣпостей. Но вдругъ лицо Льва Петровича просіяло, на губахъ показалась улыбка.

— Захаровъ!—крикнулъ Левъ Петровичъ.

Въ комнату вошелъ полицейскій служитель и остановился на порогѣ.

— Бѣги сейчасъ къ Подорожникову и приведи его ко мнѣ. Если не застанешь дома, такъ поищи по кабакамъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Захаровъ повернулся на каблукахъ и вышелъ; самъ Левъ Петровичъ отправился кушать чай. На этотъ разъ онъ былъ очень любезенъ съ Александрой Ивановной (такъ звали супругу Льва Петровича) и разсказалъ ей какой-то анекдотъ, случившійся въ ихъ полку съ однимъ забубеннымъ поручикомъ...

Черезъ полчаса возвратился Захаровъ и доложилъ Льву Петровичу, что онъ привелъ Подорожникова.

— Скажи ему, чтобы онъ шелъ въ кабинетъ.

Подорожниковъ былъ мѣщанинъ и состоялъ сыщикомъ при Львѣ Петровичѣ...

Левъ Петровичъ тщательно притворилъ дверь кабинета, когда вошелъ Подорожниковъ.

— Здравствуй, братъ.

Подорожниковъ низко поклонился, стараясь придать своей нахально-плутовской физіономіи почтительное выраженіе.

— Ну что новенькаго въ городѣ?

— Ничего, ваше высокородіе. Вона сейчасъ въ Разувоевскомъ кабакѣ къ талызинскому мужику Семка Викуловъ въ карманъ залѣзъ, да самъ обмишулился,—мужикъ-то, даромъ что пьянъ былъ, услыхалъ. Ужъ они его били, били. Инда я всѣ животики со смѣху надорвалъ.

Левъ Петровичъ занятый одной мыслей, даже не спросилъ про дальнѣйшую судьбу Семки Викулова.

— А что, Подорожниковъ, не слыхать ли здѣсь чего нибудь про фальшивыхъ монетчиковъ?

Разомъ почуявъ поживу, Подорожниковъ навострилъ уши.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе. Попадаются фальшивыя бумажки, а кто мастеритъ ихъ—Богъ вѣдаетъ. Вона намеднясь и мнѣ подсунули рублевикъ. Ужъ я съ нимъ валандался, валандался — никто не беретъ. Спасибо, въ харчевнѣ размѣняли, гривенникъ придачи далъ.

Левъ Петровичъ снова задумался и прошелся раза три по комнатѣ.

— Такъ-таки ничего и не слыхать? спросилъ онъ снова, останавливаясь передъ Подорожниковымъ...

— Какъ не быть,—и здѣсь, надо полагать, есть, ваше высокоблагородіе, да они оченно хитры, не услѣдишь ихъ чертей. Чай поди въ трущобѣ гдѣ нибудь занимаются, какъ туда попадешь? Вона отъ Фильки слыхалъ я, что у нихъ въ Заботинѣ что ни есть первые мастера живутъ и становой знаетъ, да никакъ не нападетъ на нихъ. Позапрошломъ мѣсяцѣ совсѣмъ было накрылъ, да вывернулись, чрезъ крышу ушли.

— Да ну ихъ къ дьяволу и съ Заботиномъ-то. Мнѣ нужно, чтобы они здѣсь были, а ты Заботиномъ суешь. Слушай, Подорожниковъ, у меня чтобы были фальшивые монетчики... Хоть изъ земли ихъ выкопай, а ужъ мнѣ подай. Ничего не пожалѣю.

Левъ Петровичъ опять прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, усиленно затягиваясь жуковымъ.

— Вотъ что, Подорожниковъ, если ты мнѣ представишь хоть одного мастера... паршиваго какого нибудь!.. Такъ ты за это получишь награду двадцать пять рублей... слышишь двадцать пять серебромъ!

Левъ Петровичъ, чтобы усилить впечатлѣніе послѣднихъ словъ на Подорожникова, нарочно проговорилъ ихъ медленно. Эффектъ и впечатлѣніе вышли полные.

— Батюшка, ваше высокоблагородіе!.. Въ гробъ лягу, жи-

вотовъ не пожалѣю, а ужъ представлю предъ ваши очи красныго звѣря, на днѣ морскомъ найду его.

— Ну, какъ представишь — и двадцать пять рублей, а чтобъ веселѣе искать было, на, вотъ тебѣ покуда.

Левъ Петровичъ вынулъ изъ кармана трехъ рублевую бумажку и подалъ ее Подорожникову; тотъ съ благоговѣніемъ припалъ къ благодѣтельной рукѣ.

— Ну теперь отправляйся. Помни же —двадцать пять серебромъ.

По уходѣ Подорожникова, Левъ Петровичъ опустился на кресла. Лицо его сіяло удовольствіемъ, передъ нимъ, Львомъ Петровичемъ, проходилъ онъ же самъ Левъ Петровичъ, но только грудь его была украшена Станиславомъ. Левъ Петровичъ воображаемый выходилъ великолѣпенъ, такъ великолѣпенъ, что у настоящаго зарябило въ глазахъ, слюнки потекли отъ удовольствія. Левъ Петровичъ схватилъ перо и подмахнулъ.

«Городничій и кавалеръ, маіоръ Бѣленковъ».

Тоже вышло оченно хорошо.

На этотъ разъ Подорожниковъ выполнилъ роль сыщика совершенно добросовѣстно: надежда получить 25 рублей недавала ему покоя, но, не смотря на всю добросовѣстность исполненія, фальшивыхъ монетчиковъ въ городкѣ не оказывалось, и, рапортуя каждый день Льву Петровичу объ успѣхахъ своихъ экспедицій, Подорожниковъ все глубже и глубже повергалъ душу своего патрона въ уныніе, надежда на Станислава лопалась, другихъ же способовъ отличія передъ начальствомъ не оказывалось.

Былъ базарный день. Изъ окружающихъ селъ и деревень наѣхало на базаръ много народу. Подорожниковъ, какъ дилетантъ, съ ранняго утра шатался между телѣгами, прислушиваясь къ говору, останавливаясь то у той, то у другой кучки собравшагося народа.

— А, Федоръ Ермоланчъ, здравствуй!

Привѣтствіе Подорожникова относилось къ невысокому мужичку, одѣтому въ дыравый армячишко. Простое лицо мужичка носило на себѣ выраженіе какого-то испуга. Его

кафтанъ, лапти,—шапка все говорило о томъ, что судьба не считаетъ его въ числѣ своихъ любимцевъ.

— Здорово, Иванъ Трофимычъ!

— Когда-те ослободили?

— Да вона съ Покрова пошла другая недѣля. Спасибо, нашъ епутатъ заступился, дай ему Богъ здоровья. Становой, куда-те—и руками и ногами «заморю, слышь, баитъ, въ острогѣ, кости его, баитъ, тамъ сгніютъ»,—да новый епутатъ въ обиду не далъ.

Федоръ Ермолаевъ Чуровъ, удѣльный крестьянинъ подгороднаго села, попался въ острогъ въ самомъ дѣлѣ безвинно. Дѣло состояло вотъ въ чемъ: Чуровъ жилъ зимой въ работникахъ на канатномъ заводѣ; вовремя его тамъ проживанія, у одного купца изъ анбара было выкрадено сало и привезено во время отсутствія Чурова на канатный заводъ, гдѣ и свалено на погребищѣ, находящемся въ сѣняхъ; кража была однако совершена не совсѣмъ удачно, возчики сала не были подговорены къ сокрытію тайны и выдали ее. Былъ сдѣланъ на канатномъ заводѣ обыскъ, найдено поличное и такъ какъ настоящіе воры успѣли скрыться, то захватили всѣхъ проживающихъ на заводѣ и безъ всякаго разбора, какъ укрывателей, засадили въ острогъ. Чуровъ былъ въ числѣ другихъ отправленъ въ острогъ, гдѣ и просидѣлъ цѣлый годъ.

— Тутъ-то ты, чай, Федоръ Ермолаичъ, какихъ диковинъ въ острогѣ-та наслушался?..

—Диковины што, а ты вотъ то-то подумай, другъ любезный, какъ изъ острога я ослободился, каково мнѣ было, оно и допреждѣ жисть-то не красна была, а теперь хоть въ могилу ложись. Лошаденка была—продали, коровенку тоже... Пятеро малъ-мало-меньше ребятишекъ почитай, что съ голоду мрутъ. Приказъ подушны требуютъ, баитъ—въ заработки отдастъ, коли не представлю. А отъ коль ихъ возьмешь?

Въ головѣ Подорожникова, при слушаніи разсказа Чурова о горькомъ житьѣ-бытьѣ, мелькнула счастливая мысль: извѣстное дѣло, остроги наши переполнены мастерами всѣхъ художествъ; человѣкъ пробывшій въ немъ годъ, научается

многому такому, что прежде и во снѣ не снилось. Чуровъ годовымъ заключеніемъ доведенъ до страшной крайности, быть можетъ онъ ознакомился съ пріемами дѣланія фальшивой монеты, вѣдь дѣло больно не хитрое, стало быть, за извѣстное вознагражденіе, можно попытаться употребить его какъ средство полученія отъ Льва Петровича обѣщанныхъ двадцати пяти рублей? Попавши на такую счастливую мысль, Подорожниковъ далъ себѣ слово привести ее какъ можно скорѣе въ исполненіе.

—О, о-хо-хо! Знамо дѣло, какое житье, промаявшись годъ въ острогѣ. Разорятъ, до крайностей разорятъ.

—Да и моя-то жизнь, Федоръ Ермолаичъ, не больно краше твоей. Семья, пострѣломъ ее дери, вона какая, жена все въ немочи лежитъ, а заработки наши какіе? Земли нѣту-ти, кельенка почитай совсѣмъ разорилась.

Подорожниковъ и Чуровъ во время разговора подошли къ харчевнѣ. Народъ такъ валомъ и валитъ въ нее и изъ нее; у крыльца лежало костьми три крестьянина; человѣкъ пять другихъ, схватившись за руки, орали во все горло какую-то пѣсню.

—Ишь ты зыковскіе-то разгулялись, и впрямь, словно съ радости... съ злостью проворчалъ Подорожниковъ. А знашъ что, сватъ, зайдемъ, выпьемъ—съ полштофъ ставлю—все полегче будетъ.

Чуровъ не отказался отъ любезнаго предложенія, и пріятели вошли въ харчевню. Подорожниковъ спросилъ полштофъ водки и отправился съ Чуровымъ въ отдаленную комнату. Тамъ онъ продолжалъ политично заведенный разговоръ о горемычномъ житьѣ-бытьѣ, о пребываніи Чурова въ острогѣ и ужъ когда было выпито по два стаканчика водки коснулся любезнаго для себя вопроса.

— Поди въ острогѣ-то у васъ и деньжонки мастерили? спросилъ какъ будто между прочимъ Подорожниковъ Чурова.

— Коли не мастерить, все мастерили. Ужъ насчетъ эвтова мастерства содержался одинъ саратовскій Васютка Лохматовъ, то-есь такой шустрый былъ, что мы инда всѣ

съ диву дивовались. Бывало, состряпаетъ тебѣ такой крестовикъ, что ты не въ жисть его не узнаешь, что онъ такой...

— Ну, и струментъ у него былъ?

— И штрументъ всякій былъ. Разъ, начальство свѣдало, что у насъ мастерствомъ занимаются; обыскъ сдѣлали, все перерыли, да одно пусто мѣсто нашли—штрументъ то весь въ стѣнѣ хранился. Знаешь, камень вынимался, низашто не увидишь, а тамъ добра-то, добра-то всякаго лежало...

— Кому же Лохматовъ отдавалъ деньги, чай ихъ въ острогѣ не брали.

—Коли не брать. Ты ему, знашь, дашь цѣлковый настоящій, а онъ тебѣ на мѣсто его три своихъ.

— Куда-же вы ихъ дѣвали?

— А у насъ солдатики ихъ брали, ужъ такіе знакомые были. Придутъ бывало на караулъ, ты и дашь имъ, а они опослѣ настоящихъ принесутъ.

— И ты видалъ, какъ Лохматовъ мастерилъ деньги?

— Коли не видать, при всѣхъ значитъ занимался. Наука-то не больно трудно. Штрументъ былъ бы.

— Ну, а ты-бы сдѣлалъ?

Чуровъ вопросительно посмотрѣлъ на Подорожникова.

— Не пробовалъ. А токма что, я баю, наука-то не мудрящая.

Подорожниковъ чуть не припрыгнулъ отъ радости. Не желая откладывать дѣло въ дальній ящикъ, онъ тутъ же предложилъ Чурову надѣлать ему пятьдесятъ крестовиковъ. Чуровъ хоть и былъ выпивши, но онъ съ разу понялъ, чѣмъ пахнетъ дѣло.

— Што ты, сватъ, въ умѣ-ли, али ты не знаешь, што за эвто мастерство Василь Пахомычъ таки узоры испишетъ на спинѣ, что ты и своихъ не узнаешь.

—Узоры, што узоры! Да какъ еще про эвто дѣло узнаютъ? А ты, слушай, Федоръ Ермолаичъ, вѣдь ты самъ гуторишь, что житьишко твое плохое, а на эвти крестовики пополамъ мы садъ снимимъ. Вона какой нонѣчѣ урожай Богъ послалъ. А у верховыхъ, слышь ты, ни яблочка нѣтъ, стало, въ цѣнѣ будутъ. И лошадку купишь и подушны справишь.

Перспектива дѣйствительно предстояла хорошая: новая

лошадка, внесенные подушные, соблазнъ страшный, но попасть снова въ острогъ, а оттуда на площадь и въ чужедальную сторонушку—было такъ не утѣшительно, что парализировало желаніе пріобрѣсть новую лошадку и внести подушные. Чуровъ задумался.

— Пошто носъ-то повѣсилъ. У меня братъ, есть такое мѣсто: гдѣ што хошь твори, ни кто не увидитъ...

— Ты не знаешь, Иванъ Трофимычъ, эвтихъ дѣловъ-то, а я знаю. Знаемъ, чѣмъ оно пахнетъ.

На этотъ разъ Чуровъ, не смотря на всѣ убѣжденія, несогласился на предложеніе Подорожникова, но Подорожниковъ былъ малый опытный; онъ видѣлъ, какимъ нерѣшительнымъ тономъ произнесенъ былъ отказъ, а потому и не отчаявался въ успѣхѣ начатаго.

Выпивъ еще косушку водки, наши пріятели разстались, давши другъ другу слово снова встрѣтиться въ будущій базарный день. Подорожниковъ прямо изъ харчевни отправился ко Льву Петровичу и отрапортовалъ ему обо всемъ случившимся: Бѣленковъ просіялъ, — Станиславъ сталъ снова улыбаться ему изъ туманной дали.

— И не упускай, Подорожниковъ... Христа ради, не упускай, а не то—зарѣжешь ты меня,—безъ ножа зарѣжешь. Какъ, то есть, онъ покажется въ среду, такъ ты его и накрой. На расходъ, что потребуетъ давай.

Услыхавъ послѣднія слова, Подорожниковъ помялся. Левъ Петровичъ понялъ, что это значитъ.

— Что, братъ, видно всѣ спустилъ, ну, да Богъ съ тобой, ты только выслѣди краснаго звѣря, а я ужъ денегъ не пожалѣю. На, вотъ тебѣ еще пятитницу.

Подорожниковъ снова припалъ и облобызалъ ручку Льва Петровича и съ полученными деньгами отправился прямо въ харчевню, гдѣ, на вопросы цѣловальника похвалился дружбой съ городничимъ и говорилъ, что у него не столько еще будетъ денегъ, лишь бы только удалось обдѣлать одно дѣльцо.

Отходя ко сну, почтенный Левъ Петровичъ высказалъ волновавшія его чувства въ горячей молитвѣ. Онъ далъ даже обѣщаніе, буде предпріятіе удастся и Чурова захватятъ

на мѣстѣ преступленія, ѣхать въ Новобутковскую пустынь, гдѣ отслужитъ два молебна Николаю Чудотворцу и поставитъ свѣчу въ рубль серебромъ.

Чурова по приходѣ домой встрѣтила прежняя, печальная картина: не чѣмъ взятся, не чѣмъ справить горемычное житье бытье,—въ избѣ ребятишки плачутъ, жена поѣдомъ его ѣстъ, пошелъ мужикъ въ клѣти—тамъ хоть шаромъ покати, ни одной животины, вездѣ пусто. Припалъ Чуровъ своей безталанной головушкой къ покачнувшемуся плетню и горько, горько заплакалъ.

На другой день позвали Чурова въ приказъ, гдѣ голова съ крикомъ снова требовалъ отъ него взноса податей, грозя ему въ противномъ случаѣ арестантской ротой. Чурову вспомнилось предложеніе Подорожникова, представились ему послѣдствія неудачной попытки найдти выходъ изъ стѣснительнаго положенія посредствомъ фальшивой монеты, съ другой стороны представились ему и послѣдствія удачи.

— Эхъ-ма, авось сойдетъ, съ отчаяніемъ проговорилъ Чуровъ и махнулъ рукой.

Наступила середа, и Чуровъ опять поплелся въ городъ на базаръ, но чѣмъ больше уменьшалось разстояніе къ городу, тѣмъ страшнѣе становилось Чурову; нѣсколько разъ онъ пытался вернуться назадъ, но страхъ попасться на глаза головѣ, да горечь жениныхъ попрекъ удерживали его, и тихо, опустивъ голову, брелъ Чуровъ къ своей судьбѣ.

— А я мѣкалъ, Федоръ Ермолаичъ, што ты ночечѣ не будешь на базарѣ, привѣтствовалъ Чурова Подорожниковъ.

— Пошто мнѣ не быть-то?

— Знашь, вашински то всѣ пріѣхали, а тебѣ все нѣтути, ну и полагалъ, что ты дома остался—хозяйство справляешь.

— Нашински то, голова, на лошадяхъ, а у меня все одна подвода доморощена.

Подорожниковъ, держась старой системы, повелъ было рѣчь опять издалека, съ жалобъ на худое житье, но былъ остановленъ Чуровымъ.

— Што калякать-то по-пустому. Есть што-ли у тебя деньжонки?

— Много не найдемъ, а маленечко сыщемъ.

— Ну и то добро. Ай–да въ харчевню, тамъ побаимъ.

Друзья спросили опять полштофъ водки и усѣлись все въ той–же отдаленной комнатѣ. Выпили.

— Ну, вотъ што, Иванъ Трофимычъ, я тѣ скажу, на эвдакое дѣло, какое ты мнѣ говорилъ, я, пожалуй, по рукамъ ударю, значитъ, што моей головушкѣ ни будетъ, а ужъ ты будь благонадеженъ, —смастеримъ. Только уговоръ,—безъ красненькой напредки я несогласенъ.

Подорожниковъ хоть и не ожидалъ такой рѣшимости со стороны Чурова, но все таки не приминулъ заупрямиться.

— Отколь я те возьму красненькую–то, ты знаешь какія нонѣ времена?

Но Чуровъ уперся на своемъ и безъ красненькой не хотѣлъ вести дальнѣйшей рѣчи; Подорожниковъ какъ не уламывалъ его, но тотъ остановился на красненькой, прибавивъ только, что онъ надѣлаетъ вмѣсто пятидесяти крестовиковъ цѣлую сотню.

— Ну, нечего дѣлать, сватъ, ужъ ты посиди здѣсь, а я сбѣгаю на чуточку, къ благопріятелю, авось не дастъ ли въ займы.

Чуровъ остался въ харчевнѣ, а Подорожниковъ задами отправился къ Льву Петровичу.

— Ну что? встрѣтилъ Левъ Петровичъ Подорожникова.

Подорожниковъ разсказалъ весь ходъ дѣла и прибавилъ, что безъ десяти рублей серебромъ задатку Чуровъ на выдѣлку фальшивой монеты не согласенъ. Бѣленковъ, какъ человѣкъ опытный, подозрительно взглянулъ на Подорожникова, но тотъ смѣло выдержалъ взглядъ своего патрона.

— Слушай, ты, материнъ сынъ, я тебѣ десять цѣлковыхъ въ задатокъ дамъ, только ты у меня хвостомъ не виляй... вѣдь я всѣ твои блохи знаю—отъ меня не увернешься. Служить такъ служи, а ужъ коли хочешь надувать, такъ надувай кого другаго.

Подорожниковъ притворился обиженнымъ отъ такого сомнѣнія въ честности его намѣреній.

— Да помилуйте, ваше высокородіе, ужъ кажется намъ-то не приходится слышать отъ вашей милости, чтобы мы

душой кривили. Ужъ для кого другаго, а для васъ животовъ своихъ не пожалѣю. Вотъ-те лопни мои...

— Ну а ты не божись. На, вотъ тебѣ десять цѣлковыхъ и отправляйся, да скорѣе приходи сказать мнѣ, на чемъ порѣшили. Смотри же у меня...

Подорожниковъ засталъ Чурова на прежнемъ мѣстѣ и отдалъ ему десять рублей.

— Гдѣ же мы мастерить-то будемъ? У тебя на фатерѣ не пригодно, въ деревнѣ—тожъ. Увидять—дѣло знашь огненное.

Подорожниковъ на минуту призадумался.

— И мѣсто есть, сватъ, тако мѣсто, что никому и не въ домекъ. У меня братъ мельницу снялъ, Кандалинскую-то... Только на ней никто не живетъ, за жерновами третеводнясь послалъ, да и мельника-то еще не принанялъ, такъ знаешь, въ помольной избѣ, что хошь дѣлай.

Чуровъ съ своей стороны тоже задумался; онъ взвѣшивалъ удобства указаннаго Подорожниковымъ мѣста. Мѣсто на самомъ дѣлѣ оказывалась хорошимъ; мельница хотя и находилась въ чертѣ городскихъ дачъ, но была выстроена въ сторонѣ и окружена лѣскомъ, совершенно скрывавшимъ ее отъ любопытныхъ глазъ.

— Мѣсто гоже. Теперича вотъ што: ты мнѣ гдѣ хошъ, Иванъ Трофимычъ, а достань старинный рублевикъ, нонѣшній не пойдетъ.

— Рублевикъ достать можно.

— А коли можно, такъ и достань, а я въ субботу къ тѣ приду, побаить, какъ дальше дѣвствовать. Да подпилъ попріищи гдѣ нибудь.

Условившись относительно дальнѣйшихъ приготовленій, Подорожниковъ и Чуровъ занялись по преимуществу выпивкой. Чурову хотѣлось запить страхъ задуманнаго дѣла. Послѣ втораго полштофа онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

— Накачивай, сватъ, плясовую!

— Валяй!

— Во лузяхъ, во лузяхъ, эхо во зеленыихъ лузяхъ затянулъ Подорожниковъ. Чуровъ подхватилъ пѣсню, но цѣловальникъ видя, что поживы больше не будетъ, постарался

выпроводить пѣвцовъ. Кумъ Микита, однодеревенецъ Чурова, уложилъ его на свою телѣгу и доставилъ куда слѣдуетъ; дорогой Чуровъ ругался и бормоталъ не совсѣмъ понятныя для кума слова.

Подорожниковъ прямо изъ харчевни отправился ко Льву Петровичу, но донесенія его на этотъ разъ были до того безтолковы, что Левъ Петровичъ въ сердцахъ изволили обругать его всякими непотребными словами, плюнуть ему въ лицо и приказать отвести его въ отдѣльную отъ другихъ кутузку... Въ арестантской Подорожниковъ вздумалъ было производить дебошъ, но по силѣ мышцъ стражи былъ остановленъ, связанъ и въ такомъ видѣ уложенъ спать.

Въ настоящую минуту Левъ Петровичъ Бѣленковъ величественъ; онъ весь проникнутъ сознаніемъ долга, сознаніемъ великости задачи, исполнить которую выпало на его долю.

— Захаровъ! кричитъ Левъ Петровичъ.

Захаровъ тотчасъ является, какъ бы выростая изъ подъ земли.

— Вычищены пистолеты?

— Вычищены, ваше высокородіе!..

— Зарядить ихъ пулями. Да подай мнѣ саблю...

Захаровъ подалъ саблю. Сабля оказалась относительно лезвія такого миролюбиваго свойства, что грозить опасностью никому не могла, но изъ ноженъ она вынималась безъ особенныхъ затрудненій, а потому Левъ Петровичъ саблей остался весьма доволенъ.

— Приготовить мнѣ бурку.

Захаровъ повернулся, чтобы исполнить приказаніе Льва Петровича, но былъ остановленъ.

— А понятые согнаны?

— Точно такъ, ваше высокородіе.

Къ чему такія воинственныя приготовленія? спросите вы!.. А все на несчастнаго Чурова. Подорожниковъ сегодня рано поутру явился ко Льву Петровичу и донесъ ему, что между нимъ и Чуровымъ все условлено, что Чуровъ наку-

пилъ матеріаловъ, заготовилъ формъ для производства и сегодня вечеромъ въ помольной избѣ Кандалинской мельницы начнетъ свое производство. Левъ Петровичъ приказалъ Подорожникову дѣйствовать такимъ образомъ, что въ то самое время, когда Чуровъ растопитъ олово и станетъ отливать самыя монеты, выдти на крыльцо, подъ предлогомъ наблюденія, и дать знать свистомъ, что все готово. Тогда начнется дѣятельность Льва Петровича.

Александра Ивановна, услыхавъ воинственныя приготовленія своего супруга, пришла въ немалое смущеніе, она робко вошла въ кабинетъ.

— **Mon ange**, куда ты собираешься!.. томно спросила Александра Ивановна, обнимая Льва Петровича.

— Долгъ мой, другъ, долгъ призываетъ меня...

— Зачѣмъ же эти ужасные пистолеты? Мой Левъ, мой милый Левъ, скажи, твоей жизни грозитъ опасность? О, не ходи одинъ, возьми меня съ собою.

— Нельзя, мой другъ, ты оставайся дома и молись.

— Но вспомни, вспомни, что у насъ есть дѣти. О, я не переживу, если узнаю, что съ тобой случилось какое нибудь несчастіе. Одинъ гробъ возьметъ насъ обоихъ.

— Ты молись, Сашенька, молись! быть можетъ милосердный Творецъ пощадитъ меня для дѣтей нашихъ. Но что́ бы ни случилось, быть можетъ и погибну, но никто не скажетъ, что бы я небылъ вѣрный рабъ Богу моему и государю, чтобы я измѣнилъ присягѣ.

Вообще, я говорю, Левъ Петровичъ во весь этотъ день былъ весьма величественъ. Чтобы придать большее значеніе подвигу, въ собственныхъ же глазахъ, онъ старался окружить его исполненіе всевозможными опасностями, могущими имѣть вліяніе на его драгоцѣнную жизнь. Мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы и Александра Ивановна особенно вѣрила въ воинственныя приготовленія Льва Петровича и придавала имъ какое нибудь особенное значеніе, но ей очень понравилось положеніе супруги, супругу которой угрожаетъ опасность. Въ самомъ дѣлѣ, молодая, интересная женщина провожаетъ идола своего сердца, провожаетъ быть можетъ навсегда! Ахъ, какъ это хорошо!

Наступили сумерки, предстоящая великая опасность не помѣшала Льву Петровичу поѣсть весьма и весьма аппетитно и выпить нѣсколько рюмокъ настойки, которую Левъ Петровичъ называлъ «отъ всѣхъ скорбей».

— Захаровъ! снова раздалось изъ устъ Льва Петровича.

Явился Захаровъ.

— Поди, одѣнься самъ, да скажи Пандуренкѣ, Кривошеину и Фомину, чтобы они тоже одѣлись, потомъ являйтесь ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ поименованные солдатики явились въ полной аммуниціи.

— Возьмите сейчасъ понятыхъ и отправляйтесь къ камдалинскому врагу. Да смотрите, чтобы все было тихо, никто ни гу-гу, а не то—я шкуру дудкой спущу.

Солдаты молча выслушали приказаніе и, имѣя впереди пріятную перспективу—спусканіе шкуры дудкой, вышли на дворъ.

— Эй вы, черти проклятые—обратился Фоминъ къ понятымъ—маршъ за нами. Да смотрите молчокъ, а не то— первому рыло расквашу.

— Ишь, больно зуткій появился, раздалось изъ среды понятыхъ.

— Ну, ну, разговаривай, я тебя утѣшу.

Говоръ между понятыми кончился, они молча пошли за солдатами, проклиная въ душѣ и слѣдствія, и свои гражданскія обязанности, во имя которыхъ ихъ, проморивъ голодомъ съ бѣлой зари, утѣшаютъ еще мордобитіемъ.

Левъ Петровичъ опоясался кушакомъ, заткнулъ за него пистолеты и привѣсилъ саблю.

— Ну, прощай, Сашенька! мрачно-величественнымъ тономъ проговорилъ онъ.

Сашенька бросилась и замерла въ объятіяхъ своего супруга.

— Ради Бога, возьми меня съ собою, дай мнѣ умереть вмѣстѣ съ тобой, молила Александра Ивановна.

Но Левъ Петровичъ остался неумолимъ и на возможность умереть вмѣстѣ своего согласія не изъявилъ.

— Помни, Сашенька, что у насъ останутся дѣти, ты для нихъ должна беречь себя.

Сашенька отвѣчала только рыданіями.

— Благослови по крайней мѣрѣ дѣтей нашихъ.

На благословеніе дѣтей Левъ Петровичъ, конечно, согласился. Левушка и Анночка, прерванные весьма некстати въ своихъ занятіяхъ, по части набиванія юныхъ желудковъ церемоніей благословенія, во время ея подняли такой ревъ, что своимъ непотребнымъ поведеніемъ разрушили всю прелесть сцены.

Послѣ благословенія дѣтей, супруги снова заключили другъ друга въ объятія и начали воспроизводить уже взаимныя благословенія.

Тяжелая сцена прощанія наконецъ окончилась. Левъ Петровичъ отправился на исполненіе долга; Александра Ивана возвратилась въ комнату и долго, долго стояла передъ зеркаломъ, заломивъ свои полныя руки.

Въ то время, какъ Левъ Петровичъ изволилъ разставаться съ супругой своей и дѣтушками, на Кандалинской мельницѣ, въ помольной избѣ разыгрывалась сцена въ другомъ родѣ: передъ страшно-натопленной печкой, въ одной рубашкѣ, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ стоялъ Чуровъ и напряженно слѣдилъ за снадобьемъ, топившимся въ горшкѣ. Красноватое пламя печки обливало какимъ-то страннымъ свѣтомъ худощавую фигура Чурову. Чуровъ по временамъ вздрагивалъ и прислушивался, не донесется ли до него какой звукъ. Но все тихо вокругъ. Снадобье совсѣмъ растопилось. Чуровъ взялъ желѣзный ковшъ, захватилъ блестящей массы, и влилъ ее въ глиняную форму... Черезъ нѣсколько минутъ, дрожащими руками онъ показалъ Подорожникову свѣтлый, только что отлитый рубль.

— Одинъ готовъ! сказалъ Чуровъ взволнованнымъ голосомъ.

Подорожниковъ, до сихъ поръ лежавшій неподвижно на нарахъ, всталъ молча и посмотрѣлъ только что отлитый цѣлковый.

— Важно! сказалъ Подорожниковъ. Ты валяй, а я посмотрю на крыльцѣ, нѣтъ ли кого.

Подорожниковъ, накинувъ полушубокъ, вышелъ, а Чуровъ все съ тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за снадобьемъ.

Еще готовъ рублевикъ. Вдругъ раздался свистъ... подъ окнами что-то захрустѣло. Сердце Чурова скнуло; онъ задулъ свѣчу и бросился вонъ изъ избы.

— Держи его разбойника, держи!.. А, попался! раздалось близь мельницы. Черезъ нѣсколько мгновеній, пылая благороднымъ гнѣвомъ, ворвался въ избу Левъ Петровичъ, за нимъ два полицейскихъ солдата тащили волокомъ Чурова. Рубашка на Чуровѣ была вся разодрана, на лицѣ его не было ни кровинки. Въ избу вошли понятые.

— Это что подлецъ! А? закричалъ Левъ Петровичъ, взялъ въ руки только что отлитый цѣлковый.

— Виноватъ, ваше высокородіе, помилосердуйте! надрывающимъ душу голосомъ молилъ Чуровъ, падая на колѣни.

— Твоя что ли работа скотина! приставалъ со скрежетомъ зубовъ Левъ Петровичъ на Чурова.

— Мое дѣло. Помилосердуй, отецъ родной!..

— Слушайте, понятые! Я тѣ помилосердую! вяжите его.

Чурова связали.

Въ тотъ же вечеръ съ нарочнымъ было отправлено Львомъ Петровичемъ къ губернатору великолѣпное донесеніе, въ которомъ было между прочимъ сказано, что вотъ ему, Льву Петровичу, послѣ многихъ неусыпныхъ хлопотъ—причемъ самая даже жизнь его подвергалась не разъ опасности—удалось, наконецъ, на мѣстѣ преступленія захватить главнаго виновника въ дѣланіи фальшивой монеты, оказавшагося удѣльнымъ крестьяниномъ села Ртищева, Федоромъ Ермолаевымъ Чуровымъ, который въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ учинилъ полное сознаніе.

Ровно почти черезъ полгода послѣ расказаннаго, въ одинъ высокоторжественный день, въ храмъ божій вошелъ Левъ Петровичъ. Лицо его сіяло наслажденіемъ, на шеѣ у него красовался Станиславъ. А вскорѣ послѣ того народъ со всѣхъ

сторонъ валилъ на базарную площадь. Тутъ были и старые и малые; на площади негдѣ было упасть яблоку.

— Кого это будутъ наказывать-то? спросила низенькая бабенка синюю чуйку.

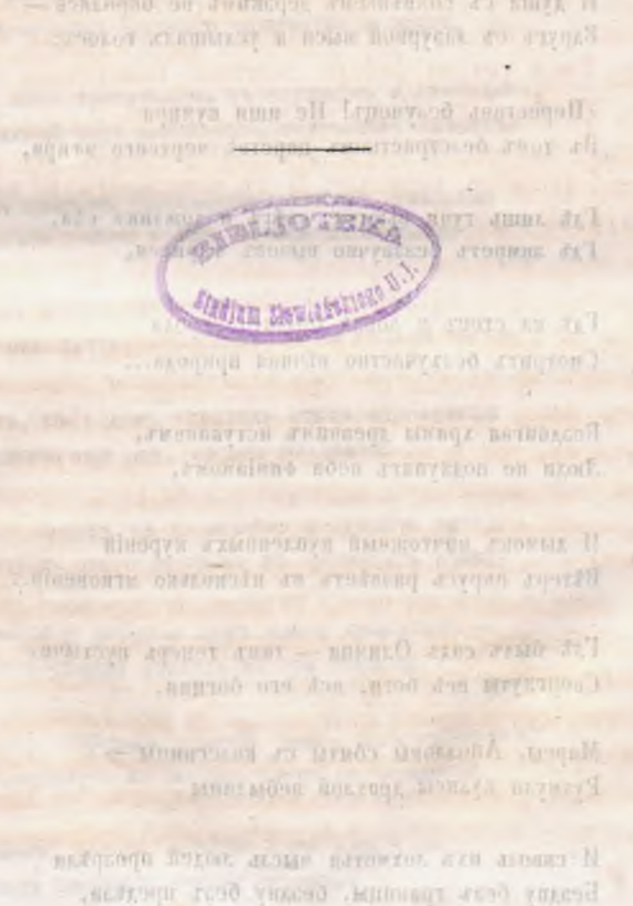
— Монетчика! мрачно отвѣтила синяя чуйка.

— Везутъ, везутъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ вытянули шеи. Раздался барабанный бой. Изъ острога показалась печальная церемонія. На высокихъ дрогахъ сидѣлъ Чуровъ.

Народъ молча раздвигался передъ высокими дрогами.

Н. СОКОЛОВСКІЙ.



Ямбы.

(Изъ Барбье)

I.

Въ дни, когда мнѣ въ сердце желчь не заползала
И искалъ я въ небѣ вѣры, идеала,

И душа съ сомнѣньемъ дерзкимъ не боролась —
Вдругъ съ лазурной выси я услышалъ голосъ:

«Перестань безумецъ! Не ищи кумира
Въ томъ безстрастномъ царствѣ мертваго эфира,

Гдѣ лишь тучи вьются, снѣгъ и дождикъ сѣя,
Гдѣ замретъ беззвучно вызовъ фарисея,

Гдѣ на стонъ и вопли бѣднаго народа
Смотритъ безъучастно вѣчная природа...

Воздвигая храмы древнимъ истуканамъ,
Люди не подкупятъ неба фиміамомъ,

И дымокъ ничтожный купленныхъ куреній
Вѣтеръ вкругъ развѣетъ въ нѣсколько мгновеній...

Гдѣ былъ садъ Олимпа — тамъ теперь пустыни,
Свергнуты всѣ боги, всѣ его богини,

Марсы, Аполлоны сбиты съ колесницы —
Рухнули кулисы дряхлой небылицы

И сквозь ихъ лохмотья мысль людей прозрѣла
Бездну безъ границы, бездну безъ предѣла,

Вѣчное пространство съ тьмою неизмѣнной,
Океанъ бездонный, темный гробъ вселенной»...

II.

Нѣтъ опоры въ небѣ.... Гдѣ жъ искать опоры?
И къ землѣ невольно обращаешь взоры.

Вотъ онъ, этотъ омутъ грязи и разврата,
Гдѣ за лоскутъ платья братъ идетъ на брата,

Гдѣ голодной смертью надъ сухою костью
Издыхаютъ люди съ скрежетомъ и злостью.

Гдѣ кипитъ торговля совѣсти и чести
На толкучихъ рынкахъ нищенства и лести,

Гдѣ лишь преступленьемъ страшенъ и громаденъ
Смрадный міръ шипящихъ, ползающихъ гадинъ.

Вотъ притонъ безстыдства: буйные, хмѣльные
Слышны только крики, шутки площадныя,

Пятна черной крови видны подъ ногою,
Циникъ пьетъ, обнявшись съ женщиной нагою.

Тамъ, съ пеленъ утративъ стыдъ отроковицы
Ласками торгуютъ наглыя блудницы,

Тамъ порокъ въ наслѣдство получаютъ внуки
И предъ святотатствомъ не трепещутъ руки,

Тамъ и у ребенка сонъ одинъ проклятый —
Гробъ скорѣй увидѣть матери богатой,

Гробъ старушки нѣжной, свято такъ любившей,
И столкнуть въ могилу трупъ ея остывшій.

Деньги, деньги, деньги — эта язва вѣка
Всюду зачумила сердце человѣка

И въ житейской тинѣ дрязговъ и волненья
За однимъ другое гаснетъ поколѣнье.

III.

Брось же ты, безумецъ, дѣтскія надежды,
Брось ихъ какъ худыя, ветхія одежды, —

Такъ негодный посохъ, взятый на забаву,
Мы бросаемъ молча въ первую жъ канаву, —

И потомъ, ни разу не вздохнувъ о прошломъ,
О какомъ то счастьи, о довольствѣ пошломъ,

Проходи безъ цѣли по тропинкѣ темной,
Ты, земныхъ волненій зритель хладнокровный.

Заморозивъ слезы, этотъ даръ вдовицы,
Не давай имъ падать съ высохшей рѣсницы,

И съ остывшимъ сердцемъ, сберегая силы
Такъ иди безстрастно до дверей могилы.

Если жъ часъ наступитъ, и среди дороги
У тебя въ безсильи подогнутся ноги,

И въ усталомъ тѣлѣ кровь заледенѣетъ,
И дыханье смерти холодомъ повѣетъ,

Братъ мой утомленный! закрывая очи
Посмотри безъ страха въ тьму могильной ночи,

И безъ угрызеній, безъ тоски, безъ боли,
Свороти съ дороги на пустое поле,

Лягъ подъ первымъ камнемъ, вытянись бодрѣе,
И какъ песъ голодный издыхай скорѣе.

Дм. МИНАЕВЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ.

При Людовикѣ Филиппѣ.

I.

Іюльская революція доставила престолъ герцогу Орлеанскому, который, превратившись въ короля Людовика Филиппа, въ первые дни своего царствованія былъ поставленъ въ необходимость сообразоваться до нѣкоторой степени съ желаніями своего народа. Надо было показать виновникамъ іюльской революціи, что удаленіе Бурбоновъ произвело существенныя измѣненія въ политикѣ правительства и въ духѣ административныхъ распоряженій. Новая хартія предоставляетъ Французамъ право обнародовать и печатать свои мысли, соображаясь съ государственными законами; цензура уничтожается на вѣчныя времена; преступленія и проступки, совершенные путемъ печати, причисляются къ политическимъ преступленіямъ, и, подобно послѣднимъ, судятся судомъ присяжныхъ. Эти существенныя черты законодательства не были измѣнены во все время царствованія Людовика Филиппа; цензура не возстановлялась, и судъ присяжныхъ попрежнему рѣшалъ процессы печати. Нарушить эти два условія, въ которыхъ Французы видѣли драгоцѣнныя гарантіи свободы мысли, казалось слишкомъ опаснымъ; примѣръ Карла X былъ памятенъ Людовику Филиппу, и онъ не рѣшался идти по его слѣдамъ; но, оставляя неприкосновенными внѣшнія формы, новое правительство вовсе не хотѣло, чтобы

Французы съ полною откровенностью сообщали другъ другу свои мысли и желанія въ журнальныхъ статьяхъ и политическихъ обозрѣніяхъ. Въ этихъ мысляхъ и желаніяхъ новое правительство постоянно встрѣчало вещи не лестныя для его самолюбія и далеко не успокоительныя. Оно видѣло, что приверженцы республики, Наполеона и Бурбоновъ попрежнему держатся своего знамени и смотрятъ на орлеанскую династію, какъ на политическую партію, овладѣвшую на короткое время дѣлами правленія. Оно видѣло, что приверженцы Бурбоновъ опираются на принципъ законности и божественнаго права, на вѣковыя преданія королевской Франціи, что бонапартисты прельщаютъ націю блескомъ военной славы, и что республиканцы имѣютъ за себя надежды и симпатіи страждущихъ пролетаріевъ и тѣхъ людей, которые заботятся объ улучшеніи ихъ участи. Оно видѣло вмѣстѣ съ тѣмъ, что не могло выдвинуть противъ своихъ враговъ никакого принципа; у Орлеанистовъ не было ни историческаго знамени, ни политическихъ убѣжденій; они не могли защищаться доводами, потому что самое сооруженіе престола Людовика Филиппа, самое происхожденіе новой монархіи изъ іюльской революціи было громадною логическою ошибкою со стороны представителей французской націи и громаднымъ проявленіемъ двоедушія со стороны Людовика Филиппа. Герцогъ Орлеанскій жилъ въ ладу съ своими родственниками, Бурбонами, до той самой минуты, пока ихъ не выгнали изъ Франціи; въ то же самое время онъ поддерживалъ сношенія съ умѣренными предводителями оппозиціи, съ представителями богатой буржуазіи, съ людьми, подобными Казиміру Перрье и Жаку Лафиту; когда Карль X выѣхалъ изъ Парижа, тогда эти сношенія сдѣлались живѣе и оффиціальнѣе; богатая буржуазія рада была низверженію Бурбоновъ, начавшихъ стремиться къ абсолютизму, но въ то же время она боялась простаго народа и потому поторопилась остановить движеніе, какъ только оно опрокинуло престолъ Карла X. Богатая буржуазія поспѣшила объявить народу, что цѣль достигнута, и что желанное рѣшеніе великой соціальной задачи состоитъ именно въ томъ, чтобы на мѣсто Карла поставить Людовика Филиппа. Очутившись такимъ образомъ во главѣ взволнованнаго народа, родственникъ Бурбоновъ почувствовалъ свое двусмысленное положеніе и понялъ, что двусмысленность этого положенія замѣчаютъ и другіе. Легитимисты считали его измѣнникомъ и похитителемъ престола, а республиканцы смотрѣли на него, какъ на безполезное подставное лицо, котораго содержаніе дорого стоило

націи. Людовику Филиппу приходилось балансировать между этими двумя враждебными лагерями, не имѣя возможности помириться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Чтобъ удовлетворить легитимистовъ, надо было воротить Бурбоновъ и присягнуть имъ въ вѣрности, а самому Людовику Филиппу отправиться въ ссылку по приговору королевскаго ассизнаго суда; чтобы удовлетворить республиканцевъ, надо было отказаться отъ *liste civile*, отдать корону со всѣми бриліантами въ распоряженіе націи и удовольствоваться скромною ролью французскаго гражданина. Въ томъ и въ другомъ случаѣ Людовику Филиппу предстояло выѣхать изъ тюльерійскаго дворца, а этого ему вовсе не хотѣлось. Конечно, у него была возможность удержаться на престолѣ помимо всевозможныхъ политическихъ партій, потому что всякая партія, какъ бы ни была она многочисленна, все-таки составляетъ въ общей массѣ народа очень незначительное меньшинство. Это меньшинство только тогда становится опаснымъ, когда ему начинаетъ сочувствовать равнодушная толпа, а эта равнодушная толпа только тогда выходитъ изъ своего равнодушія, когда она чувствуетъ дѣйствительное страданіе. Людовикъ Филиппъ могъ, не обращая вниманія на ненависть партій, доставлять своему народу матеріальное благосостояніе, заслужить его признательность благоразумными распоряженіями и упрочить свое шаткое господство.

Но такая задача была не по силамъ новаго короля; человѣкъ, которому она была бы по силамъ, по всей вѣроятности, съ самаго начала не принялъ бы той унизительно-двусмысленной роли, которую игралъ герцогъ Орлеанскій во время іюльской революціи. Людовикъ Филиппъ предпочелъ держаться другаго образа дѣйствій. Окруживши себя личными друзьями или людьми, связанными съ нимъ въ интересахъ, онъ сдѣлалъ свое правительство партіею и сталъ обращаться съ легитимистами и съ республиканцами, какъ съ опасными врагами. Крутыхъ мѣръ онъ боялся, но, гдѣ можно было учинить притѣсненіе, не отходя отъ буквы закона, тамъ онъ не упускалъ удобнаго случая. Преслѣдуя своихъ заклятыхъ недоброжелателей, онъ постоянно создавалъ себѣ новыхъ враговъ, потому что очевидная непріязнь правительства къ разнороднымъ проявленіямъ свободной мысли, непріязнь, соединенная съ внѣшнею осторожностью дѣйствій, возмущала всѣхъ честныхъ гражданъ Франціи, хотя бы эти граждане не имѣли никакихъ ясно обозначенныхъ симпатій ни къ изгнанной династіи Бурбоновъ, ни къ республиканскимъ формамъ правленія. Когда прави-

тельство преслѣдовало прессу—это приписывалось его недоброжелательству; когда оно оставляло ее въ покоѣ, тогда это приписывалось его робости; во всякомъ случаѣ, въ правительствѣ предполагались враждебныя намѣренія, и никто не чувствовалъ къ нему признательности, если оно, вслѣдствіе своего безсилія, не осуществляло ихъ на дѣлѣ. Извѣстный въ то время политическій писатель, членъ палаты депутатовъ, Кормененъ, писалъ уже въ 1830 году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ іюльскихъ событій: «Демократическіе журналы умрутъ. Противъ нихъ гремитъ гнѣвный голосъ министровъ, и этому голосу вторитъ эхо изъ *Palais-Bourbon* и изъ *Luxembourg*. Еще нѣсколько дней—и народная журналистика отживетъ свой вѣкъ». Если эти зловѣщія предсказанія, слышавшіяся почти тотчасъ послѣ воцаренія Людовика Филиппа, не осуществились во всемъ своемъ объемѣ, то во всякомъ случаѣ прессѣ пришлость испытать много мелкихъ и крупныхъ передрягъ и притѣсненій.

Въ 1831 году правительство затѣяло нѣсколько процессовъ по дѣламъ печати, но судъ присяжныхъ сдѣлалъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, и большая часть обвиненныхъ журналистовъ и литераторовъ были объявлены невиновными и освобождены отъ преслѣдованій. Впрочемъ, не смотря на безпристрастіе присяжныхъ, нѣкоторые журналы пострадали за излишнюю откровенность. Журналъ Révolution три раза былъ признанъ виновнымъ; во-первыхъ за то, что заподозрилъ палату депутатовъ въ излишней покорности правительству, во-вторыхъ за то, что пожелалъ обратиться къ народу и узнать, кого онъ захочетъ видѣть на престолѣ, въ-третьихъ за то, что перепечаталъ изъ журнала *National* одну статью Карреля. За эту статью Карреля также потянули въ судъ, но случилось такъ, что судьи Карреля оправдали его, автора преслѣдуемой статьи, а судьи журнала Révolution подвергли этотъ журналъ отвѣтственности за простую перепечатку.

Это противорѣчіе между приговорами двухъ *jury* даетъ поводъ думать, что административное вліяніе можетъ прокрадываться въ самыя лучшія судебныя учрежденія, и что люди остаются слабыми смертными даже въ ту торжественную минуту, когда, украшенные титуломъ присяжныхъ, они произносятъ приговоръ надъ участью ближняго. Статья Карреля была вызвана распоряженіемъ министерства, рѣшившагося подвергнуть предварительному аресту журналистовъ и авторовъ тѣхъ статей, которыя были обвинены передъ судомъ.

Каррель, въ своемъ журналѣ «*National*» протестовалъ противъ

системы предварительныхъ арестовъ, объявилъ ихъ противозаконными и обѣщалъ сопротивляться открытою силою въ томъ случаѣ, если бы правительство посягнуло безъ суда на его личную свободу. Эта статья Карреля была перепечатана въ двухъ журналахъ, *Mouvement* и *Révolution*. Всѣ три журнала, National, Mouvement и Révolution призваны къ суду; два первые оправданы, а послѣдній подвергнутъ взысканію.

Военное министерство черезъ одного изъ своихъ агентовъ, Жиске, закупило въ Англіи огромное количество ружей, которыя оказались никуда негодными. Это плачевное событіе надѣлало въ Парижѣ много шуму, и журналъ *Tribune* напечаталъ статью, въ которой самымъ спокойнымъ образомъ предлагался вопросъ: «правда ли, что гг. Казиміръ Перрье и Сультъ получили при закупкѣ ружей и суконъ больше милліона на свою долю»? Этотъ щекотливый вопросъ показался очень обиднымъ первому министру, Казимиру Перрье, и военному министру, маршалу Сульту; они пожаловались на непрошеннаго обличителя, и Мараста, главнаго редактора *Tribune*, призвали къ суду и признали виновнымъ въ обезславленіи правительственныхъ лицъ. Марастъ для своей защиты могъ только просить, чтобы дѣло о закупкѣ ружей было подвергнуто тщательному изслѣдованію, но такого рода просьба, конечно, была оставлена безъ вниманія, потому что посадить въ тюрьму литератора и взять штрафъ съ журнала было легче и пріятнѣе, чѣмъ отдать подъ судъ двухъ министровъ. Впрочемъ Перрье и Сультъ также были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ; они требовали себѣ за безчестіе и за убытки 10,000 франковъ съ оскорбившаго ихъ журнала; судъ нашелъ это требованіе неумѣреннымъ и предложилъ имъ 25 франковъ. Неизвѣстно, на сколько удовлетворило ихъ подобное предложеніе.

Откровенно выраженныя мнѣнія объ особѣ короля всегда вели за собою процессы, которые постоянно кончались осужденіемъ обвиненныхъ. Не смотря на то, нерасположеніе общества и литературы къ правительству было такъ сильно, что нападенія на Людовика Филиппа повторялись довольно часто. Журналъ *Caricature* нарисовалъ его портретъ въ смѣшномъ видѣ, *Tribune* разсмотрѣлъ критически его прошедшее, *Gazette de France* объявила, что французскій престолъ принадлежитъ Генриху V, а не Людовику Филиппу, *Gazette de France*, *Renovateur* и *Quotidienne* обвинили короля, какъ соучастника въ умерщвленіи принца Конде, *Charivari* пустилъ въ ходъ каррикатуру

короля, окруженную трупами съ подписью: «Олицетворенiе самой мягкой и человѣколюбивой системы». Всѣ эти журналы были осуждены и наказаны, но, *къ сожалѣнiю*, благотворный примѣръ не подѣйствовалъ, и французскiе журналисты оказались неисправимыми, несмотря на штрафы и тюремныя заключенiя. Должно также замѣтить, что масса общества въ большей части случаевъ только тогда бросалась читать эти выходки и нападенiя, когда онѣ вызывали противъ себя преслѣдованiя, такъ что правительство своимъ вмѣшательствомъ постоянно содѣйствовало успѣху либеральныхъ перiодическихъ изданiй. Дѣйствительно, если бы преслѣдованiя со стороны правительства не усиливали подписки и продажи гонимыхъ журналовъ, то существованiе нѣкоторыхъ перiодическихъ изданiй во время царствованiя Людовика Филиппа оказалось бы фактомъ, совершенно необъяснимымъ. Журналъ *Tribune* въ теченiи четырехъ лѣтъ (1830—1834) выдержалъ сто два процесса; изъ нихъ онъ проигралъ семнадцать; вслѣдствiе этого онъ принужденъ былъ заплатить 120,000 франковъ штрафа и просидѣть въ тюрьмѣ, въ лицѣ своихъ редакторовъ, семнадцать лѣтъ. Восемь редакторовъ этого журнала принуждены были совокупными силами отбывать эту повинность, такъ что на каждаго изъ нихъ приходилось больше двухъ лѣтъ тюремнаго заключенiя. Если принять въ соображенiе, что даже тѣ восемьдесятъ пять процессовъ, въ которыхъ журналъ *Tribune* былъ оправданъ, отнимали у посудимыхъ много времени, вели за собою хлопоты и были сопряжены съ болѣе или менѣе значительными издержками, если взвѣсить далѣе, что при заключенiи въ тюрьму одного изъ редакторовъ журналъ разомъ лишался одной изъ своихъ дѣйствующихъ силъ, и что въ то время, о которомъ я говорю теперь, восемь редакторовъ сидѣли, сложа руки, въ разныхъ исправительныхъ заведенiяхъ, если взять въ расчетъ огромный матерiальный подрывъ, который наносили фонду журнала штрафы, равнявшiеся въ своей совокупности 120,000 франковъ, и если вспомнить, что при всемъ томъ журналъ *Tribune* продолжалъ выходить въ свѣтъ и изумлять правительство смѣлостью своихъ сужденiй, то, дѣйствительно, надо будетъ отдать полную дань уваженiя непоколебимой стойкости либеральной прессы. Эта стойкость была бы безплодною и нелѣпою тратою героизма, если бы она не опиралась на сочувствiе умной и развитой публики; кромѣ того, такая стойкость была бы невозможна въ матерiальномъ отношенiи, если бы публика не выражала своего сочувствiя, подписываясь на преслѣдуемый жур-

палъ и покупая на расхватъ тѣ номера, за которые редакторовъ призывали къ суду и сажали подъ арестъ. У издателей не хватило бы ни денегъ для того, чтобы оплачивать штрафы, ни живыхъ силъ для того, чтобы ими замѣнять дѣятелей, выбывающихъ въ тюрьму. Не мѣшаетъ замѣтить, что штрафы, налагаемые на *Tribune*, были особенно крупны; сроки тюремныхъ заключеній были также очень значительны; такъ напримѣръ, за одну статью, обвинявшую палату депутатовъ въ продажности, отвѣтственный редакторъ былъ осужденъ на три года тюремнаго заключенія; кромѣ того, съ журнала взыскали 10,000 франковъ; въ другой разъ *Tribune*, разсказывая о пистолетномъ выстрѣлѣ, данномъ по королю, замѣтила, что это, по всей вѣроятности, полицейская комедія; смыслъ этихъ словъ былъ очевидно тотъ, что полиція, желая усилить въ глазахъ правительства свою собственную важность, подстрекаетъ легковѣрныхъ людей и затѣваетъ разныя смуты, для того чтобы потомъ одерживать надъ ними легкія, но тѣмъ не менѣе блестящія побѣды. Правительство по какому-то необъяснимому процессу мысли приняло слова *Tribune* за оскорбленіе, нанесенное особѣ короля. Отвѣтственному редактору снова прописали годъ тюремнаго заключенія, а съ журнала взыскали штрафъ въ 24,000 франковъ.

Кромѣ штрафа и тюрьмы существовало еще одно, довольно замысловатое наказаніе: когда какой нибудь журналъ, отдавая отчетъ о судебныхъ преніяхъ, высказывалъ какія нибудь замѣчанія, не правившіяся тому или другому члену правительства, тогда недовольные представители власти обыкновенно обвиняли провинившійся журналъ въ невѣрности показаній и на нѣсколько времени отнимали у него право говорить о судебныхъ засѣданіяхъ; когда надъ журналомъ былъ произнесенъ такой приговоръ, тогда каждое, самое невинное слово, сказанное имъ о судебномъ дѣлѣ, раньше истеченія назначеннаго срока, считалось нарушеніемъ закона и преслѣдовалось, какъ проступокъ. Очень понятно, что наказанный журналъ терялъ часть своей занимательности, и что конкурренты легко могли переманить къ себѣ читающую публику. Вынужденное молчаніе о такомъ важномъ предметѣ, представлявшемъ постоянно живой и вѣчно современный интересъ, было чрезвычайно тяжело для живаго и талантливаго журналиста. Журналъ Карреля, *National*, испыталъ эту горькую участь за то, что, по мнѣнію версальскаго ассизнаго суда, представилъ невѣрный отчетъ о дѣлѣ пистолетнаго выстрѣла; ему запретили въ продолженіи двухъ

лѣтъ говорить о судебныхъ преніяхъ; Каррель не выдержалъ и въ 1834 году объявилъ правительству, что журналъ *National* прекращаетъ свое существованіе, и что открывается новый журналъ *National de 1834*; правительство, конечно, осталось равнодушно къ этой незначительной перемѣнѣ заглавія, и Каррель въ новомъ журналѣ своемъ началъ говорить о судебныхъ засѣданіяхъ, какъ будто бы прежняго приговора не существовало. Правительство выразило свое неудовольствіе, но такъ какъ законъ не предвидѣлъ этого случая, то Каррель оказался невиннымъ, и администрація принуждена была убѣдиться въ томъ, что мелкія преслѣдованія всегда вызываютъ со стороны притѣсненныхъ мелкія хитрости и уловки.

Иногда заключеніе въ тюрьму и штрафъ соединялись еще съ потерею гражданскихъ правъ на извѣстный промежутокъ времени. Гражданскія права, отнимавшіяся такимъ образомъ у виновнаго, заключались въ слѣдующемъ: 1) право голоса на выборахъ; 2) право быть избираемымъ; 3) право быть назначаемымъ въ званіе присяжнаго или исполнять другія общественныя должности; 4) право носить оружіе; 5) право участвовать и подавать голосъ въ семейномъ совѣтѣ; 6) право быть опекуномъ или попечителемъ; 7) право быть экспертомъ или свидѣтелемъ въ актахъ; 8) право быть свидѣтелемъ въ судѣ. Депутатъ Кабе, редакторъ журнала *Populaire*, на два года былъ лишенъ гражданскихъ правъ за двѣ статьи, говорившія въ пользу республики и повѣствовавшія о преступленіяхъ коронованныхъ особъ противъ человѣчества. Кромѣ того его посадили на два года въ тюрьму и журналъ заплатилъ значительный штрафъ. Возможность отнимать такимъ образомъ гражданскія права у писателя, обнаруживающаго предосудительный образъ мыслей, могла сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ конституціоннаго правительства. Отстранить отъ выборовъ нѣсколько десятковъ умныхъ головъ значило лишить оппозицію нѣсколькихъ талантливыхъ бойцевъ и предводителей. Журналистика и адвокатура были для свободно-мыслящаго человѣка лучшими средствами заявить себя передъ публикою и пробить себѣ дорогу въ парламентъ, къ гражданской дѣятельности въ полномъ и обширномъ смыслѣ этого слова. Но журнальная извѣстность доставалась не легко, и лишеніе гражданскихъ правъ на нѣсколько лѣтъ передъ самыми выборами не разъ поражало людей, успѣвшихъ зарекомендовать себя статьями политическаго содержанія, и сосредоточившихъ на себя надежды своихъ единомышленниковъ.

Когда журналъ обвинялся въ оскорбленіи палаты перовъ или депутатовъ, тогда обвиненнаго призывали къ суду въ самую палату, и такимъ образомъ оскорбленное собраніе становилось судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Въ апрѣлѣ 1834 года правительство напало на слѣдъ обширнаго республиканскаго заговора; арестованныя лица были отданы подъ судъ въ палату перовъ; разсматривая это событіе, *National* замѣтилъ, что это распоряженіе правительства составляетъ нарушеніе конституціи, потому что, по закону 8 октября 1830 года, политическія преступленія подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ, а вовсе не въ палатѣ перовъ. Почтенное собраніе, котораго судебная дѣятельность объявлялась такимъ образомъ незаконною, возмутилось и потребовало *National* къ суду въ ту самую палату, у которой этотъ журналъ, опираясь на букву хартіи, отнималъ право судить, какъ политическія преступленія вообще, такъ и преступленія, совершенныя путемъ печати въ особенности. Каррель, въ своей защитительной рѣчи, продолжалъ поддерживать идею своего журнала, перебралъ тѣ случаи, въ которыхъ палата перовъ произносила несправедливые приговоры, и напомнилъ почтенному собранію казнь маршала Нея, называя ее *отвратительнымъ убійствомъ*. Эти слова возбудили волненіе; президентъ перебилъ оратора и приказалъ ему соразмѣрять свои выраженія съ достоинствомъ присутствующихъ особъ. Но тутъ оказалось, что слова Карреля находятъ себѣ сочувствіе въ членахъ собранія; одинъ изъ перовъ, генералъ Эксельманъ поднялся съ своего мѣста. «Я раздѣляю мнѣніе отвѣтчика, сказалъ онъ громко. Да, осужденіе маршала Нея было юридическимъ убійствомъ. Я говорю это»! Оправданный такимъ образомъ голосомъ одного изъ судей, Каррель могъ продолжать свою защитительную рѣчь, но *National* тѣмъ не менѣе былъ признанъ виновнымъ, высидѣлъ два года въ тюрьмѣ и заплатилъ 10,000 франковъ штрафа.

Во время процесса апрѣльскихъ заговорщиковъ, обвиненные выбрали себѣ защитниками нѣсколько лицъ, не принадлежавшихъ къ сословію адвокатовъ. Этимъ лицамъ правительство не позволило видѣться съ ихъ будущими кліентами. Тогда эти лица напечатали въ двухъ журналахъ *Tribune* и *Réformateur* протестъ противъ этихъ распоряженій, отнимавшихъ у подсудимыхъ возможность говорить въ свое оправданіе то, что они считали наиболѣе убѣдительнымъ.

Вслѣдъ за этимъ протестомъ въ тѣхъ же журналахъ было помѣ-

щено письмо къ подсудимымъ, написанное на ту же тему и подписанное двумя депутатами, Корменсномъ и Одри-де-Пюираво. Палата перовъ нашла это письмо оскорбительнымъ для своего достоинства и потребовала къ суду Корменена и Пюираво. Въ палатѣ депутатовъ возникъ тогда вопросъ: давать ли своихъ членовъ въ обиду, или отказать требованію перовъ. У Корменена и у Пюираво потребовали предварительныхъ объясненій; Корменень объявилъ, что не подписывалъ никакого письма, а Пюираво сказалъ на отрѣзъ, что никакихъ объясненій давать не желаетъ. Тогда, послѣ бурнаго засѣданія, было рѣшено предать депутата Пюираво въ руки перовъ. Это рѣшеніе взволновало всю залу; поднялся шумъ, и нѣкоторые депутаты замѣтили, что съ трибуны журналистовъ раздавались крики и бранныя слова; предсѣдатель собранія приказалъ ихъ вывести; потомъ, когда черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ возстановилась приличная тишина, президентъ пригласилъ ихъ занять прежнее мѣсто, но они отказались, и засѣданіе палаты закрылось. На дворѣ и на улицѣ произошли непріятныя объясненія и столкновенія между изгнанными журналистами и депутатами министерской партіи; на другой день журналы заговорили объ этихъ своеобразныхъ событіяхъ; *Réformateur* напечаталъ противъ депутатовъ статью подъ заглавіемъ: «*assomeurs legislatifs*» (законодательные разбойники) эта статья пришлась не по вкусу французскому парламенту; *Réformateur* былъ призванъ къ суду въ палату депутатовъ и поплатился за свой не совсѣмъ лестный отзывъ мѣсячнымъ заключеніемъ и штрафомъ въ 10,000 франковъ.

II.

Легитимисты и республиканцы находились въ постоянной оппозиціи съ правительствомъ, но, сходясь между собою въ одномъ этомъ отрицательномъ пунктѣ, они діаметрально расходились между собою во всѣхъ положительныхъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ. Взаимная непріязнь между этими двумя рѣзко разграниченными партіями обозначалась при каждомъ удобномъ случаѣ. Однимъ изъ такихъ случаевъ была неудачная попытка вдовы герцога Беррійскаго возмутить населеніе Бретани противъ существующаго правительства. Герцогиня, высадившаяся во

Францію въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ друзей, попалась въ плѣнъ; во время ея плѣна обнаружились симптомы болѣзненнаго разстройства, которые были приняты приставленными къ ней медиками за признаки беременности. Это извѣстіе мгновенно огласилось по всей Франціи и привело легитимистовъ въ сильное смущеніе. Не зная, какъ оправдать герцогиню, они вздумали утверждать, что орлеанисты и республиканцы клевещутъ на нее, съ цѣлью парализировать политическое вліяніе ея имени на массу французскаго населенія. Журналы легитимистовъ постоянно говорили о болѣзни герцогини, между тѣмъ какъ правительственные и либеральные органы постоянно называли эту болѣзнь ея настоящимъ именемъ. Дѣло не остановилось на одномъ различіи показаній. Легитимисты рѣшились во чтобы то ни стало зажать ротъ обвинителямъ плѣнной герцогини и начали съ того, что послали вызовъ редактору одного либеральнаго журнала *Corsaire*. Узнавъ о грозныхъ приготовленіяхъ легитимистовъ, *Tribune* и *National* объявили рыцарямъ, рѣшившимся проливать свою кровь за честь герцогини Беррійской, что журналисты либеральной партіи не отказываются отъ выраженныхъ ими мнѣній и готовы довести дѣло до дуэли. Тогда двѣнадцать легитимистовъ прислали вызовы въ контору *National*; Каррель выбралъ одного изъ нихъ, Ру-Лабори, и былъ опасно раненъ. Въ это время обмѣнъ вызововъ между враждебными журналами продолжался, но въ палатѣ депутатовъ легитимистъ Беррье объяснился отъ лица своей партіи съ представителемъ либеральной оппозиціи, Гарнье-Пажесомъ, и печальные раздоры между журналистами прекратились. Какъ извѣстно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этихъ событій, герцогиня дѣйствительно разрѣшилась отъ бремени и тогда легитимисты съ изумленіемъ узнали о тайномъ бракѣ ея съ итальянскимъ дворяниномъ, графомъ Лукези-Палли. Оказалось, что весь рыцарскій жаръ ихъ былъ потраченъ даромъ.

Правительство Людовика Филиппа чувствовало, что его ненавидятъ съ разныхъ сторонъ и по разнымъ побужденіямъ. Министерства возвышались и падали одно за другимъ, не удовлетворяя требованіямъ общества, не успѣвая разсѣять недовѣріе и постоянно встрѣчая въ палатѣ депутатовъ и въ журналистикѣ дѣятельную, даровитую и бдительную оппозицію. Между тѣмъ, случайныя событія, не имѣвшія никакой связи съ дѣйствіями этой оппозиціи, усиливали враждебныя отношенія правительства къ проявленіямъ свободной мысли. Въ короля стрѣляли чуть ли не каждый годъ; стрѣлковъ этихъ схватывали, су-

дили обыкновеннымъ порядкомъ, и одна голова за другою скатывалась съ эшафота. Но этимъ дѣло не кончалось; король начиналъ ненавидѣть своихъ подданныхъ, начиналъ чувствовать къ нимъ полное недовѣріе и за преступленія отдѣльныхъ лицъ мстилъ цѣлому королевству, усиливая административныя и юридическія притѣсненія. Людовикъ Филиппъ не понималъ того, что открытая оппозиція, высказывающая свои мнѣнія съ парламентской трибуны или въ столбцахъ либеральной газеты, по самой сущности своей не можетъ имѣть ничего общаго съ заговоромъ, съ покушеніемъ на жизнь правительственнаго лица или вообще съ такимъ предпріятіемъ, которое для своего успѣха требуетъ непроницаемой тайны. Вслѣдствіе этого, каждый пистолетный выстрѣлъ, сдѣланный по королю, подавалъ поводъ къ такимъ правительственнымъ распоряженіямъ, которыя падали на невинную оппозицію и слѣдовательно увеличивали раздраженіе общества и литературы.

28 іюля 1835 года итальянецъ Фіески выстрѣлилъ въ короля изъ цѣлой батареи ружей, приложенныхъ въ окнѣ одного дома, мимо котораго проѣзжалъ Людовикъ Филиппъ съ своею свитою. Свита пострадала, но король остался невредимъ; въ сентябрѣ того же года появились нѣкоторые дополнительные законы о печати, законы, которые, конечно, не облегчили положенія журналистики. Основные черты прежняго законоположенія, освященныя буквою хартіи, остались нетронутыми, но масштабъ наказаній увеличился, и число стѣсненій и препятствій сдѣлалось значительнѣе.

Особенное вниманіе правительства было обращено на журналистику, какъ на средство возбуждать легковѣрныхъ людей къ разнымъ противозаконнымъ поступкамъ. Правительство думало, что журналисты только о томъ и хлопочутъ, какъ бы взбунтовать народъ, подослать тайнаго убійцу или сдѣлать какой нибудь общественный скандалъ; поэтому оно прежде всего повторило законъ 17 мая 1819 года, по которому человѣкъ, возбудившій другаго къ совершенію преступленія, наказывается наравнѣ съ преступникомъ, если только возбужденіе повело за собою попытку; если же возбужденіе останется безо всякихъ послѣдствій, тогда возбудитель по закону 1819 года наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 50 франковъ до 6,000 франковъ.

Стало быть, къ какому бы важному преступленію вы не подстрекали вашихъ слушателей или читателей, вы, по буквѣ закона 1819 года, должны были заплатить только 6,000 франковъ и просидѣть въ

тюрьмѣ только 5 лѣтъ, въ томъ случаѣ, если слова ваши оставались безъ всякаго послѣдствія.

Эта статья закона, удовлетворявшая требованіямъ реставраціоннаго правительства, показалось чрезвычайно слабою человѣколюбивому правительству Людовика Филиппа. Оказалось, что за возбужденіе къ особенно важнымъ преступленіямъ слѣдуетъ платить отъ 10,000 до 50,000 франковъ и высиживать въ крѣпости отъ 5 до 20 лѣтъ, опять–таки только въ томъ случаѣ, когда возбужденіе не произвело никакого вліянія.

Въ случаѣ оскорбленія общественной или религіозной нравственности, или въ случаѣ публичнаго заявленія мнѣній, несогласныхъ съ конституціею 1830 года, судилища, по закону 10 сентября 1835 года, получили право, смотря по обстоятельствамъ, увеличивать вдвое высшую степень наказанія, назначеннаго прежними законами.

Во всѣхъ случаяхъ обезславленія, предъусмотрѣнныхъ законами, допущены также, смотря по важности обстоятельствъ, удвоенныя наказанія.

Такимъ образомъ, журналъ *Tribune*, заплатившій раньше этихъ законодательныхъ усовершенствованій 120,000 франковъ штрафа и высидѣвшій въ лицѣ своихъ редакторовъ 17 лѣтъ въ тюрьмѣ, могъ послѣ 1835 года расчитывать, что въ слѣдующее пятилѣтіе ему придется истратить на штрафы отъ 300 до 400 тысячъ франковъ и высидѣть въ тюрьмѣ покрайней мѣрѣ лѣтъ 50. Тутъ, конечно, было трудно соблюсти строго математическій расчетъ; дѣло въ томъ, что за одни преступленія судилищамъ позволялось только удвоивать мѣру наказанія, а за другія, которыя правительство особенно близко принимало къ сердцу, *maximum* штрафа возвысилось слишкомъ въ восемь разъ; вмѣсто 6,000 явилось 50,000 франковъ; а *maximum* тюремнаго заключенія увеличилось вчетверо; вмѣсто 5 лѣтъ оказалось 20 лѣтъ, не говоря уже о томъ, что простая тюрьма замѣнилась крѣпостью. Если бы каждое пятилѣтіе приносило съ собою такого рода законодательное усовершенствованіе, то можно было бы надѣяться, что со временемъ штрафный сборъ съ оппозиціонной журналистики составитъ одну изъ важнѣйшихъ статей дохода въ государственномъ бюджетѣ Франціи.

Законъ 10 сентября запретилъ, кромѣ того, открывать публичныя подписки для вознагражденія штрафовъ и убытковъ, наложенныхъ судебными приговорами. Нарушеніе этой статьи подвергаетъ виновнаго

штрафу, который въ важныхъ случаяхъ можетъ быть доведенъ до 5,000 франковъ, т. е. почти до той цифры, до которой, при Людовикѣ XVIII доходилъ штрафъ за возбужденіе къ важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ. Штрафъ, конечно, самъ по себѣ, а тюрьма сама по себѣ; наибольшій срокъ въ этомъ случаѣ—одинъ годъ.

Если журналъ въ теченіе одного года два раза подвергается осужденію за преступленіе, то судилища имѣютъ право пріостанавливать изданіе на время до 4-хъ мѣсяцевъ. Значитъ, журналъ заплатитъ огромный штрафъ, потеряетъ года на два двоихъ редакторовъ, и всего этого, по мнѣнію правительства, мало; къ двумъ наказаніямъ, поражающимъ личность и собственость, надо еще присоединить третье, прибавочное, парализирующее проявленіе идеи.

Такова та часть сентябрьскихъ законовъ, которая имѣетъ цѣлью запугать либеральную журналистику. Есть еще другая часть, стремящаяся къ тому, чтобы затруднить для большей части французскихъ гражданъ доступъ къ журнальной дѣятельности. Издатель ежедневной газеты долженъ былъ по сентябрьскимъ законамъ представить въ государственное казначейство залогъ въ 100,000 франковъ; газета, выходящая два раза въ недѣлю—75,000 франковъ; еженедѣльная газета—50,000 франковъ; журналъ, выходящій два или три раза въ мѣсяцъ 25,000 франковъ; журналы, выходящіе разъ въ мѣсяцъ, остаются по прежнему избавленными отъ залога. Отвѣтственный редакторъ каждаго журнала долженъ владѣть самъ покрайней мѣрѣ третьею частью залога. Если эта третья часть уменьшается вслѣдствіе частной сдѣлки или взысканнаго штрафа, тогда отвѣтственный редакторъ въ теченіи 15 дней обязанъ пополнить ее, или уступить свое мѣсто другому лицу; въ случаѣ неисполненія этого условія изданіе останавливается. Если отвѣтственный редакторъ не подпишетъ одного нумера своего изданія, съ него взыскивается штрафъ до 3,000 франковъ. Если отвѣтственный редакторъ сидитъ въ тюрьмѣ, то на его мѣсто долженъ стать другой отвѣтственный редакторъ, удовлетворяющій всѣмъ вышепоказаннымъ требованіямъ закона. Если же такого лица не отъищется, то изданіе останавливается на все время тюремнаго заключенія отвѣтственнаго редактора.

Правительство требовало такимъ образомъ, чтобы каждый издатель ежедневной газеты былъ человѣкъ, обезпеченный въ денежномъ отношеніи. Надо было, чтобы онъ имѣлъ покрайней мѣрѣ 200,000 франковъ свободнаго капитала; половина этихъ денегъ должна была отпра-

виться въ казначейство, а другая половина, конечно, была необходима для того, чтобы на первыхъ порахъ обезпечить изданіе, еще неизвѣстное читающей публикѣ. Образованный пролетарій, обладающій твердыми сознанными и прочувствованными убѣжденіями, готовый за эти убѣжденія идти въ тюрьму и въ ссылку, не могъ, по сентябрьскимъ законамъ, являться отвѣтственнымъ лицомъ; чтобы быть отвѣтственнымъ редакторомъ ежедневной газеты, т. е. чтобы имѣть пріятную перспективу сидѣть въ тюрьмѣ за невинную фразу, перетолкованную обвинителями и судьями, надо было владѣть суммою въ 33,333$^{1}/_{3}$ франка. Какъ только изъ этой кабалистической суммы убывалъ одинъ франкъ, такъ отвѣтственный редакторъ долженъ былъ закладывать вещи, занимать деньги у друзей или родственниковъ и пополнять роковое число; въ противномъ случаѣ всѣ прежніе труды и пожертвованія пропадали даромъ; журналъ останавливался, а между тѣмъ событія шли, и несчастный редакторъ терпѣлъ казнь Тантала; онъ видѣлъ желанную пищу для своей критики, для своего анализа, а правительство зажимало ему ротъ и говорило: вноси деньги, плати за право думать, писать и печатать твои же мысли на твоей же бумагѣ.

Посидѣть въ тюрьмѣ мѣсяца два, три—не важность; человѣкъ, рѣшающійся посвятить свои силы журнальной дѣятельности, не могъ бояться подобнаго наказанія и отступать передъ такими ничтожными опасностями; но, покуда редакторъ сидитъ въ тюрьмѣ, что дѣлается съ журналомъ? Правительство велитъ закрыть его, если не найдется другаго отвѣтственнаго редактора, имѣющаго за душою опредѣленные закономъ 33,333$^{1}/_{3}$ франка. А какое же значеніе и вліяніе можетъ имѣть журналъ, если онъ будетъ прерываться и по нѣскольку разъ въ годъ поневолѣ обманывать ожиданіе публики. Оказывается такимъ образомъ, что одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, какъ бы онъ ни былъ готовъ жертвовать своею личностью и своимъ состояніемъ, не можетъ издавать ежедневную газету, пользующуюся сочувствіемъ публики. Необходимо, чтобы цѣлая ассоціація людей, любящихъ одну идею, соединила свои силы и капиталы; необходимо, чтобы выбывающія деньги пополнялись изъ фондовъ общества, и чтобы выбывающіе дѣятели немедленно смѣнялись другими, готовыми въ свою очередь платить штрафы и сидѣть въ тюрьмѣ. Доведя законы о печати до послѣднихъ предѣловъ строгости, правительство надѣялось разорить въ конецъ журналы оппозиціи и довести либеральную прессу до состоянія вынужденнаго молчанія; расчетъ оказался невѣрнымъ.

Нѣкоторые демократическія изданія дѣйствительно погибли насильственною смертью, но издававшіе ихъ люди на бѣду остались живы, и не смотря на отеческія увѣщанія правительства, не рѣшились сложить руки; потерявъ возможность поддерживать журналъ собственными силами, они протянули руки своимъ братьямъ по идеѣ, сблизились съ ними, не смотря на нѣкоторые оттѣнки въ образѣ мыслей, и заключили между собою тѣсный оборонительный союзъ противъ общаго притѣснителя. Такъ напр. Марастъ прекратилъ изданіе своей многострадальной *Tribune*, Луи Бланъ закрылъ свой журналъ *Bon sens*, Кабе отказался отъ *Populaire* и мало–по–малу вся оппозиціонная пресса сосредоточилась въ двухъ періодическихъ изданіяхъ—*National* и *Réforme*. Сознаніе общей опасности сблизило между собою всѣхъ радикаловъ и демократовъ, всѣхъ тѣхъ честныхъ дѣятелей, которые съ надеждою смотрѣли впередъ и ожидали для націи лучшаго будущаго. Думая раздавить оппозицію, правительство оказало ей существенную услугу, заставило ее организоваться и окрѣпнуть; журналисты поняли, что время остроумныхъ выходокъ и язвительныхъ шутокъ прошло; они поняли, что публика съ безпокойствомъ смотритъ на положеніе страны и на распоряженія правительства, что она ждетъ отъ прессы серьезныхъ указаній и руководящихъ идей, вмѣсто того чтобы попрежнему искать въ журналахъ удачныхъ выраженій и колкихъ намековъ. Факты начали говорить сами за себя; чтобы поддерживать и питать въ публикѣ господствующее настроеніе, достаточно было съ точки зрѣнія честнаго человѣка отдавать отчетъ о текущихъ явленіяхъ государственной жизни. Отраднаго было такъ мало, опасности надвигались совсѣхъ сторонъ въ такихъ явственно очерченныхъ фигурахъ, ошибки правительства и полный разладъ его съ общественнымъ мнѣніемъ націи были до такой степени очевидны, что только записные панегиристы, умышленно искажавшіе факты, извѣстные всѣмъ и каждому, разсыпали свою дешевую лесть въ министерскихъ журналахъ, расходившихся въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Преслѣдовать либеральную прессу за то, что она спокойно говорила правду, было невозможно; мудрено было найдти такихъ присяжныхъ, которые, на глазахъ у цѣлой Франціи, рѣшились бы сознательно осудить невиновнаго или по убѣжденію признать виновнымъ человѣка за то, что онъ не лжетъ въ угоду тому или другому министру; что же касается до того, чтобы измѣнить форму судопроизводства, или вмѣсто судебныхъ преслѣдованій пустить въ ходъ противъ литературы адми-

нистративныя распоряженія, то правительство Людовика Филиппа, при всемъ своемъ расположеніи къ подобнымъ мѣрамъ, находило ихъ слишкомъ опасными. Надо было, во чтобы то ни стало, соблюдать приличія, чтобы не давать возможности представителямъ оппозиціи проводить опасныя параллели между дѣйствіями изгнанныхъ Бурбоновъ и властвующихъ Орлеановъ.

Послѣ 1835 года процессы и осужденія по дѣламъ печати становятся довольно рѣдки, но за то каждый ударъ, который правительство наносило оппозиціонной прессѣ былъ такъ чувствителенъ, что пораженный журналъ рѣдко могъ оправиться и собраться съ силами. Но, взыскивая штрафы, разсаживая писателей въ тюрьмы, закрывая журналы, правительство рубило головы лернейской гидры; головы эти выростали и размножались, не смотря ни на какія близорукія усилія; мысль не можетъ быть убита судебными приговорами; настроеніе умовъ, господствующее въ цѣлой націи, не есть выдумка двухъ или трехъ десятковъ пишущихъ людей, и не зависитъ ни отъ ихъ статей, ни отъ взгляда министерства на эти статьи. Періодическая литература, дошедшая до высшей степени своего процвѣтанія, можетъ быть только выраженіемъ этого господствующаго настроенія. Это выраженіе можно подавить или исказить, потому что, дѣло извѣстное, бумага терпитъ все, что вы на ней соблаговолите написать или напечатать. Но развѣ же подавить проявленіе мысли значитъ искоренить самую мысль? Даровитые представители французской журналистики, люди, подобные Блану, Маррасту, Кабе, Ледрю-Роллепю скоро поняли тактику правительства и нашли возможность говорить съ кругомъ своихъ читателей, не возбуждая противъ себя постоянныхъ преслѣдованій, и не навлекая себѣ за каждую статью хлопотливыхъ и разорительныхъ процессовъ. То обстоятельство, что процессы по дѣламъ печати становятся рѣдкими послѣ 1835 года, ни какъ не можетъ быть приписано ни приращенію милосердія въ правительствѣ, ни цѣлебному дѣйствію сентябрьскихъ законовъ. Ни Людовикъ Филиппъ, ни его министры никогда не отличались великодушіемъ и до конца своего господства считали своими естественными врагами тѣхъ людей, которые въ угоду правительству не могли или не хотѣли отказаться отъ своихъ личныхъ убѣжденій. Французскіе журналисты съ своей стороны были слишкомъ закалены въ борьбѣ съ администраціею, чтобы испугаться сентябрьскихъ законовъ и оставить свое знамя ради того, что возвысились штрафы и увеличились сроки тюремнаго заключенія. Правительство и журналистика просто поняли,

что они тратятъ порохъ на холостые заряды; министры Людовика Филиппа убѣдились въ томъ, что осужденіе цѣлой сотни литераторовъ не доставляетъ имъ самой незначительной побѣды въ парламентѣ, и, возмущая общественное мнѣніе, ни на волосъ не увеличиваетъ ихъ политическаго могущества.

Министры сдѣлались равнодушнѣе къ тенденціямъ прессы, а пресса, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, сдѣлалась серьезнѣе и направилась къ болѣе опредѣленной цѣли. Правительство и оппозиція стали другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу, и, отложивъ въ сторону мелкія схватки, завязали между собою борьбу на жизнь и на смерть. Консервативное начало, воплотившееся въ особѣ перваго министра Гизо, сосредоточило всѣ свои силы, и въ теченіи восьми лѣтъ (1840—1848) имѣло на своей сторонѣ большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ. Прогрессисты разныхъ оттѣнковъ сходились между собою въ стремленіи произвести реформу въ механизмѣ выборовъ и въ самомъ составѣ парламента. Они хотѣли, чтобы вся масса націи или по крайней мѣрѣ значительная часть ея заявляла свои желанія на выборахъ и пользовалась правомъ подавать голосъ и назначать депутатовъ. Они хотѣли, кромѣ того, чтобы палата депутатовъ была независима въ своихъ дѣйствіяхъ и чтобы правительство не имѣло возможности подкупать ея членовъ деньгами или теплыми мѣстами. Ослабить такимъ образомъ преобладаніе правительства въ парламентѣ значило лишить его возможности проводить утѣснительные законы. Если бы оппозиція успѣла сдѣлать палату депутатовъ дѣйствительнымъ выраженіемъ воли всей французской націи, тогда литература была бы навсегда ограждена отъ несправедливыхъ преслѣдованій, тогда всѣ честные граждане Франціи получили бы полную возможность пересматривать, оцѣнивать и обсуживать болячки общества и народа. За свободою мысли неминуемо и неизбѣжно послѣдовало бы обновленіе общественной жизни. Чтобы издавать хорошіе законы, необходимо было исправить самое законодательное орудіе, самое собраніе, которое принимало или отвергало проекты, представлявшіеся на его разсмотрѣніе. Очищеніе парламента отъ постороннихъ элементовъ, которыми запрудило его министерство, обновленіе и усиленіе связи между парламентомъ и живою частью націи должно было повести за собою самыя благотворныя и рѣшительныя измѣненія въ законодательствѣ и въ администраціи. Поэтому всѣ силы оппозиціи сосредоточились на томъ, чтобы добиться избирательной и парламентской рефор-

мы; потребность реформы глубоко сознавалась или по крайней мѣрѣ чувствовалась всѣми классами общества: литераторы и журналисты находились въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ депутатами оппозиціи, постоянно совѣщались съ ними, присутствовали вмѣстѣ съ ними на обѣдахъ, имѣвшихъ политическое значеніе, произносили рѣчи на этихъ застольныхъ митингахъ и въ своихъ изданіяхъ постоянно поддерживали тѣ предложенія, въ пользу которыхъ депутаты оппозиціи говорили съ парламентской трибуны. Національная гвардія, составленная, какъ извѣстно, изъ городскихъ обывателей, желала реформы; учащаяся молодежь, имѣвшая доступъ въ политическіе кружки либеральной партіи, была проникнута стремленіемъ къ реформѣ; за реформу стояли ремесленники и пролетаріи. На сколько это единодушное требованіе преобразованій было сознательно—это другой вопросъ. Навѣрное, три четверти тѣхъ людей, которые кричали «Vive la reforme»! не отдавали себѣ яснаго отчета въ неудобствахъ той правительственной комбинаціи, которую они хотѣли устранить, но всѣ они, увлекаясь общимъ теченіемъ идей и чувствуя себя не хорошо въ настоящемъ, желали отъ всей души новаго, лучшаго порядка вещей, хотя можетъ быть никто не могъ себѣ представить, какія бытовыя формы выработаетъ завтрашній день или будущій годъ.

Старый король и старый министръ не видали и не хотѣли видѣть этого броженія умовъ; они смотрѣли съ улыбкою презрѣнія на усилія парламентской оппозиціи и, имѣя за собою большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ, считали себя полновластными хозяевами страны. Открывая засѣданіе палаты депутатовъ въ началѣ 1848 года, Людовикъ Филиппъ въ своей тронной рѣчи упомянулъ мимоходомъ о нѣкоторыхъ безпорядочныхъ проявленіяхъ «враждебныхъ или слѣпыхъ страстей»; бросая этотъ укоръ въ глаза оппозиціи, онъ показалъ публично, что считаетъ ее безсильною и ничтожною; оппозиція обратилась тогда къ націи, чтобы узнать ея мнѣніе, и нація отвѣтила ей февральскою революціею, начавшеюся при крикахъ «Vive la reforme! A bas Guizot».

III.

Оппозиція въ парламентѣ и въ журналистикѣ слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Партія Тьера и Одилона Барро, рас-

*

полагавшая журналами *Siecle* и *Constitutionelle* стояла на чисто конституціонной почвѣ, осуждала дѣйствія министерства и протестовала противъ попытокъ короля основать свое личное господство. Династію Людовика Филиппа они считали священною и неприкосновенною; конституція 1830 года казалась имъ удовлетворительною въ своихъ основныхъ чертахъ; предводители этой оппозиціи были не прочь отъ министерскаго портфеля и въ борьбѣ своей съ кабинетомъ Гизо руководствовались до нѣкоторой степени личными побужденіями. Крайняя лѣвая сторона палаты депутатовъ, или радикальная оппозиція, владѣвшая журналами *National* и *Réforme* смотрѣла довольно равнодушно на парламентскую борьбу, мирилась съ конституціонною монархіею, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ и признавала ее только какъ переходную форму; она желала республики, надѣялась на инстинкты и силы народа, и за политическими реформами угадывала необходимость радикальныхъ бытовыхъ преобразованій. Болѣе умѣренные представители этой партіи, напр. Карно, Франсуа Араго, Гарнье-Пажесъ, рѣшались дѣйствовать за одно съ конституціоналистами и до поры до времени бороться на парламентской аренѣ; они видѣли впереди ближайшую цѣль—низверженіе консервативнаго министерства, и соединялись со всѣми противниками Гизо, не заботясь о томъ, какъ далеко идутъ стремленія ихъ временныхъ союзниковъ. Крайніе радикалы не хотѣли или не могли даже на время сблизиться съ приверженцами конституціонной монархіи; только одинъ членъ этого кружка, Ледрю-Ролленъ, засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ; остальные исключительные радикалы примыкали къ комитету журнала *Réforme* и съ худо скрытымъ презрѣніемъ смотрѣли какъ на дѣйствія министерства, такъ и на усилія парламентской оппозиціи. Личности этихъ людей пользовались значительною популярностью; ихъ знали и любили парижскіе блузники, но журналъ *Réforme*, по видимому, не встрѣчалъ себѣ достаточнаго сочувствія въ читающихъ классахъ и истощался въ тяжелой борьбѣ съ издержками и процессами. 20-го февраля 1848 года, главный редакторъ этого журнала, Флоконъ объявилъ членамъ комитета редакціи, что средства ихъ истощены и что онъ считаетъ необходимымъ закрыть изданіе до болѣе благопріятнаго времени. Предполагалось издать еще два или три номера, описать въ нихъ демонстрацію, приготовленную на 22-ое февраля и покончить такимъ образомъ журналъ повѣствованіемъ о побѣдѣ прогрессивнаго начала. Чтобы выпустить въ свѣтъ номера 22-го и 23-го февраля, редакція журнала *Réforme* была

принуждена продать мебель изъ своей квартиры. Это бѣдственное положеніе радикальной газеты объясняется тѣмъ, что мнѣнія людей «реформы» шли слишкомъ далеко, такъ далеко, что за ними не могли слѣдовать методичные буржуа, боявшіеся за свои ренты и биржевыя спекуляціи. Большая часть журналовъ читалась и раскупалась буржуазіею, слѣдовательно періодическое изданіе, пугающее парижскихъ мѣщанъ яркостью своего знамени, не могло имѣть значительнаго успѣха, не смотря на извѣстность и популярность своихъ редакторовъ. При всемъ своемъ уваженіи къ личностямъ Флокона, Ледрю-Роллена, Луи Блана, парижскіе ремесленники и поденщики не могли покупать и читать ихъ журнала, и только изрѣдка взглядывали на его столбцы, когда ожидалось особенно важное извѣстіе или обращеніе къ народу.

National выражалъ собою мнѣнія болѣе уступчивыхъ радикаловъ и на этомъ основаніи находилъ себѣ большее число подписчиковъ и покупателей.

Парламентское засѣданіе 1847 года кончилось совершеннымъ пораженіемъ оппозиціи; ни одно ея предложеніе не было принято, ни одно ея требованіе не было исполнено; авторитетъ министерства также поколебался во время этого засѣданія; возникъ рядъ скандальныхъ процессовъ, которыхъ совокупность доказала, что злоупотребленія проникли во всѣ отрасли администраціи, и, не безъ вѣдома министровъ, пустили въ ней глубокіе корни. Финансы угрожали банкротствомъ; армія и флотъ страдали отъ дурнаго качества провіанта, на закупку котораго тратились огромныя суммы; мелкіе и крупные чиновники грабили и обогащались; министры оставляли ихъ безнаказанными и не обращали вниманія на получаемыя доносы; всѣ эти безпорядки выступили другъ за другомъ на свѣтъ и подали поводъ къ упорнымъ и ожесточеннымъ состязаніямъ въ палатѣ депутатовъ; оппозиція хотѣла навалить всю отвѣтственность на министровъ, но большинство депутатовъ, связанныхъ съ членами кабинета интересами и личными отношеніями, отстояло Гизо и его товарищей; многія должностныя лица были осуждены и наказаны, даже трое министровъ, пострадавшихъ въ общественномъ мнѣніи отъ парламентскихъ дебатовъ, были принуждены выдти въ отставку, но Гизо и Дюшатель, стоявшіе фактически во главѣ администраціи и дававшіе ей тонъ и направленіе, остались первенствующими членами кабинета. Министерская пресса прославила побѣду правительства надъ враждебными и слѣпыми страстями, правительство порадовалось многочисленности своихъ при-

верженцевъ въ палатѣ депутатовъ и засѣданія 1848 года закрылись, не измѣнивъ ни одной существенной черты въ внѣшней и внутренней политикѣ кабинета, не подвинувъ ни на шагъ впередъ вопроса объ избирательной и парламентской реформѣ. Оппозиція почувствовала необходимость опереться на желанія всей страны и необыденными мѣрами шевельнуть общественное мнѣніе, которое оставалось нечувствительнымъ къ парламентскимъ дебатамъ и къ газетнымъ статьямъ оппозиціонныхъ литераторовъ. Съ 9 іюля 1847 года начинается по всей Франціи рядъ обѣдовъ по подпискѣ; избиратели разныхъ департаментовъ приглашаютъ на эти обѣды депутатовъ, боровшихся въ парламентахъ за реформу; на этихъ обѣдахъ предлагаются тосты и произносятся рѣчи; журналисты даютъ своимъ читателямъ воодушевленныя описанія этихъ мирныхъ политическихъ манифестацій; депутаты оппозиціи переѣзжаютъ изъ города въ городъ, чтобы придти въ соприкосновеніе и обмѣняться идеями со всѣми свѣжими людьми Франціи, и наконецъ въ Руанѣ, въ декабрѣ, былъ данъ послѣдній обѣдъ, на которомъ присутствовало 1800 человѣкъ и въ томъ числѣ двадцать депутатовъ. На первомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Парижѣ, былъ предложенъ рядъ тостовъ, показывающій тогдашнее настроеніе умовъ: 1) За національное господство! 2) За революцію 1830 года! 3) За избирательную и парламентскую реформу! 4) За процвѣтаніе города! 5) За улучшеніе участи рабочаго класса! 6) За благоденствіе печати! 7) За депутатовъ оппозиціи и 8) въ честь центральнаго комитета избирателей Сены. Рѣчи сопровождавшія собою эти тосты были положительно враждебны политикѣ кабинета, и, при всей мягкости оффиціальныхъ выраженій, обнаруживали глубоко вкоренившееся недовѣріе къ правительству Людовика Филиппа. «Не будемъ сваливать на славную іюльскую революцію, говорилъ Одилонъ Барро, предводитель конституціонной оппозиціи, отвѣтственность за грѣхи теперешней политики. Постыдное зрѣлище, которое мы видимъ теперь, порождено управленіемъ, діаметрально противоположнымъ принципу этой революціи, обманувшимъ ожиданія націи, нарушившимъ всѣ свои обѣщанія.... Нарушенія законной свободы могутъ быть заглажены! Одинъ день побѣды общественнаго мнѣнія можетъ снести прочь всѣ ретроградныя мѣры, всѣ утѣснительныя распоряженія, которыми обременили эту страну... Но удары, нанесенные общественной нравственности, развращеніе должностныхъ лицъ, презрѣніе народа къ правительству и къ достаточнымъ классамъ общества, недовѣріе между сословіями—вотъ въ чемъ

состоитъ существенное зло и я считаю его непоправимымъ.... Да! честь и слава іюльской революціи! Пусть ея великое знанія соберетъ насъ всѣхъ вокругъ себя, пусть передъ нимъ замолкнутъ мелочные раздоры личностей и словъ, ослабляющіе насъ въ виду общаго непріятеля, и пусть Франція, подъ этимъ славнымъ знаменемъ, довершитъ то, чего она не успѣла сдѣлать въ 1830 году»! Подобныя слова, произнесенныя такимъ человѣкомъ, который считалъ самого себя приверженцемъ царствующей династіи, и встрѣченныя дружными знаками сочувствія въ такомъ собраніи, которое вовсе не считало себя радикальнымъ, даютъ намъ понятіе о томъ, насколько тогдашнее общество было расположено подчиниться личному господству Людовика Филиппа. Крайніе радикалы большею частью не произносили никакихъ рѣчей и даже въ большей части случаевъ не присутствовали на политическихъ обѣдахъ, находя, что ихъ время еще не пришло, и что общество врядъ ли будетъ расположено выслушать все то, что они желали ему высказать.

А что же дѣлала въ это время журналистика? Министерская пресса старалась осмѣять всѣ эти демонстраціи, пользовалась раздорами, случайно возникавшими между различными партіями прогрессистовъ, преувеличивала эти раздоры и, при всемъ томъ, тратила на вѣтеръ свое остроуміе и глубокомысліе, потому что имѣла дѣло съ самымъ малочисленнымъ кругомъ читателей. Другіе журналы ограничивались вѣрною передачею фактовъ; они понимали, что въ эпохи усиленнаго политическаго волненія дѣятельность прессы усиливается, но роль ея становится второстепенною и зависимою. Самая умная и живая журнальная статья въ такое время блѣднѣетъ передъ совершающимся событіемъ, передъ произносимымъ словомъ, передъ дѣйствительною борьбою личностей и партій. Всѣ живыя силы страны устремляются къ той практической работѣ, въ которой заключается насущный интересъ минуты; всѣ живые люди становятся ораторами, борцами, гражданами; прессѣ остается только быть электрическимъ телеграфомъ, передающимъ всей странѣ съ возможною быстротою извѣстія о совершающихся событіяхъ. Политическое движеніе, подобное тому, которое овладѣло Франціею въ концѣ 1847 и которое продолжалось въ 1848 году, бываетъ плодомъ созрѣвшей мысли и долгихъ страданій; когда начинается такое движеніе, тогда уже поздно вырабатывать общественныя теоріи и управлять умами посредствомъ печатнаго слова; мыслители, теоретики, кабинетные критики общественной жизни, имѣ-

віше, можетъ быть, рѣшительное вліяніе на формированіе убѣжденій въ молодомъ поколѣніи, теряютъ всякую силу надъ ходомъ событій, если не могутъ превратиться въ людей дѣла и заговорить съ массами языкомъ практической жизни или взволнованной страсти; изъ журналистовъ того времени многіе сдѣлались практическими дѣятелями; но они приняли участіе въ политическихъ событіяхъ, какъ отдѣльныя личности; они дѣйствовали живымъ словомъ и поступками, а не статьями. Когда вся страна въ тревогѣ ожидаетъ разрѣшенія надвинувшихся вопросовъ и недоразумѣній, тогда она ищетъ въ газетахъ и журналахъ голаго факта и не читаетъ личныхъ размышленій публициста. Умный журналистъ понимаетъ это и превращаетъ свои статьи въ подробные перечни, въ постоянно измѣняющіяся картины текущихъ событій, въ эскизы, не имѣющіе никакого другаго значенія, кромѣ животрепещущей современности. Періодическая литература совершенно перестаетъ быть роскошью ума и становится дѣломъ жизни, превращается въ сборникъ необходимыхъ справокъ, воззваній, отчетовъ, извѣстій и указаній. Такую дѣловую литературу правительство не можетъ преслѣдовать, во-первыхъ потому, что ему въ эти минуты не до литературы, во-вторыхъ потому, что литература перестаетъ быть самостоятельною, и, слѣдовательно, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Встрѣтившись лицомъ къ лицу съ оппозиціею въ парламентѣ и въ общественномъ мнѣніи страны, испытавъ парламентскую борьбу во время засѣданія 1847 года и увидавъ длинный рядъ политическихъ демонстрацій «выразившихся во всѣхъ значительныхъ городахъ Франціи въ формѣ обѣдовъ съ тостами и рѣчами», правительство перестало обращать вниманіе на политическую прессу; оно увидѣло, что пропаганда нашла себѣ другіе пути, другіе способы, болѣе опасные по своей новизнѣ, по своей торжественности и по своему непосредственному дѣйствію на воображенія. Оно рѣшилось положить конецъ этимъ манифестаціямъ и такимъ образомъ опять впало въ свою обычную ошибку. Стараясь помѣшать этимъ проявленіямъ общественной жизни, оно увеличило ихъ значеніе въ глазахъ массы; какъ только правительство рѣшилось принять мѣры противъ обѣда, замышлявшагося въ 12 округѣ Парижа, такъ общество употребило съ своей стороны всѣ усилія, чтобы привести его въ исполненіе; правительство призвало къ себѣ на помощь законъ противъ сборищъ, общество съ своей стороны оперлось на право собранія (droit de reunion) правительство, въ лицѣ государственнаго канцлера Геберта, выразило мысль, что все то дол-

жно считаться запрещеннымъ, на что законъ не даетъ положительнаго разрѣшенія, что нѣтъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя формально записаны въ хартіи.

— А право дышать? спросилъ тогда одинъ изъ депутатовъ. Завязалось преніе. Это замѣчательное преніе происходило въ палатѣ депутатовъ 7-го февраля 1848 года, вскорѣ послѣ открытія парламентскихъ засѣданій. Раздраженные стойкостью оппозиціи, министры, не смотря на свои лѣта, не смотря на свою политическую опытность, увлекались за предѣлы всякаго благоразумія, съ ожесточеніемъ поддерживали очевидныя нелѣпости и запальчивою рѣзкостью выраженій старались замѣнить недостатокъ состоятельныхъ доводовъ. Но люди оппозиціи не убѣждались софизмами и не боялись гнѣвныхъ восклицаній. Софизмы они разбивали силою діалектики, а на гнѣвныя восклицанія они отвѣчали рѣзко и рѣшительно. Преніе разгаралось. Одилонъ Барро и Ледрю-Ролленъ разбивали теоріи Дюшателя и Геберта; Дюшатель и Гебертъ по нѣскольку разъ всходили на трибуну и въ рѣчахъ своихъ доходили до угрозы противъ членовъ оппозиціи. Наконецъ засѣданіе совершенно потеряло свой оффиціально приличный характеръ; со всѣхъ сторонъ полетѣли наперекрестъ страшныя возраженія, перемѣшанныя съ отрывочными возгласами негодованія.

— Они идутъ дальше реставраціи! крикнулъ Одилонъ Барро.

— Это контръ-революція! подхватилъ Гарнье Пажесъ.

— Ни Полиньякъ, ни Пейроне никогда не говорили такихъ вещей!

— Это просто ругательства! Это начало насилія!

Всѣ депутаты оппозиціи поднялись съ своихъ мѣстъ; поднялся шумъ, въ которомъ затерялись слова отдѣльныхъ членовъ.

Гебертъ, стоявшій на трибунѣ, закричалъ, что Одилонъ Барро оскорбляетъ его сравненіемъ съ министрами реставраціи; легитимисты, сидѣвшіе въ собраніи, въ свою очередь сочли себя обиженными этимъ выраженіемъ министра; словомъ, всѣ разнородныя и разноцвѣтныя политическія страсти, шевелившіяся въ палатѣ, вырвались наружу и разыгрались съ небывалою силою. Наконецъ Одилонъ Барро обратился къ Геберту, требовавшему отъ него объясненія: «Да, заговорилъ онъ, вы, министры популярной іюльской революціи, вы, люди, за которыхъ лилась кровь мучениковъ свободы, вы хотите отнять у насъ такое право, которое уважали и признавали министры реставраціи въ ту минуту, когда готовилось ея паденіе! Вотъ что я говорю—и это

фактъ, фактъ неопровержимый! Вы нарушаете то, что уважалъ даже Полиньякъ!»

Собраніе пришло въ полное смятеніе; нѣкоторые члены потребовали, чтобы президентъ возстановилъ нарушенный порядокъ, но оказалось, что президента уже не было въ залѣ. Засѣданіе закрылось и депутаты разошлись въ сильномъ волненіи. Газеты описали происшедшую сцену, и жители Парижа на другой же день съ недоумѣніемъ и съ негодованіемъ узнали о наступательныхъ дѣйствіяхъ министерства противъ оппозиціи. Даже министры увидали, что они зашли слишкомъ далеко. Вечеромъ, 9 февраля, Гизо получилъ отъ Дюшателя записку слѣдующаго содержанія.

«Засѣданіе произвело неблагопріятное впечатлѣніе. Гебертъ былъ подъ конецъ слишкомъ крутъ. Это общее мнѣніе тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случилось видѣть съ тѣхъ поръ. Надо успокоить палату. Мы прямо накликаемъ возмущеніе; впрочемъ, я на этотъ случай принялъ мѣры».

По всему ходу парламентскихъ дебатовъ, по страстному характеру произносимыхъ рѣчей, по рѣзкости столкновеній между министерствомъ и оппозиціею и наконецъ по тому тревожному вниманію, съ которымъ парижане слѣдили за преніями, можно было сказать заранѣе, что дѣло не можетъ разрѣшиться парламентскою борьбою. Гизо объявилъ рѣшительно, что ни на одинъ шагъ не отступитъ отъ строго консервативной политики; большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ было постоянно на его сторонѣ; чтобы не тратить силъ на безплодныя декламаціи, оппозиціи было необходимо продолжать свои сношенія съ обществомъ, будить и поддерживать въ немъ стремленіе къ реформѣ, а между тѣмъ министерство хотѣло отрѣзать у нея путь мирной агитаціи и собиралось вмѣшательствомъ полицейской власти разстроивать политическіе обѣды. Оппозиція съ радостью ухватилась за эту ошибку министерства, которое такимъ образомъ давало ей поводъ на наглядномъ примѣрѣ, на живомъ фактѣ показать народу безцеремонное обращеніе правительства съ самыми простыми и необходимыми правами свободныхъ гражданъ конституціонной монархіи. Полицейскій чиновникъ долженъ былъ разогнать мирныхъ гражданъ, собравшихся въ обѣденную залу съ преступнымъ намѣреніемъ пообѣдать на свои деньги—это было бы зрѣлище въ высшей степени поучительное для жителей Парижа, и депутаты оппозиціи рѣшились дѣйствовать такъ, чтобы довести министерство до этой пріятной необходимости. Они не

обратили никакого вниманія на слова Геберта и Дюшателя, и приготовленія къ обѣду 12-го округа продолжались попрежнему. 14-го февраля всѣ журналы оппозиціи напечатали слѣдующее категорическое объявленіе.

«Сегодня утромъ больше ста депутатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ частямъ оппозиціи собрались для того, чтобы условиться насчетъ образа дѣйствій, котораго имъ слѣдуетъ держаться послѣ того, какъ палата утвердила послѣдній параграфъ адреса.

«Собраніе разсматривало сначала то политическое положеніе, въ которое оппозиція поставлена этимъ параграфомъ. Оно замѣтило, что адресъ въ настоящемъ своемъ видѣ—ничто иное, какъ насильственное и дерзкое посягательство большинства на право меньшинства, и что министерство, подстрекнувшее свою партію къ такому неслыханному поступку, нарушило одинъ изъ самыхъ священныхъ принциповъ конституціи, оскорбило право гражданъ въ лицѣ ихъ представителей и, чтобы упрочить свое господство, бросило въ націю семена раздора и безпорядка. Оппозиція думаетъ, что эти обстоятельства увеличиваютъ важность и торжественность ея обязанностей, и что среди тѣхъ событій, которыя волнуютъ Европу и занимаютъ Францію, она ни на одну минуту не должна оставлять борьбу за національные интересы. Оппозиція останется на своемъ мѣстѣ и постоянно будетъ контролировать и обуздывать реакціонную политику, возмущающую спокойствіе цѣлой страны.

«Что касается до права собранія гражданъ, до того права, которое министръ думаетъ подчинить своему благоусмотрѣнію и конфисковать въ свою пользу, то собраніе депутатовъ, убѣжденное въ томъ, что это право составляетъ необходимое условіе всякой свободной конституціи и кромѣ того формально утверждено нашими законами, рѣшилось отстаивать его всѣми легальными и конституціонными средствами; на этомъ основаніи, собраніе назначило изъ себя коммиссію для совѣщаній съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей и для того, чтобы опредѣлить участіе депутатовъ въ томъ обѣдѣ, который готовится быть протестомъ противъ посягательствъ произвола.

«Это рѣшеніе не помѣшаетъ членамъ оппозиціи обратиться, для заявленія протеста, какъ къ сословію избирателей, такъ и къ общественному мнѣнію страны.

«Собраніе думаетъ также, что кабинетъ исказилъ истинный характеръ тронной рѣчи и адреса, чтобы оскорбить достоинство депута-

товъ, и что, вслѣдствіе этого, оппозиція поставлена въ необходимость постоянно заявлять свое неодобреніе противъ такого злоупотребленія власти; поэтому она рѣшила единогласно, что ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ присутствовать при подачѣ адреса, хотя бы даже на него упалъ жребій».

Этотъ подлинный документъ показываетъ намъ, какъ важны были вопросы, занимавшіе политическую прессу, и какъ смѣло и откровенно она къ нимъ относилась.

Это уже не памфлетъ противъ министерства, не сатирическая выходка противъ его распоряженій, а открытое и рѣшительное заявленіе неудовольствія, соединенное съ категорическимъ объясненіемъ того плана дѣйствій, который оппозиція предписываетъ себѣ на будущее время. Оппозиція была поставлена въ исключительное положеніе; палата депутатовъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь короля, по обыкновенію, представила адресъ, въ которомъ выразились, въ общихъ чертахъ, намѣренія и убѣжденія представительнаго собранія или, покрайней мѣрѣ, его большинства. Я уже замѣтилъ, что въ тронной рѣчи короля заключались слѣдующія слова, направленныя противъ дѣйствій парламентской оппозиціи.

«Посреди волненія, возбужденнаго враждебными или слѣпыми страстями, меня воодушевляетъ и поддерживаетъ одно убѣжденіе; я увѣренъ, что въ конституціонной монархіи, въ единодушіи великихъ государственныхъ силъ, мы имѣемъ вѣрныя средства побѣдить всѣ препятствія и удовлетворить всѣмъ матеріальнымъ интересамъ нашего дорогаго отечества.» На эти слова короля, палата отвѣчала въ своемъ адресѣ: «Волненія, возбуждаемыя враждебными страстями и слѣпыми увлеченіями, утихнутъ передъ общественнымъ сознаніемъ, просвѣщеннымъ нашими свободными преніями. Такимъ образомъ король указывалъ на людей оппозиціи, какъ на представителей «слѣпыхъ и враждебныхъ страстей»; а палата выдавала своихъ товарищей, какъ людей, одержимыхъ слѣпыми увлеченіями и враждебными страстями; политическія убѣжденія, высказываемыя публично съ парламентской трибуны, предавались такимъ образомъ на общественное осужденіе; два оффиціальные документы, тронная рѣчь короля и адресъ палаты депутатовъ, т. е. голосъ центральной власти и голосъ представителей націи, называли эти политическія убѣжденія преступными и опасными для общественнаго спокойствія; члены оппозиціи видѣли, что парламентское большинство давитъ и унижаетъ ихъ, увлекаясь въ своей побѣдѣ за

предѣлы той политической умѣренности, которую предписываютъ самыя обыкновенныя приличія. Имъ оставалось только, когда выписанныя мною слова адреса были утверждены большинствомъ голосовъ, или признать себя побѣжденными и выдти въ отставку, или, обращаясь къ націи, спросить у нея, дѣйствительно ли она сочувствуетъ поступкамъ своихъ такъ называемыхъ представителей. Маррастъ, редакторъ журнала *National* предлагалъ депутатамъ оппозиціи пойдти по первому пути, т. е. оставить палату всею массою и такимъ образомъ подать поводъ къ новымъ выборамъ. Это мнѣніе не было принято на томъ основаніи, что новые выборы могли быть выгодны для министерства и что классъ избирателей въ своихъ мнѣніяхъ можетъ расходиться съ мнѣніями и потребностями націи. Поэтому оппозиція рѣшилась оставаться въ парламентѣ до послѣдней крайности, заявлять свое несочувствіе къ административнымъ распоряженіямъ при всякомъ удобномъ случаѣ и продолжать мирную агитацію всѣми законными средствами, не обращая никакого вниманія на репрессивныя мѣры министерскаго произвола. Борьба была начата, и выписанная мною декларація, появившаяся 14 февраля въ журналахъ оппозиціи, можетъ быть названа публичнымъ и торжественнымъ объявленіемъ войны между прогрессивною оппозиціею и упорно-консервативнымъ министерствомъ Гизо.

IV.

Рѣшено было устроить по подпискѣ обѣдъ на 1000 человѣкъ, отправиться къ сборному мѣсту процессіею, не позволять себѣ во время шествія по улицамъ никакого возбуждающаго крика, потомъ за обѣдомъ предложить тосты за право собранія и за парламентскую реформу и наконецъ разойдтись въ совершенномъ порядкѣ, не нарушая ничѣмъ спокойствія города и не давая полиціи никакого повода вмѣшиваться въ эту гражданскую демонстрацію.

18-го февраля коммиссія, составленная изъ трехъ депутатовъ, трехъ членовъ центральнаго комитета и трехъ членовъ комитета 12-го округа, опредѣлила всѣ подробности будущаго обѣда и назначила день—вторникъ, 22-ое февраля.

19-го февраля депутаты оппозиціи собрались еще разъ, взвѣсили свое положеніе, обсудили свои обязанности въ отношеніи къ своимъ избирателямъ и къ Французской націи, разочли возможныя послѣдствія предположенной демонстраціи и опредѣлили окончательно свой образъ дѣйствій на ближайшее будущее время.

20-го февраля всѣ журналы оппозиціи напечатали статью, извѣщавшую читателей о результатахъ сходки 19-го февраля; въ этой статьѣ было сказано, что депутаты рѣшились протестовать «великимъ актомъ легальнаго сопротивленія, противъ мѣры, нарушающей принципы конституціи и самую букву закона». Этотъ актъ легальнаго сопротивленія будетъ состоять въ томъ, что 22-го февраля всѣ члены оппозиціи массою отправятся къ мѣсту, назначенному для обѣда. «Парижъ, говоритъ дальше эта статья, часто предпринималъ героическія усилія и производилъ великія революціи. Ему предстоитъ теперь дать народамъ другой примѣръ; ему предстоитъ показать, что въ свободныхъ странахъ спокойствіе и твердость гражданина, уважающаго законъ и защищающаго свое право, составляютъ самую непобѣдимую и самую величественную силу націи». Далѣе, «депутаты расчитываютъ слѣдовательно на сочувствіе и на содѣйствіе всѣхъ добрыхъ гражданъ, которые съ своей стороны могутъ расчитывать на неутомимую преданность и непоколебимую рѣшимость депутатовъ». Наконецъ статья эта объявляетъ, что уже восемьдесятъ депутатовъ подписали приглашеніе коммиссаровъ 12-го округа.

Министры, выражавшіеся такъ рѣзко противъ права собранія, были поставлены въ затруднительное положеніе. Допустить обѣдъ 22 февраля—значило признать себя побѣжденными; помѣшать ему—было опасно: полицію могли не послушать и дѣло могло дойдти до вмѣшательства войска и до серьезнаго кровопролитія. Король, Гизо и Гебертъ не отступали передъ этими крайними мѣрами; они полагали, что легкая побѣда надъ уличнымъ мятежемъ упрочитъ господство консервативной политики и окончательно сломитъ и разсѣетъ элементы оппозиціи какъ въ парламентѣ, такъ и въ націи вообще. Дюшатель и другіе члены кабинета не хотѣли доводить дѣла до драки и готовы были помириться съ оппозиціею на взаимныхъ уступкахъ. Послѣднее мнѣніе превозмогло, и министерство назначило двухъ преданныхъ депутатовъ, чтобы уладить дѣло переговорами; оппозиція согласилась на нѣкоторыя уступки и послѣ долгихъ совѣщаній обѣ стороны сошлись на слѣдующей программѣ дѣйствій. Рѣшено было, что депутаты и вся

сопровождающая ихъ толпа дойдетъ до назначеннаго мѣста, не нарушая спокойствія города; у дверей зала ихъ встрѣтитъ полицейскій коммиссаръ, который именемъ закона запретитъ имъ входить; члены процессіи войдутъ, не смотря на запрещеніе, и займутъ свои мѣста. Коммиссаръ на мѣстѣ засвидѣтельствуетъ нарушеніе, потребуетъ, чтобы собраніе разошлось, и скажетъ, что въ случаѣ надобности, онъ употребитъ силу. Одилонъ Барро произнесетъ рѣчь противъ злоупотребленія власти, объяснитъ цѣль всей демонстраціи и объявитъ наконецъ, что онъ покоряется силѣ и оставляетъ за собою право повести дѣло судебнымъ порядкомъ; тогда депутаты разойдутся и употребятъ свое вліяніе, чтобы убѣдить толпу разойдтись безъ шума. Правительство поддержало бы такимъ образомъ свое достоинство, а оппозиція показала бы съ своей стороны свое значеніе, потому что по ея призыву граждане всѣхъ сословій произвели бы мирную демонстрацію. Это я говорю, становясь на точку зрѣнія правительства и парламентскихъ доктринеровъ; конечно, можно было бы замѣтить, что и тѣ, и другіе хлопочутъ изъ-за пустяковъ и гонятся за пустыми формальностями. Допуская процессію, правительство все-таки обнаруживало свою слабость; соглашаясь разойдтись по требованію полицейскаго коммиссара, депутаты оппозиціи все-таки фактически отказывались отъ права собранія и уходили домой безъ обѣда. Стало быть, это замысловатое примиреніе оставляло обѣ стороны неудовлетворенными; можно было предвидѣть заранѣе, что это примиреніе не состоится, что оно будетъ нарушено одною изъ примиряющихся сторонъ, или, всего вѣрнѣе, что народъ своимъ простымъ, здравымъ смысломъ не захочетъ понять хитрой казуистики парламентскихъ юристовъ. Правительство и оппозиція оказывались очень недальновидными, не смотря на всю тонкость ума и на всю политическую опытность своихъ представителей. Предпринимая рѣшительный шагъ, ни правительство, ни оппозиція не понимали его значенія; они вѣрили въ возможность полумѣръ и не знали того, что народъ, рѣшившійся защищать то, что онъ считаетъ своимъ правомъ, не остановится передъ запрещеніемъ полицейскаго коммиссара и не обратитъ особеннаго вниманія на умѣренно либеральныя рѣчи краснорѣчиваго депутата. Впрочемъ, соглашеніе между правительствомъ и оппозиціею было нарушено даже безъ вмѣшательства народа. Опираясь на состоявшееся условіе, Маррастъ отъ имени всей оппозиціи написалъ слѣдующее объявленіе, которое 21-го февраля было помѣщено во всѣхъ журналахъ оппозиціи. Я привожу ее вполнѣ, потому что она имѣла очень важныя послѣдствія.

«Генеральная коммиссія, занимающаяся устройствомъ обѣда 12-го округа, считаетъ своею обязанностью напомнить, что демонстрація, назначенная на завтрашній день, во вторникъ, клонится къ тому, чтобы мирнымъ и легальнымъ путемъ отстоять конституціонное право политическихъ собраній, право, безъ котораго представительное правленіе было бы простою насмѣшкою.

«Министерство объявило и утверждало на трибунѣ, что пользованіе этимъ правомъ зависитъ отъ благоусмотрѣнія полиціи; тогда депутаты оппозиціи, французскіе перы, отставные депутаты, члены генеральнаго совѣта, судьи, офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты національной гвардіи, члены центральнаго комитета, избиратели оппозиціи, редакторы парижскихъ журналовъ приняли сдѣланное имъ приглашеніе участвовать въ манифестаціи, чтобы во имя закона протестовать противъ незаконнаго и произвольнаго посягательства.

«Можно предвидѣть, что этотъ публичный протестъ привлечетъ значительное стеченіе гражданъ; должно также предполагать, что парижская національная гвардія, вѣрная исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей, присоединится къ манифестаціи, чтобы отстаивать свободу и своимъ присутствіемъ поддерживать порядокъ. Принимая въ соображеніе эти обстоятельства, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія для избѣжанія толкотни и шума.

«Коммиссія полагаетъ, что манифестація должна происходить въ такой части города, въ которой ширина улицъ и площадей позволитъ жителямъ собраться, не производя тѣсноты.

«На этомъ основаніи, коммиссія проситъ депутатовъ, перовъ и другихъ особъ, приглашенныхъ на обѣдъ, собраться завтра, въ одиннадцать часовъ, на обыкновенное сборное мѣсто парламентской оппозиціи, на площади Магдалины, № 2.

«Члены національной гвардіи, подписавшіеся на обѣдъ, приглашаются собраться передъ церковью Магдалины и образовать два параллельные ряда, между которыми разстановятся приглашенные.

«Во главѣ шествія будутъ находиться старшіе офицеры національной гвардіи, которые захотятъ присоединиться къ манифестаціи.

«За приглашенными и подписчиками будетъ находиться рядъ офицеровъ національной гвардіи.

«За ними построятся колоннами солдаты національной гвардіи, по номерамъ своихъ легіоновъ.

«Между третьею и четвертою колонною—молодые люди училищъ, подъ предводительствомъ своихъ коммиссаровъ.

«Далѣе—остальная часть національной гвардіи, въ означенномъ порядкѣ.

«Шествіе двинется съ мѣста въ 11½ часовъ и направится, черезъ площадь конкорды и черезъ Елисейскія поля, къ мѣсту обѣда.

«Коммиссія убѣждена въ томъ, что эта манифестація будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ она будетъ спокойнѣе, тѣмъ величественнѣе, чѣмъ болѣе она будетъ избѣгать повода къ столкновеніямъ: поэтому она проситъ гражданъ не позволять себѣ громкихъ возгласовъ, не брать никакого знамени или внѣшняго знака; она проситъ членовъ національной гвардіи явиться безъ оружія: тутъ идетъ дѣло о легальномъ и мирномъ протестѣ, котораго сила будетъ состоять въ количествѣ гражданъ, въ ихъ твердой и спокойной осанкѣ.

«Коммиссія надѣется, что въ этомъ случаѣ каждый присутствующій человѣкъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на должностное лицо, обязанное охранять общественное спокойствіе; она надѣется на національную гвардію, она надѣется на чувства парижскаго населенія, которое стремится къ общественному спокойствію и къ свободѣ, и которое знаетъ, что для поддержанія своихъ правъ ему стоитъ только предпринять мирную демонстрацію, достойную разумной и просвѣщенной націи, сознающей неотразимое вліяніе своей нравственной силы, и увѣренной въ томъ, что легальное и спокойное выраженіе мнѣній поведетъ ее къ желанной цѣли».

Эта прокламація вовсе не замѣчательна въ литературномъ отношеніи; она представляетъ голую программу церемоніала, но самая оффиціальность изложенія составляетъ очень характерную особенность. Коммиссія относится къ жителямъ Парижа съ полною увѣренностью найдти въ нихъ рѣшительное сочувствіе; она созываетъ національную гвардію, предвидитъ неизбѣжность огромнаго стеченія народа и считаетъ необходимымъ умѣрять своими совѣтами раздраженіе гражданъ. Очевидно, что эта коммиссія въ данную минуту считаетъ себя сильнѣе министерства Гизо; очевидно, что она чувствуетъ за собою поддержку общественнаго мнѣнія, которое окончательно измѣняетъ правительству; очевидно, что *de facto* временное правительство, водворившееся послѣ событій 24-го февраля, уже теперь, со времени изданія этой прокламаціи, начинаетъ вытѣснять Людовика Филиппа и его министровъ. По буквѣ законовъ 1835 года, напечатаніе подобной статьи было пре-

ступленіе и вело за собою штрафъ и тюрьму; судьи могли даже взглянуть на эту статью, какъ на возбужденіе къ возстанію противъ правительства; если бы манифестація 22-го февраля дѣйствительно состоялась, то они могли по буквѣ закона присудить редакторовъ оппозиціонныхъ журналовъ къ тѣмъ наказаніямъ, которыя постигли бы главныхъ предводителей возмущенія. Дѣйствительно, если бы правительство Людовика Филиппа силою задавило возмущеніе, возникшее изъ манифестаціи, то оно, по всей вѣроятности, поступило бы съ захваченными и причастными лицами безъ малѣйшаго милосердія. Стоитъ только припомнить тотъ фактъ, что это правительство, послѣ возмущенія, случившагося на похоронахъ генерала Ламарка, приказало всѣмъ медикамъ доносить въ полицію о тѣхъ раненныхъ, которые обратятся къ нимъ за медицинскою помощью. Очень ясно, что, задавивъ мятежъ, правительство Людовика Филиппа не упустило бы случая прижать оппозиціонную прессу и припомнило бы всѣ тѣ статьи закона, которыми можно было воспользоваться; но теперь, въ ту минуту, когда выписанная мною прокламація появилась въ газетахъ оппозиціи, правительству было не до прессы. Прежде всего надо было бороться съ самою мыслью, а уже потомъ можно было наказывать ея орудія и проявленія. Министерству необходимо было помѣшать манифестаціи; оно рѣшилось сражаться тѣмъ же оружіемъ, которое было употреблено оппозиціею; оно пустило въ ходъ печатную гласность и помѣстило въ Монитерѣ прокламацію префекта полиціи къ жителямъ Парижа; эта прокламація требовала отъ всѣхъ добрыхъ граждань, чтобъ они не присоединялись къ толпѣ, не составляли сборищъ и вообще не обращали вниманія на происки оппозиціи. Парижане видѣли такимъ образомъ, что имъ съ двухъ разныхъ сторонъ даютъ діаметрально противоположныя наставленія; во всякомъ случаѣ, они были мало расположены вѣрить на слово префекту полиціи; имя этого почтеннаго чиновника составляло очень слабый противовѣсъ тѣмъ любимымъ именамъ, которыя украшали собою парламентскую оппозицію. Правительство имѣло въ виду это настроеніе добрыхъ граждань и принимало свои мѣры, т. е. разставляло вооруженные отряды возлѣ сборнаго мѣста и приказывало своимъ агентамъ съ депутатами обращаться почтительно, а добрыхъ граждань въ случаѣ надобности разогнать силою. Слѣдующія затѣмъ событія совершенно выходятъ изъ тѣхъ рамокъ, которыя я предположилъ себѣ для моихъ очерковъ. Оказалось, что прокламація оппозиціи подѣйствовала такъ сильно, что ни предо-

стереженія правительства, ни отступленіе депутатовъ отъ первоначальнаго плана не остановили движенія народа; увидя, что въ рѣшительную минуту депутаты пускаются опять въ юридическую аргументацію, народъ порѣшилъ, что они просто струсили, и сталъ дѣйствовать помимо ихъ, безъ особенной системы, но съ значительною дозою энергіи. Когда народъ сошелся на улицахъ безъ руководителей, тогда мирная манифестація скоро потеряла тотъ методически-величественный характеръ, которымъ заранѣе любовалась прокламація коммиссіи; кровопролитіе началось 22-го февраля, потомъ съ нѣкоторыми перерывами продолжалось 23-го, потомъ окончилось 24-го, паденіемъ монархіи и изгнаніемъ орлеанской династіи.

Постараюсь бросить бѣглый взглядъ назадъ, на положеніе печати при Людовикѣ Филиппѣ и на отношенія іюльской монархіи къ проявленіямъ свободной мысли. Сначала мы видимъ пышныя обѣщанія; вступая на престолъ, герцогъ Орлеанскій говоритъ, что больше не будетъ процессовъ по дѣламъ печати; потомъ король Людовикъ Филиппъ усаживается покрѣпче на своемъ недавно воздвигнутомъ тронѣ; укрѣпившись, онъ измѣняетъ мало-по-малу свою внѣшнюю и внутреннюю политику; измѣнивъ принципамъ іюльскихъ дней, онъ начинаетъ выслушивать съ неудовольствіемъ откровенные совѣты и строгія указанія либеральной прессы; министры начинаютъ обижаться еще чаще и еще сильнѣе самаго короля; начинаются преслѣдованія, потомъ, запуганное попытками отдѣльныхъ личностей убить короля, правительство усиливаетъ строгость самаго законодательства; потомъ оказывается, что законы такъ строги, что ихъ нельзя даже примѣнять во всемъ ихъ объемѣ, не возмущая общественнаго мнѣнія страны; потомъ оказывается, что раздраженіе націи такъ сильно, что оно не можетъ уже выражаться только въ печати; начинается упорная борьба въ парламентѣ, и печать дѣлается орудіемъ систематически-организованной оппозиціи; потомъ палата депутатовъ въ свою очередь становится слишкомъ узкою ареною для ожесточенной борьбы между устарѣлымъ правительствомъ и живыми силами энергической націи; начинается сильное броженіе умовъ, подготовленное вліяніемъ обстоятельствъ, поддержанное ошибками и неспособностью правительства, направленное къ извѣстной цѣли умными и опытными вождями парламентской оппозиціи; наконецъ, сами вожди оппозиціи теряютъ власть надъ раздраженнымъ народомъ, и кратковременная, ожесточенная, междоусобная война въ улицахъ Парижа уничтожаетъ монархію Людовика Филиппа.

Карлъ X потерялъ престолъ оттого, что хотѣлъ произвольно отнять у народа право свободно мыслить и громко выражать свои идеи. Наученный примѣромъ своего родственника, Людовикъ Филиппъ рѣшился дѣйствовать хитрѣе; онъ не отнималъ существующихъ правъ неожиданнымъ указомъ; онъ хотѣлъ постепенно подкопать ихъ мелкими ухищреніями; онъ хотѣлъ медленно задушить ихъ постоянно усиливающимся давленіемъ,—но и эта штука не удалась.

Пораженный грубымъ поступкомъ Карла X, народъ поднялся вдругъ, тотчасъ послѣ изданія знаменитыхъ ордонансовъ; постоянно раздражаемый мелкими притѣсненіями и постоянною неискренностью Людовика Филиппа, народъ постепенно сознавалъ несостоятельность своего правительства, и мало–по–малу накоплялъ противъ него ненависть и презрѣніе. Въ концѣ концовъ, результатъ вышелъ одинъ и тотъ же, и Людовикъ Филиппъ собственнымъ печальнымъ опытомъ убѣдился въ томъ, что во Франціи гнетъ всегда ведетъ за собою взрывъ, и что этотъ физическій законъ не измѣняется даже въ томъ случаѣ, если гнетъ будетъ производиться съ расчитанною медленностью и если тяжести будутъ подкладываться самыми мелкими долями. Тактика правительства не обманула народа, и исполинъ двинулъ плечомъ, когда почувствовалъ боль и стѣсненія.

О республикѣ и о Наполеонѣ III я надѣюсь поговорить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

И. РАГОДИНЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ НА СЛУЖБУ.

(РАЗСКАЗЪ).

«Всякое начало трудно»,—говорилъ мнѣ одинъ довольно значительный петербургскій чиновникъ, одинъ изъ числа тѣхъ чиновниковъ, которые еще не совсѣмъ потеряли способность мышленія относительно предметовъ, не входящихъ въ кругъ ихъ служебной дѣятельности; всякое начало трудно, говорилъ онъ, но едва ли есть что нибудь труднѣе начала гражданской службы для человѣка безъ средствъ и безъ протекціи, хоть бы этотъ человѣкъ былъ семи пядей во лбу; всегдашняя перспектива его — чердакъ съ гнилымъ кухмистерскимъ обѣдомъ, да потеря всѣхъ силъ и способностей... Изволь трудиться для такого будущаго!... А еще жалуются, что въ Россіи нѣтъ хорошихъ администраторовъ, мало дѣльныхъ исполнителей! Разскажу я вамъ, чего только стоило мнѣ опредѣлиться на службу.

Мнѣ было двадцать два года, когда я кончилъ курсъ въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Университетскій аттестатъ очень хвалилъ мои познанія, именовалъ меня кандидатомъ юридическихъ наукъ и по успѣхамъ въ нихъ давалъ право и надежду быть кандидатомъ на всѣ имѣющія открыться и сообразныя съ моимъ чиномъ вакансіи въ гражданской службѣ,—ибо я намѣревался, т. е. попросту долженъ былъ служить, чтобъ добыть кусокъ хлѣба... Я сказалъ, что *долженъ былъ* служить еще и потому, что въ силу дикаго фатума воспитанія послѣдняго времени, я какъ и все молодое

поколѣніе былъ исключительно приготовляемъ для служебнаго поприща, и вотъ я отправился въ Петербургъ—искать мѣста... Но прежде скажу вамъ что нибудь о моемъ тогдашнемъ положеніи.

Я, съ двумя младшими братьями, лишился родителей, бывши пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. У отца моего было крошечное имѣньице, въ которомъ онъ жилъ и которымъ кормился съ семействомъ. Только необыкновенное умѣнье его хозяйничать и мелочная, необыкновенно-терпѣливая экономія моей матери доставили имъ возможность дать воспитаніе мнѣ какъ старшему сыну и порядочно содержать еще другихъ дѣтей. Отецъ былъ доволенъ моими здравыми сужденіями, которыя замѣтно я наслѣдовалъ отъ него, мать научила меня говорить по-французски, а гимназія наградила знаніями, которыя развились и пришли въ порядокъ въ университетѣ. По окончаніи же университетскаго курса я долженъ былъ искать себѣ средствъ и пробивать, какъ говорится, дорогу...

Но не имѣя ни средствъ, ни протекціи, ни знакомыхъ, словомъ, никакой поддержки, я о дорогѣ и не мечталъ, а крѣпко задумался, какъ бы прочистить себѣ хоть узенькую-узенькую тропинку для своего жизненнаго пути. При первыхъ же попыткахъ и это оказалось очень трудно, да такъ трудно, что одна мысль о будущемъ холодила сердце! А жить между тѣмъ было надобно.

Вопросы — куда дѣваться, чѣмъ жить, куда приклонить голову, какъ поддержать своихъ братьевъ, безпрестанно осаждали меня, не давая покоя; и вотъ на послѣднія денженки, оставшіяся отъ студенческихъ уроковъ, рѣшился я ѣхать въ Петербургъ. При одномъ имени этого города у меня замирало сердце. Жажда жизни брала верхъ надъ нетвердымъ и еще неизувѣченнымъ разумомъ... Человѣкъ, и въ особенности молодой человѣкъ, всегда больше надѣется на успѣхъ, нежели на неуспѣхъ, а фантазія, наша помощница и утѣшительница во всякомъ горѣ, уже рисовала мнѣ мое будущее въ самыхъ яркихъ краскахъ... Въ то время, какъ локомотивъ летѣлъ по рельсамъ, мнѣ казалось, что я уже и мѣсто получилъ, что и обезпеченъ совершенно, что уже сижу въ оперѣ, ѣду въ коляскѣ, на фракѣ у меня нѣсколько звѣздъ, что у меня казенная квартира съ каминами и колоннами, что возлѣ меня сидитъ какая-то хорошенькая женщина, которая меня любитъ, ласкаетъ, вотъ она протягиваетъ свои губки, чтобы поцѣловать меня. Но и при такомъ счастіи я не забываюсь подобно другимъ, а дѣлаю всевозможное добро; справедливость и честность —мои

девизы, совѣсть у меня покойна, и я уже заранѣе чувствую все блаженство такой жизни. Эй, баринъ, полно спать-то!.. вдругъ захрипѣлъ сзади меня чей-то грубый голосъ.—Аль Питеръ-то не узнали? Народъ-отъ весь ужъ повылѣзъ.

Я вскочилъ.

— Такъ ужъ мы въ Петербургѣ? машинально проговорилъ я, выведенный дѣйствительностью изъ-за облачнаго міра.

— Да-съ, въ Петербургѣ, да не прикажете ли узелочикъ-то донести? спросилъ кондукторъ съ неожиданной любезностью.

— Спасибо, любезный, у меня онъ всего одинъ.

— Такъ-съ прикажите донести, настаивалъ солдатъ.

— Нѣтъ, я самъ донесу, не надо, спасибо!

— Ну, какъ угодно; я вѣдь такъ, ради старанья, смекалъ, что вы баринъ, а не надо, такъ не надо! уходя бормоталъ кондукторъ.

Дѣйствительность-то начинается! подумалъ я вздохнувъ и, выйдя изъ вагона съ узелкомъ подъ мышкой, направился за общимъ теченьемъ по широкому проспекту.

Никогда я не могъ ясно объяснить себѣ, отчего при въѣздѣ въ какой бы то ни было незнакомый городъ, я робѣлъ, терялся, мое сердце какъ-то болѣзненно сжималось въ груди; можетъ быть чувство одиночества, неизвѣстности будущаго, сознаніе своей несостоятельности, какъ несостоятельности всякаго бѣднаго человѣка, котораго личность такъ мало ограждена отъ всякаго рода непріятностей, можетъ быть все это сильнѣе налегало на меня своей безотрадною тоской; только я всегда начиналъ жалѣть о своемъ оставленномъ маленькомъ, но знакомомъ, родномъ уголкѣ... Эти же смутныя ощущенія начинали овладѣвать мной и теперь, при въѣздѣ въ Петербургъ, и еще гораздо сильнѣе.

Было осеннее насмурное утро. Петербургъ только что начиналъ просыпаться. Громадные его дома своей сырой, почернѣвшей наружностью выходили изъ мглы, какъ угрюмые великаны и негостепріимно смотрѣли безчисленными окнами на улицу; тротуарныя плиты были полны грязи, которую очищали дворники, швыряя метлами прямо на проходящихъ, какія-то нечесаныя, блѣдныя, неубранныя фигуры принимались отворять окна магазиновъ; толпа еще съ заспанными, сердитыми лицами торопливо бѣжала, толкаясь и не обращая ни на что вниманія; бѣдные оборванные извощики съ истомленными озлобленными рожами тащились взадъ и впередъ на измученныхъ, худыхъ лошаден-

кахъ; иногда лишь мчалась съ соннымъ кучеромъ щегольская карета, ровно покачиваясь по деревянной мостовой и исчезая во мглѣ. Туманъ впереди, туманъ сзади, кругомъ, вверху, туманъ влажный, тяжелый, непроницаемый, даже воздуха недоставало дышать... Мнѣ стало что-то очень грустно! Такъ вотъ она, наша славная сѣверная Пальмира, подумалъ я, посматривая вверхъ и желая полюбоваться на небо. Но неба не было видно; что-то сѣрое, густое, тяжелое висѣло надъ головой. Зачѣмъ же эта Пальмира, если она такъ хороша, зачѣмъ завернулась она въ такую могильную мантію, которая скорѣй бы пристала какой нибудь бездиѣ зла!

Около часу я былъ подъ тяжелымъ гнетомъ этого непріятнаго впечатлѣнія, даже и о квартирѣ не думалъ. Наконецъ сырость пронизала меня насквозь, я почувствовалъ дрожь, хотя, казалось, было не холодно; надо было искать убѣжища.

Но куда идти?

— Скажите, пожалуйста, обратился я къ одному молодому чиновнику съ портфелемъ подъ мышкой, который, тщательно закутавшись въ шаль, шагалъ по тротуару торопливо, но осторожно, чтобы не слишкомъ загрязнить свои лакированныя калоши; скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь можно подешевле найдти пріютъ? спросилъ я.

Чиновникъ на секунду пріостановился и иронически взглянулъ на меня.

— Подешевле? проговорилъ онъ, не знаю, какъ вамъ, а мнѣ такъ здѣсь вездѣ дорого? и онъ снова зашагалъ еще тороплившѣй, но попрежнему осторожно, чтобъ не загрязнить свои лакированныя калоши.

Впрочемъ, вслѣдъ за чиновникомъ я встрѣтилъ купца менѣе желчнаго, по указанію котораго и отыскалъ себѣ номеръ около желѣзной дороги; номеръ за полтинникъ въ сутки.

Хотя комнатка была и сыра, и грязна до отвращенія, хотя сквозь плохо затворявшуюся форточку несло съ задняго двора страшнымъ, заразительнымъ воздухомъ и помоями, но все-таки это была комната, гдѣ я могъ сѣсть, даже легъ на какомъ-то окаменѣвшемъ кускѣ грязи вмѣсто тюфяка, могъ напиться чаю, переодеться въ свою новенькую пару, что для меня было всего важнѣе и нужнѣе; я не могъ терять дня лишняго. Я немедленно и принялся за переодѣванье. Но въ ту же минуту тысяча мыслей бросились мнѣ въ голову: какъ начать странствованіе по чиновнымъ лицамъ, какъ вести свои хлопоты

объ опредѣленіи на службу и привести ихъ къ вожделенному концу, то есть, чтобы гдѣ бы нибудь пріютиться.

Успѣхъ свой я расчитывалъ на слѣдующемъ: во-первыхъ, у меня было рекомендательное письмо къ одному гражданскому генералу отъ его родственниковъ, черезъ которыхъ онъ, какъ говорится, вышелъ въ люди; слѣдовательно, можно было надѣяться на такое письмо; во-вторыхъ, у меня былъ въ Петербургѣ старый товарищъ по университету, который очень счастливо началъ свою карьеру; въ-третьихъ, я зналъ, что здѣсь живетъ и служитъ нѣкто Арбузовъ, — давнишній знакомый моего покойнаго отца; и въ-четвертыхъ, всего болѣе, расчитывалъ я па одного вельможу, о которомъ въ послѣднее время носились самые отрадные слухи; говорили, будто бы сей вельможа дѣятельно заботится о преобразованіи ввѣренной ему части управленія, остается глухимъ къ просьбамъ родства, свойства, любви и тому подобнымъ интересамъ человѣческаго сердца; удаляетъ отъ себя взяточниковъ, лѣнивыхъ, неспособныхъ чиновниковъ и окружаетъ себя молодыми, подававшими больше ихъ надежды, въ отношеніи честности и способной дѣятельности. Наконецъ, въ—пятыхъ, я расчитывалъ на фортуну съ ея безчисленными помощниками.

Черезъ полчаса я уже робко колебалъ ручку колокольчика у подъѣзда Петра Ивановича Клапонова, держа на-готовѣ рекомендательное письмо къ нему. На звонокъ явился лакей.

— Дома его превосходительство? обратился я къ нему.

— Нѣтъ, отвѣчалъ лѣниво лакей, осматривая меня съ головы до ногъ; въ это время ихъ никогда не бываетъ дома.

Я пришелъ въ полдень, потомъ на другой день утромъ и вечеромъ, и все получалъ тотъ же отвѣтъ лакея, что его превосходительства нѣтъ дома, и что ихъ въ это время никогда не бываетъ дома.

— Но я имѣю къ нему надобность, возразилъ я.

— Мы этого не можемъ знать; его превосходительства нѣтъ дома, твердилъ лакей.

— Но когда же и гдѣ наконецъ я могу его видѣть и отдать ему вотъ это письмо.

— Письмо? повторилъ лакей, все еще недовѣрчиво посматривая и на меня, и на письмо; въ такомъ случаѣ подите въ министерство, они сегодня тамъ будутъ съ докладомъ у его высокопревосходительства.

Я направился по указанію и скоро былъ въ пріемной его высокопревосходительства.

Здѣсь я нашелъ жалкую фигуру канцелярскаго чиновника; фигуру желтую и испитую, которая записывала адресы пакетовъ въ книгу.

— Могу я видѣть Петра Ивановича Клапонова? спросилъ я его.

— Подождите немного; его превосходительство будутъ съ докладомъ, они войдутъ вотъ по этой лѣстницѣ, отвѣчалъ скороговоркою канцеляристъ, не отрываясь отъ книгъ.

— А можно будетъ здѣсь отдать ему письмо? спросилъ я опять.

— Письмо, отъ кого? быстро спросилъ канцеляристъ.

— Отъ его родственниковъ изъ К...

Канцеляристъ вскочилъ съ мѣста и вдругъ принялъ униженный просительный видъ.

— Можете-съ, очень можете-съ, отчего же не отдать письмо отъ родственниковъ, помилуйте, это всегда пріятно! А, позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? прибавилъ онъ внезапно.

— Я сказалъ свою фамилію.

— Нѣтъ-съ, имя ваше и отчество позвольте?

— Я и имя сказалъ.

— Такъ вотъ-съ, Евгеній Александровичъ, началъ канцеляристъ: его превосходительство будутъ входить по этой лѣстницѣ, а какъ они взойдутъ на лѣстницу и будутъ проходить здѣсь, по этой комнатѣ, такъ вы письмецо и вручите въ собственныя руки его превосходительства. Вы должно быть съ просьбою къ ихъ превосходительству? спросилъ онъ, о чемъ-то подумавъ.

— Да, съ просьбой, сказалъ я; о мѣстѣ хочу просить.

— А, такъ-съ. Ну, если съ письмомъ отъ родственниковъ, то вамъ нечего и безпокоиться... Его превосходительство что хотятъ, то у насъ и дѣлаютъ; они у насъ сильнѣе нежели ихъ сіятельство, даже нежели ихъ высокопр—во; это я вамъ положительно скажу; и ихъ пре—во васъ помѣстятъ на тепленькое мѣстечко, разумѣется, не сразу, а то, знаете, нельзя же вдругъ. Только вотъ что-съ: позвольте мнѣ сдѣлать вамъ совѣтецъ одинъ, совѣтецъ маленькій, но хорошенькій совѣтецъ; будете благодарны-съ; позволите?

— Сдѣлайте милость, скажите, что такое?

— А вотъ что, сказалъ ухмыляясь канцелярскій: когда будете говорить съ его превосходительствомъ, то не смотрите имъ въ глаза, ни-ни, ни подъ какимъ видомъ, а болѣе устремляйтесь на звѣзду и на

орденъ, что на шеѣ, это знаете — приличнѣе, да и они такъ больше любятъ... А за совѣтецъ позвольте ужъ просить вашего знакомства и неоставленія. Честь имѣю рекомендоваться: Иванъ Ѳаддѣичъ Предтеченскій, вдругъ прибавилъ канцеляристъ.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ я, рѣшительно не понимая, для чего могло бы служить канцеляристу мое знакомство.

— Ахъ, его превосходительство идутъ, вдругъ шопотомъ вскричалъ канцеляристъ и мгновенно скорчилъ фигуру глубоко угнетеннаго человѣка.

Я самъ съ боязливымъ ожиданіемъ повернулся къ лѣстницѣ, по которой входилъ Петръ Ивановичъ Клапоновъ.

Это былъ мужчина лѣтъ сорока пяти, средняго роста, съ толстенькимъ, круглымъ туловищемъ, на тоненькихъ, съ выдающимися икрами, ножкахъ, обутыхъ въ красивые лаковые сапоги. На немъ былъ форменный фракъ, мастерски-пригнатый и удивитеьно хорошо обрисовывавшій его приличную сану полноту, и на бортѣ фрака удивительно какъ красиво блестѣла звѣзда. Не шеѣ его пр—ва красовался орденъ. Его превосходительство тихо и важно до глубокомысленности ступалъ по ступенькамъ лѣстницы, держа вверхъ и немного на-бокъ голову и плавно двигаясь впередъ туловищемъ. Черные съ просѣдью волосы его были гладко причесаны, и виски, хотя завивались впередъ съ претензіей на изящество, но завивались слегка и прилично сану. Лобъ Петра Ивановича былъ не высокій, виски вдавленные, губы тонкія, слегка дрожали и кривились всторону, должно быть, отъ частой, произносимой ими *правды*, а можетъ и для того, чтобы придать лицу болѣе выразительности. Глаза его превосходительства тихо, серьезно, внимательно скользили съ предмета на предметъ, но замѣтно избѣгали останавливаться на человѣческихъ физіономіяхъ; вслѣдствіе того же должно быть его превосходительство не замѣтили и моихъ первыхъ поклоновъ, и только на четвертый изъ нихъ удостоили обратить вниманіе, повернули ко мнѣ голову и взглянули вопросительно. Я хотѣлъ было рекомендоваться, вынимая изъ шляпы письмо, но его превосходительство не слушая рекомендаціи, спѣшили взять письмо, взглянули на надпись, и, нахмурясь, прочли только нѣсколько строчекъ.

— Вы родственикъ Гожевымъ? изволили спросить его превосходительство тономъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, причемъ я замѣтилъ, что когда они говорили, ротъ ихъ еще болѣе косился насторону.

— Никакъ нѣтъ-съ; я только имѣлъ честь быть принятымъ въ ихъ домѣ, отвѣчалъ я.

Петръ Ивановичь при этомъ отвѣтѣ на минуту задумался и потомъ сказавъ: «подождите меня здѣсь», прошелъ безъ доклада въ кабинетъ его высокопревосходительства.

Тутъ тотчасъ же подскочилъ ко мнѣ чиновникъ. «Какой вы счастливый! И, Богъ мой, какой же вы счастливчикъ, поздравляю васъ! Его превосходительство приняли васъ ласково, чрезвычайно ласково, они сегодня въ духѣ... Да, это я хорошо замѣтилъ; какъ будете служить, такъ ужъ не оставьте меня своимъ вниманіемъ, говорилъ онъ торопливо; я знаю вы, пойдете впередъ, лишь бы захотѣли его превосходительство: а я вотъ десятый годъ служу и все канцеляристомъ, десять рублей жалованья, черезъ день только сытъ бываю, и то, какъ видите! и канцеляристъ оглянулъ свою жалкую фигуру. Если же не забудете, то я всегда за васъ дежурить готовъ, ей-Богу, готовъ», прибавилъ онъ, и снова рысью, на цыпочкахъ, пустился къ своей книгѣ.

Черезъ полчаса Петръ Ивановичъ вышелъ изъ кабинета. Я всталъ такъ, что онъ, проходя, не могъ меня не замѣтить, и снова поклонился.

— А, да, сказалъ онъ, останавливаясь передо мною и принимая одну изъ позицій, называемыхъ важными, и въ то же время какъ бы рисуясь; — вы ищете мѣста?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Мнѣ очень пріятно сдѣлать удовольствіе Гожевымъ, потому что они—все-таки мои родственники, начали его превосходительство тихо и съ разстановкою; но позвольте вамъ сдѣлать вопросъ: почему вы ищете именно казенной слыжбы, а не идете по частной? Въ настоящее время, когда жизнь наша начинаетъ развиваться во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, такъ много нужно дѣятелей на другихъ поприщахъ, а всѣ другія поприща во многихъ отношеніяхъ и выгоднѣе и легче; молодые же люди все попрежнему рвутся на казенную службу. Скажите, что вы надѣетесь въ ней выиграть? Вѣдь она для большей части служащихъ самая несчастная вещь, самый неблагодарный трудъ.

— Но, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, мое положеніе не позволяетъ выбирать и снова приготовляться къ другому роду занятій. А для гражданской службы я все же нѣсколько подготовленъ.

— Подготовленъ? повторилъ съ усмѣшкою Петръ Иванычъ: для какой должности напримѣръ? Какого мѣста вы добиваетесь?

— Я только начинаю службу, ваше превосходительство, а потому буду благодаренъ за всякое мѣсто, лишь бы оно было штатное, отвѣчалъ я.

— То есть съ жалованьемъ?—перебилъ меня Петръ Иванычъ— выражайтесь яснѣе.

— Точно такъ, ваше превосходительство, я человѣкъ безъ состоянія, и потому...

— Но чтобы занять штатное мѣсто, нужно уже знать службу, молодой человѣкъ.

— Я постараюсь ее узнать.

— Постараетесь, постараетесь? Что значитъ слово постараюсь? перебилъ меня Петръ Иванычъ; это выраженіе условное и обусловливается временемъ, слѣдовательно только со временемъ вы можете жалованье получить, а не сейчасъ, какъ вы хотите, и при послѣдней фразѣ Петръ Иванычъ принялъ новую, болѣе важную и болѣе самодовольную позицію.

— Я могу надѣяться, что скоро привыкну къ формальностямъ службы, рѣшился я замѣтить; потому что уже нѣсколько познакомился съ ними, занимаясь въ университетѣ...

— Познакомились, занимаясь, гмъ! иронически повторилъ Петръ Иванычъ; да, я читалъ объ васъ рекомендацію; но всѣ вы, молодые люди, поступающіе на службу, слишкомъ легко думаете объ ней и не вполнѣ уясняете себѣ ея идею, продолжалъ онъ чрезвычайно выразительнымъ голосомъ и все болѣе и болѣе рисуясь: служебная дѣятельность не есть дѣятельность на пользу одного государства; идея государства слишкомъ отвлеченна и жалко было-бы, еслибъ такая отвлеченная идея поглощала труды всѣхъ ей служащихъ. Идея государства предполагаетъ извѣстныя личности, тѣсно съ нею связанныя, и чрезъ соприкосновеніе съ этими личностями она дѣлается уже гораздо осязательнѣе и уловимѣе—слѣдовательно, служеніе государству предполагаетъ еще другое служеніе... Вы меня понимаете? Посему, чтобъ быть полезнымъ на службѣ, надо быть умнымъ человѣкомъ,—умъ имѣетъ множество оттѣнковъ, изъ которыхъ каждый означаетъ особенную способность къ какому нибудь роду занятій; слѣдовательно, для службы нужно имѣть умственную способность, именно, способность юридическую, которая бы могла постигать двоякую идею государствен-

ной службы, и при этомъ его превосходительство коснулся своего чела. Далѣе, для службы мало быть образованнымъ человѣкомъ, образованіе также бываетъ различныхъ сортовъ, и для каждой дѣятельности должно быть особенное образованіе, а для служебной — оно должно быть юридическое. Потомъ, для службы мало умѣнья хорошо владѣть перомъ—нужно владѣть имъ юридически, тонко, пріятно... Наконецъ, для службы или для того, чтобъ получить мѣсто, мало привезти рекомендательное письмо отъ Гожевыхъ и быть увѣреннымъ въ полученіи мѣста. Гожевы—люди простые, и взглядъ ихъ не съумѣетъ отличить въ человѣкѣ то, что дѣйствительно нужно для службы, продолжалъ ораторствовать его превосходительство, безпрестанно перемѣняя позы и приходя въ какой-то непонятный для меня азартъ. Отъ этого азарта я чувствовалъ себя какъ бы уменьшающимся въ ростѣ и въ понятіяхъ, потому что ровно ничего не понималъ изъ словъ его превосходительства и терялся въ догадкахъ: какая это двоякая идея государственной службы, что это такое должно еще имѣть для нея? Неужели именно тѣ самыя качества, которыя чувствовалъ въ себѣ его превосходительство? И въ то время, какъ его превосходительство ораторствовалъ, наслаждаясь и своей особой, и своей рѣчью, я безуспѣшно отыскивалъ въ себѣ эти качества, напрасно напрягая умъ. Канцелярскій чиновникъ, въ отдаленіи слушавшій рѣчь своего высокаго начальника, и навѣрно тоже ничего въ ней непонимая, несмотря на то, весь превратился въ благоговѣніе. И Петръ Ивановичъ, не замѣчая ограниченности нашихъ понятій, повидимому былъ очень доволенъ такимъ священнымъ вниманіемъ и въ глазахъ его начинали просвѣчивать милость и снисхожденіе.

— Да, всего этого мало, чтобъ быть хорошимъ чиновникомъ и чтобъ на что нибудь надѣяться въ будущемъ, продолжалъ говорить его превосходительство; государственная служба—поприще великое и трудное; дѣятели ея, особенно высшіе—и при этомъ Петръ Ивановичъ положилъ руку на свою грудь, около звѣзды—дѣятели ея, особенно высшіе, превосходятъ дѣятелей всѣхъ другихъ поприщъ жизни. И исторія намъ говоритъ, что на десять великихъ полководцевъ приходится только одинъ государственный мужъ... Потому-то для службы нужно имѣть, кромѣ исчисленныхъ качествъ, нужно имѣть это... это... это... Тутъ его превосходительство неожиданно замялись, остановились и начали вдругъ почему-то хмуриться...

Мое положеніе мгновенно сдѣлалось неловкимъ. Господи! подумалъ

я, вотъ несчастіе-то отъ какого нибудь проклятаго слова, ускользающаго съ языка особы превосходительной зависитъ иногда жизнь человѣка!...

— Что же это такое, Петръ Ивановичъ, что такъ необходимо для государственной службы? робко замѣтилъ я, чтобы какъ нибудь прервать неловкое молчаніе.

И вдругъ, вмѣсто отвѣта, я съ ужасомъ увидѣлъ, что маленькое туловище Петра Ивановича какъ будто расширилось и приподнялось, словно онъ выросъ въ своемъ небольшомъ ростѣ; его взоръ засвѣтился гнѣвомъ, ротъ совершенно скривился... Гордо приподнявъ свою голову, его превосходительство съ какимъ-то презрѣніемъ и вмѣстѣ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

Я былъ пораженъ этой внезапной перемѣной, которой не понималъ причины, и въ ужасѣ ждалъ разрѣшенія грозы.

Но грозы никакой не послѣдовало... Его превосходительство только еще понатужились и, оставаясь въ своей величавой, могучей, уничтожающей всякое соперничество позѣ, изволили проговорить и даже довольно вѣжливо, хотя чрезвычайно сухо: для службы, молодой человѣкъ, именно необходимо то, чего въ васъ нѣтъ! Вы никогда, ничего не дослужитесь,—я за-минуту предъ симъ хотѣлъ васъ опредѣлить;—но Гожевы, кажется, ошиблись въ своей рекомендаціи. Все, что я могу сдѣлать, это—принять васъ сверхъ штата, и то будетъ милость съ моей стороны—милость ради вашей молодости! И вслѣдъ за тѣмъ, Петръ Иванычъ съ важнымъ и величавымъ спокойствіемъ началъ спускаться съ лѣстницы, мягко ступая по ковровой дорожкѣ и оставивъ меня пораженнаго недоумѣніемъ и горестнымъ отказомъ... Канцеляристъ, чтобъ выразить свое совершенное ничтожество, весь съежился въ какую-то губку, превратился въ пыль докучную, когда Петръ Иванычъ проходилъ мимо его; и потомъ, едва тотъ скрылся, онъ вдругъ весь выпрямился, грозно подскочилъ ко мнѣ и, держа перо на подобіе копья, вскричалъ:

— Что́ вы это надѣлали, а?.. Да говорите же, что это вы надѣлали-то? Да какъ это можно? Какъ вы осмѣлились на такой поступокъ! Вѣдь вамъ милость хотѣли оказать,—милость великую, и вы ее отвергли, вы сами себя сгубили, мало того, на дерзость рѣшили,—теперь весь департаментъ будетъ страдать цѣлую недѣлю! Ахъ, вы эдакой невѣжа, эфіопъ вы эдакой!.. и канцеляристъ грозно и судорожно сжалъ кулаки...

— Какъ, что такое?.. Что я сдѣлалъ, Боже мой!?.. пробормоталъ я, дѣйствительно испугавшись.

— Какъ, что? прерывающимся шопотомъ заговорилъ канцеляристъ: вы, вы... перебили его превосходительство!.. Вы позволили себѣ назвать его превосходительство Петромъ Ивановичемъ, а!! Его-то превос-ходи-тель-ство, котораго весь Петербуръ знаетъ и чтитъ! Его превосходительство—Петромъ Иванычемъ! Да какой онъ Петръ Иванычъ! Кто вамъ это сказалъ! Косматый попъ съ просонокъ выдумалъ такую чужь, онъ и въ колыбели-то былъ чистымъ генераломъ!.. вотъ вамъ и мѣсто... Э-эхъ!! прибавилъ онъ энергически и жалостно посмотрѣлъ на меня.

— Но, Боже мой, это не нарочно... я не думалъ... я слышалъ, какъ говорили про него его родственники, они называли его постоянно по имени; я и привыкъ къ этому,—скажите, нельзя-ли какъ поправить дѣло?

Канцеляристъ только презрительно покосился и отошелъ къ своему столику.

— Да научите-же наконецъ, нельзя-ли какъ загладить мою неловкость, настаивалъ я, подходя къ канцеляристу; если нужно, я пойду, извинюсь...

— Подите отъ меня, говорю, злобно зашипѣлъ канцеляристъ, поварачиваясь ко мнѣ бокомъ; или вы хотите и меня сгубить!.. Его превосходительство могутъ вернуться и увидятъ, что я съ вами разговариваю, пожалуй, подумаютъ, что я веду знакомство съ вами! Подите!.. О, судьба, судьба, видно мнѣ и издохнуть канцеляристомъ!

Я въ грустномъ настроеніи духа сталъ спускаться съ лѣстницы казеннаго дома и не рѣшался смотрѣть даже на лакеевъ, которые какъ-то дерзко оглядывали меня, какъ будто уже зная мою неудачу.

— Вотъ, мрачно думалъ я, уже одна надежда и пропала, и я самъ почти виноватъ въ этомъ!.. Отчего не сходилъ я прежде къ Арбузову и не посовѣтовался съ нимъ! Не сдѣлалъ бы я такой глупости и съумѣлъ бы держать себя болѣе скромно съ такими важными лицами. Развѣ пойдти теперь къ старику, авось онъ что-нибудь и скажетъ, предупредитъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. И, разсуждая такимъ образомъ, я направился къ департаменту, въ которомъ служилъ Арбузовъ начальникомъ отдѣленія. Это былъ, какъ я уже сказалъ, одинъ изъ знакомыхъ моего покойнаго отца, человѣкъ умный и прямой, чрезвычайно добрый и честный, которой вслѣдствіе этихъ

качествъ ровно 15 лѣтъ сидѣлъ на стулѣ начальника отдѣленія въ одномъ изъ министерскихъ департаментовъ...

Арбузовъ вышелъ ко мнѣ въ пріемную тотчасъ же послѣ доклада. Это былъ старикъ лѣтъ 50-ти, худощавый, сгорбившійся, съ остаткомъ нѣсколькихъ клочковъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, съ простымъ, добрымъ лицомъ и открытымъ, честнымъ взглядомъ; наружность этого старичка отъ природы носила отпечатокъ веселости, но эта веселость замѣтно начинала уничтожаться какою-то тупостью, уже слѣдствіемъ однообразности жизни и постоянныхъ, неблагодарныхъ трудовъ... Видно, что заботы убили жизнь этого человѣка, и постоянно принужденное положеніе, при его лѣтахъ, и горе начинали свое разрушительное дѣйствіе... Арбузовъ едва услыхалъ мою фамилію, очень обрадовался, и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ сталъ потирать свои костлявыя руки.

— Радъ, радъ, батюшка, васъ видѣть,—очень радъ, вотъ ужъ вы какой выросли! А повѣрите ли: вѣдь вотъ какимъ я васъ зналъ, право такъ, говорилъ старикъ, приподымая руку на аршинъ отъ земли. Охъ, охъ, охъ! Давненько ужъ это было, давненько! Много воды съ тѣхъ поръ утекло; много перемѣнъ произошло. Самъ я тогда только-что началъ службу въ губернскомъ правленіи вмѣстѣ съ вашимъ папенькой, дай Богъ ему царство небесное! Славный онъ былъ человѣкъ; только наживаться не умѣлъ—ну, и дѣткамъ поэтому не оставилъ: вотъ вамъ теперь, я думаю, и не весело жить! Такъ вы сюда пріѣхали мѣста искать. Трудненько, батюшка, трудненько безъ знакомыхъ, о-охъ какъ трудненько!.. Какъ же бы это вамъ помочь-то, а? Право, не придумаю, сами-то вы, такъ-таки рѣшительно никого не знаете изъ здѣшнихъ чиновныхъ господъ?

— У меня было рекомендательное письмо къ одному изъ нихъ, отвѣчалъ я, да вотъ вышла какая исторія — и я разсказалъ старику о Клапоновѣ.

Старикъ судорожно засмѣялся. Ну и жалѣть нечего! Едва ли бы вы что получили отъ этой фигуры и безъ вашей оплошности. Это не такая птица, для одного добра онъ ничего не дѣлаетъ; онъ самъ просителей, батюшка, не любитъ принимать; у него, видите ли, есть сестрица—такъ къ той ходятъ, и ужъ непремѣнно будетъ успѣхъ... Но только и къ той лѣстница-то дорогая, не для васъ... Вѣдь вы человѣкъ жиденькій! Впрочемъ, чортъ его знаетъ, можетъ и сдѣлалъ бы что нибудь,—не даромъ же онъ такъ рисовался передъ вами!...

Этотъ господинъ любитъ, чтобы ему кланялись, носъ деретъ страшно, а вѣдь дрянь-то, дрянь-то какая этотъ господинъ—и не повѣрите... Снимите-ка съ него эту тогу чиновъ и власти, вѣдь не человѣкъ выйдетъ, а чортъ знаетъ что, безобразіе какое-то! Ну, да это до васъ не касается; жалко,—все-таки опущенный случай... Я же помочь вамъ ей-ей, не могу, всей бы душей радъ, да вѣдь я не сильный человѣкъ!

Тутъ я намекнулъ Арбузову слышанное о сановникѣ, преобразовывающемъ свою часть администраціи.

— Что жъ, сходите,—попытка не шутка, не укуситъ!.. Авось что и случится: вѣдь все добро, что творятъ эти важные бара—все зависитъ отъ ихъ пищеваренія и веселой минуты; попадете въ такую—хорошо, будетъ успѣхъ, а не попадете—такъ ужъ и не прогнѣвайтесь, отвѣчалъ старикъ съ грустной улыбкой.

На другой день я отправился въ великолѣпный казенный домъ сановника, пользовавшагося такой репутаціей.

Въ его громадной пріемной я засталъ цѣлую толпу просителей, личностей всякаго рода.

Тутъ были и военные, и статскіе, и купцы, и мужики,—послѣдніе ожидали въ особой, устроенной для нихъ, комнатѣ, не смѣя сѣсть, сдерживая дыханіе, кланяясь въ поясъ всякому проходящему, а лицамъ, на которыхъ было что нибудь блестящее, какъ то: шитый воротникъ, эполеты, даже лакеямъ въ ливрейномъ фракѣ, они кланялись чуть не до земли. Нѣсколько военныхъ генераловъ, уединившихся отъ не генераловъ въ почетный уголокъ, тихо и важно шептались между собою о пользѣ и преимуществѣ формы, о необходимости фронта и розогъ, причемъ неуклонно именовали другъ друга превосходительствомъ. Гражданскіе же чиновники, мучась въ своихъ неуклюжихъ мундирахъ, не выказывали такого единодушія, а толпились въ разсыпную, съ невѣроятно искаженными лицами, на которыхъ такъ и рисовались, то тоскливое ожиданіе, то будто угнетенная невинность, то свирѣпое озлобленіе противъ всей вселенной... Смотря по настроенію своихъ душевныхъ ощущеній, эти блюстители правды безпрестанно перемѣняли позы и выводили гримасы рѣшительно не человѣческія. Спокойнѣе всѣхъ и человѣчнѣе казался одинъ бородатый, толстѣйшій купецъ съ жирной мордой и тончайшимъ сукномъ на сюртукѣ. Купецъ этотъ стоялъ около стѣны, крѣпко прислонившись къ ней, наклонивъ голову и такъ рѣшительно смотрѣлъ въ полъ, что, казалось, хотѣлъ тѣмъ

выразить свою готовность скорѣе прошибить лбомъ его паркетъ, нежели отказаться отъ удовлетворенія своей просьбы—видно, что толстякъ не боялся отказа и что крѣпко вѣрилъ въ свои благодатныя денежки... Рядомъ же съ нимъ, словно для контраста, трепетала, какъ осиновый листъ, какая-то старушка, маленькая, съежившаяся, вся смятая лѣтами и горемъ, въ такой же смятой временемъ шляпкѣ и потертой мантильѣ; старушка не сидѣла, а полувисѣла на стулѣ, держа дрожащей рукой свернутую бумагу, а другою, тоже дрожащею, комкала носовой бѣленькій платочикъ, собираясь плакать... Общество тихо и тревожно смотрѣло на дверь, изъ которой имѣлъ явиться вельможа... Одинъ только дежурный чиновникъ, молодой человѣкъ, очень красивый и очень этимъ довольный, спокойно расхаживалъ по залѣ, освѣдомляясь съ обязательной улыбкой о фамиліяхъ приходящихъ и не боясь легкаго стука своихъ каблуковъ.

Вдругъ ручка у однихъ изъ дверей пріемной щелкнула... Всѣ смолкли, привстали, военные одернули полы мундировъ, дежурный чиновникъ повернулся на каблукахъ, просители тоскливо вытянули лица, купецъ натужился и тряхнулъ головой, старушка поднесла платочикъ къ глазамъ... Но изъ дверей показался не вельможа, а какая-то молодая дама, которая спокойно прошла чрезъ пріемную; эта дама оказалась гувернанткой, проживавшей у сановника; общество просителей почтительно ей поклонилось и снова замерло въ тревожномъ ожиданіи. Черезъ полчаса опять брякнула хрустальная ручка дверей... Опять промелькнуло то же движеніе, повторились тѣ же пріуготовительные пріемы просителей, но и на этотъ разъ тревога была напрасна: чрезъ пріемную прошла другая дама, только уже пожилая, которой просители тоже непреминули поклониться,—эта оказалась экономка сановника.

Черезъ нѣсколько минутъ новый стукъ ручки, и снова всѣ встрепенулись... Это уже непремѣнно ихъ сіятельство, проговорили нѣкоторые, заранѣе привѣтствуя имѣющаго явиться сановника; но, увы! новый и самый грустный обманъ: изъ полуотворенной двери выскочила мохнатая, уродливая собачонка, окинула всѣхъ своимъ соннымъ, не безъ примѣси презрѣнія, взглядомъ и бросилась по слѣдамъ экономки, нюхая по паркету слѣдъ ея кринолина...

Затѣмъ прошло еще два часа уже безъ малѣйшей тревоги... Но вотъ вдругъ по комнатамъ разлился громкій и серебристый звонъ колокольчика; дежурный чиновникъ бросился по его направленію, торопливо застегивая фракъ... Всѣ замерли въ ожиданіи этого благовѣ-

стителя; вотъ онъ черезъ минуту вернулся; остановился у дверей лицомъ къ публикѣ, обѣжалъ глазами просителей, приподнялъ голову, раскрылъ ротъ и, такимъ образомъ, приготовившись что-то сказать, остался на мгновеніе безгласнымъ, замѣтно наслаждаясь такимъ завиднымъ положеніемъ...—Т-ссъ... пробѣжало по всѣмъ угламъ залы. Настала мертвая тишина. Взоры всѣхъ устремились на чиновничье лицо съ бакенбардами: тутъ только молодой счастливецъ ясно и внятно объявилъ, что его сіятельство сегодня принимать не будетъ!.. По залѣ пробѣжалъ глубокій и отдыхающій отъ долгаго напряженія вздохъ. «Не будутъ, не будутъ... повторило нѣсколько голосовъ. Да какъ же это не будутъ? Зачѣмъ же столько держать-то»?.. замѣтили нѣкоторые, и всѣ вообще тихо поднялись съ своихъ мѣстъ и медленно направились къ выходу; за ними поплелся и я, расчитывая, сколько времени мнѣ придется хлопотать о мѣстѣ, если всѣ сановники такъ аккуратно принимаютъ.

Въ слѣдующій день я также рано явился въ пріемную его сіятельства и помѣстился возлѣ одного подполковника въ мундирѣ, удивительно изукрашенномъ, и какого-то статскаго господина съ великолѣпнымъ лбомъ и умными глазами, которые какъ-то ясно обличали литературный талантъ... Впослѣдствіи оказалось, что этотъ господинъ дѣйствительно занимался литературой.

— Что жъ, это несправедливо!.. Вы имѣете полное право на мѣсто, столько времени занимаясь дѣлами и все даромъ, безъ жалованья, говорилъ подполковникъ статскому господину.

— Да, кажется, имѣю право; но вѣдь не всѣ одинаково думаютъ; моривъ человѣка работой, выжавъ изъ него сокъ, угощаютъ его однѣми надеждами, а дѣйствительное-то для себя и для своихъ берегутъ, отвѣчалъ господинъ во фракѣ.

— Гмъ, скажите! А между тѣмъ, я думаю, вы, пройдя разные части, хорошо знаете эту чернильную чертовщину: дѣла, слѣдствія, различныя сношенія и отношенія... при всемъ томъ не можете дождаться назначенія!

— Да при всемъ томъ не могу дождаться назначенія! отвѣчалъ улыбаясь статскій.

— Гмъ... чортъ возьми! эдакъ значитъ я напрасно хочу проситься, проговорилъ подполковникъ.

— А вы думаете переходить въ гражданскую?

— Да, хотѣлось бы: нынче что-то на насъ военныхъ взглядъ не-

ремѣнился, да и служить-то по правдѣ неизчего: вотъ мои товарищи со свѣдѣніями не лучше моихъ, корпусными, — знаете, у насъ вѣдь всѣмъ писаря завѣдуютъ,—такъ они перешли въ гражданскую и получили хорошія мѣста...

— Но какими же путями? спросилъ штатскій.

— Да разно: кто по протекціи, кто чортъ знаетъ какими путями; вотъ нѣкоторые такъ просто просились у ихъ сіятельства; онъ благоволитъ къ военнымъ, говоритъ, что они—извините за выраженіе—что они прямѣе, къ взяткамъ не привыкли...

Господинъ во фракѣ опять улыбнулся...

Между тѣмъ пріемная наполнялась...

Вдругъ одна изъ ея дверей широко распахнулась, и все смолкло мгновенно: въ пріемную вошелъ старикъ лѣтъ шестидесяти, но еще бодрый и моложавый, въ военномъ сюртукѣ на распашку и въ густыхъ, блестящихъ, золотыхъ эполетахъ. Его сѣдоватые, короткіе волосы были зачесаны вверхъ, баки и усы черные съ просѣдью украшали довольно полные щеки, глаза и все лицо имѣло шутливое, смѣющееся, но вмѣстѣ самодовольное и самоувѣренное выраженіе. За нимъ шелъ пожилой чиновникъ, весь подвижной, худой, какъ скелетъ, съ чрезвычайно озабоченной миной, которая отъ долгаго употребленія, кажется, приросла къ его лицу.

Его сіятельство былъ замѣтно въ духѣ. Онъ по порядку началъ обходить просителей, весело и ласково принималъ просьбы, распрашивалъ нѣкоторыя подробности и тутъ же давалъ резолюціи. Когда онъ произносилъ рѣшеніе, то каждый разъ искоса поглядывалъ на подвижнаго скелета... и часто случалось, что скелетъ этотъ еще болѣе вытягивался, нагибался къ уху его сіятельства и отрывисто что-то шепталъ ему — и въ такихъ случаяхъ его сіятельство большею частью измѣнялъ резолюціи.

Такъ мало-по-малу они приблизились къ намъ...

— Какъ ваша фамилія, спросилъ онъ сочинителя, когда тотъ высказалъ ему, что пришелъ просить обѣщанное назначеніе послѣ долгаго занятія при такомъ-то департаментѣ.

Господинъ во фракѣ сказалъ свою фамилію.

— А, кажется, вы литераторъ, сказалъ сановникъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, я занимаюсь литературой.

Его сіятельство оборотился къ слѣдовавшему за нимъ скелету и тихо проговорилъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать?... Я слышалъ, что онъ

человѣкъ очень способный и дѣльный, да не люблю я этихъ поэтовъ, по-моему они не годятся для службы... Правда, что этотъ пишетъ въ прозѣ, мнѣ случалось читать, да все какъ-то, знаете, эти писатели мнѣ хуже бѣльма на глазу...

— Потрудитесь сказать, ваше сіятельство, что наведете объ немъ справки, а тамъ—мы ужъ ему отвѣтимъ, прошепталъ скелетъ.

Его сіятельство такъ и отвѣчалъ, и вслѣдъ затѣмъ весело перенесъ свой взглядъ на молодаго подполковника, съ особеннымъ удовольствіемъ осматривая его выправленную фигуру.

Тотъ изложилъ свою просьбу по военному—коротко, отрывисто и нѣсколько сбивчиво.

— Прикомандируйте его къ намъ, также коротко и быстро рѣшилъ его сіятельство, обращаясь къ чиновнику; дайте ему какое нибудь порученіе, потомъ назначьте на первую сообразную вакансію. Затѣмъ его сіятельство обратился ко мнѣ:

—Вамъ что нужно, молодой человѣкъ? спросилъ онъ.

Я молча подалъ ему докладную записку; въ четырехъ строкахъ этой записки излагалось, что, кончивъ курсъ въ университетѣ, желаю поступить на службу по ввѣренной его сіятельству части администраціи.

Въ то время, какъ его сіятельство пробѣгалъ мою записку, сердце у меня дрожало, билось, опускалось внизъ и наконецъ какъ будто совсѣмъ ушло въ пятки... «Что, если онъ откажетъ; не дай-то Господи»! шепталъ я. Но вельможа ласково взглянулъ на меня, потрепалъ по плечу и, освѣдомившись, служилъ ли я гдѣ, или нѣтъ, сказалъ: мнѣ пріятно васъ помѣстить; мы рады молодымъ еще неиспорченнымъ людямъ,—и тутъ-же, обратившись къ чиновнику, онъ приказалъ написать на докладной запискѣ, чтобъ опредѣлить меня на имѣющуюся въ такомъ-то департаментѣ вакансію. Затѣмъ еще разъ потрепалъ меня по плечу вельможа, и прибавилъ довольно громко, какъ будто для общаго назиданія: «я всегда готовъ давать ходъ людямъ молодымъ, образованнымъ, подающимъ надежды». И вслѣдъ за тѣмъ онъ перешелъ къ другимъ просителямъ.

Трудно вамъ вполнѣ выразить, какъ радостно затрепетало мое сердце, какъ сдѣлалось легко на душѣ отъ такого пріема; я тутъ же и безъ оглядки проклялъ всѣхъ, кто осуждалъ Петербургъ въ холодности, въ сребролюбіи, въ эгоизмѣ. Это больше ничего, какъ подлая зависть, какъ желаніе чернить все хорошее, думалъ я, направляясь

прямо изъ пріемной въ трактиръ, пообѣдать, по случаю такой удачи, болѣе мягкимъ кускомъ говядины.

На другой день, разумѣется, я пошелъ въ департаментъ, который назначался въ резолюціи моей докладной записки. Здѣсь уже собралось нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ директора. Я присоединился къ нимъ.

Директоръ былъ въ своемъ кабинетѣ. Мы ждали часъ, другой— видѣли какъ ке нему входили съ бумагами широкими шагами и прямо держа голову начальники отдѣленій, менѣе широкими и опустивъ голову столоначальники, и семенили, съеживишсь, канцелярскіе... Видѣли, какъ самъ директоръ, съ видомъ человѣка очень занятаго и погруженнаго въ чрезвычайно головоломныя размышленія, проходилъ въ разныя отдѣленія, немного согнувшись въ своемъ большомъ ростѣ, значительно покачивая туловищемъ и размахивая правой рукой, не сгибая ее, а лѣвою держась за петлю форменнаго фрака. Наконецъ слышали, какъ директоръ, проходя мимо ожидавшихъ его просителей, каждый разъ повторялъ, что сейчасъ будетъ къ нашимъ услуга,й но часы проходили, а мы все сидѣли и ждали...

Вдругъ въ пріемную бойко вошелъ какой-то баринъ, закутанны въ дорогое бобровое пальто. Быстро сбросивъ пальто на руки солдату, баринъ велѣлъ курьеру доложить о немъ директору. Курьеръ робко попросилъ посѣтителя подождать. «Его превосходительство заняты-съ, сказалъ онъ, извольте взглянуть, сколько господъ ждутъ *янарала*; такъ ужъ и вы-съ», и курьеръ не кончилъ. Но баринъ не изволилъ и взглянуть на насъ, вынулъ свою карточку и приказалъ сейчасъ же передать ее директору. Послѣдній, къ общему нашему удивленію, вдругъ нашелъ свободное время ,немедленно явился, очень вѣжливо, даже очень низко раскланялся съ посѣтителемъ, пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ, подвинулъ стулъ и они принялись о чемъ-то горячо разсуждать... Сквозь полуотворившуюся дверь мы могли все видѣть и слышать. Посѣтитель говорилъ громко, съ недовольной ироническої улыбкой на лицѣ, между тѣмъ какъ директоръ тихимъ голосомъ и вразумительными жестами очень старался что-то доказать. Онъ часто отступалъ шага на два назадъ и вытягивалъ впередъ руки, потомъ снова дѣлалъ два шага впередъ къ собесѣднику, и, прижимая одну руку къ сердцу, а другой что-то высчитывая по пальцамъ, нагибался впередъ, выразительно пожималъ плечами и наклонялъ голову; словъ

его нельзя было разобрать, слышался только приличный его превосходительному чину теноробасъ...

Когда баринъ опять облекся въ свое дорогое пальто, тогда проводившій его до дверей директоръ снова и грубѣе прежияго повторилъ намъ, что скоро будетъ къ нашимъ услугамъ, и ушелъ въ кабинетъ.

Прошло еще съ полчаса...

—Это, однако, чортъ знаетъ, что за невѣжество! вдругъ почти вскричалъ одинъ изъ просителей, кавалергардъ, который, должно быть, надѣясь, что директоръ сейчасъ же явится по его прибытіи, не садился, а нетерпѣливо расхаживалъ по пріемной и, въ свою очередь, также очень невѣжливо стучалъ своей саблей...

— Удивительное невѣжество, повторилъ за нимъ другой офицеръ въ менѣе блестящемъ мундирѣ—всякое терпѣніе лопнетъ! Да впрочемъ чего же и ждать отъ нихъ, этихъ чиновииковъ, помилуйте, что это за народъ: никакой вѣжливости, никакого образованія — вѣдь нельзя войдти въ присутственное мѣсто безъ непріятностей! Гмъ? И затѣмъ офицеръ презрительно пожалъ плечами.—А вы должно быть имѣете несчастіе хлопотать здѣсь? вдругъ обратился онъ къ кавалергарду съ ласкающейся улыбкой; пѣхотинецъ, кажется, былъ очень радъ случаю заговорить съ кавалергардомъ. Послѣдній же, увы, только посмотрѣлъ на него съ высока и, вмѣсто отвѣта, что-то промычалъ.

Но вотъ директоръ наконецъ явился; онъ довольно нетерпѣливо началъ выслушивать просьбы... Когда онъ кончилъ со всѣми, я храбро подалъ ему докладную записку съ замѣткою его сіятельства; я былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ...

— Да васъ знаетъ его сіятельство? спросилъ директоръ.

Я сказалъ, что не имѣю чести быть ему извѣстнымъ.

— Кто же васъ представилъ его сіятельству; перебилъ меня директоръ.

Я отвѣчалъ, что самъ къ нему явился и просилъ мѣста.

— А-а! произнесъ директоръ,—позвать ко мнѣ начальника перваго отдѣленія, г-на Жилкина, обратился онъ къ одному изъ чиновниковъ.

Начальникъ перваго отдѣленія явился тотчасъ же, словно изъ земли выросъ...

Это былъ сухой, тощій человѣчикъ, еще среднихъ лѣтъ, но уже сгорбившійся отъ постояннаго сидѣнья, съ рѣдкими волосами и рѣдкими бакенбардами, которыя внизу выходили изъ воротничковъ двумя

длинными, непріятными пучками и придавали вогнутой физіономіи г. Жилкина какое-то жидовское выраженіе. Сжатыя тонкія губы и взглядъ сѣрыхъ глазъ увеличивали непривлекательность его лица, а подвижныя черты этого лица составляли рѣзкій контрастъ съ изпуреннымъ, поблекшимъ цвѣтомъ кожи... Походка и пріемы Жилкина имѣли также свою особенность: нетвердые, привыкшіе измѣняться, смотря по надобности, они дополняли его личность. И вся эта личность, казалось, умершая для всего, что только не входило въ бытъ, жизнь и обязанности чиновника, а между тѣмъ жадная до каждой мелочи этого роднаго ему міра, въ своемъ поношенномъ фракѣ ужасно непріятно дѣйствовала на всякаго живаго человѣка.

— Мартынъ Иванычъ, обратился къ нему директоръ, передавая мою докладную записку, вотъ этотъ молодой человѣкъ присланъ сюда для опредѣленія—у васъ, кажется, есть вакансія, потрудитесь его испытать.

Мартынъ Иванычъ взглянулъ на директора искоса и знаменательно поклонился въ знакъ согласія. Потомъ онъ просмотрѣлъ резолюцію на докладной запискѣ, поморщился, бросилъ на меня быстрый, но не очень доброжелательный взглядъ и наконецъ пригласилъ съ собою въ свое отдѣленіе.

Слава Богу, теперь я еще ближе къ цѣли, думалъ я, слѣдуя за начальникомъ отдѣленія и посматривая на чиновничьи фигуры, которыя своимъ особеннымъ типомъ возмутительно дѣйствовали на нервы еще не знакомаго съ ними человѣка.

Наконецъ г. Жилкинъ остановился у своего стола и задумался.

— Что бы вамъ дать для испытанія? сказалъ онъ въ раздумьи и смотря въ сторону. Нѣтъ ли чего тутъ такого, подходящаго—и онъ принялся рыться въ кипѣ бумагъ, лежавшихъ на столѣ...

Онъ рылся въ нихъ долго, но, какъ мнѣ казалось, рылся такъ, безъ цѣли, только для формы...

— Вы еще не служили? спросилъ онъ между прочимъ...

— Нѣтъ-съ, я только что кончилъ курсъ въ университетѣ... отвѣчалъ я.

— А! проговорилъ Жилкинъ, и кандидатомъ?

— Да-съ, кандидатомъ, отвѣчалъ я.

— Гмъ, это очень пріятно! Не стоило бы даже и испытывать... И дѣла-то такого теперь не могу отыскать... Да-съ мнѣ очень пріятно! Впрочемъ, прибавилъ онъ вдругъ, я долженъ васъ предупредить, у

меня уже есть кандидатъ на эту вакансію и уже служитъ нѣсколько мѣсяцевъ...

— Кандидатъ на эту самую вакансію? спросилъ я.

— Да, на эту самую! проговорилъ Жилкинъ, продолжая смотрѣть въ уголъ.

— Но отчего жъ вы не сказали этого г. директору, возразилъ я въ испугѣ...

— Не сказалъ... не сказалъ, проговорилъ Жилкинъ, знаете, это какъ-то неприлично отказать начальнику прямо, да къ тому же у насъ Евгеній Ѳедоровичъ возраженій не любитъ.

— Такъ я пойду самъ передамъ г. директору, что онъ ошибся, и что у васъ нѣтъ вакансіи, сказалъ я, протягивая руку за своей докладной запиской.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же это! Помилуйте, это я только такъ сказалъ, мѣсто еще не занято; мнѣ приказано испытать васъ, я и исполню приказаніе, быстро проговорилъ Жилкинъ,—а тамъ-какъ хотятъ его превосходительство; вотъ мы вамъ дадимъ такого рода дѣло, изъ котораго нужно будетъ составить докладную записку г. министру, вы и потрудитесь ее составить. Да что жъ это, Боже мой, ничего такого не могу сыскать—и Жилкинъ снова принялся рыться въ бумагахъ.

— Вы съумѣете сдѣлать это? спросилъ онъ...

— Я постараюсь сдѣлать, какъ могу; но заранѣе прошу васъ быть снисходительнымъ, прибавилъ я, это дѣло для меня новое, я легко могу ошибиться въ нѣкоторыхъ формальностяхъ, къ которымъ скоро можно привыкнуть.

— Э, помилуйте, помилуйте, мы знаемъ, чего отъ васъ можно требовать, перебилъ меня Жилкинъ, скорчивъ какую-то улыбку; вотъ только испытаніе ваше, кажется, придется, отложить до завтра, сегодня нѣтъ у меня подъ рукой дѣла, знаете, не такъ запутаннаго, чтобы вамъ не очень трудно было; вы потрудитесь придти лучше послѣ завтра—мы васъ и испытаемъ, сказалъ Жилкинъ, и онъ опять хотѣлъ любезно улыбнуться, но и опять вмѣсто улыбки какъ-то препротивно скривилъ свою жидовскую физіономію.

Какъ мнѣ ни непріятно было откладывать, но я долженъ былъ уйдти и дожидаться назначеннаго срока... Черезъ два дня я аккуратно явился въ департаментъ... Едва показалась моя личность въ дверяхъ комнаты, гдѣ засѣдалъ Жилкинъ, какъ на лицѣ его мгновенно яви-

лось такое выраженіе, что меня даже покоробило... Но я, скрѣпя сердце, подошелъ къ столу и напомнилъ о данномъ приказаніи явиться для испытанія.

— Ахъ, я и забылъ, что обѣщалъ приготовить вамъ дѣло, вскричалъ начальникъ отдѣленія, этакая досада право!.. Нужно будетъ опять отложить; извините, пожалуйста, теперь искать некогда, время дорого, потрудитесь лучше завтра зайдти, я непременно приготовлю.

Но на слѣдующій день г-на Жилкина не было въ присутствіи, а затѣмъ два другихъ случились табельные. Я пришелъ уже черезъ три дня...

Жилкинъ попался мнѣ на встрѣчу въ дверяхъ своего отдѣленія съ кипою бумагъ подъ мышкой...

— А, здравствуйте, здравствуйте, сказалъ онъ, вы на испытаніе?.. Но вѣдь право и опять нельзя... сегодня некогда совершенно—вотъ съ докладомъ иду. Тороплюсь, видите сколько работы!..

— Когда же прикажите мнѣ явиться, спросилъ я робко...

— Да приходите какъ нибудь на дняхъ... черезъ недѣлю, черезъ двѣ, какъ тамъ вамъ будетъ свободнѣе...

— Да я всегда свободенъ, хотѣлъ было я замѣтить, но начальникъ отдѣленія уже скрылся.

Такимъ образомъ пришлось мнѣ дожидаться слишкомъ мѣсяцъ, когда наконецъ мнѣ вручили какое-то дѣло и дали нѣсколько листовъ бумаги и нѣсколько перьевъ...

Нужно еще замѣтить, что не одинъ почтенный г-нъ Жилкинъ принималъ меня такъ недружелюбно; я видѣлъ устремленные на себя косые взгляды большей части чиновниковъ, которые косились Богъ-вѣсть почему... Мало того, когда я прочелъ дѣло и имѣлъ надобность справиться кой-о-чемъ въ сводѣ законовъ, я обратился съ просьбою объ немъ къ одному чиновнику,—тотъ принесъ мнѣ нужный томъ, но до того подержаный, что въ немъ оказались вырванными именно тѣ страницы, которыя мнѣ были нужны.

Невольно, заранѣе въ мое сердце закрадывалось омерзеніе къ присутственному мѣсту, гдѣ я намѣревался служить...

Но наконецъ трудъ мой конченъ; я представилъ его начальнику отдѣленія; вмѣстѣ съ тѣмъ я попросилъ позволенія постоянно ходить въ департаментъ, чтобы заниматься дѣлами.

— Помилуйте, для чего же это? Для чего вы будете даромъ-то

работать, отвѣчалъ Жилкинъ; довольно и этого труда—я прочту и представлю его директору.

— Когда жъ прикажете явиться, спросилъ я будущаго своего начальника.

— Да побывайте черезъ недѣлю или какъ вамъ вздумается; впрочемъ, я думаю, его превосходительство успѣютъ просмотрѣть и къ тому времени.

Но прошла не одна недѣля, когда мои ничтожные три листка были просмотрѣны.

Въ недѣлю даже и начальникъ отдѣленія не успѣлъ прочесть; когда же они попали наконецъ къ его превосходительству, то въ продолженіи многихъ недѣль пришлось мнѣ получать отвѣтъ, что его превосходительство еще не пресмотрѣли моей записки, что его превосходительство заняты, его провосходительство сегодня не въ духѣ, и т. д. А чего мнѣ стоило каждый разъ навѣдываться объ этомъ, чего мнѣ стоило при всякомъ появленіи созерцать гримасу на лицѣ начальника отдѣленія, гримасу, какую можно видѣть только въ присутственномъ мѣстѣ, и которую вполнѣ оцѣнить можетъ только проситель бѣдный, непокровительствуемый. Меня рѣшительно коробило отъ нея!.. Я начиналъ понимать, что меня выживаютъ, хотятъ довести до того, чтобы я самъ отказался отъ всякихъ претензій на мѣсто, чтобы потомъ не быть за меня въ отвѣтѣ, потому что вакансія дѣйствительно была, но на нее кандидатомъ былъ, имѣющій меньше меня правъ по аттестату, но больше по сердечнымъ отношеніямъ къ г-ну Жилкину. Но я рѣшился дойдти до конца и продолжалъ ежедневно навѣдываться.

Наконецъ о моемъ испытаніи было доложено директору и представлено самое испытаніе.

— Теперь вы можете явиться къ его превосходительству и узнать его рѣшеніе, сказалъ Жилкинъ.

— Но позвольте знать прежде ваше мнѣніе о моемъ трудѣ, спросилъ я.

— Я... я... совершенно вами доволенъ... я въ немъ нашелъ больше свѣдѣній, нежели ожидалъ... И слогъ очень хорошій, право... мнѣ пріятно будетъ имѣть такого чиновника, отвѣчалъ Жилкинъ, и подалъ мнѣ свою костлявую, перепачканную въ чернилахъ руку.

Я до восторга обрадовался этой похвалѣ и тутъ же обѣщалъ начальнику отдѣленія ревностно заниматься службой.

— Помилуйте, я вполнѣ въ этомъ увѣренъ; вашъ аттестатъ ручается за это, сказалъ мнѣ Жилкинъ, указывая кабинетъ директора.

Я пошелъ...

— Что вамъ угодно? спросилъ меня сурово директоръ, приподнявъ немного голову отъ бумагъ.

— Я пришелъ узнать рѣшеніе вашего превосходительства.

— Какое рѣшеніе, насчетъ чего?

— Насчетъ мѣста. Вамъ угодно было приказать испытать меня начальнику перваго отдѣленія.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— А, помню, проговорилъ директоръ; но вы еще не знаете канцелярскаго порядка, не знаете даже формы бумагъ; Мартынъ Ивановичъ недоволенъ вами и находитъ, что другой кандидатъ будетъ гораздо полезнѣе для него, слѣдовательно, чего же вы хотите?.. Прошу меня извинить.

И директоръ повернулся къ своимъ бумагамъ.

Эта неожиданная и рѣзкая резолюція такъ поразила меня, что я рѣшительно остолбенѣлъ, не знавъ ни какъ объяснить ее, ни что отвѣтить; да и его превосходительство уже великолѣпно и съ ужасающимъ скрипомъ размахивали перомъ.

Съ затаенной досадой въ сердцѣ я сталъ натягивать свое пальто, поданное курьеромъ.

Но тутъ мысль о двуличности Жилкина вдругъ вдохнула въ меня бѣшеное негодованіе; мнѣ стало даже совѣстно уйдти, не объяснившись съ нимъ; я бросилъ пальто и пошелъ въ первое отдѣленіе.

— Скажите, пожалуйста, Мартынъ Ивановичъ, сказалъ я ему смѣло, какимъ же образомъ директоръ говоритъ, что вы недовольны моимъ испытаніемъ; зачѣмъ же вы мнѣ этого прямо не сказали, а заставили таскаться сюда, терять столько времени? Лучше бы прямо отказать!

— Помилуйте, помилуйте, что это вы говорите! Я вами совершенно доволенъ... Право, совершенно! Я васъ увѣряю, отвѣчалъ Жилкинъ.

— Но какъ же директоръ-то говоритъ противное?

— Евгеній Θедоровичъ... то есть ихъ превосходительство должно быть ошиблись... или, можетъ быть, онъ... они... то есть... да я вѣдь васъ предупреждалъ, что на эту вакансію есть кандидатъ... быстро заго-

ворилъ Жилкинъ... А ваши свѣдѣнія я нашелъ вполнѣ удовлетворительными...

Меня даже въ потъ бросило отъ такого безстыдства г-на начальника отдѣленія; но что было дѣлать? Я повернулся и ушелъ домой... Не жаловаться же идти на лица, которыя могли быть моими начальниками.

Эта новая неудача и потеря времени, которое между тѣмъ истощило мой карманъ, совершенно меня разстроили... Самая главная надежда пропала, а между тѣмъ нужда требовала на что-нибудь рѣшиться—и рѣшиться какъ можно скорѣе; но на что рѣшиться?

Пойду къ Слоеву, подумалъ я, и посовѣтуюсь, что̀ бы еще предпринять; авось онъ, по старой дружбѣ, чѣмъ нибудь и поможетъ.

На другой же день утромъ я отыскалъ жилище стараго товарища и позвонилъ въ его квартиру, съ полной надеждой облегчить свое сердце дружескимъ участіемъ. Слоевъ только что возвратился изъ департамента и садился обѣдать. Но я не сразу узналъ его: вмѣсто бывшаго студента, живаго и привѣтливаго, студента подчасъ весельчака, не отказывавшагося иногда и кутнуть на-славу, отчасти философа, который любилъ также и помечтать надъ драмами Шекспира и задуматься надъ космосомъ Гумбольта, я увидѣлъ предъ собою молодаго чиновника какой-то оффиціальной наружности, въ форменномъ фракѣ, съ форменными движеніями, съ баками, подстриженными какимъ-то особеннымъ форменнымъ образомъ; даже голосъ сдѣлался такой ровный, словно тонъ его былъ опредѣленъ извѣстною статьею законовъ; въ немъ не слышалось ни повышеній, ни пониженій, словомъ, никакого одушевленія. Это былъ молодой чиновникъ, правда, дѣятельный и образованный, но котораго служба начала уже увлекать на рутинную дорогу, убила для всего и сдѣлала изъ живаго чаловѣка что-то машинное и формальное до того, до чего формальна дѣловая бумага.

Впрочемъ Слоевъ обрадовался, увидавъ меня.—А, Евгеній, ты ли это? Какими судьбами? Давно ли?.. сказалъ онъ, вставая изъ за стола, на которомъ былъ поданъ обѣдъ.

Я сказалъ, что уже нѣсколько мѣсяцевъ пребываю въ Петербургѣ.

— Нѣсколько мѣсяцевъ... а ко мнѣ только теперь? Ну, братъ, это не по-пріятельски? Нехорошо!.. Но зачѣмъ, для чего, по какому случаю ты здѣсь?

— Ищу мѣста, Слоевъ, отвѣчалъ я...

— Ну, и?..

— И до сихъ поръ безуспѣшно!..

— А—а—а!.. протянулъ Слоевъ и веселость его мгновенно прошла... Да, нынче трудненько сыскать мѣсто! Надѣюсь, что у тебя здѣсь есть кто нибудь, какая нибудь протекція?

— Никого нѣтъ и никакой протекціи, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ ты навѣрно хоть деньгами запасся? спросилъ опять Слоевъ.

— И того, братъ, нѣтъ! Осталось кой-что на нѣсколько мѣсяцевъ сквернѣйшей жизни—да это такъ, пустяки, и считать нестоитъ.

У Слоева совсѣмъ опустились руки. Онъ даже отодвинулся отъ меня какъ отъ заразы, и сѣлъ за обѣдъ, который было оставилъ.

Настало нѣсколько минутъ молчанія.

— Ты обѣдалъ? началъ онъ снова, но уже какъ-то неловко и тономъ, который какъ будто боялся отрицательнаго отвѣта.

— Да, обѣдалъ, проговорилъ я.

— Ну, и хорошо, а то пришлось бы посылать въ трактиръ, ждать; это цѣлая коммиссія... значитъ я могу распорядиться. Ты извинишь, надѣюсь? И онъ сѣлъ за обѣдъ уже гораздо спокойнѣе.

— А тебя, кажется, любезный другъ, можно поздравить; ты недурно устроился, замѣтилъ я, осматривая квартиру Слоева.

— Да, такъ себѣ... У меня есть маленькій случай... такъ пустой!.. Но поговоримъ лучше о тебѣ... Скажи-ка, что ты теперь намѣренъ дѣлать, а? Вѣдь безъ покровителей здѣсь, братъ, никуда не достучишься. Здѣсь вѣдь нѣтъ благотворительныхъ обществъ, а если и есть, то не для той бѣдности, которая терпитъ... а для той... что вопитъ про себя... Какъ же ты-то будешь жить?

— Эхъ, пріятель, о томъ-то я и думаю, да вотъ за этимъ и къ тебѣ пришелъ, не посовѣтуешь ли чего нибудь по старой дружбѣ... Я просто въ ужасномъ положеніи...

— Гмъ, не посовѣтуешь ли! Ты думаешь это легко? возразилъ Слоевъ.

— Ну, да хоть что нибудь не скажешь ли?

— Что жъ сказать-то? Что можно посовѣтовать человѣку, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни протекціи, ничего нѣтъ... Тутъ, любезный мой, хоть геній будь, а все ничего не выдумаешь?

— Но вѣдь ты въ Петербургѣ уже два года, я думаю присмотрѣлся къ людямъ, и знаешь здѣшніе обычаи... Вѣдь здѣсь сосредоточены всѣ присутственныя мѣста, а я все-таки кандидатъ универси-

тета, поэтому и имѣю правъ болѣе другихъ, которыхъ тысячи каждый годъ находятъ мѣста.

— Э, другъ мой, ты не расчитывай, пожалуйста, на свои права, да и на справедливость также.

— Такъ на что же, Боже мой, я долженъ расчитывать? Ужели все еще по старому идетъ? Ужели все это вздоръ, что говорятъ и пишутъ, будто здѣсь уже многое перемѣнилось, что взяточниковъ гонятъ вонь, что опредѣляютъ не однихъ матушкиныхъ сынковъ и бабушкиныхъ внучатъ съ толстыми карманами и пустыми головами?..

— Э, пріятель, перебилъ меня опять Слоевъ, куда ты заносишься, перестань, перестань, пожалуйста, не горячись, все это вздоръ, я тебѣ скажу; да и петербургскій климатъ не терпитъ такихъ темпераментовъ. Гдѣ ты нахватался такихъ свѣдѣній, или еще ты до сихъ поръ такъ наивенъ, что вѣришь тому, что пишутъ и говорятъ? Пора наконецъ бросить эти глупыя студентскія идеи, онѣ ни къ чему не ведутъ, да и чего ты хочешь отъ жизни, отъ людей? Ужели думаешь, что золотой кумиръ перестанетъ быть богомъ паче всѣхъ боговъ? Видно, что ты еще недавно въ Петербургѣ и мало дышалъ его воздухомъ. Скорѣй, любезный мой, свѣтъ перевернется, нежели Петербургъ будетъ воспитывать добро!.. Не объ этомъ онъ думаетъ, некогда ему этимъ заниматься!.. Въ немъ и жить то хорошо—только съ деньгами, онъ и хлопочетъ только о томъ, какъ бы ихъ добыть. Мало-ли что тамъ говорятъ и пишутъ, да кто будетъ примѣнять эти рѣчи и писанія къ дѣлу? Если даже и мелькнетъ какая нибудь свѣтлая мысль, и если мелькнетъ она снизу, то замретъ подымаясь, а если сверху — то исказится внизу при исполненіи; потому что всякій больше думаетъ о себѣ, о своемъ; а согласить двѣ такія разницы, какъ бѣдность и богатство, знатность и простоту — это, другъ мой, такая же задача, что стянутъ вмѣстѣ два земныхъ полюса. Надъ такой задачей самый крѣпкій лобъ треснетъ, а обыкновенный смертный развѣ только поговоритъ объ этомъ, да вѣдь и поговоритъ-то только потому, что ему выгодно такъ говорить. Что ты такъ смотришь на меня? Если не вѣришь, то самъ можешь удостовѣриться...

Поди здѣсь въ четыре часа на Невскій или съѣзди на здѣшній балъ, хотя и не въ богатый домъ, взгляни на эту роскошь, на этотъ блескъ, на это чванство, на эту страсть къ *комфорту*, вѣдь ты ахнешь, а это еще только цвѣточки, ягодки-то будутъ впереди... А что для всего этого нужно? Золото, золото и золото! Но гдѣ же взять

столько золота, этого благороднаго металла и на такія неблагородныя потребности? Развѣ можно достать его правильными, честными путями? Какъ же ты хочешь, чтобъ Петербургъ перемѣнилъ свой золотой кумиръ? Какъ же ты хочешь, чтобы онъ такъ быстро очистился отъ своихъ грѣховъ, съ которыми уже онъ сроднился, которымъ толкаетъ его даже самая судьба, засадивъ въ болото...

Нѣтъ, любезный, пока вся жизнь въ немъ не перемѣнится, до тѣхъ поръ, пока не явится такой благодѣтельный и несебялюбивый геній, который бы въ самомъ корнѣ подсѣкъ этотъ гнилой порядокъ вещей, до тѣхъ поръ и Петербургъ не перемѣнитъ своей религіи, до тѣхъ поръ такимъ бѣднякамъ какъ ты нечего и ѣздить сюда, развѣ только какое счастіе вынесетъ на своихъ эфирныхъ крылышкахъ, да и оно выноситъ рѣдко безъ того, чтобъ честь такихъ счастливцевъ не улетучилась какъ эфиръ!.. Таковъ-то Петербургъ, любезный пріятель!... Такое понятіе я составилъ себѣ объ его обычаяхъ, объ его нравственности... Скажи же теперь самъ, что могу я тебѣ посовѣтовать?

— Но, другъ мой, согласись же, что вѣдь нужно же что нибудь выдумать, не пропасть же мнѣ въ самомъ дѣлѣ ни за копѣйку, замѣтилъ я въ отчаяніи.

Слоевъ только пожалъ плечами.

— Зачѣмъ же ты пріѣзжалъ сюда? Отчего тамъ не искалъ мѣста? спросилъ онъ.

— Да, я искалъ, но что я могъ найдти тамъ, если здѣсь ничего не могу найдти? Вѣдь здѣсь сосредоточена дѣятельность всякаго рода, слѣдовательно и надобности въ людяхъ больше—вотъ почему я и пріѣхалъ сюда.

Слоевъ ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе.

— Развѣ не сходить ли мнѣ къ какому нибудь купцу—началъ я опять — попросить занятія; теперь часто открываются компаніи, дѣла должно быть много... какъ ты думаешь объ этомъ?

— Что жъ, сходи, но результатъ я думаю будетъ тотъ же... Вѣдь до каждаго изъ этой пузатой братіи, если уже его успѣло разнести до извѣстнаго градуса важности, также трудно добраться, какъ и до какого нибудь вельможи... То же чванство, та же челядь кругомъ! Да еще безъ оскорбленія и не уйдешь—это народъ грубый, до сихъ поръ дикій. Притомъ они не жалуютъ дворянчиковъ.

— Но самъ-то ты, Слоевъ, не можешь ли какъ помочь мнѣ, попросить кого нибудь, рѣшился я наконецъ сказать Слоеву.

— Попросить—да кого же?.. возразилъ тотъ быстро, какъ будто испугавшись чего, я самъ, право, никого не знаю... Я давича только такъ проговорился, что имѣю маленькій случай... У меня никакого нѣтъ, да еслибъ и былъ, то согласитесь, что разсудокъ требуетъ беречь его для себя.

— Ну, дѣлать нечего, сказалъ я, удерживая тяжелый вздохъ и вставая, попробую постучаться еще кой къ кому, а тамъ что будетъ...

— Ахъ, развѣ вотъ что, вдругъ перебилъ меня Слоевъ, оправляясь отъ своего неловкаго положенія, я, пожалуй, могу тебѣ указать одинъ путь... можетъ быть и успѣешь! Ты говорилъ, что имѣешь тамъ еще сколько-то деньжонокъ—попробуй ты это средство... разумѣется, если найдешь удобнымъ. Вотъ въ чемъ дѣло: здѣсь есть одна личность, одна дама, то есть, не то чтобы дама, дѣвица—да и невполнѣ дѣвица, словомъ, личность, даже и безъ фамиліи, но зато съ извѣстнымъ всѣмъ именемъ Шарлотты Францовны. Это не болѣе и не менѣе какъ камелія, но камелія высокаго полета и съ большимъ вліяніемъ. Сходи ты къ ней, а какъ до нея добраться, я тебя научу, сходи ты къ ней и обратись съ просьбой объ опредѣленіи на службу. Она до сихъ поръ ловка по этой части!.. Я опять повторю, что за успѣхъ вполнѣ не ручаюсь, но кто же знаетъ, что можетъ случиться?.. Какъ ты думаешь?..

— Но, Слоевъ, вѣдь это будетъ чортъ знаетъ что такое; получить такимъ путемъ мѣсто! возразилъ я...

— Ха, ха, ха! Такъ ты еще разбираешь средства, дружище, когда имѣешь въ перспективѣ быть нищимъ. Ну, я этого не зналъ—въ такомъ случаѣ, какъ хочешь... Забудь мои слова, и больше не проси у меня никакихъ совѣтовъ... И Слоевъ всталъ изъ-за стола и началъ расчесывать свои чиновничьи бакенбарды...

— Ты ѣдешь куда нибудь? спросилъ я.

— Да, въ Михайловскій; я попрошу у тебя извиненія. Мы, братъ, вѣдь несчастные поденьщики, должны дорожить каждымъ часомъ,—свободныхъ у насъ немного! Каждое утро до четырехъ—пяти часовъ въ департаментѣ—шести-часовое сидѣнье, мерзѣйшая работа, поклоны начальникамъ, которые все еще не умѣютъ по человѣчески смотрѣть на своихъ подчиненныхъ,—все это не легко; придешь домой разбитый головой и сердцемъ, усталый... на что тутъ будешь годенъ? Един-

ственно только посмѣяться и позѣвать за французскимъ водивилемъ— удовольствіе не головоломное, не то что литературный вечеръ... Правду сказать, такая жизнь чистая гибель, и еслибъ не надежда, что скоро самъ выберешься, что и самъ точно также сядешь на шею другимъ... ну, а до тѣхъ поръ надо терпѣть,--нужда заставляетъ! Притомъ, хоть и знаешь, что впослѣдствіи обратишься въ уморительную каррикатуру какого нибудь совѣтника иногда со звѣздою на фракѣ, и всегда съ торричелліевою пустотой въ головѣ и еще съ чванствомъ своей особой; да, выходы-то трудны изъ нашего положенія! Всѣхъ насъ приготовили такъ, и Слоевъ, говоря это, уже надѣвалъ свой черный, ловко сшитый фракъ.

Эге, любезный мой, какъ уже ты высохъ, подумалъ я про себя, а еще, кажется бы, рапенько: вотъ и завидная карьера! Но я то не позавидую тебѣ; добьешся ты до чиновъ, до орденовъ, до почестей—это не трудно съ такимъ сердцемъ, но не принесетъ живой пользы твоя дѣятельность!... И я спѣшилъ проститься съ старымъ товарищемъ и ушелъ еще болѣе разстроенный новыми свѣдѣніями о Петербургѣ и его повальномъ эгоизмѣ.

Впрочемъ мысль о знаменитой камеліи засѣла у меня въ головѣ; сначала я долго не рѣшался идти къ ней на поклонъ, даже каждый разъ краснѣлъ при одномъ представленіи себѣ этого подвига, но желудокъ говорилъ другое... Притомъ же и выбирать мнѣ было неизчего. Да и отчего, рѣшилъ я наконецъ, побуждаемый аттестатомъ, не испытать путь, которымъ такъ многіе дошли до земнаго благоденствія!...

Чрезъ нѣсколько дней дѣйствительно я уже отыскивалъ мѣсто жительства одной родственницы Шарлотты Францовны, черезъ которую, по наставленію Слоева, я могъ добраться до послѣдней.

Эту родственницу знаменитой камеліи застаяъ я за завтракомъ: она сидѣла на мягкомъ диванѣ, уходя въ него, какъ тыква въ землю; передъ нею находился столъ, совершенно загроможденный всякой-всячиной; тутъ я разсмотрѣлъ: огромный самоваръ, кофе въ серебряномъ кофейникѣ, груду сухарей въ плетеной корзинѣ, около дюжины сдобныхъ булокъ, сыръ, колбаса, масло, ветчина, графинъ коньяку и бездна другихъ съѣдомыхъ веществъ; надъ ними почтенная хозяйка дома трудилась въ настоящую минуту съ такимъ остервененіемъ, что изъ ея массивнаго тѣла валилъ паръ гораздо сильнѣе, чѣмъ изъ кипящаго самовара.

Хозяйка была женщина лѣтъ пятидесяти, здоровая и мясистая, съ тѣмъ выраженіемъ лица и съ тѣми манерами, которыми такъ рѣзко отличаются уличныя торговки; но она была набѣлена, нарумянена и одѣта съ безобразною пышностью въ шелковое платье съ лентами и кружевами.

Я прямо изложилъ ей свою надобность.

Родственница Шарлоты Францовны методически осмотрѣла меня съ головы до ногъ, понюхала табаку и съ разстановкой проговорила:

— Нынче мѣста-то, батюшка мой, рѣдки—о-охъ, какъ рѣдки; не то что бывало прежде,—нѣтъ! То золотое было времечко: поборъ былъ славный, а теперь что,—плевки! Я вамъ это говорю для того, чтобы не очень-то обнадеживались, все можетъ приключиться! Право, трудно; еслибъ не для г. Слоева, то и не взялась бы за такое дѣло; ну, а для него нельзя, онъ *такой* славный баринъ, такой ласковый, обходительный; ни одного праздника не пропуститъ, чтобъ не пріѣхать поздравить, и племяненка-то моя его очень жалуетъ, такъ ужъ я постараюсь, замолвлю ей объ васъ; правду сказать, она у меня вѣдь и сама-то собою предобрая... Ангельская душа, сколько она добра дѣлаетъ и не повѣрите; именно, ужъ знатная дама—не то что другія выжиги!... Такъ и быть, я замолвлю ей объ васъ, а вы заверните денька этакъ черезъ три.

— Я буду очень благодаренъ за ваше одолженіе, проговорилъ я, вставая.

— И, и, сударикъ мой, знаю, знаю я это, за доброе дѣло всѣ благодарны, перебила меня баба, отираясь огромнымъ фуляромъ и тяжело подымаясь съ дивана,—да вѣдь изъ благодарности-то шубу не сошьешь, птенчикъ мой, а я женщина не богатая, просителей-то у меня много; какъ ради всякаго буду платить за карету,—вѣдь не сѣсть же мнѣ на ваньку, чтобъ ѣздить хлопотать по чужимъ дѣламъ, нѣтъ, милостивецъ, тутъ никакого состоянія не хватитъ?..

Я понялъ ловкій намекъ родственницы камеліи и задумался. И эта фурія хочетъ взятку!.. Да что жъ дать-то ей? размышлялъ я; вѣдь тѣхъ рублей, которые у меня въ карманѣ, недостанетъ и на одинъ завтракъ ея, да и эти послѣдніе рубли назначены за квартиру... а не удовлетворишь эту тыкву, такъ ничего не получишь, пожалуй, еще со смѣхомъ выпроводятъ отсюда—и я вытащилъ свою послѣднюю бумажку и, отдавая старухѣ, пробормоталъ: извините, пожалуйста... я не могу теперь вполнѣ васъ благодарить за ваши хлопоты...

— Хорошо, голубчикъ мой, хорошо, будетъ съ меня!.. Вѣдь я не секретарь какой, благодарна и на маленькомъ, спасибо! побывайте у Шарлотты Францовны денька этакъ черезъ два, она ужъ будетъ знать объ васъ!.. Я не забуду похлопотать. Нѣтъ, не забуду... тѣмъ болѣе, что вы, какъ кажется, человѣкъ-то со способностями, заговорила веселѣе старуха.

При выходѣ, дѣвка, отворявшая мнѣ дверь, такъ медленно поднимала желѣзный крючокъ и такъ пристально смотрѣла на мои руки, что я невольно принялся шарить въ пустомъ карманѣ и творилъ молитву, чтобы найдти тамъ какой нибудь полтинникъ, но карманъ былъ рѣшительно пустъ; тогда съ отчаянной рѣшимостью я самъ было взялся за дверную скобку, но дѣвка предупредила меня: она быстро отворила дверь и лишь только я ступилъ на порогъ, она такъ хлопнула ею мнѣ въ спину, что я живо вылетѣлъ на другой конецъ тротуара.

Черезъ два дня я звонилъ у великолѣпнаго подъѣзда Шарлотты Францовны. Швейцаръ отворилъ. Я боязливо посмотрѣлъ на него. Я уже пріобрѣлъ способность по лакею судить о его баринѣ: чѣмъ лицо важнѣе и необразованнѣе, тѣмъ казалось мнѣ прислуга его была дерзче и грубѣе; чѣмъ оно умнѣе и добрѣе, тѣмъ прислуга держала себя деликатнѣе и вѣжливѣе. Но у Шарлотты Францовны швейцаръ сверхъ того отличался еще особеннымъ качествомъ — смѣтливостью, судя по взгляду, какимъ онъ окинулъ меня, и по среднему тону голоса, которымъ освѣдомился о моей фамиліи.

Я сказалъ свою фамилію.

— А, пожалуйте, проговорилъ онъ; тамъ человѣкъ проведетъ васъ къ ея превосходительству, и онъ указалъ мнѣ рукою парадную лѣстницу. Боже, опять къ превосходительству! подумалъ я съ ужасомъ: да что это за городъ такой нашъ Петербургъ, да что это за столица, что въ немъ—что ни шагъ, то превосходительство. Оттого-то видно такъ медленно и ползетъ впередъ наша бѣдная жизнь, что все спотыкается на какихъ нибудь превосходительствахъ, разсуждалъ я, робко подымаясь по роскошному ковру лѣстницы, уставленной съ обѣихъ сторонъ цвѣтами. Въ залѣ встрѣтилъ меня красивый лакей въ ливрейномъ фракѣ, въ чулкахъ и штиблетахъ и попросилъ присѣсть, пока онъ доложитъ ея высокопревосходительству.

Я думалъ было присѣсть, но, оглянувшись кругомъ, не рѣшился—

такъ поразило меня великолѣпіе обстановки! Кромѣ того, прямо противъ меня, на стѣнѣ, я увидѣлъ портретъ какого-то генерала, увѣшаннаго орденами и со страшно вбитымъ хохломъ; этотъ генералъ такъ пучилъ глаза, что я смотрѣлъ, смотрѣлъ и какъ-то невольно вытянулся передъ нимъ въ струнку: все, думаю, лучше! Но вотъ лакей вернулся. Пожалуйте за мной, проговорилъ онъ—и пошелъ впередъ. Я за нимъ послѣдовалъ, стараясь быть смѣлымъ, но съ каждымъ шагомъ робость овладѣвала мной болѣе и болѣе. Эта великолѣпная анфилада комнатъ, чрезъ которыя мы проходили, эти роскошные ковры, въ пухъ которыхъ уходили мои ноги, это золото, эти колонны, камины, бронза, люстры, картины, цвѣты, вазы, мебель, драпировка—все это смущало меня съ непривычки: я еще никогда не видалъ такого богатства. Наконецъ мой проводникъ остановился у дверей и приподнялъ тяжелую портьеру; я ступилъ еще шагъ и очутился въ совершеннѣйшемъ раю... Я не разсмотрѣлъ подробностей, но видѣлъ, что это былъ роскошнѣйшій изъ будуаровъ. Здѣсь, въ тѣни зелени, на золоченой козеткѣ сидѣли двѣ дамы, разговаривая, смѣясь и перебирая какой-то альбомъ.

Одна изъ нихъ, по-моложе, при моемъ появленіи быстро встала и, выходя въ другую комнату, сказала старшей:

Je m'en vais, ma chère, pour ne pas vous déranger; seulement ne te laisse pas séduire par ses prières, et tâche de finir plus vite avec lui,—*le tien* va bientôt venir...

Но Шарлотта Францовна должно быть не нуждалась въ совѣтахъ, она даже не улыбнулась на шутку пріятельницы, а быстро и жадно окинувъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, сдѣлала какую-то неопредѣленную гримасу. Потомъ, вставъ съ козетки, она важно опустилась на качающееся кресло, расправивъ свой необъятный кринолинъ.

Въ это время я впился глазами въ камелію и также жадно осматривалъ ее съ головы до ногъ; такъ хотѣлось мнѣ найдти въ ней что-нибудь такое, что́ бы могло до такой пошлости вскружить голову ея вельможному покровителю. Но, къ удивленію своему, я ровно ничего не находилъ!

На богатой, рѣзной съ позолотою качалкѣ я видѣлъ передъ собою камелію, и камелію очень обыкновенную, безъ особенныхъ преимуществъ надъ другими подобными ей цвѣтками женскаго пола. Это

была женщина немного выше средняго роста, уже не молодая, съ продолговатымъ лицомъ, съ обильными волосами темнаго цвѣта и большими, темными, подернутыми влагой глазами, которые были бы очень хороши, еслибъ не взглядъ ихъ слишкомъ безцеремонный, какъ-то страшно смѣлый. Черты лица Шарлотты Францовны были неправильны и неживы, и кожа лица, хотя тонкая и бѣлая, уже замѣтно попортилась отъ бѣлилъ; мягкая форма губъ своимъ выраженіемъ рѣшительно давала перевѣсъ въ пользу нѣмецкой сантиментальности, такъ противной для молодости и столь вкусной для старичковъ. Бюстъ ея былъ роскошенъ, и грудь ея, хотя уже очень не невинная, но все еще великолѣпная, гордо и безъ всякой заманчивой таинственности возвышалась надъ кружевною уборкою корсета... Затѣмъ Шарлотта Францовна была въ чрезвычайно богатомъ и изумительно пышномъ платьѣ и декольтэ. Усѣвшись въ качалкѣ, она важнымъ жестомъ руки указала мнѣ стулъ, а сама оттолкнулась отъ полу прекрасно обутою и дѣйствительно хорошенькою ножкою. Кресло заколыхалось.

Я присѣлъ на кончикъ стула.

Камелія прищурила глаза.

— Мнѣ передали вашу просьбу, начала она тихимъ, значительнымъ голосомъ; также передали, по чьему совѣту вы обратились ко мнѣ; но прежде всего скажите, какое мѣсто вы желаете найдти и по какой части. Я должна напередъ признаться, что не на всѣ вѣдомства имѣю вліяніе; не всѣ, знаете, имѣютъ порядочное начальство: между этими чиновниками попадаются иногда люди совсѣмъ не любезные, просто дрянь какая-то, les parvenus, словомъ, люди, не понимающіе пружинъ общественной жизни; съ ними я и говорить не хочу... Такъ какую же часть вы избираете?

Я отвѣчалъ. что для меня это рѣшительно все равно, только бы опредѣлиться.

— А, если для васъ родъ службы не составляетъ важности, то, въ такомъ случаѣ, я что нибудь могу сдѣлать, разумѣется, при условіи быть скромнымъ съ вашей стороны.

— Но, поспѣшилъ я прибавить, я ищу штатнаго мѣста, чтобы жалованьемъ его я могъ существовать. И если ваше превосходит... ваше высокопрев... ваше сіятельст... Тутъ я остановился въ смущеніи, потому что не зналъ къ какому классу чиновъ или титуловъ причислить особу, имѣвшую вліяніе если не на всѣ, то на нѣсколько вѣдомствъ.

Шарлотта Францовна пріятно улыбнулась; она замѣтно осталась довольна и моимъ отвѣтомъ, и моею робостью. Она снисходительнѣе посмотрѣла на меня.

— Вы изъ провинціи? спросила она.

— Да, я изъ Казани...

— А, это и видно, проговорила она смѣясь, но къ дѣлу! У меня есть мѣсто, и мѣсто довольно хорошее, особенно для молодаго человѣка въ вашемъ положеніи, продолжала она; я вчера приказывала справиться объ немъ, къ счастью оно еще не занято.

— Ваше покровительство меня отъ многаго спасетъ, спѣшилъ я сказать, тронутый такою добротой, — мое положеніе очень трудное и если...

— Но, позвольте, перебила меня камелія, опять улыбнувшись; я должна также предупредить васъ, что тутъ вамъ случатся кой–какія издержки, такъ, пустыя, — объ нихъ поговорите съ моей тетушкой и если согласитесь съ нею, то вамъ укажутъ къ кому обратиться, и вы будете опредѣлены немедленно. Мѣсто же, напередъ говорю, хорошее. Понимаете? прибавила она, взглянувъ на меня.

— Понимаю, отвѣчалъ я, но слово «издержки» начинало притуплять мою понимательную способность. Издержки? повторилъ я въ смущеніи, но какія же это издержки? Я человѣкъ совершенно безъ средствъ...

— Да это такъ, пустяки, не стоитъ говорить объ этомъ, перебила меня Аспазія, поправляя свои драгоцѣнные кружевные воланы и сильнѣе раскачивая кресло: вы объ этомъ не безпокойтесь, если у васъ теперь нѣтъ денегъ, то можно взять впередъ ваше годовое жалованье, тамъ уже мы устроимъ!

— Но чѣмъ же я буду жить-то этотъ годъ, ваше высокопревосходительство, рѣшился я замѣтить еще разъ.

— Ахъ, какой вы скучный, право, я вамъ сказала, что мѣсто хорошее, значитъ васъ не посадятъ тамъ на одно несчастное жалованье.

— Но, какже это... Что же кромѣ жалованья?.. Развѣ я... долженъ буду... брать взятки? робко спросилъ я.

— Взятки не взятки, а благодарность всегда можете принять — она не замараетъ вашей бѣдности; да и безъ этого для чего же и изъ чего вы будете служить? перебила Шарлотта Францовна съ запальчивостью.

— Я думалъ... возразилъ было я, я думалъ...

— Вы думали... да что же вы такое думали, а? еще громче и нервнѣе перебила она, вы еще очень молоды, оттого эти доходы и кажутся вамъ странными, а послужите—привыкнете... Лица, передъ которыми вы песчинка—и тѣ ими не гнушаются...

— Не знаю, но мнѣ бы не хотѣлось...

— Такъ чего жъ вамъ хотѣлось! Зачѣмъ же вы пришли сюда наконецъ?

— Извините, что я васъ побезпокоилъ, ваше высокопревосходительство, сказалъ я, вставая со стула, я надѣялся...

— Что васъ опредѣлятъ даромъ!.. Ха, ха, ха! закатилась нервично камелія. Этакъ бы у меня не достало ни мѣстъ, ни времени. Hélène! Hélène, venez-ici, mais venez donc plus vite, вдругъ крикнула она, продолжая истерически хохотать...

— Что, что такое? говорила Елена входя.

— Hélène, imagine-toi, que cet...

Но мое положеніе сдѣлалось через-чуръ неловко... Я отрывисто раскланялся и спѣшилъ уйти изъ великолѣпнаго будуара. Тамъ вслѣдъ мнѣ раздался порывистый хохотъ, и между взрывами котораго звучно отдались въ моихъ ушахъ слова: колпакъ, бэтъ, шафскопфъ!..

Кровь хлынула къ моему сердцу... Не помню, какъ я спустился съ лѣстницы, не помню, какъ быстро бѣжалъ по улицѣ. Но очень скоро очутившись на квартирѣ, я въ глухомъ отчаяніи бросился на постель и уткнулъ лицо въ сальную подушку. Нужно было нѣсколько часовъ, чтобъ мнѣ сколько нибудь успокоиться; я продолжалъ лежать не двигаясь, стараясь ни о чемъ не думать, но въ голову мою невольно рвались мысли одна другой отчаяннѣе, одна другой глупѣе. Я не знаю, чѣмъ бы это кончилось. Я измучился отъ одной душевной тоски. Къ счастью подоспѣлъ на помощь благодѣтельный сонъ: я проспалъ почти цѣлыя сутки. Но и во снѣ привидѣлась мнѣ блестящая камелія, требовавшая моего годоваго жалованья, и во снѣ долго раздавался въ моихъ ушахъ ея хохотъ и презрительное—*шафскопфъ*!

На другой день я всталъ съ болѣе свѣжей головой и могъ уже гораздо благоразумнѣе разсуждать о своей судьбѣ. Но всѣ разсужденія привели къ не очень утѣшительному заключенію; послѣдняя попытка стоила мнѣ остальныхъ денегъ и еще болѣе запутала мои дѣла; теперь я даже не видѣлъ и исхода изъ своего критическаго положенія. Послѣ тщетныхъ сѣтованій и отчасти отъ нечего дѣлать

побрелъ я къ своему знакомому, старичку Арбузову, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ.

Старикъ съ искреннимъ участіемъ выслушалъ мой разсказъ, но не могъ ничѣмъ облегчить мою участь. Онъ опять повторилъ, что рѣшительно не въ силахъ ничѣмъ помочь. Послѣднее онъ сказалъ съ такой горечью, что я даже раскаялся въ своей откровенности. Когда мы разсуждали такимъ образомъ въ пріемной департамента, чрезъ пріемную прошелъ какой-то молодой чиновникъ, франтовски одѣтый, но съ чрезвычайно глупою и самодовольною физіономіею.

Старикъ взглянулъ на часы,—уже былъ второй въ исходѣ.

— Вотъ, батюшка, посмотрите на этого франтика; его недавно ко мнѣ опредѣлили на штатное мѣсто: дѣлъ въ его столѣ пропасть, а онъ является въ два часа! За него отвѣчай и работай, а замѣтить не смѣешь,—дядя, князь какой-то, чиновный, важный человѣкъ! Выгони его, такъ самого спровадятъ, что тогда будешь дѣлать? Вѣдь не посмотрятъ, особливо въ настоящее время, что жена есть и дѣти; насъ, стариковъ, безъ различія честныхъ отъ мошенниковъ, турятъ отовсюду.

— Да нѣтъ, сказалъ онъ, вдругъ вспыхнувъ, когда молодой чиновникъ сбросилъ пальто и, проходя мимо насъ, едва кивнулъ ему головой; видите еще какой невѣжа, право нѣтъ возможности все это вытерпѣть; вы сейчасъ же получите мѣсто! И старикъ торопливо пошелъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ, оставивъ меня въ сильномъ страхѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Арбузовъ возвратился; отъ волненія у него дрожали губы.—Давно бы пора кончить, говорилъ онъ, я ему отказалъ, велѣлъ переходить отъ меня да, велѣлъ! Да что это такое, помилуйте, это просто изъ рукъ вонъ. Пусть его убирается; хоть мѣсто очиститъ для порядочнаго человѣка!

Въ эту минуту тотъ же молодой чиновникъ снова вышелъ въ переднюю и началъ надѣвать пальто.

— Куда же вы, обратился къ нему старикъ, потрудитесь хоть что-нибудь сегодня сдѣлать, за вами вѣдь дѣла останавливаются!

— Дѣла? переговорилъ чиновникъ съ какой-то дерзкой и тупоумной усмѣшкой, а мнѣ-то что теперь до вашихъ дѣлъ, вѣдь вы сказали, что не хотите служить со мной; я пойду и передамъ это дядюшкѣ; тамъ толкуйте съ нимъ какъ хотите! И молодой человѣкъ ушелъ изъ департамента, сильно хлопнувъ дверью.

— Ничего, пусть его!.. Вишь какой негодяй; да вѣдь я не боюсь твоего дядюшки, хоть онъ и князь, и дѣйствительный статскій, да и подлецъ-то онъ долженъ быть дѣйствительный и штатный, если покровительствуетъ такимъ скотомъ; вы будете на этомъ мѣстѣ, отрывисто говорилъ старикъ, тщетно стараясь казаться хладнокровнымъ...

Вдругъ, при послѣднихъ словахъ Арбузова, изъ боковой комнаты появилась какая-то фигура согнутая, морщинистая, едва державшаяся на ногахъ, фигура до того старая, что такъ и напоминала собою робинсонова козла. Между тѣмъ эта фигура была одѣта въ щегольскій фракъ со звѣздою, который по своей новизнѣ совершенно дизгармонировалъ съ желтой, изрытой кожею лица этой живой муміи; на головѣ этой муміи красовался тоже новый, красивый парикъ. Я съ невольнымъ любопытствомъ уставился на мумію и смотрѣлъ, рѣшительно не понимая, зачѣмъ бы могъ быть въ присутственномъ мѣстѣ этотъ антикъ? Для какой онъ потребности? Развѣ не въ архивъ ли сданъ былъ когда нибудь и за какія нибудь заслуги и по временамъ является изъ шкапа для одушевленія чиновниковъ. Или можетъ онъ здѣсь держится только для *блезиру*, какъ держатся въ барскихъ домахъ старые слуги? Но къ несчастію всѣ эти предположенія сами собою и сейчасъ же разлетѣлись въ прахъ: оказалось, что явившаяся во фракѣ со звѣздою мумія была здѣсь не для страдательной роли и даже не для блезиру, а занимала важную должность. Эта мумія была когда-то давно, очень давно молодымъ человѣкомъ, который началъ служить въ этомъ департаментѣ, служилъ, кланялся, карабкался все выше, выше и наконецъ докланялся, докарабкался до извѣстной степени. Онъ уже почти ослѣпъ, оглохъ, обезпамятѣлъ, оплѣшивѣлъ, опустѣлъ, одурѣлъ, весь развалился, а все еще служилъ, и все еще чего-то добивался. Но чего онъ добивался, что еще могло его радовать? На эти вопросы едва-ли бъ и самъ онъ отвѣтилъ!..

Явившаяся фигура въ настоящую минуту была, казалось, въ какомъ-то сильномъ волненіи. Выступивъ изъ двери, она начала топтаться на одномъ мѣстѣ, вертѣла головой, кряхтѣла, кашляла, какъ будто имѣла намѣреніе вскричать что-то, но изъ груди ея вылеталъ только слабый, хриплый кашель. Наконецъ, раздалось прерывистое:

— Иванъ Артемьичъ... а, Иванъ Артемьичъ... да гдѣ же... позовите Ивана Артемьича?...

Арбузовъ подошелъ къ нему.

— Что угодно вашему превосходительству? спросилъ онъ.

— Иванъ Артемьичъ... А!.. вы здѣсь. Я и не вижу.. Что жъ это вы надѣлали... а? Иванъ Артемьичъ! начала фигура, перемѣжая слова кашлемъ, какъ это можно? Мнѣ передали вашу ссору съ племянникомъ князя. А, какъ это можно ссориться съ родственниками князя? Что скажетъ его сіятельство... а? Что это вы надѣлали? Его сіятельство просилъ меня его выводить... а вы распорядились безъ меня... а? Да какъ-же это можно, и мумія закашлялась совершенно.

— Да онъ ничего не дѣлаетъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Арбузовъ.

— Что? Что такое?.. Я не слышу, перебила крикливо мумія.

— Онъ ничего не дѣлаетъ, ваше превосходительство, закричалъ Арбузовъ.

— Не дѣлаетъ.. не дѣлаетъ!.. Да вамъ-то что за дѣло? Развѣ у васъ нѣтъ чернорабочихъ? Вѣдь князь его велѣлъ вывести... Слышите ли, князь велѣлъ? О чемъ же вы разсуждаете, вѣдь онъ не надолго къ намъ... Подите, позовите его.. воротите... чтобъ князь не зналъ.. непремѣнно воротите!.. а то... я... я... самъ не потерплю васъ. Слышите ли? и мумія, кашляя, заковыляла назадъ въ комнату, изъ которой явилась.

Арбузовъ только махнулъ рукой и молча опустился на диванъ, рядомъ со мною. Я взглянулъ на него. На лицѣ старика было написано такое глубокое, раздирающее душу страданіе и столько благороднаго негодованія и въ то же время столько горькаго безсилія противъ судьбы, что у меня сердце поворотилось. Я поспѣшилъ встать, проститься и ушелъ, въ то же время прощаясь окончательно со всѣми надеждами.

Чтобы какъ нибудь убить остатокъ этого тяжелаго для, я пустился бродить по петербургскимъ улицамъ и зѣвалъ на все, на что только можно зѣвать; продолжительной ходьбой я старался измучить себя до нельзя,—и только уже поздно вечеромъ, совершенно выбившись изъ силъ, вернулся домой, бросился на постель и заснулъ такимъ мертвымъ сномъ, на какой только способна бываетъ молодость.

На другой день я проснулся въ двѣнадцать часовъ. Вчерашнее происшествіе разомъ мелькнуло въ моей головѣ и разомъ возмутило все на сердцѣ: чтобъ не оставаться наединѣ съ своими мыслями, я хотѣлъ было одѣться и идти; но вдругъ, смотрю, въ комнатѣ не было моего платья! Одна старая пара, давно брошенная, валялась на полу. Я испугался и сейчасъ же крикнулъ коридорнаго, надѣясь,

что можетъ ему пришла фантазія взять его для чистки, но дверь была ночью заперта, а теперь оставалась не совсѣмъ даже притворенною.

Коридорный, уже изрядно усладившій сивухою горесть своей хлопотливой жизни, явился не торопясь и неторопясь же объявилъ, что онъ уже нѣсколько недѣль и не заглядивалъ въ мой номеръ.

— Значитъ меня обокрали? спросилъ я.

— Немогимъ знать-съ, отвѣчалъ коридорный, кажись никого чужихъ не приходило-съ; а вамъ бы, сударь, на ночь-то замкнуться крючечькомъ, прибавилъ онъ обязательно и въ видѣ совѣта.

— Какъ замкнуться крючкомъ, закричалъ я взбѣшенный, вашъ крючекъ такого свойства, что стоитъ только тронуть дверь и онъ отскакиваетъ... Кто жъ тутъ виноватъ?

— Немогимъ знать-съ; это дѣло хозяйское, отвѣчалъ преравнодушно коридорный.

Я послалъ за главнымъ прикащикомъ, за квартальнымъ надзирателемъ, но результатъ былъ тотъ, что меня же обвинили въ неаккуратности, даже изъявили сомнѣніе въ платьѣ ли я вернулся домой и наконецъ предложили просить о формальномъ слѣдствіи, которое могло кончиться развѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ и лѣтъ и обойдтись гораздо дороже всей покражи.

Эта новая непріятность, какъ ни ничтожна была сама по себѣ, но меня окончательно обезкуражила; особенно, если вспомнить, что значитъ быть прилично одѣтымъ въ Петербургѣ... Мое положеніе было дѣйствительно самое безотрадное. У меня не оставалось уже ни копѣйки денегъ, я былъ долженъ въ трактирѣ, надежда на мѣсто разлетѣлась въ прахъ со вчерашняго дня; да я уже и зналъ теперь, чѣмъ держится служба, какъ достаются мѣста, за какія достоинства награждаютъ, какія отношенія между начальниками и подчиненными. Я уже понялъ весь механизмъ петербургской служебной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ и свое положеніе. Съ глухимъ отчаяніемъ въ сердце выбѣжалъ я на улицу и громадными шагами началъ измѣрять Невскій проспектъ.

А Невскій между тѣмъ блестѣлъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ. Былъ четвертый часъ дня. День случился праздничный и свѣтлый,— рѣдкій день для Петербурга. Морозъ очистилъ воздухъ, и мелкія, рѣдкія снѣжинки, искрясь и блистая, летали въ воздухѣ. Солнце весело играло на зеркальныхъ стеклахъ магазиновъ и отражалось роскошными

бездѣлушками, такъ заманчиво смотрѣвшими изъ оконъ. Его лучи свѣтились на серебристыхъ бобровыхъ воротникахъ усатыхъ и бородатыхъ франтовъ и на блестящемъ пуху дорогихъ соболей петербургскихъ красавицъ. Легкій морозъ зарумянилъ обыкновенно блѣдныя лица этихъ красавицъ и придалъ имъ новую прелесть; даже поджарыя Француженки, кокетливо рисовавшіяся въ своихъ дорогихъ лавкахъ, причесанныя, примазанныя, напудренныя, смотрѣли рѣшительно хорошенькими... Даже модные старички и старушки, съ расправленными морщинами и таліями, со злобой на все новое и молодое, и тѣ сегодня какъ-то легче ступали на своихъ, отказывающихся служить ходуляхъ и привѣтливѣе поглядывали на молодежь. По случаю праздника высыпали также и бомбы Щукина и Апраксина дворовъ, потѣвшія цѣлую недѣлю въ своихъ жарко натопленныхъ гостиныхъ, опираясь на своихъ законныхъ и надежныхъ супруговъ съ бородками всѣхъ цвѣтовъ и формъ, пухлыя, бѣлыя и румяныя, съ масляными глазами, съ гнилыми зубами, эти живыя перины жеманно покачивались, передвигая свои ножки, въ формѣ усеченнаго конуса... Тутъ же чиновничья каста, расправивъ до-нельзя бакенбарды и какъ бы ненарочно выказывая крестики, чинно и важно проходила рядами, а между ними мелькали жиденькіе, *коломенскіе* франтики, въ свою очередь выставлявшіе на показъ—кто свѣжія перчатки, кто ловко пригнанный faux col, кто модное пальто, стоившее многихъ и многихъ лишеній. Вся эта масса, разнообразная до безконечности, тихо и плавно двигалась; на всѣхъ лицахъ этой массы такъ и читалось или пустое, глупое тщеславіе, или вѣчное исканье, или отвратительное ханжество. А между тѣмъ по торцу, только что подернутому инеемъ, летѣли борзые рысаки съ напряженными жилами и раздутыми сквозящимися ноздрями и мчали за собою фаэтоны и коляски, въ которыхъ въ сладострастной нѣгѣ отъ ровнаго колебанья покачивались счастливицы, завернутыя въ бархатъ и кружева.

Все было свѣтло, весело, довольно—по крайней мѣрѣ по наружности.

Многіе бы нашли на что посмотрѣть на этой аренѣ мелочной гордости, изумительности, пустоты, всегдашняго бездѣлья, глупѣйшаго чванства и безстыдныхъ ловушекъ, но... но... меня не развлекла эта арена; окружающая роскошь какъ будто смѣялась надъ моей бѣдностью, а веселыя, улыбающіяся пары гуляющихъ, ядовито напоминали о моемъ одиночествѣ, въ которомъ труднѣе переносится всякая нужда и вся-

кія лишенія... Къ тому же вдругъ долетѣли до меня слова какого-то фата, который, корча изумительную гримасу, чтобъ держать въ глазу стеклышко, наклонясь къ своей дамѣ, говорилъ, почти указывая на меня: «а вотъ, взгляните, это уже будетъ типъ голоднаго человѣка»! Дама посмотрѣла на меня и захохотала...

У меня невольно скользнула изъ глазъ слеза. Я вспомнилъ, что дѣйствительно не ѣлъ уже полторы сутки. Я удвоилъ шаги. Николаевскій мостъ былъ близко, и черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ тамъ, облокотившись, отъ усталости, на чугунныя перила. Нева еще не замерзла. Съ моря дулъ вѣтеръ: меня пронизывало насквозь, но холоду я не чувствовалъ. Глаза мои безсознательно устремились внизъ и жадно слѣдили за переливавшимися волнами. Какъ-то странно заинтересовали меня темныя, съ голубымъ отсвѣтомъ углубленія, которыя образовывались между волнами; и чѣмъ темнѣе были эти углубленія, тѣмъ больше привлекали онѣ мое вниманіе, тѣмъ голова моя наклонялась ниже.

Глухой шумъ внизу переходилъ въ мой мозгъ, въ которомъ все начинало кружиться, и все заманчивѣе и заманчивѣе казалась бездна внизу, и все сильнѣе и сильнѣе она тянула меня къ себѣ. Наконецъ передо мною какъ-будто все потемнѣло. Я сталъ забываться. Но въ эту минуту вдругъ что-то яркое сверкнуло въ сторонѣ, я невольно обернулся. Это былъ лучь солнца, прорѣзавшій летѣвшее облачко...

— Евгеній Александрычъ, тихо послышался сзади меня тонкій, звучный голосокъ.

Я обернулся.

Передо мною стояла молоденькая дѣвушка, кокетливо одѣтая, съ прехорошенькимъ, свѣженькимъ личикомъ, которое въ эту минуту блестѣло радостью.

Я смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Да не узнаете, что ли? вскричала дѣвушка, нетерпѣливо топнувъ ножкой.

— Оля, ты ли это? въ свою очередь вскричалъ я и сердце мое тревожно забилось.

Оля была не что иное какъ горничная дѣвушка, впрочемъ избалованная горничная богатыхъ, избалованныхъ барынь, съ которой я познакомился, бывши студентомъ; эта дѣвушка была моя первая любовь....

— Оля! повторилъ я снова, схвативъ ея руку и судорожно сжимая; отъ радости мнѣ рѣшительно хотѣлось заплакать.

— Давно ли вы здѣсь въ Петербургѣ, Евгеній Александровичъ? спрашивала меня Оля, весело улыбаясь.

— Ахъ, Оля, давно, давно, сто лѣтъ кажется въ этомъ проклятомъ Петербургѣ, отвѣчалъ я; а ты-то давно ли здѣсь, а? и зачѣмъ?

— Да я служу у княгини Тарановой, и вотъ уже годъ, какъ мы здѣсь, сказала Оля. Я уѣхала изъ К., да вѣдь вы помните, когда я уѣхала, или забыли? а я такъ много поплакала объ васъ... да! Но что жъ мы стоимъ здѣсь, на вѣтрѣ? Пойдемте,—вамъ куда? Въ какую сторону? У меня время пока есть, мы поговоримъ, вѣдь вамъ не очень будетъ скучно со мною, а? спросила Оля, подавая мнѣ руку по старой привычкѣ.

— Какое скучно, Оля! Я ужасъ какъ радъ, что встрѣтилъ тебя.

— Правда?! Ну, благодарю, приму за чистую монету, мы поболтаемъ: скажите, какъ вы нашли Петербургъ? Нравится ли онъ вамъ? Право вѣдь славный городъ! Смотрите, одна рѣка чего стоитъ-у-у! прелесть Нева! Говорила Оля, показывая на Неву; да что жъ вы не отвѣчаете?..

— Охъ, и не спрашивай Оля о Петербургѣ, сказалъ я, махнувъ рукою; кому какъ, а для меня такъ онъ хуже чортъ знаетъ чего!

— Какъ, что такое, что это значитъ, спросила Оля, съ безпокойствомъ взглянувъ на меня; ужъ съ вами не приключилось ли чего здѣсь, а?

— Нѣтъ особеннаго ничего, только вотъ заѣхалъ сюда въ этотъ проклятый городъ, да не знаю какъ и быть,—ни одного добраго человѣка, просто хоть утопиться.

— Что вы, что вы это, мой миленькій, сказала Оля, вдругъ даже оставясь въ испугѣ; какія же вы страсти говорите, да что это съ вами!

— Да такъ Оля, и самъ не знаю что, очень непосчастливилось мнѣ здѣсь; въ студентахъ-то лучше было, — помнишь какъ жилъ, а теперь—просто не знаю, куда дѣваться, пріѣхалъ вотъ я сюда служить, а мѣстъ нѣтъ, или и есть, да не про мою честь, уроковъ взять тоже негдѣ, въ работники наняться силъ нѣтъ, да и мастерства ни одного не знаю, денегъ тоже ни копѣйки, къ довершенію, вчера еще обокрали!.. вотъ что со мной! Бѣда на бѣдѣ, видно правду Гамлетъ-то говорилъ, что несчастія толпой ходятъ—помнишь, я тебя усы-

плялъ имъ. Да что тутъ далеко ходить: знаешь Слоева, пріятеля моего; къ нему хотя зашелъ размыкать горе, все думаю—знакомый человѣкъ, а то вѣдь поговорить было не съ кѣмъ,—такъ и тотъ спиной поворотился! Право, я тебѣ скажу, что хоть въ петлю полѣзай!

— Да перестаньте же, говорятъ вамъ, что это вы за глупости говорите! перебила Оля, пожимая мнѣ руку съ участіемъ. Богъ милостивъ, все поправится! Только вотъ что-то вы похудѣли очень, мой миленькій! Ужъ и не больны ли ко всему? А?

— Нѣтъ еще, славу Богу, пока таскаюсь, а похудѣть не мудрено—два дни не обѣдалъ.

— Ахъ ты, Господи, Боже мой, заговорила Оля, вотъ наказанье то, да такихъ напастей и съ нами не бываетъ! Бѣдненькій вы эдакой, какже я рада, что васъ повстрѣчала; я васъ хоть немножко утѣшу; пойдемте куда нибудь, потолкуемъ вмѣстѣ, — вы мнѣ разскажете свои неудачи, а я чего нибудь не придумаю ли. У меня рука-то счастливая—помните! продолжала она весело, какъ бывало учили вмѣстѣ лекціи, — а, бывало все Олю бранятъ, будто она мѣшается, а Оля дастъ руку на счастье, ну и экзамены отлично! Пойдемте, да будьте повеселѣе, вспомнимте старину... ну, скорымъ шагомъ, маршъ! И Оля потащила меня своей миленькой рученкой съ набережной Невы.

— Да куда же мы пойдемъ, Оля! Въ гостинницѣ мнѣ заплатить нечѣмъ, я тебѣ заранѣе говорю. Не лучше ли ужъ намъ поболтать здѣсь, на воздухѣ, а?

— Я заплачу, не безпокойтесь—вѣдь мы нынче не попрежнему живемъ, мы-съ первая femme de chambre княгини Тарановой, да еще и любимица ея сіятельства. Жалованья получаемъ больше иного чиновника, а подарковъ-то, у-у! и невѣсть что! Другой и взятками столько не наберетъ.

Мы вошли въ первую попавшуюся гостинницу и взяли номеръ.

— Ну, вотъ здѣсь такъ-то потеплѣе, поуютнѣе, начала Оля: но прежде всего нужно подумать о желудкѣ; мнѣ ѣсть смерть какъ хочется. Эй, ты, человѣкъ, слушай — обратилась она къ лакею, ожидавшему приказаній, изволь принести намъ два обѣда, да бутылку лафиту, да бутылку пива, и все чтобъ было живо... слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ, уходя, лакей.

Оля сняла шляпку, пальто, розовенькій платочекъ съ шеи, и потомъ, кокетливо оправившись передъ зеркаломъ, подошла ко мнѣ все еще въ невеселомъ раздумьи, взяла маня своими маленькими ручками

за голову и крѣпко-крѣпко поцѣловала въ лобъ, а потомъ, безъ дальнихъ разсужденій, и прямо въ губы...

— Видите, Джени, вѣдь я еще васъ не забыла, начала она, садясь возлѣ меня и взявъ меня за руку, право, не забыла! Больно мнѣ скучно было здѣсь въ этомъ Петербургѣ, вотъ и мѣсто хорошее и деньги есть... да сердечка-то нѣтъ, сказала она, комически вздохнувъ; но въ этомъ комическомъ вздохѣ невольно слышалась грусть. Впрочемъ, вы не примите мою веселость за что дурное—это просто такъ, на радости, что васъ встрѣтила.

— Э! Оля, не разсказывай, будто ужъ ты не нашла никого себѣ по сердцу, сказалъ я смѣясь.

— Вотъ ей-Богу же нѣтъ, — никого нѣтъ, для чего мнѣ лгать-то! Правда, многіе было подъѣзжали, и изъ нашего брата, и чиновнички, и разные эдакіе франты, иные и жиниться хотѣли, да все это вздоръ, все больше наровятъ въ карманъ; не я вишь правилась, а знаютъ, что мѣсто хорошее, да деньженки есть.

Ну и что же ты?

Что?! Извѣстно дѣло—плюнула на всѣхъ. Видали мы сами виды-то, насъ не проведешь. А признаться, такъ скучненько иногда бывало одной. Чортъ знаетъ что за жизнь, ну, сами посудите.

Въ эту минуту вошелъ лакей съ кушаньями и мы сѣли обѣдать. Оля, хоть и сказала, что хочетъ ѣсть до смерти, но почти ни до чего не дотронулась, а понукала все меня, такъ что я разсказывая о своихъ похожденіяхъ и слушая ея болтовню, незамѣтно уничтожилъ оба обѣда и одинъ выпилъ полбутылки вина. Это меня разомъ освѣжило и развеселило.

— Ну, вотъ вы теперь какъ-то авантажнѣе, замѣтила мнѣ Оля, а то давича вѣдь такую кислую фигуру представляли, что инъ тошно смотрѣть было. Эдакъ губу-то повѣсили! и Оля сдѣлала такую уморительную гримасу, что я не выдержалъ и бросился ее цѣловать.

— Э-э! Нѣтъ, раненько еще! вы погодите, сказала она, вырываясь, давайте-ка прежде о дѣлахъ вашихъ поговоримте, а то вы ихъ и забыли! Нельзя ли какъ вашему горю помочь, а потомъ ужъ и побаловаться можно!.. Ну такъ вы говорите, что мѣста искать пріѣхали и вамъ вездѣ отказываютъ, или еще хуже, за носъ водятъ, а?

— Да, Оля, именно за носъ водятъ, и какъ еще безсовѣстно.

— Гмъ! Иначе и быть не могло! Я вѣдь тоже кой-что смыслю въ этихъ дѣлахъ. Здѣсь, мой миленькій, безъ случая плохо, если не

имѣешь руки какой, то ничего не подѣлаешь, ужъ народъ такой скверный, только обѣщать умѣютъ, денежки все любятъ. А знаете что, хотите, я вамъ скажу протекцію, а? сказала вдругъ Оля, важно выпрямляясь.

— Ты, Оля? вскричалъ я, удивленный.

— Да, я; что жъ вы кричите-то такъ! Я, Оля, прежняя ваша душка, окажетъ вамъ протекцію и назначитъ васъ по всѣмъ министерствамъ! Э-эхъ, вы, птенчикъ эдакой, видно немногому-то васъ учатъ въ вашемъ ниверситетѣ. Вотъ я здѣсь годъ всего прожила, а всѣ шашни узнала; знаю, какъ и дѣла дѣлаются, и гдѣ раки зимуютъ. Говорите только, хотите-ли?

— Да хочу, хочу; помилуй, ужъ если отъ чухонской Аспазіи хотѣлъ принять одолженіе, то отъ тебя-то Оля...

— Эти, какъ вы ихъ тамъ называете, каспазіи, что ли, что въ золоченныхъ-то колясках ѣздятъ—все это гадости, я вамъ скажу; они хуже уличныхъ мазуриковъ: тотъ сорветъ съ васъ что нибудь, да больше побоится и повстрѣчаться съ вами, а эти піявки вѣдь по міру пускаютъ васъ, молодчиковъ, да потомъ надъ вами же и хихикаютъ....

— Да ну, Богъ съ ними, перебилъ я; ты разскажи, какъ ты мнѣ протекцію-то окажешь? Это интересно.

— А вотъ какъ, очень просто: я сказала, что на свѣтѣ и особенно въ Петербургѣ хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ; а если ужъ на то пошло, такъ и я здѣсь, пожалуй, что нибудь значу, да особенно, если задними лѣстницами ходить... Я служу у княгини Тарановой, сказала я вамъ; а мужъ-то ее, князь, здѣсь такой важный человѣкъ, что и-и, Боже мой! А этотъ князь любитъ свою княгиню, и что та не захочетъ, то онъ и дѣлаетъ. Да и сама княгиня тоже славная барыня—знатная, молодая, богатая, красавица собой и балы задаетъ такіе, что просто на весь міръ; ну, всѣ и ползаютъ передъ ними. Только за моей-то царицей водятся кой-какія грѣшки, а какъ князь ревнивъ, то она иногда безъ меня и не обходится. Такъ вотъ, видите-ли, если я услуги оказываю ея сердцу, то она и подавно окажетъ услугу моему сердчишку, тѣмъ пуще, что ей это ничего не значитъ!... И вотъ вамъ моя правая рука, что вы не дальше какъ черезъ недѣлю будете пристроены. Вѣрите ли теперь? сказала Оля, важно посмотрѣвъ на меня.

— А, вотъ когда испытаю на себѣ это, то и повѣрю, отвѣчалъ

я; только знаешь что, Оля, я вотъ смотрю на тебя и дивлюсь все больше и больше; не думалъ я, чтобы ты такъ могла перемѣниться, а? и въ какихъ нибудь два года! Вѣдь это чудо! А помнишь, какая ты была скромная, стыдливая, бывало, все краснѣешь...

— И–и! Мало ль что бывало, сказала Оля, вздохнувъ; теперь не то, здѣсь скромностью, мой миленькій, ничего не возьмешь, безъ хлѣба насидишься... Но, однакожъ мнѣ пора! Который–то часъ—взглянуть; и Оля посмотрѣла на свои маленькія часы. Ба, шесть уже... ай-ай-ай! Вотъ княгиня–то разсердится, къ обѣду одѣваться нужно, а меня нѣтъ; ну, исторія будетъ,—а впрочемъ что жъ, годъ служила не проштрафилась, одинъ разъ самъ Богъ велитъ. Но, прощайте же, мой миленькій! Пора, пора, пора!.. Такъ и быть, лихача возьму для сегодняшняго праздника. Да вы, миленькой мой смотрите же, на мостъ то ужъ не ходите, помните, что я вамъ говорила и вѣрьте, что Оля все устроитъ...

— Да когда же я тебя увижу, Оля, спросилъ я..

— Ахъ, да, я и забыла... Этакая сорока право: постойте, завтра мнѣ нельзя будетъ, послѣ завтра тоже, развѣ послѣ завтра.

— Вотъ видишь ты Оля, а мнѣ бы ужъ поскорѣй конецъ узнать...

— Поскорѣй конецъ узнать,—повторила задумываясь Оля,—ну, такъ вотъ что: завтра княгиня поѣдетъ на балъ, князь въ клубъ, оба остаются тамъ недолго, до часу—много до двухъ, а домой пріѣзжаютъ одинъ въ четыре, другой разъ въ пять, вотъ видите, а гдѣ бываетъ каждый—одинъ Богъ вѣдаетъ. Прислуга тоже вся разбредется; одинъ швейцаръ дома, да еще Ѳомка лакей, этотъ потому, что предпочитаетъ сонъ всѣмъ земнымъ радостямъ; такъ я, пожалуй, и швейцара-то отправлю, а сама останусь; вы приходите вотъ по этому адресу въ одинадцать часовъ вечера; я же, если представится случай, сегодня же попрошу княгиню—и божусь, что она не откажетъ.. Такъ до свиданія!

И Оля крѣпко пожала мнѣ руку и побѣжала къ дверямъ...

— Ахъ, а главное-то и забыла, сказала она вдругъ вернувшись, а вѣдь вы не скажете, какой право противный!.. Вѣдь у васъ денегъ ни копѣйки нѣтъ, а? Чѣмъ же вы будете жить, какъ расплатитесь въ гостинницѣ. Эхъ, вы право какой! и видно, что не Петербургскій! Вотъ, на-те, возьмите у меня въ долгъ, пока больше нѣтъ; при этомъ Ольга подала мнѣ довольно крупную ассигнацію.

— Но, Оля, какъ это? пробормоталъ я въ смущеніи.

— Да ну берите же, какой вы, право, странный, послѣ отдадите, вѣдь я не буду считать это одолженіемъ. Да я еще и въ долгу у васъ, хоть давно, а все не забыла: помните, какъ вы меня баловали въ былое время, какъ однажды мнѣ шляпку купили; сколько радостей принесла мнѣ эта первая новенькая шляпка! А вы купили ее на свои трудовыя послѣднія деньги! Ну, прощайте, до завтра—приходите непремѣнно! И затѣмъ Ольга быстро изчезла.

На другой день въ одиннадцать часовъ вечера я прохаживался около одного барскаго дома, посматривая на его великолѣпный подъѣздъ.

Немного погодя одна половинка дверей тихо притворилась и оттуда выглянуло свѣженькое, хорошенькое личико Оли; я замѣтилъ, что головка ея на этотъ разъ была гораздо тщательнѣй и затѣйливѣй убрана. Выждавъ удобную минуту, чтобъ быть незамѣченнымъ, я проскользнулъ въ швейцарскую.

Ольга быстро щелкнула ключемъ... потомъ приподнявъ немного свое платье, она полетѣла вверхъ по парадной лѣстницѣ, таща меня за руку...

— Не бойтесь, въ домѣ души живой нѣтъ,—одна Ѳомкина—и та спитъ, говорила Оля, когда мы проходили чрезъ великолѣпныя парадныя комнаты.

— А вотъ и моя комнатка, продолжала она, отворивъ изъ корридора дверь въ маленькую, чистенькую комнату, кокетливо убранную и освѣщенную двумя свѣчами...

Садитесь, мой миленькій, вотъ здѣсь, на мое любимое мѣстечко, сказала она, усаживая меня возлѣ своего туалетнаго столика, а я разскажу вамъ объ нашихъ дѣлахъ;—прежде всего: все идетъ благополучно!.. Э, да вы и сами повеселѣли со вчерашняго дня, даже какъ будто пополнѣли, право, какъ я рада за васъ! Только зачѣмъ это вы перемѣнили прическу, а? Прежняя, помните, что я васъ научила, вамъ лучше шла... Дайте-ка я ее исправлю. И Оля, по старой привычкѣ, взяла-было гребенку, почти тотчасъ же и бросила ее: ну, это потомъ, начала она снова, надо прежде разсказать вамъ, какъ я принялась за хлопоты, видите ли: выждавъ минуту, когда княгиня была въ духѣ, я сей часъ же къ ней приступила, вотъ, говорю, такъ и такъ: одинъ молодой человѣкъ, очень бѣдный, но очень умный и ученый, изъ университета, желалъ бы какъ-нибудь пристроиться, но

некому за него слово замолвить, и онъ въ очень затруднительномъ положенiи, потому не желаете ли ваше сiятельство, сдѣлать доброе дѣло и попросить объ немъ кого нибудь изъ вашихъ знакомыхъ. Княгиня, выслушавъ меня, сначала удивилась, а потомъ засмѣялась и, шутя, погрозила пальцемъ. «А можно мнѣ знать, спросила она, кто такой вашъ протеже; близкiй родственникъ, кузенъ какой-нибудь, а?» Я же, знаете, не сконфузилась и очень серьезно отвѣчала: этотъ молодой человѣкъ, ваше сiятельство, мнѣ не родственникъ, а просто—сынъ той барыни, у которой я прежде служила; онъ остался теперь безъ всякой опоры... Я недавно встрѣтила его здѣсь въ Петербургѣ — и, распрашивая о семействѣ, узнала о его положенiи.

Княгиня въ эту минуту одѣвалась на балъ и ужъ какъ же я ей льстила,—я думаю просто умора, еслибъ послушать со стороны! Говорила, что каждый бантикъ чудо какъ идетъ къ ней, что еще у ней не бывало такого платья, что навѣрно на балѣ оно будетъ лучше всѣхъ, что и она будетъ лучше всѣхъ, словомъ, княгиня сегодня же обѣщалась поговорить объ васъ кому-то.

Такъ вотъ видите, мой миленькой, я сдержала обѣщанiе, продолжала Оля, теперь можете быть покойны и о Невѣ забыть. А въ ожиданiи отвѣта поболтаемте-ка о чемъ нибудь.

Я всталъ и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ добрую дѣвушку. Какъ дорого, какъ отрадно мнѣ было это простое чистосердечное участiе.

— А скажите-ка мнѣ, сколько разъ вы были влюблены послѣ меня, а? начала Оля. Только говорите правду; чуръ не скрывать ничего.

Я отвѣчалъ. Время быстро полетѣло; мы припомнили наше первое знакомство, наши маленькiя удовольствiя, вспомнили нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, нѣсколько эпизодовъ изъ только что пролетѣвшаго счастливаго перiода жизни—и намъ было очень весело.

Затѣмъ Оля разсказала мнѣ свои планы, свои надежды въ будущемъ; она составила себѣ маленькiй капиталъ и хотѣла открыть модный магазинъ; какъ ни хорошо было ей у княгини, но ей хотѣлось быть вполнѣ независимой, да и сама княгиня обѣщалась помочь ей и доставить клiентокъ.

Когда мы такъ разговаривали, вдругъ раздался громкiй звонокъ. Оля вскочила и посмотрѣла на часы.

— Ба! еще только часъ, сказала она; который же это изъ нихъ? Пойду разбужу Ѳому, а вы сидите, я васъ запру, сказала Оля и бросилась изъ комнаты.

Оставшись одинъ, я сталъ прислушиваться.

По шуму въ сосѣдней комнатѣ, которую Оля называла будуаромъ княгини, я догадался, что это была она, и еще болѣе навострилъ уши.

— Князь давно уѣхалъ? спрашивалъ ровный, гармоническій голосъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Вскорѣ послѣ вашего сіятельства, отвѣчала Оля.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія.

— Угодно будетъ вашему сіятельству раздѣваться? послышался затѣмъ голосъ Оля.

— Ахъ, нѣтъ, не надо! отвѣчала княгиня, и тонъ ея былъ нетерпѣливъ.

Еще спустя нѣсколько минутъ Оля вошла ко мнѣ въ комнату, но уже много скучнѣе прежняго.

— Что, иль не удача, Оля? Отчего княгиня такъ рано пріѣхала? спросилъ я въ безпокойствѣ.

— А кто ее знаетъ, вѣдь не скажетъ мнѣ она, смотри вотъ пріѣхала какая злая, видно не видалась тамъ съ своимъ ненаглядныимъ или побранилась... Усѣлась вотъ въ кресла, опустила голову и спать не ложится, противная эдакая, не знаетъ, что мнѣ нѣкогда торчать подлѣ нея...

— А тебѣ жаль, что ли свою барыню, что и ты голову повѣсила?

— Какое жаль, есть чего жалѣть? отвѣчала Оля; досадно, что нельзя спросить объ васъ, храни Богъ долго затянется!..

Затѣмъ мы замолчали въ раздумьи.

— Mon Dieu, mon Dieu, comme je suis malheureuse! раздалось вдругъ изъ княжескаго будуара.

— Э–ге! видно за самое сердце схватило бѣдняжку, проговорила, смѣясь, Оля; видите, несчастные-то бываютъ и въ золотыхъ хоромахъ.

— Ну ихъ тутъ, съ жиру бѣсятся, прервалъ я ее, въ досадѣ на новую неудачу. Но слова мои заглушилъ вновь раздавшійся звонокъ колокольчика.

Оля побѣжала. Я снова сталъ прислушиваться. Изъ отрывистыхъ долетавшихъ до меня словъ, я могъ догадаться, что Ольгу куда–то посылаютъ. Вскорѣ дѣйствительно она вошла въ комнату, быстро накинула на себя бурнусъ, шляпку и, проговоривъ: сидите тутъ, дожидайтесь меня, я васъ запру. Княгиня посылаетъ съ запиской — отъ хорошаго отвѣта все будетъ зависѣть... поспѣшно скрылась.

Я вооружился терпѣніемъ. Кругомъ настала мертвая тишина; лишь изрѣдка раздавался глухой шумъ отъ ѣзды на улицѣ; при этомъ шумѣ каждый разъ мнѣ чудился шелестъ платья и быстрое поднятіе сторки:

княгиня, какъ видно, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Ольги.

Наконецъ Оля вернулась. Бросивъ ко мнѣ бурнусъ и шляпку, она прошла въ будуаръ и тамъ осталась нѣсколько минутъ. Я въ свою очередь сталъ нетерпѣливѣе.

— Браво, браво! говорила Оля, вдругъ вбѣгая ко мнѣ. Виватъ, наша взяла!..

— Что, что такое? спрашивалъ я съ нетерпѣніемъ.

— То, что вы завтра же получите мѣсто!

— Какъ мѣсто! Какимъ это образомъ? Ты развѣ спросила княгиню?

— Нѣтъ, она сама сказала. Вотъ видите ли, когда я принесла ей отвѣтъ на записку, она взяла ее, этакъ преравнодушно распечатала и начала читать, повидимому нехотя, словно какой счетъ отъ модистки... только нашего брата вѣдь не проведешь! Я смекнула тотчасъ же, что на самомъ-то дѣлѣ не то было, и дѣйствительно княгиня скоро повеселѣла и даже не утерпѣла не улыбнуться. Потомъ, тутъ же принялась за ночной туалетъ и все шутила со мной, а между прочимъ вдругъ и говоритъ: я, говоритъ, не забыла твою просьбу, Ольга; сегодня вечеромъ говорила одному господину о твоемъ протеже; пусть онъ завтра идетъ къ нему; дай-ка мнѣ карандашъ, я напишу фамилію этого господина; онъ найдетъ его по адресу! Видите-ли, я вамъ правду сказала, что моя княгиня славная барыня!

Дѣйствительно, на другой же день я отправился въ назначенное мѣсто и спросилъ господина по данной запискѣ.

Господинъ этотъ еще не пріѣзжалъ; впрочемъ онъ скоро явился. Это былъ очень и очень важный господинъ, хотя на немъ я не видалъ никакихъ украшеній. Должно быть онъ не чувствовалъ въ нихъ надобности и сознавалъ свое личное достоинство... По наружности онъ дѣйствительно былъ очень уважителенъ. Онъ былъ высокъ и толстъ, большая голова съ короткими сѣдыми щетинистыми волосами крѣпко сидѣла на толстѣйшей шеѣ, составленной изъ нѣсколькихъ ярусовъ кирпичнаго цвѣта. Взглядъ его былъ гордъ, но разумно гордъ — и какъ-то настойчиво-проницательно смотрѣлъ на все; въ движеніяхъ этого господина не было замѣтно никакого корченья, никакого желанія рисоваться. Подчиненные преклоняли передъ нимъ свою голову, почтительно кланяясь, но не уничтожались, сжимаясь въ губку: было замѣтно, что важный господинъ былъ въ то же время и человѣкъ, и притомъ человѣкъ, думавшій о дѣльномъ и мелочами незанимавшійся.

Выслушавъ мою рекомендацію и просьбу, онъ очень вѣжливо ска-

залъ мнѣ: да, вчера княгиня говорила мнѣ о васъ; вы будете опредѣлены! И потомъ, обратившись къ шедшему съ нимъ чиновнику, онъ сказалъ: потрудитесь, пожалуйста, представить этого молодаго человѣка директору втораго департамента и передайте ему, что я *прошу* его принять къ себѣ и обратить на него вниманіе, я буду очень *благодаренъ* ему за исполненіе моей просьбы, прибавилъ онъ вскользь, ударя на мѣстоимѣніе *я*.

На другой же день я подалъ прошеніе объ опредѣленіи и былъ принятъ.

Такихъ-то мытарствъ стоило мнѣ жалкое званіе помощника столоначальника!.. Но протекція Оли еще тѣмъ не кончилась. Поступивши на службу, я немного успокоился тѣломъ и духомъ; хоть жалованье было чрезвычайно малое, но при экономіи я могъ быть сытымъ, хоть чрезъ день, какъ выражался канцеляристъ, но все-таки не очень голодалъ и по-возможности чисто одѣвался.

Я не имѣлъ никого знакомыхъ, не могъ пользоваться никакими удовольствіями, вслѣдствіе чего и погрузился весь въ занятія по службѣ и работалъ такъ, что даже возбудилъ смѣхъ моихъ новыхъ товарищей.

Эти господа товарищи сначала какъ-то дико, подозрительно и непріязненно смотрѣли на мое прилежаніе. Они какъ будто боялись, чтобъ я не перебилъ кому дорогу... Когда же увидѣли, что труды мои были не одно лицемѣрство и не гаденькое желаніе подслужиться начальству, а служить дѣлу, они стали жалѣть меня и потомъ смѣяться надъ добросовѣстнымъ трудолюбіемъ, какъ надъ вещью, совершенно ни къ чему не ведущею. Я же усиленно трудился не единственно за неимѣніемъ другихъ занятій; мнѣ, во-первыхъ, хотѣлось поддержать рекомендацію княгини; во-вторыхъ, ближе познакомиться съ дѣлами, и наконецъ въ-третьихъ, грѣшный человѣкъ, я дѣйствительно надѣялся этимъ обратить на себя вниманіе начальства.

И на словахъ начальство благоволило ко мнѣ—но только на словахъ...

Между тѣмъ годы шли быстро. Въ продолженіи этого времени у насъ открывалось нѣсколько вакансій на мѣста, на которыя я имѣлъ право, но меня обходили... Сначала я не унывалъ и продолжалъ трудиться. Свободное время я проводилъ съ Олей и, признаюсь, не скучалъ съ нею. Это была остроумная, веселая и чрезвычайно деликатная дѣвушка. Нѣсколько лѣтъ жизни въ Петербургѣ удивительно какъ развернули ее и придали ей то знаніе жизни и людей, которы-

ми надѣляетъ всѣхъ своихъ обитателей практическая, расчетливая жизнь нашей сѣверной столицы.

Разумѣется, не могу сказать, чтобъ я иногда не чувствовалъ потребности другаго общества, болѣе равнаго мнѣ по образованію и по понятіямъ. Но за неимѣніемъ ни средствъ, ни времени, я совершенно отказывался отъ этой потребности и уединенно проводилъ жизнь.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Я продолжалъ гнить на стулѣ столоначальника и все ничего не видѣлъ въ будущемъ.

Впрочемъ и мысль объ этомъ будущемъ становилась какъ—то темнѣе.

Нужно сказать, что чиновничья жизнь менѣе нежели всякая другая удовлетворяетъ потребностямъ ума и сердца живаго человѣка.

Какъ ни ограниченны были мечты мои при поступленіи на службу о возможности принести пользу своею служебною дѣятельностью, но и эти ограниченныя мечты разлетѣлись какъ дымъ... Очень скоро увидѣлъ я, что и по сіе время эта дѣятельность въ такомъ положеніи, что въ ней нѣтъ и призрака мысли о служеніи на пользу обществу, что въ ней нѣтъ ничего, кромѣ возможнаго уничтоженія человѣческой личности и въ то же время служенія другимъ личностямъ, а не дѣлу... Вслѣдствіе этого ея атмосфера дышала не жизнью, а смертью, въ ней умирали всякое живое движенье, всякая бойкая мысль, мысль, сколько нибудь выходящая изъ уровня механической очистки бумагъ, форменнаго свѣдѣнія итоговъ, рабской послѣдовательности образцамъ и страшнаго бюрократизма. Въ этихъ большихъ свѣтло-зеленыхъ комнатахъ съ черными столами, запыленными кипами бумагъ и удушливымъ воздухомъ бралъ верхъ не юридическій смыслъ исполнителя, не энергическій трудъ, не благородное желаніе принести свою лепту въ общую сокровищницу добра, а тупое, одеревенѣлое терпѣніе мертвыхъ, высохшихъ натуръ, ловкое умѣнье ладить и толковать всякое правило и изрѣченіе, служеніе лицамъ, спиногнутіе... И карикатурна до—нельзя была повторявшаяся каждое утро картина прогрессивнаго умаленья человѣческой личности въ этихъ комнатахъ: не согнувшись, бойко, смѣло входилъ сюда какой нибудь маленькій чиновничекъ въ 9 часовъ утра, и въ этотъ ранній часъ не отказывался повоевать надъ писарями, даже и надъ сторожами; но къ 10 часамъ всякая храбрость постепенно пропадала: лицо умилялось, ротъ искривлялся, спина начинала сгибаться, предъ являющимся непосредственнымъ начальствомъ. Это послѣднее до 11 часовъ также важно прохаживалось и пѣтушилось, показывало силу и простран-

ство своей власти и, въ свою очередь, къ болѣе позднему часу тоже постепенно теряло чувство собственнаго достоинства и клонилось долу передъ болѣе блестящимъ свѣтиломъ своего чиновничьяго горизонта. Прогрессъ умаленія продолжался такимъ образомъ все болѣе и болѣе, по общимъ законамъ прогресса... Но обратимся къ моему положенію. И моя энергія не выдержала въ этой атмосферѣ; я замѣтно начиналъ тупѣть. Постоянныя занятія страшно надоѣли мнѣ, а невознагражденіе этихъ занятій привело къ пассивному ихъ исполненію. Ничего не хотѣлось дѣлать иначе, какъ только для того, чтобъ сдать съ рукъ, словомъ, кое-какъ. Даже думать ни о чемъ не хотѣлось...

Мертвый сонъ овладѣвалъ всѣми умственными способностями. Не лучше было и съ нравственностью; при такой обстановкѣ трудно было удержаться ей на своемъ гордомъ пьедесталѣ. Примѣры другихъ, недостатокъ въ поддержкѣ, грустная, но громкая и ежедневная побѣда лжи и подлости надъ прямотой и честностью поворачивали весь внутренній міръ и рѣшительно бѣлили самыя черныя вещи... Далѣе соблазнъ, еще далѣе и болѣе нужда... Мрачны были тѣ минуты, когда, бывало, работая надъ какимъ нибудь безобразно-запутаннымъ дѣломъ, измученный и оскорбленный, безъ надежды въ будущемъ, съ такимъ же скучнымъ, бѣднымъ, безотраднымъ «завтра», каково было «сегодня» и завидя издали кланяющагося просителя, я чувствовалъ въ своемъ сердцѣ не благородный порывъ помочь бѣдняку, его дѣламъ, его горю, а ядовитое желаніе выместить на немъ всю желчь за свои невознаградимые труды, за всѣ свои лишенія и непріятности, ощущалъ радостный трепетъ при возможности получить свою невинную жертву, а порою и едва удержимое стремленіе неистово впиться ему въ горло, и высосать изъ него всю металлическую кровь...

Этотъ внутренній міръ не замедлилъ отпечатлѣться и на моей наружности. Взглядывая иногда въ зеркало, я сейчасъ же и съ отвращеніемъ отворачивался отъ своей собственной фигуры, которая противъ воли преображалась въ какую-то противную чиновничью форму; ранняя сутуловатость, рѣденькіе волосы, блеклость, блѣдность и желтизна лица, лѣнивое, безучастное и несовсѣмъ честное его выраженіе, апатичный взглядъ, бакенбарды клиномъ, и какія-то особенныя манеры... Отчаянно махнувъ рукой, я старался все забыть, умереть нравственно... Однѣ лишь физическія потребности еще напоминали жизнь и заставляли о ней заботиться.

Между тѣмъ моя безпорочная служба вступила уже во второй десятокъ лѣтъ своего теченія. Я все еще сидѣлъ на томъ же стулѣ

столоначальника и кончилъ бы навѣрно на немъ свою карьеру, еслибъ опять Ольга не помогла. Нужно сказать, что, получивъ первое мѣсто чрезъ посредство женщины, я въ своемъ непрактичномъ благородствѣ твердо рѣшился не прибѣгать болѣе къ этому источнику и надѣялся на собственные труды. Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ: трудовъ было много, плодовъ же отъ нихъ — никакихъ... Видя это, и съ годами невольно измѣняя понятія о чести, я наконецъ дошелъ до убѣжденій, совершенно противоположныхъ прежнимъ и рѣшился послѣдовать примѣру другихъ...

У насъ внезапно открылась ваканція. Мой начальникъ, человѣкъ честолюбивый, жадно добивавшійся какого-то креста, не доживъ до него, получилъ другой, но только себѣ на могилу, то есть попросту умеръ. Я изъявилъ претензію на его мѣсто. Начальство, любезно выслушавъ меня, и любезно давъ понять, что я вполнѣ стою повышенія и что департаментъ многимъ обязанъ моей дѣятельности, уклончиво и подъ разными предлогами отказало въ моей просьбѣ. Это меня разсердило до-нельзя. Забывъ всякое благоразуміе, я даже рѣшился подать въ отставку. И теперь еще помню, съ какой горечью разсказывалъ я объ этой несправедливости Ольгѣ. Я понималъ, что это была моя послѣдняя попытка, и что съ нею кончалась и совершенно пропадала моя жизнь. Въ этотъ день Ольга ушла отъ меня раньше обыкновеннаго и объ чемъ-то сильно задумавшись. Три дня я не видалъ ее—и что же! въ эти три дни она успѣла сдѣлать то, чего не сдѣлали мои долгіе и тяжелые труды—меня назначили на просимое мѣсто...

Впрочемъ, должно признаться, что несовсѣмъ отъ чистаго сердца обрадовался я новому назначенію, дѣятельность моя расширилась—это правда, но она пришла слишкомъ поздно; предыдущая жизнь успѣла разрушить меня настолько, что я уже очень мало былъ способенъ для какой бы то ни было дѣятельности. Я уже началъ служить собственно себѣ, бралъ взятки, уже вступилъ въ убійственное чиновничье общество, толковалъ тамъ по цѣлымъ вечерамъ о производствахъ и наградахъ, объ отношеніяхъ и предложеніяхъ, льстилъ начальству, и по временамъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ души ругалъ текущій порядокъ вещей...

Н. КР.

С.-Петербургъ.
февраль. 1859 г.

Дума.

Могучихъ геніевъ не видно между нами,
Не въ свѣтлую эпоху мы живемъ;
Но не отступимъ мы передъ ея трудами,
Хотя борьба насъ ждетъ во всемъ.

Мы сбросили ярмо схоластики безплодной;
Подъ ножъ анализа всѣ миѳы подвели,
И въ склепы темные исторіи народной
Свѣтильникъ истины внесли.

Не раболѣпствуя передъ народной честью,
Мы предковъ призвали на безпристрастный судъ:
Съ головъ, увѣнчанныхъ подобострастьемъ, лестью,
Непризнанные лавры опадутъ.

Не льстимъ народу мы: карающаго слова
Не прячемъ, какъ подъ мантіей стилетъ.
Не ищемъ въ прошломъ вѣка золотаго:
Онъ въ будущемъ—далекъ его разсвѣтъ.

Мы отдали права святыя человѣку;
Стяжать ли намъ права и доблести гражданъ?...
Снимите съ юноши отсталую опеку,
Признайте въ женщинѣ ея свободный санъ.

Кругомъ еще хаосъ, а свѣтъ ужъ споритъ съ тьмою,
И закипаетъ жизнь идеи и труда,
Какъ волны мутныя кипятъ передъ весною
Подъ хрупкою корою льда.

Но жизнью полною, разумной и свободной,
Средь блага общаго не насладиться намъ;
Мы призваны судьбой на подвигъ благородный:
Расчистить путь грядущимъ племенамъ.

Мы пахари! Общественная нива
Глушится терніемъ, плодитъ одни волчцы;
Мы зерна свѣжія посѣемъ терпѣливо,
И насъ благословятъ грядущіе жнецы.

Мы каменьщики! Тяжкое призванье
Смиренно выполнимъ: по камню мы снесемъ
Для новаго, невѣдомаго зданья...
Едва на первыя ступени мы взойдемъ.

И ждетъ насъ не одна тяжелая година,
Средь плодотворнаго броженья и трудовъ...
Скопился при отцахъ нагорный снѣгъ—лавина
Грозитъ обрушиться на головы сыновъ.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ВИКТОРЪ ГЮГО

и

ПОСЛѢДНІЙ ЕГО РОМАНЪ: LES MISÉRABLES (Злосчастные).

Со времени второй имперіи французская литература не произвела ни одного геніальнаго произведенія, ни одного замѣчательнаго дѣятеля; роковой день 2-го декабря нанесъ пораженіе не только политической свободѣ народа, но и всей его умственной жизни: это былъ «день торжества великихъ пигмеевъ», по выраженію Альфреда Мюссе. Вмѣстѣ съ событіями измѣнились и люди; за поколѣніемъ честныхъ тружениковъ и борцевъ явилось поколѣніе разноцвѣтныхъ ренегатовъ и продажныхъ писакъ, пустившихъ въ биржевую спекуляцію свой образъ мыслей и чувствъ. Традиція идеи какъ будто потеряла свою жизненную связь съ прежними эпохами: самая умная литература, впродолженіе полувѣка управлявшая мнѣніемъ Европы, оставившая за собой двѣнадцатъ лѣтъ полной независимости мысли и слова, и преемственный рядъ талантливыхъ писателей XVIII столѣтія, теперь наводнилась миріадами чахлыхъ и скандалезныхъ книженокъ, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отступаетъ самая снисходительная критика. Лучшіе изъ современныхъ талантовъ, какіе только уцѣлѣли отъ общаго кораблекрушенія, не принадлежатъ нынѣшней Франціи; они были воспитаны старымъ временемъ—въ періодъ реставрацій или въ правленіе Лудовика-Филиппа. Но и на этихъ талантахъ болѣе или менѣе отразилась общественная деморализація, заставившая однихъ замолчать, другихъ измѣнить свои мнѣнія, и не коснувшаяся только тѣхъ, кто перенесъ вмѣстѣ съ собой свои убѣжденія на чужую землю. Сло-

вомъ, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, имперія Наполеона III въ литературномъ отношеніи оказывается гораздо бѣднѣе, чѣмъ султанское королевство Лудовика XV и Помпадуръ. Люди, склонные возводить случайныя событія въ общіе и непреложные историческіе законы, считаютъ это явленіе за несомнѣнный признакъ нравственнаго разложенія Франціи; они думаютъ, что у народовъ есть свои умопомраченія и припадки хронической глупости, которыми страдаютъ отдѣльныя лица, но думать такъ—значитъ принимать тѣнь за дѣйствительный предметъ. Французскій умъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде, силы націи не только не истощились, но увеличились, и если онѣ кажутся намъ силами мертвыми, то это, конечно, зависитъ оттого, что имъ нѣтъ возможности проявить себя. Та же самая работа мозга, которая явно выражалась въ тридцатыхъ годахъ, теперь совершается тайно, внутри самого народа и если не передастся типографскими станками на бумагу, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ она совершенно пропала. Исторія человѣческаго развитія беретъ различныя направленія, уклоняется то вправо, то влѣво, но никогда не возвращаетъ своихъ пріобрѣтеній. Гораздо проще и основательнѣе объясняется застой современной французской мысли въ слѣдующихъ словахъ Жюля Фавра: «Настоящее положеніе французскаго писателя, съ небольшимъ различіемъ, походитъ на положеніе человѣка, запертаго въ темную комнату, съ правомъ разсуждать и говорить о всемъ, что онъ кругомъ себя видитъ, За плечами его постоянно стоитъ жандармъ, наблюдающій за каждой его строчкой, и въ то же время отъ него хотятъ слышать откровенное мнѣніе и наслаждаться его спокойнымъ трудомъ. Когда наука, искусство и литература предоставлены полному произволу полицейской власти, тогда мудрено поручиться, чтобъ нынѣшній философъ не очутился завтра вмѣстѣ съ убійцами и ворами въ Каенѣ или Ламбессѣ; никто не можетъ также сказать, чтобъ авторъ «Персидскихъ писемъ», еслибъ только онъ жилъ въ наше время, не былъ преслѣдуемъ судомъ за его сочиненіе, написанное болѣе ста лѣтъ. Наши органы такъ называемой общественной гласности сообщаютъ намъ ни больше, ни меньше того, что угодно думать за всю Францію нѣсколькимъ префектамъ и другимъ правительственнымъ агентамъ; а что думается и что дѣлается самой страной—мы этого не знаемъ. Каждый изъ насъ, повидимому, живетъ въ обществѣ, но дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы кромѣ него одного не было никого изъ живыхъ существъ въ цѣлой Франціи. Еще

нѣсколько лѣтъ такого стѣсненія печати, и мы разучимся понимать общественные интересы, тѣмъ больше—сочувствовать имъ. Правительство опасается какихъ-то революціонныхъ доктринъ, и ради этой мнимой опасности доходитъ до того, что близь него не слышно ни одного честнаго и благороднаго голоса».

И вотъ среди этого поголовнаго молчанія и разнаго печатнаго сора выходитъ новая книга В. Гюго, напоминающая лучшіе дни французской литературы. Въ основаніи этой книги лежитъ глубокій соціальный вопросъ, развиваемый въ ряду потрясающихъ картинъ и въ самой популярной формѣ, доступной чтенію массъ. «До тѣхъ поръ, говоритъ авторъ, пока на землѣ будутъ невѣжество и бѣдность, такія книги могутъ быть не безполезными». Впослѣдствіи мы оцѣнимъ справедливость этого выраженія, въ которомъ такъ сильно пробивается авторская самоувѣренность, а теперь только можемъ поручиться за огромный успѣхъ послѣдняго романа В. Гюго. Само собою разумѣется, что этотъ успѣхъ не всегда зависитъ отъ внутренняго достоинства самого произведенія, еще менѣе отъ основной его идеи, а обусловливается чисто-внѣшними обстоятельствами, а этихъ обстоятельствъ на сторонѣ Гюго много. Благопріятному пріему его книги въ публикѣ содѣйствуетъ всеобщая извѣстность его имени, болѣе тридцати лѣтъ обращающаго на себя вниманіе Европы, давно распространенный слухъ о напечатаніи рукописи, за которую была предложена баснословная цѣна и даже то обстоятельство, что впродолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ авторъ *Notre Dame de Paris* не далъ ни одного серьезнаго прозаическаго сочиненія. А двадцать лѣтъ въ авторской дѣятельности имѣетъ свое значеніе! Мы въ правѣ ожидать, что въ теченіи этого времени взгляды и убѣжденія такого живаго и подвижнаго художника, какъ В. Гюго, не могли остаться въ прежнемъ видѣ; передъ нимъ пронеслось столько событій, измѣнившихъ не только нравственную физіономію отдѣльныхъ личностей и поколѣній, но судьбы цѣлыхъ народовъ; на глазахъ его случились всѣ главныя катастрофы нашего вѣка, гордые вызовы народовъ и страшныя ихъ пораженія; во Франціи была великая имперія, потомъ маленькое конституціонное королевство, нѣсколько государственныхъ драмъ, въ родѣ іюльскихъ и февральскихъ дней, былъ вовсе неученый король съ учеными министрами, былъ «риомованный якобинецъ» вождемъ націи, солдатъ и іезуитъ вождемъ республики и наконецъ опять «имперія мира» съ постоянными войнами стараго бонапартизма. Во всѣхъ этихъ

событіяхъ Гюго если не былъ участникомъ, то отнюдь и не равнодушнымъ свидѣтелемъ. Нѣкогда онъ носилъ званіе французскаго пера, члена національнаго собранія, а теперь раздѣляетъ участь политическихъ изгнанниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ бурный ходъ жизни не остался безъ вліянія на умственный характеръ В. Гюго. Дѣйствительно, въ послѣднемъ произведеніи мы находимъ его—шестидесятилѣтняго старика—болѣе строгимъ къ требованіямъ современнаго искусства и менѣе наивнымъ въ своихъ надеждахъ... Говоря его же собственными словами: «хотя мельницы давно нѣтъ, а вѣтеръ все еще остался», но вѣтеръ съ извѣстнымъ направленіемъ и здоровой температурой. Передъ нами уже не задорный предводитель юныхъ романтиковъ двадцатыхъ годовъ, не поэтъ средневѣковой исторіи, окрашивающій ее фантастическимъ свѣтомъ, не панегиристъ Лудовика XVIII, составляющій надутую оду по случаю его смерти и воспѣвающій возвращеніе Бурбоновъ, это не тотъ Гюго, которымъ нѣкогда восхищалась самая отсталая партія роялистовъ,—нѣтъ, теперь передъ нами общественный дѣятель и художникъ съ демократическими стремленіями. Доселѣ онъ держалъ насъ на холодныхъ высотахъ отвлеченнаго творчества и неопредѣленныхъ симпатій, драпировалъ могильные скелеты въ идеальные образы и рисовалъ роскошные пейзажи, а теперь онъ сходитъ на низшія ступени человѣчества, опускается въ адъ общественныхъ страданій и берется разрѣшить одну изъ самыхъ трудныхъ соціальныхъ задачь. До прежняго В. Гюго намъ не было никакого дѣла; мы могли скучать или восторгаться отъ его одъ, балладъ и легендъ—это рѣшительно все равно; мы могли спорить о достоинствѣ его таланта и смотрѣть на него сообразно своимъ личнымъ вкусамъ или какой нибудь эстетической теоріи—отъ этого ничего не выигрывали и не проигрывали ни читатели, ни самъ авторъ. Но когда онъ изъ отвлеченнаго художника дѣлается пропагандистомъ реальныхъ истинъ и наставникомъ читающей публики, тогда критика обязана отнестись къ нему съ самымъ строгимъ анализомъ и призвать къ суду его убѣжденія, искренность и справедливость его мнѣній. Съ этой минуты мы должны поставить поэта на второй планъ, и выдвинуть впередъ гражданина и публициста.

Призваніе художника, въ обширномъ значеніи этого слова, измѣняется съ развитіемъ народной жизни. Въ періодъ эпическаго настроенія, когда вся умственная жизнь общества замыкается въ миѳическія вѣрованія, на поэта смотрятъ какъ на оракула и жреца; словамъ его

придаютъ тотъ таинственный смыслъ, которымъ одѣваются всѣ первоначальныя религіи; его импровизаціи, сопровождаемыя музыкальнымъ ритмомъ и яркимъ колоритомъ рѣчи, приписываются особенному вдохновенію, свойственному только избранникамъ боговъ. Къ этому привилегированному сословію отнесъ и Пушкинъ своего поэта, выразившись о немъ такъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для сладкихъ звуковъ и молитвъ.

Дѣйствительно, въ такомъ видѣ представляется первобытный художникъ. Отъ него требуютъ не глубокаго пониманія жизни, не положительнаго знанія и вѣрной оцѣнки окружающихъ явленій, а *сладкихъ звуковъ и молитвъ*. Но по мѣрѣ того, какъ народное міросозерцаніе проясняется и фантастическія понятія уступаютъ мѣсто критическому воззрѣнію, *поэтъ* и *мыслитель* сближаются между собою; въ первомъ мы перестаемъ видѣть восторженную пиѳію, устами которой говоритъ намъ какая-то высшая сила, точно также какъ во второмъ мы ищемъ не отвлеченнаго умника, не мертваго педанта, а живаго и современнаго намъ дѣятеля. Для нихъ обоихъ—для художника и мыслителя—источникомъ вдохновенія служитъ жизнь, съ ея разнообразными проявленіями, оба они изучаютъ одинъ и тотъ же дѣйствительный міръ и стремятся къ одной и той же цѣли—къ объясненію этого міра и къ передачѣ своихъ наблюденій въ человѣческомъ словѣ. Все различіе между ними состоитъ въ самомъ процессѣ выраженія; художникъ облекаетъ свою идею въ образы и картины, а ученый развиваетъ ее, на основаніи логическихъ выводовъ, въ формѣ доказанныхъ фактовъ или чистыхъ гипотезъ; первый угадываетъ предчувствія и сомнѣнія своей эпохи, будитъ въ насъ неясныя думы, зарождающіяся въ массахъ, и открываетъ новыя перспективы жизни, которыя едва обозначаются въ сознаніи народа; поэтому художникъ дѣйствуетъ большею частію *инстинктивно*, не отдавая строгаго отчета въ своемъ творчествѣ; ему и сочувствуютъ не потому, что понимаютъ его, а потому что въ немъ откликается общечеловѣческій геній. Нѣсколько иначе поступаетъ мыслитель; онъ относится съ своими изслѣдованіями не къ большинству публики, а къ самому ограниченному кругу читателей, онъ идетъ прямо къ самымъ точнымъ результатамъ и, оставляя въ сторо-

нѣ область чувства, погружается въ область разума. Настанетъ время, когда это различіе совершенно исчезнетъ, но досслѣ художникъ и мыслитель, особенно у народовъ полудикихъ, встрѣчаются почти на противоположныхъ полюсахъ общественной дѣятельности. Перваго, обыкновенно, противополагаютъ второму, какъ человѣка одержимаго нервной горячкой — спокойному и здоровому организму; въ словѣ *поэтъ*, на общепринятомъ языкѣ, соединяютъ все, что есть самаго наивнаго, непрактическаго, недальновиднаго и часто этимъ словомъ стараются оправдать невѣжество или бездарность. Но это въ высшей степени ложно. Истинный художникъ настоящей эпохи долженъ стоять по развитію гораздо выше философа или публициста уже потому, что сфера его наблюденій гораздо шире, чѣмъ у послѣднихъ, что онъ, какъ мы сказали выше, разъясняетъ и передастъ намъ въ осязательной формѣ то, что думаютъ и чувствуютъ безсознательно милліоны окружающихъ его людей. Ему не должны быть чужды ни житейскія волненія, ни преобладающія страсти общества, ни обыденныя нужды, ни будущія стремленія, ни корысть, ни битва, ни горе, ни радость современнаго ему поколѣнія; отъ его проницательнаго взгляда не должно укрываться ни одно сильное движеніе ума или сердца, ни наши задушевныя надежды, ни наши горькія разочарованія. Великій художникъ, подобный Шекспиру, Байрону, Гете и Гейне, имѣетъ обширное вліяніе на массу, и потому онъ принимаетъ на себя тяжелую отвѣтственность, какъ наставникъ и будитель дремлющихъ умовъ.

Къ сожалѣнію, ни жизнь, ни искусство не даютъ возможности современному художнику стать на эту высоту нравственнаго развитія. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ В. Гюго, одинъ изъ сильныхъ и очень образованныхъ талантовъ европейскаго общества. Пока онъ оставался поэтомъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ», мы не замѣчали ни основныхъ его убѣжденій, ни поразительнаго противорѣчія идеямъ нашего вѣка; но когда онъ прикидывался публицистомъ и маскировался въ домино политическаго борца, несостоятельность его мнѣній доходила до болѣзненнаго головокруженія. Посмотрите на гражданскую карьеру его, и пожалѣйте вмѣстѣ съ нами падшаго художника. В. Гюго перепробовалъ всѣ партіи, всевозможныя правительства и всѣмъ имъ заплатилъ дань своей искренней преданности. Въ молодости онъ былъ бонапартистомъ и, подобно Беранже, готовъ былъ воспѣвать славу борабановъ и штыковъ Наполеона I. Впослѣдствіи Гюго перешелъ на сторону реставрированныхъ Бурбоновъ и

былъ однимъ изъ жаркихъ легитимистовъ самаго пошлаго періода французской исторіи. Послѣ іюльской революціи достаточно было нѣкоторой любезности со стороны орлеанской герцогини, читавшей въ уединеніи нѣжнаго романтика–поэта, чтобы привлечь его на сторону Лудовика–Филиппа и обратить въ орлеаниста. Послѣ февральскаго разгрома, въ самую критическую минуту народнаго недоумѣнія, Гюго провозглашаетъ регентство орлеанской династіи, въ присутствіи тридцати тысячъ человѣкъ, стоявшихъ на бастильской площади, а на другой день защищаетъ республику. Какъ перъ Франціи, онъ превозноситъ въ своей оффиціальной рѣчи небывалыя заслуги императора-дяди, а какъ изгнанникъ, онъ безпощадно памфлетируетъ императора–племянника, и изъ личнаго оскорбленія дѣлаетъ общій политическій вопросъ. Съ этихъ поръ раздраженное самолюбіе В. Гюго уже не прощаетъ болѣе *ночнымъ похитителямъ французской свободы*, и вполнѣ отдается революціонному потоку событій и идей; но если шитый золотомъ мундиръ пера стѣснялъ В. Гюго, то демократическая блуза слишкомъ широка для его плечей... Такимъ образомъ постоянное противорѣчіе и вѣчный разладъ съ самимъ собою составляютъ характеристическую черту политической карьеры В. Гюго. Гдѣ-то онъ сказалъ о себѣ:

> Fidèle enfin au sang qu'on verse dans ma veine
> Mon vieux père soldat, ma mère vendéenne,

и эта физіологическая двойственность, эта смѣшанная кровь либерализма съ консерватизмомъ доселѣ течетъ въ жилахъ поэта. Онъ живетъ между преданіемъ прошлаго и надеждами будущаго; онъ искренній католикъ и соціалистъ, онъ четыре раза перемѣнилъ свой образъ мыслей и всякій разъ также легко переходилъ изъ одного положенія въ другое, какъ будто дѣло касалось перемѣны риомы или передѣлки неловкаго стиха.

Повторяемъ, когда В. Гюго держался въ исторической или легендарной сферѣ поэзіи, его противорѣчіе не могло броситься въ глаза; но въ послѣднемъ его произведеніи, построенномъ на современной идеѣ, оно такъ рѣзко поражаетъ читателя, что онъ часто недоумѣваетъ—пишетъ ли это отецъ Боссюэтъ или Еженъ Сю. Есть сцены, достойныя величайшаго художника, но есть и такія страницы, отъ которыхъ отказался бы самый посредственный фельетонистъ ежедневной газеты. Надѣемся, что подробный разборъ романа В. Гюго подтвердитъ наше мнѣніе, хотя мы не произнесемъ окончательнаго

суда, потому что передъ нами только четвертая часть сочиненія, которое впрочемъ не замедлитъ скоро явиться въ печати полнымъ изданіемъ.

Въ старыхъ готическихъ соборахъ было обыкновеніе выставлять на дверяхъ и портикахъ назидательныя картины, въ родѣ страшнаго суда и адскихъ мученій, изобрѣтенныхъ суевѣрнымъ воображеніемъ средневѣковаго монашества. Это дѣлалось, конечно, затѣмъ, чтобъ подѣйствовать страхомъ и угрозой наказанія на религіозное чувство православныхъ католиковъ. Точно такимъ же назидательнымъ типомъ В. Гюго вводитъ насъ въ мозаическую базилику своихъ «Злосчастныхъ». На первомъ планѣ онъ поставилъ идеальнаго монаха, Миріеля, надѣленнаго поэтомъ такими качествами, которыми отличались только величайшіе аскеты христіанскаго энтузіазма... Миріель—образецъ простоты, геройскаго самоотверженія и безпредѣльной любви къ ближнему. Назначенный, по приказанію Наполеона I, провинціальнымъ епископомъ, семидесятилѣтній пастырь окружаетъ себя добровольной бѣдностью, отказывается отъ своихъ доходовъ въ пользу разныхъ благотворительныхъ заведеній, ограничивается скудною пищею изъ плодовъ и овощей, отдаетъ свой просторный домъ подъ госпиталь больныхъ, а самъ занимаетъ очень скромное помѣщеніе, и съ утра до глубокой ночи проводитъ время то въ трудѣ, то въ молитвѣ. Ни ненастная погода, ни опасное путешествіе, ни усталость, ничто не не останавливаетъ его пламеннаго усердія въ служеніи людямъ; онъ одинъ отправляется въ горы къ разбойникамъ для проповѣди и поученія, и возвращается оттуда цѣлымъ и спокойнымъ; онъ сопровождаетъ преступника на эшафотъ и примиряетъ его съ мыслью о смерти. Гдѣ бы ни показался Миріель, вездѣ появленіе его дѣлается праздникомъ; онъ утѣшаетъ бѣдную мать, облегчаетъ несчастнаго отца и, не запирая двери своего жилища, открываетъ свободный входъ въ него каждому посѣтителю, кто бы онъ ни былъ — ночный воръ или запоздалый добрый странникъ. Часы уединеннаго досуга Миріель проводитъ за чтеніемъ книгъ и составленіемъ своихъ теологическихъ трактатовъ; въ маленькомъ саду, въ бесѣдѣ съ природой, онъ отдыхалъ на вечернемъ воздухѣ послѣ дневнаго утомленія. Въ словахъ и поступкахъ епископа не видно никакихъ убѣжденій или предвзятыхъ идей, но столько вѣры въ добро, столько преданности своему дѣлу, что всѣ его помыслы, намѣренія и подвиги были слѣдствіемъ какого-то сверхъестественнаго наитія. Однажды, поздно ночью вошелъ къ нему утомленный, оборванный и озлобленный пут-

никъ съ котомкой за плечами и съ толстой суковатой палкой. Это былъ освобожденный каторжникъ (мы разскажемъ о немъ подробно ниже), возвращавшійся съ галеръ; его застигла темная осенняя ночь, и куда онъ ни стучался, вездѣ отказывали ему въ пріютѣ. Дотащившись до города Д... и не надѣясь больше найдти себѣ ночлегъ подъ какой нибудь кровлей, онъ рѣшился заснуть подъ открытымъ небомъ, на голомъ камнѣ. Въ это время одна женщина замѣтила несчастнаго каторжника и показала ему на дверь миріелева дома: «постучитесь тамъ» — сказала она, и Жанъ-Вальжанъ—такъ звали отверженнаго горемыку—дѣйствительно былъ принятъ радушно у Миріеля. Епископъ предложилъ своему гостю сытный ужинъ, болѣе роскошный, чѣмъ обыкновенно подавался, зажегъ каминъ и освѣтилъ комнату яркимъ огнемъ. Долго не вѣрилъ Жанъ-Вальжанъ своему собственному слуху и глазамъ, изумленный такимъ гостепріимнымъ обхожденіемъ; послѣ ужина, старая служанка Миріеля приготовила теплую и мягкую постель, на которой, впрочемъ, не долго спалось каторжнику, привыкшему засыпать на голыхъ доскахъ или на сырой землѣ. Давно упала ночь, въ дому Миріеля все смолкло, самъ хозяинъ успокоился за своими занавѣсками, въ томъ же нижнемъ этажѣ, гдѣ заснулъ и Жанъ-Вальжанъ, отдѣленный отъ него незапертой дверью; на колокольнѣ пробило два часа, и проснувшійся каторжникъ приподнялся съ постели. Здѣсь В. Гюго рисуетъ передъ нами мастерскую картину внутренней борьбы человѣка, развращеннаго тюрьмой, долговременной ссылкой и жестокими наказаніями. Съ одной стороны ему представляется удобный случай совершить преступленіе и скрыться подъ покровомъ ночи изъ дома, гдѣ такъ искренно и довѣрчиво его пріютили; съ другой стороны, въ его душѣ мелькнуло чувство благодарности къ доброму Миріелю. Но *злодѣй* побѣдилъ *человѣка*, и это очень естественно. Онъ вынесъ изъ тюрьмы непримиримую ненависть къ людямъ, желѣзную силу воли, но воли, испорченной кандалами и насиліемъ подобныхъ ему людей; девятнадцать лѣтъ каторги постепенно уничтожали въ немъ человѣческое достоинство и наконецъ убили всякое сознаніе справедливости, всякое желаніе примириться съ самимъ собой и съ обществомъ. Да и какое можетъ быть примиреніе съ этимъ коллективнымъ палачемъ, который за украденный кусокъ хлѣба для голодныхъ дѣтей осуждаетъ Жана-Вальжана на галеры, губитъ его молодость, отнимаетъ у него честное имя и спокойный трудъ, подвергаетъ его нищетѣ, побоямъ, оскорбле-

ніямъ, и когда исполнился срокъ его заточенія, тотъ же палачъ выдаетъ ему желтый билетъ каторжника и пускаетъ на всѣ четыре стороны, наперёдъ зная, что никто не приметъ его къ себѣ, никто не броситъ ему ни куска хлѣба, не отведетъ ни хлѣва, ни конюшни для ночнаго отдыха... Правда, свободная жизнь еще могла шевельнуть человѣческими чувствами закаленнаго преступника, но что же можетъ дать эта жизнь, кромѣ той же бѣдности, что и на галерахъ, кромѣ тѣхъ же страданій, только безъ звона желѣзъ на истертыхъ ногахъ и кровавыхъ рубцевъ на спинѣ? Чего ему надѣяться отъ этой жизни, гдѣ нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, ни одной задушевной связи, гдѣ ему нечего любить, но гдѣ онъ долженъ все ненавидѣть, гдѣ даже въ собачей конурѣ для него нѣтъ вѣрнаго прибѣжища; чего онъ можетъ ожидать отъ этой жизни, гдѣ свобода не спасаетъ его отъ голодной смерти, гдѣ не обезпечено для него ни право труда, ни право возстановленія своего нравственнаго характера, гдѣ всякій подлецъ, въ тысячу разъ более развращенный чѣмъ онъ, безнаказанно можетъ оскорбить его презрѣніемъ и преслѣдовать закономъ... Подъ вліяніемъ такого чувства проснулся Жанъ-Вальжанъ и, когда нѣкоторый проблескъ совѣсти померкъ, онъ вполнѣ отдался своимъ дикимъ инстинктамъ. Первою его мыслью было обокрасть Миріеля, той обыкновенной мыслію, которая неразлучно соединяется съ униженіемъ человѣка и постояннымъ его страхомъ погибнуть отъ недостатка того же насущнаго куска хлѣба, за который Жанъ-Вальжанъ былъ изгнанъ изъ общества... И вотъ беретъ онъ свой тяжелый посохъ и котомку и судорожно подходитъ къ той комнатѣ, гдѣ находился епископъ и гдѣ хранилось его небольшое столовое серебро, почти единственное богатство Миріеля. Осторожно растворяется дверь, еще осторожнѣе преступникъ проходитъ въ нее; еще разъ проскользнуло въ его душѣ какое-то сомнѣніе въ замышляемомъ поступкѣ,—да и нельзя было не подняться этому сомнѣнію при взглядѣ на спокойное лицо спавшаго Миріеля; на этомъ лицѣ лежалъ матовый свѣтъ луны, выходившей изъ облаковъ и освѣтившей комнату въ тотъ самый моментъ, когда Жанъ-Вальжанъ стоялъ передъ кроватью Миріеля... Еще нѣсколько минутъ—и кто знаетъ, какое черное намѣреніе не проснулось бы въ головѣ каторжника; но онъ поспѣшилъ открыть шкапъ и похитить изъ него корзинку съ серебромъ. Выпрыгнувъ черезъ окно въ садъ, онъ, какъ тигръ, перескочилъ черезъ стѣну и скрылся въ сосѣднемъ полѣ. На другой день, пойманный жандармами,

онъ былъ приведенъ къ Миріелю; епископъ, не желая снова погубить преступника, увѣрилъ полицію, что онъ подарилъ это серебро Жану-Вальжану и просилъ отпустить его на волю. Между тѣмъ, какъ оторопѣлый и испуганный воръ сомнѣвался въ возвращеніи ему свободы, Миріель снялъ съ камина два серебряные подсвѣчника и отдавая ихъ Жану-Вальжану, сказалъ: «не забывайте никогда, что вы мнѣ обѣщали употребить это серебро на то, чтобы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ».

И дѣйствительно послѣ этой сцены начинается нравственный метаморфозъ каторжника. Подъ его черепомъ встаетъ цѣлая буря противоположныхъ порывовъ, то раскаянія, то озлобленія, то отчаянія, то надежды, и послѣ новой ожесточеной борьбы съ своимъ прошлымъ, съ своими привычками и страстями, онъ выходитъ побѣдителемъ, — дѣлается *честнымъ человѣкомъ*. Здѣсь мы должны оставить Жана-Вальжана, къ которому возвратимся послѣ и посмотрѣть на художественное построеніе Миріеля, какъ главнаго характера, въ романѣ В. Гюго. Мы называемъ его *главнымъ* потому, что авторъ даетъ ему роль какого-то провидѣнія въ соціальномъ порядкѣ вещей, онъ обобщаетъ въ немъ идею будущаго прогресса и лучшихъ стремленій человѣчества. «Пусть не ошибаются, замѣчаетъ В. Гюго, на счетъ нашей мысли; мы не смѣшиваемъ то, что называютъ *политическими мнѣніями* съ великимъ стремленіемъ къ прогрессу, съ высокой вѣрой патріотической, демократической и гуманной, которая отселѣ должна быть основаніемъ всякаго благороднаго ума».

Итакъ въ католическомъ монахѣ выражается типъ лучшаго современнаго человѣка, вождя и искупителя падшихъ обществъ. Мы знаемъ, что В. Гюго, увлекаясь своимъ испанскимъ воображеніемъ, способенъ къ самымъ страшнымъ преувеличеніямъ, что, расчитывая на сильное потрясеніе читателя, онъ не щадитъ ни здраваго смысла, ни правды для достиженія своей цѣли, но на этотъ разъ поэтъ оклеветалъ даже исторію, которую онъ, повидимому, всегда уважалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Миріель, какъ *исключеніе*, возможенъ и не противорѣчитъ историческому фатализму, но какое же дѣло художнику до исключеній, когда онъ представляетъ общій типъ, собирая въ немъ, какъ въ фокусѣ, всѣ отличительныя черты извѣстнаго явленія. Было бы странно, еслибъ какой нибудь живописецъ, желая передать на полотнѣ характеръ инквизитора, изобразилъ бы его паркетнымъ героемъ, въ бальномъ костюмѣ и съ любовнымъ выраженіемъ на лицѣ. Не спо-

римъ, что между египетскими жрецами, инквизиторами, и даже между палачами можно найдти хорошихъ людей, но развѣ по нимъ можно составить понятіе о тѣхъ сословіяхъ, къ которымъ они принадлежатъ? Поэтъ, создавая свой образъ, изучаетъ его не по уродливымъ отклоненіямъ отъ генерическаго типа, а по общему характеру его; онъ угадываетъ тѣ внутреннія отношенія, которыя существуютъ между нашимъ умомъ и дѣйствительнымъ фактомъ и чѣмъ вѣрнѣе угадываетъ эту невидимую, но неизбѣжную связь, тѣмъ вѣрнѣе отвѣчаетъ условіямъ истиннаго творчества. Извращеніе идеи, какъ и художественной правды, можетъ быть только слѣдствіемъ болѣзненной фантазіи или глубокаго невѣжества. Роль католическаго духовенства въ европейской исторіи, конечно, очень хорошо извѣстна В. Гюго; онъ самъ нѣсколько разоблачилъ ее въ Клодѣ Фролло, въ этомъ изступленномъ фанатикѣ. Авторъ «Лукреціи Борджіа» знаетъ, какимъ заразительнымъ повѣтріемъ пронесся іезуетизмъ по итальянской и испанской землѣ. Прекраснѣйшая часть романской Европы погубила милліоны людей, свободу и совѣсть подъ вліяніемъ католической касты, основанной на обманѣ и деспотизмѣ. Кто развратилъ Францію, какъ не тотъ же іезуитизмъ, соединенный круговой порукой самосохраненія съ полицейскимъ шпіонствомъ? Кто противодѣйствовалъ реформамъ, гасилъ образованіе народа, питая въ немъ суевѣрія и малодушіе, какъ не католическое духовенство? Кому, какъ не ему, обязано человѣчество кровопролитными бойнями мрачныхъ временъ, кострами и темницами? Мы еще недавно были зрителями судорожной агоніи Неаполя, избитаго и ограбленнаго разбойниками, которыхъ благословлялъ и посылалъ на злодѣянія тотъ же католическій монахъ. Его прославленная *charité* знакома Риму, гдѣ систематически поддерживается нищенство и воровство изъ чисто политическихъ расчетовъ папства. Такъ гдѣ же этотъ идеалъ Миріеля, возведеннаго художникомъ въ образецъ «патріотической и гуманной вѣры»? Но В. Гюго самъ почувствовалъ, что хватилъ не въ мѣру своимъ католическимъ усердіемъ и потому растворилъ его въ розовомъ демократическомъ сиропѣ. Чтобы смягчить духъ касты и придать исключительному характеру Миріеля болѣе общую идею, авторъ «Злосчастныхъ» приводитъ своего епископа къ старому революціонеру и заставляетъ его выслушивать довольно жестокія наставленія... Эта сцена очень живо описывается въ X главѣ I тома, озаглавленный такъ: «Епископъ въ присутсвіи новаго свѣта». Свиданіе Миріеля съ ветераномъ первой французской революс-

ціи происходитъ за нѣсколько минутъ до кончины послѣдняго. Восьмидесятилѣтній воинъ великой гражданской битвы, забытый людьми и уже давно не видавшій ихъ, умираетъ одинъ, въ своей отшельнической землянкѣ, среди презрѣнія и ненависти толпы; онъ прощаетъ этой ненависти и, подобно Манфреду, проситъ одного забвенія. Неожиданное появленіе Миріеля нѣсколько озадачиваетъ его, онъ сухо принимаетъ незванаго пастора, но слово–за–слово и бесѣда оживляется. Съ одушевленіемъ говоритъ отшельникъ о прошлыхъ дняхъ Франціи, о своемъ участіи въ ея громадномъ переворотѣ, о своихъ убѣжденіяхъ, которыя онъ уноситъ неизмѣнными въ могилу. Рѣзко поражаетъ ухо Миріеля эта строгая и мужественная бесѣда, отъ которой вѣетъ воздухомъ другаго времени и другихъ событій, не похожихъ на жалкую эпоху реставраціи. Миріель недоумѣваетъ, старается возражать, но возраженія его оказываются безсильными и встрѣчаютъ самые ясные и рѣшительные отвѣты; онъ называетъ старую эпоху неумолимой... Во всемъ этомъ эпизодѣ такъ мало историческаго правдоподобія, котораго, впрочемъ, мы не намѣрены и требовать отъ В. Гюго, что намъ остается обратить вниманіе только на идею картины. Очевидно, поэтъ, идеализируя католическій принципъ, думаетъ соединить его съ принципомъ прогресса и цивилизаціи — соединеніе менѣе естественное и возможное, чѣмъ сопоставленіе Парижа и Пекина подъ однимъ географическимъ меридіаномъ. Религія можетъ держаться только консерватизмомъ и не имѣетъ ничего общаго съ соціальными реформами. И на какой точкѣ опоры предполагаетъ В. Гюго утвердить свое морганическое построеніе? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, на одномъ человѣколюбіи,—томъ цивилизованномъ человѣколюбіи, которое ставитъ около богадѣльни тюрьму и каторгу, около базилики — висѣлицу, около казармы — школу, около гильотины—женщину Магдалину, безмолвно оплакивающую своихъ братьевъ и друзей, умирающихъ на крестѣ такъ называемой цивилизаціи...

Вотъ наше послѣднее мнѣніе о Миріелѣ. Это типъ фальшивый, натянутый, подкрашенный сурикомъ и пудрой католика-поэта, типъ несовременный, похожій на тѣ статуи, которыя открываютъ въ землѣ разбитыми и реставрируютъ на показъ зрителямъ, какъ античныя рѣдкости. Переставьте этотъ образъ во времена фронды или Фенелона, онъ имѣлъ бы еще какой нибудь смыслъ, но въ эпоху Лудовика XVIII, когда католическое духовенство затянуло Францію двойнымъ узломъ реакціи, этотъ фантастическій *праведникъ* выходитъ чистой чепухой.

Читатель, не отдѣляющій въ художественномъ произведеніи изящной формы отъ изящной идеи, съ удовольствіемъ можетъ пропустить нѣсколько сотъ первыхъ страницъ въ романѣ В. Гюго и не раскается; иначе онъ рискуетъ сойтись во вкусахъ со всѣми старыми ханжами Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, со всѣми римскими и парижскими аббатами...

Отъ блѣдной и худосочной католической фигуры Мирiеля намъ пріятно возвратиться къ здоровому, крѣпкому и мускулистому Жану-Вальжану. Это дѣйствительный и превосходно выполненный типъ французскаго общества. Въ лицѣ каторжника поэтъ сгруппировалъ сотни тысячъ знакомыхъ намъ бѣдняковъ, гонимыхъ закономъ, въ силу неотразимаго соціальнаго фатализма; нищета и голодъ деморализируютъ ихъ, эшафотъ и галеры окончательно расчитываются съ ихъ жизнью; это люди, брошенные съ корабля въ открытое морѣ, по удачному сравненію В. Гюго: «Что за бѣда! Корабль не останавливается; вѣтеръ свиститъ, а тамъ во туракѣ корабль продолжаетъ свой путь. Онъ плыветъ. Утопающій то исчезнетъ, то опять покажется, то погрузится, то снова поднимется на поверхность; онъ зоветъ, простираетъ руки, но его не слышутъ. Корабль, содрогаясь подъ бурей, уходитъ въ даль; матросы и пассажиры не видятъ болѣе утопающаго за ними; его несчастная голова мерещется едва замѣтной точкой среди пѣны волнъ».

«Онъ издаетъ отчаянные крики надъ глубиною водъ. Но вотъ мелькнулъ проходящій парусъ! Погибающій смотритъ на него, онъ ловитъ его судорожнымъ взглядомъ, но парусъ удаляется, блѣднѣетъ и исчезаетъ. Утопающій былъ тотчасъ тамъ, вмѣстѣ съ экипажемъ, онъ ходитъ по палубѣ рядомъ съ другими, онъ дышался свободно и грѣлся на привольномъ солнышкѣ, онъ былъ живъ. А теперь гдѣ и что такое онъ? Онъ поскользнулся, упалъ и все кончено».

«Онъ въ чудовищныхъ объятіяхъ моря; подъ ногами его все бѣжитъ и разрушается. Бѣшеная волна, разсѣкаемая вѣтромъ, сурово охватываетъ и уноситъ его; прибой воды бушуетъ кругомъ его головы, и стадо валовъ увлекаетъ его въ бездну. Всякій разъ, какъ онъ погружается, подъ нимъ виднѣются темныя пропасти; неизвѣстныя страшныя растенія обвиваютъ его и цѣпляются ему за ноги; онъ чувствуетъ, что самъ дѣлается бездной, превращается въ пѣну, которую волны перебрасываютъ другъ къ другу, онъ пьетъ горькую влагу и свирѣпый океанъ безжалостно играетъ своей жертвой, прежде чѣмъ поглотитъ ее. Ему кажется, что все окружающее ненавидитъ его».

«И все-таки онъ борется».

«Онъ пробуетъ защищаться, ищетъ точку опоры, плаваетъ и напрягаетъ всѣ силы. Но эти бѣдныя силы скоро измѣнятъ ему и онъ напрасно сопротивляется».

«Но гдѣ же корабль? Тамъ. Онъ едва брежжитъ въ блѣдныхъ сумеркахъ горизонта. Порывы вѣтра попрежнему свищутъ, и пѣна волнъ одолѣваетъ утопающаго. Онъ поднимаетъ взоръ и видитъ одни туманные клубы облаковъ. Онъ, въ агоніи, присутствуетъ на безумномъ праздникѣ моря... До его слуха доходятъ странные звуки, повидимому раздающіеся изъ-подъ земли и какой-то ужасной пустоты».

«Онъ ощущаетъ, что его хоронятъ двѣ безконечныя могилы — океанъ и небо; первый служитъ ему гробомъ, второе—саваномъ».

«Спускается ночь, и вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ утопающій бьется на волнахъ, но силы его оставляютъ, корабль—эта темная точка въ отдаленіи, скрылся, и онъ одинъ среди этой мрачной и необъятной пропасти, онъ ныряетъ и холодѣетъ, корчится и снова зоветъ. Но людей нѣтъ, а гдѣ же Богъ»?

«Онъ зоветъ: на помощь, на помощь! Но ничего не слышно кругомъ, ничего не видно на небѣ. Онъ умоляетъ пространство, волны, водоросли, скалы, но все это молчитъ. Онъ взываетъ къ бурѣ, но невозмутимая буря повинуется одному безконечному».

«Кругомъ утопающаго тьма, уединеніе, хаосъ и безпрерывная игра суровыхъ волнъ. Въ немъ безсиліе и страхъ; подъ нимъ пропасть; онъ задумывается надъ неизвѣстной судьбой трупа въ безграничномъ мракѣ. Холодъ леденитъ его члены; руки его сжимаются, изнемагаютъ и хватаются за воздухъ. Вѣтры, облака, вихри и звѣзды—все безполезно! Что дѣлать? Несчастный отдается на волю судьбы, примиряется съ смертью, предоставляетъ себя прихоти волнъ, и тѣло его опускается навсегда въ глубокія пропасти океана».

«Море — это неумолимая соціальная ночь, куда законъ бросаетъ своихъ осужденныхъ. Море—это безпредѣльная бѣдность». (Les Misérables т. I, стр. 265—270).

Такъ погибаетъ Жанъ Вальжанъ. Выше было замѣчено, что онъ выстрадалъ девятнадцать лѣтъ каторжной жизни, вслѣдствіе уголовнаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ въ 1796 году 22 апрѣля. «Въ этотъ день» провозгласили въ Парижѣ Монтенотскую побѣду, одержанную предводителемъ италіянской арміи, Бонапартомъ; въ тотъ же самый день была закована длинная цѣпь въ Бисе-

трѣ. Жанъ Вальжанъ составлялъ часть этой цѣпи». Родословная преступника — обыкновенная. Онъ былъ сынъ бѣднаго крестьянскаго семейства изъ округа Бри, въ раннемъ возрастѣ оставшійся сиротой. Мать его умерла отъ грудницы, а отецъ упалъ съ дерева и ушибся смертельно. Бѣдный мальчикъ, безграмотный и задумчивый, остался на попеченіи своей старшей сестры, у которой было семеро дѣтей. Она пріютила и вскормила Жана Вальжана, но скоро мужъ ея умеръ, и братъ, достигшій двадцати пяти лѣтъ возраста, принялъ на свое попеченіе осиротѣвшую семью. Вся его юность прошла въ безпрерывномъ трудѣ и постоянныхъ лишеніяхъ; онъ не зналъ ни любви, ни дружбы. Вечеромъ онъ возвращался усталый и на другой день уходилъ снова на работу. Занимаясь поденнымъ трудомъ—то подстригая деревья, то нанимаясь жнецомъ и работникомъ на фермѣ,— онъ получалъ самую скудную плату, менѣе 25 к. сер. въ день. Такъ протекла молодость Жана Вальжана. Но вотъ наступила холодная зима, онъ остался безъ работы, и семеро дѣтей его сестры совершенно безъ хлѣба.

По вечеру въ одно воскресенье булочникъ Исабо Моберъ, жившій на церковной площади въ Фавроляхъ, ложился спать; вдругъ онъ услышалъ сильный ударъ въ рѣшетчатое окно своей лавки и въ то же время увидѣлъ руку, просунутую сквозь пробитое отверстіе. Рука схватила хлѣбъ и унесла его. Моберъ благимъ матомъ выскочилъ на улицу и погнался за воромъ. Воръ былъ пойманъ—это былъ Жанъ Вальжанъ.

Представленный въ судъ, какъ преступникъ, захваченный «на воровствѣ со взломомъ, ночью, въ обитаемомъ домѣ», онъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ ссылки на тулонскія галеры. Съ цѣпью на шеѣ и въ красной курткѣ, его отвели въ заточеніе. Онъ канулъ, какъ утопающій въ море; за нимъ исчезло все его прошлое — воля, правда бѣдная, но все же воля, сестра и ея дѣти, воспитанныя имъ, даже его собственное имя, замѣненное безличнымъ №-ромъ каторжника. Началась страшная, мучительная жизнь для Жана Вальжана. Къ концу четвертаго года наступила его очередь (*) бѣжать; онъ попробо-

(*) Изъ словъ В. Гюго просвѣчиваетъ такой смыслъ, что между галерными ссыльными существуетъ общинный обычай—каждому въ свою очередь бѣжать. Товарищи помогаютъ этому бѣгству и принимаютъ въ немъ непосредственное участіе. Здѣсь, очевидно, круговая порука взаимнаго освобожденія; къ сожалѣнію, В. Гюго не объяснилъ этого обычая въ подробности, во всякомъ случаѣ очень замѣчательнаго для изученія нравовъ и образа жизни ссыльно-каторжныхъ.

валъ, но былъ пойманъ и осужденъ на новые три года заключенія; еще двѣ попытки, и ни одна изъ нихъ не удалась; между тѣмъ наказаніе увеличивалось, и Жанъ Вальжанъ, вмѣсто первыхъ пяти, пробылъ на каторгѣ всего девятнадцать лѣтъ. Отличаясь необыкновенно крѣпкимъ здоровьемъ и воловьей силой, онъ твердо перенесъ заточеніе, и грустно выслушалъ свою свободу. Съ проклятіемъ противъ людей, съ жаждою мести и безотчетнаго зла, съ полнымъ равнодушіемъ къ самому себѣ, съ желтымъ билетомъ, гдѣ его отмѣтили *очень опаснымъ человѣкомъ* и съ ста девятью франками въ карманѣ, заработанными имъ впродолженіи девятнадцати лѣтъ, онъ оставилъ тулонскія галеры и возвратился въ общество. Но общество продолжало смотрѣть на него, какъ на отверженнаго, потому что законъ освобождалъ его отъ наказанія, но не возвращалъ ему прежнихъ гражданскихъ правъ и добраго имени. Это—юридическое варварство, возведенное въ поэзію людоѣдства; и мы не рѣшаемся сказать, кто ниже, безнравственнѣе и грубѣе — преступникъ или судья, поражающій такимъ приговоромъ, или общество, допускающее такой приговоръ... Какъ бы то ни было, но Жанъ Вальжанъ освободился и пошелъ искать другаго осужденія, другой каторги... Въ первый день онъ прошелъ пѣшкомъ двѣнадцать миль, и остановился въ одной гостинницѣ, чтобы отдохнуть, утолить голодъ и переночевать. Выраженіе лица и грязноватый костюмъ «очень опаснаго человѣка» возбудили сомнѣніе содержателя гостинницы: онъ послалъ мальчика справиться въ полицію о качествѣ путешественника, и когда узналъ, что это каторжникъ, выгналъ его изъ своего отеля. Жанъ Вальжанъ пошелъ далѣе. Замѣтивъ свѣтъ въ окошкѣ одной бѣдной харчевни, онъ постучался въ нее; но и здѣсь отказали ему и въ пищѣ и въ ночлегѣ. Онъ попросился въ одинъ частный домъ, но хозяинъ, увидѣвъ и распознавъ прохожаго, прогналъ его съ угрозой. «Христа ради, стаканъ воды»!, проговорилъ Жалъ Вальжанъ. «Не хочешь ли пули изъ ружья»? отвѣчали ему передъ дверью и тотчасъ же захлопнули ее. Жанъ Вальжанъ пошелъ далѣе. Дулъ холодный вѣтеръ Альпъ и день склонялся къ вечеру. Завидѣвъ въ сосѣднемъ саду небольшой шалашъ, каторжникъ направился къ нему, пролезъ въ него черезъ узкое отверстіе и расположился на соломѣ, которая показалась ему хорошей постелью. Здѣсь онъ надѣялся провести ночь, не смотря на отчаянный голодъ, который чувствовалъ уже давно. Но едва онъ прилегъ, какъ не подалеку раздался собачій лай, и Жанъ Вальжанъ замѣтилъ въ тѣни

огромнаго бульдога, подходившаго къ шалашу. То была собачья конура. Вооружившись своей дубиной, каторжникъ поспѣшилъ выйдти изъ конуры и пошелъ далѣе. На небѣ было мрачно, на землѣ холодно и сыро. Каторжникъ вышелъ въ поле, но пустынный видъ его, таинственныя тѣни холмовъ и деревьевъ произвели на него впечатлѣніе страха, и онъ воротился назадъ. Наконецъ дверь епископа Миріеля отворилась Жану Вальжану, о чемъ мы сказали уже выше.

Доселѣ В. Гюго вполнѣ остался вѣренъ своимъ художественнымъ инстинктамъ. Выразительность рисунка, набросаннаго такой смѣлой и мастерской рукой, и оригинальность языка—все овладѣваетъ вниманіемъ читателя. Здѣсь сила поэзіи не въ мелкихъ подробностяхъ, которыми такъ щеголяетъ г. Тургеневъ, не въ монотонномъ и тепловатомъ разсказѣ автора «Записокъ изъ мертваго дома», не въ узенькихъ и токарныхъ издѣліяхъ г. Гончарова, а въ созданіи цѣлаго образа, въ глубинѣ идеи, которую поэтъ воплощаетъ въ лицѣ Жана Вальжана. Пожалуй, нѣкоторыя частныя черты не выдержатъ критики; юристъ можетъ упрекнуть романиста за то, что онъ слишкомъ тяжело наказалъ своего героя за похищеніе куска хлѣба; префектъ могъ бы возразить, что если Жану Вальжану вездѣ отказывали въ ночлегѣ, то на основаніи закона онъ имѣлъ бы право потребовать его въ самой полиціи; но все это мелочи, и общій тонъ разсказа ничего не проигрываетъ отъ нихъ. Мы постоянно находимся подъ вліяніемъ впечатлѣнія цѣльнаго и въ высшей степени интереснаго. Анализируя типъ Жана Вальжана, мы находимъ въ немъ выраженіе не однихъ преступниковъ, бичуемыхъ уголовными кодексами, но вообще современныхъ пролетаріевъ, которые милліонами гибнутъ въ «соціальномъ морѣ» и въ юридическихъ болотахъ гражданской жизни. Но если В. Гюго хорошо задумалъ свой типъ, то онъ не довелъ его до конца, какъ слѣдовало, и сбился съ прямой дороги на окольную филантропическую тропинку. Онъ какъ будто самъ испугался своего «Злосчастнаго» и рѣшился реставрировать его, подобно Миріелю.

Когда Жанъ Вальжанъ, получивъ наставленіе и два серебряныхъ подсвѣчника отъ епископа, оставилъ его домъ, онъ въ самомъ разстроенномъ состояніи вышелъ въ поле. Цѣлое утро онъ блуждалъ взадъ и впередъ, осаждаемый различными ощущеніями; онъ чувствовалъ себя то униженнымъ и сдающимся на какое-то успокоительное отношеніе къ людямъ, то жалѣлъ о тюрьмѣ съ ея жандармами и деревянными тюфяками, то готовъ былъ заплакать, то снова изойдти въ

проклятіяхъ. Въ это время близъ него послышался веселый крикъ мальчика; каторжникъ обернулся и увидѣлъ Савояра, съ суркомъ за плечами и съ шарманкой на боку. Мальчикъ пѣлъ и игралъ двухфранковой монетой, бросая ее на воздухъ; монета упала и покатилась къ ногамъ Жана Вальжана, который наступилъ на нее своимъ неуклюжимъ башмакомъ. Пети-Жервэ (имя Савояра) подошелъ къ каторжнику и сталъ требовать свою монету; долго и настойчиво онъ тормошилъ наивно-дѣтскими просьбами Жана Вальжана и когда вывелъ его изъ терпѣнія, то послѣдній бросилъ свирѣпый и зловѣщій взглядъ на мальчика. Отъ этого взгляда задрожалъ Пети-Жервэ и пустился бѣжать во всю силу своихъ ногъ; потомъ остановился и зарыдалъ. Плачь бѣднаго Савояра былъ услышанъ каторжникомъ. «Солнце сѣло, продолжаетъ В. Гюго; тьма опустилась кругомъ Жана Вальжана; онъ не ѣлъ цѣлый день и, вѣроятно, чувствовалъ лихорадочный припадокъ. Стоя на ногахъ, онъ не перемѣнилъ своей позы съ той минуты, какъ убѣжалъ отъ него Пети-Жервэ; дыханіе длинными и неровными волненіями приподнимало ему грудь; взглядъ его, остановленный на десяти или двѣнадцати шагахъ передъ нимъ, казалось съ глубокимъ вниманіемъ изучалъ форму голубаго фаянсоваго черепка, брошеннаго въ траву. Вдругъ онъ содрогнулся; вечерній холодъ коснулся его членовъ».

«Жанъ Вальжанъ надвинулъ шапку на голову, машинально запахнулъ и застегнулъ блузу, шагнулъ впередъ и наклонился за своимъ посохомъ. Въ это мгновеніе онъ замѣтилъ двухфранковую монету, вдавленную ногой въ землю и блестѣвшую между щебнемъ. По тѣлу его пробѣжало ощущеніе, похожее на галваническій токъ. Что это такое значитъ? проговорилъ онъ сквозь зубы. Затѣмъ онъ отступилъ на три шага, опять остановился, не отрывая своего взгляда отъ этой бѣлой точки, которую онъ не задолго до того придавилъ подошвой, какъ будто эта блестящая точка была открытымъ глазомъ, уставленнымъ на него».

«Черезъ нѣсколько минутъ онъ конвульсивно бросился къ серебряной монетѣ, схватилъ ее и, встрепенувшись, началъ смотрѣть въ даль лежащаго передъ нимъ поля, обращая глаза по всѣмъ направленіямъ горизонта, и вздрагивая подобно дикому животному, ищущему убѣжища».

«Онъ не видѣлъ ничего. Ночь нависла надъ окрестностями, поле было холодное и нѣмое, красноватые туманы поднимались надъ закатомъ солнца».

«Онъ сказалъ: а! и пустился бѣжать въ извѣстномъ направленіи, въ ту сторону, гдѣ скрылся мальчикъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ опять остановился, посмотрѣлъ и не увидѣлъ ничего».

«Тогда онъ закричалъ въ истошный голосъ: Пети-Жервэ! Пети-Жервэ»!

«Онъ замолчалъ и сталъ слушать; но никто не отозвался. Кругомъ было мрачно и безлюдно; его охватывало неопредѣленное пространство. Передъ нимъ ничего не было кромѣ тѣни, гдѣ терялся его взоръ, и безмолвія, въ которомъ изчезалъ его голосъ».

На встрѣчу ему попался попъ; на вопросъ, не видѣлъ ли онъ Пети-Жервэ?—Нѣтъ, отвѣчалъ священникъ, и получивъ отъ каторжника десять франковъ на бѣдныхъ, продолжалъ свой путь.

Въ такомъ состояніи Жанъ Вальжанъ находился еще нѣсколько времени и наконецъ истомленный и взволнованный, упалъ на камень. Борьба разрѣшилась слезами; «послѣ девятнадцати лѣтъ онъ въ первый разъ заплакалъ». Съ этихъ поръ, замѣчаетъ В. Гюго, *онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, въ немъ все измѣнилось.*

Но что же могло произвести такую рѣшительную перемѣну въ Жанѣ Вальжанѣ? Что могло такъ быстро обратить ожесточеннаго злодѣя, рѣшившагося обокрасть гостепріимнаго епископа, отнять у бѣднаго мальчика монету, въ такого кроткаго, плачущаго и сострадательнаго человѣка? В. Гюго разрѣшаетъ этотъ вопросъ очень просто: прощеніе Миріеля и его назиданіе искупили падшаго Жана Вальжана. Онъ ушелъ отъ епископа, потрясенный его словами и великодушнымъ поступкомъ; къ этому впечатлѣнію прибавились слезы Савояра, потомъ внутренняя борьба, и все это кончилось раскаяніемъ каторжника. Положеніе, какъ видите, въ высшей степени драматическое, но не вѣроятное. Въ жизни такія театральныя превращенія — невозможны. Не споримъ, что въ человѣческомъ мозгу бываютъ движенія сильныя, повороты крутые, есть страсти, похожія на ураганъ, но проявленіе ихъ подготовляется обстоятельствами и они также органически зрѣютъ, какъ всякое естественное явленіе. Для радикальныхъ переворотовъ въ нашей волѣ и жизни необходимы и радикальныя средства. Мы видимъ на опытѣ каждый день, какихъ усилій стоитъ намъ переломъ какой нибудь ничтожной привычки, обратившейся въ плоть и кровь нашего существа; для людей развитыхъ и обставленныхъ всѣми удобствами жизни это достается легче, потому что вмѣстѣ съ волей дѣйствуетъ сознаніе и матеріальная сила; но въ поло-

женіи людей невѣжественныхъ и бѣдныхъ, гдѣ всякое стремленіе къ свѣту и нравственной чистотѣ парализируется всевозможными препятствіями, мгновенныя метаморфозы—дѣло рѣшительно несбыточное. Если угодно, раскаяніе Жана Вальжана можно назвать чудеснымъ, какъ В. Гюго и представляетъ его, но оно не можетъ быть названо натуральнымъ. Девятнадцать лѣтъ каторги и систематической деморализаціи глубоко запавшая ненависть къ обществу, которое казнитъ невиннаго, къ религіи, которая благословляетъ эту казнь, ко всему окружающему, что̀ приводитъ человѣка къ паденію, — такія раны не смываются слезами обиженныхъ мальчиковъ и назиданіями епископовъ. Мы не говоримъ, чтобъ корпія, которую, за неимѣніемъ другихъ средствъ, прикладываютъ къ язвамъ, была совершенно безполезна, но не она излечиваетъ язвы. Еслибъ возрожденіе современныхъ обществъ и всѣхъ людей, находящихся въ положеніи Жана Вальжана, можно было совершить такъ легко, какъ думаетъ В. Гюго, то остается ожидать спасенія не отъ реформъ, не отъ науки, а отъ католической проповѣди Пія IX и средневѣковаго застоя.

Какъ бы то ни было, но В. Гюго для эффектнаго контраста понадобилось чудо, и онъ совершилъ его надъ Жаномъ Вальжаномъ; поэтому вся вторая половина портрета вышла очень неправильной и насильственно сколоченной. Трудно сказать напередъ, какъ онъ окончитъ съ своимъ героемъ, но судя по ложному мотиву, проникающему превосходныя отдѣльныя части, романъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сведется на избитое поученіе гугенота.

Итакъ Жанъ Вальжанъ *заплакалъ* и *преобразился*. Теперь для него начинается новая жизнь, новая сцена дѣйствій. Разставшись съ тѣмъ полемъ, гдѣ онъ прослезился, Жанъ Вальжанъ пришелъ въ одинъ городъ М..., гдѣ его никто не зналъ и никто никогда не видѣлъ. Это было декабрьскимъ вечеромъ, во время пожара, случившагося почти въ ту самую минуту, когда неизвѣстный странникъ вошелъ въ этотъ городъ. Жанъ Вальжанъ бросился въ пламя горѣвшаго дома и спасъ двухъ дѣтей, которые оказались дѣтьми жандармскаго капитана. Само собою разумѣется, что послѣ этого случая полиція была снисходительна къ каторжнику и не спросила у него паспорта. Проходитъ нѣсколько лѣтъ и Жанъ Вальжанъ, назвавшійся Мадлейнъ, живетъ спокойно. Неизвѣстно, какъ и откуда онъ узналъ секретъ усовершенствованія цвѣтнаго стекла, но оно удалось ему чрезвычайно счастливо. Преобразовавъ производство стеклянныхъ фабрикъ

города М... и расширивъ кругъ промышленности до небывалыхъ размѣровъ, Мадлейнъ въ самое короткое время составилъ себѣ громадное состояніе; онъ завелъ новую фабрику, съ двумя мастерскими — для мужчинъ и женщинъ, построилъ общественную лечебницу, основалъ двѣ школы, кассу общественнаго вспомоществованія и пріютъ, возвысилъ цѣну труда, помогалъ бѣднымъ, завелъ обширныя торговыя связи,—однимъ словомъ оживилъ дѣятельность края и осчастливилъ ея жителей. Сначала подозрѣвали его въ томъ, что все это онъ дѣлаетъ изъ тщеславія или личной выгоды; многіе завидовали ему, многіе не любили его, но добрая репутація его съ каждымъ днемъ росла, шла далеко и вездѣ пріобрѣтала ему симпатію и уваженіе. Жители города М... не иначе называли его, какъ *отцомъ Мадлейномъ*. Даже старые богатые буржуа, сперва гордо смотрѣвшіе на неизвѣстнаго имъ искателя приключеній, перемѣнили о немъ свое мнѣніе; когда онъ преобразился въ милліонера, они заискивали его знакомства и дружбы, отворили ему свои завѣтные салоны и считали за честь раскланяться или пожать руку отцу Мадлейну. Но онъ избѣгалъ всякихъ общественныхъ связей, отказывался отъ почестей, и жилъ попрежнему очень скромно и тихо. Наконецъ блистательныя заслуги, оказанныя имъ цѣлой провинціи, обратили на него вниманіе правительства, и оно предложило ему званіе мера. Въ первый разъ онъ не принялъ его, но общія просьбы и желаніе всего города заставили Мадлейна уступить второму предложенію, и онъ сдѣлался начальникомъ города. Славно потекла было жизнь того самого Жана Вальжана, который нѣкогда отнялъ двухфранковую монету у Пети-Жервэ. Но и здѣсь случилось у В. Гюго непредвидѣнное событіе.

Въ томъ же городѣ, гдѣ былъ Мадлейнъ меромъ, служилъ инспекторомъ полиціи Жаверъ. Личность эта такъ хорошо очерчена у В. Гюго, что мы считаемъ не лишнимъ описать ее словами самого автора: «Жаверъ родился въ тюрьмѣ отъ ворожеи на картахъ, которой мужъ былъ сосланъ на галеры. Когда мальчикъ сталъ подростать, онъ думалъ, что общество ему закрыто и что онъ никогда не войдетъ въ него. Онъ замѣтилъ, что общество постоянно держитъ внѣ себя два класса людей,—тѣхъ, кто нападаетъ на него и тѣхъ, кто оберегаетъ его; Жаверу оставался выборъ между этими двумя разрядами. Въ то же время онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то влеченіе къ порядку, къ строгости соединенной съ невыразимой ненавистью къ этой породѣ цыганъ, отъ которыхъ онъ происходилъ самъ.

Онъ опредѣлился въ полицію, выслужился въ ней, и въ сорокъ лѣтъ былъ назначенъ инспекторомъ жандармовъ. Юность свою онъ провелъ въ полицейской стражѣ на каторгѣ».

...«Человѣкъ этотъ состоялъ изъ двухъ чувствъ, очень простыхъ и относительно хорошихъ, но которыя онъ портилъ, преувеличивая ихъ: уваженіе къ власти и ненависть къ бунту, а бунтомъ въ глазахъ Жавера было воровство, убійство, всѣ пороки. Все, что было служебнаго въ государствѣ, начиная первымъ министромъ и оканчивая полевымъ сторожемъ,—все это было предметомъ его слѣпой и глубокой вѣры. Онъ питалъ полное отвращеніе и презиралъ все, что̀ переступало хоть разъ за границу законной формальности. Онъ былъ абсолютистъ и не допускалъ исключеній. Съ одной стороны онъ говорилъ: чиновникъ не можетъ ошибаться; начальникъ никогда не заблуждается. Съ другой стороны онъ утверждалъ, что такіе-то люди безвозвратно погибли; отсюда ничего не можетъ выйдти хорошаго... Онъ былъ строгій и угрюмый стоикъ, надменный и пресмыкающійся, какъ всѣ фанатики. Его взглядъ, какъ буравъ, холодилъ и рѣзалъ. Вся его жизнь заключалась въ слѣдующихъ двухъ словахъ: *взирать* и *надзирать*. Онъ подводилъ самые запутанные вопросы подъ самые категорическія мѣрки; онъ сознавалъ свою полезность, и на должность смотрѣлъ, какъ на религію; онъ былъ шпіономъ точно также, какъ бываютъ пасторомъ. Бѣда тому, кто попадался ему подъ руку! Онъ арестовалъ бы роднаго отца, бѣжавшаго изъ ссылки и донесъ бы на свою мать, если бъ она нарушила какой нибудь законъ каторжнаго заточенія. И это онъ исполнилъ бы съ внутреннимъ самодовольствіемъ, съ *добродѣтельной* цѣлью. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ велъ образъ жизни уединенной, съ лишеніями и самоотверженіемъ, жизни цѣломудренной и сосредоточенной. Однимъ словомъ это былъ Брутъ въ Видокѣ.

«Вся фигура Жавера выражала человѣка, который подкрадывается и подслушиваетъ. Лобъ его исчезалъ подъ шляпой, глазъ его не было видно подъ нависшими бровями, подбородокъ его утопалъ въ галстукѣ, рукъ его не было видно, потому что онѣ скрывались въ рукавахъ, палку онъ носилъ подъ сюртукомъ. Но если нужно было, то все это вдругъ являлось какъ изъ засады, и узкій, угловатый лобъ, и зловѣщій взглядъ, и вострый подбородокъ, и большія руки, и чудовищная дубинка».

«Въ минуты отдыха, которыхъ впрочемъ у него было немного, при всей его ненависти къ книгамъ, онъ иногда почитывалъ, что̀

доказывало, что онъ былъ не совсѣмъ безграмотный. Это замѣчалось и по нѣкоторой напыщенности въ его рѣчи».

«У него не было пороковъ, и когда онъ былъ доволенъ собою, то, обыкновенно, позволялъ себѣ понюшку табаку. Только этой стороной онъ и принадлежалъ человѣчеству».

Въ дополненіе этой мѣткой характеристики мы должны прибавить, что Жаверъ явился въ городъ М...., когда Мадлейнъ уже составилъ себѣ состояніе и занималъ почетное мѣсто. Казалось, что между нимъ и шпіономъ не было ни малѣйшаго отношенія, но сверлящій глазъ Жавера отыскалъ и тутъ темную точку, за которую можно было прицѣпиться. Какъ истинный эвнухъ французской бюрократіи, застегнувшій въ себѣ съ послѣдней пуговицей сѣраго мундира всѣ человѣческія чувства, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы подкараулить какую нибудь жертву. Лицо Мадлейна, котораго онъ, лѣтъ за двадцать пять, видѣлъ въ тюрьмѣ, оставило нѣкоторые слѣды въ его памяти. И вотъ поэтому единственному признаку онъ началъ слѣдить за каждымъ дѣйствіемъ мера; сходнаго, конечно, ничего не было, но Жаверъ продолжалъ слѣдить, распрашивать, сравнивать и выводить заключенія. Наконецъ, убѣдившись почти навѣрное въ томъ, что отецъ Мадлейнъ никто иной, какъ бывшій каторжникъ, Жанъ Вальжанъ, онъ донесъ полиціи; но доносъ его оказался ложнымъ, по крайней мѣрѣ его приняли, какъ ложный. Между тѣмъ въ городѣ Аррасѣ открылся уголовный процессъ, по которому начали розыскивать Жана Вальжана, бывшаго тулонскаго каторжника, снова обвиняемаго въ воровствѣ. По ошибкѣ и небрежности суда, по неправильнымъ показаніямъ свидѣтелей и по невѣжеству самого подсудимаго, нѣкто Шампматіё, не имѣвшій ничего похожаго на Жана Вальжана, былъ признанъ за него, и слѣдовательно могъ быть осужденъ на галеры.

Это извѣстіе дошло до Мадлейна и поразило его, какъ громомъ. Съ одной стороны онъ жалѣлъ самого себя, не хотѣлъ разстаться съ своимъ положеніемъ, такъ хорошо устроеннымъ, и столь полезнымъ для другихъ; съ другой стороны онъ вздрагивалъ при мысли, что за него будетъ осужденъ невинный человѣкъ. Завязывается новая упорная борьба въ душѣ Мадлейна; онъ знаетъ, что признаніе его погубитъ все, что такъ долго и такъ счастливо создавалось имъ, но не признаться—значитъ погубить другого. Были минуты, когда онъ рѣшался скрыть свое настоящее имя, жегъ вещи, которыя могли послужить ему уликой; но эти минуты, какъ горячечный жаръ, проходили и онъ, подъ вліяніемъ какой-то неотразимой idée fixe, отдается пото-

ку влекущихъ его обстоятельствъ. Въ раздраженномъ состояніи, въ полубреду, онъ нанимаетъ почтовыхъ лошадей, скачетъ въ городъ Аррасъ, приходитъ въ судъ въ то самое время, когда начался процессъ Шампматіё, выслушиваетъ обвинительные пункты и, пробившись на самую средину залы, торжественно объявляетъ, что онъ Жанъ Вальжанъ, тулонскій каторжникъ, обокравшій мальчика на дорогѣ и скрывшійся подъ именемъ Мадлейна. Впечатлѣніе, произведенное имъ на джури и публику, было необыкновенное. Президентъ, зная Мадлейна за человѣка честнаго и всѣми уважаемаго, принялъ его за помѣшаннаго и потребовалъ доктора; но Жанъ Вальжанъ сослался на двухъ свидѣтелей, которые находились здѣсь же и были его товарищами по заключенію,—онъ указалъ на ихъ признаки, припомнилъ бывшие случаи, и тѣмъ неопровержимо подтвердилъ истину своего признанія. Затѣмъ, предоставивъ себя распоряженію судей и закона, онъ смѣло вышелъ изъ залы, всѣ посторонились передъ нимъ—и тотчасъ же поскакалъ въ городъ М... Здѣсь ожидала его больная женщина, Фантина, въ которой онъ принималъ самое живое участіе и которая умирала въ его лечебницѣ. Когда онъ стоялъ у изголовья этой новой мученицы соціальнаго разврата, самодовольный Жаверъ, получившій приказаніе изъ Арраса арестовать Жана Вальжана, съ остервененіемъ бросился на него и потащилъ его изъ залы. Дерзкое, повелительное и въ то же время лакейское обращеніе Жавера съ почтеннымъ меромъ до того изумило и тронуло еле—дышавшую Фантину, что она не перенесла этой варварской сцены и тутъ же испустила послѣдній вздохъ. Только смерть этой несчастной женщины вывела Жана Вальжана изъ хладнокровнаго состоянія; онъ рванулся изъ рукъ шпіона, и, схвативъ отъ желѣзной кровати изголовье, посмотрѣлъ на Жавера. Тотъ отступилъ назадъ; Жанъ Вальжанъ подошелъ къ скончавшейся Фантинѣ, поцѣловалъ ея руку и простился съ ней навсегда.

Затѣмъ онъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Ночью, выломавъ оконную рѣшетку, Жанъ Вальжанъ успѣлъ убѣжать, возвратился домой, сдѣлалъ нужныя распоряженія, и отправился въ Парижъ. Этимъ эпизодомъ прерывается второй томъ романа В. Гюго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наша рецензія.

Такъ оканчивается вторая половина портрета Жана Вальжана. Пока мы не можемъ составить о немъ полнаго понятія и высказать послѣдняго слова, потому что впереди предвидится еще много новыхъ драматическихъ столкновеній, но на основаніи уже данныхъ матеріа-

ловъ читатель видитъ главный недостатокъ этого характера. В. Гюго подчинилъ его чистому фатализму католической идеи. Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ представить идеаломъ возрожденія современнаго человѣка какую-то невидимую силу, управляющую нами въ лицѣ Миріеля. Поэтъ какъ бы хочетъ сказать: все погибло въ современныхъ обществахъ, всѣ силы и средства истощены, одна надежда на спасеніе въ безграничномъ человѣколюбіи. Понимая это слово въ обширномъ и гуманномъ его значеніи, можно было бы согласиться, что это такъ. Но отвѣчаютъ ли этому условію дѣйствительные факты? Такъ ли сложилась общественная жизнь Европы, чтобы люди могли положиться на одну взаимную любовь другъ къ другу? Не видимъ ли мы напротивъ постоянной вражды въ семействѣ, въ государствѣ, въ международныхъ отношеніяхъ? Не падаютъ ли кругомъ насъ тысячи жертвъ, которыхъ рветъ и душитъ промышленный эгоизмъ, политическое честолюбіе, явный и скрытый разбой сильнаго надъ слабымъ? Гдѣ же это идеальное человѣколюбіе, на которомъ В. Гюго намѣренъ построить свой соціальный Эдемъ? Преображая своихъ героевъ въ праведниковъ, онъ дѣлаетъ ихъ автоматами. Мы не видимъ внутренняго развитія ихъ силъ, энергіи и ума; они не имѣютъ ни стремленій, ни надеждъ, а дѣйствуютъ машинально и повинуются внѣшнимъ толчкамъ. Оттого, между прочимъ, между дѣйствующими лицами нѣтъ никакой связи; они соприкасаются случайно и точно также расходятся. На сценѣ видны актеры, болѣе или менѣе интересные, но они играютъ чужія имъ роли и притомъ повторяютъ другъ друга. Жанъ Вальжанъ продолжаетъ роль Миріеля, Фантина становится на мѣсто Жана Вальжана и *le combat de générosité* доходитъ до комическаго самоотверженія. Мы опасаемся, что В. Гюго потеряется въ длинной портретной галереѣ своего романа и сведетъ идею его на самый жалкій результатъ. Это было бы тѣмъ непріятнѣе, что книга его полна великолѣпныхъ подробностей. Критикѣ не часто приходится встрѣчаться съ такими мощными произведеніями, какъ его «Злосчастные». Мы отлагаемъ оцѣнку третьяго дѣйствующаго лица, Фантины, до слѣдующей книжки, и намѣрены поговорить объ этомъ женскомъ типѣ подробно; онъ заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія, какъ со стороны рецензента, такъ и со стороны публики.

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

ХИВИНСКІЯ ДѢЛА.

1839–1842.

(*Окончаніе*).

II.

Приготовленія къ новой экспедиціи. Высылка хивинскимъ ханомъ русскихъ плѣнныхъ. Сношенія съ Хивою. Посольство Никифорова. Смерть его. Отправленіе Данилевскаго. Переговоры и смерть хивинскаго хана. Заключеніе обязательнаго акта.

Неудачный исходъ экспедиціи съ 1839 на 1840 годъ не остановилъ дальнѣйшихъ намѣреній нашего правительства, которое рѣшилось во что бы то ни стало настаивать на исполненіи задуманнаго предпріятія.

Уже въ то время, какъ отрядъ оставался на Эмбѣ въ ожиданіи весны и прибытія верблюдовъ, дѣлались новыя распоряженія для вторичнаго поиска противъ Хивы (*). Государь, прочитавъ донесеніе о возвращеніи отряда, тотчасъ же повелѣлъ приступить безотлагательно къ предварительнымъ приготовленіямъ для возобновленія экспедиціи, при первой возможности. Приготовленія эти состояли: въ сформиро-

(*) Арх. в. т. депо № 49, 862.

ваніи отряда, заготовленіи продовольствія и прочихъ запасовъ и въ пріобрѣтеніи перевозочныхъ средствъ (*).

Относительно продовольствія предписано было начальнику штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса немедленно приступить къ перепеченію изъ неприкосновенныхъ запасовъ Оренбургскаго корпуса четырехъ мѣсячной пропорціи сухарей на 10 т. человѣкъ.

Наконецъ перевозочныя средства опредѣлялись рѣшеніемъ вопроса: когда возобновить экспедицію, зимою или лѣтомъ, и какъ направить ее—сухимъ путемъ или моремъ?

Хотя Петръ 1-й за 120 лѣтъ предъ тѣмъ ходилъ по Каспійскому морю съ цѣлымъ корпусомъ, но такъ какъ способовъ къ тому въ 1840 году не имѣлось, то для собранія сколь можно болѣе положительныхъ свѣдѣній о числѣ судовъ, которыя можно пріобрѣсти въ Саратовѣ и Астрахани наймомъ, и объ удобствахъ амбаркаціи былъ посланъ контръ-адмиралъ Римскій-Корсаковъ.

Перовскому же предписано было представить подробныя соображенія по всѣмъ предметамъ о возобновленіи экспедиціи противу Хивы, причемъ ему сообщены были замѣчанія государя о невозможности предпринять эту экспедицію въ зимнее время, потому что первая неудача «извиняется незнаніемъ трудностей, повтореніе той же ошибки было бы непростительно».

Римскій Корсаковъ донесъ, что перевозка отряда отъ Саратова до Астрахани можетъ быть совершена въ 15 дней, безъ особенныхъ препятствій, посредствомъ найма вольныхъ судовъ, примѣрно за 100 руб. ассигнаціями. Но дальнѣйшая перевозка отряда къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря почти невозможна не только въ полномъ его составѣ, но и въ половинномъ, какъ по недостатку судовъ въ Астрахани, такъ и по случайностямъ сплава внизъ къ обмелѣвшимъ устьямъ Волги и затрудненіямъ, предстоящимъ къ высадкѣ войскъ у пустыннаго банка, въ совершенно открытомъ морѣ, въ разстояніи 100 верстъ отъ города.

На свободныхъ судахъ каспійской флотиліи нельзя было посадить болѣе 320 чел. Затѣмъ въ Астрахани можно еще было нанять до 70 судовъ разной величины; но до 60-ти изъ нихъ, употребляемыя для рыбной промышленности, по своей неопрятности отъ рыбьяго жи-

(*) Для сформированія новаго отряда назначены были части войскъ отъ 18 пѣхотной дивизіи, въ составѣ одной бригады и одной пѣшей батареи.

ра, вреднаго для здоровья людей, негодны къ перевозкѣ войскъ. Итакъ за исключеніемъ этихъ судовъ остается для перевозки отряда только 10 годныхъ судовъ, между тѣмъ какъ по расчету Римскаго Корсакова ихъ необходимо было 162. Еслибы даже разрѣшено было употребить суда рыбопромышленныя, то и тогда перевозка отряда не могла быть произведена иначе, какъ по частямъ, по-баталіонно или по шести ротъ, но никакъ не болѣе. Сверхъ того, при дурномъ качествѣ этихъ плоскодонныхъ судовъ, морское плаваніе на нихъ до восточныхъ береговъ Каспійскаго моря опасно и съ перемѣнными противными вѣтрами могло продлиться болѣе мѣсяца.

По отзыву Римскаго-Корсакова наемъ и приготовленіе 70 судовъ съ другими нужными расходами обошелся бы около 500 т. руб. асс. На постройку же новыхъ болѣе удобныхъ судовъ потребовалось бы выше 1 м. руб. асс., и въ этомъ случаѣ должно было бы перевести изъ балтійскаго и черноморскаго флотовъ до 20 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ.

Изъ числа пунктовъ, предназначавшихся для высадки, Красноводская коса безводна и слишкомъ отдалена отъ Астрахани и Гурьева; укрѣпленіе Ново-Александровское недоступно даже для транспортныхъ судовъ, а Сарташская пристань, на старомъ Мангишлакѣ, по мелководію и открытому своему положенію, затруднительна для десанта. Самый выгодный въ этомъ отношеніи пунктъ, по близости къ Астрахани и спокойному рейду, есть новый Мангишлакъ на мысѣ Тюкъ-Караганѣ.

Донесеніе Римскаго Корсакова было сообщено для надлежащаго соображенія Перовскому, который вслѣдъ затѣмъ представилъ подробное предположеніе о вторичномъ походѣ на Хиву.

Полагая, что рѣшительнаго вліянія на среднюю Азію невозможно достигнуть одимъ ударомъ, потому что для этого потребовались бы слишкомъ большія усилія, продолжительное время, а болѣе всего точное и подробное знаніе ближайшей къ Аральскому морю мѣстности, Перовскій ограничивалъ цѣль второй экспедиціи наказаніемъ ханства, т. е. разореніемъ городовъ, освобожденіемъ плѣнныхъ, смѣною хана и, если возможно, сборомъ значительной контрибуціи. Что же касается до упроченія нашего вліянія въ средней Азіи, то Перовскій для этого полагалъ необходимымъ занятіе и заселеніе устьевъ Сыръ-Дарьи.

Цѣль экспедиціи указывала, что она не могла имѣть вида набѣ-

га, потому что набѣгъ за 1500 верстъ чрезъ необитаемыя и безплодныя пустыни въ землю бѣдную и малоизвѣстную, окруженную кочевыми и хищными народами, есть дѣло почти невозможное или покрайней мѣрѣ подверженное величайшему сомнѣнію. Это подтверждаютъ и всѣ прежніе опыты, окончившіеся гибельно. Уральскіе казаки сдѣлали набѣгъ на Хиву съ атаманомъ своимъ Нечаемъ, во время хана Арапъ Магомеда, разорили и разграбили ханство, но на обратномъ пути были истреблены до послѣдняго. Почти та же участь постигла князя Бековича Черкаскаго. Всѣ дальнѣйшіе поиски на Усть-Уртъ и къ Аральскому морю Хивинцы считаютъ неудачными набѣгами, а послѣдній недоконченный походъ долженъ былъ еще болѣе увеличить самоувѣренность Хивинцевъ. Вотъ по какимъ причинамъ, не будучи въ возможности обезпечить себя противъ случайностей природы и стихій, Перовскій считалъ покрайней мѣрѣ необходимымъ ручаться за вѣрный успѣхъ во всякой борьбѣ съ препятствіями, которыя могли быть поставлены самымъ непріятелемъ, и доставить отряду средства дойдти до Хивы въ достаточныхъ силахъ, а тамъ дѣйствовать, не завися на первое время отъ туземныхъ способовъ.

Разсматривая эту экспедицію въ послѣднемъ отношеніи, Перовскій заключилъ, что она должна быть продолжительнымъ походомъ значительнаго отряда, обезпеченнаго продовольствіемъ и другими нужными запасами. Сообразно съ этимъ онъ представилъ слѣдующія соображенія о снаряженіи экспедиціи.

Дѣйствующій отрядъ долженъ былъ состоять изъ 4 баталіоновъ пѣхоты, 4 казачьихъ полковъ, 2500 верблюдовожатыхъ и возчиковъ изъ казачьяго войска, 1000 человѣкъ Киргиз Кайсаковъ, двѣнадцати 6 фунтовыхъ пушекъ, восьми $^1/_4$ пуд. единороговъ, восьми 10 фунтовыхъ горныхъ единороговъ, четырехъ 3 фунтовыхъ и 6 когорновыхъ мортирокъ.

Пѣхота должна была быть составлена изъ отобранныхъ по здоровью людей, а конница—изъ казаковъ и преимущественно уральскихъ, которыхъ заставляетъ предпочитать прочимъ войскамъ большой навыкъ къ степной жизни, знаніе непріятеля и необыкновенная способность къ перенесенію всѣхъ трудовъ и лишеній.

Артиллерія была назначена въ большемъ числѣ, чѣмъ это принято въ основныхъ правилахъ военнаго искусства, потому что въ ней заключается главное преимущество надъ Хивинцами. Всѣ артиллерій-

скія лошади должны были быть замѣнены степными или башкирскими, какъ исключительно способными вынести зимній степной походъ.

Заготовленія по артиллерійской, инженерной, госпитальной и медицинской частямъ предположено было сдѣлать по примѣру первой экспедиціи и сообразно величинѣ отряда.

Принявъ во вниманіе чрезмѣрные труды зимняго степнаго похода, Перовскій признавалъ необходимымъ, кромѣ пайка, выдавать людямъ ежедневно мясо, вино, а гдѣ представится возможность—довольствовать зеленью и овощами. Всѣхъ лошадей въ продолженіи осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ поддерживать постоянно овсомъ; на упряжныхъ воловъ и верблюдовъ также взять хотя небольшое количество сухаго фуража, для подкрѣпленія ихъ въ крайнихъ случаяхъ.

Продовольствіе для отряда должно было быть заготовлено:

1) На три мѣсяца пути отъ Оренбурга до Хивы.

2) На одинъ мѣсяцъ стоянки при послѣднемъ складѣ въ ожиданіи снѣга.

3) На два мѣсяца пребыванія отряда въ самомъ ханствѣ.

4) На три мѣсяца обратнаго пути.

5) Трехъ-мѣсячное продовольствіе для отряда въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи.

Главныхъ видовъ перевозки экспедиціонныхъ тяжестей представлялось три:

1) Доставка ихъ на линію.

2) Предварительный подвозъ на складочные пункты.

3) Подъемъ запасовъ съ отрядомъ.

Доставку на линію и въ первый складочный пунктъ предполагалось произвести вольнонаемными лошадьми, для перевозки же изъ перваго во вторый складочный пунктъ назначалось 6 т. башкирскихъ подводъ, а для подъема тяжестей при отрядѣ необходимо было 17 т. верблюдовъ и 6 т. воловъ.

Для покрытія всѣхъ издержекъ по снаряженію экспедиціи, а также на экстраординарные расходы, Перовскій просилъ до 2,690,000 р. серебромъ.

Разбирая путь дѣйствій, ведущій отъ предѣловъ Россіи въ ханство Хивинское чрезъ Каспійское море, Перовскій находилъ только одно Ново-Александровское укрѣпленіе, по причинѣ близости его къ Астрахани и вообще къ мѣстнымъ способамъ Оренбургскаго края, болѣе удобнымъ для склада продовольственныхъ запасовъ. Но затруднитель-

ность плаванія къ этому укрѣпленію, по мелководію и извилистому фарватеру, утесистые берега, неудобные для выгрузки, гибельная для здоровья людей мѣстность, неимѣніе корма и наконецъ дурное свойство воды и недостаточное количество ея дѣлали выборъ этого пункта совершенно невозможнымъ и заставляли предпочесть пути, ведущіе отъ Оренбургской линіи по восточной и западной сторонамъ Аральскаго моря. Разсматривая же эти пути, Перовскій опять отдавалъ преимущество тому, по которому слѣдовалъ отрядъ въ 1839 году.

Въ заключеніе Перовскій излагалъ причины, по которымъ предполагавшаяся экспедиція, сходная по цѣли, характеру и образу дѣйствія съ предъидущею, требовала однакожь гораздо болѣе средствъ и времени для снаряженія. Обстоятельство это онъ объяснялъ тѣмъ, что вторая экспедиція есть дѣло уже не новое, но повтореніе похода недавняго и притомъ неудачнаго.

Усилія, доставившія въ 1839 году возможность снарядить экспедицію въ теченіи 8 мѣсяцевъ, съ весьма ограниченными издержками, не могли быть вскорѣ повторены. Башкирское войско напримѣръ выставило тогда, для одной только перевозки тяжестей къ становищамъ, 7,500 троеконныхъ телегъ, причемъ всѣ возчики состояли на своемъ продовольствіи и безъ всякаго пособія отъ казны. Изъ этого числа подводъ слишкомъ 8 т. лошадей погибло, не достигнувъ обратно границы, а телѣгъ значительная часть была брошена и сожжена.

Изъ верблюдовъ 10,400 были взяты отъ Киргизовъ съ сѣдлами, попонами и возчиками съ платою по 10 руб. сер. за каждаго, что и превратило этотъ наемъ въ натуральную и тяжкую повинность, тѣмъ болѣе, что верблюды эти, стоившіе до 1½ м. руб. ассигн., всѣ погибли въ снѣгахъ за Эмбою.

Повтореніе подобныхъ пожертвованій, когда ни Башкиры, ни Киргизы не успѣли еще оправиться, было невозможно; а потому, при покупкѣ верблюдовъ и телѣгъ и при наймѣ лошадей, денежныя издержки предполагавшагося похода должны были неминуемо превзойти въ пять разъ расходы предшествовавшей экспедиціи.

Вторая экспедиція, не смотря на увеличеніе расходовъ, не могла быть снаряжена немедленно, по причинѣ совершенной невозможности пріобрѣсти въ скоромъ времени верблюдовъ и самою покупкою; потому что даже и удаленныя племена, не участвовавшія въ поставкѣ вьючнаго скота для первой экспедиціи, потерпѣли значительный уронъ въ немъ отъ чрезвычайно жестокой зимы. Доказательствомъ этому мо-

гло служить долгое расположеніе отряда на Эмбѣ, когда сборъ 3 т. верблюдовъ требовалъ необыкновенныхъ усилій и продолжительнаго времени.

Наконецъ измѣненія и предосторожности, внушенныя опытомъ, также не мало содѣйствовали къ увеличенію издержекъ и времени, потребныхъ для снаряженія. Въ продолженіи послѣдняго похода на Хиву, два предмета преимущественно обратили на себя вниманіе: верблюды, какъ прямая причина неудачи, и пѣхота, чрезвычайно много потерпѣвшая. Поэтому, для отвращенія въ будущемъ гибели первыхъ, слѣдовало принимать ихъ съ разборчивостію, собрать заблаговременно, предварительно выкормить ихъ и заготовить нѣсколько сухаго фуража, для поддержанія ихъ во время пути. Что же касается до пѣхоты, то ее необходимо было составить изъ людей избранныхъ по здоровому сложенію, въ особенности избѣгать такихъ, которые склонны къ скорбуту или прежде были подвержены этой болѣзни.

Государь, прочитавъ предположеніе Перовскаго и не раздѣляя мнѣнія его насчетъ представленныхъ имъ для возобновленія экспедиціи соображеній, приказалъ разсмотрѣть означенное предположеніе въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ вице-канцлера, военнаго министра и Перовскаго.

Но едва только было приступлено къ совѣщаніямъ, какъ Перовскій донесъ (*), что ханъ хивинскій, постигнувъ наконецъ вредъ, претерпѣваемый подданными его отъ непріязненныхъ сношеній съ Россіею, рѣшился выполнить долголѣтнее требованіе русскаго правительства, то есть: отпустить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, запретивъ привозъ ихъ въ Хиву и на будущее время, и чрезъ посланнаго своего ходатайствовать у государя извиненія за прежніе грабежи и разбои.

Караванъ съ плѣнными и посланцемъ былъ отправленъ прямо на Ново-Александровское укрѣпленіе. Извѣстіе объ этомъ было доставлено корнетомъ Аитовымъ, который прежде всѣхъ былъ освобожденъ ханомъ и 20 августа прибылъ въ Оренбургъ.

Корнетъ Аитовъ сообщилъ, что англійское правительство, опасаясь движенія нашихъ войскъ на Хиву, отправило къ хану для переговоровъ капитана Аббота. Однако переговоры эти произвели мало вліянія на Алла-Кула, который даже велѣлъ посланнаго убить. Гораздо сильнѣе подѣйствовалъ на хивинскаго хана неудачный походъ его отря-

(*) Донесеніе Перовскаго 31 августа 1840 г., № 814.

да, составленнаго изъ отборныхъ войскъ, подъ начальствомъ кушъ-беги. Послѣдній торжественно обѣщалъ привести всѣхъ Русскихъ связанными, а вмѣсто того возвратился, разбитый горстью нашихъ солдатъ, съ половиннымъ числомъ своихъ людей.

Послѣ этого неудачнаго похода хивинскихъ войскъ, ханъ сдѣлался сговорчивѣе и представленія Аитова о невозможности для Хивы ни противиться намъ вооруженною рукою, ни существовать безъ торговли нашей, снабжающей ханство нужнѣйшими продуктами, сильно подѣйствовали на Алла-Кула, не смотря на противорѣчія многихъ изъ его приближенныхъ.

Прибывшій въ то же время въ Хиву членъ англійскаго посольства въ Гератѣ, капитанъ Шекспиръ, убѣждалъ также хана въ необходимости примириться съ Россіею, освободивъ первоначально всѣхъ плѣнныхъ.

Ханъ совершенно согласился на эту мѣру, но мало надѣялся на дѣйствительность ея, опасаясь, что русскіе видятъ въ захватѣ плѣнныхъ только предлогъ къ завоеванію Хивы и что по возвращеніи ихъ будутъ требовать уплаты за разбитый караванъ, а потомъ пеню за смерть Бековича Черкаскаго. Въ этой мысли поддерживали хана киргизскіе султаны, братъ его и многіе изъ окружающихъ, такъ что онъ находился въ постоянномъ колебаніи и нерѣшимости. Но наконецъ Аитову удалось превозмочь всѣ затрудненія, и 16 іюля былъ объявленъ ханскій фирманъ, которымъ воспрещалось впредь подданнымъ хивинскимъ брать въ плѣнъ Русскихъ и привозить ихъ въ Хиву; а вслѣдъ затѣмъ Алла-Кулъ освободилъ рабовъ своихъ, предписавъ сдѣлать то же всѣмъ домохозяевамъ. Мѣра эта была искренняя, потому что освобожденнымъ велѣно было являться къ Аитову и сообщать ему объ утаиваемыхъ Хивинцами невольникахъ.

Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ городъ Ташъ-Гаузъ, а отводъ плѣнныхъ порученъ одному изъ довѣренныхъ лицъ хана. При прощаніи ханъ сказалъ Аитову: «я отдаю русскихъ; если отпустятъ моихъ купцовъ, то я буду исполнять все, что государь отъ меня потребуетъ».

Всѣхъ плѣнныхъ было собрано 416 человѣкъ; въ Хивѣ осталось только 15, не пожелавшихъ возвратиться на родину, да сверхъ того довольно значительное число бѣглыхъ Татаръ.

Караванъ съ плѣнными и хивинскимъ посланнымъ благополучно

прибылъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе 30-го августа, а въ Оренбургъ 18 октября.

Въ числѣ возвратившихся оказалось взятыхъ съ Каспійскаго моря 317 человѣкъ, съ Оренбургской линіи—55, попавшихъ въ Хиву чрезъ Персію—27, да кромѣ того 5 человѣкъ изъ разныхъ мѣстъ.

Доказательствомъ, что Алла-Кулъ желалъ искренно примириться съ Россіею и возвратить всѣхъ плѣнныхъ, служитъ и то обстоятельство, что отысканные у Хивинцевъ въ плѣну, послѣ отправленія главнаго каравана, еще 5 человѣкъ Русскихъ и 2 Калмыка были доставлены въ Оренбургъ въ началѣ 1841 года съ особымъ посланнымъ отъ хана.

Пользуясь благопріятнымъ оборотомъ хивинскихъ дѣлъ, рѣшено было войдти въ непосредственныя сношенія съ самимъ ханомъ. Предлогъ былъ вполнѣ хорошій: надо было изъявить Алла-Кулу удовольствіе государя за возвращеніе русскихъ плѣнныхъ, отплатить за многократные визиты въ Россію хивинскихъ посланцевъ и окончательнымъ письменнымъ актомъ опредѣлить наши отношенія къ Хивѣ.

Поэтому Перовскій, вскорѣ по высылкѣ послѣднихъ плѣнныхъ, представилъ соображеніе объ отправленіи весною 1841 года нашихъ агентовъ въ Бухару, Хиву и Коканъ. Въ Хиву былъ назначенъ генеральнаго штаба капитанъ Никифоровъ.

На посольствѣ Никифорова мы не будемъ останавливаться вовсе, потому что въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года была напечатана объ этомъ статья (*). Скажемъ только, что переговоры Никифорова не имѣли успѣха; миссія наша вернулась въ Россію безъ всякаго результата, а самъ Никифоровъ скончался на пути въ Петербургъ. Изъ бумагъ Никифорова и изъ словъ отправленныхъ вмѣстѣ съ нимъ посланцовъ все-таки было видно желаніе хана сблизиться съ Россіею. Поэтому для приведенія по возможности къ удовлетворительному результату начатыхъ переговоровъ рѣшено было послать, состоявшаго въ то время для особыхъ порученій при Перовскомъ, подполковника Данилевскаго. Самая же миссія была составлена изъ переводчика, натуралиста, двухъ топографовъ, двадцати казаковъ и десяти Киргизъ. (**)

Эта миссія выступила изъ Оренбурга 1-го августа 1842 года. Слѣдуя чрезъ р. Эмбу и Усть-Уртъ, по направленію западнаго бере-

---

(*) Военный Сборникъ, № 11.
(**) Арх. Д. Г. Ш. 1842 г., № 42.

га Аральскаго моря, 12 сентября спустилась съ этой плоской возвышенности и послѣ 13 дневнаго похода чрезъ степи вступила въ предѣлы осѣдлой части ханства.

Почетный чиновникъ, въ сопровожденіи 300 всадниковъ, высланныхъ Алла-Куломъ, встрѣтилъ миссію на самыхъ предѣлахъ ханства и сопровождалъ ея слѣдованіе, производя все время ружейную пальбу, въ изъявленіе удовольствія своего Государя. Начиная отъ Ургенга до г. Ташгауза, ханскіе дома служили для миссіи ночлегами и находившіеся при ней хивинскіе чиновники доставляли ежедневно, по приказанію хана, продовольственные запасы, состоявшіе изъ барановъ, сарачинскаго пшена и джугары. Въ г. Ташгаузѣ миссія должна была пріостановиться, по приглашенію хана, находившагося въ то время въ войнѣ съ Бухарою. Агентъ въ отвѣтъ на посланное имъ къ мяхтеру письмо получилъ отъ послѣдняго письменное извиненіе въ этой отсрочкѣ съ приглашеніемъ уважить причины, которыя вынуждаютъ хана отложить съ нимъ свиданіе.

17-го октября миссія выступила изъ Ташгауза въ Хиву по приглашенію хана, переданному начальнику миссіи, нарочно для этого присланнымъ чиновникомъ, который, сверхъ того, имѣлъ приказаніе предложить агенту нашему выбрать изъ двухъ домовъ, назначенныхъ для его помѣщенія въ Хивѣ, тотъ, который будетъ ему болѣе нравиться (*).

19-го числа, не доходя нѣсколько верстъ до Хивы, миссія была встрѣчена выѣхавшими чиновниками, которые проводили ее чрезъ городъ къ приготовленному для нея загородному дому. На другой день агентъ былъ посѣщенъ почетнымъ чиновникомъ, присланнымъ отъ Алла-Кула съ границъ Бухаріи, гдѣ въ то время ханъ еще находился съ своимъ войскомъ.

29-го октября передъ вечеромъ Алла-Кулъ возвратился въ Хиву и на другой день прислалъ поздравить начальника миссіи съ его пріѣздомъ въ ханство, освѣдомиться о его здоровьи и сказать, что онъ, будучи боленъ и утомленъ дорогою не можетъ еще пригласить его къ себѣ. Агентъ, поручивъ благодарить хана за его къ нему вниманіе, далъ замѣтить чиновнику, на котораго было возложено это порученіе, что онъ надѣялся имѣть честь видѣть его высокосте-

(*) Одинъ находился въ городѣ, другой за городомъ; начальникъ миссіи избралъ послѣдній, считающійся лучшимъ изъ всѣхъ ханскихъ домовъ.

пенство въ тотъ же день; и слѣдствіемъ этого отвѣта было немедленное приглашеніе начальника миссіи къ Алла-Кулу.

Послѣ обычныхъ и обоюдныхъ привѣтствій, Данилевскій вручилъ хану чрезъ посредство мяхтера грамоту, а потомъ письмо нашего вице-канцлера и подарки, которые были приняты съ очевиднымъ удовольствіемъ, въ особенности же коляска. Потомъ въ общихъ выраженіяхъ агентъ объяснилъ хану причины своего прибытія, и, ссылаясь на нездоровье и усталость его высокостепенства, уклонился, не смотря на настоянія Алла-Кула, отъ подробнѣйшихъ объясненій насчетъ своего порученія. Пріемъ хана былъ чрезвычайно ласковый, и онъ заключилъ аудіенцію, прося Данилевскаго назначать на будущее время, по своему произволу, дни, въ которые онъ пожелаетъ съ нимъ видѣться, предварительно увѣдомляя его о томъ черезъ мяхтера.

Слѣдующіе дни были употреблены на знакомство съ главными ханскими сановниками: мяхтеромъ, кушъ-бегіемъ и диванъ-бегіемъ и на передачу назначенныхъ имъ подарковъ; къ другимъ же, менѣе значительнымъ лицамъ, агентъ разослалъ отъ себя нѣкоторые подарки. По размѣнѣ посѣщеній, Данилевскій пригласилъ къ себѣ на обѣдъ названныхъ сановниковъ и нѣсколько другихъ важныхъ лицъ, которые, испросивши на то позволеніе хана, пріѣхали къ нему (за исключеніемъ кушъ-бегія) въ назначенный день и очевидно остались довольны гостепріимствомъ хозяина.

Болѣзнь Алла-Кула-хана отсрочила второе свиданіе агента до 10 ноября. Въ этотъ день онъ былъ принятъ его высокостепенствомъ, вечеромъ, и конференція продолжалась, не смотря на нездоровье хана, около четырехъ часовъ. Агентъ началъ съ того, что объяснилъ удивленіе, которое наше правительство должно было почувствовать, когда узнало, что переговоры, веденные капитаномъ Никифоровымъ и основанные на самыхъ умѣренныхъ и справедливыхъ требованіяхъ Россіи остались незаключенными; тѣмъ болѣе, что смерть капитана Никифорова лишила наше правительство возможности узнать настоящія причины этого обстоятельства; но что между тѣмъ государь, услышавъ отъ хивинскихъ посланцевъ Віязъ-Ніязбая и Ишбай-Бабаева повторительныя удостовѣренія его высокостепенства соблюдать въ отношеніи къ Россіи доброе сосѣдство и согласіе, по неизрѣченной милости своей, соизволилъ, вслѣдствіе этихъ удостовѣреній, повелѣть агенту отправиться въ Хиву для окончанія начатыхъ переговоровъ и что нынѣ зависитъ отъ самого хана доказать искренность его намѣреній,

ведя эти переговоры безъ проволочекъ и съ чистосердечіемъ. За этимъ вступленіемъ приступлено было къ изложенію и отдѣльному обсужденію всѣхъ пунктовъ обязательнаго акта. Главнѣйшія возраженія хана состояли: во-первыхъ въ томъ, чтобъ къ каждому пункту было прибавлено, что и Россія съ своей стороны обязывается на тѣ же самыя условія, которыя въ немъ заключались, и во-вторыхъ, въ домогательствѣ, чтобъ пошлина была взимаема въ Россіи съ хивинскихъ торговцевъ по 5% съ цѣнности товаровъ, какъ и въ Хивѣ съ русскихъ купцовъ. Данилевскій, чтобъ доказать хивинскому владѣльцу неосновательность его притязаній, изложилъ очеркъ предшествовавшихъ настоящему времени великодушныхъ дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Хивѣ и вѣроломныхъ поступковъ послѣдней, и, казалось, убѣдилъ хана, который послѣ нѣкотораго размышленія отвѣчалъ: «я сказалъ уже, что желаю быть въ дружбѣ съ Россіей и докажу это, а потому соглашаюсь на ваши слова». Возраженія хана касательно пошлины были продолжительны и упорны, однако, выслушавъ всѣ доводы агента, клонящіеся къ тому, чтобъ доказать невозможность и неумѣстность этого домогательства, ханъ отвѣчалъ, что, соглашаясь съ агентомъ во многомъ, онъ желаетъ отсрочить до другаго разу разсмотрѣніе этой статьи. На это Данилевскій отвѣчалъ, что отсрочка не измѣнитъ ни одного слова изъ того, что было уже сказано. Тогда Алла-Кулъ присовокупилъ: «хорошо, я не буду брать съ вашихъ товаровъ бо́льшей пошлины, какъ по 5%, но пусть же россійскій императоръ узнаетъ о ходатайствѣ моемъ насчетъ моихъ купцовъ». Начальникъ миссіи замѣтивъ, что ханъ, чувствовалъ себя нездоровымъ, откланялся, сказавъ, что на слѣдующій разъ онъ принесетъ письменное изложеніе разсмотрѣнныхъ въ тотъ день статей акта.

При этой конференціи присутствовали мяхтеръ и ходжашъ-мехремъ; но ни одинъ изъ нихъ не вмѣшивался въ преніе, и говорили они только тогда, когда ханъ обращался къ нимъ съ какимъ либо вопросомъ. Вообще всѣ замѣчанія и отвѣты Алла-Кула показывали самобытность въ мнѣніяхъ, смѣтливость соображенія и весьма много здраваго смысла; желаніе же пріобрѣсти пріязнь Россіи просвѣчивалось даже и въ самыхъ возраженіяхъ. Его осанка, звукъ голоса и хладнокровіе, съ которымъ онъ велъ переговоры, не лишены были нѣкотораго достоинства и даже привлекательности. Все это вмѣстѣ подавало поводъ агенту надѣяться, что онъ успѣетъ вразумить хана во многомъ и за-

ключить съ нимъ на самыхъ прочныхъ условіяхъ переговоры касательно будущихъ миролюбивыхъ сношеній Россіи съ Хивою. Но къ сожалѣнію это свиданіе было послѣднее. Алла-Кула-ханъ послѣ двѣнадцати-дневной тяжкой болѣзни умеръ 23-го ноября. Сынъ его Рахимъ-Кули-Инахъ наслѣдовалъ ему на третій день, т, е. 25 ноября.

Уважая первыя минуты горести сына и первыя правительственныя заботы новаго владѣльца, агентъ далъ пройдти нѣсколько дней безъ всякихъ сношеній съ Рахимъ-Кули-ханомъ; потомъ, узнавъ, что всѣ похоронные обряды были совершены, поручилъ мяхтеру доложить Рахимъ-Кули о желаніи его съ нимъ видѣться и въ отвѣтъ получилъ приглашеніе на слѣдующій день.

При первомъ свиданіи съ Рахимъ-Кули-ханомъ, Данилевскій изложилъ ему цѣль возложеннаго на него порученія къ покойному отцу его и присовокупилъ, что онъ почелъ обязанностію сдѣлать ему извѣстными всѣ подробности его миссіи, дабы ханъ могъ удостовѣриться, сколько для него предстоитъ очевидныхъ выгодъ, чтобъ при самомъ вступленіи на ханство, пріобрѣсть расположеніе русскаго правительства. Рахимъ-Кули отвѣчалъ, что онъ понимаетъ цѣну благосклонности россійскаго императора и поспѣшитъ продолженіемъ прерванныхъ кончиною его отца переговоровъ; а затѣмъ просилъ агента изложить требованія Россіи, предваривши, что онъ уже назначилъ комитетъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, составленный изъ мяхтера, диванъ-бегія, ходжашъ-мяхрема и бывшихъ при нашемъ дворѣ двухъ посланцевъ для обсужденій статей обязательнаго акта.

Прежде чѣмъ предложить описаніе хода переговоровъ, необходимо бросить взглядъ на царствованіе Алла-Кула и на современное политическое положеніе ханства, чтобы опредѣлить то непосредственное вліяніе, которое оно должно было необходимо имѣть и на самые переговоры.

Алла-Кулъ царствовалъ 18 лѣтъ. Не имѣя причинъ опасаться мятежныхъ Узбековъ, смирившихся навсегда подъ желѣзною рукою предмѣстника и отца его, Мохамедъ Рахима, онъ обратилъ всю свою заботливость на увеличеніе скуднаго народонаселенія осѣдлой части своихъ владѣній и хищническимъ способомъ внезапныхъ нападеній на сосѣдей приводилъ урывками въ исполненіе политику, которой постоянно держался и предмѣстникъ его. Водвореніе въ предѣлы ханства нѣсколькихъ тысячъ Персіянъ, такого же числа Ямшидовъ и Бухарцевъ,

упроченіе власти надъ завоеваніями Махомедъ-Рахима (*) и нѣкоторое развитіе земледѣльческой дѣятельности въ ханствѣ были главными результатами управленія Алла-Кула. Послѣдній набѣгъ его былъ сдѣланъ на Бухару въ концѣ 1842 года и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Однако ханъ возвратился въ Хиву не веселымъ побѣдителемъ, а озабоченный опасеніями возмездія со стороны Эмира-Насыръ-Улы и угрозами персидскаго правительства, требовавшаго выдачи своихъ подданныхъ. Казалось, что ханъ, одаренный отъ природы смѣтливымъ умомъ, начиналъ подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ вразумляться въ шаткости своего политическаго положенія и понимать необходимость дружескаго расположенія Россіи. Но смерть поразила его неожиданно и не дала времени завѣщать сыну и наслѣднику своему этотъ новый образъ дѣйствій. Между тѣмъ обстоятельства нѣсколько измѣнились: бухарскій Эмиръ, послѣ многихъ неудачъ, испытанныхъ въ Коканіи, возвратился въ свои владѣнія обезсиленнымъ и поспѣшилъ отправить къ хивинскому владѣльцу посланца не съ угрозами, а съ сговорчивыми и миролюбивыми предложеніями; съ другой стороны, острастки персидскаго правительства не осуществлялись, не смотря на то, что срокъ, назначенный имъ для выдачи плѣнныхъ Персіянъ, давно уже миновалъ. Этотъ благопріятный для Хивы оборотъ обстоятельствъ встрѣтилъ новаго и неопытнаго владѣльца при вступленіи его на ханство и неизбѣжно долженъ былъ поселить въ немъ ложное понятіе о его силѣ и самоувѣренность, которыя не всегда дозволяли ему вразумляться доводами и внушеніями о настоящихъ своихъ выгодахъ.

Чтобы понятны были переговоры и возраженія хивинскаго хана, мы приводимъ текстъ обязательнаго акта, составленнаго Данилевскимъ и утвержденнаго подписями съ обѣихъ сторонъ 27 декабря 1842 года.

«Во Имя Всемогущаго и Милосердаго Бога».

«Отъ владѣтельнаго Хорезмскаго Шаха Высокостепеннаго Рахимъ-Кули-Хана данъ настоящій актъ въ тотъ, что имѣя искреннее желаніе пребывать въ постоянномъ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ пресвѣтлою и могущественною россійскою имперіею, упрочивать пріязненныя съ нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивыхъ и

(*) Махомедъ-Рахимъ-ханъ присоединилъ силою оружія Мерву и Саракcъ къ хивинскому ханству и тѣ племена Туркменъ, которыя кочуютъ на ихъ обширныхъ равнинахъ на западѣ.

добрыхъ сосѣдей, мы обязуемся за себя самихъ, за нашихъ преемниковъ и потомковъ и за всѣ подвластныя намъ племена:

1) «Отнынѣ впредь не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

2) «Не производить и не потворствовать грабежамъ, разбоямъ и захватамъ ни въ степи, ни на Каспійскомъ морѣ; и въ случаѣ если бы таковые грабежи произведены были подвластными Хивѣ племенами, то предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности.

3) «Не держать въ неволѣ русскихъ плѣнныхъ и отвѣтствовать за личную безопасность и за сохранность имущества всякаго россійскаго подданнаго, могущаго быть въ хивинскихъ владѣніяхъ.

4) «Въ случаѣ смерти въ хивинскихъ владѣніяхъ россійскаго подданнаго отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ него имущество россійскому пограничному начальству для передачи его наслѣдникамъ.

5) «Не допускать бѣглецамъ и мятежникамъ изъ россійскихъ подданныхъ укрываться въ хивинскихъ владѣніяхъ, но выдавать ихъ россійскому пограничному начальству.

6) «Съ товаровъ, привозимыхъ россійскими купцами въ хивинскія владѣнія, взимать пошлину единожды въ теченіи одного года и не свыше пяти процентовъ съ дѣйствительной цѣны оныхъ.

7) «Съ товаровъ, принадлежащихъ россійскимъ купцамъ и отправляемыхъ въ Бухару или другія азіятскія владѣнія чрезъ рѣку Сыръ или съ привозимыхъ симъ путемъ обратно никакихъ пошлинъ не брать.

8) «Не дѣлать никакихъ препятствій торговымъ караванамъ азіятскихъ владѣній, идущимъ въ россійскую имперію чрезъ предѣлы ханства, взимая однако съ нихъ по закону закятъ.

9) «Поступать вообще во всѣхъ случаяхъ, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ и искреннимъ пріятелямъ, дабы болѣе и болѣе упрочить дружественныя связи съ могущественною россійскою имперіею.

«Во удостовѣреніе чего мы утвердили сей актъ нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной россійской имперіи, высокородному подполковнику Данилевскому. Данъ въ 1258 году въ мѣсяцѣ Мухарремъ».

Надпись на копіи съ обязательнаго акта, даннаго хивинскимъ владѣльцемъ.

«Получивъ, для доставленія Его Императорскому Величеству Великому Императору и Самодержцу Всероссійскому, вышеозначенный актъ отъ высокостепеннаго владѣтеля хивинскаго Рахимъ-Кули-хана, я, на основаніи даннаго мнѣ уполномочія, удостовѣряю симъ, что во взаимство постановленныхъ въ томъ актѣ условій, могущественная россійская держава:

1) «Предаетъ совершенному забвенію прежнія непріязненныя противъ нея дѣйствія хивинскихъ владѣтелей.

2) «Отказывается отъ требованія уплаты за разграбленные до сего времени караваны.

3) «Обѣщаетъ совершенную безопасность и законное покровительство пріѣзжающимъ въ Россію хивинскимъ подданнымъ

и 4) «Предоставляетъ въ своихъ владѣніяхъ хивинскимъ торговцамъ всѣ преимущества, коими пользуются купцы другихъ азіятскихъ владѣній.

«Таковое дѣлаемое мною удостовѣреніе подтверждено будетъ письменно доблестнымъ и высокомощнымъ россійскимъ государственнымъ вице-канцлеромъ, отъ Высочайшаго Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго. Точное же соблюденіе со стороны высокостепенныхъ хивинскихъ владѣтелей постановленныхъ въ вышепрописанномъ актѣ условій будетъ обезпечено личностью и собственностью хивинскихъ подданныхъ, могущихъ находиться въ россійской имперіи. Данъ въ г. Хивѣ. Декабря 27 дня 1842 года».

Россійскій императорскій агентъ, подполковникъ Данилевскій.

Переговоры по статьямъ этого акта продолжались непрерывно со дня перваго свиданія агента съ ханомъ до 27-го декабря. Излагать во всей подробности ходъ этихъ переговоровъ было бы излишнимъ; но, чтобъ показать общій смыслъ возраженій хивинскаго правительства, достаточно сказать, что они заключались въ слѣдующемъ.

По первымъ четыремъ статьямъ ханъ и совѣтъ его домогались, чтобъ въ этихъ пунктахъ было оговорено, что и Россія съ своей стороны обязывается на тѣ же условія.

Агентъ въ опроверженіе этого домогательства повторилъ то же, что было имъ уже сказано по этому случаю покойному Алла-Кулу.

Относительно 5 статьи изъявлена была недовѣрчивость на счетъ настоящаго смысла ея. Совѣтъ полагалъ, что въ ней заключается какой нибудь посторонній смыслъ.

Агентъ представилъ, что русское правительство не имѣетъ надобности прибѣгать и никогда не прибѣгаетъ къ подобнымъ ничтожнымъ уловкамъ и что каждый пунктъ акта содержитъ въ себѣ именно тотъ смыслъ, который выражается его словами.

По 6 статьѣ ханъ домогался, чтобы съ хивинскихъ товаровъ была взимаема въ Россіи та же самая пошлина, которую наше правительство требовало установить въ Хивѣ, т. е. по 5% съ цѣнности товаровъ.

Въ отвѣтъ на это Данилевскій описалъ всѣ выгоды, происходящія для Хивы отъ торговыхъ сношеній съ Россіей, всѣ бѣдствія, которыя ожидаютъ се отъ прекращенія этой торговли и представилъ въ доказательство примѣръ тѣхъ годовъ, въ которые Хива по вѣроломству своему лишена была этихъ выгодъ; потомъ объяснилъ, что законъ о пошлинѣ въ Россіи относится до всѣхъ азіятскихъ торговцевъ вообще и не можетъ быть измѣненъ безъ особыхъ уваженій, и что наконецъ въ сложности пошлина, собираемая съ хивинскихъ товаровъ въ Россіи, не многимъ превышаетъ ту, которую Россія требуетъ постановить въ Хивѣ для своихъ товаровъ; ибо по нашему тарифу ввозъ монеты дозволяется безъ пошлинъ, а на драгоцѣнные каменья, москотильные товары и лекарственныя вещества берется только по 2 к. съ рубля.

7-я статья возбудила всю недовѣрчивость хана и его сановниковъ. Согласившись, послѣ многихъ возраженій, не брать никакой пошлины съ русскихъ товаровъ, отправляемыхъ чрезъ р. Сыръ въ другія азіятскія владѣнія, но подозрѣвая, что настоящій смыслъ статьи состоитъ въ томъ, чтобы отнять у хана право собирать зякатъ съ Киргизъ, кочующихъ по Сыръ Дарьѣ (*), они упорно и въ продолженіи многихъ конференцій требовали, чтобъ вмѣсто словъ «чрезъ р. Сыръ» было написано «черезъ кочевыя племена, подвластныя хивинскому правительству».

Нашъ агентъ на это отвѣчалъ, что 7-я статья акта относится собственно до пошлины съ русскихъ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Сыръ Дарью и не можетъ быть изложена иначе. Потомъ онъ объяснилъ хану самымъ вразумительнымъ и откровеннымъ образомъ, что

(*) Хивинцы называютъ пошлину зякатомъ, и это слово еще болѣе вводило ихъ въ недоумѣніе.

Киргизъ, подвластныхъ хивинскому правительству, нѣтъ; что со времень Абулхаиръ-хана (*) Киргизы присягнули на подданство Россіи, и поэтому не могутъ быть иначе признаваемы, какъ подданными россійской имперіи. Если же нѣкоторые изъ нихъ платятъ зякятъ сосѣднимъ къ мѣстамъ ихъ кочевьевъ азіятскимъ владѣльцамъ, то допущеніе такого порядка есть ничто иное, какъ слѣдствіе милостиваго снисхожденія Россіи и нисколько не нарушаетъ правъ ея надъ тѣми Киргизами, что и нынѣ въ уваженіе пріязненныхъ сношеній съ Хивою его величество не лишаетъ хана выгодъ отъ сбора зякята съ Киргизъ, кочующихъ на Сыръ Дарьѣ; но въ то же время надѣется, что его высокостепенство пойметъ, что слишкомъ дальнее распространеніе своего вліянія въ степь было бы несообразно съ изъявленіями, сдѣланными его отцомъ, хранить доброе сосѣдство къ Россіи и, слѣдовательно, вынудило бы насъ принять строгія мѣры къ огражденію нашихъ подданныхъ отъ насилія сосѣдей.

8-я статя оспаривалась долго самимъ ханомъ, который представлялъ Данилевскому, что, находясь въ войнѣ съ Бухарою, онъ долженъ имѣть право вредить ей всѣми средствами и слѣдовательно препятствовать и ея торговлѣ.

Агентъ въ опроверженіе возраженій хана отвѣчалъ, что сказанное его высокостепенствомъ могло бы быть до нѣкоторой степени справедливо, еслибы препятствіе, дѣлаемое бухарскимъ торговымъ караванамъ, не наносило въ то же самое время вредъ россійской торговлѣ; а что допущеніе подобнаго порядка дѣлъ не соотвѣтствовало бы пріязненнымъ отношеніямъ Хивы къ Россіи, и къ тому же, добавилъ Данилевскій, что ханъ ведетъ войну съ бухарскимъ эмиромъ, а не съ миролюбивыми купцами, которыхъ проѣздъ чрезъ Сыръ Дарью не только не наноситъ ему вреда, а напротивъ обогащаетъ его казну законнымъ сборомъ зякята.

Сверхъ означенныхъ пунктовъ обязательнаго акта, агентъ силился вразумить хана о выгодахъ, сопряженныхъ для его высокостепенства въ освобожденіи нѣкотораго числа персидскихъ невольниковъ. (**) Первые по этому предмету переговоры обѣщали полный успѣхъ, потому что ханъ съ убѣжденіемъ слушалъ всегда доводы русскаго агента; но впослѣдствіи онъ отказался отъ этого, по внушеніямъ своихъ сановни-

(*) Въ 1732 году.
(**) Агентъ ходатайствовалъ объ освобожденіи 1500 семействъ.

ковъ и въ особенности мяхтера, которыхъ эта уступка хана ввела бы въ значительный убытокъ, лишая ихъ большаго числа рабовъ, употребляемыхъ ими на разработку ихъ земель. Поэтому ханъ согласился только на освобожденіе находящагося у него около двухъ лѣтъ въ плѣну родственника мешедскаго правителя, Махамедъ-вали-хана, утверждая, что возвращеніе его будетъ имѣть въ глазахъ персидскаго правительства болѣе цѣны, чѣмъ освобожденіе 5 т. человѣкъ.

Конференціи по всѣмъ этимъ предметамъ происходили отъ 4—6 разъ въ недѣлю, продолжались вообще по нѣсколько часовъ сряду и пренія не разъ принимали видъ самаго жаркаго спора, не выходя однако никогда изъ предѣловъ приличія. Нерѣдко случалось, что послѣ длиннаго засѣданія ханъ и всѣ члены совѣта, убѣждаясь доводами агента, увѣряли его въ совершенномъ согласіи на всѣ его требованія и, слѣдственно, въ окончательномъ рѣшеніи дѣла; а между тѣмъ на другой день возникали новыя сомнѣнія, раждались новые споры и проволочки и снова нужно было бороться противъ невѣжественной подозрительности Хивинцевъ. Обязательный актъ былъ переписываемъ послѣ всякаго засѣданія и покрайней мѣрѣ до 20-ти разъ, и только 20-го декабря былъ скрѣпленъ ханскою печатью въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ предложенъ былъ съ самаго начала переговоровъ. Обмѣнъ дипломатическихъ документовъ хана съ агентомъ произошелъ вечеромъ сказаннаго числа въ присутствіи всѣхъ членовъ ханскаго совѣта и ханскаго дяди Рахманъ-Берды-Бія. Относительно же представленій агента, чтобъ Рахимъ-Кули воздержался отъ слишкомъ дальняго распространенія своего вліянія въ степь, ханъ отвѣчалъ всегда, «что онъ будетъ поступать такъ, чтобъ не навлечь на себя неудовольствія нашего правительства».

Рахимъ-Кули-ханъ былъ постоянно внимателенъ къ Данилевскому, въ особенности же во время послѣднихъ конференцій, приглашая его всякій разъ садиться немедленно по пріѣздѣ къ нему; молва объ этомъ отступленіи отъ принятаго обычая, строго не дозволяющаго никому кромѣ близкихъ родственниковъ хана сидѣть въ его присутствіи, распространилась весьма скоро по цѣлому городу и произвела сильное и между тѣмъ одобрительное для хана впечатлѣніе, въ особенности въ торговомъ сословіи. За исключеніемъ мяхтера, обоюдныя отношенія агента съ главными лицами ханскаго совѣта были вообще дружелюбны, съ мяхтеромъ же иногда охлаждались; но въ послѣдствіи, и

въ особенности подъ конецъ переговоровъ, возстановились опять на довольно пріязненную ногу.

Въ срединѣ декабря мѣсяца агентъ, видя безпрестанныя проволочки и вкрадывающееся охлажденіе между имъ и мяхтеромъ, и желая, для пользъ своего порученія, возбудить прежнюю дѣятельность переговоровъ, отнесся къ хану, во время одного съ нимъ свиданія, съ просьбою позволить всѣмъ его сановникамъ пріѣхать къ нему въ назначенный имъ день на вечерній столъ и фейерверкъ. (*) Предлогомъ своего приглашенія Данилевскій выставлялъ что подобный зовъ сдѣланъ былъ имъ еще при Алла-Кули-ханѣ, и что для этого угощенія назначено уже было 6 декабря, день тезоименитства государя, но что кончина Алла-Кула воспрепятствовала привести это въ исполненіе. Не желая уѣхать изъ Хивы и оставаться въ долгу у сановниковъ хана, онъ возобновляетъ это приглашеніе теперь. Получивъ согласіе хана, агентъ назвалъ поименно всѣхъ тѣхъ, которыхъ хотѣлъ пригласить, присовокупивъ, что кушъ-бегія не приглашаетъ потому, что тотъ не догадался личнымъ посѣщеніемъ своимъ отплатить за честь, которая была ему сдѣлана самимъ агентомъ, пріѣхавшимъ съ первымъ визитомъ. Это было сказано въ присутствіи кушъ-бегія, который на вопросъ хана: «почему онъ не былъ у агента» смѣшался и отвѣчалъ что-то невнятное.

Въ назначенный день всѣ приглашенные Данилевскимъ сановники пріѣхали съ своими свитами (**) въ занимаемый имъ домъ. Внутреннее и наружное освѣщеніе дома, въ особенности фейерверкъ, изумили до чрезвычайности всѣхъ гостей, которые послѣ ужина и полученія подарковъ, состоящихъ изъ сукна и головъ сахару (***) уѣхали съ выраженіями благодарности къ гостепріимству хозяина. Съ этого времени начался, по приказанію хана, цѣлый рядъ званныхъ обѣдовъ въ честь нашего агента и послѣ каждаго изъ нихъ, по уходѣ

(*) Ни одинъ изъ главныхъ сановниковъ не посѣщалъ агента, не испросивъ предварительно на то согласія хана.

(**) Всѣхъ было болѣе 200 человѣкъ; одни только сановники были угощаемы въ главной комнатѣ, прочіе же чиновники, состоявшіе въ ихъ свитѣ, размѣщены въ смѣжныхъ отдѣлахъ дома и угощались подъ надзоромъ чиновниковъ миссіи.

(***) Обычай хивинскій требуетъ, чтобъ послѣ обѣда поставлено было предъ каждымъ почетнымъ гостемъ по нѣсколько головъ сахару, смотря по его значенію.

гостей, не принадлежавшихъ къ членамъ комитета, начинались дипломатическіе переговоры.

За день до заключенія переговоровъ и обмѣна дипломатическихъ документовъ Данилевскій былъ приглашенъ къ мяхтеру для прочтенія переписаннаго на-бѣло акта, но еще не скрѣпленнаго ханскою печатью. Услышавши отъ нашего посланника, что редакція акта сообразна съ его требованіями, мяхтеръ поднесъ ему отъ имени хана денежный подарокъ для него и прочихъ лицъ миссіи. Агентъ, не принявши подарка, просилъ мяхтера доложить хану, что онъ вполнѣ цѣнитъ гостепріимное его съ нимъ обращеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ позволенія отказаться за себя и своихъ подчиненныхъ отъ этого подарка. Мяхтеръ объяснилъ агенту, что онъ не можетъ доложить объ этомъ хану, ибо его высокостепенство принялъ бы этотъ отказъ за обидное нарушеніе правилъ азіятской учтивости. Агентъ на это отвѣчалъ, что онъ весьма далекъ отъ того, чтобъ сдѣлать неудовольствіе хану, но все же не приметъ подарка прежде чѣмъ скрѣпленіемъ акта ханскою печатью убѣдится, что его высокостепенство дѣйствительно желаетъ пребывать въ пріязненныхъ сношеніяхъ съ Россіей.

Издержки хивинскаго правительства на содержаніе нашей миссіи были слѣдующія:

Кормовыхъ съ 14 октября по 28 декабря по 44 аббаза (*) въ день . . . . 3300 руб. асс.

На наемъ верблюдовъ 50 тилль (**) или . . . 750 — —

Денежный подарокъ начальнику миссіи въ 300 тилль . . . . 4500 — —

Денежные подарки по 50 тилль переводчику и натуралисту и 150 тилль на раздачу по усмотрѣнію агента прочимъ лицамъ миссіи . . . . 3750 — —

Всего . . . . 12,300 руб. асс.

Подарки вещами, состоя изъ мишурныхъ халатовъ всѣмъ лицамъ миссіи и трехъ шашекъ: агенту, переводчику и натуралисту, не могли быть оцѣнены на деньги по неизвѣстности ихъ стоимости; притомъ же эти предметы составляютъ незначительную сумму.

30 октября агентъ получилъ съ нарочнымъ шифрованную депе-

(*) Одинъ аббазъ—1 руб. ассигнац.
(**) Тилля 15 руб. ассигнац.

шу отъ 14 сентября 1842 года изъ Тегерана, въ которой гр. Медемъ извѣщалъ его, что персидское правительство продолжаетъ снаряжать отрядъ для войны съ Хивою и въ скоромъ времени полагаетъ его направить изъ Мешеда вмѣстѣ съ частью гератскаго войска на Мерву; но что по настоянію гр. Медема персидскій шахъ обѣщался повременить выступленіемъ войска до полученія извѣстій о результатѣ переговоровъ агента нашего съ хивинскимъ ханомъ касательно освобожденія нѣкотораго числа Персіянъ. Агентъ, продержавши нарочнаго до 14 декабря, отправилъ его обратно къ гр. Медему съ шифрованнымъ отвѣтомъ, что хивинскій ханъ согласился на освобожденіе одного только Махомедъ-валихана, родственника мешедскаго правителя; насчетъ же прочихъ Персіянъ отсрочилъ окончательное по этому дѣлу рѣшеніе до возвращенія въ Хиву посланца, котораго онъ намѣревался отправить къ русскому двору вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ.

По заключеніи переговоровъ назначенъ былъ немедленно посланцемъ къ нашему двору Махомедъ-Эминъ, сановникъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и довѣренностью хана. Выборъ этотъ былъ удаченъ, потому что палъ на человѣка, который съ здравымъ разсудкомъ и природнымъ умомъ соединялъ сильное желаніе видѣть Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чуждъ той жалкой хвастливости, которая характезируетъ всѣхъ Хивинцевъ вообще. По распоряженію хана посланецъ Махомедъ-Эминъ долженъ былъ сопровождать въ Россію Данилевскаго.

Прощальная аудіенція агента у хивинскаго владѣльца происходила 30 декабря вечеромъ. Въ продолженіи ея ханъ долго уговаривалъ Данилевскаго остаться въ Хивѣ до весны, а потомъ упрашивалъ его выбрать возвратный путь въ Россію чрезъ г. Ташгаузъ и Куня-Ургенчь. Послѣ долгихъ убѣжденій, согласился наконецъ не препятствовать агенту нашему идти на Кунградъ, когда тотъ объявилъ ему, что въ такомъ только случаѣ откажется отъ этого намѣренія, когда услышитъ отъ хана, что его высокостепенство имѣетъ особенныя причины не желать, чтобъ агентъ русскій видѣлъ сѣверную часть его владѣній.

Затѣмъ Рахимъ-Кули просилъ Данилевскаго довести до высочайшаго свѣдѣнія его глубокую признательность за милостивое вниманіе, оказанное въ Россіи ханскому посланцу Сеидъ-Кутубъ-Эдину при проѣздѣ этого послѣдняго изъ Константинополя въ Одессу.

Остальное время аудіенціи ханъ распрашивалъ агента съ внима-

тельнымъ любопытствомъ о членахъ нашей императорской фамиліи и потомъ о нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, преимущественно объ Англичанахъ, изъявляя въ откровенныхъ выраженіяхъ свою къ нимъ недовѣрчивость.

Въ заключеніе разговора ханъ спросилъ агента: «не соизволитъ-ли нашъ государь повелѣть, чтобъ Ново-Александровское укрѣпленіе было упразднено, въ уваженіе установившихся миролюбивыхъ сношеній между Россійской имперіею и Хивою? Агентъ объяснилъ Рахимъ-Кули, что не имѣя никакихъ повелѣній, касающихся до сего предмета, не можетъ дать хану отвѣта, но считаетъ нужнымъ прибавить, что его высокостепенство не долженъ имѣть причинъ опасаться Ново-Александровскаго укрѣпленія, пока не перестанетъ слѣдовать принятому имъ намѣренію хранить доброе и пріязненное сосѣдство къ Россіи.

31 декабря русская миссія, послѣ трехъ съ половиною мѣсяцевъ пребыванія въ ханствѣ и пяти мѣсяцевъ со дня выступленія изъ Россіи, выступила изъ Хивы.

Направясь на Кунградъ и обозрѣвъ часть устья Амуръ-Дарьи, миссія поднялась на Усть-Уртъ около ур. Аджибая; перешла кратчайшимъ путемъ эту плоскую возвышенность, вышла на Акъ-Булакъ, большую и малую Хобды и 11 февраля 1843 года, послѣ 43 дневнаго слѣдованія по степи, достигла благополучно кр. Илецкой Защиты.

С. ЗЫКОВЪ,

---

* * *

Я съ пошлой завистью душою незнакомъ —
Передъ созданіемъ святаго вдохновенья,
Въ восторгѣ пламенномъ, въ нѣмомъ благоговѣньи,
Стою я умилёнъ, склоняяся челомъ,

И себялюбія ничтожнаго порывъ
Не пробуждается въ душѣ моей смиренной —
Я плачу, гордости велѣнья позабывъ,
Предъ дивомъ творчества колѣнопреклоненный.

И пѣсни райскія все-бъ слушалъ, слушалъ я —
Вѣка летучіе неслись-бы надо мною
И тихо таяла-бъ въ слезахъ души моя,
Плѣняясь пѣсенъ тѣхъ волшебной красотою....

ѲЕДОРЪ БЕРГЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ФИЛИППА

ВЪ ЕГО СТРАНСТВОВАНІЯХЪ ПО СВѢТУ.

РОМАНЪ ТЭККЕРЕЯ.

ГЛАВА XIII.

Кто любитъ меня, тотъ люби и мою собаку.

Пока происходитъ битва, старики и дамы заглядываютъ черезъ укрѣпленія на перевороты сраженія, на поведеніе рыцарей. Для принцессъ былаго времени, прелестная рука которыхъ должна была служить наградою побѣдителямъ, узнать кто побѣдитъ, стройный ли молодой рыцарь съ милыми глазами на бѣлоснѣжномъ конѣ, или пожилой, коренастый, широкоплечій, косоглазый, рыжій усачъ, который такъ свирѣпо нападаетъ на него, составляло предметъ немаловажнаго интереса; такъ и этой битвою, отъ результата которой зависѣло сохраненіе или потеря наслѣдства бѣднаго Филиппа, интересовались многіе, не участвовавшіе въ ней. Или бросимъ рыцарское сравненіе (такъ какъ поведеніе и виды нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, никакъ нельзя было назвать рыцарскими) и вообразимъ хитрую, старую обезьяну, которая подстрекаетъ кошку вынуть каштаны изъ огня, а киска протягиваетъ лапу сквозь рѣшетку, схватываетъ каштаны и роняетъ ихъ. Жако досадуетъ и сердится, оскаливаетъ свои острые зубы и укуситъ, если смѣетъ. Когда стряпчій отправился воевать за наслѣдство Филиппа, тѣ, кому его хотѣлось, были зрителями драки,

вскарабкавшись на дерево. Когда мистеръ Бондъ подошелъ схватить каштаны Филиппа, одна хитрая, старая обезьяна толкнула лапку кошки, а сама хотѣла проглотить горячую добычу.

Если вамъ случалось когда-нибудь бывать въ «Головѣ Адмирала Бинга», вы знаете, сударыня, что гостиная, въ которой собираются посѣтители, какъ разъ позади буфета мистриссъ Овзъ, такъ что приподнявъ окно, служившее сообщеніемъ между двумя комнатами, эта добрая женщина могла высунуть голову въ гостиную клуба и быть участницей въ бесѣдѣ. Иногда, общества ради, старикъ Ридли отправлялся посидѣть въ буфетѣ съ мистриссъ Овзъ и читалъ тамъ газету. Онъ читалъ медленно. Длинныя слова затрудняли достойнаго джентльмэна. Такъ какъ у него было много свободнаго времени, онъ не жалѣлъ употреблять его на чтеніе газетъ.

Въ тотъ день, когда мистеръ Бондъ ходилъ уговаривать мистриссъ Брандонъ въ Торнгофскую улицу предъявить права на доктора Фэрмина, какъ на своего мужа, и лишить наслѣдства бѣднаго Филиппа, низенькій господинъ, завернутый самымъ торжественнымъ и таинственнымъ образомъ въ большой плащъ, явился въ буфетѣ «Адмирала Бинга» и сказалъ съ аристократическимъ видомъ:

— Проводите меня въ гостиную.

Его проводили въ гостиную (гдѣ висятъ прекрасные портреты мистера и мистриссъ Овзъ и ихъ любимаго, умершаго бульдога) онъ сѣлъ и спросилъ рюмку хереса и газету.

Это былъ нашъ пріятель Тальботъ Туисденъ и къ нему вскорѣ явился спокойный, старый джентльмэнъ, мистеръ Бондъ, который также просилъ проводить его въ гостиную и подать хересу съ водой; и вотъ какимъ образомъ Филиппъ и его правдивый и проницательный біографъ узнали и навѣрно, что человѣкъ, желавшій попользоваться каштанами Филиппа, былъ милый дядюшка Тальботъ.

Не прошло и минуты, какъ мистеръ Бондъ и мистеръ Туисденъ пробыли вмѣстѣ, когда сквозь стеклянное окно, сообщавшееся съ буфетомъ мистриссъ Овзъ, послышались такія ругательства, что стаканы и бутылки забрянчали на полкахъ, и мистеръ Ридли, всегда весьма мрачно выражавшійся, положилъ свою газету съ испуганнымъ лицомъ и сказалъ:

— Вотъ ужъ я никогда....

И точно, не часто приходилось ему слышать нѣчто подобное. Этотъ потокъ ругательствъ лился изъ устъ Тальбота Туисдена, взбѣсившагося при извѣстіяхъ, принесенныхъ ему мистеромъ Бондомъ.

— Ну, мистеръ Бондъ, ну, что она говоритъ? спросилъ онъ своего посла.

— Она не хочетъ вмѣшиваться, мистеръ Туисденъ, и я не знаю, какъ намъ ее уговорить. Она отпирается отъ брака столько же какъ и Фэрминъ, говоритъ, будто она знала въ то время, что это былъ бракъ незаконный.

— Сэръ, вы не достаточно ее подкупили, вскрикнулъ мистеръ Туисденъ. Вы запутали это дѣло, ей Богу, вы запутали его, сэръ.

— Ступайте же и обдѣлайте его сами, если вамъ не стыдно самому приниматься за него, сказалъ стряпчій. Неужели вы думаете, что я взялся за это дѣло по собственной охотѣ, что мнѣ хочется отнять наслѣдство у бѣдняжки, какъ вамъ?

— Я желаю, чтобы все было сдѣлано по справедливости и по закону, сэръ. Еслибы я неправильно владѣлъ его имѣніемъ, я отказался бы отъ него. Я первый бы отказался. Я желаю, чтобы все было сдѣлано по справедливости и по закону, и поручилъ вамъ это дѣло, потому что вы стряпчій и юристъ.

— Я и исполнилъ ваше порученіе и пришлю вамъ счетъ въ надлежащее время, тѣмъ и кончатся мои дѣловыя отношенія къ вамъ, мистеръ Туисденъ, вскричалъ старый стряпчій.

— Вы знаете, сэръ, какъ дурно поступилъ со мною Фэрминъ въ послѣднемъ дѣлѣ.

— Право, сэръ, если вы спрашиваете мое мнѣніе какъ у стряпчаго, я думаю, что трудно бы рѣшить между вами обоими. Сколько я долженъ за хересъ?—Оставьте сдачу у себя. Очень жалѣю, что не могъ принести вамъ болѣе пріятнаго извѣстія, мистеръ Туисденъ, а такъ какъ вы недовольны мною, то я опять прошу васъ взять другаго стряпчаго.

— Мой добрый сэръ, я...

— Мой добрый сэръ, у меня бывали и другія дѣла съ вашимъ семействомъ и я не намѣренъ переносить вашего скряжничества, я и съ лордомъ Рингудомъ поступилъ также, когда я былъ его стряпчимъ. Я не пойду говорить мистеру Филиппу Фэрмину, что его дядя и тётка намѣрены отнять у него наслѣдство; но если скажетъ кто-нибудь другой—эта добрая маленькая мистриссъ Брандонъ—или этотъ старый дуралей, какъ бишь его, ея отецъ—я не думаю, чтобы это доставило ему большое удовольствіе. Я теперь говорю какъ джентльмэнъ, а не какъ стряпчій. Вы и вашъ племянникъ по-ровну получили имѣніе дѣда мистера Филиппа Фэрмина, а вамъ хотѣлось получить все,—вотъ вся правда, и вы поручили стряпчему хлопотать объ этомъ, и разругали его за то, что онъ не могъ отнять этой части у ея законнаго владѣльца. Итакъ, сэръ, желаю вамъ добраго утра и прошу передать ваши бумаги какому-нибудь другому повѣренному, мистеръ Туисденъ.

*

И мистеръ Бондъ вышелъ. Теперь я спрашиваю васъ, можно ли было сохранить тайну, услышанную сквозь стеклянную дверь мистриссъ Овзъ, хозяйкой «Адмирала Бинга», и мистеромъ Ридли, отцомъ Джона Джэмса, и раболѣпнымъ супругомъ мистриссъ Ридли? Въ этотъ же самый день, за чаемъ, мужъ сообщилъ мистриссъ Ридли (съ своимъ благороднымъ краснорѣчіемъ) слышанный имъ разговоръ. Согласились отправить посольство къ Джону Джэмсу по этому дѣлу и спросить его совѣта; и Джонъ Джэмсъ былъ такого мнѣнія, что этотъ разговоръ слѣдуетъ передать мистеру Филиппу Фэрмину, который потомъ ужъ будетъ дѣйствовать, какъ самъ найдетъ лучшимъ.

Какъ? Его родная тетка, кузины, дядя составили планъ опровергнуть его законное происхожденіе и лишить его наслѣдства его дѣда? Это казалось невозможно. Разгорячившись отъ этихъ странныхъ извѣстій, Филиппъ явился къ своему совѣтнику, мистеру Пенденнису, и разсказалъ ему, что̀ случилось. Самоотверженіе Сестрицы было такъ благородно, что Филиппъ не могъ не оцѣнить его; и между молодымъ человѣкомъ и этой маленькой женщиной еще тѣснѣе, еще нѣжнѣе прежняго скрѣпились узы дружбы. Но эти Туисдены, его родственники, всѣ рѣшились поручить юристу отнять у него наслѣдство! О, это было низко! Филиппъ кричалъ, топалъ ногами, разсказывая свои обиды съ своимъ обыкновеннымъ энергическимъ способомъ выраженія. Что̀ же касается до его кузена Рингуда Туисдена, то Филь часто чувствовалъ сильное желаніе свернуть ему шею и столкнуть его съ лѣстницы.

— А дядя Тальботъ?.. Я давно зналъ, что онъ дуракъ, хвастливый старичишка; но никогда не считалъ его способнымъ на это. А дѣвушки... Ахъ, мистриссъ Пендепнисъ, вы такъ добры, такъ ласковы; хотя вы ихъ ненавидите, но вы не можете сказать, вы не скажете, что и онѣ были въ заговорѣ?

— Но если Туисденъ добивается только того, что̀ онъ считаетъ своей собственностью? спросила мистриссъ Пендепнисъ. Если вашъ отецъ былъ женатъ на мистриссъ Брандонъ, вы были бы его незаконнымъ сыномъ, а какъ незаконный сынъ вы не имѣли бы права на половину состоянія вашего дѣда. Дядя вашъ Тальботъ играетъ роль честнаго и справедливаго человѣка въ этомъ дѣлѣ. Онъ Брутъ и произноситъ вашъ приговоръ съ сердцемъ, обливающемся кровью.

— А семейство свое удалилъ, заревѣлъ Филь, чтобы ихъ не огорчило зрѣлище казни! Теперь понимаю все. Желалъ бы, чтобы кто-нибудь тотчасъ проткнулъ меня ножомъ и прекратилъ мою жизнь. Теперь вижу все. Знаете ли, что на прошлой недѣлѣ я былъ въ Бонамской улицѣ и не видалъ никого? У Агнесы болѣло горло, мать

ухаживала за нею; Бланшъ вышла минуты на двѣ и была такъ холодна — такъ холодна, какъ бывала холодна лэди Айсбергъ съ нею. Онѣ должны ѣхать для перемѣны воздуха. Онѣ уже и уѣхали назадъ тому три дня, между тѣмъ какъ Тальботъ и эта эхидна, сынъ его Рингудъ, тайно совѣщались съ своимъ милымъ, новымъ другомъ, мистеромъ Гѐнтомъ. Чортъ... Извините, мистриссъ Пенденнисъ, но я знаю, что вы всегда извиняли энергическія выраженія.

— Хотѣлось бы мнѣ видѣть эту Сестрицу, мистеръ Фэрминъ. Она не эгоистка, она ничего не придумывала такого, что̀ могло бы сдѣлать вамъ вредъ, замѣтила моя жена.

— Ангелъ съ такимъ добрымъ и нѣжнымъ сердечкомъ, что я таю при одной мысли о ней, сказалъ Филиппъ, закрывая глаза своей большой рукою. Чѣмъ мужчины пріобрѣтаютъ любовь нѣкоторыхъ женщинъ? Мы не заслуживаемъ такой любви. Мы не платимъ за нее взаимностью. Онѣ дарятъ намъ ее. Я ничѣмъ не отплатилъ за всю эту любовь и доброту, но я немножко похожъ на моего отца въ то время, когда она имѣла къ нему привязанность. И посмотрите, она готова умереть, чтобы услужить мнѣ! Удивительны вы женщины! И ваша вѣрность, и ваше непостоянство изумительны равно. Что̀ могли найдти женщины въ докторѣ, чтобы обожать его? Какъ вы думаете, неужели отецъ мой могъ когда-нибудь быть достоинъ обожанія, мистриссъ Пенденнисъ? Однако я слышалъ отъ моей бѣдной матери, что она была принуждена выйдти за него. Она знала, что это была дурная партія, но никакъ не могла преодолѣть себя. Отчего отецъ мой былъ такой очаровательный? Онъ не по *моему* вкусу. Между нами, я думаю, онъ... все равно что̀ бы то ни было.

— Я думаю, намъ лучше не говорить объ этомъ, сказала моя жена съ улыбкою.

— Совершенно справедливо, совершенно справедливо, только я болтаю все, что̀ у меня на душѣ. Никакъ не могу смолчать, кричитъ Филь, грызя свои усы: еслибы мое состояніе зависѣло отъ моего молчанія, я былъ бы нищимъ, это фактъ. А видите, еслибы у васъ былъ такой отецъ, какъ мой, вамъ самимъ казалось бы нѣсколько трудно сдерживать свой языкъ насчетъ его. Однако скажите мнѣ, не странно ли, что дѣвушекъ и тётку Туисденъ выслали изъ Лондона именно въ то время, когда производилась эта маленькая атака на мое имущество?

— Вопросъ рѣшенъ, сказалъ мистеръ Пенденнисъ. Вамъ возвращены ваши atavis regibus и почести вашихъ предковъ. Теперь дядя Туисденъ не можетъ получить ваше имущество безъ васъ; мужайтесь, мой милый—онъ можетъ взять его вмѣстѣ съ вами.

Бѣдный Филь не зналъ, но мы—вѣдь мы довольно проницательны,

когда дѣло не касается нашихъ благородныхъ личностей—примѣтили, что милая тетушка Филиппа водила за носъ юношу и, когда онъ отвертывался, подавала надежды болѣе богатому поклоннику своей дочери.

Положа руку на сердце, я могу сказать, что моя жена такъ мало вмѣшивается въ чужія дѣла, какъ только возможно; но когда дѣло идетъ о вѣроломствѣ въ любовныхъ дѣлахъ, она тотчасъ вспыхнетъ и будетъ преслѣдовать до гробовой доски бездушнаго мужчину или бездушную женщину, которые нарушаютъ законы любви. Неуваженіе къ этому священному союзу возбуждаетъ въ ней пылъ негодованія. Въ секретныхъ признаніяхъ, въ спальной она высказала мнѣ свои мысли о поведеніи миссъ Туисденъ съ этимъ противнымъ арапомъ, какъ она называетъ капитана Улькома, а когда я вздумалъ было подшутить, мистриссъ Пенденнисъ раскричалась, что это дѣло слишкомъ серьёзное для того, чтобы шутить надъ нимъ, и удивлялась, какъ ея мужъ могъ отпускать остроты на этотъ счетъ. Можетъ быть, въ ней не было того тонкаго чувства юмора, какимъ обладаютъ нѣкоторые люди, или она имѣла болѣе благоговѣнія къ священному чувству любви? По ея вѣрованіямъ бракъ—священное таинство, и она никогда не говорила о немъ безъ благоговѣнія.

Она столько же не понимаетъ, чтобы можно было шутить надъ этимъ, сколько не понимаетъ, чтобы можно было смѣяться и шутить въ церкви. Кокетство выводитъ ее изъ терпѣнія.

— Не говорите мнѣ, сэръ, возражаетъ эта энтузіастка, — даже легкомысленнаго слова между мужчиной и замужней женщиной не слѣдуетъ позволять.

И вотъ почему она строже къ женщинѣ, чѣмъ къ мужчинѣ. Одинъ взглядъ, одно слово женщины, говоритъ она, остановятъ вольную мысль или слово въ мужчинѣ, и эти случаи могли бы тотчасъ быть прекращены, еслибы женщина выказала хоть малѣйшую рѣшимость. Она гораздо болѣе сердится (я только упоминаю объ ея особенностяхъ, а не защищаю правилъ этой допотопной моралистки)—она, говорю я, болѣе сердится на женщину, чѣмъ на мужчину, въ подобныхъ щекотливыхъ дѣлахъ, и я боюсь, что она думаетъ, будто женщины по большей части бываютъ жертвами только потому, что имъ самимъ этого хочется.

Намъ случилось въ этотъ сезонъ участвовать въ разныхъ увеселеніяхъ, раутахъ и тому подобномъ, гдѣ бѣдный Филь, по своей несчастной любви къ сигарамъ, не присутствовалъ, и гдѣ мы видѣли, что миссъ Агнеса Туисденъ такъ кокетничала съ смуглымъ Улькомомъ, что мистриссъ Лора была приведена въ негодованіе. Однако мама Агнесы сидѣла возлѣ своей дочери и очень хорошо примѣчала все происходившее. Тѣмъ хуже для нея, тѣмъ хуже для нихъ обѣихъ! Какой

стыдъ и грѣхъ, что христіанка и англичанка позволяетъ своей дочери такъ легкомысленно обращаться съ самымъ священнымъ предметомъ, приготовляетъ свою дочь Богъ знаетъ къ какимъ несчастіямъ.

— Три мѣсяца тому назадъ ты видѣлъ, какія надежды подавала она Филиппу, а теперь посмотри, какъ она кокетничаетъ съ этимъ мулатомъ!

— Развѣ онъ также не человѣкъ и братъ, моя милая? вмѣшивается мистеръ Пенденнисъ.

— О, какъ тебѣ не стыдно, Пенъ, прошу не шутить надъ этимъ,— ни насмѣхаться, подшучивать не слѣдуетъ надъ такимъ священнѣйшимъ предметомъ.

И тутъ Лора начинаетъ ласкать своихъ дѣтей и прижимать ихъ къ сердцу, какъ она дѣлаетъ всегда, когда бываетъ взволнована. Que voulez-vous? Есть женщины на свѣтѣ, для которыхъ любовь и правда составляютъ все на землѣ. Есть другія женщины, которыя видятъ выгоду хорошаго вдовьяго содержанія, городскаго и деревенскаго дома и такъ далѣе, и которыя не такъ разборчивы относительно характера, ума или цвѣта лица мужчинъ, имѣющихъ возможность предлагать эти выгоды ихъ милымъ дочерямъ. Словомъ, я говорю, мистриссъ Лора Пенденнисъ находилась въ такомъ расположеніи духа относительно этой матери и этой дочери, что была готова выцарапать ихъ голубые глаза.

Не съ малымъ затрудненіемъ можно было уговорить мистриссъ Лору молчать объ этомъ и не говорить Филиппу своего мнѣнія.

— Какъ? твердила она, этого бѣднаго молодаго человѣка будутъ обманывать, его примутъ или его бросятъ, какъ заблагоразсудится этимъ людямъ? Онъ навѣрно будетъ несчастливъ на всю жизнь, если она выдетъ за него, а его друзья не смѣютъ предостеречь его? Трусы! Трусость ваша, Пенъ, относительно мнѣнія, право достойна презрѣнія, сэръ! Вы не смѣете имѣть своего мнѣнія, а если и имѣете, то не смѣете объявить его и дѣйствовать, соображаясь съ нимъ. Вы каждый день смотрите сквозь пальцы на преступленіе, потому что считаете неумѣстнымъ вмѣшаться. Вы не боитесь оскорблять нравственность, а боитесь наскучить обществу и лишиться популярности. Вы такіе же циники, какъ—какъ звали этого противнаго старика, который жилъ въ бочкѣ? Демосѳенъ? Ну Діогенъ, имя ничего не значитъ, сэръ. Вы такіе же циники, только вы носите тонкія рубашки и манжетки и глухіе фонари. Вы думаете, что вамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться и говорить правду, не слѣдуетъ спасать бѣдную утопающую душу, разумѣется, не слѣдуетъ. Вамъ ли свѣтскимъ джентльмэнамъ спасать ее? Пусть ее гибнетъ! Вотъ какъ говорятъ въ свѣтѣ, милый мой малютка. Ахъ, мое бѣдное, бѣдное дитя, когда ты будешь утопать, никто не протянетъ руку спасти тебя.

Когда моя жена даетъ волю своимъ материнскимъ чувствамъ и обращается къ этой юной школѣ философовъ, я знаю, что съ нею невозможно разсуждать. Я удаляюсь къ моимъ книгамъ и оставляю ее поцѣлуемъ досказывать аргументы дѣтямъ.

Филиппъ не зналъ всю обширность признательности, какою онъ былъ обязанъ своему другу и сидѣлкѣ Каролинѣ, но ему было извѣстно, что у него нѣтъ лучшаго друга на свѣтѣ; и навѣрно платилъ ей—какъ обыкновенно бываетъ между женщиной и мужчиной—шестипенсовой монетой за это сокровище изъ чистаго золота, за ея любовь. Вѣрно Каролина думала, что ея жертва даетъ ей право совѣтовать Филиппу; потому что это, кажется, она первая посовѣтовала ему подумать, поведетъ ли къ добру эта помолвка, которую онъ нравственно заключилъ съ своей кузиной? Она просила Ридли прибавить свои сомнѣнія къ ея увѣщаніямъ. Она показала Филиппу, что не только поведеніе его дяди, но и его кузины было корыстолюбиво, и уговаривала его узнать все подробно.

Особенная болѣзнь горла, которою страдала бѣдная Агнеса, прошла въ отсутствіе ея изъ Лондона. Дымъ, многолюдныя собранія и вечера, а можетъ быть также и мрачный домъ въ Бонашской улицѣ разстроили здоровье бѣдной дѣвушки и кашель ея очень облегчилъ этотъ прекрасный, свѣжій, восточный вѣтеръ, который такъ спокойно вѣетъ на брайтонскихъ утесахъ и который такъ хорошъ для кашля, какъ намъ всѣмъ извѣстно. Но въ Брайтонѣ былъ одинъ недостатокъ для ея болѣзни—Брайтонъ слишкомъ близко къ Лондону. Воздухъ легко можетъ дуть изъ Лондона или люди пріѣзжающіе изъ Лондона въ Брайтонъ могутъ привозить съ собою коварный лондонскій туманъ. Покрайней мѣрѣ Агнеса, если она желала спокойствія, бѣдняжка, могла бы уѣхать подальше съ большей пользой для своего здоровья. Если вы должны вашему портному, онъ можетъ явиться къ вамъ черезъ нѣсколько часовъ. Пошлые неприличные знакомые кидаются на васъ каждую минуту и изъ каждаго угла. Вы не можете быть спокойны, если и хотите. Шарманки пилятъ безпрестанно подъ вашими окнами. Ваше имя печатается въ газетахъ, когда вы пріѣзжаете, и всѣ встрѣчаются со всѣми по нѣскольку разъ въ день.

Узнавъ, что дядя поручилъ стряпчимъ удостовѣриться, законно ли Филиппъ владѣетъ своимъ состояніемъ, Филиппъ чрезвычайно разстроился; онъ не могъ оцѣнить высокаго чувства нравственной обязанности, по которому дѣйствовалъ мистеръ Туисденъ. Покрайней мѣрѣ онъ думалъ, что эти справки не должны были производиться секретно и такъ какъ онъ самъ держалъ себя открыто—слишкомъ открыто мо-

жетъ статься—въ своихъ словахъ и поступкахъ, то онъ былъ жестокъ къ тѣмъ, кто покушался обмануть его.

Это было невозможно. Ахъ, нѣтъ, этого никогда не могло быть, чтобы чистая и кроткая Агнеса учавствовала въ этомъ заговорѣ. Но отчего же ее такъ часто не было дома въ послѣднее время? Отчего сдѣлалась такъ холодна тетушка Туисденъ? Однажды, когда онъ подходилъ къ дверямъ, рыбакъ оставлялъ прекраснаго лосося въ кухнѣ. Раза два, въ пять часовъ, когда онъ заходилъ, въ передней былъ запахъ изъ кухни—какой рѣдко слышался въ этой передней. У Туисденовъ приготовлялся обѣдъ, а Филиппа не приглашали. Не получить приглашенія не было большимъ лишеніемъ; но кто были гости? Конечно, это все были бездѣлицы; но Филиппъ чуялъ что-то недоброе въ запахѣ этихъ туисденскихъ обѣдовъ. Ахъ, какая мука! Мужчина можетъ перестать любить, но пріятно ли ему, если женщина перестанетъ его любить?

Итакъ Филиппъ рѣшился съѣздить къ своей кузинѣ. Въ гостинницѣ онъ прочиталъ въ газетахъ о пріѣзжающихъ и узналъ, что мистеръ и мистриссъ Пенфольдъ жили въ домѣ подъ № 96, на Горизонтальной площади; а онъ зналъ, что его Агнеса живетъ у нихъ. Онъ отправляется на Горизонтальную площадь. Миссъ Туисденъ нѣтъ дома. Онъ испускаетъ вздохъ и оставляетъ карточку. Онъ идетъ на Утесъ и, разумѣется, черезъ три минуты встрѣчается съ Клинкеромъ. Кто когда бывалъ въ Брайтонѣ полчаса и не встрѣчался съ Клинкеромъ?

— Батюшка здоровъ? Его прежняя паціентка, Лэди Джемини, здѣсь съ дѣтьми; какая ихъ куча! Вы пріѣхали здѣсь пожить? Ваша кузина, миссъ Туисденъ, здѣсь съ Пенфольдами. Вчера на вечерѣ у Григсоновъ она была необыкновенно хороша; безпрестанно танцовала съ Чернымъ Принцемъ, Улькомомъ. Вѣрно я могу поздравить васъ. Шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода теперь и тринадцать тысячъ, когда бабушка его умретъ; но эти Негритянки какія то безсмертныя. Кажется, дѣло рѣшено. Я видѣлъ ихъ сейчасъ на пристани, а мистриссъ Пенфольдъ читаетъ книгу въ бесѣдкѣ. Это проповѣди—мистриссъ Пенфольдъ благочестивая женщина. Кажется, они и теперь еще на пристани.

Торопливыми шагами идетъ Филиппъ Фэрминъ къ пристани. Запыхавшійся Клинкеръ не можетъ за нимъ поспѣть. Хотѣлось бы мнѣ видѣть лицо Филиппа, когда Клинкеръ сказалъ, что «дѣло» рѣшено между миссъ Туисденъ и кавалеристомъ.

На пристани толпились няньки, гувернантки, дѣти, толстая женщина читала книгу въ одной изъ бесѣдокъ, но ни Агнесы, ни Уль-

кома тамъ не было. Гдѣ могли они быть? Не покупали ли они эти глупые камешки, которые покупаютъ всѣ? Или не снимаютъ ли силуэты черной краской? Ха! ха! ха! Улькомъ едва ли захочетъ, чтобы его лицо было нарисовано черной краской. Это вызвало бы непріятныя сравненія. Я вижу, что Филиппъ въ ужасно дурномъ и саркастическомъ расположеніи духа.

Вдругъ маленькая собачка съ краснымъ ошейникомъ бросается къ Филиппу, визжитъ, прыгаетъ, и, если я могу употребить это выраженіе, цѣлуетъ его руки, и глазами, языкомъ, лапами, хвостомъ показываетъ ему самый дружелюбный пріемъ. Броуни, Броуни! Филиппъ радъ видѣть собачку, стараго друга, который столько разъ лизалъ его руку и прыгалъ къ нему на колѣна.

Махая хвостомъ, Броуни чрезвычайно проворно бѣжитъ передъ Филиппомъ, спускается со ступеней, подъ которыми блестятъ зеленыя волны, и направляется въ спокойный уединенный уголокъ, какъ разъ надъ водою, откуда вы можете наслаждаться чуднымъ видомъ на море, на берегъ, на Морской Парадъ и на гостинницу Албіонъ, и гдѣ, еслибы мнѣ было лѣтъ двадцать пять, и не было другаго дѣла, я охотно провелъ бы четверть часа съ предметомъ моей любви.

Пробираясь въ лабиринтѣ свай, Броуни подбѣгаетъ къ молодой парочкѣ, смотрѣвшей на видъ только что описанный. Чтобы любоваться лучше этимъ видомъ, молодой человѣкъ положилъ свою руку, прехорошенькую, маленькую руку въ самой щегольской перчаткѣ на руку своей дамы; и Броуни подбѣгаетъ къ ней и визжитъ какъ будто говоря: «вотъ кто-то идетъ», а дѣвица говоритъ: «лягъ Броуни, лягъ».

— Не хороша эта собака, Агнеса, говоритъ джентльмэнъ (съ курчавыми волосами), я подарю вамъ моську съ такимъ носомъ, на которомъ можно повѣсить шляпу. Слуга мой Рёмминсъ знаетъ одну такую. Вы любите мосекъ?

— Я обожаю ихъ, говоритъ его дама.

— Я непремѣнно подарю вамъ моську, если бы мнѣ пришлось заплатить за нее пятьдесятъ фунтовъ. Настоящія моськи очень красивы, увѣряю васъ. Однажды въ Лондонѣ была выставка мосекъ и...

— Броуни, Броуни, прочь! кричитъ Агнеса.

Собака прыгаетъ на джентльмэна, высокаго джентлымэна съ рыжими усами и бородой.

— Пожалуйста не безпокойтесь, Броуни не укуситъ меня, говоритъ хорошо знакомый голосъ, звукъ котораго согналъ весь румянецъ съ розовыхъ щекъ миссъ Агнесы.

— Видите, я подарилъ моей кузинѣ эту собаку, капитанъ Уль-

комъ, говоритъ джентльмэнъ, и эта маленькая собачонка помнитъ меня. Можетъ быть миссъ Туисденъ предпочитаетъ моську.

— Сэръ!

— Если у ней такой носъ, что на него можно повѣсить шляпу, это должно быть прехорошенькая собака, и я полагаю, вы намѣрены очень часто вѣшать вашу шляпу на него.

— О, Филиппъ! говоритъ дѣвица, но припадокъ ужаснаго кашля прерываетъ ее.

ГЛАВА XIV,

Содержащая двѣ Филипповы бѣды.

Вы знаете, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи дѣтоубійство—обычай обыкновенный. Онъ входитъ въ религію страны, какъ въ другихъ округахъ сожиганіе вдовы на кострѣ. Я не могу вообразить, чтобы женщины любили убивать себя самихъ и дѣтей своихъ, хотя онѣ покоряются мужественно и даже весело уставамъ религіи, которая предписываетъ имъ уничтожать свою жизнь или жизнь ихъ малютокъ. Положимъ теперь, что вамъ и мнѣ, европейцамъ, случилось проѣзжать мимо того мѣста, гдѣ юное существо готовилось изжариться по совѣту своей семьи и высокихъ сановниковъ ея церкви; что могли бы мы сдѣлать? Спасти ее? Ни чуть ни бывало. Мы знаемъ, что намъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ законы и обычаи ея родины. Мы отвернемся со вздохомъ отъ грустной сцены; мы вытащимъ наши носовые платки, велимъ кучеру проѣхать мимо, и предоставимъ бѣдняжку ея печальной участи.

Вотъ и бѣдной Агнесѣ Туисденъ какъ мы можемъ помочь? Вы видите, она прекрасно воспитанная и религіозная молодая женщина браминской секты. Старый браминъ ея отецъ, добрая и преданная мать — это самый отъявленный браминъ, братъ ея и ея туго зашнурованная сестра — всѣ настаиваютъ, чтобы она принесла себя въ жертву, и покрываютъ ее цвѣтами, прежде чѣмъ поведутъ на костеръ. Положимъ, она рѣшилась бросить бѣднаго Филиппа и взять кого нибудь другаго? Какія чувства должна наша добродѣтельная грудь питать къ ней? Гнѣвъ? Я только что разговаривалъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ въ лохмотьяхъ и босикомъ, который обыкновенно спитъ гдѣ нибудь подъ воротами, который безпрестанно сидитъ въ

тюрьмѣ, мать и отецъ котораго были воры, да и дѣды ихъ тоже— должны мы сердиться на него за то, что онъ слѣдуетъ родительской профессіи? Однимъ глазомъ изливая слезу состраданія, не спуская другаго глаза съ серебряныхъ ложекъ, я слушаю его безъискуственный разсказъ. Я не сержусь на этого ребенка; я не сержусь и на тебя Агнеса, дочь Тальбота брамина.

Мало того, соображая, что не можешь же ты не примѣчать, что тотъ джентльмэнъ, о которомъ милый папà и милая мамà говорятъ тебѣ сколько у него тысячъ годоваго дохода, сколько помѣстьевъ тамъ и тамъ, который безумно влюбленъ въ твою бѣлую кожу и голубые глаза и готовъ бросить всѣ свои сокровища къ твоимъ ногамъ, не можешь же ты не примѣчать, что онъ очень несвѣдущъ, хотя очень хитеръ; очень скупъ, хотя очень богатъ; очень сердитъ вѣроятно, если лицо, глаза и ротъ могутъ говорить правду, а Филиппъ Фэрминъ—хотя его законное происхожденіе сомнительно, какъ мы недавно слышали, и въ такомъ случаѣ его материнское наслѣдство принадлежитъ не ему, а отцовское мы еще не знаемъ стоитъ ли чего нибудь—а Филиппъ джентльмэнъ съ умной головою, съ великодушнымъ честнымъ сердцемъ, лучшія чувства котораго онъ отдавалъ своей кузинѣ,—каково же бѣдной дѣвушкѣ разстаться съ прежней любовью, съ благородной и прекрасной любовью. Бѣдная Агнеса! Какъ подумаешь, что она сидѣла по цѣлымъ часамъ, слушая изліянія Филиппова сердца, а можетъ быть въ драгоцѣнныя минуты секретнаго разговора нашептывала торопливо въ корридорѣ, на лѣстницѣ, за оконными занавѣсками нѣсколько задушевныхъ словъ, и теперь должна слушать на этомъ же самомъ диванѣ, за этими же самыми занавѣсками изліянія своего смуглаго жениха о казармахъ, боксерствѣ, скачкахъ и нѣжной страсти. Онъ глупъ, онъ низокъ, онъ сердитъ, онъ необразованъ, а тотъ другой былъ... но она исполнитъ свой долгъ; о, да, она исполнитъ свой долгъ! Бѣдная Агнеса! C'est à fendre le coeur. Мнѣ право жаль ее.

Когда Филиппъ былъ раздраженъ, я принужденъ, какъ его біографъ, сознаться, что онъ могъ быть очень грубъ и непріятенъ; но вы должны согласиться, что молодой человѣкъ имѣлъ нѣкоторыя причины быть недовольнымъ, когда нашелъ владычицу своего сердца, сидящую рука объ руку съ другимъ молодымъ человѣкомъ въ уединенномъ уголку брайтонской пристани. Зеленыя волны нѣжно шепчутся, шепчется и лейбгвардеецъ. Волны цѣлуютъ берегъ. Ахъ, ужасная мысль! Я не буду продолжать сравненія, которое можетъ быть ничто иное, какъ безумная фантазія ревнивца. Въ этомъ только я увѣренъ, что ни одинъ камешекъ на этомъ берегу не можетъ быть холоднѣе благо-

воспитанной Агнесы. Филиппъ, опьянѣвшій отъ ревности, не походилъ на благоразумнаго трезваго Филиппа.

— Ужасный у него характеръ, говорила послѣ о Филиппѣ его милая тётка: я дрожала за мою милую кроткую дѣвочку; что, еслибы она была на вѣкъ соединена съ такимъ запальчивымъ человѣкомъ? Никогда въ глубинѣ души моей не могла я думать, чтобы союзъ ихъ могъ быть счастливъ. Притомъ, вы знаете, ихъ близкое родство... Мои сомнѣнія на этотъ счетъ, мистриссъ Кэндоръ, никогда не могла я совершенно преодолѣть.

И эти сомнѣнія вѣсили цѣлые пуды, когда Мэнгровскій замокъ, домъ въ Лондонѣ и островъ мистера Улькома въ Вестъ-Индіи были положены на вѣсы вмѣстѣ съ ними.

Разумѣется не къ чему было оставаться въ этой сырости теперь, когда пріятное tête-à tête было прервано. Маленькая Броуни ласкалась и визжала около Филиппа, и все общество поднялось на верхъ.

— Дитя мое, какъ вы блѣдны! вскричала мистриссъ Пенфольдъ, положивъ книгу.

Изъ опаловыхъ глазъ капитана сверкало плямя и горячая кровь горѣла за его желтыми щеками. Въ ссорѣ мистеръ Филиппъ Фэрминъ могъ быть особенно хладнокровенъ и умѣлъ владѣть собою. Когда миссъ Агнеса нѣсколько жалобнымъ тономъ представила его мистриссъ Пенфольдъ, онъ сдѣлалъ вѣжливый и граціозный поклонъ не хуже своего величественнаго отца.

— Моя собачка узнала меня, сказалъ онъ, лаская Боруни. Она вѣрна мнѣ и привела меня къ моей кузинѣ и къ капитану Улькому, кажется, такъ васъ зовутъ, сэръ?

Филиппъ крутитъ свои усы и спокойно улыбается, а капитанъ Улькомъ дергаетъ свои усы и свирѣпо хмурится.

— Да, сэръ, бормочетъ онъ, меня зовутъ Улькомъ.

Мистеръ Фэрминъ опять кланяется и прикасается къ своей шляпѣ. Митриссъ Пенфольдъ говоритъ: «о!», и въ самомъ дѣлѣ она ничего не могла сказать лучше этого «о» при настоящихъ обстоятельствахъ.

— Моя кузина, миссъ Туисденъ, такъ блѣдна, потому что она устала отъ вчерашнихъ танцевъ. Я слышалъ, что балъ былъ очень хорошъ. Но хорошо ли ей при ея слабомъ здоровьѣ такъ поздно ложиться, мистриссъ Пенфольдъ? Право, вамъ не слѣдуетъ дѣлать этого, Агнеса! Слѣдуетъ ей ложиться такъ поздно, Броуни? Полно, перестань, глупенькая! Я подарилъ эту собачку моей кузинѣ, и она очень меня любитъ, то есть собачка. Вы говорили, капитанъ Улькомъ, когда я подходилъ, что вы хотите подарить миссъ Туисденъ собаку, на носъ которой вы можете повѣсить вашу... извините!

Мистеръ Улькомъ, когда Филиппъ сдѣлалъ этотъ второй намекъ на особенное устройство носа моськи, стиснулъ свои маленькіе бѣлые зубы и выговорилъ весьма неприличное словцо. Миссъ Туисденъ овладѣлъ необыкновенно сильный кашель. Мистриссъ Пенфольдъ сказала:

— Собираются тучи. Я думаю, Агнеса, намъ пора домой.

— Позвольте мнѣ проводить васъ до вашего дома? говоритъ Филиппъ, вертя маленькій медальонъ, который онъ носилъ на своей часовой цѣпочкѣ.

Медальонъ былъ маленькій, золотой, съ свѣтлыми волосами внутри. Чьи это волосы такіе свѣтлые и тонкіе? А хорошенькія гіероглифическія буквы А. Т. сзади могли обозначать Альфреда Теннисона, или Антони Троллопа, подарившихъ прядку своихъ свѣтлыхъ волосъ Филиппу, потому что я знаю, что онъ поклонникъ ихъ сочиненій.

Агнеса съ смущеніемъ поглядѣла на маленькій медальонъ. Капитанъ Улькомъ такъ дергалъ свои усы, что вы пожалуй могли бы подумать, что онъ хочетъ оторвать ихъ совсѣмъ; а опаловые глаза его сверкали замѣшательствомъ и гнѣвомъ.

— Позвольте мнѣ поговорить съ вами, Агнеса! Извините меня, капитанъ Улькомъ, я имѣю секретное порученіе къ моей кузинѣ, и пріѣхалъ изъ Лондона нарочно, чтобы передать его.

— Если миссъ Туисденъ прикажетъ мнѣ удалиться, я сейчасъ уйду, говоритъ капитанъ, сжимая свои маленькія палевыя перчатки.

— Мы съ кузиной всю жизнь жили вмѣстѣ. Я привезъ къ ней секретное порученіе. Можетъ быть, вы имѣете какія нибудь особенныя права слышать его, капитанъ Улькомъ?

— Нѣтъ, если миссъ Туисденъ не желаетъ, чтобы я слышалъ... чортъ побери эту собаченку.

— Не бейте бѣдненькую, невинную Броуни.

— Если она будетъ соваться мнѣ подъ ноги, кричитъ капитанъ, я швырну ее въ море!

— А я клянусь, что я сдѣлаю съ вами то, что́ вы съ моей собакой, шепчетъ Филиппъ капитану.

— Гдѣ вы остановились? кричитъ капитанъ. Чортъ васъ побери, вы услышите обо мнѣ.

— Тише, въ Бедфордской гостинницѣ. Тише, или я подумаю, что вы хотите, чтобы васъ услыхали дамы.

— Ваше поведеніе ужасно, сэръ, говоритъ Агнеса по французски. Онъ не понимаетъ.

— Если у васъ есть секреты, я сейчасъ уйду, миссъ Агнеса, говоритъ Отелло.

— О, Гренвилль! могу ли я имѣть секреты отъ васъ? Мистеръ

Фэрминъ мой двоюродный братъ, мы всю жизнь жили вмѣстѣ. Филиппъ, я—я не знаю говорила ли вамъ мама̀ о—о моей помолвкѣ съ капитаномъ Грэнвиллемъ Улькомомъ.

Волненіе вызвало новый припадокъ кашля. Бѣдная, бѣдная Агнеса! Вотъ что̀ значитъ имѣть нѣжное горлышко.

Пристань взвилась къ небесамъ, дома на утесѣ прыгаютъ и вертятся, какъ бы отъ землетрясенія, море вливается въ двери и окна, ноги Филиппа подгибаются подъ нимъ, но только на одну минуту. Когда вы выдергиваете широкій, крѣпкій двойной зубъ, не кажется ли вамъ, что голова ваша соскакиваетъ съ вашихъ плечъ? Но черезъ минуту важный джентльмэнъ, стоящій передъ вами, кланяется вамъ и что-то прячетъ въ своемъ правомъ рукавѣ. Боль прошла. Вы опять мужчина. Филиппъ схватывается на минуту за перила пристани—она не подается подъ нимъ. Дома, повертѣвшись съ секунды двѣ, принимаютъ прежнее перпендикулярное положеніе. Онъ можетъ видѣть людей, выглядывающихъ изъ оконъ, проѣзжающіе экипажи, профессора Спуррьс, ѣдущаго на утесъ съ восемнадцатью молодыми дѣвицами, его ученицами. Долго послѣ того онъ помнилъ эти нелѣпыя маленькія подробности съ любопытнымъ упорствомъ.

— Это извѣстіе, говорилъ Филиппъ, было не совсѣмъ неожиданно. Я поздравляю мою кузину. Капитанъ Улькомъ, еслибы я это зналъ навѣрное, я не помѣшалъ бы вамъ. Вы, можетъ быть, желаете пригласить меня въ вашъ гостепріимный домъ, мистриссъ Пенфольдъ? Но я пригласилъ одного моего пріятеля обѣдать со мной въ Бедфордской гостинницѣ, и надѣюсь завтра утромъ уѣхать въ Лондонъ. Прощайте!

И онъ очень развязно послалъ поцѣлуй рукой.

Кончено! кончено! Онъ далъ ей слово и сдержалъ его честно, но она этого не сдѣлала: это она бросила его. И я очень боюсь, что сердце мистера Филиппа забилось отъ удовольствія при мысли, что онъ свободенъ. Онъ встрѣтилъ съ полдюжины знакомыхъ на утесѣ. Онъ хохоталъ, шутилъ, пожималъ руку, пригласилъ двухъ-трехъ пріятелей обѣдать самымъ веселымъ образомъ. Онъ усѣлся на лужкѣ, недалеко отъ своей гостинницы, и посмѣивался про себя, какъ вдругъ что то уткнулось въ его колѣна съ жалобнымъ визгомъ.

— Какъ, это ты?

Это маленькая Броуни побѣжала за нимъ. Бѣдняжечка! Филиппъ наклонился къ собачкѣ, и между тѣмъ какъ та визжитъ, лижетъ ему руки, ласкается, онъ зарыдалъ и освѣжительный потокъ слезъ полился изъ глазъ его.

Филиппъ просидѣлъ въ гостинницѣ всю ночь, отдавъ особенныя приказанія привратнику говорить, что онъ дома, на случай, если при-

детъ какой нибудь джентльмэнъ. Онъ имѣлъ слабую надежду, какъ онъ впослѣдствіи признавался, что, можетъ быть, какой нибудь пріятель мистера Улькома явится къ нему отъ имени этого офицера. Онъ имѣлъ слабую надежду, что можетъ быть явится письмо объясняющее эту измѣну; люди имѣютъ иногда какое-то безумное, болѣзненное, пылкое желаніе получать письма, письма, въ которыхъ не заключается ничего, но которыхъ однако вы... Вы знаете, впрочемъ, каковы эти письма. Не всѣ ли мы читаемъ эти любовныя письма, которыя послѣ любовныхъ ссоръ являются иногда? Мы всѣ читаемъ ихъ; и какъ многіе изъ насъ писали ихъ? Девять часовъ. Десять. Одинадцать. Отъ капитана не является секундантовъ; отъ Агнесы не является объясненія; Филиппъ увѣряетъ, что онъ спалъ прекрасно. Но бѣдная Броуни жалобно провизжала всю ночь. Это была не благовоспитанная собачка, вы не могли бы повѣсить никакую шляпу на ея носъ.

Мы недавно сравнивали нашу милую Агнесу съ дочерью брамина, кротко отдающую себя на жертву сообразно обычаямъ, употребляемымъ въ ея высокоуважаемой кастѣ. Мы говорили о ней не съ гнѣвомъ, а съ почтительнымъ огорченіемъ и сочувствіемъ. А если мы сожалѣемъ о ней, не слѣдуетъ ли намъ также сожалѣть объ ея высокоуважаемыхъ родителяхъ? Когда знаменитый Брутъ велѣлъ казнить своихъ дѣтей, неужели вы предполагаете, что это было ему пріятно? Всѣ трое! Всѣ трое страдали отъ этого! Сыновья, вѣроятно, даже болѣе своего суроваго отца; но это разумѣется само собою, что все тріо было меланхолично. По крайней мѣрѣ еслибы я былъ поэтъ или музыкальный композиторъ, изображавшій это обстоятельство, я непремѣнно сдѣлалъ бы ихъ такими. Сыновья пѣли бы въ минорномъ тонѣ, отецъ мужественнымъ басомъ, съ акомпаньементомъ духовыхъ инструментовъ, прерываемыхъ приличными рыданіями. Хотя хорошенькую Агнесу ведутъ на казнь, я не думаю, чтобы это было ей пріятно, или чтобы ея родители, принужденные осудить ее на эту трагедію, были счастливы.

Мистриссъ Туисденъ всегда впослѣдствіи утверждала, что молодой богатый владѣлецъ Мэнгровскаго замка влюбился въ ея дочь совершенно случайнымъ образомъ. Они не пожертвовали бы своей возлюбленной дочерью за одно богатство. Но когда случилось это печальное фэрминское дѣло, случилось также, что капитанъ Улькомъ влюбился въ милую Агнесу, съ которой онъ встрѣчался повсюду. Ея негодный кузенъ не хотѣлъ бывать нигдѣ. Онъ предпочиталъ холостую компанію, эти противныя сигары и вино, удовольствіямъ болѣе утонченнаго общества. Онъ неглижировалъ Агнесой. Его умышленное и частое отсутствіе показывало, какъ мало дорожилъ онъ ею. Будете ли вы

осуждать милую дѣвушку за холодность къ человѣку, который самъ выказалъ къ ней такое равнодушіе?

— Нѣтъ, моя добрая мистриссъ Кэндоръ, еслибы мистеръ Фэрминъ былъ въ десять разъ богаче мистера Улькома, я посовѣтовала бы моей дочери отказать ему. Отвѣтственность во всемъ этомъ я принимаю совершенно на себя, а вмѣстѣ со мною отецъ ея и братъ.

Такъ говорила впослѣдствіи мистриссъ Туисденъ въ кружкахъ, гдѣ разнеслись нелѣпые и отвратительные слухи, будто Туисдены принудили свою дочь обмануть молодаго Фэрмина для того, чтобъ выдать ее за богатаго квартерона. Но вѣдь люди мало ли что говорятъ. Еслибы обѣды Улькома не сдѣлались гораздо хуже послѣ его женитьбы, я не сомнѣваюсь, что эти непріятные слухи прекратились бы, а онъ и жена его пользовались бы общимъ уваженіемъ и знакомствомъ.

Вы не должны предполагать, какъ мы уже говорили, что милая Агнеса безъ огорченія отказалась отъ своей первой любви. Кашель показывалъ, какъ сильно бѣдная дѣвушка чувствовала свое положеніе. Этотъ кашель начался очень скоро послѣ того, какъ вниманіе мистера Улькома сдѣлалось значительно, и она для этого оставила Лондонъ. Правда, что капитанъ Ульвомъ могъ послѣдовать за нею безъ всякихъ затрудненій, такъ же какъ и Филиппъ, пріѣхавшій туда, какъ мы видѣли, и такъ грубо поступившій съ капитаномъ Улькомомъ.

Что папа̀ и мама̀ уговорили миссъ Туисденъ, мы съ женою легко могли вообразить, когда Филиппъ въ гнѣвѣ и огорченіи явился къ намъ излить передъ нами чувства своего сердца. Моя жена-хранительница мужскихъ секретовъ и неутомимая утѣшительница. Она знаетъ много грустныхъ исторій, которыхъ мы не вправѣ разсказывать.

— Папа̀ и мама̀ приказали, кричитъ Филиппъ, какъ бы не такъ, мистриссъ Пенденнисъ. Эта дѣвушка обманула меня за парки и десятины этого мулата. Я только-что говорилъ вамъ, что я прекрасно спалъ въ туадскую ночь, когда я съ ней распрощался. Это была ложь. Сколько разъ прошелъ я по утесу и проходя мимо Горизонтальной Террассы я услыхалъ мои стихи, которые я напѣвалъ ей иногда, «когда золотистые локоны посеребрятся»! Вы знаете эти стихи о вѣрности и старости? Она пѣла ихъ въ ту ночь этому негру. И я слышалъ въ открытое окно, какъ голосъ его говорилъ: «браво»!

— Ахъ, Филиппъ, это было жестоко! говоритъ моя жена, сердечно сожалѣя о тоскѣ и огорченіи нашего друга. Это право было жестоко. Мы понимаемъ ваши чувства. Но подумайте, какое несчастное супружество было бы съ такою особою! Подумайте, еслибы вы навсегда отдали ваше горячее сердце этому бездушному созданію!

— Лора, Лора, не часто ли ты сама предостерегала меня не говорить дурно о другихъ? говоритъ мужъ Лоры.

Никакъ не могу удержаться иногда, съ пылкостью кричитъ Лора. Я стараюсь всѣми силами не говорить о моихъ ближнихъ, но суетность этихъ людей оскорбляетъ меня до такой степени, что находиться вмѣстѣ съ ними свыше моихъ силъ. Они до такой степени связаны условными приличіями, до того убѣждены въ своемъ собственномъ высокомъ образованіи, что они кажутся мнѣ гораздо противнѣе и пошлѣе самыхъ простыхъ людей и я увѣрена, что другъ мистера Филиппа, Сестрица, гораздо благороднѣе его скучной тетки или его надменныхъ кузинъ! Честное слово, когда эта дама высказываетъ свои мысли, знаемъ, что̀ она говоритъ, что̀ думаетъ.

Кажется, мистеръ Фэрминъ весьма многихъ посвятилъ въ секретъ своей любви. Онъ принадлежитъ къ числу такихъ людей, которые не умѣютъ сохранять своихъ тайнъ, и когда его задѣнутъ, онъ разревется такъ громко, что всѣ его друзья могутъ его слышать. Было замѣчено, что горести подобныхъ людей продолжаются не долго; да и не было никакой надобности, чтобы сердце Филиппа носило продолжительный трауръ по этому случаю. Онъ между тѣмъ курилъ свои сигары, игралъ въ бильярдъ, распѣвалъ пѣсни, разъѣзжалъ по парку, для того чтобы доставить себѣ удовольствіе выказать пренебреженіе теткѣ и кузинамъ, когда проѣдетъ ихъ коляска, или обогнать капитана Улькома или кузена Рингуда, если эти достойные джентльмэны попадутся ему.

Однажды, когда старый лордъ Рингудъ пріѣхалъ въ Лондонъ по своему обыкновенію весною, Филиппъ удостоилъ сдѣлать ему визитъ и о немъ доложили его сіятельству именно въ то время, когда Тальботъ Туисденъ и Рингудъ, сынъ его, прощались съ своимъ благороднымъ родственникомъ. Филиппъ взглянулъ на нихъ съ сверкающими глазами и раздулъ ноздри по своей ухарской привычкѣ. Они должно быть съ своей стороны порядочно повѣсили носъ, потому что милордъ расхохотался надъ ихъ унылымъ видомъ и чрезвычайно забавлялся, когда они проскользнули въ дверь, въ которую Филиппъ побѣдоносно вошелъ.

— Итакъ, сэръ, у васъ были семейныя непріятности. Слышалъ все, по крайней мѣрѣ съ ихъ стороны. Вашъ отецъ удостоилъ жениться на моей племянницѣ, уже имѣя жену?

— Не имѣя жены, сэръ, хотя мои любезные родственники очень желали доказать, что у него была уже жена.

— Имъ хотѣлось вашихъ денегъ. Тридцать тысячъ фунтовъ не бездѣлица. По десяти тысячъ на каждаго изъ ихъ дѣтей, не было бы уже

необходимости скряжничать. Дѣло кончилось между вами и Агнесой? Нелѣпое было дѣло. Тѣмъ лучше.

— Да, сэръ, тѣмъ лучше.

— У нихъ по десяти тысячъ на каждую дочь. Было бы по двадцати, еслибы имъ достались ваши деньги. Совершенно естественно желать этого.

— Совершенно.

— Улькомъ, кажется, нѣчто въ родѣ негра. У него прекрасное имѣніе здѣсь, кромѣ этой вестъ-индской дряни. Человѣкъ сердитый, такъ мнѣ сказали. Къ счастью, что Агнеса такая хладнокровная женщина, надо же ей какъ-нибудь уживаться съ этимъ осломъ, когда у него такое состояніе. Большое для васъ счастье, что эта женщина увѣряетъ, что она не была обвѣнчана съ вашимъ отцомъ. Туисденъ говоритъ, будто докторъ подкупилъ ее. Достало ли бы у него денегъ подкупить-то, развѣ вы прибавили своихъ?

— Я не подкупаю людей для ложнаго показанія, милордъ... и если...

— Не хорохорьтесь... Я этого не говорилъ. Это Туисденъ говоритъ—можетъ быть и думаетъ. Когда дѣло дойдетъ до процесса, люди вѣрятъ всему другъ о другѣ.

— Я не знаю, что̀ сдѣлали бы другіе, сэръ. Еслибы у меня были чужія деньги, я не былъ бы спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не возвратилъ бы ихъ. Еслибы часть наслѣдства послѣ моего дѣда не принадлежала по закону мнѣ—а я нѣсколько часовъ думалъ это—я отдалъ бы все законнымъ владѣльцамъ, то есть отдалъ бы мой отецъ.

— Какъ, чортъ побери, вы хотите сказать, что вашъ отецъ еще не кончилъ съ вами счетовъ?

Филиппъ немножко покраснѣлъ.

— Я сдѣлался совершеннолѣтнимъ только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сэръ. Я не имѣю никакихъ опасеній. Я получаю дивидендъ довольно аккуратно. Одинъ изъ опекуновъ моего дѣда, генералъ Бэйнисъ въ Индіи. Онъ скоро воротится. Намъ не къ чему торопиться.

Дѣдъ Филиппа по матери, братъ лорда Рингуда, умершій полковникъ Филиппъ Рингудъ, имѣлъ весьма незначительное состояніе, но жена принесла ему въ приданое шестьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые были укрѣплены за ихъ дѣтьми, а опекунами выбраны мистеръ Бриггсъ, стряпчій, и полковникъ Бэйнисъ, остъ-индскій офицеръ, другъ семейства мистриссъ Филиппъ Рингудъ. Полковникъ Бэйнисъ былъ въ Англіи восемь лѣтъ тому назадъ, и Филиппъ помнилъ добраго старика, пріѣзжавшаго къ нему въ школу и оставлявшаго ему знаки своей щедрости. Другой опекунъ, мистеръ Бриггсъ,

юристъ довольно знаменитый въ провинціи, давно умеръ, оставивъ запутанныя дѣла. Во время отсутствія опекуновъ и малолѣтства сына отецъ Филиппа получалъ дивидендъ съ капитала сына и щедро тратилъ его на мальчика. Даже мнѣ кажется, что въ университетѣ и во время путешествія за-границу мистеръ Филиппъ тратилъ нѣсколько болѣе дохода съ материнскаго наслѣдства, получая достаточное содержаніе отъ отца, который просилъ его не стѣсняться. Докторъ Фэрминъ былъ человѣкъ щедрый; онъ любилъ пышность, любилъ давать торжественные обѣды, подписывался на разныя благотворительныя дѣла. Обѣды и экипажи доктора были образцами въ своемъ родѣ, и я помню, съ какимъ искреннимъ уваженіемъ дядя мой, маіоръ, говорилъ о вкусѣ доктора.

— Ни одна герцогиня въ Лондонѣ, сэръ, говаривалъ онъ, не ѣздитъ на такихъ лошадяхъ, какъ мистриссъ Фэрминъ. Сэръ Джорджъ Уаррендеръ, сэръ, не могъ дать лучшаго обѣда, какъ тотъ, за которымъ мы сидѣли вчера.

— Обѣдалъ я разъ у него, сэръ, съ другой стороны говаривалъ лордъ Рингудъ: самохвалъ, сэръ, но и раболѣпный человѣкъ, кланялся онъ и льстилъ совершенно нелѣпымъ образомъ. Эти люди думаютъ будто мы любимъ это—можетъ быть. Даже въ мои лѣта я люблю лесть и не ту, что̀ вы называете деликатной, а сильную, сэръ. Я люблю, когда человѣкъ становится передо мной на колѣни и цѣлуетъ мои башмаки. Послѣ я думаю объ немъ, какъ самъ знаю, но я это люблю—это всѣ любятъ; а Фэрминъ на это щедръ. Но вы могли видѣть, что его хозяйство было очень расточительно. Обѣды его были превосходны и каждый день—не такъ какъ ваши, моя добрая Марія; не съ такими винами какъ у васъ, Туисденъ, которыхъ я ужъ никакъ не могу взять въ ротъ, если не пришлю своихъ. Даже я у себя не всегда даю такія вина, какія давалъ Фэрминъ. Самъ я пью лучшія, разумѣется, и даю нѣкоторымъ знатокамъ, но ужъ, конечно, не дамъ ихъ всякому, кто у меня бываетъ на охотничьихъ обѣдахъ, или дѣвочкамъ и мальчикамъ, которые танцуютъ на моихъ балахъ.

— Да, обѣды мистера Фэрмина были очень хороши — да хорошо и кончились! сказала со вздохомъ мистриссъ Туисденъ.

— Не въ этомъ вопросъ; я только говорю о томъ, что̀ у него подавалось за столомъ, а это было очень хорошо. И я такъ думаю, что этотъ человѣкъ будетъ давать хорошіе обѣды, гдѣ бы онъ не былъ.

Я имѣлъ счастье присутствовать на одномъ изъ этихъ пиршествъ, гдѣ былъ также и лордъ Рингудъ и гдѣ я встрѣтилъ опекуна Филиппа, генерала Бэйниса, только что пріѣхавшаго изъ Индіи. Я помню теперь малѣйшія подробности маленькаго обѣда, блескъ стараго сереб-

ра, которымъ докторъ гордился, и комфортъ, чтобы не сказать пышность, угощенія. Генералъ, кажется, очень полюбилъ Филиппа, дѣдъ котораго былъ его искреннимъ другомъ и товарищемъ по оружію. Онъ находилъ въ лицѣ Филиппа Фэрмина нѣкоторое сходство съ Филиппомъ Рингудомъ.

— Неужели? заворчалъ лордъ Рингудъ.

— Вы ни капельки на него не похожи, сказалъ прямодушный генералъ. Я никогда не видалъ человѣка съ болѣе красивымъ и открытымъ лицомъ, какъ Филиппъ Рингудъ.

— А я не вижу ни малѣйшаго сходства въ этомъ молодомъ человѣкѣ съ моимъ братомъ.

— Вотъ этому хересу столько же лѣтъ, какъ этому вѣку, шепчетъ хозяинъ—это тотъ самый, который принцъ Регентъ такъ любилъ на обѣдахъ лорда мэра двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

— Я не зналъ никогда никакого толка въ винахъ, я всегда пью ликеры и пуншъ. Что̀ вы платите за этотъ хересъ, докторъ?

Докторъ вздохнулъ.

— Пейте его, но не спрашивайте меня о цѣнѣ. Мнѣ не хочется говорить, что̀ я даю за него.

— Вамъ не къ чему скупиться, докторъ, весело вскричалъ генералъ, у васъ только одинъ сынъ, у котораго свое собственное состояніе, какъ мнѣ извѣстно. Вы не промотали его, мистеръ Филиппъ?

— Я боюсь, сэръ, что издерживалъ нѣсколько болѣе дохода въ послѣдніе три года, но батюшка помогалъ мнѣ.

— Издерживалъ болѣе девяти сотъ фунтовъ въ годъ! Честное слово! Когда я былъ поручикомъ, мои родные давали мнѣ по пятидесяти фунтовъ въ годъ и я никогда не былъ долженъ ни одного шиллинга! Куда теперь стремится молодёжъ.

— Если доктора пьютъ хересъ принца Регента по десяти гиней за дюжину, чего вы можете ожидать отъ ихъ сыновей, генералъ Бэйнисъ, заворчалъ милордъ.

— Отецъ мой угощаетъ васъ самымъ лучшимъ своимъ виномъ, милордъ, весело сказалъ Филиппъ, если вы знаете вино еще лучше этого, онъ достанетъ его для васъ. Si non his utere mecum! Пожалуйста, передайте мнѣ этотъ графинъ, Пенъ!

Мнѣ показалось, что милорду довольно понравилась смѣлость молодаго человѣка; и теперь, какъ я припоминаю, нашъ хозяинъ былъ какъ-то особенно молчаливъ и озабоченъ, онъ и безъ того уже всегда имѣвшій такое тревожное и грустное лицо.

Знаменитый хересъ раза три или четыре обошелъ вокругъ стола, когда Брайсъ вошелъ съ письмомъ на серебряномъ подносѣ. Мы съ

Филиппомъ лукаво переглянулись. Докторъ часто получалъ письма, когда угощалъ своихъ друзей; его пацiенты имѣли привычку заболѣвать совсѣмъ не кстати.

— Великiй Боже, вскричалъ докторъ, прочтя депешу—это была телеграфическая депеша.—Бѣдный герцогъ!

— Какой герцогъ? спросилъ угрюмый лордъ Рингудъ.

— Мой покровитель и другъ, великiй герцогъ Грёнингенскiй! Заболѣлъ сегодня утромъ въ одинадцать часовъ въ Поцендорффѣ! Онъ прислалъ за мною. Я обѣщалъ явиться къ нему, когда я не понадобился бы ему. Я долженъ ѣхать. Я могу еще поспѣть на вечернiй поѣздъ. Генералъ, наше посѣщенiе въ Сити надо отложить до моего возвращенiя. Приготовьте чемоданъ, Брайсъ; позовите извощика. Филиппъ займетъ моихъ друзей. Любезный лордъ, вы позволите старому доктору оставить васъ для стараго пацiента? Я напишу изъ Грёнингена. Я буду тамъ въ пятницу утромъ. Прощайте, господа! Брайсъ, еще бутылку этого хереса! Пожалуйста, не позволяйте никому вставать! Богъ съ тобою, Филиппъ, мой милый!

И съ этими словами докторъ всталъ, взялъ сына за руку, а другую руку ласково положилъ на плечо молодаго человѣка. Потомъ поклонился гостямъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ грацiозныхъ поклоновъ, которыми онъ славился. Я и теперь еще вижу грустную улыбку на его лицѣ, свѣтъ отъ подсвѣчника, стоявшаго на столѣ, освѣщающiй его гладкiй лобъ и бросающiй глубокую тѣнь на его щеки отъ его густыхъ бровей.

Отъѣздъ былъ нѣсколько неожиданный и, разумѣется, набросилъ какой-то мракъ на все общество.

— Я велѣлъ моей каретѣ прiѣхать въ десять часовъ и долженъ теперь сидѣть здѣсь. Проклятую жизнь ведутъ доктора! Должны таскаться во всякое время дня и ночи! Получаютъ за то плату! Должны ѣхать! ворчалъ лордъ Рингудъ.

— Больные рады, когда могутъ имѣть ихъ, милордъ. Мнѣ кажется, я слышалъ, что когда вы были въ Райдѣ...

Милордъ вздрогнулъ, какъ будто его облили холодной водой; а потомъ бросилъ на Филиппа довольно дружелюбный взглядъ.

— Онъ лечилъ меня отъ подагры—такъ. И лечилъ очень хорошо! сказалъ милордъ. Смѣльчакъ этотъ мальчикъ, прошепталъ онъ довольно слышно; а потомъ началъ разговаривать съ генераломъ Бэйнисомъ объ его кампанiяхъ и объ его знакомствѣ съ своимъ братомъ, дѣдомъ Филиппа.

Генералъ не любилъ хвастаться своими воинскими подвигами, но громко расхваливалъ своего стараго товарища. Филиппу было прiятно

слышать, что объ его дѣдѣ говорятъ такъ хорошо. Генералъ также зналъ отца доктора Фэрмина, который служилъ полковникомъ въ знаменитой старой арміи Веллингтона.

— Отчаянный молодецъ былъ этотъ человѣкъ! сказалъ добрый генералъ. Вашъ отецъ очень на него похожъ. И вы смахивате на него иногда. Но вы очень напоминаете мнѣ Филиппа Рингуда и вы не можете походить на лучшаго человѣка.

— А! сказалъ милордъ.

Между нимъ и его братомъ были несогласія. Но онъ, можетъ быть, думалъ о тѣхъ дняхъ, когда они были друзьями. Лордъ Рингундъ потомъ любезно спросилъ, въ Лондонѣ ли остается генералъ Бэйнисъ? Но генералъ пріѣхалъ только по этому дѣлу, которое теперь надо отправить. Онъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы жить въ Лондонѣ. Онъ долженъ былъ отыскать какую нибудь деревню, гдѣ онъ могъ бы жить дешево съ своими шестерыми дѣтьми.

— Три мальчика у меня въ школѣ, да одинъ въ университетѣ, мистеръ Филиппъ, вы знаете чего это должно стоить; хотя, слава Богу, мой студентъ не тратитъ по девяти сотъ фунтовъ въ годъ. Девятьсотъ! Куда бы намъ дѣваться, еслибы онъ тратилъ столько?

Въ самомъ дѣлѣ, дни набобовъ давно исчезли и генералъ воротился на свою родину съ весьма малыми средствами для содержанія большаго семейства.

Когда пріѣхала карета милорда, онъ отправился и другіе гости тоже простились. Генералъ, который былъ холостякомъ на время, остался, и мы трое болтали за сигарами въ комнатѣ Филиппа. Этотъ вечеръ походилъ на сотню вечеровъ, проведенныхъ мною тамъ, а какъ хорошо я его помню! Мы говорили о будущихъ надеждахъ Филиппа, и онъ сообщилъ свои намѣренія намъ по-своему, по-барски. Практиковать въ адвокатурѣ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ въ отвѣтъ на вопросъ генерала Бэйниса, въ этомъ онъ не очень большія выгоды пріобрѣлъ бы, еслибы даже онъ былъ бѣденъ. Но у него были свои собственныя деньги и отцовскія, и онъ удостоилъ сказать, что можетъ быть попробуетъ вступить въ парламентъ, если представится случай.

— Вотъ мальчикъ родился съ серебряной ложкой во рту, сказалъ генералъ, когда мы ушли вмѣстѣ. Богатъ самъ по себѣ, да получитъ богатство и въ наслѣдство.

Разставшись съ старымъ генераломъ у его скромной квартиры близъ его клуба, я отправился домой, вовсе не думая, чтобы сигара, пепелъ которой я стряхнулъ въ комнатѣ Филиппа, была послѣднею сигарою, какую мнѣ пришлось выкурить тамъ. Табакъ былъ выкуренъ. Вино было выпито. Когда эта дверь затворилась за мною, она затво-

рилась въ послѣдній разъ, покрайней мѣрѣ какъ для гостя и друга доктора Фэрмина и Филиппа. Я часто прохожу теперь мимо этого дома. Моя юность возвращается ко мнѣ, когда я гляжу на эти блестящія окна, я вижу себя мальчикомъ, а Филиппа ребенкомъ; я вижу его бѣлокурую мать, вижу его отца гостепріимнаго, меланхолическаго, великолѣпнаго. Я жалѣю, что я не могъ помочь ему. Я жалѣю, что онъ не занималъ у меня денегъ. Онъ никогда не занималъ. Онъ часто давалъ мнѣ своихъ денегъ. Я не видалъ его съ того самаго вечера, когда его дверь затворилась за нимъ.

На другой день послѣ отъѣзда доктора, когда я завтракалъ съ своимъ семействомъ, я получилъ слѣдующее письмо:

«Любезный Пенденнисъ!

«Еслибы я могъ видѣть васъ наединѣ во вторникъ вечеромъ, я можетъ быть предупредилъ бы васъ о несчастіи, угрожавшемъ моему дому. Однако для чего? Для того ли, чтобы вы узнали за нѣсколько недѣль, за нѣсколько часовъ то, что всѣмъ будетъ извѣстно завтра? Ни вы, ни я, ни тотъ, кого мы оба любимъ, не были бы счастливѣе, узнавъ о моемъ несчастіи нѣсколькими часами ранѣе. Черезъ двадцать четыре часа въ каждомъ клубѣ въ Лондонѣ будутъ говорить объ отъѣздѣ знаменитаго доктора Фэрмина, богатаго доктора Фэрмина; еще нѣсколько мѣсяцевъ и (я имѣю серьёзныя и секретныя причины думать) мнѣ досталось бы наслѣдственное званіе, но сэръ Джорджъ Фэрминъ былъ бы банкротомъ, а сынъ его, сэръ Филиппъ, нищимъ. Можетъ быть мысль объ этой почести была одною изъ причинъ, побудившихъ меня осудить себя на изгнаніе ранѣе, чѣмъ я сдѣлалъ бы это въ другомъ случаѣ.

«Джорджъ Фэрминъ, уважаемый, богатый докторъ, а сынъ его нищій? Я вижу, васъ изумляетъ это извѣстіе. Вы спрашиваете себя, какъ при большой практикѣ и безъ огромныхъ издержекъ подобное разореніе могло сдѣлаться со мною—съ нимъ. Точно будто въ послѣдніе годы судьба рѣшилась объявить войну Джорджу Бранду Фэрмину, а кто можетъ бороться противъ судьбы? Меня вообще находили человѣкомъ съ здравымъ смысломъ, я пустился въ торговыя спекуляціи, обѣщавшія вѣрный успѣхъ. Все, до чего я прикасался, разрушалось; и почти безъ копѣйки, почти престарѣлый изгнанникъ, изгнанникъ изъ моей родины, я ищу другую страну, гдѣ я не отчаяваюсь—*я даже твердо вѣрю*,—буду въ состояніи поправить мое состояніе! Мой родъ никогда не имѣлъ недостатка въ мужествѣ, и Филиппъ, и *отецъ Филиппа* должны употребить все свое мужество, чтобы быть въ состояніи встрѣтить мрачныя времена, угрожающія имъ.

«Есть одинъ человѣкъ, я признаюсь вамъ, съ которымъ я не могу,

я не долженъ встрѣтиться. Генералъ Бэйнисъ пріѣхалъ изъ Индіи съ весьма небольшимъ состояніемъ, я боюсь; да и оно подвергнуто опасности его неблагоразуміемъ и моимъ жестокимъ неожиданнымъ несчастьемъ. Мнѣ не нужно говорить вамъ, что *все* мое состояніе принадлежало бы моему сыну. Завѣщаніе мое, написанное давно, вы найдете въ черепаховомъ бюро, которое стоитъ въ консультаціонной комнатѣ подъ картиною, изображающею Авраама, приносящаго въ жертву Исаака. Въ этомъ завѣщаніи вы увидите, что все, кромѣ пожизненной пенсіи старымъ и достойнымъ слугамъ и небольшой суммы, отказанной превосходной и вѣрной женщинѣ, которую я оскорбилъ—все мое состояніе, которое когда-то было значительно, *отказано моему сыну*.

«Теперь у меня менѣе чѣмъ ничего и вмѣстѣ съ моимъ состояніемъ я разорилъ и Филиппово. Какъ человѣкъ дѣловой, генералъ Бэйнисъ, старый товарищъ по оружію полковника Рингуда, былъ виновно небреженъ, а я—увы! я долженъ признаться въ этомъ—я обманулъ его. Оставшись единственнымъ опекуномъ (другой опекунъ имѣнія мистриссъ Филиппъ Рингудъ, былъ безсовѣстный стряпчій, давно умершій), генералъ Бэйнисъ подписалъ бумагу, дававшую право, какъ онъ воображалъ, моимъ банкирамъ получать дивидендъ Филиппа, но на самомъ дѣлѣ дававшую мнѣ право располагать капиталомъ. Клянусь честью человѣка, джентльмэна, отца, Пенденнисъ, я надѣялся возвратить этотъ капиталъ! Я взялъ его; я употребилъ его на спекуляціи, въ которыхъ онъ исчезъ съ моимъ собственнымъ состояніемъ въ десять разъ больше этой суммы. *Съ величайшимъ затрудненіемъ для меня* мой бѣдный мальчикъ получалъ свой дивидендъ, и *онъ* покрайней мѣрѣ никогда не зналъ до сихъ поръ, что̀ значитъ нужда и безпокойство. Нужда? Безпокойство? Дай Богъ, чтобы онъ никогда не испыталъ тоски безсонныхъ ночей и мучительной тревоги, которыя преслѣдовали меня! Какъ вы думаете, будутъ ли преслѣдовать меня горе и угрызеніе тамъ, куда отправляюсь я? Они не оставятъ меня до тѣхъ поръ пока я не возвращусь на родину—а я не возвращусь, сердце говоритъ мнѣ это—до тѣхъ поръ, пока не расплачусь съ генераломъ Бэйнисомъ, который остается долженъ Филиппу по милости своей неосторожности и моей неумолимой нужды; а мое сердце—сердце заблуждающагося, но нѣжнаго *отца*—говоритъ мнѣ, что сынъ мой не будетъ раззоренъ моимъ несчастьемъ.

«Я сознаюсь между нами, что эта болѣзнь Грёнингенскаго великаго герцога была предлогомъ, придуманнымъ мною. Вы скоро услышите обо мнѣ изъ того мѣста, куда я рѣшился направить мои шаги. Я положилъ 100 ф. с. на имя Филиппа у его банкировъ. Я взялъ съ собою немногимъ больше этой суммы; унылый однако *исполнен-*

ный надежды, поступивъ дурно, но *рѣшившись* загладить это, я клянусь, что прежде чѣмъ я умру, мой бѣдный сынъ не будетъ краснѣть что носитъ имя

«Джорджа Бранда Фэрмина».

«Прощай милый Филиппъ! Твой старый другъ разскажетъ тебѣ о моихъ несчастьяхъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я увѣдомлю тебя, куда адресовать твои письма, и гдѣ бы ни былъ я, какія несчастья не тяготили бы меня, думай обо мнѣ всегда, какъ о твоемъ нѣжномъ

«Отцѣ».

Едва я прочелъ это ужасное письмо, какъ Филиппъ Фэрминъ самъ вошелъ къ намъ въ столовую съ разстроеннымъ видомъ.

ГЛАВА XV.

Самаритане.

Дѣти подбѣжали къ своему пріятелю съ распростертыми ручками и съ улыбкой привѣтствія. Филиппъ погладилъ ихъ по головѣ и сѣлъ съ весьма печальнымъ лицомъ за нашъ семейный столъ.

— Ахъ, друзья, сказалъ онъ, вы знаете все?

— Да, знаемъ, отвѣчала грустно Лора, которая всегда сострадала къ несчастьямъ другихъ.

— Какъ, это ужъ разнеслось по городу? спросилъ бѣдный Филиппъ.

— Мы получили письмо отъ вашего отца сегодня.

Мы принесли ему письмо, и показали особенную ласковую приписку къ нему.

— Его послѣдняя мысль была о васъ, Филиппъ! вскричала Лора; посмотрите на эти послѣднія добрыя слова!

Филиппъ покачалъ головою.

— Не все неправда, что̀ тутъ написано, но не все и правда.

И Филиппъ Фэрминъ огорчилъ насъ извѣстіемъ, которое онъ сообщилъ намъ. Въ Старую Паррскую улицу явились уже сотни кредиторовъ. Передъ отъѣздомъ докторъ забралъ значительныя суммы отъ тѣхъ опасныхъ капиталистовъ, къ которымъ онъ послѣднее время прибѣгалъ. У нихъ было безчисленное множество недавно подписанныхъ векселей, по которымъ отчаянный человѣкъ набралъ денегъ. Онъ увѣрялъ, будто раздѣлился по ровну съ Филиппомъ, но себѣ онъ взялъ большую часть, а Филиппу оставилъ двѣсти фунтовъ изъ его собст-

венныхъ денегъ. Все остальное исчезло. Отецъ его обманомъ воспользовался подписью опекуна, и Филиппъ Фэрминъ, слывшій такимъ богатымъ, сидѣлъ нищимъ въ моей комнатѣ. Къ счастью у него было мало и то ничтожные долги.

Ну, онъ долженъ работать. Молодой человѣкъ, разорившійся въ двадцать два года, съ двумя стами ф. с. въ карманѣ, врядъ ли понимаетъ, что онъ разоренъ. Онъ продастъ лошадей, найметъ квартиру—у него есть чѣмъ прожить годъ. Мы даже давно не видали Филиппа въ такомъ бодромъ расположеніи духа.

— Теперь у меня спала тяжесть съ души. Самъ не понимая за чѣмъ и почему, я давно уже ждалъ этого. На лицѣ моего бѣднаго отца было написано разореніе; а когда эти полицейскіе явились вчера въ Старую Паррскую улицу, мнѣ показалось, будто я зналъ ихъ прежде. Я видѣлъ во снѣ ихъ птичьи клювы.

— Этотъ несчастный генералъ Бэйнисъ, принимая на себя опеку надъ имѣніемъ вашей матери, принялъ вмѣстѣ съ нею и всю отвѣтственность. Если часовой заснетъ на своемъ посту, онъ долженъ быть наказанъ, сказалъ очень строго мистеръ Пенденнисъ.

— Великій Боже, неужели вы хотите, чтобы я разорилъ старика съ такимъ большимъ семействомъ? вскричалъ Филиппъ.

— Нѣтъ, я не думаю, чтобы Филиппъ это сдѣлалъ, сказала моя жена и на лицѣ ея выразилось удовольствіе.

— Тотъ, кто принимаетъ на себя обязанность, долженъ исполнить ее, моя милая, вскричалъ хозяинъ дома.

— Такъ я долженъ заставить старика поплатиться за вину моего отца? Если я это сдѣлаю, пусть же я умру съ голода! закричалъ Филиппъ.

— Итакъ эта бѣдная Сестрица понапрасну принесла жертву! сказала мнѣ послѣ со вздохомъ моя жена. А отецъ — о, Артуръ, не могу тебѣ сказать, какъ былъ для меня противенъ этотъ человѣкъ. Въ немъ было что-то ужасное, а обращеніе его съ женщинами—о!..

— Если бы дулъ холодный сквозной вѣтеръ, моя милая, ты не могла бы болѣе задрожать.

— Онъ былъ препротивный; я знаю, что Филиппу теперь будетъ гораздо лучше, когда онъ уѣхалъ.

Женщины часто очень легко смотрятъ на разореніе. Дайте имъ только возлюбленные предметы, и бѣдность кажется имъ ничтожнымъ горемъ. А Филиппъ даже сталъ веселѣе, чѣмъ въ прошлые годы. Побѣгъ доктора не мало возбудилъ толковъ въ клубахъ; теперь, когда онъ уѣхалъ, многіе видятъ, что имъ давно было извѣстно его разореніе, что они всегда знали, что такъ кончиться должно. Объ этомъ

дѣлѣ разговариваютъ, толкуютъ, преувеличиваютъ его, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Это доставило толковъ на цѣлую недѣлю. Но всѣмъ было извѣстно, что бѣдный Филиппъ самый значительный кредиторъ своего отца, и всѣ смотрѣли на молодаго человѣка довольно дружелюбными глазами, когда онъ явился въ свой клубъ послѣ своей бѣды, съ пылающими щеками, съ мучительнымъ чувствомъ стыда, воображая, что всѣ будутъ избѣгать его, какъ сына бѣглеца.

Нѣтъ. Свѣтъ очень мало обратилъ вниманія на его несчастье. Двое, трое старыхъ знакомыхъ даже стали ласковѣе къ нему, чѣмъ прежде. Нѣкоторые говорили, что его разореніе и необходимость работать принесутъ ему пользу. Только очень, очень немногіе избѣгаютъ его и дѣлаютъ видъ, будто не примѣчаютъ, когда онъ проходитъ мимо. Между этими холодными физіономіями, вы, разумѣется, узнаете лица всей Туисденской семьи. Три статуи съ мраморными глазами не могли казаться каменнѣе тетушки Туисденъ и ея двухъ дочерей, когда онѣ ѣдутъ въ своей величественной коляскѣ мимо Филиппа. Мужчины краснѣютъ, когда видятъ его, а дядѣ Туисдену кажется немножко поздно начинать краснѣть.

— Чортъ его побери! Разумѣется, онъ придетъ за деньгами. Даукинсъ, помни, что меня нѣтъ дома, когда придетъ молодой мистеръ Фэрминъ.

Такъ говорилъ лордъ Рингудъ. Ахъ, путешественники находятъ и Самаританъ и левитовъ на своемъ трудномъ жизненномъ пути! Филиппъ разсказывалъ намъ съ большимъ юморомъ о встрѣчѣ своей съ своимъ кузеномъ Рингудомъ Туисденомъ въ клубѣ. Туисденъ забавлялся съ нѣкоторыми молодыми писарями, своими товарищами, но когда Филиппъ подошелъ, свирѣпо нахмуривъ брови и съ своимъ побѣдоноснымъ видомъ, тотъ струсилъ и убѣжалъ. И неудивительно.

— Неужели вы думаете, говорилъ Туисденъ, что я соглашусь сидѣть въ одной комнатѣ съ этимъ негодяемъ, послѣ того какъ онъ поступилъ съ моимъ семействомъ! Нѣтъ, сэръ!

Итакъ дверь въ Бонашской улицѣ уже не открывалась болѣе для Филиппа Фэрмина.

Но дверь въ Бонашской улицѣ охотно открывалась для другаго джентльмэна. Великолѣпная лошадь, запряженная въ кабріолетъ, подъѣжаетъ къ этой двери каждый день. Пара лакированныхъ сапогъ выпрыгиваетъ изъ кабріолета и бѣжитъ по широкой лѣстницѣ, на верху которой кто-то ждетъ съ улыбкой привѣтствія — съ тою же самою улыбкою, на томъ же самомъ диванѣ—та же самая мама пишетъ письма за своимъ столомъ. Прелестные букеты изъ Ковентгардена

украшаютъ комнату. Черезъ полчаса мама выходитъ поговорить съ ключницей, vous comprenez. Нѣтъ ничего особенно новаго подъ луною. Захотѣли ли бы вы, по совѣсти—вы готовы считать поведеніе миссъ Агнесъ Туисденъ бездушнымъ—захотѣли ли бы вы, чтобы она выплакала свои хорошенькіе глазки о молодомъ человѣкѣ, который не очень ее любилъ, котораго она сама не очень любила и который теперь, сверхъ того, нищій, съ разореннымъ и обезславленнымъ отцомъ, и сомнительнаго происхожденія? Какая нелѣпость!

Когда тѣснимый превосходнымъ числомъ непріятеля, полководецъ принужденъ отступить, мы любимъ, чтобы онъ выказалъ свое искусство, унеся съ собою свои ружья, пушки, казну и лагерныя принадлежности. Докторъ Фэрминъ, побитый фортуною и принужденный бѣжать, выказалъ превосходное искусство и хладнокровіе въ своемъ побѣгѣ, и оставилъ весьма небольшую добычу въ рукахъ побѣдоноснаго врага. Вина его славились между важными эпикурейцами, съ которыми онъ обѣдалъ; онъ любилъ похвастаться, какъ достойный bon vivant, знающій цѣну разговора о винѣ послѣ обѣда, количество рѣдкаго вина, которое у него хранилось въ запасѣ, но когда дѣло дошло до продажи его имущества, нашлись только пустыя бутылки, и я боюсь, что нѣкоторые безсовѣстные кредиторы нашли въ нихъ скверное вино, которое выдавали публикѣ за настоящій и заботливо выбранный запасъ извѣстнаго знатока. Извѣстіе объ этомъ безчестномъ поступкѣ дошло до доктора Фэрмина въ его убѣжище, и онъ высказалъ въ своемъ письмѣ великодушное и мужественное негодованіе на то, какъ кредиторы запятнали его честное имя и репутацію bon vivant. *У него* было дурное вино! Какой стыдъ! Онъ покупалъ у самыхъ лучшихъ виноторговцевъ и платилъ или, лучше сказать, бралъ въ долгъ за самую дорогую цѣну, потому что въ послѣдніе годы докторъ совсѣмъ не платилъ по счетамъ. Фэрминъ отретировался, мы не скажемъ съ воинскими почестями, но наивозможно менѣе поврежденный пораженіемъ. Въ домѣ у него не осталось ничего порядочнаго. Другъ дома и Филиппа купилъ за нѣсколько гиней портретъ его матери; а собственный портретъ доктора, я боюсь, былъ проданъ только за нѣсколько шиллинговъ и среди хохота жидовъ.

Мы говорили вполголоса, невинно думая, что дѣти не обращали вниманія на нашъ разговоръ. Но вдругъ мистеръ Пенденнисъ младшій, который всегда былъ пріятелемъ Филиппа, сказалъ.

— Филиппъ, если вы ужъ такъ *очень* бѣдны, стало быть вы голодны, конечно, возьмите же мой кусокъ хлѣба съ ветчиной. Я не хочу его, мама, прибавилъ онъ—и ты знаешь, Филиппъ часто давалъ мнѣ разныя разности.

Филиппъ наклонился и поцѣловалъ этого добраго маленькаго Самаритянина.

— Я не голоденъ, Арти, сказалъ онъ, и я не такъ бѣденъ, чтобы у меня не нашлось—посмотри—славнаго новаго шиллинга для Арти!

— О, Филиппъ, Филиппъ! кричитъ мама.

— Не бери денегъ, Артуръ, кричитъ папа.

И мальчикъ съ плачевнымъ личикомъ, но съ мужественнымъ сердцемъ, приготовился отдать назадъ монету.

— Онъ совсѣмъ новенькій и очень хорошенькій, но я его не возьму, Филиппъ, благодарствуйте, сказалъ онъ, очень покраснѣвъ.

— Если онъ не возьметъ, я клянусь, чте отдамъ этотъ шиллингъ извощику, сказалъ Филиппъ.

— Вы держали извощика все это время? О, Филиппъ, Филиппъ! опять закричала экономная мама.

— Потеря времени, потеря денегъ, милая мистриссъ Пенденнисъ, сказалъ Филиппъ очень серьёзно. Мнѣ нужно быть во многихъ мѣстахъ. Когда я разорюсь совсѣмъ, вы увидите, какимъ я сдѣлаюсь скрягой! Я долженъ ѣхать къ мистриссъ Брандонъ, которая будетъ очень безпокоиться, бѣдняжка, пока не узнаетъ всего.

— О, Филиппъ, мнѣ бы такъ хотѣлось поѣхать съ вами! вскричала Лора. Пожалуйста, засвидѣтельствуйте ей наше уваженіе.

— Merci, сказалъ молодой человѣкъ и схватилъ ручку мистриссъ Пенденниссъ въ свою большую руку. Я передамъ ей ваше порученіе, Лора. J'aime qu'on l'aime, savez-vous?

— Это значитъ, я люблю тѣхъ, кто любитъ ее, вскричала маленькая Лора, но я не знаю, замѣтила послѣ эта маленькая особа своему родителю и повѣренному, люблю ли я, чтобы *всѣ* любили мою мама. То есть, я не люблю, чтобы *она* любила ихъ, папа—только вы можете, папа, и Этель можетъ, и, Артуръ можетъ, я думаю Филиппъ можетъ, теперь, когда онъ бѣденъ и совсѣмъ, совсѣмъ одинъ, и мы будемъ заботиться о немъ, будемъ? И мнѣ кажется, я куплю ему что нибудь на мои деньги, которыя мнѣ дала тетушка Этель.

— А я отдамъ ему мои деньги, закричалъ мальчикъ.

— А я дамъ ему мои... мои...

Но пересказывать ли все, что нѣжныя губки болтали въ своей безъискусственной добротѣ? Но нѣжныя слова любви и состраданія наполнили сердце матери радостью и признательностью.

Мистриссъ Пенденнисъ взяла съ Филиппа слово пріѣхать обѣдать и не брать извощика, это слово мистеру Фэрмину не трудно было сдержать, потому что ему стоило сдѣлать только нѣсколько сотъ ярдовъ изъ своего клуба чрезъ паркъ, и я долженъ сказать, что моя

жена особенно позаботилась о нашемъ обѣдѣ въ этотъ день, приготовивъ для Филиппа блюда, которыя онъ любилъ.

Я уже прежде описывалъ нашего друга и его шумную, пылкую, великодушную натуру. Когда Филиппъ былъ растроганъ, онъ всѣмъ на свѣтѣ показывалъ свое волненіе. Когда онъ былъ сердитъ, всѣ его враги были мошенники и негодяи. Онъ клялся, что не будетъ щадить ихъ, и желалъ, чтобы всѣ его знакомые участвовали въ его гнѣвѣ. Какимъ образомъ такой откровенный сынъ могъ имѣть такого скрытнаго отца? Навѣрно вы видѣли, что очень хорошо воспитанные молодые люди были дѣтьми пошлыхъ и необразованныхъ родителей, что хвасливый отецъ имѣлъ молчаливаго сына, смѣлая мать—скромную дочь. Другъ нашъ не Амадисъ и не сэръ Чарльзъ Грандисонъ, и я нисколько не выставляю его человѣкомъ, которому слѣдуетъ подражать; но я стараюсь изобразить его вѣрно, какъ природа создала его. Какимъ природа создала его, такимъ онъ и былъ.

Ну я опять долженъ сказать, что Филиппъ кричалъ о своемъ горѣ, хохоталъ во все горло, былъ расточителенъ на похвалы, на восторгъ къ своимъ друзьямъ и на презрѣніе къ своимъ врагамъ; онъ не былъ справедливымъ человѣкомъ, но я встрѣчалъ людей справедливѣе его, но въ половину не столь честныхъ; конечно, онъ не былъ человѣкомъ безукоризненнымъ, хотя я знаю людей лучше его, которые вовсе не такъ добры. Такъ, я полагаю, думаетъ моя жена, а то зачѣмъ бы ей такъ любить его? Когда Филиппъ пришелъ обѣдать къ намъ въ первый день своего разоренія, лицо его сіяло счастьемъ, онъ смѣялся, прыгалъ, ласкалъ дѣтей, то бралъ ихъ на колѣна, то вскидывалъ малютку до потолка, то вскакивалъ на диванъ, то ѣздилъ верхомъ на стулѣ. Что́ же касается до обѣда, то аппетитъ у Филя всегда былъ прекрасный, но въ этотъ день едва ли людоѣдъ могъ страшнѣе работать вилкой и ножомъ.

— Я обѣдаю за сегодня и за завтра тоже; я не могу ожидать каждый день такого прекраснаго обѣда. Какъ хорошо это бордосское! Можно мнѣ завернуть его въ бумагу и унести домой?

Дѣти громко расхохотались при этой чудесной идеѣ унести домой вино въ бумагѣ. И дѣти, и благоразумные люди не всегда смѣются самымъ остроумнымъ шуткамъ.

Когда мы остались втроемъ, освободившись отъ слугъ и дѣтей, нашъ другъ разсказалъ намъ причину своей веселости.

— Ей-Богу! божился онъ, стоитъ раззориться для того, чтобы встрѣтить такихъ добрыхъ людей. Моя милая, добрая Лора—тутъ онъ вытеръ глаза платкомъ—я насилу удержался утромъ, чтобы не сжать васъ въ своихъ объятіяхъ: вы были такъ великодушны и—и такъ доб-

ры, такъ нѣжны, такъ ласковы, ей-Богу. Оставивъ васъ, куда вы думаете я поѣхалъ?

— Мнѣ кажется, я могу угадать, Филиппъ, сказала Лора.

— Ну, разумѣется я поѣхалъ къ ней, продолжалъ Филиппъ. Я думаю, что лучше ея у меня нѣтъ друга на свѣтѣ. Старика не было дома и я разсказалъ ей все, что̀ случилось. Что̀ вы думаете сдѣлала она? Она сказала, что ждала меня и приготовила комнатку съ прехорошенькою кроватью на верху—такъ опрятно и красиво все тамъ убрано; и просила и умоляла, чтобы я переѣхатъ къ ней, я обѣщалъ, чтобы сдѣлать ей удовольствіе. Потомъ она повела меня въ свою комнату, бросилась къ коммоду, отворила его и вынула двадцать три фунта изъ — изъ чайницы и сказала: «Вотъ, Филиппъ...!» какой я дуракъ!

Тутъ ораторъ прервалъ свою рѣчь.

ГЛАВА XVI,

Въ которой Филиппъ показываетъ свою бодрость.

Когда бѣдная Сестрица предложила свою лепту, Филиппу, навѣрно между ними произошли разныя сентиментальныя объясненія, которыхъ разсказывать не стоитъ. Безъ сомнѣнія она желала въ эту минуту отдать ему не только золото, которое она копила на черный день, но и ложки, и мебель, и всѣ цѣнныя вещи въ домѣ. Сдѣлать добрый поступокъ, выказать свое самопожертвованіе — развѣ это не самыя драгоцѣнныя привилегіи женской нѣжности? Филиппъ остановилъ энтузіазмъ своего маленькаго друга. Онъ показалъ ей кошелекъ, полный деньгами, при видѣ котораго бѣдняжка нѣсколько разочаровалась. Онъ преувеличилъ цѣнность своихъ лошадей, которыя по расчету Филиппа, должны были доставить ему покрайней мѣрѣ двумя стами ф. с. болѣе того, что̀ было уже у него въ рукахъ; и Сестрица принуждена была сознаться, что владѣлецъ подобной суммы не имѣлъ необходимости отчаяваться. Она сама никогда въ жизни не имѣла и половины этой суммы. Ея доброе предложеніе поселиться у нея въ домѣ онъ съ признательностью согласился принимать иногда. Ну, въ этомъ было маленькое утѣшеніе. Въ одинъ мигъ дѣятельная хозяйка мысленно убирала уже его комнату, цвѣты на каминѣ, зеркало, отецъ ея могъ обойтись и съ маленькимъ зеркальцемъ, потому что теперь всег-

да его брилъ цирюльникъ; стеганое одѣяло, которое сшила она сама, мало ли еще что придумала она; и я боюсь, что при мысли видѣть Филиппа своимъ жильцомъ, это маленькое созданьице такъ же сумасбродно сдѣлалось счастливо, какъ мы сейчасъ видѣли Филиппа.

Да, Филиппъ будетъ приходить къ Сестрицѣ иногда, по субботамъ напримѣръ, а по воскресеньямъ они будутъ ходить въ церковь.

— Но знаете, сказалъ Филь, теперь я долженъ посвятить всю свою энергію моимъ занятіямъ—рано вставать.

— Не утомляйте своихъ глазъ, милый, замѣтилъ нѣжный, благоразумный другъ Филиппа.

— Занятіями шутить нельзя, продолжалъ Филиппъ съ ужасной серьёзностью.

Въ этотъ день Сестрица вынула даже бутылку вина изъ какого-то уголка, угостила Филиппа обѣдомъ, такъ что въ этотъ первый день своего разоренія, онъ вмѣсто того, чтобы умереть съ голода, даже пообѣдалъ два раза.

Каролина согласилась оставить у себя свои деньги послѣ торжественнаго обѣщанія Филиппа, что она будетъ его банкиромъ, когда встрѣтится надобность. Она спрятала мѣшочекъ съ золотомъ для своего любимца. Навѣрно она экономничала на своихъ обѣдахъ, чтобы накопить побольше, и заставила капитана ворчать. Если вы не любите безотчетныхъ привязанностей такого рода, а только желаете, чтобы женщины любили насъ по заслугамъ, я вашъ покорнѣйшій слуга.

Филиппъ рѣшилъ самъ про себя, что онъ будетъ жить въ той квартирѣ въ Темплѣ, гдѣ мы встрѣтились съ нимъ. Ванъ Джонъ, спортсменъ, рѣшился по особеннымъ причинамъ удалиться изъ Лондона, и мистеръ Фэрминъ занялъ его спальную. Меблировать спальную холостяка не дорого стоитъ; но мистеръ Филиппъ былъ слишкомъ добродушенъ, чтобы торговаться насчетъ цѣны кровати и шкаповъ Ванъ Джона, и великодушно заплатилъ за нихъ вдвое. Онъ и мистеръ Кассиди раздѣлили комнаты по-ровну. Ахъ, счастливыя комнаты, свѣтлыя комнаты, комнаты близъ небесъ—вспоминать о васъ, значитъ опять помолодѣть! Мнѣ хотѣлось бы сообщить вамъ, что когда Филиппъ поселился въ четвертомъ этажѣ въ Темплѣ, біографъ его былъ еще сравнительно молодъ и въ двухъ, трехъ старинныхъ семействахъ его называли «молодымъ Пенденнисомъ».

Первые два мѣсяца послѣ его разоренія были по увѣренію Филиппа необыкновенно пріятны для него. Денегъ было у него вдоволь, а сознаніе, что, можетъ быть, неблагоразумно нанимать извощика или выпить бутылку вина, придавало цѣнность этимъ удовольствіямъ, которой они не имѣли, когда доставались легко и каждый день. Я даже ду-

маю, что говядина и портеръ за обѣдомъ казались почти также вкусны нашему молодому человѣку, какъ и болѣе дорогія кушанья на тѣхъ банкетахъ, къ которымъ онъ привыкъ. Онъ смѣялся надъ притязаніями своихъ юношескихъ дней, когда онъ и другіе торжественные юные эпикурейцы сидятъ, бывало, за роскошнымъ обѣдомъ въ тавернѣ и критикуютъ вина, соусы и черепаховый супъ.

Филиппъ поселился въ Темплѣ именно въ то время, когда начались вакаціи, которыя онъ намѣревался посвятить серьёзному изученію законовъ. Ничто не можетъ быть полезнѣе моціона дѣловымъ людямъ; по этому Филиппъ дѣлалъ много маціона, особенно на водѣ. Послѣ моціона естественнѣе всего освѣжаться, — и мистеръ Фэрминъ, который былъ теперь слишкомъ бѣденъ, чтобы покупать бордоское, выказывалъ большое пристрастіе къ пиву. Послѣ пива и тѣлесныхъ трудовъ, разумѣется необходимо отдохновеніе,—и Фэрминъ спалъ по девяти часовъ и сдѣлался румянъ, какъ дѣвушка въ первый сезонъ ея выѣзда. Потомъ такой человѣкъ, съ такимъ сложеніемъ и здоровьемъ долженъ имѣть хорошій аппетитъ за завтракомъ. Притомъ каждый человѣкъ, желающій успѣть въ адвокатурѣ, въ сенатѣ, въ палатѣ пэровъ, долженъ знать современную исторію своей страны; поэтому, разумѣется, Филиппъ читалъ газеты. Такимъ образомъ, вы видите, часы его занятій поневолѣ укорачивались необходимыми обязанностями, которыя отвлекали его отъ трудовъ.

Мы уже говорили, что товарищъ по квартирѣ мистера Фэрмина былъ мистеръ Кассиди, ирландскій уроженецъ, занимавшійся литературою въ Англіи. Веселый, проницательный, молчаливый, наблюдательный, онъ, не такъ какъ его соотечественники, всегда умѣлъ сводить концы съ концами и изъ своихъ небольшихъ средствъ успѣвалъ помогать своимъ старымъ родителямъ, жившимъ гдѣ-то въ Мюнстерѣ. Пріятелемъ Кассиди былъ издатель *Пэлль-Мэлльской Газеты*. Кассиди былъ фэшенебельнымъ корреспондентомъ газеты, записывавшимъ браки, смерть, рожденіе, обѣды знати. Эти ирландцы знали другихъ ирландцевъ, участвовавшихъ въ другихъ газетахъ и составлявшихъ маленькое литературное общество. Они собирались другъ у друга и въ такихъ клубахъ, гдѣ общественныя удовольствія стоили не дорого. Филиппа Фэрмина знали многіе изъ нихъ до случившагося съ нимъ несчастья, когда карманы у него были набиты золотомъ, а пѣсни его всегда принимались съ рукоплесканіями.

Когда Пенденнисъ и его друзья писали въ этой газетѣ, тонъ, принимаемый ими, забавлялъ, сердилъ, подстрекалъ, былъ популяренъ. Преемники ихъ подражали этому тону и, разумѣется, въ каррикатурѣ. Работали они за весьма умѣренное вознагражденіе, но платили сами

себѣ своею дерзостью и удовольствіемъ нападать на тѣхъ, кто былъ выше ихъ. Трое или четверо особъ не подвергались ихъ брани, но кто нибудь непремѣнно каждую недѣлю привязывался къ столбу, и публику забавляли кривлянья этой жертвы. Писатели были неизвѣстные адвокаты, университетскіе студенты, учителя, но перья ихъ были всемогущи—и они каждаго учили его дѣлу: Бишопа на каѳедрѣ, министра въ палатѣ, капитана на квартердекѣ, портнаго въ мастерской, жокея на сѣдлѣ.

Помнитъ ли кто нибудь, двадцать лѣтъ тому назадъ, появленіе одной книжечки, называвшейся «Трубный Звукъ»—книжечки съ стихотвореніями, посвященными корнетомъ Кантертономъ его товарищамъ офицерамъ? Труба его была довольно мелодична, и корнетъ игралъ на ней небольшія арійки довольно граціозно и искусно. Но этотъ бѣдный Кантертонъ принадлежалъ къ лейбгвардейцамъ, а Филиппу Фэрмину хотѣлось бы лишить жизни покрайней мѣрѣ два эскадрона въ этомъ полку. Войдя въ комнату мистера Кассиди, Филиппъ нашелъ эту маленькую книжечку. Онъ принялся уничтожать Кантертона. Онъ затопталъ его ногами. Никогда никто не писалъ такой убійственной статьи. А такъ случилось, что Мёгфордъ, издатель и редакторъ Пэлль-Мэлльской газеты, который всегда любитъ покрайней мѣрѣ хоть одного отдѣлать порядкомъ, не имѣлъ въ эту минуту другой жертвы. Обзоръ Филиппа появился въ печати. Онъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не дать намъ обѣдъ въ Гринвичѣ, по случаю своего успѣха. О, Филиппъ! Мы жалѣли, что не степенный законъ доставилъ ему его первое вознагражденіе, а причудливая муза, за которой онъ волочился, потому что, по правдѣ сказать, нѣкоторыя благоразумныя, старыя головы мало видѣли достоинствъ въ его произведеніи. Слогъ его былъ грубъ, остроты тяжелы и дики. Теперь нечему разсуждать объ этомъ. Онъ увидалъ свое заблужденіе и развелся съ музою, за которую ему совсѣмъ не слѣдовало свататься.

Фредерикъ Мёгфордъ, котораго короткіе знакомые прозвали «его превосходительствомъ» кромѣ этого маленькаго недостатка въ его характерѣ, что онъ совершалъ систематическія литературныя убійства разъ въ недѣлю, былъ достойный, предобродушный маленькій убійца, когда либо существовавшій. Онъ принадлежалъ къ старой школѣ прессы. Какъ французскіе маршалы, онъ самъ проложилъ себѣ дорогу и сохранилъ странности и ухватки простаго солдата. Онъ зналъ, что молодые люди смѣялись надъ его странностями и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ насмѣшки. Мёгфордъ зналъ все, что происходитъ въ свѣтѣ, и когда Кассиди принесъ его превосходитель-

ству статью Филиппа, оказалось, что Мёгфордъ знакомъ съ исторіей Филиппа и его отца.

— Старикъ подцѣпилъ себѣ деньги молодаго человѣка, почти все, до послѣдняго шиллинга, какъ слышалъ я. Молодой джентльмэнъ, горячій, гордый, но добрый къ бѣднымъ. А отецъ никогда не былъ джентльмэномъ со всѣмъ своимъ изящнымъ видомъ и изящными жилетами.

У Филиппа были друзья и покровители у Мёгфорда, о которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ. Каждый годъ, мистриссъ Мёгфордъ имѣла привычку прибавлять въ міръ новаго Мёгфорда. Она была одною изъ самыхъ регулярныхъ кліентокъ мистриссъ Брандонъ; и каждый годъ почти съ перваго пріѣзда своего въ Лондонъ, Ридли, живописецъ, снималъ портреты со всего этого достойнаго семейства. Филиппъ и его болѣзнь, Филиппъ и его лошади, его пышность; Филиппъ и его разореніе составляли предметъ многихъ интересныхъ разговоровъ между мистриссъ Мёгфордъ и Сестрицей, а такъ какъ намъ извѣстно пристрастіе Каролины къ этому молодому человѣку, то мы можемъ себѣ представить, что его хорошія качества ничего не теряли при этомъ. Когда появилась статья Филиппа въ *Пэлль-Мэлльской Газетѣ*, сидѣлка Брандонъ отправилась въ омнибусѣ въ виллу Мёгфордовъ, и явилась къ мистриссъ Мёгфордъ съ Газетой въ рукахъ, и имѣла длинный и восхитительный разговоръ съ этой дамой.

— Мое мнѣніе таково, Кассиди, говорилъ Мёгфордъ своему корреспонденту, что Фэрмину лучше заняться законами и бросить этотъ писательскій вздоръ, но онъ лучше знаетъ, что ему дѣлать, а герцогиня (мистеръ Мёгфордъ имѣлъ привычку такъ въ шутку называть свою жену) знаетъ одну пожилую женщину, его пріятельницу—герцогиня рѣшила, что мы должны помочь ему.

Однажды въ дни своего благосостоянія, Филиппъ вмѣстѣ съ Джономъ Джэмсомъ былъ у мистера Мёгфорда. Живописецъ съ своимъ пріятелемъ гуляли въ воскресенье, зашли въ хорошенькій садъ и коттэджъ мистера Мёгфорда и были гостепріимно угощены хозяевами. Мистриссъ Мёгфордъ показалось, что она никогда не видала такого красавца, она разбирала мысленно, которую изъ своихъ дочерей отдать замужъ за него,—и непремѣнно хотѣла угостить своего гостя шампанскимъ. Бѣдный Филь! между тѣмъ какъ онъ гордился своими литературными дарованіями и воображалъ себя талантливымъ, просто былъ предметомъ состраданія добрыхъ людей, которые знали его исторію и жалѣли объ его несчастіи.

Мёгфордъ напомнилъ о себѣ Филиппу, когда они встрѣтились послѣ появленія первой статьи мистера Филя въ *Газетѣ*. Если онъ пойдетъ когда нибудь гулять въ воскресенье по дорогѣ въ Гэмпстидъ, ми-

стеръ Мёгфордъ просилъ его вспомнить, что онъ всегда найдетъ у нихъ кусокъ говядины и рюмку вина. Филиппъ вспомнилъ некрасивую комнату, некрасивую семью, и добрыхъ, достойныхъ людей. Потомъ онъ узналъ объ отношеніяхъ къ нимъ мистриссъ Брандонъ—сердце молодаго человѣка смягчилось и наполнилось признательностью при мысли, какъ это доброе, кроткое созданіе было способно оказывать ему одолженіе. Мы знаемъ навѣрно, что она не мало гордилась своимъ prétégé. Мнѣ кажется, она воображала, что вся газета была написана Филиппомъ. Она заставила своего нѣжнаго отца читать ее вслухъ, пока она работала.

Осенью, друзья мистера Фэрмина, мистеръ и мистриссъ Пенденнисъ выбрали своею резиденціею романическій приморскій городъ Булонь и пригласили мистера Филиппа навѣщать насъ, когда онъ будетъ въ состояніи отрываться отъ литературы и юриспруденціи. Онъ пріѣзжалъ въ веселомъ расположеніи духа и забавлялъ насъ, передразнивая и описывая мистера Мёгфорда — его промахи и его доброе сердце.

Главнымъ нашимъ удовольствіемъ въ этомъ восхитительномъ городѣ было глядѣть на пріѣзжающіе пароходы; и въ одинъ день, когда мы смотрѣли на это, Филиппъ перепрыгнулъ черезъ веревки, раздѣлявшія насъ отъ пріѣзжавшихъ пассажировъ, и съ крикомъ: «какъ ваше здоровье, генералъ»? привѣтствовалъ желтолицаго джентльмэна, который отступилъ назадъ и, по моему мнѣнію не очень былъ расположенъ отвѣчать на дружескія привѣтствія Филиппа. За генераломъ шла блѣдная дама, вѣроятно подруга его жизни. Гувернантка — высокая, молодая дѣвушка и нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ шли за блѣдной дамой, на лицѣ которой, какъ мнѣ показалось, выразился испугъ, когда джентльмэнъ, названный генераломъ, сообщилъ ей имя Филиппа.

— Такъ это онъ? сказала дама, а высокая молодая дѣвушка обратила пару большихъ глазъ на индивидуума, названнаго «онъ».

Генералъ оказался генераломъ Бэйнисомъ; блѣдная дама генеральшей Бэйнисъ; высокая молодая дѣвушка—миссъ Шарлоттой Бэйнисъ, старшею дочерью генерала, а другіе шестеро—остальными членами Бэйниской фамиліи. Я могу упомянуть теперь, почему генералъ испугался, увидѣвъ Филиппа, и почему генеральша нахмурилась на него. На войнѣ одинъ изъ храбрѣйшихъ людей въ обыкновенной жизни, генералъ Бэйнисъ былъ трусливъ и слабъ. Особенно онъ боялся своей генеральши, которая самовластно управляла имъ. Будучи опекуномъ Филиппа, онъ допустилъ его отца проматать деньги юноши. Съ ужасомъ узналъ онъ, что долженъ отвѣчать за свою неосмотрительность и безпечность. Долгое время не смѣлъ онъ сказать своей командиршѣ

объ ужасномъ наказанiи, нависшемъ надъ нимъ. Наконецъ, когда онъ осмѣлился сдѣлать это признанiе, я не завидую той сценѣ, которая должна была произойдти между нимъ и его начальницей. Утромъ послѣ этого роковаго признанiя, когда дѣти собрались къ завтраку, мистриссъ Бэйнисъ разлила младшимъ овсяную кашу, а Шарлотта старшимъ чай и кофе, потомъ мать обратилась къ своему старшему сыну Октерлони:

— Оки, мой милый, генералъ объявилъ прекрасное извѣстiе сегодня.

— Вы купили пони, сэръ? спросилъ Оки.

— О! кокъ весело! говоритъ Мойра, второй сынъ.

— Милый, милый папа́, что́ съ вами? вскричала Шарлотта, заглядывая за газету, которую читалъ отецъ.

Виновный человѣкъ съ охотой сдѣлалъ бы саванъ изъ Morning Herald и скрылся бы подъ нимъ отъ всѣхъ глазъ.

— Весело то, мои милые, что вашъ отецъ разорился, вотъ что́ весело. Кушайте свою кашицу, малютки,—можетъ быть у васъ не будетъ завтра каши. Вашъ отецъ разорилъ насъ.

И она преспокойно вытерла носъ младшему ребенку, который сидѣлъ возлѣ нея, и который былъ слишкомъ малъ, невиненъ и безпеченъ относительно порицанiя свѣта, чтобы держать въ строгой чистотѣ свой маленькiй, вздернутый носикъ и пухленькiя щечки.

— Мы разорились и скоро будемъ умирать съ голоду, мои милые, и еслибы генералъ купилъ пони—а онъ способенъ на это, когда мы умираемъ съ голода—самое лучшее, что́ мы можемъ сдѣлать это—съѣсть пони. Григоръ, не смѣйся. Умирать съ голода вовсе не смѣшно. Когда мы были въ Дундумѣ, мы ѣли лошадиное мясо. Никогда въ жизни не ѣла ничего нѣжнѣе. Шарлотта, выпь руки Джэни изъ мармолада! Мы совсѣмъ разорены, мои милые; генералъ Бэйнисъ по своей небрежности допустилъ доктора Фермина промотать деньги, которыя были отданы на сохраненiе генералу. Филиппъ навѣрно потребуетъ эти деньги отъ опекуна. Что́ можно ожидать отъ сына такого отца? Повѣрь, Шарлотта, сынъ такой же дурной какъ и отецъ, а вашего отца, бѣдняжечки, нельзя пускать ходить по улицѣ безъ того, чтобы кто нибудь не поддерживалъ его, сейчасъ споткнется. Зачѣмъ я позволила ему ѣхать въ Лондонъ безъ меня? Мы стояли тогда въ Кольчестерѣ, я немогла ѣхать по болѣзни твоего брата, Григоръ. «Бэйнисъ, сказала я вашему отцу: если я пущу тебя въ Лондонъ безъ меня, ты попадешь въ какую нибудь бѣду». Онъ и попалъ въ бѣду. И черезъ его сумасбродство я съ моими бѣдными дѣтьми должна буду просить милостыню на улицѣ—а, это жестоко, жестоко!

Дѣйствительно, нельзя вообразить болѣе печальной перспективы для этой достойной матери и жены, какъ видѣть своихъ дѣтей безъ

всякаго обезпеченія въ началѣ ихъ карьеры, а своего несчастнаго мужа, лишеннаго заработковъ цѣлой жизни, и разореннаго именно въ то время, когда онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы трудиться.

Что̀ будетъ съ ними? Теперь бѣдная Шарлотта начала думать съ горькимъ угрызеніемъ, какъ она была лѣнива, какъ грубила своимъ гувернанткамъ, какъ мало она была образована, какъ дурно играла на фортепіано. Не читаетъ ли это молодая дѣвушка, которой надо учить свои уроки? Милая моя, положите сейчасъ эту книгу и отправляйтесь играть на фортепіано цѣлыхъ два часа, чтобы вы были готовы содержать ваше семейство, если вамъ случится разориться. Я сожалѣю объ угрызеніяхъ Шарлотты Бэйнисъ. Почеркъ у ней не совсѣмъ хорошій; едва ли съумѣетъ она отвѣчать на какой нибудь ученый вопросъ, игра ея на фортепіано такъ-себѣ. Если ей придется помогать своимъ родителямъ, какимъ образомъ примется она за это? Что̀ они будутъ дѣлать съ мальчиками и съ деньгами, отложенными для Окторлони, когда онъ поступитъ въ университетъ, и для Мойра, которому такъ хочется поступить въ военную службу?

— А, мои молютки, мой голубоглазый Кэррикъ, моя возлюбленная Джэни, моя Мэри, которую я почти чудомъ спасла отъ скарлатины. Да поможетъ имъ Богъ! Да поможетъ Богъ всѣмъ намъ! думаетъ бѣдная мать.

Не удивительно, что ночи ея безсонны, а сердце бьется съ испугомъ при мысли объ угрожающей опасности.

А отецъ семейства? Мужественный, старый генералъ, покончившій съ сраженіями и кампаніями, который воротился домой успокоить свои усталые члены, — каковы должны быть его чувства при мысли, что негодяй заставилъ его сдѣлать неосторожность, которая оставитъ дѣтей его безъ копѣйки, а самого его обезславитъ и сдѣлаетъ нищимъ. Когда онъ узналъ, что̀ сдѣлалъ докторъ Фэрминъ и какъ онъ обманулъ его, онъ отправился съ испугомъ къ своему стряпчему, который не могъ ему помочь. Опекунъ Филиппа обязанъ былъ отвѣчать за его состояніе. Оно было истрачено вслѣдствіе безпечности Бэйниса, и законъ обязывалъ его заплатить эти деньги. Я надѣюсь, что мой достойный читатель не разсердится на генерала за то, что̀ онъ сдѣлалъ. Я знаю, любезный сэръ, что *вы* никогда не сдѣлали бы этого. Никакая земная власть не заставила бы *васъ* отступить отъ прямаго пути или, если вы сдѣлали неосторожный поступокъ, уклоняться отъ его послѣдствій. Дѣло въ томъ, что бѣдный Бэйнисъ и его жена, послѣ тайныхъ совѣщаній между собою, рѣшились бѣжать и спрятаться гдѣ нибудь въ непроницаемомъ, сосновомъ лѣсу въ Норвегіи, на неприступной горѣ въ Швейцаріи. Они хотѣли перемѣнить имя, окра-

сить усы и сѣдые волоса, бѣжать съ своими малютками, бѣжать, бѣжать подальше отъ закона и Филиппа; вотъ высадились они на булонской пристани, а мистеръ Филиппъ тутъ, какъ тутъ протягиваетъ имъ руку, какъ только они сошли съ парохода. Не удивительно, что они задрожали и поблѣднѣли.

Когда они вышли изъ таможни, бѣдный Бэйнисъ увидалъ опять протянутую руку Филиппа.

— Это ваши дѣти, генералъ, а это мистриссъ Бэйнисъ? сказалъ Филиппъ, улыбаясь и снимая шляпу.

— О, да, я генеральша Бэйнисъ, отвѣчала бѣдная женщина, а это наши дѣти—да, да. Шарлотта, это мистеръ Фэрминъ, о которомъ ты слышала отъ насъ; вотъ это мои сыновья—Мойра и Окторлони.

— Я имѣлъ честь встрѣчаться съ генераломъ Бэйнисомъ въ Старой Паррской улицѣ. Вы помните, сэръ? говоритъ мистеръ Пенденнисъ чрезвычайно любезно генералу.

«Какъ, еще кто-то знаетъ меня»? вѣрно думаетъ бѣдняга; и виновная жена и виновный мужъ размѣниваются страшно значительными взглядами.

— Въ какой гостинницѣ остановитесь вы?

— Hôtel des Bains! Hôtel du Nord! Hôtel d'Angleterre! кричатъ двадцать комиссіонеровъ въ одинъ голосъ.

— Въ какой гостинницѣ? О, да, то есть, мы еще не рѣшились, ѣхать ли сегодня, или остаться, говорятъ виновные, переглядываясь и потомъ опуская глаза въ землю.

— О, мама, какая неправда! вдругъ заревѣлъ одинъ изъ дѣтей: вы сказали, что вы останетесь ночевать здѣсь; мнѣ было такъ тошно на пароходѣ. Я не хочу больше ѣхать! и слезы прервали его безъискусственную рѣчь.

— Кто позволилъ вамъ говорить? вскричала мама, толкнувъ мальчика.

— Вотъ дорога къ Hôtel des Bains, говоритъ Филиппъ, дѣлая миссъ Бэйнисъ одинъ изъ своихъ лучшихъ поклоновъ.

А миссъ Бэйнисъ присѣдаетъ и глаза ея поднимаются на красиваго, молодаго человѣка съ большими, карими, честными глазами, съ пригожимъ, круглымъ лицомъ.

— Я вовсе не устала, благодарю васъ, говоритъ Шарлотта, я привыкла его носить.

Я забылъ сказать, что на плечѣ молодой дѣвушки спалъ ребенокъ, а другой держался за ея платье, любуясь усами мистера Фэрмина, свѣтившимися очень ярко, подобно лучамъ заходящаго солнца.

— Я очень радъ, что мы встрѣтились, сэръ, говорилъ Филиппъ

самымъ дружескимъ образомъ, прощаясь съ генераломъ у воротъ гостинницы: я надѣюсь, что вы не уѣдете завтра и что я могу явиться засвидѣтельствовать мое уваженіе мистриссъ Бэйнисъ.

Онъ опять поклонился этой дамѣ. Онъ опять поклонился миссъ Бэйнисъ. Она присѣла довольно мило, если сообразить, что на ея плечѣ спалъ ребенокъ. Они входятъ въ гостинницу; добрая хозяйка ведетъ ихъ въ ихъ комнаты, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ, я не сомнѣваюсь, заснутъ очень крѣпко. Насколько спокойнѣе спалъ бы Бэйнисъ и его жена, еслибы они знали чувства Филиппа къ нимъ.

Мы оба любовались Шарлоттой, высокой дѣвушкой, которая несла на рукахъ маленькаго брата и за платье которой цѣплялись другія дѣти. Мы громко расхваливали миссъ Шарлотту, мистриссъ Пенденнисъ, когда сошлись съ этой дамой за обѣдомъ. Очень расхваливать мистриссъ Бэйнисъ мы не могли, кромѣ развѣ того, что она повидимому командовала всей экспедиціей, включая и генерала, ея мужа.

Генералъ и мистриссъ Бэйнисъ впослѣдствіи признавались, что имъ никогда не приходилось проводить такой ужасной ночи, какъ эту первую ночь послѣ пріѣзда ихъ во Францію. Какой бѣглецъ изъ своей родины можетъ убѣжать отъ самого себя? Желѣзныхъ дорогъ еще тогда не было въ той части Франціи. Генералъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы нанять для побѣга экипажи, которыхъ ему непремѣнно нужно было два для девяти человѣкъ его семьи, гувернантки и двухъ слугъ. Немедленно послѣ прибытія въ гостинницу, Бэйнисъ съ женою начали придумывать, когда имъ отправиться искать убѣжища, гдѣ—это все равно. У генеральши Бэйнисъ была сестра маіорша Мак-Гиртеръ, и сестры очень нѣжно любили другъ друга, особенно въ письмахъ, потому что надо признаться, что онѣ ужасно ссорились, когда бывали вмѣстѣ. Мистриссъ Мак-Гиртеръ никакъ не могла перенести, чтобы младшую сестру вели къ обѣду прежде нея, потому что мужъ ея былъ выше чиномъ. Эти маленькія несогласія забывались, когда обѣ дамы бывали въ разлукѣ. Сестры писали другъ другу предлинныя письма, въ которыхъ подробно разсуждалось о домашнихъ дѣлахъ, о болѣзни дѣтей, о цѣнахъ телятины, яицъ, циплятъ и квартиръ. Такъ какъ мистриссъ Бэйнисъ выказывала удивительное знаніе Тура, рыночныхъ и квартирныхъ цѣнъ, общества, и такъ какъ маіоръ и митриссъ Макъ-Гиртеръ находились тамъ, я не сомнѣваюсь съ своей стороны, что наши бѣглецы вздумали отправиться въ этотъ прекрасный городъ, когда случились происшествія, которыя мы разсказали сейчасъ.

Филиппъ сильно интересовался всей этой семьей. А дѣло въ томъ, что всѣ мы очень скучали въ Булони. Съ неистовымъ прилежаніемъ читали мы слабѣйшія лондонскія газеты. Мы глядѣли на всѣ пріѣзжаю-

щіе пароходы, и день считался потеряннымъ, когда мы пропускали хоть одинъ фолькестонскій или лондонскій пароходъ. Филиппъ былъ въ Hôtel des Bains очень рано на слѣдующее утро, и тамъ онъ увидалъ генерала съ плаксивымъ лицомъ, опиравшагося на свою трость и смотрѣвшаго на свою поклажу, состоявшую изъ тридцати семи штукъ, включая рукомойника и колыбельку малютки, лежавшую въ передней. На всѣхъ этихъ вещахъ приклеены были ярлыки съ надписью: M. le général Baynes, officier anglais, Tours, Touraine, France.

— Какая пирамида чемодановъ! Неужели вы думаете ѣхать сегодня, генералъ? спросилъ Филиппъ.

— Сегодня воскресенье, сэръ, сказалъ генералъ, что, вы примѣчаете, не было отвѣтомъ на вопросъ, но дѣйствительно исключая какихъ нибудь весьма важныхъ случаевъ добрый генералъ не поѣхалъ бы въ такой день.

— Я надѣюсь, что дамы хорошо спали послѣ своего морского путешествія?

— Благодарю. Жена моя старый морякъ и два раза ѣздила въ Индію.

Тутъ, вы понимаете, старикъ опять уклонялся отъ вопросовъ своего собесѣдника.

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, сэръ, когда вы будете свободны, продолжалъ Филиппъ, не успѣвъ еще примѣтить страннаго обращенія генерала.

— Есть другіе дни кромѣ воскресенья, чтобы говорить о дѣлахъ, сказалъ старикъ.

Ахъ, совѣсть, совѣсть! Старикъ чувствовалъ, что онъ скорѣе встрѣтился бы съ двадцатью четырьмя индійскими разбойниками, чѣмъ съ неподозрительными голубыми глазами Филиппа, которые однако сверкнули гнѣвомъ, когда онъ отвѣчалъ:

— Ну, сэръ, такъ какъ вы не говорите о дѣлахъ въ воскресенье, могу я придти къ вамъ завтра утромъ?

Что же выигралъ бѣдный старикъ всѣми этими увертками, нерѣшительностью и хитростью? Отсрочку до завтрашняго дня! Еще предстоитъ ночь страшной безсонницы и отчаяннаго сознанія въ винѣ.

Вѣрно утромъ Филиппъ явится съ своимъ счетомъ и скажетъ: «Сдѣлайте одолженіе заплатите мнѣ тридцать тысячъ фунтовъ, которые истратилъ мой отецъ и которые вы должны мнѣ. Сдѣлайте одолженіе ступайте просить милостыню и умирать съ голоду съ вашей женой и дѣтьми. Будьте такъ добры, пожалуйте мнѣ вашъ послѣдній

рупій. Потрудитесь продать платья вашихъ дѣтей и вещи вашей жены и отдать мнѣ деньги. Я приду завтра».

Но вдругъ въ передней явилась высокая молодая дѣвушка въ коричневомъ шолковомъ платьѣ и великолѣпныхъ локонахъ, падавшихъ на ея бѣлую шею, чудныхъ каштановыхъ локонахъ, съ широкимъ, чистымъ лбомъ и двумя правдивыми глазами, съ щеками уже не блѣдными, какъ вчера, а съ губами еще краснѣе. Она сказала:

— Папа, папа, пойдемте пить чай. Ужъ какой это будетъ чай— я не знаю, потому что здѣсь говорятъ... О, мистеръ Фэрминъ! и она присѣла.

На это замѣчаніе Филиппъ отвѣчалъ:

— Миссъ Бэйнисъ, я надѣюсь, что вы совсѣмъ здоровы сегодня, несмотря на вчерашнюю бурную погоду.

— Я совсѣмъ здорова, благодарю васъ, тотчасъ отвѣчала миссъ Бэйнисъ.

Отвѣтъ былъ не остроуменъ, конечно, но я не знаю, могла ли она сказать что-нибудь приличнѣе при настоящихъ обстоятельствахъ. Эта молодая дѣвица представляла самое пріятное изображеніе здоровья и веселости. Какъ было блѣдно лицо миссъ Шарлотты въ суботту, прямо съ парохода, такъ оно было румяно, весело и невинно въ воскресенье утромъ.

Булонь, середа, 21 августа.

«Возлюбленная Эмили! Страдавъ *гораздо больс* въ продолженіи *двухчасоваго* переѣзда изъ Фолькстона сюда, чѣмъ я страдала въ четыре переѣзда изъ Англіи въ Индію и обратно, кромѣ той ужасной бури у мыса, въ сентябрѣ 1824 г., когда я страдала самымъ жестокимъ образомъ на этомъ ужасномъ военномъ кораблѣ, мы пріѣхали сюда въ прошлую субботу вечеромъ, *съ твердымъ намѣреніемъ* немедленно отправиться далѣе. *Теперь* ты увидишь, что мы передумали. Мы находимъ этотъ городъ пріятнымъ, квартиры очень опрятны, удобны и *гораздо дешевле,* чѣмъ ты предлагала нанять для насъ въ Турѣ, гдѣ, мнѣ сказали, сыро, такъ что у генерала, пожалуй, опять *сдѣлается лихорадка.* Мы наняли цѣлый домъ. У насъ есть комнатка для двухъ мальчиковъ, есть дѣтская; прехорошенькая комната для Шарлотты и *берлога для генерала.* Я, право, не знаю, какъ бы могли благополучно добраться до Тура. *Тридцать семь* штукъ поклажи, а миссъ Фликсби, гувернантка, выдавшая себя за француженку, ни слова не понимаетъ, когда съ нею говорятъ Французы и ходитъ по дому, разинувъ ротъ. *Я служу переводчицей;* бѣдная Шарлотта слишкомъ робка, чтобы говорить при мнѣ. Я припомнила все, что знала по-французски, когда

мы учились въ Чисвикѣ у миссъ Пинкертонъ. Мы платимъ за весь домъ 60 франковъ въ мѣсяцъ. Мяса здѣсь вдоволь, но дорого. Мистеръ Блоуманъ въ англійской капеллѣ имѣетъ прекрасный голосъ и кажется *превосходнымъ пасторомъ*. Я слышала его только одинъ разъ, однако, въ субботу вечеромъ, когда я была такъ взволнована и *растревожена*, что, признаюсь, мало обращала вниманія на его проповѣдь.

«Причину этого волненія *ты знаешь*; я сообщала тебѣ ее въ моихъ письмахъ въ іюлѣ, іюнѣ, маѣ. Мой бѣдный, простодушный Бэйнисъ былъ опекуномъ имѣнія мистриссъ Фэрминъ, жены этого безсовѣстнаго человѣка. Когда мы были въ Англіи въ послѣдній разъ, этотъ ужасный человѣкъ заставилъ обманомъ моего бѣднаго мужа подписать бумагу, которая отдавала въ распоряженіе доктору *все состояніе его жены*; между тѣмъ какъ Чарльзъ думалъ, будто онъ только подписываетъ довѣренность, по которой онъ можетъ получать дивидентъ сына. Докторъ Фэрминъ, *послѣ многихъ гнусныхъ обмановъ и преступленій разнаго рода*, бѣжалъ заграницу. Гёнтъ и Пиглеръ, наши стряпчіе, увѣдомили насъ, что генералъ долженъ былъ отвѣчать *за преступленіе этого злодѣя*. Онъ былъ *такъ слабъ*, что *нѣсколько разъ* готовъ былъ бѣжать къ молодому мистеру Фэрмину и *отдать ему все*. Только мои просьбы, мои *приказанія* могли удержать его; и, право, Эмили, это усиліе почти *убило его*. Я безпрестанно принуждена была давать ему водку въ *ужасную ночь* нашего пріѣзда сюда, потому что *первый человѣкъ*, котораго мы встрѣтили на пристани, былъ мистеръ Филиппъ Фэрминъ, съ пріятелемъ его, мистеромъ Пенденнисомъ, который мнѣ вовсе не нравится, хотя жена его премилая женщина, въ родѣ Эммы Флечеръ въ конной артиллеріи, не такъ хороша какъ Эмма, однако очень любезна и вѣжлива. Шарлотта очень къ ней пристрастилась,—это съ ней всегда бываетъ съ новыми лицами. Представь себѣ наше положеніе, когда, только-что мы сошли съ парохода, какой-то молодой человѣкъ вдругъ закричалъ: «Какъ ваше здоровье, генералъ?»—и вышло, что это мистеръ Фэрминъ! Я думала, что я лишусь Чарльза въ эту ночь. Я видѣла его передъ сраженіемъ,—онъ былъ такъ спокоенъ, спалъ и улыбался, какъ *младенецъ*. Я могла только поддерживать его мужество; и еслибы не мои просьбы, еслибы не *моя тоска*, мнѣ кажется, онъ спрыгнулъ бы съ постели и убѣжалъ къ мистеру Фэрмину въ *эту же ночь* и сказалъ: «возьмите все, что у меня есть».

«Я признаюсь, что молодой человѣкъ поступилъ *самымъ благороднымъ образомъ*. Онъ приходилъ къ намъ *до завтрака* въ воскресенье. Бѣдный генералъ былъ такъ боленъ, что я думала, что онъ *лишится чувствъ за чаемъ*. Онъ былъ такъ боленъ, что не могъ идти въ церковь, куда я пошла одна съ моими милыми дѣтьми, но, признаюсь,

проповѣдь мало успокоила меня. Но, о, Эмили, представь себѣ, когда воротившись я вошла въ нашу спальную и нашла моего генерала на колѣнахъ съ молитвенникамъ въ рукахъ,—онъ плакалъ, плакалъ, какъ ребенокъ! Ты знаешь, я бываю вспыльчива иногда, а онъ *настоящій ангелъ*—вотъ я и говорю ему:

— Чарльзъ Бэйнисъ, будьте мужчиной и не плачьте какъ дитя!

— Ахъ, говоритъ онъ, Элиза, стань и ты на колѣна и поблагодари Бога также! А я ему на это отвѣчала, что мнѣ не нужно наставленій насчетъ *моей религіи*, ни отъ него, ни отъ кого, кромѣ пастора, да и тѣ-то иногда бываютъ *плохими наставниками, какъ тебѣ извѣстно*.

— Онъ былъ здѣсь, говоритъ Чарльзъ.

— Кто такой былъ? говорю я.

— Этотъ благородный, молодой человѣкъ, говоритъ мой генералъ, этотъ благородный, благороднѣйшій Филиппъ Фэрминъ.

«Я признаюсь, что поведеніе его дѣйствительно было благородно.

— Пока ты была въ церкви, онъ вошелъ сюда—вотъ въ эту самую комнату, гдѣ я сидѣлъ, сомнѣваясь и отчаяваясь, держа молитвенникъ передъ глазами и не находя въ немъ утѣшенія. И онъ сказалъ мнѣ: «генералъ, мнѣ надо поговорить съ вами о завѣщаніи моего дѣда. Вы навѣрно не предполагаете, что если мой отецъ обманулъ васъ и разорилъ меня, то я взыщу его вину съ невинныхъ и дѣтей»? Это были собственныя слова молодаго человѣка, и—о, Элиза, какое угрызеніе почувствовалъ я, когда вспомнилъ, что мы говорили о немъ жестоко; у него, дѣйствительно, обращеніе бывало иногда надменно и грубо, и я слышалъ о немъ разныя разности, которымъ теперь не вѣрю.

«Весь понедѣльникъ мой бѣдный мужъ принужденъ былъ лежать въ постели, съ нимъ сдѣлался сильный припадокъ его лихорадки; но вчера онъ былъ опять веселъ и здоровъ, а Пенденнисы брали Шарлотту кататься и были *очень вѣжливы*. Она напоминаетъ мнѣ мистриссъ Томъ Флечеръ изъ конной артиллеріи, но мнѣ кажется я упоминала объ этомъ прежде. Весь листъ исписанъ; кланяюсь МакГиртеру и дѣтямъ, и остаюсь любящей сестрой, моей возлюбленной Эмили,

Элизой Бэйнисъ».

ГЛАВА VII.

Brevis esse laboro.

Генералъ Бэйнисъ впослѣдствіи увѣрялъ, что никогда лихорадка не являлась и не исчезала такъ пріятно, какъ тотъ припадокъ, о которомъ генеральша упоминала въ письмѣ къ своей сестрѣ, маіоршѣ Мак-Гиртеръ. Какое блаженство проснуться послѣ страшныхъ сновидѣній, въ которыхъ представлялись смерть, демоны и пытки, и увидать, что страшная мысль о раззореніи, въ послѣдніе мѣсяцы преслѣдовавшая добродушнаго джентльмэна, исчезла навсегда! Какъ, старшій сынъ можетъ поступить въ университетъ, а второй въ полкъ, обѣдъ и завтракъ уже не будутъ отравляться страшными опасеніями о завтрашнемъ днѣ и старый воинъ опять повторялъ благодарственныя молитвы и благословлялъ своего благодѣтеля.

Филиппъ думалъ объ этомъ добромъ своемъ поступкѣ только въ томъ отношеніи, что ему было пріятно осчастливить другихъ людей. Онъ столько же былъ неспособенъ отнять все состояніе у старика и погрузить въ бѣдность его невинную семью, сколько былъ неспособенъ украсть ложки съ моего стола. Но другіе люди за то цѣнили высоко его добродѣтель; и между прочимъ моя жена, которая положительно вздумала обожать этого молодаго джентльмэна и, мнѣ кажется, позволила бы ему даже курить въ своей гостиной. Богу извѣстно, какой шумъ и какіе грозные взгляды поднялись бы, еслибы хозяинъ дома вздумалъ выкурить сигару; но вѣдь *я* за то никогда не отказался бы предъявить свои права только потому, что это могло бы показаться неудобнымъ для какого нибудь старика; я такъ и сказалъ мистриссъ Бенъ. Но женщины смотрятъ на вещи не съ практической точки зрѣнія, и справедливость, если она не оттѣнена маленькимъ романизмомъ, не уважается ими.

Такимъ образомъ, за то что Филиппъ сдѣлалъ этотъ великодушнѣйшій, но и сумасброднѣйшій поступокъ, его возвели въ званіе совершеннѣйшаго preux chevalier. Самые великолѣпные обѣды заказывались для него. Мы должны были ждать, пока онъ явится къ утреннему чаю, а онъ почти всегда опаздывалъ. Дѣтей посылали цѣловать дядю Филиппа, какъ его теперь называли. Дѣтей? Я удивляюсь, какъ сама мать не вскакивала и не бѣжала также его цѣловать. Elle en était capable. А демонстраціи, происходившія между мистриссъ Пен-

деннисъ и ея новой пріятельницей, миссъ Шарлоттой Бэйнисъ, были просто смѣшны; двѣ пансіонерки не могли вести себя нелѣпѣе и, я не знаю, которая казалась моложе другой. Разговорамъ, встрѣчамъ на укрѣпленіяхъ, на пристани и мало ли еще гдѣ, не было конца. Слуги безпрерывно ходили взадъ и впередъ съ письмами отъ возлюбленной Лоры, къ возлюбленной Шарлоттѣ, отъ милѣйшей Шарлотты къ милѣйшей мистриссъ Пенденнисъ. Мало того, жена моя дошла даже до того, что говорила, будто мать возлюбленной Шарлотты, мистриссъ Бейнисъ, была предостойная, преумная женщина и предобрая мать— женщина, у которой языкъ никогда не переставалъ болтать о полку, о всѣхъ офицерахъ и о женахъ всѣхъ офицеровъ, о которыхъ, сказать мимоходомъ, она могла сообщить весьма мало хорошаго.

— Достойная мать, моя милая, она? говорю я. Но, Боже милостивый! Мистриссъ Бэйнисъ была бы страшной тещей!

Я задрожалъ при мысли имѣть такую пожилую, суровую, дурно-воспитанную женщину своею тещей. На это мистриссъ Лора возразила совершенно брюзгливымъ тономъ.

— О, какая это пошлость, Артуръ, со стороны человѣка, qui veut passer pour un homme d'esprit! Ты вѣчно нападаешь на тещей! Когда наши дочери выдутъ замужъ, ты способенъ учить ихъ мужей бранить, презирать ихъ тещу. Способенъ онъ, мои душечки? Способенъ онъ, мои радости (это относилось къ дѣтямъ)? Полно, я не имѣю терпѣнія слышать подобный разговоръ.

— Ну, душа моя, мистриссъ Бэйнисъ препріятная женщина, а когда я услышу этотъ разсказъ о Шотландцахъ на мысѣ Доброй Надежды еще нѣсколько разъ (я не привожу его здѣсь, потому что онъ нисколько не относится къ настоящей исторіи)—навѣрно онъ мнѣ очень понравится.

— А, вотъ идетъ Шарлотта. Какъ я рада! Какая она хорошенькая! Какой цвѣтъ лица! Какое милое существо!

На все это, разумѣется, я не могъ противорѣчить, потому что дѣвушку свѣжѣе, красивѣе, съ болѣе нѣжнымъ голосомъ, личикомъ, смѣхомъ, трудно было найдти.

— Отчего мама любитъ Шарлотту больше насъ? говоритъ наша милая и справедливо-негодующая старшая дочь.

— Я не могла бы любить ее больше, еслибы была ея свекровью, говоритъ Лора, подбѣгая къ своей молоденькой пріятельницѣ и бросая на меня взглядъ черезъ плечо.

Обѣ дамы принялись цѣловаться. Дѣйствительно, дѣвушка кажется необыкновенно хороша съ своими розовыми щечками, свѣтлыми глаз-

ками, съ гибкимъ станомъ и въ прелестной, бѣлой индійской шали, которую отецъ привезъ ей.

Въ эту минуту является мистеръ Филиппъ Фэрминъ, который шатался на укрѣпленіяхъ съ самаго завтрака. Онъ говоритъ, что читалъ тамъ законы. Онъ нашелъ такое славное, тихое мѣстечко для чтенія.

— Вы должны — вы *должны* остаться подольше. Вы были здѣсь только пять дней; Шарлотта, попросите Филиппа остаться.

Всѣ дѣти кричатъ хоромъ:

— О, останьтесь, дядя Филиппъ, останьтесь подольше.

Миссъ Бэйнисъ говоритъ:

— Я надѣюсь, что вы останетесь, мистеръ Фэрминъ, и взглядываетъ на него.

— Онъ пробылъ здѣсь пять дней? Что́ ты хочешь сказать? Говорю я послѣ моей женѣ. Неужели въ это короткое время — въ сто двадцать часовъ, а покрайней мѣрѣ половина изъ нихъ пошла на сонъ и на пищу (аппетитъ у Филиппа всегда былъ прекрасный)—неужели ты хочешь сказать, что въ это короткое время его сердце, жестоко пронзенное чудовищемъ въ женскомъ видѣ, излечилось, совсѣмъ сдѣлалось здорово и опять уже ранено? Прогулки двѣ, три по пристани, столько же визитовъ къ Бэйнисамъ (гдѣ онъ слушаетъ разсказъ о Шотландцахъ на мысѣ Доброй Надежды съ почтительнымъ интересомъ), слова два о погодѣ, два три взгляда—я говорю, неужели ты хочешь сказать, что этотъ нелѣпый идіотъ и эта круглолицая дѣвушка, хорошенькая конечно, но только что изъ классной — ты хочешь сказать, что они... Честное слово, Лора, это ужъ черезчуръ. Да у Филиппа нѣтъ ни копѣйки за душой.

— Нѣтъ, у него есть сто фунтовъ, и онъ надѣется продать свою лошадь покрайней мѣрѣ за девять сотъ: У него превосходныя дарованія. Онъ легко можетъ написать три статьи въ недѣлю въ *Пэлль-Мэлльскую газету*. Вотъ уже триста фунтовъ въ годъ. Надо обратиться къ лорду Рингуду, онъ долженъ дать и дастъ что нибудь. Развѣ вы не знаете, что полковникъ Бэйнисъ стоялъ возлѣ полковника Рингуда въ томъ сраженіи, гдѣ онъ былъ убитъ, и что они были короткими друзьями? А позвольте спросить, какъ жили мы, желала бы я знать?

— О, женщины, женщины! стонетъ отецъ семейства. Вѣдь Филиппъ Фэрминъ имѣетъ всѣ привычки богача. Неужели ты полагаешь, что онъ когда-нибудь въ жизни сидѣлъ въ второкласномъ вагонѣ, или отказывалъ себѣ въ какомъ бы то ни было удовольствіи? Онъ вчера далъ пять франковъ нищей.

— У него всегда было благородное сердце, говоритъ моя жена. Онъ отдалъ все свое состояніе одному семейству недѣлю тому назадъ; и (тутъ, разумѣется, былъ вынутъ носовой платокъ) и... Господь любитъ тѣхъ, кто весело даетъ!

— Онъ безпеченъ, онъ расточителенъ, онъ лѣнивъ, и я право не знаю, замѣчательно ли онъ талантливъ.

— О, да, вѣдь онъ нашъ другъ. Брани его, брани, Артуръ!

— А позволь спросить, когда ты узнала эту изумительную новость? спросилъ я.

— Когда? съ самой первой минуты, когда я увидала, какъ Шарлотта смотритъ на него. Бѣдняжка сказала мнѣ только вчера: «о, Лора, онъ нашъ спаситель»! И онъ былъ ихъ спасителемъ.

— Да. Но у него нѣтъ и пяти фунтовъ за душой! вскричалъ я.

— Артуръ, я удивляюсь тебѣ. О, мужчины, мужчины, ужасно суетны! Неужели ты думаешь, что небо не поможетъ ему въ надлежащее время и не будетъ милостиво къ нему, когда онъ столь многихъ спасъ отъ разоренія? Неужели ты думаешь, что молитвы, благословенія этого отца, этихъ малютокъ, этой милой дѣвушки не принесутъ ему пользу? Что жъ если ему придется ждать годъ, десять лѣтъ—развѣ передъ ними не довольно времени и развѣ не настанетъ когда нибудь счастливый день? Да.

Такъ говорила женщина здравомыслящая и разсудительная, когда ея предубѣжденія и романизмъ не были задѣты. Описывать же романическую исторію или пересказывать любовный разговоръ, или описывать восторги при лунномъ сіяніи и страстныя изліянія двухъ юныхъ сердецъ и тому подобное, извините меня, s'il vous plaît. Я человѣкъ свѣтскій и пожилой. Пусть молодые люди сами дополнятъ мой эскизъ. Пусть старики положатъ книгу на минуту и вспомнятъ. Они хорошо помнятъ это время, не правда ли? Уста не скажутъ теперь того, что̀ они говорили тогда. Сегодня для счастливыхъ, завтра для молодыхъ, а вчера развѣ не дорого намъ? Я недавно былъ въ обществѣ съ однимъ пожилымъ господиномъ, который не былъ особенно красивъ или здоровъ, или богатъ, или остроуменъ, но который, говоря о своей прошлой жизни, объявлялъ, что онъ охотно прожилъ бы снова каждую минуту своей жизни. Захотѣли бы вы, читающіе это, пережить снова *вашу* жизнь? Что̀ составляло ея главную радость? Каковы были ея удовольствія? Неужели они были такъ восхитительны, что вы захотѣли бы продолжить ихъ навсегда? Захотѣли бы вы, чтобы ростбифъ, который былъ у васъ за обѣдомъ, опять былъ принесенъ на столъ? Захотѣли бы вы опять слышать вчерашнюю проповѣдь? Это все равно, какъ еслибы вы сказали, что вамъ хочется опять, чтобы

васъ высѣкли въ школѣ, чтобы васъ приколотили тамошніе забіяки, что вы захотѣли бы отправиться къ дантисту, куда ваши милые родители имѣли привычку васъ возить, что вы хотѣли бы принимать англійскую соль съ кусочкомъ черстваго хлѣба, чтобы заѣсть вкусъ, что вы захотѣли бы быть обманутымъ предметомъ вашей первой любви, что вы захотѣли бы сказать вашему отцу, что вы надѣлали кучу долговъ, когда были въ университетѣ. Когда я соображаю непріятности дѣтства, тысячи разныхъ болѣзней, которымъ подвержена наша плоть, я весело говорю, что я не желаю вѣчно подвергаться этому. Нѣтъ. Я не хочу опять поступить въ школу. Я не хочу слушать опять проповѣдь Троммана. Дайте мнѣ тотчасъ чашку болиголова. За ваше здоровье, мои милые. Не плачьте. Будьте веселы. Ага, я чувствую какъ холодъ пробираетъ меня насквозь... Члены мои нѣмѣютъ, за то, какое спокойствіе и тишина!

Такимъ образомъ, доживъ до моихъ лѣтъ, когда я вижу бѣднаго молодаго друга, влюбленнаго и думающаго, разумѣется, о женитьбѣ, могу ли я не предаваться меланхоліи? Какъ можетъ жениться человѣкъ, не имѣющій средствъ держать хоть самый миніатюрный экипажъ, завестись хоть самымъ маленькимъ хозяйствомъ, даже содержать себя одного, не говоря уже о женѣ и о семействѣ? Боже милостивый! Не богохульство ли жениться, не имѣя даже полуторы фунтовъ въ годъ? Бѣдность, долги, векселя, кредиторы, преступленіе непремѣнно постигнутъ несчастнаго, у котораго нѣтъ полуторы, скажите ужъ лучше двухъ тысячъ въ годъ, потому что вы не можете жить прилично въ Лондонѣ, не имѣя этого дохода. И почему вы знаете, какая выдетъ жена изъ дѣвушки, которую вы встрѣчали на балахъ или обѣдахъ, какой у ней характеръ, какіе окажутся у ней родные? Ну что̀, если у ней есть бѣдные родные или грубые братья, которые будутъ вѣчно приходить къ вамъ обѣдать? Какова ея мать, и будете ли вы въ силахъ переносить, чтобы эта женщина вмѣшивалась въ ваше хозяйство и распоряжалась въ вашемъ домѣ? Генералъ Бэйнисъ очень хорошъ, слабый, смирный, презентабельный старичекъ; но генеральша Бэйнисъ, и эта ужасная маіорша Мак-Гиртеръ, а эти шалуны въ скрипучихъ башмакахъ? Какъ человѣкъ свѣтскій, я увидалъ всѣ эти ужасы, угрожавшіе мужу миссъ Шарлотты Бэйнисъ, и не могъ видѣть ихъ безъ страха. Граціозно и легко, но остроумно и саркастически я счелъ моей обязанностью показать странности бэйнисской семьи Филиппу. Я передразнивалъ мальчиковъ, представилъ ужасныхъ военныхъ барынь, очень искусно, какъ мнѣ казалось, какъ будто я никакъ не предполагалъ, чтобы Филиппъ имѣлъ какіе нибудь виды на миссъ Бэйнисъ. Надо отдать ему справедливость, онъ разсмѣялся разъ или два, потомъ

очень покраснѣлъ. Его чувство юмора очень ограничено; въ этомъ сознается даже Лора. Потомъ у него вырвалось сильное выраженіе, онъ сказалъ, что это чертовски стыдно, и вышелъ съ своей сигарой. А когда я замѣтилъ моей женѣ, какъ онъ щекотливъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и какъ мало понимаетъ онъ шутки, она пожала плечами и сказала:

— Филиппъ не только очень хорошо понимаетъ то, что ты говорилъ, но даже еще и перескажетъ все генеральшѣ и маіоршѣ при первомъ удобномъ случаѣ.

Такъ и вышло, какъ мистриссъ Бэйнисъ позаботилась сказать мнѣ *впослѣдствіи*. Она знала, кто былъ ея *врагъ*. Она знала, кто говорилъ дурно о ней и объ ея милыхъ малюткахъ *за-глаза*. О, Филиппъ, Филиппъ! Какъ подумаешь, что ты былъ такой трусъ, что пошелъ и разсказалъ ей! Но я прощаю ему. Отъ всего моего сердца сожалѣю о немъ и прощаю его.

Для того шага, который онъ замышляетъ, вы можете быть увѣрены, что молодой человѣкъ не чувствуетъ ни малѣйшей необходимости ни въ прощеніи, ни въ состраданіи. Онъ былъ такъ сумасбродно счастливъ, что безполезно было разсуждать съ нимъ. Не будучи вовсе поэтическаго настроенія, негодяй писалъ стихи по секрету, и мои слуги нашли отрывки его рукописи на туалетѣ въ его спальной. Я не вправѣ привести всю поэму, которую наша горничная нашла въ комнатѣ мистера Филиппа и принесла ухмыляясь моей женѣ, которая только сказала:

— Бѣдняжка!

Дѣло въ томъ, что это дѣйствительно былъ страшный вздоръ! Какія плоскія риѳмы, какія старыя мысли! Но Лора прибавила:

— Всѣ влюбленные не забавны для своихъ знакомыхъ; и я знаю одного человѣка, который писалъ не весьма умные любовные стихи, когда былъ молодъ.

Нѣтъ, я не напечатаю стиховъ Филиппа, развѣ ужъ когда нибудь онъ смертельно оскорбитъ меня. Я со стыдомъ вспоминаю мои собственные стихи написанные при подобныхъ обстоятельствахъ, и наброшу покрывало благопристойной дружбы на сумасбродство моего друга.

А пока подъ этимъ покрываломъ молодой человѣкъ совершенно доволенъ, даже чрезвычайно счастливъ. Вся земля и природа улыбаются вокругъ него.

— Любовь, сэръ, говорилъ Филиппъ, набрасываетъ ореолъ на любимую женщину. Тамъ, гдѣ движется она, выростаютъ розы, гіацинты и благоуханіе амврозіи. Не говорите мнѣ о бѣдности, сэръ! Развѣ

я не терпѣлъ ее? Развѣ я теперь не такъ бѣденъ какъ только можетъ быть бѣденъ человѣкъ, а что жъ изъ этого? Нуждаюсь я въ чемъ нибудь? Развѣ я долженъ кому нибудь? Развѣ нѣтъ манны въ пустынѣ для вѣрующихъ? Вотъ вашъ недостатокъ, Пенъ. Въ васъ нѣтъ вѣры; малодушное у васъ сердце, сэръ, а если вы спасетесь, то ужъ, конечно, по милости вашей жены. Дайте-ка мнѣ этого бордосскаго, оно не дурно. Вы говорите мнѣ, что для счастья женщины необходимъ экипажъ! Я не говорю, чтобы экипажъ не имѣлъ своихъ удобствъ, замѣтьте, но если онъ необходимъ— небо пошлетъ его. Однако, сэръ, чортъ побери, взгляните на меня! Развѣ я не нахожусь въ самой ужасной бѣдности? Я спрашиваю у васъ, есть ли въ Лондонѣ кто бѣднѣе меня? А послѣ разоренія моего отца, развѣ я нуждаюсь въ чемъ нибудь? Нуженъ мнѣ ночлегъ дня на два. Хорошо. Моя милая Сестрица охотно пріютитъ меня. Нужны мнѣ деньги. Эта благочестивая вдова отдастъ мнѣ все. Да благословитъ и вознаградитъ ее небо (тутъ по причинамъ, о которыхъ не къ чему и упоминать, ораторъ утираетъ кулакомъ глаза)! Нужна мнѣ работа, развѣ вы не доставляете ее мнѣ? Надо бы вамъ посмотрѣть, какъ я отдѣлалъ сегодня эти Путешествія. Я читалъ свою статью Шар... миссъ... своимъ друзьямъ. Я не хочу сказать, чтобы это были очень умные люди, но вспомните Мольера и его ключницу.

— Подъ ключницей вы подразумѣваете мистриссъ Бэйнисъ? спросилъ я. Обращеніемъ она похожа и образованіемъ, кажется...

— Вы похожи на Туисденовъ, ей-Богу похожи! Если люди не принадлежатъ къ извѣстному monde, вы не цѣните ихъ. Вамъ полезно было бы испытать какое нибудь несчастье, Пенъ; и я сердечно желаю этого для васъ, исключая вашу милую жену и дѣтей. Вы мѣрите вашу нравственность по Мэй-Фэрскому маштабу, и если бы ангелъ явился къ вамъ въ резинковыхъ галошахъ и съ бумажнымъ зонтикомъ, вы отвергнулись бы отъ него. Вы никогда не нашли бы Сестрицу. А это герцогиня—Богъ да благословитъ ее! Великодушнѣйшее, деликатнѣйшее, неустрашимое созданіе, съ тончайшимъ чувствомъ юмора, но у ней произношеніе неправильно, а какъ могли бы вы простить подобное преступленіе? Сэръ, вы остроумнѣе меня, способнѣе; но я думаю, сэръ— прибавляетъ Филь, крутя свои рыжіе усы—я выше васъ великодушіемъ, хотя, ей-Богу, старый товарищъ, и мужчиной, и мальчикомъ вы всегда были добрѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ для Филиппа Фэрмина, добрѣйшимъ, великодушнѣйшимъ и дружелюбнѣйшимъ, только вы бѣсите меня, когда поете въ этомъ проклятомъ мэй-фэрскомъ тонѣ.

Тутъ маленькая Нелли позвала насъ къ чаю.

— Папа смѣялся, а дядя Филиппъ дергалъ свою бородку, сказала маленькая посланница.

— Я дамъ вамъ славную прядку этихъ волосъ, Нелли, моя милая, говоритъ дядя Филиппъ.

— О, нѣтъ, отвѣчаетъ дитя. Я знаю, кому вы отдадите ихъ, знаю я мама? и она отправляется къ своей мамашѣ и шепчется.

Миссъ Нелли знаетъ? Въ какія лѣта эти маленькія свахи начинаютъ догадываться обо всемъ? Эта дѣвочка, кажется, кокетничала, пока еще сидѣла у няни на рукахъ. Прежде чѣмъ она умѣла говорить, она уже гордилась своими новыми красными башмачками и заставляла любоваться своимъ голубымъ кушачкомъ.

Для кого Филиппъ сохранитъ прядку этихъ рыжихъ кудрей, которыя вьются около его лица? Можете вы угадать? Какого цвѣта волосы въ этомъ маленькомъ медальонѣ, который этотъ джентльмэнъ носитъ на виду? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, кажется, блѣдные, льняные волосы занимали это почетное мѣсто, теперь каштановые, какъ я вижу, точь въ точь такого цвѣта, какъ тѣ, которые вьются вокругъ хорошенькаго личика Шарлотты Бэйнисъ и падаютъ локонами на ея шею. И такъ видите, мы мѣняемся, ленъ уступаетъ мѣсто каштану, а каштанъ смѣняется эбеномъ. Это что̀ такое? Неужели я насмѣхаюсь, потому что Коридонъ и Филлида влюблены и счастливы? Видите, я далъ себѣ слово не заниматься сентиментальнымъ вздоромъ. Описывать любовь—безнравственно и нескромно, вы знаете это. Описывать ее такъ какъ она кажется вамъ и мнѣ, постороннимъ зрителямъ, значило бы описывать самый скучный фарсъ, самую однообразную болтовню. Записывать вздохи, пожатіе рукъ и тому подобное, прилично ли достоинству историковъ? Уйдемъ отъ этихъ сумасбродныхъ молодыхъ людей, мы имъ не нужны, и какъ ни скученъ ихъ фарсъ, какъ ни однообразна ихъ болтовня, вы можете быть увѣрены, что они забавляютъ ихъ, и что они довольно счастливы и безъ насъ. Счастливы? Можетъ ли какое нибудь счастье сравниться съ этимъ, позвольте спросить? Не восхитительно ли поджидать посланнаго, схватить записку и наградить подателя, удалиться отъ всѣхъ пытливыхъ глазъ и читать:

«Возлюбленный мой! Насморку мамаши лучше сегодня. Джонсизъ пилъ у насъ чай а Джулія пѣла. Мнѣ не было весело, такъ какъ мой дорогой другъ былъ на этомъ *противномъ* обѣдѣ, гдѣ, я надѣюсь, было ему весело. Напишите мнѣ словечко съ Бёттлесомъ, который относитъ эту записку, скажите только, что вы принадлежите вашей Луизѣ и проч., и проч.» вотъ въ какихъ застѣнчивыхъ строчкахъ безъискусственная невинность шепчетъ свои обѣты. Такъ она улыбается, такъ она и лепечетъ, такъ она болтаетъ. Молодые люди, занимающіеся этою милою забавою, будьте увѣрены, что ваши родители играли въ такую же игру и помнятъ правила ея. Да, подъ широкимъ жилетомъ папа̀ нахо-

дится сердце, которое сильно билось, когда станъ его былъ тонокъ. Взгляните на вашу бабушку въ очкахъ, читающую проповѣдь. Въ ея старомъ сердцѣ есть уголокъ еще такой романическій, какъ въ то время, когда она читала *Шотландскихъ Начальниковъ* въ дни своего дѣвичества. А глядя на вашего дѣда, мои милые, вы врядъ ли повѣрите, что этотъ спокойный, милый старичекъ былъ когда-то сумасброденъ... Подъ моими окнами, когда я пишу, проходитъ странствующій цвѣточникъ. Его розы и гераніумъ везетъ на телѣжкѣ четвероногое животное, маленькое, съ длинными ушами, возвышающее свой голосъ и распѣвающее по своему. Когда я былъ молодъ, ослы ревѣли совершенно такимъ образомъ и другіе будутъ такъ ревѣть, когда мы смолкнемъ и уши наши не будутъ слышать болѣе.

ГЛАВА XVIII.

Drum ist's so wohl in der Welt.

Наши новые друзья жили довольно пріятно въ Булони, гдѣ они нашли товарищей и знакомыхъ, собравшихся изъ разныхъ областей, которыя они посѣщали въ продолженіе своей военной карьеры. Мистриссъ Бэйнисъ была командиршей генерала, заказывала ему платье, завязывала ему галстукъ красивымъ бантомъ, давала ему понять, сколько онъ долженъ ѣсть и пить за обѣдомъ, и объясняла чрезвычайно откровенно, что это или то блюдо было нездорово для него. Если онъ располагалъ иногда съѣсть лишнее, она кричала громко:

— Вспомните, генералъ, что̀ вы принимали сегодня утромъ?

Она говорила, что зная сложеніе своего мужа, она знала какія лекарства были ему необходимы и угощала его ими съ чрезвычайной щедростью. Сопротивленіе было невозможно, какъ ветеранъ сознавался самъ.

— У ней есть чудесные рецепты, говорилъ онъ мнѣ, въ Индіи она лечила весь лагерь.

Она вздумала было взять на свое попеченіе семью настоящаго писателя и предлагала разныя лекарства для моихъ дѣтей, такъ что испуганная мать должна была прятать ихъ отъ нея. Я не говорю, чтобы это была пріятная женщина. Голосъ ея былъ громкій и грубый. Анекдоты, которые она вѣчно разсказывала, относились къ военнымъ офицерамъ, съ которыми я не былъ знакомъ и исторія которыхъ не интересовала меня. Она очень охотно пила вино, пока занималась этой

болтовней. Я слышалъ не менѣе глупые разговоры въ болѣе знатномъ обществѣ и зналъ людей съ восхищеніемъ слушавшихъ анекдоты герцогинь и маркизъ, ни чуть не интереснѣе тѣхъ, которые разсказывала генеральша Бэйнисъ. Жена моя съ лукавствомъ своего пола передразнивала разговоръ мистриссъ Бэйнисъ очень смѣшно, но она всегда настойчиво увѣряла, что мистриссъ Бэйнисъ нисколько не глупѣе многихъ болѣе знатныхъ особъ.

Генеральша Бэйнисъ не колеблясь объявляла, что мы «спѣсивые» люди, и съ перваго раза какъ увидала насъ, объявляла, что смотритъ на насъ съ постояннымъ мрачнымъ подозрѣніемъ. Мистриссъ Пенденнисъ была по ея мнѣнію безвредная и безхарактерная женщина, не замѣчательная ничѣмъ, а этотъ надменный, высокомѣрный мистеръ Пенденнисъ съ своимъ важнымъ видомъ... желала бы она знать, неужели жена британскаго генерала, служившаго *во всѣхъ частяхъ земнаго шара*, и которая встрѣчала *самыхъ знаменитыхъ* генераловъ, губернаторовъ и женъ ихъ, неужели она не довольно хороша для и проч., и проч. Кто не встрѣчался съ этими затрудненіями въ жизни и кто можетъ избѣгнуть ихъ?

— Чортъ меня возьми, сэръ, говаривалъ Филиппъ, крутя свои рыжіе усы, я люблю, чтобы меня ненавидѣли нѣкоторые люди.

И надо признаться, что желаніе мистера Филиппа исполнялось. Кажется, другъ и біографъ мистера Филиппа имѣлъ нѣчто похожее на это чувство. Покрайней мѣрѣ относительно этой дамы тяжело было поддерживать лицемѣрную вѣжливость, имѣя въ насъ нужду, по нѣкоторымъ ей одной извѣстнымъ причинамъ, она скрывала кинжалъ, которымъ охотно пронзила бы насъ; но мы знали, что она сжимала его въ своей худощавой рукѣ, въ своемъ тощемъ карманѣ. Она говорила намъ самые приторные комплименты, а гнѣвъ такъ и сверкалъ изъ ея глазъ—это была завистливая, лукавая женщина, но она любила своихъ дѣтей, берегла ихъ, сжимала въ своихъ худощавыхъ рукахъ съ ревнивой любовью.

— Прощай, душечка! Я оставляю тебя у твоихъ друзей. О, какъ вы добры къ ней, мистриссъ Пенденнисъ! Какъ мнѣ благодарить васъ и мистера Пенденниса... а смотрѣла она такъ какъ будто хотѣла отравить обоихъ насъ, уходя съ поклонами и съ приторными улыбками.

У этой дамы была искренняя пріятельница, полковница Бёнчъ, мужъ которой служилъ въ бенгальской кавалеріи и былъ теперь въ Европѣ съ женою и дѣтьми. Они поселились въ Парижѣ для воспитанія молодыхъ людей. Сначала, какъ мы слышали, мистриссъ Бэйнисъ предпочитала Туръ, гдѣ жила ея сестра, и гдѣ квартиры и съѣстные припасы были довольно дешевы. Но Бёнчъ проѣзжалъ черезъ Булонь, от-

правляясь къ женѣ въ Парижъ и, встрѣтившись съ своимъ старымъ товарищемъ, такъ описалъ генералу Бэйнису дешевизну и удовольствія французской столицы, что генералъ началъ подумывать, какъ бы направить свои стопы туда. Мистриссъ Бэйнисъ не хотѣла и слышать о подобномъ планѣ. Она непремѣнно желала ѣхать къ своей милой сестрѣ и въ Туръ; но когда въ разговорѣ полковникъ описалъ балъ въ Тюильри, гдѣ онъ и мистриссъ Бёнчъ были приняты съ самой лестной вѣжливостью королевской фамиліей, въ мысляхъ мистриссъ Бэйнисъ произошла перемѣна. Когда Бёнчъ началъ утверждать, что балы у калькутскаго губернатора ничто въ сравненіи съ тюильрійскими или съ балами префекта Сены, что англичане приглашаются и уважаются вездѣ, что посланникъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, что пасторы удивительны, что въ ихъ гостинницѣ, которую содержала генеральша и баронесса Смоленская, въ Petit Château d'Espagne, Avenue de Valmy Champs Elysées, у нихъ бывалъ балъ два раза въ мѣсяцъ, преспокойная квартира, самое избранное общество и всевозможныя удобства за столько-то франковъ въ мѣсяцъ, я говорю, что мистриссъ Бэйнисъ была сильно взволнована.

— Не балы у посланника и въ Тюильри прельщаютъ меня, говорила она, потому что я старуха, и, не смотря на ваши слова, полковникъ, я не могу представить себѣ послѣ баловъ у калькутскаго губернатора что нибудь великолѣпнѣе въ какомъ бы то ни было французскомъ дворцѣ. Богу извѣстно, что я говорю не о *себѣ*, но дѣтей надо воспитывать, а мою Шарлотту надо представить въ свѣтъ; о томъ, что вы говорили о превосходномъ пасторѣ мистерѣ К., я думала всю ночь, а болѣе всего о возможности дать хорошее воспитаніе моимъ милымъ дѣтямъ.

За этимъ послѣдовалъ восхитительный разговоръ и расчеты. Бёнчъ показалъ свои счеты у баронессы Смоленской. Оба джентльмэна дѣлали расчеты цѣлый вечеръ. Трудно было даже для митриссъ Бэйнисъ принудить цифры согласоваться съ доходомъ генерала; но наконецъ ей удалось преодолѣть ариѳметическія затрудненія, и фунты, шиллинги и пенсы распростерлись передъ нею. Они могутъ съэкономничать на этомъ, отказать себѣ въ томъ; они *должны* сдѣлать жертву для воспитанія своихъ дѣтей.

— Сара Бёнчъ съ дочерьми бываетъ при дворѣ, вотъ какъ! Отчего же и моей дочери не быть тамъ? спрашивала она.

На это генералъ ей говорилъ:

— Ей-Богу, Элиза, вотъ ты о чемъ думаешь!

На это Элиза сказала: «нѣтъ», и повторила «нѣтъ» разъ двадцать, при каждомъ разѣ все болѣе сердясь. Она объявляла передъ

Богомъ, что она не желаетъ бывать ни при какомъ дворѣ. Генералу стыдно говорить такимъ образомъ. И затѣмъ произошла сцена, хотя я не былъ при этой семейной ссорѣ, но мнѣ пересказалъ ее мистеръ Фэрминъ, а мистеръ Фэрминъ узналъ это отъ одной особы, которая въ это время привыкла разсказывать ему всѣ тайны своего юнаго сердца, которая спрыгнула бы съ плотины въ море рука объ руку съ нимъ, еслибы онъ сказалъ: «пойдемъ» и безъ его руки, еслибы онъ сказалъ: «ступай»; особа, которой вся жизнь измѣнилась, измѣнилась мѣсяцъ тому назадъ, измѣнилась въ одну минуту, въ ту минуту, когда она увидала рыжіе усы Филиппа и услыхала его громкій голосъ, привѣтствовавшій ея отца между коммиссіонерами на набережной передъ таможней.

Туръ былъ по крайней мѣрѣ на полтораста миль дальше, чѣмъ Парижъ отъ одного города, гдѣ жилъ молодой джентльмэнъ, которымъ интересовалась миссъ Шарлотта Бэйнисъ; вотъ отчего я, полагаю, пришла она въ восторгъ, что ея родители рѣшились выбрать своимъ мѣстопребываніемъ болѣе обширный и ближайшій городъ. Притомъ она признавалась по секрету моей женѣ, что ея мама и тетушка Мак-Гиртеръ вѣчно ссорились между собою, она предпочитала жить подальше отъ тетушки Мак-Гиртеръ. У ней никогда не было такого друга какъ Лора, никогда. Она никогда не была такъ счастлива, какъ въ Булони, никогда. Она всегда будетъ любить всѣхъ въ нашемъ домѣ, всегда, всегда. Обѣ эти женщины горѣли энтузіазмомъ «къ спасителю» Бэйнисской фамиліи, какъ онѣ называли этого высокаго молодца, котораго я вызвался быть біографомъ. Лѣнивый плутъ лежитъ и грѣется въ чудной теплотѣ и солнечномъ сіяніи юной любви. Онъ клялся, что онъ не жилъ и не былъ счастливъ до сихъ поръ, объявлялъ, что смѣется надъ бѣдностью и презираетъ ее; бранилъ издателей Пэлль-Мэлльской газеты за то, что они отказались напечатать любовные стихи, которые мистеръ Филиппъ теперь сочинялъ почти каждый день. Бѣдная Шарлотта! не получала ли ты эти драгоцѣнныя сочиненія, не восхищалась ли ими, не запирала ли ихъ въ тайной шкатулкѣ твоего сердца, также какъ и въ своемъ маленькомъ столикѣ; не вынимала ли ихъ на единѣ, не цѣловала ли, и не благославляла ли небо за то, что оно даровало тебѣ такія драгоцѣнности? Это навѣрно. Я могу представить себѣ все это и не видавши. У Филиппа же, который былъ самымъ безпечнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, и разбрасывалъ свое платье и бѣлье на полу въ своей спальной, въ это время карманъ сюртука былъ вѣчно набитъ бумагами, которыя шумѣли самымъ смѣшнымъ образомъ. Онъ всегда смотрѣлъ на этотъ драгоцѣнный карманъ, и прикладывалъ къ нему свою большую руку, какъ

будто оберегалъ его. Въ карманѣ лежали не банковые билеты, вы можете быть увѣрены въ этомъ. Въ немъ лежали документы, пояснявшіе, что насморку мама̀ лучше, что Джонсизъ пилъ чай, а Джулія пѣла и проч.

Мистеръ Филиппъ оставался недѣлю за недѣлей, объявляя моей женѣ, что она совершенный ангелъ, что держитъ его такъ долго. Бёнчъ писалъ изъ Парижа все болѣе и болѣе восторженныя письма объ удобствахъ своей квартиры. Балы были особенно великолѣпны въ эту зиму. Тамъ было нѣсколько старыхъ индійскихъ знакомыхъ, словомъ они могли составить клубъ. Рѣшили, что Бэйнисъ поѣдетъ осмотрѣть мѣстность. Онъ поѣхалъ. Баронесса Смоленская, самая изящная женщина, угостила его великолѣпнымъ обѣдомъ. Генералъ былъ въ восторгѣ. Бёнчъ отдалъ своихъ сыновей въ знаменитую школу, гдѣ они учились всѣмъ современнымъ языкамъ. Словомъ Бэйнисы отправились въ Парижъ не задолго передъ тѣмъ, какъ мы воротились въ Лондонъ.

Вы, безъ сомнѣнія, замѣтили какъ въ нѣкоторыхъ нѣжныхъ обстоятельствахъ женщины помогаютъ одна другой, даже тамъ, гдѣ имъ не слѣдуетъ помогать. Я сказалъ, что моя жена чувствовала эту нелѣпую симпатію къ молодымъ людямъ, о которой мы сейчасъ только говорили. Когда день отъѣзда Шарлотты приближался, эта несчастная, заблуждающаяся матрона брала дѣвушку гулять въ какіе-то уединенные переулки, тихія улицы и, по самому странному стеченію обстоятельствъ, большіе сапоги Филиппа непремѣнно оставляли свои слѣды возлѣ маленькихъ женскихъ ножекъ. Что̀ скажете вы, когда я сообщу вамъ, что я самъ отецъ семейства, когда входилъ въ свой собственный кабинетъ, былъ встрѣченъ на порогѣ Еленою, моей старшей дочерью, которая, протянувъ свои ручки передъ стеклянной дверью, въ которую я хотѣлъ войти, сказала мнѣ:

— Вы не должны туда входить, папа̀! Мама̀ никому не приказала изъ насъ входить туда.

— Почему, позволь спросить?

— Потому, что дядя Филиппъ и Шарлотта говорятъ тамъ по секрету, и никто не долженъ мѣшать имъ, *никто*.

Честное слово, не ужасно ли это? Позволю ли я бѣдному молодому человѣку украсть сердце у молодой дѣвушки, у которой нѣтъ ни копѣйки? Буду ли я помогать этой непростительной интригѣ?

— Сэръ, говоритъ моя жена (мы воспитывались вмѣстѣ съ дѣтства, и я признаюсь, что раза два сумасбродно волочился, прежде чѣмъ сдѣлался вѣрнымъ супругомъ), сэръ, говоритъ она, когда вы съума сходили о Бланшъ и клали письма къ ней въ дупло дуба, я

видѣла эти письма, но никогда ихъ не трогала. Эти молодые люди нѣсколько побольше любятъ другъ друга, чѣмъ любили вы и Бланшъ. Мнѣ не хотѣлось бы разлучить теперь Шарлотту съ Филиппомъ. Уже слишкомъ поздно, сэръ. Она никогда уже не будетъ любить никого такъ какъ любитъ его. Проживи она сто лѣтъ, она никогда его не забудетъ. Зачѣмъ бѣдняжечкѣ не быть счастливой немножко пока она можетъ?

Сквозь большое окно я вижу въ маленькой комнатѣ двѣ фигуры у стола. У одной каштановые волосы, у другой рыжіе усы.

— Бѣдняжечка, шепчетъ моя жена, они разстаются завтра. Пусть ихъ наговорятся. Я увѣрена, что она выплачетъ всѣ свои глаза. Бѣдная Шарлотта.

Пока моя жена жалѣла миссъ Шарлотту такимъ патетическимъ образомъ и хотѣла уже прибѣгнуть къ носовому платку, изъ той комнатки гдѣ влюбленные ворковали, вдругъ послышался сначала громкій хохотъ Филиппа, а потомъ серебристый смѣхъ миссъ Шарлотты, и эта молодая особа вышла къ намъ въ садъ, съ круглымъ личикомъ, вовсе не орошеннымъ слезами, а румянымъ, свѣжимъ и веселымъ. Шарлотта присѣдаетъ передо мною, а моей женѣ подаетъ руку и бросаетъ на нее ласковый взглядъ. Онѣ удаляются, обвившись руками, какъ виноградная лоза обвивается вокругъ окна, хотя, которая лоза и которое окно въ этомъ сравненіи, я не берусь рѣшить. Онѣ входятъ въ дверь балкона, проходятъ черезъ гостиную, и безъ сомнѣнія выходятъ на улицу, а мистеръ Филиппъ вдругъ высовываетъ голову изъ окна верхняго этажа съ огромной трубкою во рту. Онъ не можетъ «работать» безъ своей трубки, говоритъ онъ, и моя жена вѣритъ ему.

Миссъ Шарлотта сдѣлала намъ опять маленькій визитъ вечеромъ, когда мы были одни. Дѣти легли спать. Душечки! Шарлотта должна пойти поцѣловать ихъ. Мистера Филиппа Фэрмина не было дома. Она, кажется, вовсе этого не примѣчала и не сдѣлала ни одного вопроса о немъ. Мы были такъ добры къ ней, такъ ласковы. Забудетъ ли она когда нибудь нашу доброту? Она была такъ счастлива, о! такъ счастлива! Она прежде никогда не была такъ счастлива. Она будетъ писать очень часто, и Лора будетъ писать постоянно —будетъ?

— Да, милое дитя, говоритъ моя жена.

Потомъ опять пошли поцѣлуи, а тамъ ужъ пора возвращаться домой. Какой чудный вечеръ! Луна сіяетъ на пурпуровомъ небѣ, а звѣзды блещутъ миріадами.

— Прощайте милая Шарлотта, будьте счастливы!

Я схватилъ ея руку. Я почувствовалъ отеческое желаніе поцѣловать ея бѣлое круглое личико. Ея кротость, ея безъискусственная веселость и добродушіе заставили насъ всѣхъ полюбить ее.

— Постойте, моя милая! вскричалъ я съ любезностью, я провожу васъ до дома.

Надо было бы вамъ видѣть *тогда* ея бѣлое круглое личико! Какое плачевное выраженіе разлилось по немъ! Она поглядѣла на мою жену, а мистриссъ Лора дернула меня за фалду.

— Что это значитъ, моя милая? спрашиваю я.

— Не выходи въ такую ужасную погоду. Ты простудишься! говоритъ Лора.

— Простужусь, душа моя! говорю я. Помилуй, въ такой чудный вечеръ.

— О, какой же ты глупый! говоритъ Лора и начинаетъ смѣяться.

А миссъ Шарлотта уходитъ себѣ отъ насъ, не говоря болѣе ни слова.

Филиппъ воротился черезъ полчаса. И знаете ли, я сильно подозрѣваю, что онъ ждалъ за угломъ. Еслибы это прежде пришло мнѣ въ голову, я, конечно, не предложилъ бы миссъ Шарлоттѣ проводить ее домой.

Очень рано на слѣдующее утро встала моя жена, и истратила, по моему мнѣнію, очень много безполезнаго времени, хлѣба, масла, холодной говядины, горчицы и соли на цѣлую кучу сандвичей, которые были завернуты въ Пэлль-Мэллькую газету. Эта страсть приготовлять разныя закуски на дорогу довольно странна въ женщинахъ; какъ будто въ гостинницахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ не довольно находится съѣстныхъ припасовъ. Я отнесъ сандвичи въ контору дилижансовъ, откуда отправлялись наши друзья. Генеральша Бэйнисъ разсадила всѣхъ по мѣстамъ, указала генералу его мѣсто зонтикомъ, и Fouette cocher! Прощайте же хорошенькая Шарлотта, съ вашимъ нѣжнымъ личикомъ, нѣжнымъ голоскомъ и добрыми глазками! Но позвольте спросить почему мистеръ Филиппъ Фэрминъ не пришелъ проститься?

Прежде чѣмъ дилижансъ тронулся, мальчики Бэйнисы поссорились и подрались, кому сѣсть на верхъ, на имперіалъ, но кондукторъ не пустилъ мальчиковъ туда, говоря, что оставшееся мѣсто занято однимъ джентльмэномъ, котораго они должны взять на дорогѣ. Кто же это оказался? За городомъ этотъ джентльмэнъ вскочилъ на имперіалъ, его легкая поклажа была уже на дилижансѣ, и эта поклажа принадлежала Филиппу Фэрмину. А, вотъ почему вы были такъ веселы вчера, въ день разлуки? Потому, что они вовсе не разлучались. Клянусь по совѣсти, я во всю мою жизнь не слыхалъ о подобномъ неблагоразуміи! Да это вѣрная нищета для того и для другаго — они умрутъ съ голода!

— Я не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла, сказалъ я моей женѣ,

но подобное сумасбродство выводитъ меня изъ терпѣнія. Я жалѣю, зачѣмъ я не говорилъ съ генераломъ Бэйнисомъ объ этомъ. Я напишу генералу.

— Мой милый генералъ знаетъ, сказалъ по моему мнѣнію неблагоразумный другъ Шарлотты и Филиппа: мы говорили объ этомъ, и какъ человѣкъ съ здравымъ смысломъ, генералъ сказалъ: «молодые и останутся молодыми. Ей Богу сударыня, когда я женился—я долженъ бы сказать, когда мистриссъ Бэйнисъ приказала мнѣ жениться на ней—у ней не было ничего, а у меня только капитанское жалованье. Живутъ же люди какъ нибудь. Молодому человѣку лучше жениться и уберечь себя отъ праздности и разныхъ бѣдъ; а я обѣщаю вамъ, что тотъ кто женится на моей дочери получитъ сокровище. Я люблю этого мальчика ради моего стараго друга Филя Рингуда. Я не вижу, чтобы люди съ богатыми женами были счастливѣе, или чтобы мужчины не должны были жениться до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются старыми подагриками».

Итакъ Филиппъ отправился за своей очаровательницей? Бэйнисы позволили этому бѣдному студенту правовѣдѣнія ухаживать за ихъ дочерью и провожать ихъ въ Парижъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ октября, лондонскій пароходъ въ прекрасный, солнечный, осенній вечеръ высадилъ насъ у таможни среди густаго тумана. Ахъ, какое возвращеніе послѣ двухнедѣльнаго отсутствія? Какая куча писемъ лежитъ въ кабинетѣ! Мы весело пьемъ чай утромъ при свѣчахъ въ первые два дня послѣ нашего возвращенія, и я имѣлъ удовольствіе обрѣзать себѣ подбородокъ, потому что слишкомъ темно бриться въ девять часовъ утра.

Моя жена не можетъ быть такъ нечувствительна, чтобы хохотать и быть веселой оттого, что со мной случилась бѣда, которая на время обезобразила меня? Передъ ней лежитъ письмо, отъ котораго она совершенно въ восторгѣ. Когда она особенно довольна чѣмъ нибудь, я могу это видѣть по ея лицу и по особенному одушевленію и ласковости ея ко всему семейству. Въ это утро лицо ея сіяло. Комната освѣщалась имъ, а можетъ быть также и двумя свѣчами, которыя стоятъ на чайномъ столѣ. Дрова въ каминѣ трещатъ, огонь весело пылаетъ.

— Письмо отъ Шарлотты, папа! кричитъ одна изъ дѣвочекъ.

— Письмо отъ дяди Филиппа, папа! кричитъ другая, и имъ такъ нравится Парижъ, продолжаетъ маленькая вѣстовщица.

— Вотъ, сэръ, не говорила ли я вамъ! кричитъ моя жена, подавая мнѣ письмо.

— Мама всегда говорила вамъ, повторяетъ ребенокъ, важно ки-

вая головой, и я не стану удивляться, если онъ будетъ очень богатъ, а вы будете удивляться, мама?

Я не напечатаю письма миссъ Шарлотты, потому что она не совсѣмъ правильно писала, а въ письмѣ было такъ много помарокъ, что для меня было ясно, что воспитанiе ея было небрежно; а такъ какъ я очень ее люблю, я не желаю поднимать ее на смѣхъ. А письмо мистера Филиппа я напечатать не могу, потому что я не сохранилъ его. Къ чему сохранять письма? Я говорю, что ихъ надо жечь, жечь, жечь. Не нужно сожалѣнiй. Не нужно упрековъ. Не нужно вчерашняго дня. Счастливъ онъ былъ или несчастенъ? Думать объ этомъ грустно всегда.

Въ письмѣ Шарлотты заключался подробный разсказъ, какъ Бэйнисы помѣстились у баронессы Смоленской, гдѣ дѣйствительно имъ было очень удобно и дешево жить. Филиппъ же помѣстился въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, въ гостинницѣ Пуссенъ, которую ему рекомендовали его друзья художники, въ улицѣ этого имени, которая лежитъ, какъ вамъ извѣстно, между Мазариновой Библiотекой и Музеемъ Изящныхъ искусствъ. Въ прежнiя времена мой джентльмэнъ жилъ роскошно и хлѣбосольно въ англiйскихъ гостинницахъ и кварталѣ. Теперь онъ очень прилично помѣстился за тридцать франковъ въ мѣсяцъ и съ пятью или шестью фунтами, какъ онъ послѣ безпрестанно говорилъ, онъ очень комфортэбельно могъ прожить мѣсяцъ. Я не говорю, мой юный путешественникъ, чтобы вы *нынѣ* могли быть такъ счастливы. Мы разсказываемъ то, что было двадцать лѣтъ тому назадъ, прежде чѣмъ локомотивы начали визжать по французскимъ рельсамъ, и когда Луи Филиппъ былъ королемъ.

Какъ только мистеръ Филиппъ Фэрминъ раззорился, нужно ему было влюбиться. Чтобы не разставаться съ возлюбленнымъ предметомъ, нужно ему было послѣдовать за нимъ въ Парижъ, и бросить занятiе юриспруденцiей на родинѣ, хотя, надо отдать ему справедливость, я думаю, онъ ничего не сдѣлалъ бы хорошаго. Не пробылъ онъ въ Парижѣ и двухъ недѣль, когда причудливая госпожа фортуна, которая повидимому убѣжала отъ него, вдругъ улыбнулась ему, какъ бы говоря: «юный джетльмэнъ, я еще не покончила съ тобою».

Не предполагайте будто Филиппъ вдругъ выигралъ двадцать тысячъ ф. с. въ лотерею; но очень нуждаясь въ деньгахъ, онъ вдругъ получилъ возможность прiобрѣсти нѣкоторую сумму довольно легко.

Во-первыхъ, Филиппъ нашелъ мистера и мистриссъ Мёгфордъ въ озадаченномъ положенiи въ Парижѣ, въ каковомъ городѣ Мёгфордъ никогда не согласился бы имѣть laquais de place, оставаясь твердо убѣжденъ до самой своей смерти, что онъ зналъ французскiй языкъ

совершенно достаточно для разговора. Филиппъ, часто бывашій прежде въ Парижѣ, помогъ своимъ друзьямъ въ двухфранковомъ ресторанѣ, гдѣ онъ бывалъ ради экономіи, а они—потому что имъ казался обѣдъ не только дешевъ, но великолѣпенъ и удовлетворителенъ. Онъ служилъ имъ переводчикомъ, а потомъ угостилъ ихъ въ кофейной на бульварѣ, какъ говорилъ Мёгфордъ воротившись въ Лондонъ и разсказывая объ этомъ мнѣ.

— Онъ не можетъ забыть, что онъ былъ франтомъ, этотъ Фэрминъ и поступаетъ какъ джентльмэнъ. Онъ воротился съ нами въ нашу гостинницу, а кто вы думаете въѣхалъ на дворъ и вышелъ изъ кареты? Лордъ Рингудъ, вы знаете лорда Рингуда—всѣ его знаютъ. «Какъ! это вы, Филиппъ? сказалъ его сіятельство, протягивая руку молодому человѣку, приходите ко мнѣ завтракать завтра утромъ».

Какъ же это случилось, что лордъ Рингудъ, у котораго инстинктъ самосохранені ябылъ силенъ, который, я боюсь, былъ немножко эгоистъ и который, какъ мы слышали, отдалъ приказаніе не принимать Филиппа, вдругъ передумалъ и дружелюбно привѣтствовалъ молодаго человѣка? Во-первыхъ, Филиппъ вовсе не безпокоилъ его сіятельство своими посѣщеніями; во-вторыхъ, случилось къ счастью въ самый день ихъ встрѣчи, что его сіятельство обѣдалъ у извѣстнаго парижскаго жителя и bon vivant, милорда виконта Трима, который былъ губернаторомъ острововъ Саго, когда полковникъ Бэйнисъ стоялъ тамъ съ своимъ полкомъ. Генералъ встрѣтился въ церкви съ старымъ Вестъ-Индскимъ губернаторомъ, милордъ Тримъ прямо попросилъ генерала Бэйниса къ обѣду, гдѣ былъ и лордъ Рингудъ съ другими знатными гостями, которыхъ теперь мы не имѣемъ нужды называть. Уже было говорено, что Филиппъ Рингудъ, братъ милорда и капитанъ Бэйнисъ были въ молодости короткими друзьями, и что полковникъ умеръ на рукахъ капитана. Лордъ Рингудъ, имѣвшій превосходную память, когда онъ хотѣлъ прибѣгать къ ней, вздумалъ при этомъ случаѣ вспомнить генерала Бэйниса и его короткость съ своимъ братомъ въ былые дни. Они разговорились объ этихъ былыхъ дняхъ; я полагаю, что превосходное вино лорда Трима сдѣлало генерала краснорѣчивѣе обыкновеннаго. Въ разговорѣ генералъ назвалъ Филиппа, и, разгорячившись отъ вина, осыпалъ самыми восторженными похвалами своего молодаго друга, и упомянулъ какъ благородно и безкорыстно поступилъ Филиппъ съ нимъ. Можетъ быть лорду Рингуду было пріятно слышать эти похвалы внуку своего брата; а можетъ быть онъ думалъ о прежнихъ временахъ, когда у него было сердце и онъ любилъ своего брата. И хотя онъ, можетъ быть, считалъ Филиппа Фэрмина нелѣпымъ олухомъ за то, что онъ отказался отъ всякихъ правъ, которыя

онъ могъ имѣть на состояніе генерала Бэйниса, но по крайней мѣрѣ я не сомнѣваюсь, что его сіятельство подумалъ: «не вѣроятно, чтобы этотъ мальчикъ просилъ денегъ у меня!» Вотъ почему, когда онъ воротился въ свою гостинницу послѣ этого обѣда, и на дворѣ увидалъ этого самого Филиппа Фэрмина, внука его брата, сердце стараго вельможи наполнилось добрымъ чувствомъ, и онъ пригласилъ Филиппа къ себѣ.

Я описывалъ нѣкоторыя странности Филиппа. Между прочимъ въ наружности его произошла весьма замѣчательная перемѣна вскорѣ послѣ его разоренія. Можетъ ли новый сюртукъ или жилетъ доставить удовольствіе тому, чья молодость уже прошла? Я скорѣе думаю, что въ человѣкѣ среднихъ лѣтъ новое платье возбуждаетъ тревожное чувство, не отъ того чтобы оно было узко, хотя и это можетъ быть причиною, но по своему лоску и великолѣпію. Когда мой покойный другъ, мистриссъ XXX подарила мнѣ изумрудный жилетъ съ золотыми разводами, я тотчасъ надѣлъ его въ Ричмондѣ обѣдать съ нею, но застегнулся такъ, что навѣрно въ омнибусѣ никто не видалъ какой на мнѣ яркій жилетъ. Десять лѣтъ онъ составлялъ главное украшеніе моего гардероба, и хотя я никогда не осмѣливался надѣть его во второй разъ, я всегда думалъ съ тайнымъ удовольствіемъ, что я обладаю такимъ сокровищемъ. Любятъ ли шестидесятилѣтнія женщины красивые и модные наряды? Но это разсужденіе заведетъ насъ слишкомъ далеко. Я желаю замѣтить фактъ не рѣдко случавшійся на моей бытности, что мужчины бывшіе большими щеголями часто и вдругъ бросаютъ великолѣпные костюмы, и съ большимъ удовольствіемъ наряжаются въ самые поношенные сюртуки и шляпы. Нѣтъ, почти всѣ мужчины не тщеславны насчетъ своего костюма. Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мужчины щеголяли красивыми ногами. Посмотрите какъ рѣшительно всѣ они бросили свои хорошенькіе сапожки и носятъ огромные, толстые, безобразные, спокойные сапоги!

Когда Филиппъ Фэрминъ появился въ Лондонѣ, тамъ были еще дэнди, еще были ослѣпительные бархатные и штофные жилеты, еще были булавки, пуговицы, цѣпочки и разная фантастическая роскошь. У него былъ великолѣпный серебряно-вызолоченный несессеръ, подаренный ему отцомъ (за который, правда, докторъ позабылъ заплатить, предоставивъ это сыну).

— Это вещь вовсе не нужная, сказалъ достойный докторъ: но бери ее всегда съ собою. Въ деревенскомъ замкѣ она имѣетъ хорошій видъ на туалетѣ мужчины. Это *позируетъ* человѣка, ты понимаешь. Я зналъ женщинъ, приходившихъ взглянуть на это. Ты можетъ быть скажешь, что это бездѣлица, мой милый; но къ чему же пренебрегать какою бы то ни было возможностью на успѣхъ въ жизни?

Когда съ нимъ случилось несчастье, юный Филиппъ бросилъ всѣ эти великолѣпныя сумасбродства. И право врядъ ли человѣкъ болѣе странной наружности разгуливалъ по мостовой лондонской или парижской. Онъ самъ часто говаривалъ:

— Всѣ карпетки мои въ дырахъ, мистриссъ Пенденнисъ, всѣ пуговицы у рубашекъ оборваны, должно быть у меня дурная прачка.

Когда Сестрица ворвалась въ его комнаты въ его отсутствіе, она говорила, что у ней чуть волосы не встали дыбомъ, когда она увидала, въ какомъ состояніи находился его бѣдный гардеробъ. Я полагаю, что мистриссъ Брандонъ наложила обманомъ бѣлья въ его коммоды. Онъ этого не зналъ. Онъ преспокойно носилъ свои рубашки. Куда дѣвались чудныя палевыя перчатки прошлаго года? Его большія голыя руки (которыми онъ такъ величественно размахивалъ) были теперь такъ смуглы какъ у индійца. Онъ очень намъ нравился въ дни его великолѣпія; теперь въ его поношенномъ костюмѣ мы любили его.

Я представляю себѣ, какъ молодой человѣкъ вошелъ въ комнату гдѣ собрались гости его сіятельства. Въ присутствіи знатныхъ и ничтожныхъ, Филиппъ всегда велъ себя развязно, и онъ изъ числа тѣхъ немногихъ людей, какихъ мнѣ случилось видѣть въ жизни, на которыхъ званіе не дѣлало никакого впечатлѣнія. На этомъ завтракѣ было два, три дэнди, которыхъ изумила вольность обращенія Филиппа. Онъ вступилъ въ разговоръ съ знаменитымъ французскимъ политикомъ, противорѣчилъ ему чрезвычайно энергически на его собственномъ языкѣ, а когда политикъ спросилъ: не членъ ли парламента monsieur? Филиппъ разразился громкимъ хохотомъ, отъ котораго чуть не разбились рюмки на столѣ и сказалъ:

— Je suis journaliste monsieur, à vos ordres!

Молодой Тимбёри, секретарь посольства, остолбенѣлъ отъ дерзости Филиппа, а докторъ Боттсъ, медикъ его сіятельства, взглянулъ на него съ испуганнымъ лицомъ. Принесли бутылку бордосскаго, всѣ присутствующіе джентльмэны начали пить его, а Филиппъ попробовавъ свою рюмку, закричалъ.

— Фи! какъ это отзывается пробкой!

— Да еще какъ прескверно, заворчалъ милордъ съ однимъ изъ своихъ обычныхъ ругательствъ: зачѣмъ же никто изъ васъ ничего не сказалъ? Развѣ вы любите вино, отзывающееся пробкой?

За этимъ столомъ сидѣли такіе любезные гости, которые охотно выпили бы александрійскій листъ, еслибы его сіятельство сказалъ, что любитъ его.

— Ваша мать была добрая душа, а отецъ кланялся какъ танцмей-

стеръ. Вы не похожи на него. Я почти всегда обѣдаю дома. Приходите когда хотите, Филиппъ, сказалъ онъ.

Это сообщалъ намъ Филиппъ въ своемъ письмѣ, а потомъ было намъ пересказано мистеромъ и мистриссъ Мёгфордъ по возвращенiи ихъ въ Лондонъ.

— Его брали за руку знатные вельможи, говорилъ Мёгфордъ, а я завербовалъ его по три гинеи въ недѣлю, писать письма въ Пэлль-Мэлльскую газету.

И вотъ причина радостныхъ и торжественныхъ словъ моей жены: «развѣ я тебѣ не говорила»? Филиппъ сталъ ногою на лѣстницу; а кто былъ способнѣе его взобраться на вершину? Когда счастье и нѣжная и любящая дѣвушка ждали его тамъ, нужели онъ лишится мужества, не употребивъ всѣхъ усилiй, или побоится лѣзть? У него не было болѣе искренняго доброжелателя какъ я, не было друзей, которые болѣе любили бы его, хотя многiе восхищались имъ болѣе меня. Но это были женщины по бóльшей части, которыя становятся такъ нелѣпы, несправедливы и пристрастны къ тѣмъ, кого онѣ любятъ, когда тѣ впадаютъ въ несчастье, что я удивляюсь какъ мистеръ Филиппъ не потерялъ головы въ своей бѣдности при такихъ нѣжныхъ льстецахъ и обожательницахъ. Неужели вы будете ставить ему въ вину утѣшенiе, которое онъ извлекалъ изъ своего несчастья? Не одно сердце окаменѣло бы безъ воспоминанiй о прошлыхъ огорченiяхъ, когда глаза, теперь не глядящiе, можетъ быть были полны сочувствiя, а руки, теперь холодныя, были готовы утѣшать и помогать.

ПОЛИТИКА.

Америка.—Морскія чудовища XIX столѣтія.—Пароксизмъ желѣзолюбія — Признаки истиннаго прогресса въ Америкѣ.—Гроза, сбирающаяся надъ новымъ Орлеаномъ. **Франція**.—Подвиги Французовъ въ Мексикѣ.—Послѣдствія финансовыхъ мѣръ Фульда. — Исторія Котильона. — Дѣйствія духовенства. **Италія**.—Двусмысленная политика Наполеона III. — Теорія папы-подданнаго, развитая Бордà-Демуленомъ.—Папа-король виновникъ всѣхъ бѣдствій Италіи и безпокойствъ Европы.—Путешествіе Виктора Эммануила въ Неаполь.—Поѣздка Гарибальди, для завербованія молодыхъ людей въ общество національныхъ стрѣлковъ.—Холодныя отношенія Урбана Раттаци къ туринской палатѣ. **Австрія**.—Разсужденія о національномъ долгѣ. — Проэктъ закона о прессѣ. **Венгрія**.—Конкурсъ, назначенный для женщинъ по разнымъ предметамъ науки.—Общество заграничныхъ путешественниковъ. **Греція**.—Положеніе инсургентовъ и короля Оттона. **Турція**.—Дѣйствіе турецкихъ войскъ въ Герцеговинѣ и противъ Черногоріи. — Употребленіе денегъ, занятыхъ султаномъ у англійскихъ банкировъ. **Пруссія**.—Распущеніе палаты и министерства.—Намѣреніе избрать вновь прежнихъ представителей народа.— Положеніе правительственной Пруссіи.

Вотъ что случилось 8 марта 1862 года. Федеральный флотъ Соединенныхъ штатовъ крейсировалъ въ заливѣ Норфолька, важнаго морскаго арсенала сепаратистовъ. Еще не наступило время атаки этой великой крѣпости рабства. Никто не зналъ, когда получатся приказанія изъ Вашингтона. Корабли безъ дѣла разъѣзжали по тихимъ водамъ; солдаты сухопутные и морскіе упражнялись въ своихъ монотонныхъ маневрахъ, офицеры курили сигары, а матросы тамъ и сямъ занимались работой. Утро было великолѣпное. Въ высотѣ, будто пѣсни жаворонковъ, раздавались веселыя трели юнговъ, сидѣвшихъ

на мачтахъ, за паутиной снастей. Вдали изъ-за синяго тумана, озлащеннаго утренними лучами солнца, показались какія-то черныя тѣла, и федеральные солдаты, стоявшіе на караулѣ въ фортѣ Монро, объявили, что это флотъ сепаратистовъ, ожидаемый съ нетерпѣніемъ. Внезапно забили тревогу, раздался сигнальный свистокъ, солдаты и матросы сбѣжались по командѣ, послышался шумъ паровъ и плескъ колесъ; корабли подняли якоря и шлюпки стали разъѣзжать отъ одного судна къ другому. Федеральный флотъ располагался въ боевой порядокъ. Фрегаты *Кёмберлендъ* и *Конгресъ*, находившіеся въ устьѣ рѣки Джэмсъ, призвали къ себѣ Миннезоту, Ронока и Сентъ-Лоренса, и вмѣстѣ съ ними отправились по Гамптонскому рейду на встрѣчу непріятельскимъ кораблямъ. Въ фортѣ Монро и на батареяхъ Ньюпортъ-Ньюса всѣ готовились къ битвѣ. Всякій предчувствовалъ, что дѣло будетъ горячее.

Вскорѣ предстала флотилія сепаратистовъ. Она состояла только изъ двухъ маленькихъ броненосныхъ пароходовъ, Іоркъ-тоуна и Джэмсъ-тоуна, и изъ нѣсколькихъ канонирскихъ шлюпокъ; но ее сопровождалъ какой-то пловучій домъ, погруженный въ воду по самую крышу. Низкая и толстая труба его извергала клубы чернаго дыма, изъ-за котораго по временамъ виднѣлся флагъ съ цвѣтами рабства. Что за чудовищное судно? Всѣ догадывались, что это Мерримакъ. Прежде онъ былъ великолѣпнымъ фрегатомъ, въ три или четыре тысячи тоннъ, и служилъ предметомъ гордости сѣверо-американскаго флота. Сепаратисты измѣной завладѣли великимъ арсеналомъ и громадными верфями Норфолька. Тогда федеральные офицеры Мерримака, не надѣясь спасти свой корабль, предали его огню. Верхняя часть судна сгорѣла, а остальная пошла ко дну. Сепаратисты вытащили фрегатъ изъ воды и нашли, что остатки его еще могутъ пригодиться. Вспомнивъ попытки, сдѣланныя во Франціи и въ Англіи для устройства панцырныхъ судовъ, они рѣшились воспользоваться этимъ средствомъ для пріобрѣтенія перевѣса на морѣ и со свойственною имъ ловкостью и энергіею немедленно приступили къ исполненію своего плана. Они устроили родъ щита въ нѣсколько слоевъ желѣза. Этотъ щитъ окружалъ бока Мерримака и возвышался надъ его палубой въ видѣ кровли. У крыши находилось двѣнадцать отверстій, изъ-за которыхъ высовывались жерла двадцати-фунтовыхъ армстронговскихъ пушекъ. Передняя часть вооружена двойнымъ остроконечнымъ клювомъ, коварно выглядывавшимъ изъ-подъ воды. Когда эта работа была кон-

чена, инженеры, занимавшіеся ею, распространили подъ рукою слухъ, что они ошиблись въ своихъ расчетахъ и что Мерримакъ не годенъ къ плаванію, такъ какъ онъ долженъ потонуть отъ тяжести щита. Поэтому всѣ забыли объ этомъ чудовищѣ, когда оно вдругъ показалось изумленнымъ глазамъ федералистовъ. Оно медленно двигалось впередъ, нося съ собою счастіе рабства.

Было два часа по полудни. Мерримакъ ускорилъ ходъ, чтобы напасть на Конгресъ и Кёмберленъ. Его аколиты Іоркъ—тоунъ и Джэмсъ-тоунъ расположились по его сторонамъ. Кёмберлендъ немедленно открылъ огонь, но съ ужасомъ замѣтилъ, что его ядра, подобно льдинкамъ, отскакиваютъ отъ отлогой крыши Мерримака. Всѣ люки этого чудовищнаго судна были закрыты, и оно спокойно подвигалось впередъ на всѣхъ парахъ. Батареи Ньюпортъ—Ньюса пустили въ него цѣлый градъ ядеръ, но все напрасно. Мерримакъ даже не ослабилъ хода. Онъ проѣхалъ мимо Конгреса, подъ самыми его выстрѣлами, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, и сталъ въ шестидесяти метрахъ отъ Кёмберленда. Тогда только онъ выстрѣлилъ въ него изъ двухъ своихъ пушекъ, находившихся на носу, и со всѣхъ силъ наѣхалъ на фрегатъ союза. Ударъ, нанесенный имъ, былъ ужасный. Мерримакъ вонзилъ въ каркасъ Кёмберленда свой двойной клювъ и потомъ съ трудомъ высвободился отъ груды разныхъ осколковъ, образовавшейся вслѣдствіе толчка. Вода хлынула въ широкую рану федеральнаго судна. Мерримакъ отступилъ на время, объѣхалъ своего противника и, выстрѣливъ вторично, снова накинулся на него съ противоположной стороны. Зрѣлище было ужасное! Раздался трескъ, грохотъ, свистъ ядеръ. Мачты, реи и бревна разбивались въ дребезги. Къ небу вздымались клубы дыма и взлетали обезображенныя тѣла. И посреди этой адской суматохи гордо развѣвался мрачный флагъ рабства, украшенный звѣздами, подобно Люциферу. Кёмберлендъ былъ разбитъ съ двухъ сторонъ и уничтоженъ окончательно. Его матросы прокляли непріятеля, а пушки дали по немъ послѣдній залпъ. Потомъ все утихло. Федеральный корабль пошелъ ко дну, съ своимъ экипажемъ въ 500 человѣкъ. Съ минуту еще виднѣлся его флагъ на поверхности воды, потомъ наступила глубокая тишина и мрачный Мерримакъ началъ разъѣзжать по тому самому мѣсту, гдѣ за нѣсколько мгновеній находился великолѣпный Кёмберлендъ.

Было три часа. Мерримакъ направился противъ Конгреса. Федеральный фрегатъ все время храбро защищался противъ двухъ броне-

носныхъ пароходовъ. Но его борты были разбиты, пушки на половину испорчены, а палуба покрыта убитыми и ранеными. Непріятельскія ядра уничтожили до ста человѣкъ изъ его экипажа. При всемъ томъ этотъ корабль еще цѣлыхъ двадцать минутъ выдерживалъ бой. Но когда онъ увидѣлъ приближеніе страшнаго чудовища, которое хотѣло разбить его, какъ разбило Кёмберлендъ, тогда онъ спустилъ свой флагъ и поднялъ бѣлое знамя. Джэмсъ-тоунъ немедленно приблизился къ нему и что-же увидѣлъ? «Великолѣпный корабль, насквозь пронизанный ядрами, выбитыя пушки, раздробленные борта, безобразную груду осколковъ, залитыхъ кровью. Таковъ былъ Конгресъ послѣ битвы, продолжавшейся полчаса».

Офицеры, оставшіеся въ живыхъ, взяты въ плѣнъ. Часть экипажа утонула или спаслась вплавь. Сепаратисты не могли взять разбитое судно на буксиръ и потому предали его огню. Пламя охватило Конгресъ, испуская клубы чернаго дыма. Около полуночи оно достигло пороховаго магазина и несчастный корабль взлетѣлъ на воздухъ.

Во время битвы, Ронокъ, Сентъ-Лоренсъ и Миннезота поспѣшили на помощь своему товарищу. Но у перваго изъ нихъ сломалось колесо. Онъ съ трудомъ подвигался впередъ, взятый на буксиръ другимъ судномъ. Оба они сѣли на мель. То же самое случилось съ Сентъ-Лоренсомъ. Оставался одинъ корабль, который еще могъ двигаться—Миннезота; но и тотъ въ свою очередь попалъ на мель. Въ этомъ насчастномъ положеніи, съ семью стами человѣкъ экипажа, онъ выжидалъ нападенія страшнаго чудовища и двухъ его товарищей. Послѣдніе забавлялись бросаніемъ бомбъ въ Ньюпортъ-Ньюсъ. Мерримакъ, замѣтивъ, что непріятель не можетъ двинуться съ мѣста, направился на Миннезоту и издали пустилъ въ нее нѣсколько ядеръ. Между тѣмъ стемнѣло и Мерримакъ счелъ нужнымъ прекратить на время свои подвиги, съ тѣмъ чтобы съ разсвѣтомъ напасть на несчастныя суда, дожидавшіяся смертельнаго удара.

Паровозы и телеграфъ немедленно распространили повсюду извѣстіе объ этомъ великомъ событіи. Югъ торжествовалъ; онъ уже окончательно считалъ себя побѣдителемъ. Сѣверъ былъ въ отчаяніи, Вашингтонъ ужаснулся, Бостонъ и Нью-Іоркъ затрепетали. Дѣйствительно, великіе завоеватели древняго міра, производившіе эпоху въ исторіи человѣчества, не испытывали того торжества, какимъ наслаждался анонимный командиръ Мерримака. И какъ ему было не придти въ восторгъ?! Онъ командовалъ страшной машиной, въ которой со-

средоточивалась современная наука; невредимо разъѣзжалъ сквозь цѣлый градъ ядеръ, считавшихся разрушительными; разбивалъ огромныя суда и погружалъ ихъ въ бездну; громилъ въ продолженіе трехъ часовъ флотъ, на который ни Франція, ни Англія не рѣшались нападать. На слѣдующій день ему предстояло переходить отъ одной побѣды къ другой, прогуливаться между федеральными кораблями, какъ волку посреди стада овецъ; затѣмъ, съ опустошительностью урагана, плыть вдоль береговъ Соединенныхъ Штатовъ, разрушая все, что ни попадается на пути; предать ненавистный Бостонъ огню и заставить Нью-Іоркъ, эту гордую столицу, откупиться отъ подобной же участи грудами золота, повергаемыми къ стопамъ побѣдителя. Такимъ образомъ, онъ, этотъ анонимный командиръ, дѣлался героемъ, возстановлявшимъ новый міръ на древнемъ, уже погибавшемъ началѣ рабства. Новая эра наступала съ появленіемъ Мерримака. Онъ былъ великъ и покрытъ славою побѣды. Отъ него зависѣла участь цѣлой страны!..

На слѣдующій день, въ воскресенье, утро было такое же великолѣпное, какъ наканунѣ. Мерримакъ готовился пожинать новые лавры. Онъ сталъ противъ громадной Миннезоты, которую не удостоилъ разбить наканунѣ. Но что это за странное маленькое судно, появившееся неизвѣстно откуда? Оно смѣло идетъ впередъ и становится между Мерримакомъ и его жертвой. Форма его забавная. Оно похоже на шляпу, съ длинными остроконечными полями спереди и назади. Эти поля едва возвышаются надъ водою; волны заливаютъ палубу и покрываютъ ее пѣной. Мерримакъ не долго остается въ недоумѣніи. Вскорѣ раздаются два выстрѣла и онъ проходитъ въ сотрясеніе отъ ядеръ, гораздо болѣе увѣсистыхъ, чѣмъ его собственныя. Такимъ образомъ *Мониторъ*, этотъ новый Давидъ, привѣтствовалъ Голіаѳа. Въ сравненіи съ Миннезотой, онъ казался выкидышемъ. Онъ былъ втрое менѣе Мерримака. На немъ всего были двѣ пушки, но пушки дальгреновскія, съ ядрами, въ 184 фунта каждое. Мерримакъ чувствуетъ, что борьба будетъ ужасная. Онъ направляетъ противъ своего маленькаго противника цѣлую батарею. Но Мониторъ не обращаетъ вниманія на непріятельскія ядра, имѣющія въ діаметрѣ по одиннадцати футовъ. Онъ спокойно, подъ выстрѣлами, производитъ свои маневры, разсматриваетъ своего врага и спереди и сзади и съ-боку и своими дальгреновскими ядрами отыскиваетъ его чувствительныя части. На этихъ двухъ страшныхъ машинахъ не видать было ни одной живой души. Обѣ онѣ казались дымящимися чудовищами, оживленными

какою-то адскою силою и пылавшими желаніемъ разгромить другъ друга. Прочіе корабли стояли неподвижно, чтобы не потерять изъ виду ни одного движенія этихъ двухъ страшныхъ бойцовъ. Мерримакъ, какъ бы желая возместить свою досаду на комъ бы то ни было, по временамъ угощаетъ своими выстрѣлами какое нибудь федеральное судно. Наконецъ, чтобы чѣмъ нибудь порѣшить дѣло, это черное чудовище причаливаетъ къ Монитору и спускаетъ на него толпу солдатъ, идущихъ на абордажъ съ топорами и ножами. Но что могутъ сдѣлать эти несчастные на желѣзной палубѣ, совершенно пустой, обнаженной и омываемой морскими волнами? Немногія отверстія, находившіяся тамъ, были плотно закрыты толстымъ желѣзомъ. Еслибъ можно было по крайней мѣрѣ взобраться на башню, всего въ девять футовъ вышиною, стоявшую на палубѣ! Тамъ скрывались дальгреновскія пушки съ своими артиллеристами. Пока осаждающіе недоумѣвали, башня повернулась вокругъ своей оси; одно изъ отверстій раскрылось и въ немъ показалось грозное жерло пушки. Незваные гости поспѣшили убраться во свояси. Впрочемъ, Мониторъ предвидѣлъ такое нападеніе и пары, извергавшіеся со всѣхъ сторонъ, вскорѣ задушили бы непріятеля. Тогда Мерримакъ пытался разрѣзать своего противника и, отступивъ, наѣхалъ на него со всего розмаха. Но этотъ страшный маневръ, уничтожившій Кёмберлендъ, не имѣлъ никакого дѣйствія на Монитора. Носъ Мерримака только поднялся на палубу маленькаго судна. Мониторъ воспользовался этимъ смѣшнымъ и невыгоднымъ положеніемъ своего врага, чтобы пустить въ него нѣсколько ядеръ. Одинъ изъ людей Мерримака высунулся, но тотчасъ же повалился отъ мѣткаго выстрѣла дальгреновской пушки. Въ свою очередь, капитанъ Монитора выглянулъ въ одно изъ отверстій и непріятельское ядро ослѣпило его мимолетомъ.

Между тѣмъ какъ Мерримакъ старался освободиться отъ своего невыгоднаго положенія, Мониторъ замѣтилъ въ его бронѣ слабое мѣсто. Онъ немедленно направилъ туда свои выстрѣлы и Мерримакъ раненный зашатался. Онъ призвалъ на помощь своихъ товарищей и обратился въ бѣгство, пылая бѣшенствомъ. Еще послѣднее ядро Монитора разбило жерло одной изъ его пушекъ.

Такимъ образомъ чудовище рабства въ свою очередь получило рану въ этомъ достопамятномъ дѣлѣ. Но откуда взялось это маленькое спасительное судно, неожиданно явившееся въ самый критическій моментъ, когда все казалось потеряннымъ?

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Эриксонъ, шведскій механикъ, извѣстный неудачной попыткой по устройству машинъ, дѣйствующихъ нагрѣтымъ воздухомъ, получилъ позволеніе строить маленькую морскую батарею, на собственный рискъ, по подпискѣ, собранной частными лицами. Постройка начата была въ октябрѣ, а перваго января это судно уже было пущено въ море. Работа продолжалась менѣе ста дней и обошлась менѣе, чѣмъ въ милліонъ пять сотъ тысячъ франковъ. Это маленькое судно столько же годное для защиты, сколько и для нападенія, не получило въ этой страшной битвѣ даже ни одной царапины. Только краска на немъ была повреждена. Экипажъ потерпѣлъ болѣе, нежели самый корабль. Непріятельскія ядра не могли вонзиться въ желѣзныя стѣны, но потрясали ихъ со всей силой. При каждомъ залпѣ непріятельскихъ орудій, матросы валились отъ сотрясенія, подобно оловяннымъ солдатамъ. Каждое ядро, ударявшее противъ того мѣста, гдѣ стоялъ какой нибудь морякъ, отбрасывало несчастнаго къ противоположной стѣнѣ и минутъ на двадцать лишало чувствъ. Храбрость людей, находившихся на Мониторѣ, по собственному ихъ признанію, состояла не въ томъ, что они сопротивлялись непріятельскимъ выстрѣламъ изъ-за желѣзной своей ограды, но въ томъ, что они вступили въ эту борьбу, утомленные долгимъ путешествіемъ и страшною бурею. Теперь ожидается извѣстіе объ исходѣ новой битвы, въ которую съ нетерпѣніемъ желаютъ вступить Мониторъ и Мерримакъ.

Извѣстіе объ этомъ сраженіи произвело много шуму въ Америкѣ, въ Европѣ и въ особенности въ Англіи. «Я назову свой корабль *Мониторомъ* или *Извѣстителемъ*, говорилъ Эриксонъ.—Онъ извѣститъ Англію и всѣхъ морскихъ тирановъ, что для ихъ царства насталъ конецъ», Онъ писалъ также: «Я употреблю всѣ свои силы, чтобъ устранить навсегда всякую причину опасаться Европы. Пусть только мнѣ дадутъ необходимыя на то средства, и въ скоромъ времени мы въ состояніи будемъ сказать этимъ врагамъ республиканской свободы: очищайте Мексиканскій заливъ или погибайте. Я всегда говорилъ, что механика положитъ конецъ владычеству Англіи на моряхъ. Океанъ есть великій путь сообщенія, который дала намъ природа; океанъ долженъ быть свободнымъ и будетъ свободенъ»! Хорошо сказано, новый Архимедъ!

Извѣстіе произвело свое дѣйствіе. Англія встревожена и съ яростью кидается на новое изобрѣтеніе. «Какъ, восклицаетъ Таймсъ, до сра-

женія въ Гамптонскомъ рейдѣ мы могли выставить въ бой сто сорокъ девять военныхъ кораблей, а теперь ихъ у насъ всего два, или, лучше сказать, нѣтъ ни одного. Вотъ вамъ Мерримакъ: онъ съ двѣнадцатью пушками нападаетъ на батареи непріятельскаго форта и атакуетъ два парусныхъ фрегата, въ пятьдесятъ пушекъ каждый, два парохода, въ сорокъ пушекъ, и два парусныхъ корвета, въ двадцать четыре пушки. Такимъ образомъ онъ съ своими двѣнадцатью орудіями не боится огня двухъ сотъ тридцати пушекъ. Что, еслибъ вспыхнула война по поводу несчастной исторіи Трента и еслибъ, Боже упаси! нашъ флотъ на американскихъ водахъ встрѣтилъ маленькаго Монитора. Подобно акулѣ, врывающейся въ стаю трески или другой какой нибудь мелкой рыбы, этотъ корабль проникъ бы въ нашъ флотъ. И этотъ флотъ, нѣкогда лучшій въ цѣломъ мірѣ, погибъ бы съ позоромъ. Къ чему послужилъ бы намъ нашъ великолѣпный *Варріоръ*, который одинъ стоилъ столько, сколько стоили бы двѣнадцать Мониторовъ? Варріоръ величественный корабль, но онъ не въ состояніи былъ бы вступить въ бой: на немъ только сто фунтовыя ядра, какъ и на Мерримакѣ. Въ какія нибудь двадцать минутъ его охватило бы пламя отъ кормы до носа». Одинъ ораторъ въ парламентѣ открыто говорилъ: «Мы поступили легкомысленно, оскорбивъ націю, въ которой частныя лица строятъ Мониторовъ въ девяносто дней, въ срокъ, назначаемый для уплаты торговыхъ векселей». «Надо отдать справедливость американцамъ, меланхолически замѣчаетъ Таймсъ: — они все еще великая нація»!

У Англіи нѣтъ болѣе военнаго флота! Эти слова раздались по всей странѣ, какъ звонъ по умершимъ, какъ набатъ, возвѣщающій гражданамъ, что отечество въ опасности. «Людовикъ Наполеонъ, нашъ союзникъ, говорятъ Англичане, можетъ сдѣлать новое coup d'Etat! Ночью втораго мая онъ можетъ послать противъ насъ какой нибудь Мерримакъ и съ полдюжины Мониторовъ. Эти суда пройдутъ сквозь флотъ нашъ и сквозь огонь нашихъ крѣпостей, какъ носорогъ проходитъ сквозь градъ стрѣлъ, пускаемыхъ въ него цѣлою толпою Негровъ. Ихъ батареи станутъ въ виду каѳедральнаго собора св. Павла и будутъ бросать каленыя ядра на англійскій банкъ, на Stock Exchange. Въ какіе нибудь четыре часа онѣ превратятъ Сити въ груду развалинъ. Въ то время, какъ мы, даже послѣ дѣла, бывшаго съ Трентомъ, отказываемъ другимъ націямъ въ правахъ нейтралитета, является господинъ, который ставитъ пушки на маленькое судно и

говоритъ: «вотъ это судно положитъ конецъ владычеству Англіи! Англія падетъ, какъ нѣкогда пали Венеція и Голландія»! «Море, повинующееся намъ, въ то же время грозитъ намъ опасностью и Англія рискуетъ сдѣлаться рабынеи и жертвою океана въ тотъ день, когда перестанетъ быть его владычецей». Такъ говорилъ мизорусс Уркугартъ. Вѣтеръ черезъ Атлантическій океанъ переноситъ голоса, которые заставляютъ дрожать лондонскій Тоуеръ отъ его вершины до основанія. Эти голоса твердятъ, что насталъ конецъ величію гордаго Альбіона. Они заставляютъ трепетать также каменныя стѣны Вестминстерскаго замка. «Насталъ конецъ гордости Альбіона»! повторяютъ янки. Альбіонъ услышалъ эти слова и съ яростью воскликнулъ: «*Богъ и мое право находятся въ опасности*! Я и мои сыновья погибнемъ, если господинъ Эриксонъ захочетъ насъ погубить, если онъ вздумаетъ сѣсть на свой маленькій корабль и объявить намъ войну! Намъ необходимы большія пловучія батареи, съ большими пушками, и суда, одѣтыя въ желѣзную броню, подобно нашему Черному принцу; намъ нужны желѣзные корабли, желѣзныя крѣпости, желѣзныя стѣны, желѣза и желѣза для нашей защиты!

Подумаешь, эта несчастная Англія — робкій, нѣжный моллюскъ, желающій укрыть свое дрожащее, полуводянистое, слизистое тѣло въ какой нибудь перламутовой раковинѣ. «Если нельзя одѣть въ броню нашъ гигантскій флотъ, говорятъ Англичане, то не должно терять ни одной минуты: намъ нуженъ новый флотъ, состоящій изъ Мониторовъ и выстроенный въ девяносто дней»! Министръ, желая успокоить это нетерпѣливое желаніе, замѣчаетъ, что для этого необходимо прибавить къ вотированному бюджету еще сумму въ пятнадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Ему говорятъ, что для владычества на морѣ не слѣдуетъ скупиться. Министръ отвѣчаетъ, что нѣтъ никакой опасности со стороны Франціи и что Мерримакъ и Мониторъ не могутъ переплыть Атлантическій океанъ, такъ какъ неустроены для дальнихъ путешествій. Ему возражаютъ, что Французы и Американцы немедленно построятъ такія же суда, годныя для дальнихъ плаваній. Министръ замѣчаетъ, что Мониторъ, представляющій теперь послѣднее слово науки, будетъ чрезъ три мѣсяца Мерримакомъ въ отношеніи къ какому нибудь новому Монитору. Въ отвѣтъ на это ему говорятъ: на практикѣ должно руководствоваться современною наукою, а не будущею. Это не все еще: постройка Спитгидскаго форта пріостановлена до окончательнаго изслѣдованія годности блиндованныхъ судовъ для

защиты укрѣплений. Потребовали даже, чтобы остатокъ денегъ, вотированныхъ на устройство крѣпостей, употребленъ былъ на постройку панцырныхъ судовъ. Ни за что Англія не желаетъ имѣть деревянныхъ стѣнъ, даже каменныя теперь не считаются надежными. Люди, полагающіе, что камень еще годенъ къ чему нибудь, не встрѣтятъ сочувствія, если не предложатъ каменныя стѣны покрыть желѣзомъ.

Походные телеграфы, желѣзныя дороги, изобрѣтеніе зуава, нарѣзной пушки и африканскаго егеря произвели переворотъ въ современной стратегіи, а блиндированныя суда и суда подводныя готовятъ такой же переворотъ въ морской войнѣ. Вопросъ этотъ не новый; онъ предложенъ былъ еще во время осады Севастополя, и адмиралъ Лайонсъ, бывшій свидѣтелемъ разрушеній, произведенныхъ пловучими батареями въ укрѣпленіяхъ Кинбурна, воскликнулъ: «*No three-deckers more*»! не надо болѣе трехдечныхъ судовъ! Капитанъ Кользъ представилъ морскому министерству планъ панцырнаго судна, похожаго на эриксонова; но, по обыкновенію, его проектъ былъ отвергнутъ людьми компетентными, что случилось и съ Армстронгомъ. По этому поводу сильно упрекали англійское адмиралтейство за его оффиціальную глупость. Но такое сужденіе преувеличено. «*Let good be alone*», будемъ довольствоваться хорошимъ, а не гнаться за лучшимъ, благоразумно говорило адмиралтейство. «Господство на моряхъ, доставленное намъ современными обстоятельствами, можетъ быть отнято у насъ вслѣдствіе какихъ нибудь другихъ обстоятельствъ». Это сужденіе очень разумно. Оно противоположно тому, какое дѣлалъ Луи Наполеонъ, строя свой корабль «Славу», названіе которое должно казаться заносчивымъ подлѣ скромнаго названія Монитора. Какъ бы то ни было, Англія теперь подвержена острому кризису *желѣзолюбія*, иногда доходящаго до безумія. Она уничтожаетъ великолѣпные фрегаты, превращаетъ ихъ въ безобразные понтоны, и покрываетъ бронею, употребляя на то огромныя деньги. Такимъ образомъ, она рискуетъ остаться ни при чемъ, когда изобрѣтетъ пушку, которою можно пробивать желѣзныя стѣны, подобно деревяннымъ. Она уже думала, что пріобрѣла такое орудіе, и праздновала свое открытіе изліяніями восторга. Дѣйствительно, ея любимая пушка производила чудеса на сушѣ. Отличаясь огромными размѣрами и заряжаемая цѣлымъ центнеромъ пороха, она пробивала какія угодно желѣзные щиты. Но когда вздумали эту махину поставить на корабль, то оказалось, что онъ под-

вергается опасности потонуть подъ ея тяжестью. Англійскіе иллюстрированные журналы представляютъ намъ въ своихъ гравюрахъ вопросы, какими занимаются современные умы. Въ нихъ изображены: джентльмэны, дѣлающіе разные опыты, одни съ карабинами, другіе съ большими пушками, третьи съ маленькими; матросы, на славу стрѣляющіе изъ огромныхъ армстронговскихъ машинъ, солдаты, производящіе маневры съ мортирами, въ присутствіи разряженныхъ дамъ; литейщики, отливающіе ядра. Взгляните на эту картину! Это темная литейная мастерская, въ которой углы однакожъ нѣсколько освѣщены грудами раскаленныхъ ядеръ; въ центрѣ какіе-то циклопы опрокидываютъ котелъ съ растопленнымъ чугуномъ и какъ будто мечутъ во всѣ тороны огненныя стрѣлы. Подумаешь, что видишь передъ собою осуществленіе фантазіи Гоффмана: какихъ то бѣсовъ, освѣщенныхъ большимъ желтоватымъ солнцемъ и разливающихъ огненный млечный путь, который превращается въ красныя круглыя свѣтила и въ топазовыя звѣзды. Далѣе *Illustrated News* переносятъ васъ въ вульвичскій арсеналъ: вы видите передъ собою огромную залу, безконечные ряды работниковъ, безчисленное множество головъ, рукъ, туловищъ, ногъ, посреди другаго множества колесъ, блоковъ, ремней; вы какъ будто слышите свистъ пилъ, гуденіе станковъ, стукъ молотковъ, шумъ колесъ.

Съ своей стороны, американцы, подавшіе первый примѣръ, не намѣрены отстать отъ другихъ. Въ концѣ іюля, говорятъ они, у нихъ будетъ до сорока панцырныхъ судовъ. Батарея Стевенса должна дѣлать чудеса. Какой-то корабль, вооруженный всего пятью пушками, но въ которомъ ядра будутъ въ пятнадцать дюймовъ діаметромъ и въ четыреста двадцать пять фунтовъ вѣсомъ каждое, будетъ разъѣзжать по морю съ быстротою тридцати двухъ километровъ въ часъ. Батарея Портера, машина страшная, уже находится на пути къ Новому Орлеану. Какое-то грамадное, чудовищное судно-таранъ будетъ нападать на непріятельскіе корабли и разбивать ихъ, какъ щипчики разбиваютъ орѣхи. Изобрѣтательные механики не пренебрегаютъ никакими мелочами военнаго искусства. Они на всевозможныя манеры разнообразятъ устройство ружей, штыковъ, походныхъ котелковъ, шестовъ для палатокъ и т. п. Какой-то искусный янки выставилъ родъ кепи изъ вулканизированной гуттаперчи. Этотъ кепи снабженъ акустическими рожками, имѣющими форму ушей, и надѣвается солдатами, которые отправляются въ ночной караулъ.

Во Франціи патронъ «Славы» велѣлъ подать себѣ списокъ всѣхъ фрегатовъ, которые съ выгодою могутъ быть блиндированы. Въ видѣ опыта, десять судовъ вооружаются громадными клювами, въ тридцать тысячъ килограммовъ вѣсомъ каждый, что составитъ тяжесть въ шестьсотъ центнеровъ желѣза, направляемыхъ на непріятельскій каркасъ съ быстротою отъ десяти до пятнадцати метровъ въ секунду. Кто-то нашелъ, что этого мало, и хочетъ снабдить такой клювъ разрывнымъ составомъ. Такимъ образомъ, корабль, на который нападетъ подобное судно, будетъ разбитъ, разломанъ, потопленъ и взорванъ, и все это въ одно и то же время. Что еще важнѣе: найденъ способъ, давно отыскиваемый, отливать цилиндро-коническія ядра, со стальными остріями. Такими ядрами желѣзные щиты, въ одинъ, два, три и до двѣнадцати и пятнадцати дюймовъ толщиною, пробиваются *какъ масло*, по выраженію одного энтузіаста. Примѣните эту систему къ пушкѣ-револьверу, недавно изобрѣтенной, и вы получите результаты, которые сдѣлаютъ сомнительною самую войну на морѣ. Эта война будетъ невозможна, когда уничтожится всякое равновѣсіе между нападеніемъ и защитою, вслѣдствіе изобрѣтенія какой нибудь непобѣдимой пушки или непроницаемаго судна.

Между тѣмъ Италія надѣется добыть какой нибудь хорошенькій *Мониторъ*, чтобы пойти на Венецію, а императоръ австрійскій объявляетъ, что у него ни однимъ кораблемъ не будетъ менѣе, чѣмъ у Италіи. Правительство прусское требуетъ денегъ для пріобрѣтенія такой же вещицы; маленькая Данія также, Испанія также и Португалія также. Было бы удивительно, еслибъ Абдулъ Азисъ, большой любитель до подобной потѣхи, не воспользовался деньгами, которыми его, по какому-то чуду, снабдили лондонскіе банкиры, и не покрылъ бы желѣзомъ своихъ маленькихъ судовъ. Морской флотъ въ Европѣ, который такимъ образомъ долженъ быть передѣланъ, по расчету одного спеціальнаго журнала, состоитъ изъ двухъ тысячъ пяти сотъ кораблей. Если предположить вѣсъ желѣзнаго панцыря, среднимъ числомъ, въ 500 тоннъ (броня «Славы» вѣситъ 900), то для одного блиндированія нашихъ флотовъ потребуется 1,250,000 тоннъ желѣза. При этомъ не принимаются въ расчетъ пушки, ядра, и т. п. Милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ тоннъ желѣза, по сту шестидесяти франковъ за тонну, представляютъ круглую сумму въ два милліарда. Это весьма утѣшительно для нашихъ бюджетовъ! И кто-то еще замѣтилъ, что есть въ Европѣ государства, какъ напримѣръ Франція, которыя слиш-

комъ бѣдны для того, чтобы доставить низшему классу народа образованіе! Кто-то замѣтилъ, что эти самыя государства не имѣютъ средствъ дать здоровымъ ремесленникамъ работу, а больнымъ и слабымъ кусокъ хлѣба!

Такимъ образомъ идеалъ, къ осуществленію котораго стремится оффиціальная Европа, состоитъ въ пріобрѣтеніи огромныхъ пушекъ и какого-то земноводнаго чудовища, погруженнаго въ воду по самую пасть. Это чудовище, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть сходство съ морской черепахой, которая высовываетъ голову изъ-подъ своего щита, чтобы подышать воздухомъ. Оно будетъ извергать ядра неимовѣрной величины. Вотъ вамъ и предметъ для размышленія и для изученія современной патологіи общества! Что сдѣлалось съ проблемой нашей хваленой цивилизаціи относительно минимума времени и денегъ?! Замѣтьте, что тѣ самые люди, которые придумываютъ всевозможныя средства къ истребленію человѣческаго рода, пришли бы въ отчаяніе, еслибъ встрѣтили непроницаемый щитъ, противостоящій всякимъ выстрѣламъ. Какъ можно у смерти отнимать ея добычу! Не есть ли это измѣна въ отношеніи ко всѣмъ солдатамъ въ мірѣ, если предохранить ихъ отъ ранъ?! По всему видно, что люди болѣе думаютъ о томъ, какъ бы истреблять другъ друга, нежели о томъ, какъ бы жить! Кругомъ насъ глубокомысленные ученые, даже филантропы изощряютъ свой умъ на самыя коварныя, пагубныя изобрѣтенія. Одинъ на началахъ науки придумываетъ громадную машину для истребленія цѣлыхъ полковъ, подобную той, какая сочинена въ Цинцинати для искрошенія свиней и которою тридцать пять тысячъ килограммовъ живаго мяса въ одни сутки превращаются въ тридцать пять тысячъ килограммовъ мяса, годнаго на сосиски. Другой, агрономъ, сочиняетъ огромную косу для кошенія людей, или паровую машину, въ родѣ молотильной, и которою можно раздавить цѣлую армію солдатъ, подобно кучкѣ улитокъ. Какой-то химикъ предлагаетъ нагнетательный насосъ высокаго давленія, извергающій смертоносные газы для отравленія цѣлаго городскаго населенія и дѣйствующій со скоростью одного кубическаго километра въ минуту.... Право подумаешь, что люди глубоко сознаютъ свою порочность и чувствуютъ потребность очистить землю другъ отъ друга. Быть можетъ, они изощряютъ свой умъ для взаимнаго истребленія по какому-то остатку чувства справедливости. И это называется прогрессомъ! Безъ сомнѣнія, убивать другъ друга кулаками и камнями не такъ удобно, какъ револьверомъ. Но такому прогрессу не лучше ли

предпочесть нѣсколько болѣе братской любви, нѣсколько болѣе кротости нравовъ, нѣсколько болѣе справедливости въ международныхъ отношеніяхъ, и нѣсколько болѣе того чувства, которое люди, не краснѣя, называютъ *гуманностью?!*

Къ счастію, есть явленія, представляющія болѣе несомнѣнные признаки прогресса, чѣмъ успѣхи въ искусствѣ убивать людей массами, и примѣръ тому мы видимъ въ странѣ *Мерримака* и *Монитора*. Президентъ Линкольнъ наконецъ открыто предложилъ вопросъ объ эмансипаціи невольниковъ. Записка, адресованная имъ по этому поводу въ конгресъ, — быть можетъ, самый важный документъ, когдалибо составлявшійся вслѣдствіе президентской инициативы. Осторожно и въ выраженіяхъ самой разумной умѣренности, президентъ представилъ странѣ, что вопросъ о невольничествѣ долженъ быть рѣшенъ, хотя бы даже цѣною самыхъ большихъ пожертвованій. Сенатъ не только одобрилъ его предложеніе, но и вотировалъ совершенное уничтоженіе рабства въ округѣ Колумбія, съ тѣмъ, чтобы столица Соединенныхъ штатовъ не оскверналась болѣе существованіемъ такого преступнаго учрежденія. Съ этой минуты вопросъ о невольничествѣ переходитъ въ область практики и не можетъ быть болѣе обойденъ. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій записки Линкольна будетъ усиленіе партіи аболиціонистовъ въ пограничныхъ штатахъ, гдѣ рабовладѣльцы сами предпочтутъ денежное вознагражденіе разоренію и насильственному уничтоженію присвоенныхъ ими правъ. Безъ сомнѣнія, предлагая за невольниковъ выкупъ, вашингтонское правительство пріобрѣтаетъ болѣе простора для энергическихъ дѣйствій и, въ случаѣ надобности, будетъ имѣть возможность прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ (*). Однакожъ, съ точки зрѣнія принципа, мы не можемъ вполнѣ оправдать предложеніе президента, какъ оно насъ ни обрадовало. Признать права рабовладѣльца значитъ отвергнуть права невольника, если же владѣлецъ не имѣетъ правъ, зачѣмъ же платить за нихъ выкупъ? Если невольничество есть преступленіе, то возмутительно заключать съ нимъ условія. Какъ, вы казните Гордона за то, что онъ продавалъ людей, а вознаграждаете тѣхъ, которые ихъ покупали! Въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобъ вѣшать Гордона, вамъ бы слѣдовало заплатить ему за

(*) Дѣйствительно, крайнимъ, потому что люди, въ родѣ Джефферсона Дэвиса, Мэзона, Слайделя и ихъ братьи, безъ сомнѣнія, скорѣй рѣшатся умереть, не освободившись отъ преступленій, нежели вступить въ соглашеніе съ противниками рабства.

прекращеніе его торговли. Вы тогда не имѣете права подвергать убійцъ каторжной работѣ, а воровъ тюремному заключенію, а должны вознаграждать ихъ за тѣ воровства и убійства, отъ которыхъ они соблаговолятъ отказаться на будущее время! Но насъ такъ радуетъ новая эра, которую предвѣщаетъ осуществленіе этой мѣры, что мы не хотимъ болѣе во имя теоріи подвергать критикѣ предложеніе Линкольна. Пусть только полтора милліона невольниковъ освободятся наконецъ отъ своихъ тяжкихъ цѣпей, и мы, конечно, не станемъ, въ видахъ логической строгости, требовать возвращенія гнусной неволи, съ тѣмъ чтобы свобода возстановлена была правильнымъ образомъ. Подобно ядовитому дереву, какому нибудь манцениллеру или громадному упасу, невольничество глубоко вкоренилось между нашими націями, называемыми христіанскими, которыхъ оно на далекомъ пространствѣ осѣняетъ своею мрачною тѣнью. Если нашему поколѣнію удастся спилить его въ уровень съ землею, то мы не будемъ завидовать нашимъ потомкамъ за то, что они вырвутъ корни этого растенія и превратятъ ихъ въ пепелъ.

Говорятъ, что печаль, испытанная Линкольномъ у смертнаго одра его сына, и торжественныя мысли, возбуждаемыя въ насъ кратковременностью жизни и вѣчностью долга, содѣйствовали къ перемѣнѣ политики президента. Онъ уже болѣе не склоняется къ поддержанію невольничества, но стремится теперь къ его уничтоженію. Прежде онъ отставилъ Фремона за его аболиціонистскія идеи, а теперь возвращаетъ ему начальство надъ войскомъ. Онъ велѣлъ повѣсить Гордона, который воровалъ людей, убивалъ ихъ, топилъ или продавалъ въ неволю. Макъ-Клелланъ и другіе генералы *West pointers*, болѣе или менѣе отличающіеся приверженностью къ рабству, теперь находятся подъ бдительнымъ надзоромъ. Венделль Филиппсъ, этотъ краснорѣчивый аболиціонистъ, который восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ проходилъ по улицамъ Бостона съ опасностью жизни, торжественно представленъ въ конгрессъ государственнымъ секретаремъ. И съ этой перемѣной политики побѣда возвратилась къ знаменамъ федералистовъ и симпатія Европы снова обратилась къ судьбѣ юной республики.

Событія быстро смѣняются одно другимъ. Побѣды одерживаются федеральными войсками по всей линіи военныхъ дѣйствій: въ Виргиніи, Кентукки, сѣверной Каролинѣ, Теннеси. Мы уже знакомы съ битвою въ водахъ Гамптонской рейды, съ этимъ достопамятнымъ событіемъ вѣка. Сепаратисты потерпѣли пораженіе въ Винчестерѣ,

средоточіи Виргинской долины, гдѣ стратегическій центръ государства. Они покинули батареи Потомака и страшныя позиціи въ Манассасѣ, Центрвиллѣ и Болль-Рёнѣ. Въ Теннеси сепаратисты продолжаютъ свое отступленіе, совершенно упавъ духомъ. Они даже не пытались защищаться въ укрѣпленіяхъ Колумба, и передъ своимъ уходомъ хотѣли сжечь городъ, но пожаръ былъ потушенъ жителями. Большія батареи, воздвигнутыя ими вдоль Миссисипи, покинуты; толстая цѣпь, протянутая поперегъ рѣки, еще оставалась на мѣстѣ, когда сепаратисты обратились въ бѣгство. Ихъ было тамъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ генерала Полька, бывшаго епископа. Отступленіе совершалось поспѣшно по желѣзной дорогѣ и на транспортныхъ судахъ. Отступавшіе разрушали дорогу и ломали мосты. Шестьдесятъ тысячъ сепаратистовъ собраны генераломъ Борегаромъ въ Коринтѣ, маленькомъ городѣ, который, находясь на берегу Миссисипи, защищаетъ входъ въ этотъ штатъ и въ Алабаму и господствуетъ надъ путями сообщенія между Мобилемъ, Мемфисомъ и Чарльстономъ. Войска сепаратистовъ уже сожгли за собою хлопчатую бумагу и хотѣли предать огню Мемфисъ. Съ другой стороны, федералисты надѣялись, что это большое сраженіе будетъ послѣднимъ, и до того были увѣрены въ этомъ, что прекратили наборъ рекрутовъ. Наконецъ, они повидимому рѣшились направить главный ударъ на Новый Орлеанъ, бывшій прежде торговою столицею юга и могущественнымъ соперникомъ Нью-Іорка. Уже ихъ пароходы разъѣзжаютъ въ водахъ озера Поншартрена и могущественная батарея Портера также находится на пути къ этому важному городу сепаратистовъ. Городъ защищается Манассасомъ, судномъ, въ родѣ Мерримака. Кромѣ того строятся еще десять другихъ такихъ же судовъ. При одной мысли о томъ, что совершается тамъ въ настоящій моментъ, нами овладѣваетъ лихорадочное нетерпѣніе.

Впередъ, юная Америка, впередъ! Уничтожай безпощадно невольничество, это гнусное чудовище!

Французское правительство напустило на Мексику баталіоны своихъ зуавовъ тоже въ видахъ защиты цивилизаціи и справедливости и для охраненія семейства и соціальнаго порядка. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ Мишель Шевалье въ полуоффиціальной статьѣ, помѣщенной имъ въ *Revue des deux Mondes*. Эксъ-секретарь императора не шутя говоритъ, что означенные зуавы посланы съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать рабовладѣльцамъ Чарльстона и Новаго Орле-

ана насильственно ввести въ Мексику невольничество, точно такъ же, какъ французское правительство отнимаетъ у Италіи ея столицу, чтобы ею не пользовались Австрійцы. Зуавы имѣютъ еще другое великое назначеніе:—укрѣпить въ Мексикѣ католическую религію, находящуюся тамъ въ шаткомъ положеніи, такъ-же какъ и въ другихъ мѣстахъ. Господинъ Мишель Шевалье безъ сомнѣнія подразумѣваетъ здѣсь религію Эскобара и великаго св. Игнатія. Посудите сами. Въ силу соледадской конвенціи, французскія войска, для избѣжанія убійственнаго климата Вера-Круца, получили позволеніе проникнуть до равнины Оризабы, съ условіемъ отступить въ случаѣ распри и стать позади двухъ ущелій, служащихъ ключемъ страны. Уполномоченные четырехъ державъ дѣйствительно подписали договоръ. Кабинеты лондонскій и мадритскій объявили себя удовлетворенными; Англія при этомъ выразилась ясно, а Испанія двусмысленно. Но французское правительство отказывается подтвердить конвенцію (безъ сомнѣнія, во вниманіе эрцгерцога Максимиліана) и велитъ своимъ войскамъ идти на столицу, не смотря на подпись своего уполномоченнаго и на честное слово своихъ солдатъ. Завтра Французы направятъ на Мексику свои нарѣзныя пушки, но Мексиканцы отвѣтятъ словомъ гораздо болѣе ужаснымъ, чѣмъ ядра. Они закричатъ императорскому орлу Наполеона Бонапарта: «знамя лживое! Знамя измѣны»!

Внутри положеніе Франціи развивается по-прежнему. Въ провинціи вашъ корреспондентъ убѣдился собственными глазами, что земледѣлецъ все еще равнодушенъ къ политикѣ. Впрочемъ за бутылкой вина онъ хвастается тѣмъ, что онъ—Французъ, и что его соотечественники побили Австрійцевъ и совершили прогулку въ Китай. Въ знаменитомъ бюджетѣ Фульда, нашего архиминистра финансовъ, онъ понимаетъ только то, что долженъ будетъ заплатить, кромѣ обыкновенныхъ податей, двѣсти милліоновъ налоговъ экстраординарныхъ, назначенныхъ сверхъ прежняго бюджета. Онъ не составляетъ себѣ яснаго понятія объ этой суммѣ, но знаетъ, что она налагается на сахаръ, который онъ началъ вкушать, и на соль, которая для него служитъ однимъ изъ предметовъ первой важности. Такихъ предметовъ у него три: хлѣбъ, вино и соль. Въ обществѣ умовъ крѣпкаго закала онъ противопоставляетъ ихъ другимъ предметамъ, которые прославляются мѣстнымъ священникомъ. Этотъ священникъ—особа очень важная, но нашъ матеріалистъ отчаяно смѣется надъ нимъ и видитъ въ немъ шпіона. Французскій поселянинъ еще «не вошелъ въ сферу идей и еще

слѣпъ», какъ выразился бы Шеллингъ; но у него одна страсть, глубоко вкоренившаяся,—онъ до жестокости скупъ въ отношеніи къ своей женѣ, къ своимъ дѣтямъ, къ своей собственной особѣ и даже къ своему скоту и копитъ деньги для того, чтобы купить одинъ клочекъ земли за другимъ у какого нибудь дворянина или буржуа.

Буржуазія, вообще приверженная къ протекціонной системѣ въ торговлѣ, была сильно взволнована рѣчами, произнесенными въ законодательномъ собраніи Брамомъ и Пуйе Картье, и громко зароптала. Тогда правительство, желая разомъ прекратить всякое волненіе, противное затѣваемой имъ реформѣ, запретило разсуждать о торговомъ трактатѣ въ торговыхъ палатахъ! Такова ужъ участь всѣхъ деспотическихъ правительствъ, что они попадаютъ въ просакъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на ихъ сторонѣ право и здравый смыслъ.

Послѣ чудеснаго превращенія четырехъ съ половиною-процентныхъ билетовъ въ трехъ-процентные, буржуа сбываетъ эти бумаги биржевымъ спекуляторамъ или мѣняетъ на болѣе солидныя облигаціи желѣзныхъ дорогъ. Вотъ почему прежніе трехъ-процентные билеты продаются по 70 процентовъ своей номинальной цѣны, а новые всего по 69, тогда какъ послѣдніе должны были бы считаться выше первыхъ. Право, не слѣдовало бы вручать управленіе финансами министрамъ слишкомъ искуснымъ. Черезчуръ тонкая нитка рвется.

Студенты все еще подвергаются арестамъ и приговорамъ, но эти мѣры не успокоили волненія юношества. Дѣло Абу имѣло pendant въ дѣлѣ Котильона. Директоръ театровъ, Валевскій, бывшій въ Гаэтанѣ въ нѣкоторомъ родѣ защитникомъ убійцы изъ міра лакейскаго, теперь вмѣшался въ кабалу танцовщицъ. Какимъ образомъ портфель государственнаго министра могъ затесаться въ этотъ рой слишкомъ легкихъ существъ? Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ одинъ превосходный маленькій журналъ La Reforme Litteraire:

«*Былъ древній городъ* и былъ тамъ водевиль, по названію *Котильонъ*. Этотъ Котильонъ, какъ разсказываетъ хроника, въ первый разъ явился на сцену въ стѣнахъ знаменитаго дворца, при самой богатой обстановкѣ. Потомъ Котильонъ былъ удаленъ съ билетомъ для входа въ театръ Водевиль. Тамъ захотѣли извлечь всевозможныя выгоды роскошной постановкой его на сцену. Что могло быть натуральнѣе? Но встрѣтилось неожиданное, страшное препятствіе. Возстали актрисы Водевиля: стыдливость ихъ была возмущена танцемъ Котильона, производившимся, впрочемъ, въ обыкновенномъ городскомъ костюмѣ.

Потомство съ трудомъ повѣритъ, чтобъ въ наше время добродѣтель могла придти въ такое негодованіе. Будемъ строго придерживаться классическаго порядка. Мы показали причину распри, представимъ теперь силы воюющихъ. Съ одной стороны находилась администрація Водевиля и знаменитая толпа клакеровъ, съ невѣжественными и грязными руками, а съ другой—четыре или пять плачущихъ женщинъ, покрывающихъ свои заплаканные глаза кончикомъ передника и поддерживаемыхъ единственно дюжиною молодыхъ Парисовъ изъ Жокей-клуба въ желтыхъ перчаткахъ и съ надушенными усами. Любовь, ты погубила Трою! Силы очевидно были неравныя. Но между обѣими арміями находилось лицо неопредѣленное и повидимому равнодушное, называемое публикою. Пока борьба происходила только между администраціею Водевиля и актрисами, пользовавшимися заступничествомъ своихъ кавалеровъ, публика не вмѣшивалась въ дѣло. Ее мало интересовала касса театра и слишкомъ удивляла стыдливость этихъ дамъ. Но вдругъ нарушено было право народное».

«Въ данный моментъ, толпа клакеровъ, составленная на этотъ разъ изъ самыхъ отборныхъ, дюжихъ ребятъ, вскочила съ своихъ мѣстъ. Закинувъ шапки на бекрень, съ пылающими глазами и съ сжатыми кулаками, эти наемные бойцы бросились унимать аристократическіе свистки. На помощь къ нимъ поспѣшила полиція. Тогда завязалась отчаянная драка. Съ обѣихъ сторонъ посыпались удары кулаками и палками. Нѣкоторымъ разорвали платья, другимъ притомъ обнажили грудь по самый поясъ. Много было окровавленныхъ носовъ, рукъ и головъ. Положено было дать нѣсколько охладительныхъ душъ рыцарскимъ порывамъ богатой молодежи. Этихъ несчастныхъ франтовъ поколотили-таки порядкомъ, могу васъ увѣрить. Между прочимъ, одного изъ нихъ такъ сильно повалили на скамью, что онъ сломалъ себѣ кость. Что бы случилось со всѣми этими селадонами, еслибъ наконецъ публика не вмѣшалась въ дѣло. Возмущенная гнусною выходкою клакеровъ и полиціи, она вся поднялась съ своихъ мѣстъ, чтобы прекратить это грубое насиліе».

«Эти сцены повторялись разъ пять. Администрація хотѣла, послѣ перваго представленія, не давать болѣе этой піесы. Но такому рѣшенію помѣшала высшая власть. Одинъ изъ товарищей Валевскаго рѣшился уничтожить кабалу въ самомъ ея корнѣ. Но онъ и не подозрѣвалъ, что въ этотъ разъ тутъ замѣшана вся публика и что подобной кабалы нельзя уничтожить».

*

Вслѣдствіе этой драки, человѣкъ пятнадцать герцоговъ, бароновъ и маркизовъ—все люди, принадлежащіе къ самымъ знатнымъ семействамъ легитимистской Франціи—приведены были въ исправительный судъ и тамъ этихъ несчастныхъ жертвъ грубаго насилія, по жалобѣ ихъ обидчиковъ, присудили заплатить нѣсколько франковъ штрафа.

Представленіе *Волонтеровъ 1814 года* будетъ, говорятъ, еще болѣе жарко. Полиція уже удержала за собою залу на неопредѣленное число представленій. Билеты будутъ раздаваться только людямъ надежнымъ, или тѣмъ, которые представятъ коммиссару свои имена и адресы. *Жокей-клубъ*, погубившій уже *Тангейзера,* чтобъ досадить одной важной особѣ, хочетъ уронить также піесу, въ составленіи которой участвовалъ несчастный Моккаръ, секретарь императора. Для этой цѣли онъ не задумался вступить въ сношеніе съ работниками въ синихъ блузахъ, которые должны будутъ поддерживать его своими свистками. Эти подробности, быть можетъ, вамъ покажутся мелочными, но онѣ обнаруживаютъ современное состояніе умовъ въ Парижѣ.

Духовенство также не остается празднымъ. Его высокопреосвященство, Жюль Флоріанъ Феликсъ Депре́, милостію Божіею и святаго апостольскаго престола архіепископъ Тулузы и Нарбонны, примасъ нарбонской Галліи, прелатъ при тронѣ римскаго первосвященника и пр., и пр. приглашаетъ свою паству участвовать въ юбилеѣ, учрежденномъ его святѣйшествомъ, папою, въ воспоминаніе одного *славнаго событія*... Слушайте.

Въ 1562 году вспыхнула въ Тулузѣ гражданская война между католиками и протестантами. Гугеноты, поддерживаемые студентами, укрѣпились въ ратушѣ. Не надѣясь выгнать своихъ враговъ изъ этого убѣжища, католики вступили съ ними въ переговоры. Они предложили миръ, съ условіемъ, чтобъ гугеноты промѣняли ненадежное свое пребываніе въ Тулузѣ на жительство въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ имъ предоставлялась полная свобода. Протестанты приняли это условіе, поклялись въ мирѣ и дружбѣ и сложили въ ратушѣ свое оружіе. Этого только и ждали католики. Священники, солдаты и чернь бросились на довѣрчивыхъ гугенотовъ и произвели между ними страшное кровопролитіе. Они убили до четырехъ тысячъ протестантовъ. Площади и улицы покрылись лужами крови. «Никогда еще не бывало такой жатвы головъ», съ торжествомъ говоритъ Блэзъ Мутю, тогдашній католическій герой юга. Власти и парламентъ Тулузы положили учредить въ честь этого *достославнаго событія* столѣтній юбилей, которому

двѣ папскія буллы придали оффиціальное торжество. Два раза дѣйствительно праздновалось воспоминаніе этого страшнаго подвига религіознаго фанатизма—16 мая 1662 года и 16 мая 1762 года, въ эпоху юридическаго убійства Каласа. «Вы съ благочестіемъ, достойнымъ вашихъ предковъ, говоритъ тулузскій архіепископъ, примите участіе въ празднествѣ, *напоминающемъ въ одно и то же время милость Всевышняго и заступничество святыхъ.* Тулуза не преминетъ исполнить долгъ, налагаемый на нее исторіею. Она докажетъ еще разъ, что, не смотря на всѣ перевороты, совершившіеся въ теченіи времени, въ ея груди не остыли *католическія преданія*».

Итакъ въ честь гнуснаго убіенія честныхъ людей ханжами примасъ нарбонской Галіи пишетъ такое высокопарное слово, и для прославленія страшнаго злодѣйства, совершеннаго фанатиками, назначаетъ юбилей, торжественную процессію и отпущеніе грѣховъ. И это онъ называетъ скрѣпленіемъ «узъ, связывающихъ настоящее время съ прошедшимъ». Надо замѣтить, что этотъ прелатъ обращается съ своимъ пастырскимъ наставленіемъ къ фанатическому и грубому населенію. Не далѣе какъ въ 1815 году, люди, подобно Крокко и Чіавоне, принадлежащіе къ разряду самыхъ низкихъ негодяевъ и извerговъ, грабили и убивали тамъ безъ разбора протестантовъ, либераловъ и бонапартистовъ въ честь Бурбоновъ и святой католической церкви! Въ Лангедокѣ и Провансѣ, гдѣ папы, какъ извѣстно, истребляли альбигенцевъ, вальдейцевъ и севенцевъ, нѣтъ ни одного города, ни одного села, ни одного мѣстечка, ни одной деревушки, гдѣ бы не была совершена казнь какого нибудь мученика здраваго смысла, и гдѣ бы не сожгли какого нибудь жида и не разрушили какой нибудь храмъ или домъ. Нѣтъ тамъ ни одного уголка, не оскверненнаго кровавымъ пятномъ и гдѣ бы воспоминаніе такого злодѣйства не праздновалось пьянствомъ и танцами. Обыкновенно считаютъ убіеніе шестидесяти или восьмидесяти тысячъ протестантовъ въ ночь наканунѣ святаго Варѳоломея явленіемъ исключительнымъ. Увы, какъ ошибаются! Громадность этого злодѣйства заставила забыть всѣ остальныя, совершавшіяся около того же времени. Шестнадцатый вѣкъ весь наполненъ варѳоломеевскими ужасами, бывшими въ разныхъ мѣстностяхъ. Всѣ эти злодѣйства, и малыя и великія, католическая церковь освятила учрежденіемъ юбилеевъ съ крестными ходами, раздачею священныхъ медалей и отпущеніемъ грѣховъ. Она воздвигла въ честь этихъ событій кресты и распятія и построила часовни изъ мрамора и глины. Револю-

ція набросила на всѣ эти гнусныя сцены покрывало забвенія, но вотъ архіепископъ тулузскій считаетъ нужнымъ въ настоящее время возобновить воспоминаніе о славныхъ минувшихъ подвигахъ католицизма!

Къ счастію, Франція еще не совсѣмъ низко упала въ своей реакціи. Она встрѣтила гнусную выходку прелата съ выраженіемъ негодованія. Только нѣкоторые легитимистскіе журналы осмѣлились принять сторону тулузскаго архіепископа. Правительство — надо отдать ему справедливость—въ отношеніи къ этому лицу поступило съ необыкновенною умѣренностью. Это должно удивить тѣхъ, кому извѣстно, съ какою строгостью оно обращается съ либералами, обвиняемыми въ подобныхъ же выходкахъ: «въ возбужденіи народной ненависти и въ возмущеніи однихъ гражданъ противъ другихъ». Какъ видно изъ ноты, помѣщенной въ Монитерѣ, примасъ нарбонской Галліи не былъ потребованъ въ судъ, хотя всѣ граждане считаются равными передъ закономъ. Онъ преспокойно будетъ праздновать свой юбилей. Его просятъ только не дѣлать никакихъ процессій на улицѣ. Итакъ, 16 будущаго мая, прелатъ, засѣдая на своемъ архіепископскомъ тронѣ, провозгласитъ Te Deum: «Хвала тебѣ, великій Боже, за такое славное убіеніе еретиковъ! Хвала Всевышнему за такую жатву головъ! Слава царю небесному, слава»!

Наши епископы весьма дурно благодарятъ за кротость, какую въ отношеніи къ нимъ обнаруживаетъ правительство. Имъ дали знать, чтобъ они не украшали своимъ присутствіемъ будущаго собора въ Римѣ. Они объявили, что, несмотря на то, въ опредѣленный день отправятся въ Вѣчный Городъ. Такъ какъ они не удостоили его превосходительства, господина Руло, просить на то разрѣшенія, то его превосходительство не имѣетъ никакого повода запретить имъ исполненіе этого намѣренія. Онъ даже весьма любезно предложилъ снабдить ихъ оффиціальнымъ порученіемъ къ римскому двору, но они отклонили отъ себя такую любезность, говоря, что объ этомъ не стоитъ хлопотать.

Что станутъ дѣлать въ этомъ собраніи іезуитовъ Флоріанъ Депрé и его товарищи? «Включать японскихъ мучениковъ въ число блаженныхъ», отвѣчаютъ они. Вы этому вѣрите?

Римскія дѣла намъ прискучили, но объ нихъ нельзя не говорить, пока они не будутъ рѣшены окончательно. Съ недоумѣніемъ мы присутствовали при новомъ антрактѣ этой комедіи, которая возмущала насъ и столько разъ заставляла зѣвать. Маркизъ Ла-Валеттъ и графъ

Гойонъ, два представителя мысли императоря, вцѣпились другъ другу въ волосы (въ дипломатическомъ смыслѣ): Ла-Валеттъ говорилъ да, Гойонъ говорилъ нѣтъ. Ла-Валеттъ гнулъ дѣла на сторону Италіи, Гойонъ—на сторону папы. Ла-Валеттъ и Гойонъ пожаловались другъ на друга своему императору. Людовикъ Наполеонъ оправдалъ и того и другаго, и отослалъ отъ себя, оставивъ обоихъ въ ихъ прежнемъ взаимномъ антагонизмѣ. Какъ увѣряетъ Бильо, одному Провидѣнію предстоитъ рѣшить споръ между маркизомъ и графомъ. Этотъ маленькій случай представляетъ резюмѐ императорской политики по дѣлу о римскомъ вопросѣ.

Это противорѣчіе не единственное въ своемъ родѣ; оно есть только слѣдствіе другаго, скрывающагося въ самой идеѣ папской власти: одно и то же лицо, въ качествѣ первосвященника, имѣетъ претензію господствовать на землѣ и на небѣ, тогда какъ, въ качествѣ короля, оно управляетъ только народомъ обнищалымъ и подавленнымъ. Духовному папѣ, королю земному, ревностные католики противопоставляютъ духовнаго же папу, подданнаго земнаго. Теорія папы подданнаго развита съ рѣдкою силою логики Францискомъ Гюэ, который, послѣ смерти «христіанскаго философа Борда Демулена», служитъ представителемъ французскаго нео-католицизма:

«Если папа не будетъ болѣе королемъ, то онъ долженъ будетъ подчиниться закону. Надо избрать одно изъ двухъ—либо папу-короля, либо папу-подданнаго. Либеральное мнѣніе не послѣдовательно: оно ищетъ невозможнаго соглашенія этихъ двухъ противоположностей. Оно говоритъ, что должно назначить въ пользу папы богатыя приношенія и постановить для него королевскія или quasi-королевскія почести...

«Если папа не будетъ подданнымъ, то господство общественнаго права нигдѣ не будетъ обезпечено: клерикалы сохранятъ свое знамя и свои надежды, епископы захотятъ послѣдовать примѣру своего главы и неохотно будутъ подчиняться гражданской власти; короли, императоры и республика попрежнему останутся подданными папы.

«Если папа не будетъ подданнымъ, Римъ, быть можетъ, освободится отъ французскихъ войскъ, но не избѣгнетъ контръ-революціи.

«Если папа не будетъ подданнымъ, то Италія сохранитъ въ своей груди начало смерти и должна будетъ отказаться отъ національнаго единства и отъ права на названіе великой націи.

«Если папа не будетъ подданнымъ, то останутся грозныя развалины прошедшаго и Новый Городъ никогда не будетъ достроенъ!»

Очень хорошо сказано! Итакъ, это папа-король вселяетъ страхъ въ сердцахъ людей, отрицая право народовъ, служащее основаніемъ современнаго историческаго права. Это онъ распространяетъ тревогу въ политикѣ и служитъ причиной всѣхъ страданій Италіи и безпокойствъ Европы. Дѣйствительно отъ папы-короля Пія IX исторія потребуетъ отвѣтъ за разбои, совершаемые въ Неаполитанскомъ королевствѣ: онъ—истинный патронъ Чіавоне, подымающій теперь, въ день пасхи, три толстыхъ, окровавленныхъ убійствомъ пальца и окропляющій міръ священной водой, которая должна доставить благословеніе Urbi et Orbi! «Fuori scoria d'inferno!» отвѣчалъ ему Гарибальди въ день гнѣва: Вонъ изъ Рима, исчадіе ада»!

Европа возмущена этими безпрестанно повторяющимися сценами разбоя. Она чувствуетъ омерзеніе при чтеніи въ журналахъ этихъ разсказовъ истинныхъ, вымышленныхъ или преувеличенныхъ о грабежахъ, убійствахъ и насиліяхъ. Европа негодуетъ, а Францискъ II радостно потираетъ себѣ руки. Папа ободряетъ его своимъ отеческимъ взглядомъ, а императоръ изъ Тюльери наблюдаетъ за развѣнчаннымъ королемъ своими тусклыми глазами. Францискъ II, оффиціально отрицавшій до сихъ поръ всякое участіе въ этихъ смутахъ и обѣщавшійся, по договору въ Гаэтѣ, вести себя смирно, теперь, въ одномъ манифестѣ, въ виду Европы, громогласно объявляетъ, что признаетъ дѣло разбойниковъ своимъ собственнымъ. Онъ требуетъ публичнаго займа, который имѣетъ быть уплаченъ въ Неаполѣ и назначается для содержанія его такъ называемой арміи и для снабженія ея съѣстными припасами, шапками и мундирами. Въ Мальтѣ Францискъ II назначаетъ свиданіе всѣмъ пройдохамъ Франціи, Испаніи и Швейцаріи, а въ Римѣ—всѣмъ негодяямъ австрійскимъ и баварскимъ. Разбойнику Чіавоне, который отъ времени до времени приходитъ совѣщаться съ нимъ, снабженный паспортомъ отъ папы, онъ объявляетъ, что намѣренъ предпринять лѣтомъ походъ, вручивъ начальство надъ войскомъ дядѣ Трапани. Но что намъ за дѣло до Чіавоне, Франциска II, Ла Галы, Токоцци и Трапани? Виноватъ во всемъ ихъ патронъ и если оправдать несчастнаго Пія IX, какъ человѣка слишкомъ наивнаго, то слѣдуетъ его осудить какъ папу-короля—слѣдуетъ уничтожить его свѣтскую власть.

Викторъ Эммануилъ предпринялъ наконецъ давнымъ-давно объ-

щанное путешествіе въ Неаполь. Онъ бы желалъ застать тамъ порядокъ и тишину, чтобъ оставалось только прощать, да миловать, но судьбѣ не угодно доставить ему такое удовольствіе. Что касается Гарибальди, то онъ, присутствовавъ, въ качествѣ президента, въ обществахъ Provedimento, совершилъ поѣздку по сѣверной Италіи, чтобъ завербовать молодыхъ людей въ ассоціацію національныхъ стрѣлковъ. Это—общество, состоящее изъ волонтеровъ, которые упражняются въ искусствѣ владѣть оружіемъ, для защиты отечества и, въ случаѣ надобности, для отнятія у непріятеля Рима и Венеціи. Путешествіе Гарибальди было настоящимъ тріумфальнымъ маршемъ въ странѣ, исполненной самаго неистоваго энтузіазма. Въѣздъ Александра Македонскаго въ Вавилонъ производился, конечно, съ бóльшимъ великолѣпіемъ и блескомъ; но слава этого короля-завоевателя, окруженнаго войсками и толпою плѣнныхъ, совершенно померкла бы передъ славою этого героя-гражданина, этого человѣка кроткаго и простаго, но сильнаго и свободнаго. Говорятъ: вѣкъ Александра, вѣкъ Перикла, Цесаря, Карла Великаго, Тамерлана и Чингисхана — быть можетъ, скажутъ со временемъ: вѣкъ Гарибальди!

Что касается до нашего бѣднаго друга, Урбана Ратацци, то онъ вступилъ съ туринскою палатою въ бракъ, основанный на расчетахъ, и который поэтому не даетъ ему права наслаждаться медовымъ мѣсяцемъ.

Положеніе Италіи, очевидно, не совсѣмъ успокоительно для стража Венеціи. Парады и вооруженіе кораблей производятся въ Австріи своимъ чередомъ. Деньги по прежнему поступаютъ въ казну въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ расходятся. Пленеръ навязалъ банку трактатъ. Этотъ трактатъ теперь долженъ быть переданъ рейхсрату, который о немъ и слышать не хочетъ. Во время разсужденія о національномъ долгѣ, депутаты чешскіе и польскіе дѣлали видъ, будто выходятъ изъ палаты, желая показать тѣмъ, что вопросъ объ этомъ долгѣ до нихъ не касается. Они дѣйствительно вышли за дверь, не смотря на замѣчаніе президента, желавшаго ихъ остановить, и на правила установленныя для палатскихъ засѣданій. Вѣроятно, есть что нибудь хорошее въ рейхсратѣ и въ правленіи Шмерлинга, такъ какъ Тирольцы возстаютъ противъ предоставленной имъ свободы совѣсти. Вотъ вамъ другой фактъ, достойный похвалы: коммиссія, которой палата поручила разсмотрѣть проектъ закона о прессѣ, предложила возложить на правительство отвѣтственность за всѣ налагаемыя имъ запрещенія

на книги. Такимъ образомъ администрація должна будетъ вознаграждать издателя за всѣ понесенные имъ убытки, если, по судебномъ разсмотрѣніи окажется, что книга была запрещена безъ достаточныхъ къ тому поводовъ. Депутаты и публика разразились аплодисманами при чтеніи этого предложенія. Въ такомъ видѣ законъ австрійскій будетъ почти такъ же либераленъ, какъ и законъ англійскій, если только примѣнить его къ дѣлу. Но пока онъ не будетъ примѣненъ, никто не станетъ ему вѣрить, а когда дѣйствительно приведется въ исполненіе, то будутъ считать эту мѣру временною, какъ и всѣ мѣры Шмерлинга. Посмотримъ, возможно ли, чтобъ австрійскій кабинетъ распространилъ благодѣяніе новаго закона на Венецію и на Венгрію. Венеція и Венгрія остаются въ томъ положеніи неволи, которое предпочитаютъ бѣгству дезертера, вступающаго на службу въ непріятельскую армію.

Изъ Венгріи мы получили два интересныхъ извѣстія. Назначенъ былъ конкурсъ, на который женщины приглашались доставить сочиненія по разнымъ предметамъ науки; онѣ выполнили свои задачи блистательно. Другая новость: въ Пестѣ учреждено общество *заграничныхъ путешественниковъ*, для доставленія молодымъ людямъ средствъ отправляться на лондонскую выставку или въ другое мѣсто, по желанію. Вотъ примѣры, достойные подражанія.

Инсургенты греческіе, вслѣдствіе плохаго дѣйствія войскъ генерала Гана, баварца, дающихъ направленіе возстанію, должны были сосредоточиться въ городѣ и цитадели Навпліи. Они отказываются отъ королевской амнистіи и отъ предложенія сѣсть на англійскіе и французскіе корабли и требуютъ распущенія палаты, образованія либеральнаго министерства и назначенія королевскаго принца, пользующагося симпатіею народа. Кажется, самъ король Отонъ, расположенный сдѣлать болѣе, чѣмъ требуютъ отъ него инсургенты, выразилъ рѣшительное намѣреніе отказаться отъ греческаго престола. Королевѣ, которая вовсе не раздѣляетъ его мнѣнія, онъ представилъ, что еслибъ даже ему удалось одержать побѣду надъ инсургентами въ сраженіи, все же онъ не уничтожитъ ненависти народной. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, лучше обратиться къ частной жизни, нежели раздѣлять власть съ революціею, которая рано или поздно отыметъ у него все.

Кабинеты мюнхенскій и вѣнскій встревожились по поводу такого

рѣшенія и поспѣшно отправили довѣренныхъ лицъ для поддержанія королевы, которая не хочетъ уступить престола.

Державы, покровительствующія Греціи, совѣщались, какъ имъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ; но во время совѣщаній произошло такое столкновеніе мнѣній, что онѣ отказались слѣдовать одной политикѣ. При этомъ Англія весьма мало выказала либерализма, по поводу своего протектората надъ Іоническими островами. Noblesse oblige (благородство обязываетъ), гласитъ французская поговорка. То же самое можно сказать и о несправедливости!

Правительство сербское, говорятъ, узнало, что Порта дала приказаніе всѣмъ начальникамъ пограничныхъ войскъ приготовиться выступить въ походъ по первому сигналу, для занятія княжествъ. Полагаютъ, что это извѣстіе сообщено всѣмъ консуламъ и что сербское правительство ожидаетъ полученія ультиматума отъ Порты. Во всякомъ случаѣ, вспыхнетъ ли война или нѣтъ, положеніе Сербіи крайне натянуто. Тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, всѣ христіанскія населенія, подавляемыя игомъ музульманскимъ, находятся въ волненіи. Эти смуты будутъ продолжаться, пока эти страны не отпадутъ отъ Турецкой имперіи. Омеръ Паша, говорятъ, получилъ сильныя подкрѣпленія и долженъ съ 40,000 человѣкъ дѣйствовать противъ Черногоріи.

Вотъ уже скоро годъ, какъ онъ прибылъ въ Мостаръ для подавленія возстанія въ трехъ изъ четырнадцати округовъ Герцеговины. Противъ 30,000 жителей, то есть, противъ 6,000 сражающихся, онъ можетъ выставить 15,000 башибузуковъ, съ сорока баталіонами инфантеріи, которые снабжены нарѣзными пушками. Онъ употребилъ восемь мѣсяцевъ на развитіе своихъ военныхъ силъ и, несмотря на отчаянное положеніе финансовъ Турціи, истратилъ пятьдесятъ милліоновъ, а между тѣмъ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ. Въ продолженіе этого времени, его товарищъ, Дервишъ Паша, подвергалъ огню и мечу округъ, который, не смотря на то, все еще не сдался. Неужели Турція до такой степени слаба? Или, быть можетъ, она выжидала поводовъ для войны съ Черногоріею, чтобы побѣдой удовлетворить въ одно и то же время и своей собственной страсти, и интересамъ Англіи, и алчности Австріи? Чтобы дѣйствовать противъ Герцеговины, Омеръ Паша предварительно блокировалъ границу Черногоріи. Чрезъ это Черногорцы подвергались крайнему бѣдствію: они лишались возможности искать средствъ существованія въ другихъ стра—

нахъ, а между тѣмъ на родинѣ у нихъ свирѣпствовалъ голодъ, вслѣдствіе засухи. Омеръ-Паша сдѣлался ихъ врагомъ, чтобы заставить присоединиться къ своимъ войскамъ. Между тѣмъ, князь Даніилъ не смѣлъ тронуться съ мѣста, ни вступить въ союзъ съ инсургентами Герцеговины. Но онъ не имѣлъ возможности, еслибъ даже хотѣлъ, воспрепятствовать нѣкоторымъ изъ своихъ голодныхъ подданныхъ вступить въ ряды инсургентовъ. Онъ только могъ изъявить по этому случаю свое неудовольствіе, что онъ и сдѣлалъ. Въ сраженіи при Пивѣ и при Зубцѣ двѣсти Черногорцевъ разбили Турковъ, въ соединеніи съ русскими и австрійскими дезертерами. Порта нашла въ этомъ достаточную причину для объявленія войны Черногоріи: кто ищетъ ссоры съ слабѣйшимъ врагомъ, тотъ легко найдетъ къ тому поводъ. Коалиція англо-австрійско-турецкая начинаетъ реакцію дѣйствіями противъ Монтенегро, которыя предполагаетъ продолжать въ Сербіи, Молдавіи и Валахіи. Въ этихъ странахъ есть слѣды пороха, къ которымъ коалиція подноситъ зажигательныя спички.

Сераль ожилъ послѣ займа, сдѣланнаго у англійскихъ банкировъ, которые предоставили двѣсти пятьдесятъ милліоновъ въ распоряженіе падишаха. Надо отдать султану справедливость, онъ началъ съ того, что заплатилъ солдатамъ жалованье, которое они ожидали цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Голодные солдаты съ жадностью бросились на свои деньги и закричали «да здравствуетъ султанъ»! Чтобъ упрятать эти деньги въ безопасное мѣсто, они закутили, стараясь вознаградить потерянное время. Они пьютъ и пьютъ отчаянно, предчувствуя, что скоро настанетъ для нихъ великій постъ. Часть занятыхъ денегъ пойдетъ на покрытіе самыхъ опасныхъ дыръ, образовавшихся въ государственной машинѣ, другая будетъ брошена въ воду, въ видѣ блиндированныхъ судовъ. А потомъ, что?

Политика Пруссіи предлагаетъ намъ сюпризъ за сюпризомъ. Министерство Шверина, Патова и компаніи распустило палату за то, что она вотировала въ пользу предложенія Гагена, который требовалъ спеціализаціи бюджета, необходимой для сознательной вотировки, а также, если возможно, сокращенія его, въ особенности въ отношеніи военныхъ расходовъ. Послѣ этой выходки, само министерство было распущено и замѣнено ультра-феодалами. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго министерства было представленіе бюджета съ болѣе подробнымъ раздѣленіемъ статей, съ уничтоженіемъ съ іюля 25-процентныхъ налоговъ, съ отмѣненіемъ пошлины съ предметовъ первой

необходимости, съ сокращеніемъ подати за рудники и таксы за пересылку писемъ, и, наконецъ, съ учрежденіемъ коммиссіи, которой поручается ввести экономію въ бюджетѣ войны.

Итакъ, то, что вчера было невозможно, сегодня сдѣлалось неизбѣжно-необходимымъ. Значитъ, правительство, послѣ тщательнаго размышленія, приняло програму распущенной палаты. Поэтому нація, если хочетъ слѣдовать за правительствомъ по избранному имъ новому пути, должна будетъ отправить въ Берлинъ прежнихъ своихъ депутатовъ. Въ этомъ смыслѣ она и рѣшилась дѣйствовать на новыхъ выборахъ. Она положила избрать вновь всѣхъ тѣхъ депутатовъ, которые вотировали въ пользу предложенія Гагена. И что же? Трудно повѣрить! Министерство протестовало противъ такой логической послѣдовательности. Оно разослало циркуляры ко всѣмъ чиновникамъ съ тѣмъ, чтобъ они употребили свое вліяніе на избирателей и старались воспрепятствовать избранію депутатовъ прогрессивной партіи. Университеты протестовали противъ такого распоряженія министерства. Профессора объявили, что присяга обязываетъ ихъ при исполненіи гражданскихъ обязанностей руководствоваться внушеніями собственной совѣсти, а не министерскими рескриптами. Протестъ этотъ явился не слишкомъ рано. Нѣкоторые чиновники, черезъ-чуръ ревностные, уже обращались своими рѣчами къ національной гвардіи, доказывая, что граждане, присягнувъ отечественному знамени, не имѣютъ права вотировать противъ министерства. Самъ Вильгельмъ I былъ возмущенъ ревностью чиновниковъ, отличавшихся бо́льшимъ роялизмомъ, чѣмъ король.

Безпристрастіе заставляетъ насъ замѣтить, что стремленіе правительства къ пріобрѣтенію вліянія на выборы, стремленіе, противное основной идеѣ конституціи, происходитъ вовсе не отъ короля, а отъ членовъ министерства. Говорятъ, что во время перемѣны министерства король потребовалъ къ себѣ одного изъ самыхъ феодальныхъ партизановъ реакціи, чтобъ поручить ему управленіе внутренними дѣлами. «Если ваше величество удостоиваете меня такой чести, отвѣчалъ баронъ, то я постараюсь оправдать ваше довѣріе, содѣйствуя такому производству выборовъ, которое вполнѣ будетъ соотвѣтствовать желанію вашего величества». — «Какъ! вы хотите вмѣшиваться въ дѣло выборовъ? восклицаетъ Вильгельмъ. Вы, значитъ, забыли мое королевское слово! Ступайте, мнѣ не нуженъ такой министръ»!

Другой министръ станетъ вмѣшиваться въ это дѣло втихомолку, и король будетъ убѣжденъ, что остался вѣренъ своему обѣщанію. Ему напѣваютъ про 1848 годъ и указываютъ на враговъ тамъ, гдѣ бы онъ могъ найти для себя поддержку. Его раздражаютъ противъ народа самаго преданнаго, самаго вѣрнаго и самаго добродушнаго въ мірѣ. Отъ этого происходятъ самыя забавныя противорѣчія и совершенная анархія въ государственныхъ дѣлахъ. Скажемъ правду, король обманутъ окружающими его лицами. Эти лица шепчутъ объ отрѣченіи, о которомъ, безъ сомнѣнія, король вовсе и не думаетъ.

Положеніе правительственной Пруссіи резюмируется такъ: король отличается слѣпою честностью, а его приближенные — прозорливымъ вѣроломствомъ. Феодальные инстинкты короля борятся съ его конституціонной присягой. Католическая партія находится въ союзѣ съ феодальною. Графъ Бернсторфъ шепчетъ о разрывѣ съ Франціею, полагая, что министерству стоитъ только произнести магическое слово войны, чтобы пріобрѣсти популярность. Посланники реакціонныхъ правительствъ спѣшатъ поздравить Узедома, представителя Пруссіи на германскомъ сеймѣ. Но комитетъ *Національ-ферейна* пріостанавливаетъ собираніе фондовъ на постройку нѣмецкаго флота, а сеймъ саксенъ-кобургъ-готскій откладываетъ утвержденіе конвенціи, въ силу которой войска герцогства должны войти въ составъ прусской арміи. Прусскіе министры—люди бездарные и ничтожные, кромѣ развѣ Бернсторфа и фонъ-деръ Гейдта, двойнаго министра торговли и финансовъ. Послѣдній, къ несчастію, пользуется полнымъ довѣріемъ короля, которому обѣщалъ произвести необыкновенныя реформы, достойныя реформъ Фульда. Дѣйствительно, мѣрою болѣе ловкою, нежели правильною, онъ понизилъ $4^1/_2$-процентную ренту до $4^0/_0$. Вслѣдствіе этого берлинскій муниципалитетъ единодушно положилъ представить къ размѣну всѣ государственые билеты, принадлежащіе городу. Фонъ-деръ-Гейдтъ служитъ главной пружиной реакціоннаго движенія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ управляетъ финансами государства, онъ окружаетъ себя исключительно своими креатурами. Этотъ дѣятельный, черезъ-чуръ искусный, властолюбивый и грубый министръ былъ бы настоящимъ Лувуа во времена Людовика XIV; теперь онъ предводитель феодальный партіи, которая стремится произвесть въ Пруссіи политическій потопъ.

Но народъ прусскій добродушенъ, даже архидобродушенъ. Ничто

не сравнится съ его добродушіемъ, кромѣ развѣ его бѣшенства, когда онъ будетъ выведенъ изъ себя. Все заставляетъ предполагать, что онъ изберетъ тѣхъ же самыхъ представителей, которые были уволены. Та же самая палата, которая была распущена при крикахъ «да здравствуетъ король», теперь соберется вновь при тѣхъ же крикахъ. Потомъ король, министерство, партія феодальная и партія либеральная будутъ, что называется, *играть въ поддавки*, то есть дѣлать промахи на перерывъ другъ передъ другомъ. Поэтому будемъ надѣяться, что побѣда останется за этимъ министерствомъ крейцъ-юнкеровъ, которое, откровенно говоря, мы не слишкомъ долюбливаемъ.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПАВЛѢ АНДРЕЕВИЧѢ ѲЕДОТОВѢ.

Что таланты наши живутъ недолго и развиваются болѣзненно — это не новость; но мы удивляемся еще тому, какъ они могутъ появляться въ нашемъ обществѣ и дышать въ его средѣ.

Русскій художникъ такъ мало имѣетъ общаго съ окружающимъ его міромъ, въ такія рѣзкія и непріятныя отношенія становится съ пошлою дѣйствительностью, что вся жизнь его уходитъ на борьбу съ разными препятствіями и гаснетъ въ темномъ царствѣ или преждевременно, или безслѣдно. Къ числу такихъ личностей относится и Ѳедотовъ. О немъ мало или почти ничего не знаютъ ни въ литературѣ, ни въ обществѣ, а между тѣмъ это былъ честный и благородный талантъ, вызывающій на сочувствіе и уваженіе. Мы намѣрены представить здѣсь легкую характеристику его изъ нашихъ личныхъ воспоминаній, не вознося его на пьедесталъ, но и не предавая незаслуженному забвенію одно изъ затертыхъ добрыхъ именъ.

Мы не станемъ долго останавливаться на жизни Ѳедотова; укажемъ только на тѣ событія, которыя объясняютъ его художническую натуру и дѣятельность. Ѳедотовъ былъ живописецъ и писалъ стихи. Стихи его никогда не предназначались для печати, въ нихъ много неправильныхъ оборотовъ, недоконченныхъ фразъ, натянутыхъ окончаній, но всѣ эти недостатки выкупаются оригинальнымъ, вѣрнымъ взглядомъ, бойкою, живою мыслью и неподдѣльнымъ юморомъ. Они писались для

пріятелей и знакомыхъ, читались самимъ авторомъ въ ихъ кругу, и какъ читались, я былъ тогда мальчикомъ, а до сихъ поръ тонъ, манера этого чтенія не изчезли изъ моей памяти. Стихи эти важны потому, что ими легче всего объяснить Ѳедотова, какъ художника, разказать его—собственными же его словами. Сынъ бѣдныхъ воспитаніе родителей, Ѳедотовъ предназначался въ военную службу и получилъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Меня отецъ, судьба, да мать
Назначили маршировать,

Говоритъ онъ, въ своемъ, такъ называемомъ, предисловіи къ читателямъ. Еще въ корпусѣ обнаружилось въ немъ стремленіе къ живописи: онъ рисовалъ портреты своихъ товарищей иногда въ обыкновенномъ видѣ, но большею частью въ смѣшномъ, изображая какія нибудь юмористическія сцены корпусной жизни. Разумѣется, эти попытки, не подкрѣпленныя никакимъ правильнымъ изученіемъ, были далеко не удовлетворительны; они только обрисовывали силу будущаго таланта. Любовь къ живописи не мѣшала однако учебнымъ занятіямъ Ѳедотова; онъ любилъ науку, правильно понималъ ее, имѣлъ прекрасную память и всегда считался лучшимъ ученикомъ. Впослѣдствіи, будучи на службѣ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи финляндскомъ полку, имѣя больше свободнаго времени, Ѳеѳотовъ сталъ серьезнѣе заниматься своимъ любимымъ предметомъ и началъ учиться, посѣщалъ академію художествъ, рисовалъ все: носы, глаза, уши, портреты начальниковъ, товарищей, солдатъ, себя самого, находящагося при немъ деньщика Коршунова. Всѣ эти портреты отличались поразительнымъ сходствомъ, изображались большею частью группами, при различныхъ обстоятельствахъ полковой жизни, выхватывались изъ ея событій; въ каждомъ рисункѣ былъ свой сюжетъ, своя завязка и развязка, иногда полная того комизма, о которомъ такъ удачно сказано: «сквозь видимый смѣхъ льются невидимыя міру слезы». Произведенія эти рвались на расхватъ между знакомыми Ѳедотова, пріобрѣтали большую и большую извѣстность, успѣхъ ихъ укрѣпилъ увѣренность автора въ его талантѣ, позволилъ ему смѣлѣе, энергичнѣе продолжать начатый путь. Изъ числа этихъ картинокъ, набросанныхъ большею частью карандашемъ на-скоро, не могу не вспомнить объ одной, полной самаго потрясающаго драматизма и очень хорошо характеризирующей будущее направле-

ніе въ дарованіи своего автора,—именно: молодая женщина съ прекраснымъ, благороднымъ лицомъ, съ выраженіемъ на немъ стыда и боли, посреди праздныхъ, насмѣшливыхъ гулякъ, тащитъ подъ руку, черезъ улицу, совершенно пьянаго мужа. Предметъ достойный художнической кисти.

Впрочемъ въ это время Ѳедотовъ преимущественно занимался изображеніемъ полковыхъ сценъ—не боевой, а казарменной жизни; онъ особенно любилъ эти сцены и впослѣдствіи довольно долго не могъ отъ нихъ отвязаться. Чтобы предаться вполнѣ своему искусству, Ѳедотовъ не могъ оставаться на службѣ; онъ вышелъ въ отставку. Жертва, если хотите, огромная; матеріальныя служебныя его выгоды были очевидны, онъ долженъ былъ промѣнять ихъ на шаткія, трудовыя средства художника, отказать себѣ въ самомъ необходимомъ, быть можетъ, рисковать иные дни просидѣть на одномъ хлѣбѣ и водѣ. Притомъ репутація Ѳедотова еще не пріобрѣла той извѣстности, которая обезпечиваетъ таланту его существованіе. Въ это время онъ самъ хорошенько не зналъ, къ какому роду живописи пріурочить себя, и съ одинаковымъ жаромъ брался за всевозможные предметы. Не смотря на все это, потребность полнаго систематическаго образованія побѣдила всѣ сомнѣнія и расчеты и толкнула Ѳедотова на новый путь. Правда, будучи въ отставкѣ, Павелъ Андреевичъ получалъ ежегоднаго содержанія 1000 рублей асс.; но этой суммы, было крайне недостаточно для него. И за всѣмъ тѣмъ, онъ находилъ возможность отдавать половину изъ него своему отцу, обѣднѣвшему старику, да роднымъ сестрамъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ никогда не роптала и былъ по-своему доволенъ новымъ образомъ жизни. Онъ жилъ въ отдаленной линіи Васильевскаго острова, нанималъ комнату за пять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, особенно понравившуюся художнику тѣмъ, что она совершенно сходствовала съ комнатой, задуманной имъ для одной изъ картинъ, ѣлъ кухмистерскій обѣдъ за 15 коп. въ сутки, сиживалъ иногда въ холодѣ, закутанный сверхъ платья въ тулупъ или шинель, и все-таки неутомимо работалъ. Постоянно веселый, съ огромнымъ запасомъ остроумія, Ѳедотовъ былъ душею каждаго общества; слово его звучало простымъ, естественнымъ комизмомъ, каждый разсказъ, имъ переданный, вызывалъ невольную улыбку на лицахъ слушателей; онъ читалъ стихи, прекрасно пѣлъ, игралъ на гитарѣ. Съ Ѳедотовымъ можно было говорить о чемъ угодно и говорить долго, не соскучившись; онъ какъ-то жадно слѣдилъ за всѣмъ, ловилъ каж-

*

дую новую мысль, каждое мѣткое выраженіе. Въ поэзіи и литературѣ онъ искалъ отдыха отъ своихъ трудовъ, эстетическаго облегченія, развлеченія, освѣжавшаго его работы. Крыловъ, Лермантовъ были любимые его авторы; послѣднему онъ особенно сочувствовалъ и ставилъ его неизмѣримо выше Пушкина. Гоголь, какъ кажется, не производилъ на него особаго впечатлѣнія; только однажды, на какомъ-то вечерѣ, услышавъ похвалу отъ автора «Мертвыхъ Душъ», онъ сказалъ одному изъ присутствующихъ: «пріятно слышать похвалу отъ такого человѣка; она получше всѣхъ печатныхъ похвалъ».

Образъ жизни Павла Андреевича былъ чрезвычайно оригиналенъ. Онъ вставалъ очень рано, обливался холодной водой, одѣвался кое-какъ на скорую руку и отправлялся гулять или, вѣрнѣе, толкаться между людьми и собирать наблюденія. Онъ останавливался подъ окнами, заходилъ въ харчевни, въ толпы народа, прислушивался къ его говору, иногда самъ вступалъ въ разговоръ, слѣдилъ за чиновникомъ, бѣгущимъ въ должность, за барыней, въ сопровожденіи кухарки отправлявшейся на рынокъ, за старухой нищей и т. д. Эти наблюденія доставляли особенное наслажденіе Ѳедотову и были предметомъ его неизчерпаемыхъ разсказовъ. Иногда на цѣлый день онъ скрывался въ какое нибудь глухое захолустье Петербурга, — въ гавань, знакомился съ ея жителями, изучалъ ихъ нравы, обычаи, какъ будто отыскивалъ между ними сюжеты для своихъ произведеній. И дѣйствительно эта вѣрность взгляда, это умѣнье подмѣтить самую тонкую, неуловимую черту были удивительны у Ѳедотова. Онъ какъ бы съ разу пронизывалъ человѣка, угадывалъ его характеръ, образъ жизни, привычки, намѣренія и угадывалъ совершенно вѣрно. Возвратившись домой, онъ садился за чай или, лучше сказать, только принимался за него; недопитый, холодный стаканъ иногда цѣлые сутки стоялъ посреди кистей, карандашей да красокъ, а Ѳедотовъ такъ задумывался надъ работой, что забывалъ все на свѣтѣ. Если работа не клеилась, шла вяло, онъ развлекалъ себя чтеніемъ какой нибудь книги, потомъ обѣдалъ или дома, или отправлялся къ близкимъ знакомымъ, къ бывшимъ товарищамъ по службѣ, съ которыми онъ навсегда сохранилъ хорошія отношенія. Только иногда находили на художника грустныя, тяжелыя минуты разочарованія,—онъ какъ бы сомнѣвался въ своихъ силахъ, былъ недоволенъ самимъ собою, боялся за свое будущее; ему чего-то недоставало, онъ жаловался. Вѣроятно въ такія минуты былъ набросанъ Ѳедотовымъ эскизъ: «*старость художника*»,

гдѣ онъ самъ изображенъ больнымъ старикомъ, пишущимъ вывѣски, окруженнымъ голодною, плачущею семьею, въ холодной комнатѣ, въ которой дворникъ вынимаетъ изъ трубъ вьюшки. Въ такія же мрачныя минуты внутреннихъ волненій, въ минуты ропота, усталости отъ труда, была имъ написана басня «Пчела и цвѣтокъ», гдѣ онъ сравниваетъ себя съ цвѣткомъ, завядшимъ въ тѣни отъ недостатка солнца. Мы приведемъ здѣсь эту басню цѣликомъ.

Летая по свѣту, конечно, за медкомъ,
Пчела влетѣла въ домъ,
Затѣмъ, что въ немъ, въ окнѣ одномъ,
Она замѣтила горшочки
И въ тѣхъ горшкахъ цвѣточки.
Ну какъ не залетѣть!
Гдѣ до любимаго коснется,
Не только что пчеламъ, и намъ людямъ неймется,
Любимое хоть въ щелку поглядѣть
И то отрада.
А тутъ пчелѣ цвѣты, чего жъ ей больше надо.
Къ тому жъ людской разборчивый и прихотливый родъ,
Цвѣтовъ къ себѣ дурныхъ въ хоромы не беретъ,
А изъ отличныхъ все породъ.
Хоть и для глазъ у нихъ иной не такъ пріятенъ,
Такъ ужъ навѣрно ароматенъ.
И подлинно, пчела
Въ дому цвѣтокъ породистый нашла,
Да только не въ родню, онъ что-то росъ такъ бѣдно
И цвѣлъ такъ блѣдно,
Что не на что взглянуть.
Пчела подумала: попробую нюхнуть,
Авось утѣшусь ароматомъ,
Авось медку найду хоть атомъ.
Но что же?.. и того
Не оказалось у него.
Пчела плечами только жала,
Земля, чтоль, подъ тобой цвѣточекъ отощала?
Подумала и внизъ сползла —
Земля хорошая была
И полита какъ надо.

Трудолюбивую пчелу взяла досада,
(Кто самъ трудолюбивъ
Къ бездѣйствію другихъ куда какъ щекотливъ,
Сей часъ подумаетъ: что вѣрно тотъ лѣнивъ),
Такъ приписавъ все лѣни,
Пчела укоры, пѣни,
На хилаго цвѣтка
Посыпала, какъ изъ мѣшка.
Уродъ! жужжитъ она, позоръ своей породы,
Ты знаешь какъ ее повсюду чтутъ народы?
А ты!.. Тогда цвѣтокъ уныло отвѣчалъ:
Блаженъ, когда бы я объ этомъ и не зналъ,
Желаньемъ не томясь и къ цѣли равнодушный,
Я можетъ лучше бъ цвѣлъ и въ этой сферѣ душной:
Окно на сѣверъ здѣсь, любезная, взгляни,
Насупротивъ стѣна и я всю жизнь въ тѣни,
Въ тѣни! Межъ тѣмъ съ порой, изящества начало,
Въ душѣ про сладкое, про что-то зашептало,
А вмѣстѣ съ радостью—тогда казалось мнѣ,
Что что-то здѣсь, въ моемъ окнѣ,
Тотъ сладкій шопотъ заглушало,
И мнѣ чего-то здѣсь въ тѣни недоставало.
Но я тогда еще былъ малъ,
Не ясно это понималъ,
И росъ какъ всѣ... Когда жъ, съ явленьемъ почекъ,
Всѣ прокричали: вотъ цвѣточекъ!
Тогда широкая молва
Души неясныя слова
Собой мнѣ пояснила;
Я понялъ чѣмъ меня природа ѳдарила,
Какой блестящій мнѣ дала она удѣлъ,
И я за нимъ, достичь его, желаньемъ полетѣлъ;
Душа лишь только средствъ искала,
Но въ нихъ, увы, судьба мнѣ гордо отказала!
Я жаждалъ солнца, но оно
Въ мое не жалуетъ окно.
Желанья жаркія—желаньями остались,
Отъ безнадежности лучи ихъ къ центру сжались.
И спертый жаръ во мнѣ, какъ адъ съ тѣхъ поръ палитъ,
И весь составъ мой пепелитъ.

Такъ не дивись пчела, что я цвѣту такъ вяло
И лѣнью не кори! Бѣды моей начало
Не лѣнь
А тѣнь!

—

Талантъ, молись—чтобъ счастья солнце
Въ твое оконце
Взглянуло иногда,
Иначе, какъ цвѣтку въ тѣни, тебѣ бѣда!

Года четыре спустя послѣ выхода въ отставку, Өедотовъ вдругъ принялся работать еще усиленнѣе прежняго; онъ даже забылъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, никуда не выходилъ изъ дому, рисовалъ и днемъ, и вечеромъ; глаза его сдѣлались красными, волосы на головѣ посѣдѣли, все лицо осунулось; причиной этой лихорадочной дѣятельности было знакомство его съ К. П. Брюловымъ. Знаменитый художникъ сразу оцѣнилъ своего собрата, ободрилъ его силы, далъ имъ должное направленіе. Өедотовъ былъ счастливъ совершенно,—онъ начиналъ вѣрить въ себя, въ свое призваніе; прежнее изображеніе солдатскихъ сценъ было брошено; замѣченный Брюловымъ, онъ понялъ, что область его искусства несравненно шире, богаче, разнообразнѣе, что онъ долженъ касаться всей массы русскаго народа, изображать жизнь цѣлаго общества; онъ скинулъ мундиръ съ своихъ произведеній и одѣлъ ихъ въ разнообразные костюмы. Первыя публично выставленныя картины Өедотова были: «утро чиновника» и «горбатый женихъ»; картины эти нравились всѣмъ, но полную, окончательную его славу составила выставка 1848 года, на которую былъ представленъ имъ: «Пріѣздъ жениха». Цѣлыя толпы любопытныхъ съ утра до вечера осаждали эту картину. Трудно, почти невозможно было пробраться къ ней; имя Өедотова разнеслось по городу; журнальныя статьи начали звонить про него и, по обыкновенію, пророчить ему блестящую будущность. Въ квартиру бѣднаго художника безпрестанно пріѣзжали новыя, незнакомыя ему, лица, желавшія посмотрѣть на другія его работы. Успѣхъ былъ въ полномъ смыслѣ блистательный. Трудно разсказать, что происходило въ это время въ душѣ Өедотова; онъ ожилъ и находился въ положеніи человѣка, который въ теченіи многихъ лѣтъ, съ неимовѣрными усиліями, окруженный всевозможными

лишеніями, на авось, не будучи окончательно увѣренъ въ вѣрности взятой на себя задачи, трудился надъ какой нибудь машиной, и вдругъ эта машина готова, пошла въ ходъ, чудеса дѣлаетъ, и удивляетъ самого творца своего. Павелъ Андреевичъ радовался какъ ребенокъ, мечталъ, что имя его сдѣлается извѣстнымъ въ Россіи, думалъ о поѣздѣ за-границу, для окончательнаго изученія избраннаго имъ рода живописи, составлялъ множество плановъ для новыхъ работъ. Этотъ успѣхъ породилъ даже маленькое романическое происшествіе, нарушившее, хоть и не надолго, душевное спокойствіе художника. Одна молодая и богатая дѣвушка, страстная охотница до живописи, еще прежде знавшая Ѳедотова, очарованная его славой, открыто дала ему замѣтить, что готова отказаться отъ всѣхъ жениховъ на свѣтѣ и предложить ему свою руку. Поступокъ неоспоримо благородный, доказывающій, что есть семьи и безъ урода... Ѳедотовъ видѣлъ въ этой рѣшимости даже какой-то героизмъ, самъ душевно привязался къ дѣвушкѣ, но отъ предложенія ея отказался. «Меня на двѣ жизни не хватитъ, говорилъ онъ, не могу я любить одинаково въ одно и то же время и женщину, и искусство, отдаться первой—значитъ забыть послѣднее».

Изъ картинъ, задуманныхъ имъ въ это время, особенно замѣчательна одна: «возвращеніе институтки въ родительскій домъ». Здѣсь онъ хотѣлъ представить сцену тяжелаго сомнѣнія, когда дѣвушка, съ малолѣтства оторванная отъ родителей, привыкшая къ нѣгѣ и роскоши, воспитанная наравнѣ съ богатыми подругами, зараженная понятіемъ о будущемъ, ожидающемъ ее блескѣ, по окончаніи воспитанія возвращается домой, видитъ убогія, низенькія комнатки, скромную мебель, отца въ засаленомъ халатѣ, грязную кухарку, однимъ словомъ—обстановку совершенно противоположную розовымъ мечтамъ институтки. Среди этихъ мирныхъ занятій, среди надеждъ и возрастающаго успѣха, Ѳедотова застигнула горестная вѣсть,—онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву. Тяжелыя семейныя обстоятельства призывали его туда, положеніе отца и сестеръ становилось почти отчаяннымъ: они лишились всякаго пристанища, домъ ихъ былъ проданъ за долги. Въ бытность его въ Москвѣ Ѳедотову, разумѣется, было не до работы, а возвратясь въ Петербургъ онъ долженъ былъ бросить на время всѣ свои задуманные планы и трудиться исключительно для денегъ; онъ принялся за копію «пріѣзда жениха», кѣмъ-то заказанную. Поденная работа раздражила художника, у котораго мысли, одна другой

свѣжѣе, разнобразнѣе и оригинальнѣе, просились на полотно и ждали своего исполненія. Трудъ подвигался медленно; постоянныя головныя боли, да мысль о несчастіяхъ близкихъ сердцу не давали Ѳедотову привольно работать. Въ концѣ 1852 года онъ наконецъ кончилъ свою копію, и съ жадностью взялся за исполненіе другихъ плановъ, но смерть незримо и негаданно подкралась къ своей жертвѣ. Лѣтомъ 1852 года Ѳедотовъ сошелъ съ ума. Нѣсколько дней бродилъ онъ по Петербургу и его окрестностямъ, разсорилъ довольно значительную сумму денегъ, только что имъ полученную за одну изъ своихъ копій и, наконецъ, спустя нѣсколько дней, былъ отвезенъ въ больницу всѣхъ скорбящихъ. Тяжки, мучительны были страданія художника; онъ не имѣлъ ни минуты покоя, стоналъ, бредилъ или обращался въ совершеннаго ребенка. Ему грезились то страшныя, то величественныя видѣнія: на мѣстѣ Васильевскаго острова онъ видѣлъ древнія Аѳины, дворцы, храмы, статуи,—собственную квартиру превращалъ въ Пантеонъ. Только за четыре дня до смерти Ѳедотовъ успокоился, пришелъ въ себя и умеръ на рукахъ своего неизмѣннаго слуги и друга, Коршунова. Никто изъ друзей, товарищей и знакомыхъ не успѣлъ проститься съ покойнымъ.

Могила его находится на Смоленскомъ кладбищѣ, близъ могилы знаменитой русской актрисы Асенковой.

Что же было причиной болѣзни художника? Частныхъ причинъ было много. Сперва сомнѣніе въ своихъ силахъ, страхъ за будущее, постоянная борьба съ бѣдностью, потомъ чрезмѣрное раздраженіе нервной и впечатлительной натуры, усиленная работа и проч... Но только намъ кажется, что всѣ эти причины, какъ ручейки изъ рѣки, истекаютъ изъ одной главной—изъ самаго положенія художника, изъ отношеній его къ обществу, гдѣ все честное, свѣтлое и талантливое гибнетъ, подобно тропическому растенію, выброшенному на холодъ.

Талантъ Ѳедотова, по-преимуществу талантъ наблюдательный, выхватывающій темы для своихъ произведеній изъ самыхъ обыкновенныхъ, иногда не замѣтныхъ простому глазу явленій дѣйствительной жизни; онъ не создаетъ образовъ, не выдумываетъ; онъ ихъ ищетъ и списываетъ съ натуры. Оттого произведенія Ѳедотова такъ близки и понятны каждому. Вы часто удивляетесь, почему вамъ самимъ не пришла въ голову эта мысль; почему вы сами не выдумали этихъ лицъ, не поставили ихъ въ это простое положеніе, слишкомъ наскучившее въ жизни дѣйствительной и необыкновенно занимательное въ

художническомъ представленіи. Вотъ первый признакъ истиннаго дарованія: тѣмъ же самымъ въ литературѣ отличался Гоголь, и мы убѣждены, что Ѳедотовъ, при большемъ умственномъ развитіи, сдѣлался бы тѣмъ же Гоголемъ въ живописи,—ничѣмъ другимъ онъ и быть не могъ, это доказываютъ оставшіяся послѣ смерти оконченныя и неоконченыя его произведенія.

Изъ каждой картины Ѳедотова можно написать романъ, повѣсть, драму, комедію, что хотите; у каждой есть своя жизнь, своя исторія; глядя на его картину, зритель какъ бы читаетъ книгу, ему нечего объяснять, онъ самъ пойметъ и завязку, и развязку представленной сцены, онъ видитъ не только живыя, знакомыя лица,—этого еще мало,—онъ угадываетъ прошедшее, настоящее и будущее этихъ лицъ, знаетъ какъ они выросли, какое получили воспитаніе, какъ говорятъ и думаютъ, чѣмъ занимаются, что ѣдятъ; знаетъ даже, какъ они кончатъ эту жизнь, какъ состарѣются и умрутъ. Смотря на Ѳедотовскаго купца, такъ и кажется, что другой купеческой физіономіи быть не можетъ, что вы его гдѣ-то видѣли, говорили съ нимъ, что онъ такимъ долженъ быть, что воображенію вашему именно представлялся такой купецъ, какимъ онъ представленъ на полотнѣ, точно художникъ угадалъ мысль вашу, подглядѣлъ этотъ внутренній, никому недоступный рисунокъ вашей фантазіи. Вотъ и сила творчества, сила опять-таки Гоголевская.

Изъ капитальныхъ произведеній Ѳедотова извѣстны три картины: «пріѣздъ жениха», «утро чиновника, получившаго наканунѣ первый крестикъ», и «вдовушка»; остальныя, какъ напримѣръ: «смерть Фидельки», «крестины», «художникъ въ надеждѣ на свой талантъ», «женившійся безъ приданаго» и проч. составляютъ только эскизы, набросанные карандашемъ и невыполненные авторомъ по причинѣ ранней его смерти.

Мы поговоримъ о тѣхъ и другихъ потому, что и тѣ, и другіе слишкомъ занимательны даже по содержанію своему и вполнѣ уясняютъ тотъ родъ живописи, къ которому художникъ готовилъ себя.

«Пріѣздъ жениха» извѣстенъ многимъ; картина эта, будучи не разъ на выставкѣ, постоянно производила фуроръ. Для исполненія ея, Ѳедотовъ нарочно знакомился съ купеческими домами, изучалъ всю окружающую ихъ обстановку и взялъ изъ нея только то, что было вполнѣ типично, что вдругъ, разомъ обрисовывало тотъ бытъ, который изображалъ онъ. Для каждаго лица онъ долженъ былъ приглядѣться къ сотнямъ подобныхъ лицъ и вырвать изъ нихъ что-то

характерное, всѣмъ свойственное. Чтобъ изобразить старуху ключницу, онъ бѣгалъ по Андреевскому рынку, по церковнымъ папертямъ, зазывалъ нищихъ старухъ съ собой чай пить, бесѣдовалъ съ ними, разумѣется, платилъ имъ, рисовалъ съ нихъ портреты и, уже потомъ вдоволь насмотрѣвшись на нихъ, узнавъ каждую складку ихъ сморщенныхъ лицъ, создавалъ нужный для себя образъ. Добросовѣстность Ѳедотова въ этомъ отношеніи была изумительная; онъ ни одной самой ничтожной вещи не рисовалъ на-обумъ; всѣ необходимыя для картины аксесуары доставались или на деньги, или какимъ нибудь другимъ случаемъ, причемъ требовался особый, весьма тщательный выборъ вещей.

Какой-то господинъ, любуясь на одну изъ картинъ Ѳедотова, замѣтилъ, какъ все естественно, просто. «Будетъ просто, какъ поработаешь разъ со сто», отвѣтилъ художникъ,—и отвѣтилъ совершенную правду. Дѣйствительно, чтобъ оцѣнить это достоинство, стоитъ только взглянуть на подробности картины. Синяя, покрытая жирными пятнами, скатерть, порыжѣлыя стѣны комнаты, *пукеты и амуры* на потолкѣ, люстры съ закоптѣлыми стеклышками, лубочныя гравюры на стѣнахъ, на полу котъ Васька, умывающій рыльце, неимовѣрно пышное платье на купеческой дочери, костюмъ хозяйки, кулебяка— все вѣетъ чистой, неподдѣльной правдой, все носитъ характеръ домашней обстановки нашихъ самодуровъ. Лишите эту картину всѣхъ представленныхъ на ней лицъ, вы все-таки незадумаетесь сказать, какіе люди живутъ въ ней. Мы не будемъ входить въ прочія художническія достоинства картины—онѣ давно оцѣнены; но мы разскажемъ словами самого автора ея содержаніе. Принаровляясь къ тону простыхъ мужиковъ, показывающихъ панораму, Ѳедотовъ передаетъ это содержаніе такъ:

Честные господа,
Сюда, сюда!
Милости просимъ,
Денегъ не просимъ,
Даромъ смотри,
Только хорошенько очи протри.
Начинается, починается
О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
Какъ иные на чужой счетъ жуютъ,
Работать лѣнятся,

Такъ на богатыхъ женятся...
И вотъ, извольте посмотрѣть,
Вотъ купецкій домъ,
Всего вдоволь въ немъ, —
Только толку нѣтъ ни въ чемъ:
Одно пахнетъ деревней
А другое—харчевней.
И вотъ, извольте посмотрѣть,
Самъ хозяинъ купецъ,
Денегъ полонъ ларецъ...
Есть что пить, есть что ѣсть,
Да взманила вишь честь:
Не хочу вишь зятей съ бородами,
И своя борода
Мнѣ лихая бѣда,
По улицѣ всякій толкаетъ,
А чуть-чуть подъ хмѣлькомъ,
Да поди-ка пѣшкомъ,
Глядь очутишься въ будкѣ,
Да улицу прометешь сутки.
А въ густыхъ будь-ка зять,
Непосмѣютъ насъ взять.
Намъ по крайности дай хоть маіора,
Безъ того никому не отдамъ свою дочь.
А женихъ—тутъ какъ тутъ
И по чину точь-въ-точь.
И вотъ, извольте посмотрѣть,
Какъ въ парадѣ весь домъ,
Все съ иголочки въ немъ,
Только хозяйка купца
Не нашла знать по головѣ чепца,
По старинному, въ сизомъ платочкѣ;
Остальной же нарядъ
У француженки взятъ
Лишь на вечеръ для нея и для дочки.
И вотъ, извольте посмотрѣть,
Какъ жениха маіора ждутъ,
Кулебяку несутъ
И различныя вина перьвѣйшихъ сортовъ,
А вотъ и самое панское,
Сирѣчь шампанское,

На подносѣ на стулѣ стоитъ.
И вотъ, извольте посмотрѣть,
Какъ въ другой горницѣ
Грозитъ ястребъ горлицѣ,
Какъ маіоръ толстый, бравый,
Карманъ дырявый,
Крутитъ свой усъ,
Я дескать до денежекъ доберусь.

Къ этой же картинѣ было написано Ѳедотовымъ, стихами, объясненіе ея, подъ заглавіемъ: «разсужденіе маіора или поправка обстоятельствъ». Стихи эти раздѣляются на двѣ части: въ первой — армейскій маіоръ, соскучившись долгою службою и безденежьемъ, разбираетъ свое настоящее положеніе, мечтаетъ даже въ отставку выйдти, перейдти въ гражданскую службу, нажить домъ и деревеньку, но всѣ эти мечты оказываются только мечтами,—маіоръ самъ сознаетъ невозможность ихъ исполненія и останавливается на мысли о выгодной женитьбѣ.

Деньги, деньги—счастья ключь!
Но постой... надежды лучь
Не совсѣмъ угасъ покуда,
Не совсѣмъ еще мнѣ худо,
Дай-ка, я за умъ возьмусь,
Почему я не женюсь?...
Да, женюсь!.. и на богатой,
Дамъ щелчка судьбѣ рогатой,
Что жъ богатой мнѣ не взять,
Иль невѣстъ богатыхъ мало?
Иль во мнѣ что недостало?
Чѣмъ не мужъ я?.. Чѣмъ не зять?..
Штабъ, густые эполеты,
Шпоры, конь, усы и лѣта,
Что жъ, въ порѣ, я просто хватъ,
Хоть немножко толстоватъ,—
Это возбудитъ почтенье
Хуже жъ, еслибъ былъ худой,
Скажутъ: вѣрно онъ больной
Иль дурнаго поведенья.

Все, что надобно женѣ
Ждать отъ мужа, есть во мнѣ:
Чинъ высокоблагородный,
И притомъ собой дородный,
Что жъ еще?.. Ужъ для купчихъ,
Это сущій кладъ для нихъ.
Кстати жъ, слышалъ, у Кулькова,
У подрядчика лѣснаго,
У купца бородача,
Скопидома, богача,
Ужъ назначенъ милліонъ
Дочери... Когда бы онъ
Отдалъ мнѣ его, не худо —
Аппетитненькое блюдо!
Право, нечего зѣвать,
Надо сваху засылать,
А потомъ принарядиться
Поновѣй, понадушиться,
Можно и духовъ достать
Этакъ хоть у франтовъ,
У бригадныхъ адъютантовъ.
Взять у нихъ же орденокъ,
Да батистовый платокъ,
Да часы; на случай съ дочкой
Какъ придется говорить,
Пальцемъ баловать съ цѣпочкой
И носочкомъ такту бить.
Шарфъ надѣть, позвонче шпоры,
Да поднявши плечи, грудь,
Эполетами тряхнуть,
Да погромче въ разговоры...
Посмотрю я какъ тогда
Мнѣ откажетъ борода.

Далѣе маіоръ разсуждаетъ о положеніи купца, взвѣшиваетъ выгоды и невыгоды брака его дочери съ человѣкомъ благороднымъ, въ особенности военнымъ, и, наконецъ, заключаетъ свое разсужденіе слѣдующимъ философскимъ воззрѣніемъ:

А Кулькова, пусть красою
И не славится большою,

Да въ красѣ и проку нѣтъ!
Будь она хоть маковъ цвѣтъ,
Будь она хоть розанъ нѣжный,
Все же будетъ въ сорокъ лѣтъ
На ровесницъ всѣхъ похожа.
Кто тогда ихъ разбирать
Станетъ голову ломать,
Кто изъ нихъ была какая,
Иль прямая, иль кривая —
Всѣ равны!.. А той лишь честь,
У которой деньги есть,
У какой попить, поѣсть
Можно вкусно—той и честь!
У кого хорошъ обѣдъ и вина,
Гдѣ на славу въ имянины,
Въ праздники пиры даютъ, —
Всѣ туда съ поклономъ льнутъ,
Всѣ покушать даромъ падки,
Да притомъ коль блюда сладки,
Такъ посмотришь—не одинъ
Тамъ хлебастъ господинъ,
Позабывъ породу, чинъ,
Выгоднымъ найдя смиренье.
Тамъ, забывъ про вдохновенье,
Примирясь съ толпой, поэтъ,
И кого, кого тамъ нѣтъ!
Штука важная обѣдъ!
И спроси потомъ любаго,
Хоть профессора какого,
Про хозяйку: что, умна ль,
Что, воспитана ль, ловка ль? —
Да другая есть едва ль
Ей подобная, всѣ скажутъ,
Сласти всѣмъ языкъ подмажутъ.
И про насъ заговорятъ,
Что такіе есть ли врядъ!

Вторая часть вся исключительно состоитъ изъ наказа деньщику, посылаемому за свахой.

Сидоръ, спишь!
За Панкратьевной скорѣе,

Вонъ, что свахою слыветъ,
Знаешь, гдѣ она живетъ?
Маршъ!.. сыщи ее, гдѣ хочешь,
Ты не даромъ прохлопочешь,
Да смотри, не будь глупцомъ,
Баба станетъ обо всемъ,
Объ житьѣ-бытьѣ моемъ
У тебя освѣдомляться,
Такъ прошу ей неподдаться.
Первое, что спроситъ, чинъ?
Отвѣчай, что господинъ,
Баринъ твой, еще покуда,
Но что въ годъ, онъ худо-худо
Будетъ полный генералъ,
Побожись, что не совралъ,
Бабѣ только побожиться,
Да съ божбой перекреститься —
Все за чистое сойдетъ.

Далѣе маіоръ вычисляетъ всѣ свои существующія и не эуществующія достоинства, учитъ деньщика, что называется, пустить пыль въ глаза.

Такъ смотри!
Бабѣ ты очки вотри.
Ты, я знаю, какъ захочешь,
Такъ на шею чорту вскочишь!
Ты, я знаю, братъ, не глупъ,
Напримѣръ, откуда супъ
Съ курицей у насъ являлся?
Я тогда вѣдь притворялся,
Денегъ я вѣдь не давалъ,
Деньги лишь на щи да кашу,
Помнишь, какъ-то простоквашу?
Какъ-то жареный пѣтухъ?..
Да во всѣхъ подушкахъ пухъ?...
Что, нашелъ?.. Нашелъ!.. ну ладно,
Ты всегда соврешь пресkладно!
Такъ смотри же хлопочи,
Тутъ вѣдь есть магарычи,
Какъ женюсь, разбогатѣю,

Я тебя, братецъ, пригрѣю,
И наградою заслугъ,
Ужъ не старый архалугъ,
Какъ теперь... Тогда придется,
Какъ у важныхъ баръ ведется,
Въ галунахъ ливрею сшить,
Въ аксельбанты нарядить,
Голодъ нынѣшній забудешь,
У меня ты просто будешь
Цѣлымъ домомъ управлять,
Да другими понукать,
Да покрикивать—и только,
Любо!.. Хлопочи жъ... изволь-ка!

Къ сожалѣнію, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы не можемъ привести всѣхъ стиховъ и принуждены ограничиться слабѣйшими изъ нихъ... Самая картина «пріѣздъ жениха», вмѣстѣ съ другой картиной «вдовушка», отправляются въ настоящее время на всемірную лондонскую выставку.

Стихи Ѳедотова были отдыхомъ его отъ трудовъ, шуткой въ свободное время; онъ отнюдь ихъ не считалъ за литературныя произведенія, не хвастался ими, читалъ ихъ только въ кругу близкихъ знакомыхъ. Мы потому привели нѣсколько отрывковъ изъ его стихотвореній, что авторъ передаетъ въ нихъ свои художественныя произведенія и объясняетъ выражаемую въ нихъ мысль. Но мы не можемъ не сообщить читателю лучшей его пьесы, которая опредѣляетъ оригинальность взгляда Ѳедотова, его юморъ и передастъ нѣсколько фактовъ изъ его горемычной жизни. Эта пьеса названа имъ «Предисловіе къ читателямъ», которымъ мы и заключимъ наши воспоминанія:

Кто бъ ни былъ, добрый мой читатель,
Вѣдь я не цѣховой писатель,
И въ полномъ правѣ васъ просить
Къ моимъ стихамъ не строгимъ быть.
Я свой давно съ перомъ, что въ шляпѣ (*),
А что писатель держитъ въ лапѣ,
Съ такимъ почтеннѣйшимъ перомъ
Я только шапочно знакомъ.

(*) Въ бытность Ѳедотова на службѣ военные носили треугольныя шляпы съ султанами.

Пишу на блажь воображенья,
Я пышнымъ словомъ сочиненья
Не думалъ вовсе величать,
А ужъ не то, чтобъ лѣзть въ печать.
Не то, чтобъ вкусы нынче строги,
Нѣтъ, просто мнѣ не по дорогѣ.
Меня отецъ, судьба да мать
Назначили маршировать!
. . . .
. . . .
Вотъ поводъ, кажется, резонный,
Мнѣ такъ въ поэзіи отстать.
Неправда ль?.. не угодно ль встать
Во фронтъ поэту записному,
Да неугодно ль помечтать,
Или начальнику иному
Рапортъ стишками написать.
Хоть будь вполнѣ литературно
Да не по формѣ, скажутъ—дурно,
Начальникъ распечетъ, и правъ —
Что сочинять, гдѣ есть уставъ,
Такой подробнѣйшій, полнѣйшій,
Гдѣ каждый взглядъ и шагъ малѣйшій,
Все, все обдумано давно;
Тутъ съ васъ потребуютъ одно
Слѣпое только исполненье,
И распекутъ за сочиненье!
Иль пусть какой нибудь поэтъ,
Какого въ свѣтѣ выше нѣтъ,
Слетай-ка къ бѣсу на расправу,
То есть на сутки на заставу,
Займись тамъ выспренней мечтой,
Да подорожной хоть одной
Не просмотри, пренебреги,
Да на звонокъ не побѣги—
Такого зададутъ трезвону,
Забудешь всѣхъ и Апполона,
И девять музъ, и весь Парнасъ,
Нѣтъ, некогда мечтать у насъ!
. . . .
Поэту надобенъ покой,

А ужъ у насъ покой плохой!
Для стихотворнаго народа
Во всѣхъ видахъ мила природа,
Ему мила и непогода,
Онъ все поетъ—и дождь, и громъ,
И снѣгъ, и бури, и мятели,
Въ тулупцѣ лежа на постели,
И можетъ чарочка при немъ.
Легко такъ пѣть. Нѣтъ, въ нашей шкурѣ
Попробуй гимны пѣть натурѣ,
Воспой-ка ручейки тогда,
Какъ въ сапогахъ бурчитъ вода,
Запой подъ дождь въ одномъ мундирѣ,
Когда при строгомъ командирѣ,
Деньщикъ твой, прогнанный въ обозъ,
Твою шинель упряталъ въ возъ.
Иль въ сюртукѣ въ одномъ, въ морозъ,
Постой, начальство ожидая,
Тогда какъ пальцы, замирая,
Не въ силахъ сабли ужъ держать,
Изволь-ка въ руки лиру взять,
Да грянь торжественную оду
На полуночную природу!
Нѣтъ, милый, рта не разведешь
И волчью пѣсню запоешь!
Поэтамъ даже сводъ небесный
Такой покосъ даетъ чудесный,
А намъ, красавица луна
Попомнитъ только ночь безъ сна
На аванпостахъ,—ясный фебъ,
Луна и фебъ поэтамъ хлѣбъ,
А намъ отъ феба—пыль да жарко,
Нашъ фебъ злодѣй, коль свѣтитъ ярко,
Онъ намъ не недругъ, лишь когда
Вблизи холодная вода!
А эти звѣзды, что высоко,
Что поэтическое око
Такъ бриллiянтами дарятъ,
Намъ дальностью своей твердятъ,
Что и до звѣздъ земныхъ далеко.
Попробуй, этихъ налови!

*

Природа въ пишущей крови
Вздымаетъ сладкое броженье
И щекотитъ воображенье,
А намъ,—нашъ братъ ослѣпъ, оглохъ,
Намъ это все къ стѣнѣ горохъ,
Блаженство наше—чарка въ холодъ,
Да ковшъ воды въ жару, да въ голодъ
Горячихъ миска щей, да сонъ,
Да карточки, а Апполонъ
И съ музами спроваженъ вонъ.
Потомъ еще всегда поэты
На цѣлый свѣтъ свои секреты,
Твердятъ про сердце, про любовь, —
Поэты ею всѣ согрѣты,
А можетъ сыты и одѣты.
А намъ любовь мутитъ лишь кровь,
Да только кровь, а сердце—шутки,
Насъ не поддѣть на незабудки,
На нѣжности, нашъ идеалъ—
Намъ подавай-ка капиталъ.
Затѣмъ подчасъ и мы же знаемъ,
Не лично мы всегда прельщаемъ,
Прельщаетъ чаще нашъ мундиръ—
Россійскихъ барышенъ кумиръ,
Смѣшно жъ намъ безкорыстныхъ строить,
Одно должно другаго стоить.
О совѣсти ни слова тутъ,
Но если ужъ мундиръ берутъ
Въ замѣнъ святой любови личной,
Такъ ужъ умнѣе—взять наличный
За это капиталъ. У насъ
Примѣровъ всякихъ есть запасъ,
Есть точно по любви женаты,
Да что жъ они—былые хваты
Теперь кислятина, ухваты,
Горшки, пеленки на умѣ;
Вѣкъ съ плачемъ о пустой сумѣ,
Они, завидуя ворамъ,
Скорѣе къ выгоднымъ мѣстамъ
Бѣгутъ отъ горя отмываться,
Казной за голодъ отъѣдаться;

Межъ тѣмъ иной, какъ холостъ былъ
Глядишь—честнѣйшимъ малымъ слылъ,
Выходитъ, что жена да дѣти
Лишь только дьявольскія сѣти,
Безъ золота... Такъ вотъ любовь,
Ей тоже денегъ подготовь,
Не то—готовь и скорбь, и слезы...
Гдѣ жъ тутъ поэзія, гдѣ розы,
Тѣ розы вѣчныя, о коихъ такъ твердятъ,
Любовь безъ денегъ—просто ядъ,
И ядъ тѣмъ болѣе опасный
Что онъ на вкусъ такой прекрасный!

Далѣе авторъ говоритъ о славѣ, какъ принадлежности поэзіи, доступной для военнаго только во время войны, на полѣ сраженія, въ огнѣ и пороховомъ дымѣ. «Славѣ пиръ даетъ война»! И наконецъ, доказавъ свою поэтическую несостоятельность, оканчиваетъ свое произведеніе слѣдующими словами.

Ну, вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
Питался отъ начала свѣта.
Еще пересчитаемъ вновь —
Природа, слава и любовь.
Иное точно кровь мутило,
Да не до рифмъ тогда намъ было,
Мутило съ желчью пополамъ,
Иное жъ вовсе чуждо намъ.
И такъ окольною дорогой,
Терновникомъ, читатель строгій,
Я пробирался на Парнасъ,
Съ дырявой обувью подчасъ,
Такъ мудрено ль, что я хромаю,
Свои ошибки самъ я знаю,
Какъ знаетъ пьяница свой грѣхъ,
Но этотъ грѣхъ—родникъ утѣхъ,
Такъ диво ль, что ему неймется,
И онъ, закаявшись, напьется.
Такъ вотъ, читатель мой, и я—
Мои стихи сперва друзья
Прочли, ужасно расхвалили
И самолюбію польстили,

А самолюбіе, тотъ-жъ хмѣль,
Щекочетъ сладко гордость. Мнѣ-ль,
Мнѣ-ль устоять отъ искушенья,
Мнѣ надоѣли ужъ лишенья
Отъ всѣхъ успѣхъ, во всю мнѣ жизнь
Карманъ кричалъ: правѣй держись!
А тутъ предстало даровое,
И тѣмъ оно милѣе вдвое,
И я давай писать, писать,
Давай вездѣ читать, читать,
Вездѣ и кстати-ль, и не кстати-ль,
Глядь—хвалятъ всѣ; подчасъ писатель
Въ кругу съ другими тутъ сидитъ,
Прищурясь на меня глядитъ,
Ноздря его презрѣньемъ пышетъ
И мыслитъ онъ: туда же пишетъ!
Ревнивъ чернильный этотъ родъ,
Быть можетъ самъ давно банкротъ,
Исчерпалъ весь ярлыкъ флаконный,
И нѣтъ ужъ влаги благовонной;
Давнымъ давно ужъ пустъ флаконъ,
А насъ все также держитъ онъ.
Но мнѣ не страшны эти взгляды,
Меня иные слушать рады:
Писатель дуется да пусть,
За то иные наизусть
Давно мои ужъ знаютъ строки,
За мысль—прощаютъ ихъ пороки;
Пусть онъ съ причесаной строкой
Добьется почести такой,
Какъ я!.. Хоть я пишу не звучно,
А сколько разъ собственноручно
Мою смиренную тетрадь
Почтили для себя списать,
Иныя, да какія дѣвы!..
Соперники, ступайте, гдѣ вы?
Ступайте, всѣхъ васъ освищу!
Всемірной славы не ищу,
Мой кругъ—крылозскій муравейникъ,
Лишь въ немъ хочу я быть затѣйникъ.
На цѣлый свѣтъ не угодишь!
Читатель мой, когда сравнишь

Мои стихи съ плохими даже,
Да только съ тѣми, что въ продажѣ —
Найдешь въ моихъ большой порокъ,
Но ты за тѣ ужъ внесъ оброкъ,
Писатель нектаръ пьетъ, хоть Геба
Давно сама сидитъ безъ хлѣба,
И ужъ въ отставкѣ Ганимедъ,
Безъ пансіона столько лѣтъ,
А нектаръ все же пьетъ писатель,
Гдѣ жъ онъ беретъ его, читатель?
О добродушный, гдѣ беретъ?
Карманъ твой Гебой сталъ впередъ,
И Ганимедомъ; стихъ же гладкій
И не замѣтишь, какъ украдкой
Туда за нектаромъ скользнулъ
И вонъ съ поживой улизнулъ.
Такъ вправѣ отъ стиховъ печатныхъ
Ты строкъ потребовать опрятныхъ,
А я—меня ты не купилъ —
Я въ цехъ печатный не вступилъ.
Читатель, вспомни, Бога ради,
Мои стихи еще въ тетради,
Еще не жались подъ станокъ,
Къ печатнымъ самъ я очень строгъ,
Въ печать не лѣзу—знакъ смиренья,
А это стоитъ снисхожденья!

А. ВИТКОВСКІЙ.

БѢДНАЯ РУССКАЯ МЫСЛЬ.

(Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изслѣдованіе П. Пекарскаго)

I.

Изслѣдованіе г. Пекарскаго еще не находится въ рукахъ публики въ полномъ своемъ составѣ; въ продажу поступилъ только первый

томъ, заключающій въ себѣ слишкомъ 500 страницъ текста; второй томъ, который, вѣроятно, будетъ такого же объема, выдетъ осенью. Надъ этимъ изслѣдованіемъ г. Пекарскій трудился нѣсколько лѣтъ. Въ 1855 году былъ напечатанъ въ IV томѣ извѣстій академіи наукъ по II отдѣленію планъ этого ученаго труда. Съ 1855 до половины 1859 года г. Пекарскій работалъ въ публичной библіотекѣ; затѣмъ, съ половины 1859 года онъ группировалъ собранные матеріалы и готовилъ ихъ къ печати, и вотъ наконецъ въ началѣ 1862 года читающая публика можетъ воспользоваться плодами многолѣтнихъ и усидчивыхъ трудовъ. Приступая къ оцѣнкѣ книги г. Пекарскаго, я счелъ необходимымъ прежде всего описать ея размѣры и привести ея формулярный списокъ; къ какимъ бы результатамъ меня ни привелъ разборъ этого изслѣдованія, во всякомъ случаѣ надо прежде всего отдать должную дань уваженія тому количеству добросовѣстнаго труда, которое положено въ эти сотни убористо напечатанныхъ страницъ. Сколько хламу надо было перерыть, сколько скуки перенести, сколько самоотверженія потратить для того, чтобы составить эту книгу! Поэтому, принимая въ соображеніе путь узкій и прискорбный, по которому г. Пекарскій шелъ къ своей свѣтлой цѣли, я отъ всей души порадовался за автора, прочтя на оберткѣ его книги: «удостоено отъ академіи наукъ полной демидовской преміи». Вѣроятно авторъ предвидѣлъ, что это пріятное извѣстіе обрадуетъ всѣхъ добрыхъ людей, которымъ попадется въ руки его изслѣдованіе; предвидя это и желая на первыхъ же порахъ доставить своимъ читателямъ пріятное ощущеніе, г. Пекарскій такъ и напечаталъ это на оберткѣ; я говорю это собственно для тѣхъ неисправимыхъ скептиковъ, которые, усматривая во всякомъ дѣлѣ дурные умыслы, подумаютъ, что эти слова на оберткѣ поставлены ради тщеславія, или для того, чтобы зарекомендовать заранѣе книгу нашей слишкомъ довѣрчивой и мало читающей публикѣ. Неисправимые скептики глубоко ошибутся въ своихъ коварныхъ предположеніяхъ: г. Пекарскій рѣшительно неспособенъ придавать особенно высокое значеніе приговору академіи; онъ знаетъ очень хорошо, что только судъ публики въ самомъ обширномъ смыслѣ долженъ быть дорогъ для писателя, добросовѣстно служащаго своей идеѣ; онъ знаетъ также, что наша академія не пользуется особеннымъ сочувствіемъ публики, и что теперь даже неакадемическіе авторитеты меркнутъ и блѣднѣютъ передъ безпощаднымъ сомнѣніемъ. Г. Пекарскій извѣстенъ публикѣ, какъ сотрудникъ Современника, слѣдовательно всѣ эти вещи

онъ твердо знаетъ; повторяю, что слова «удостоено отъ академіи наукъ полной демидовской премии» помѣщены на оберткѣ съ самымъ добрымъ намѣреніемъ, единственно для того, чтобы порадовать публику хорошимъ извѣстіемъ. Эти слова ободряютъ меня, рецензента, приступающаго къ оцѣнкѣ книги; я разсуждаю такъ: если г. Пекарскій уже получилъ за свою работу значительное и почетное вознагражденіе, то, по всей вѣроятности, онъ не огорчится тѣми замѣчаніями, которыя мнѣ, можетъ быть, придется сдѣлать въ этой статьѣ. Г. Пекарскій уже знаетъ, что почтенное собраніе русскихъ ученыхъ уже увѣнчало его трудъ многоцѣнными лаврами. Что же значатъ послѣ такого рѣшительнаго торжества бѣглыя и поверхностныя замѣчанія скромнаго журналиста?

Зоилъ бранитъ—поэтъ не *ропщетъ*.

Сказалъ самъ г. Полонскій, заканчивая четвертую главу своего «Свѣжаго преданія»; а ужъ если г. Полонскій, которому въ послѣднее время дѣйствительно насолили зоилы, обѣщаетъ не роптать даже въ случаѣ брани, то тѣмъ болѣе есть надежда, что г. Пекарскій съ величественнымъ равнодушіемъ пропуститъ мимо ушей мои легкія замѣчанія.

Замѣчанія мои будутъ, дѣйствительно, очень легки и немногочисленны. Я замѣчу только, что книга г. Пекарскаго даетъ очень много фактовъ и очень мало выводовъ; если у меня спросятъ, что такое это замѣчаніе, похвала или порицаніе, то я скажу, что принять его въ ту или въ другую сторону совершенно зависитъ отъ г. Пекарскаго. Если бы такое сужденіе произнесъ надъ изслѣдованіемъ почтенный академикъ, тогда малѣйшее сомнѣніе сдѣлалось бы невозможнымъ. Обиліе фактовъ, нужныхъ или ненужныхъ, годныхъ или негодныхъ, на языкѣ цеховыхъ ученыхъ называется основательностью изслѣдованія, а отсутствіе выводовъ на томъ же языкѣ называется осторожностью и благоразуміемъ. Что же касается до меня, то я скажу прямо, что книга г. Пекарскаго при другой, болѣе живой обработкѣ, могла бы быть втрое короче и по крайней мѣрѣ вдвое занимательнѣе. Первый томъ состоитъ изъ пятнадцати главъ; вторая, третья, четвертая, пятая и седьмая представляютъ много интереснаго; затѣмъ, можно найдти нѣкоторыя характерныя подробности въ одиннадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой; все остальное сухо и безплодно; самый любознательный читатель, раскрывающій книгу съ добросовѣстнымъ же-

ганiемъ научиться чему нибудь дѣльному, долженъ будетъ употребить въ дѣло геройскiя усилiя, чтобы не оставить чтенiе на этихъ безнадежно скучныхъ мѣстахъ. Надо сказать правду, что весь героизмъ этихъ усилiй будетъ потраченъ даромъ, потому что тѣ немногiя и мелкiя крупицы, которыя можно вынести изъ утомительнаго чтенiя, рѣшительно не могутъ вознаградить читателя за потраченное время и и за испытанную скуку. Съ восьмой главы начинается библiографiя; г. Пекарскiй съ величайшею тщательностью описываетъ намъ внѣшнiй видъ разныхъ петровскихъ учебниковъ и приводитъ изъ этихъ душеспасительныхъ книгъ длиннѣйшiя цитаты; тутъ мы узнаемъ, напримѣръ, что первый букварь въ Москвѣ вышелъ въ 1634 году, «трудами и тщанiемъ Василья Өедорова Бурцева и прочихъ сработниковъ»; потомъ мы узнаемъ, что въ 1637 году напечатано второе изданiе этого букваря, потомъ въ 1664 году—еще букварь, потомъ въ томъ же году—букварь въ Кiевѣ, потомъ въ 1671 году—еще букварь Львовскаго братства, и такъ далѣе, исторiя о букваряхъ тянется на пятнадцать страницъ; затѣмъ начинается исторiя о грамматикахъ, потомъ объ ариөметикахъ, о календаряхъ, о географiяхъ; читая эти страницы можно подумать, что петровская Россiя вся сидѣла въ огромной классной комнатѣ, и что введенiе тѣхъ или другихъ учебныхъ руководствъ составляло самую живую, единственую, интересную сторону общественной и умственной жизни. Статистика букварей, стоившая, по всей вѣроятности, г. Пекарскому многихъ трудовъ, могла бы при извѣстныхъ условiяхъ привести къ кое-какимъ результатамъ. Напримѣръ, одинъ и тотъ же букварь Василiя Бурцова напечатанъ двумя изданiями въ теченiи трехъ лѣтъ. Если бы г. Пекарскiй могъ знать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ было напечатано первое изданiе, то узнавши, сколько букварей разошлось въ теченiи трѣхъ лѣтъ, онъ могъ бы приблизительно разсчитать, какъ великъ былъ запросъ на грамотность въ первой половинѣ XVII столѣтiя. Но вѣдь дѣлать такiе расчеты надо очень осторожно; вмѣстѣ съ букваремъ Бурцова могли быть и дѣйствительно были въ обращенiи другiе буквари, вышедшiе раньше, не въ Москвѣ, а хоть бы, напримѣръ, въ Вильнѣ; кромѣ того, во многихъ семействахъ дѣти могли учиться не по букварямъ, а просто по псалтири или по какой нибудь другой священной книжкѣ, какъ это дѣйствительно дѣлалось.

Наконецъ, г. Пекарскому даже неизвѣстно то количество экземпляровъ, въ которомъ печатались эти буквари; стало быть, даже ге-

лая цифра, опредѣляющая число учащихся грамотѣ, не можетъ быть выведена изъ библiографическаго перечня учебниковъ. Въ этомъ перечнѣ помѣщено довольно подробное описанiе каждаго отдѣльнаго букваря, каждой грамматики и ариѳметики. Характернаго въ этихъ описанiяхъ найдется очень немного. Слѣдующiй замысловатый панегирикъ розгѣ, бичу и жезлу представляетъ, быть можетъ, самое любопытное мѣсто въ этой монографiи о букваряхъ.

Розга умъ востритъ, память возбуждаетъ
　　и волю злую въ благу прелагаетъ:
Учитъ Господу Богу ея молити
　　и рано въ церковъ на службу ходити
Бичь возбраняетъ скверно глаголати
　　и дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивые къ дѣлу побуждаетъ,
　　рождшихъ слушати во всемъ научаетъ.

Какъ не игривъ этотъ педагогическiй мадригалъ, однако, надо сказать правду, даже въ немъ читатель находитъ мало характернаго; что въ школахъ сѣкли въ XVII столѣтiи—это всѣмъ извѣстно; что ученiе и мученiе въ то время были синонимами—это тоже не ново; мы все еще помнимъ, отчасти по собственному опыту, отчасти по свѣжимъ преданiямъ, которымъ вѣрится безъ малѣйшаго труда, что розга являлась естественнымъ посредникомъ и живою органическою связью между учителемъ и ученикомъ. Слѣдовательно, какая же это характерная черта для изображенiя русскаго воспитанiя въ XVII столѣтiи; даже воспѣванiе педагогическихъ орудiй въ стихахъ не составляетъ исключительной принадлежности нашей старины. Не дальше, какъ съ мѣсяцъ тому назадъ, въ Сѣверной Пчелѣ была напечатана замѣтка о стихотворенiи одного ксендза, который въ розгѣ, или, какъ онъ ее называетъ въ «*розочкѣ*» видитъ истинный и вѣрный путь къ добродѣтельной жизни и къ вѣчному блаженству. А Витгенштейнъ! А Юркевичъ съ его энергическими мотивами жизни! Нѣтъ, рѣшительно, тѣ черты эпохи, которыя г. Пекарскiй откапываетъ въ заброшенныхъ петровскихъ и до-петровскихъ азбукахъ, живымъ живутъ въ XIX столѣтiи; стало быть, или пора исторiи еще не настала для петровской эпохи, или надо искать историческихъ матерiаловъ не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г. Пекарскiй. Это второе предположенiе несомнѣнно вѣрно. Искать черты быта и народнаго характера въ книженкахъ, по кото-

рымъ учились грамотѣ и счету разные ребята и школьники—это такая идея, на которую можетъ напасть только отчаянный библіоманъ; думать, что значительная часть идей и стремленій, одушевлявшихъ во время оно живыхъ людей, можетъ прилипнуть къ школьнымъ руководствамъ, составлявшимся разными трудолюбивыми тупицами, — это, воля ваша, очень оригинально. Но вѣдь дѣло то въ томъ и есть, что большая часть нашихъ ученыхъ вовсе не задаетъ себѣ вопроса о конечной цѣли своихъ трудовъ. Одинъ пишетъ о какой нибудь черниговской гривнѣ, другой о томъ, какъ писалась буква *юсъ* въ рукописяхъ XIII вѣка, третій о значеніи слова *изгой* или еще что нибудь въ такомъ же правоучительномъ родѣ. Если бы вы спросили у этихъ добровольныхъ мучениковъ, къ чему же они стремятся, изъ чего они бьются, чѣмъ оправдываютъ и объясняютъ свою много-страдальческую и пребезполезную дѣятельность, знаете ли вы, что они отвѣтили бы вамъ на одинъ изъ подобныхъ вопросовъ? Самые задорные отвѣтили бы вамъ, что вы профанъ и невѣжда, что, если вы не признаете пользы и необходимости археологическихъ, филологическихъ, палеографическихъ и разныхъ другихъ розысканій, одаренныхъ очень звучными названіями, то съ вами и говорить не стоитъ о предметахъ, недоступныхъ вашему ограниченному пониманію. Другіе, болѣе смиренные на видъ, отвѣтятъ скромно, что они собираютъ матеріалы для будущаго зданія русской исторіи, что они, безвѣстные труженики, работаютъ для грядущихъ поколѣній, которыя будутъ пожинать плоды ихъ усилій. Этотъ приличный отвѣтъ въ сущности ничто иное, какъ довольно ловкая увертка, которая дѣйствительно обманываетъ многихъ довѣрчивыхъ слушателей и читателей. Представьте себѣ, что кто нибудь хочетъ построить каменный домъ и купилъ себѣ для этого землю, мѣсто; у этого N N. есть много знакомыхъ, сочувствующихъ его предпріятію и желающихъ, чтобы роскошное зданіе какъ можно скорѣе и успѣшнѣе было воздвигнуто на приготовленномъ мѣстѣ; и вотъ всѣ эти знакомые начинаютъ тащить на мѣсто предполагающейся постройки всякій хламъ, все, что имъ попадается подъ руку; одинъ волочетъ старую подошву, другой—разбитую стклянку, третій—мѣшокъ гнилаго картофеля, четвертый—растрепанный экземпляръ какого нибудь сочиненія Эккартсгаузена.—Что вы дѣлаете? спроситъ у этихъ людей посторонній и безпристрастный зритель.

— Да вотъ, батюшка, скажутъ ему усердные посильщики, собираемъ матеріалы для будущаго зданія.

Конечно, безпристрастный зритель захохочетъ.

— Помилуйте, скажетъ онъ, за что же вы разоряете хозяина? Вѣдь ему придется нанимать нѣсколько подводъ, чтобы вывести съ своего участка всю ту рухлядь, которую вы набросали. Развѣ вы не знаете, изъ чего строятся каменные дома? Развѣ вы не понимаете, что битое стекло и гнилой картофель ни при какихъ условіяхъ не превращаются ни въ кирпичь, ни въ камень, ни въ известку? Неужели у васъ и на это не хватаетъ мозгу и соображенія? Правду же говорилъ объ васъ Чернышевскій, что вы очень несообразительны.

Обидятся или не обидятся этими словами собиратели хлама—до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Смыслъ моей нехитрой басни, кажется, ясенъ. Дѣло все въ томъ, что собирать матеріалы безъ разбору, безъ критики, безъ смысла значитъ затруднять задачу будущаго зодчаго, будущаго таланта, который долженъ окинуть орлинымъ взоромъ всю вереницу прошедшихъ событій, увидать между ними дѣйствительную связь и набросать широкими штрихами великую картину, полную живаго смысла, блещущую яркими красками исторической правды. Что за облегченіе для будущаго историка, если вы перепечатаете ему въ своемъ изслѣдованіи половину изданныхъ въ Россіи букварей и часослововъ? Что за облегченіе, если вы ему представите въ хронологическомъ порядкѣ всѣ измѣненія, которыя въ теченіе вѣковъ испытала въ своемъ начертаніи буква *юсъ* или *кси*? Что за облегченіе, если вы пересчитаете, сколько разъ слово *прь* (паруса) встрѣчается въ лѣтописяхъ, или въ переводѣ Библіи? Если вы трудолюбивый изслѣдователь, и не признаете за собою способности созидать зданіе, т. е. ярко изображать или стройно группировать и сообщать факты, то по крайней мѣрѣ собирайте ихъ съ толкомъ, умѣйте различать, что камень, что дерево, а что просто навозъ. Вѣдь въ этомъ-то и состоитъ единственно возможное раздѣленіе труда въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія. Вѣдь нельзя же возводить въ драгоцѣнные историческіе матеріалы *пробы пера* какого нибудь человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ былъ величайшій геній нашей планеты и хоть бы онъ жилъ лѣтъ за тысячу до нашего времени. Пробы пера все-таки останутся пробами пера и вы изъ нихъ не выжмете ничего путнаго; бумага и пергаментъ не вино; они не становятся лучше и занимательнѣе отъ времени.

Зиждущій талантъ будущаго историка потратится на расчищеніе мѣста, если скромные изслѣдователи попрежнему будутъ усыпать его

архивною пылью. Дѣло изслѣдователей—обсудить, что годится, что негодится и потомъ представить въ своемъ изслѣдованіи совокупность всего годнаго; дѣло талантливаго историка—взять это годное, и изъ этихъ очищенныхъ матеріаловъ вылѣпить живыя фигуры и осмысленные барельефы; первый сортируетъ, отвѣеваетъ зерна отъ мякины, второй творитъ изъ даннаго матеріала. Что касается до нашихъ русскихъ ученыхъ, то большая часть изъ нихъ не годится ни въ историки, ни даже въ собиратели матеріаловъ. Сырье остается сырьемъ; характерные факты ставятся рядомъ съ самыми безцвѣтными; занимательныя подробности рядомъ съ такими обстоятельствами, которыя можно было бы забыть съ величайшимъ удобствомъ. Слабость мысли, раболѣпное уваженіе къ старинѣ потому только, что она старина; умиленіе надъ прошедшимъ, потому только, что оно прошло, безцѣльная погоня за мелкимъ фактомъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго историческаго смысла; безсознательная перепечатка рукописей и документовъ, потому только что онѣ написаны стариннымъ почеркомъ—вотъ какими свойствами и дѣйствіями отличается большая часть нашихъ тружениковъ. Смѣяться надъ такою наукою и надъ такими учеными можно именно изъ любви къ истинной, плодотворной и живой наукѣ. Этой сухой и дряхлой оффиціальной наукѣ, надъ которою, по моему мнѣнію, можетъ и долженъ смѣяться всякій живой и энергическій человѣкъ, этой самой наукѣ, прозябающей въ разныхъ умственныхъ оранжереяхъ, г. Пекарскій принесъ обильную дань въ своемъ изслѣдованіи. Сотрудникъ Современника, умѣющій иногда отзываться живыми статьями на запросы времени, перерылъ всѣ петровскіе буквари и учебники, описалъ ихъ заглавныя картинки, изучилъ ихъ шрифтъ, перепечаталъ изъ нихъ многое множество скучныхъ цитатъ, потомъ заключилъ всю эту неорганическую компиляцію подъ одну обертку и съ торжествомъ написалъ на этой оберткѣ: «удостоено отъ академіи наукъ полной демидовской преміи». Ну и слава Богу! Отдавая должную дань оффиціальной наукѣ, той наукѣ, которая гордо объявляетъ, что она сама себѣ цѣль, и что ей до общества и до жизни нѣтъ дѣла, г. Пекарскій доказалъ очень наглядцымъ примѣромъ, что порода ученыхъ переливателей изъ пустаго въ порожнее переведется у насъ очень не скоро, и что петровскій періодъ искусственнаго насажденія науки въ Россіи продолжается до нашихъ временъ и, можетъ быть, будетъ продолжаться еще для нашихъ дѣтей и внуковъ.

II.

Впрочемъ, Богъ съ ними, и съ оффиціальною наукою, и съ демидовскою преміею, и съ счастливымъ тріумфаторомъ, г. Пекарскимъ! Взглянемъ лучше на ту эпоху, которою занимался нашъ изслѣдователь; будемъ брать факты изъ его же книги, а разсуждать о нихъ будемъ по-своему, т. е. не такъ, какъ разсуждаютъ ученые, а такъ, какъ разсуждаютъ простые люди, не лишенные здраваго смысла.

Теперь, кажется, споръ между славянофилами и западниками о значеніи Петра въ исторіи нашего просвѣщенія, оставаясь нерѣшеннымъ, затихъ и заглохъ, потому что самыя литературныя партіи, красовавшіяся подъ этими двумя фирмами, успѣли выродиться и преобразиться. Теперь уже никто серьезно не совѣтуетъ возвратиться къ временамъ боярства, и, вслѣдствіе этого, уже никто серьезно не полемизируетъ съ боярскимъ элементомъ. Слышатся кое-гдѣ фразы о народности, о почвѣ; эпитетъ *русскій* ни къ селу, ни къ городу привязывается къ словамъ жизнь, мысль, умъ, развитіе; но тѣ господа, которые сочиняютъ подобныя фразы и употребляютъ всуе многознаменательный эпитетъ, сами какъ-то не вѣрятъ тому, что говорятъ, и на самомъ дѣлѣ придаютъ своимъ словамъ очень мало значенія. Фразы и вывѣски годъ отъ году теряютъ свою обаятельную прелесть; прежде достаточно было сказать «матушка Русь православная» или заговорить о народной подоплекѣ, или противопоставить «русскую цѣльность духа» европейскому раціонализму, для того чтобы прослыть не только патріотомъ, но даже опаснымъ человѣкомъ. Теперь уже не то. Теперь вы можете кричать на всѣхъ перекресткахъ, что вы прогрессистъ, либералъ, демократъ, и вамъ немногіе повѣрятъ на слова, и васъ немногіе будутъ слушать или читать, если подъ звучными вашими словами нѣтъ оригинальныхъ мыслей, если подъ вашими фразами не кроются глубоко продуманныя убѣжденія. Наши теперешнія литературныя партіи теперь не выкидываютъ яркихъ флаговъ, не тащатъ насильно читателей ни на востокъ, ни на западъ, не стараются прыгнуть ни въ XVI столѣтіе, ни въ XXII-ое; онѣ живутъ во времени и въ пространствѣ, онѣ слѣдятъ за жизнью и комментируютъ одни и тѣ же явленія, и смотрятъ на нихъ или по крайней мѣрѣ стараются смотрѣть на нихъ не съ китайской, не съ французской,

не съ англійской, а просто съ человѣческой, съ своей личной точки зрѣнія. Вотъ, говорятъ одни, это распоряженіе хорошо, потому что оно облегчаетъ судьбу такого–то сословія. Нѣтъ, возражаютъ другіе, такое–то распоряженіе не хорошо, потому что оно не достаточно облегчаетъ и обезпечиваетъ участь заинтересованнаго класса. Являются доказательства съ той и съ другой стороны. Доказательства эти берутся изъ живаго быта, изъ чистой дѣйствительности. Спорятъ большею частью о томъ, удобно или не удобно новое бытовое условіе, а не о томъ, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ оно прежнему историческому ходу развитія, и не о томъ, согласно ли оно съ выводами чистой умозрительной логики. Вѣра въ непогрѣшимость чистой логики и въ разумность исторіи оказывается подорванною; эту вѣру задавили настоятельныя потребности жизни; мы увидали, что жизнь наша устроена очень плохо, такъ плохо, что если бы нарочно выдумывать, то нельзя было бы изобрѣсти чего нибудь болѣе неудобнаго; между тѣмъ, мы видѣли и знали, что рѣшительно ни одинъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на устройство нашего быта, не дѣлалъ намъ умышленнаго зла; всякій хотѣлъ сдѣлать получше, всякій мудрилъ надъ жизнью, всякій вертѣлъ по–своему ея огромный калейдоскопъ, и отъ этого отдѣльные камешки и стеклышки складывались въ невѣроятно уродливыя фигуры, тѣснили другъ друга, безъ нужды сшибались и сталкивались между собою, то приходили въ хаотическое движеніе, то вдругъ останавливались и замирали въ самомъ неестественномъ положеніи. Всякій мудритель надъ жизнью, какъ болѣе или менѣе крупный Петръ Ивановичъ Бобчинскій, хотѣлъ заявить о себѣ почтеннѣйшей публикѣ и часто заявлялъ такою же оригинальною штукою, посредствомъ которой Эрострат вошелъ во всемірную исторію. Если перебрать жизнь и дѣйствія всѣхъ великихъ и большихъ историческихъ дѣятелей, то найдется очень немного такихъ людей, съ которыхъ можно было бы снять упрекъ въ мудреніи надъ жизнью. Въ этомъ мудреніи надъ жизнью и заключается темное пятно ихъ жизни и дѣятельности. Личная логика этихъ дѣятелей расходилась съ потребностями людей и времени; эти настоящія, законныя потребности заявляли свое существованіе сопротивленіемъ, иногда тупымъ и инертнымъ, какъ сопротивленіе нашихъ старовѣровъ, иногда дѣятельнымъ и блестящимъ, какъ сопротивленіе нидерландскихъ патріотовъ противъ распоряженій Филиппа II, желавшаго насильно ввести своихъ подданныхъ въ царство небесное. Тогда личная логика мудрителя, опираясь на его личную

волю и на его матеріальныя средства, вступала въ отчаянную борьбу съ естественными силами непонятной имъ жизни; борьба была болѣе или менѣе упорна, смотря по тому, на сколько была крупна личность дѣятеля, и на сколько были развиты силы сопротивленія и отпора. Въ концѣ концовъ непонятная и насильственно ломаемая жизнь всегда одерживала побѣду, уже потому, что она переживала своего противника; во всей всемірной исторіи мы не видимъ ни одного примѣра, чтобы личная воля одного человѣка, отрѣшенная отъ естественныхъ потребностей народа и эпохи, основала какое нибудь прочное государственное или соціальное зданіе, какое нибудь долговѣчное учрежденіе, какое нибудь живучее бытіе. Возьмите, напр. исторію всѣхъ монархій, составившихся завоеваніями одного человѣка; всѣ онѣ, начиная отъ монархіи Александра Македонскаго и кончая имперіею Наполеона I, не переживали своихъ основателей, и, насильственно сколоченныя изъ разнородныхъ кусковъ и верешковъ, мгновенно разлагались на свои составныя части. Припомните исторію отвлеченныхъ законодательныхъ теорій, которыя втискивались въ жизнь народа по волѣ отдѣльнаго лица; что дѣлалось съ этими теоріями? Ихъ выкидывалъ народъ изъ своей жизни, или онъ ихъ проглатывалъ и перерабатывалъ такъ, что голая теорія становилась неузнаваемою. Припомните далѣе исторію религіозныхъ преслѣдованій—этого грубѣйшаго проявленія личнаго произвола: вы увидите, что эти преслѣдованія не упрочили господства того культа, во имя котораго они воздвигались; Джордано Бруно, Савонаролла, Янъ Гуссъ не остановились передъ кострами, а за ними пошли тысячи людей, которые затоптали, заплевали эти костры и разметали по свѣту безобразныя головни и погасшіе угли. Всѣ эти примѣры однако вовсе не доказываютъ, что мудреніе надъ жизнью, производимое историческими дѣятелями по тѣмъ или другимъ побужденіямъ и соображеніямъ, остается безвреднымъ и не ведетъ за собою важныхъ послѣдствій. Дѣло только въ томъ, что послѣдствія никогда не бываютъ такія, какихъ желаетъ самъ дѣятель. Если бы Филиппъ II не ввелъ инквизицію въ Нидерланды, то, вѣроятно, Нидерланды долго не оторвались бы отъ испанскихъ владѣній; стало быть, Филиппъ II имѣлъ вліяніе на судьбу Нидерландовъ, только вліяніе это было очевидно не то, которое онъ желалъ имѣть; ему хотѣлось утвердить католицизмъ,—онъ ввелъ инквизицію и вдругъ это непогрѣшимое средство подѣйствовало совершенно на выворотъ: вмѣстѣ съ католицизмомъ оно опрокинуло въ Нидерландахъ господство

Испаніи; лишняя логика оказалась несостоятельною; историческая дѣйствительность перехитрила всѣ тонкіе расчеты Филиппа II.

Владѣя извѣстною матеріальною силою, задавшись извѣстною идеею, дѣятель вступаетъ въ борьбу съ тою или другою стороною современной ему жизни; эта борьба, конечно, измѣняетъ состояніе сопротивляющейся силы; всякое гоненіе измѣняетъ положеніе гонимаго класса народа или религіознаго общества; во время гоненія преслѣдуемыя идеи доводятся до своего послѣдняго, крайняго выраженія. Гоненіе пораждаетъ мучениковъ; мученичество вызываетъ сочувствіе; сочувствіе, закравшееся въ сердца цѣлыхъ тысячъ людей, выражается въ болѣе или менѣе сильномъ протестѣ противъ гонителей; словомъ, напоръ личной логики и личной воли вызываетъ реакцію, и дальнѣйшее историческое движеніе, дальнѣйшее направленіе жизни опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ, изъ которыхъ сила личной логики и воли всегда оказывается слабѣйшею.

Реформаторская попытка, предпринятая историческимъ дѣятелемъ, напрягаетъ такимъ образомъ силу тѣхъ началъ, которыя заключаются въ обработываемомъ матеріалѣ. Кромѣ того, эта же реформаторская попытка измѣняетъ самое расположеніе этихъ началъ; перепутывая и переламывая существующій порядокъ, нарушая заведенный ходъ обыденной жизни, борьба между личною логикою и народною волею измѣняетъ самыя условія жизни, но измѣняетъ ихъ обыкновенно не настолько и не такъ, насколько и какъ того желаетъ самъ дѣятель. Ревностный католикъ, германскій императоръ Фердинандъ II началъ тридцатилѣтнюю войну съ полнымъ желаніемъ искоренить или по крайней мѣрѣ стѣснить протестантизмъ, насколько это было возможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ въ виду войною упрочить преобладаніе своей династіи и неограниченное господство императора какъ въ Германіи вообще, такъ въ наслѣдственныхъ своихъ земляхъ въ особенности. Онъ хотѣлъ переломать по-своему весь строй общественныхъ отношеній и религіозныхъ понятій; на самомъ же дѣлѣ ему удалось только разрушить тотъ порядокъ вещей, который онъ засталъ при вступленіи своемъ на престолъ.

Протестантизмъ не погибъ, а абсолютизмъ германскаго императора не разросся и не окрѣпъ, но, во всякомъ случаѣ, Германія послѣ Вестфальскаго мира была уже не та, какою мы ее видѣли раньше битвы при Бѣлой горѣ: многіе вопросы жизни, едва поставленные въ началѣ тридцатилѣтней войны, успѣли опредѣлиться и подвинуться къ

своему разрѣшенію; территоріальныя отношенія перепутались; Швеція и Франція, благодаря военнымъ дѣйствіямъ, пріобрѣли небывалое до того времени вліяніе на дѣла Германіи; католики-Французы, сражаясь рядомъ съ Нѣмцами-протестантами, убѣдили Европу въ томъ, что религіозныя войны начинаютъ дѣлаться анахронизмомъ, и что умные государственные люди руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ чисто политическими расчетами. Всѣ эти послѣдствія тридцатилѣтней войны вовсе не были похожи на то, чего желалъ и ожидалъ императоръ Фердинандъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что крупный историческій дѣятель имѣлъ несомнѣнное вліяніе на развитіе событій, но что это вліяніе, переработанное силою обстоятельствъ, было вовсе не сознательное и вовсе не соотвѣтствовало ни его личнымъ соображеніямъ, ни его личнымъ желаніямъ. Крупная личность вовсе не управляетъ ходомъ событій; она сама, какъ ингредіентъ, входитъ въ процессъ исторической жизни; ея дѣйствія перерабатываются извѣстными условіями и обстоятельствами, образуютъ съ этими условіями и обстоятельствами разныя комбинаціи и компликаціи, вовсе не зависящія отъ ея личной воли. Алхимики хотѣли найдти философскій камень и жизненный элексиръ, а вмѣсто того обогатили естественныя науки разными открытіями, о которыхъ они и не думали. Колумбъ хотѣлъ проѣхать въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ новую часть свѣта, о которой онъ не имѣлъ понятія.

Область неизвѣстнаго, непредвидѣннаго и случайнаго еще такъ велика, мы еще такъ мало знаемъ и внѣшнюю природу, и самихъ себя, что даже въ частной жизни наши смѣлые замыслы и послѣдовательныя теоріи постоянно разбиваются въ прахъ то объ внѣшнія обстоятельства, то объ нашу собственную, психическую натуру. Кто изъ насъ не знаетъ, напримѣръ, что ревность—чепуха, что чувство свободно, что полюбить и разлюбить не отъ насъ зависитъ, и что женщина не виновата, если измѣняетъ вамъ и отдается другому? Кто изъ насъ не ратовалъ словомъ и перомъ за свободу женщины? А пусть случится этому бойцу испытать въ своей любви огорченіе, пусть его разлюбитъ женщина, къ которой онъ глубоко привязанъ! Что же выдетъ? Неужели вы думаете, что онъ утѣшитъ себя своими теоретическими доводами и успокоится въ своей безъукоризненно-гуманной философіи?

Нѣтъ, помилуйте! Этотъ непобѣдимый діалектикъ, этотъ вдохновенный философъ полѣзетъ на стѣны и надѣлаетъ такихъ глупостей,

на которыя, можетъ быть, не рѣшился бы самый дюжинный смертный. «Чужую бѣду я руками разведу, а къ своей бѣдѣ и ума не приложу», говоритъ русская пословица. Ну, вотъ видите ли, вѣдь историческіе дѣятели такіе же люди, какъ и мы; у нихъ такая же плоть и кровь, такой же разладъ между мозговыми выкладками и физическими ощущеніями, такое же несогласіе между мыслью и дѣломъ. Если сумма ихъ умственныхъ и нервныхъ силъ больше нашей, то за то и кругъ дѣйствій шире, и ошибки замѣтнѣе, и паденія опаснѣе. Если намъ трудно и даже невозможно расположить собственную жизнь по той программѣ, которую совершенно одобряетъ нашъ разумъ, то тѣмъ болѣе историческому дѣятелю, т. е. человѣку, стоящему на замѣтной ступенькѣ, совершенно невозможно сдѣлать такъ, чтобы нѣсколько тысячъ или милліоновъ людей завели бы между собою именно такія отношенія, какія онъ считаетъ разумными и нормальными. Физическій маятникъ ни при какихъ условіяхъ не будетъ двигаться совершенно такъ, какъ математическій; тяжесть, треніе, сопротивленіе воздуха, свойства металла введутъ въ движеніе физическаго маятника такія условія и ограниченія, какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ отвлеченной алгебраической формулѣ. Такъ точно бываетъ съ каждымъ теоретическимъ проектомъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы привести его въ дѣйствіе; то, что въ головѣ прожектера складно и послѣдовательно, то, что на бумагѣ ясно, легко и просто, то можетъ не пойдти въ ходъ отъ какого нибудь ничтожнаго столкновенія съ плотью и кровью жизни, то можетъ разстроиться отъ какого нибудь маленькаго, непредусмотрѣннаго обстоятельства. Кто же рѣшится утверждать, что онъ знаетъ жизнь, и что для него жизнь не представляетъ вереницы случайностей, сбивающихъ съ толку самаго тонкаго психолога, самаго опытнаго дипломата? Драгоцѣннѣйшій результатъ исторической жизни человѣчества, драгоцѣннѣйшій плодъ изученія этой жизни состоитъ, быть можетъ, именно въ томъ, что мы потеряли вѣру въ нашу личную логику, приложенную къ предъусматриванію или предъустроенію событій. Ты будь себѣ хоть семи пядей во лбу, думаемъ и говоримъ мы теперь, обращаясь къ историческимъ дѣятелямъ, а ты событій не создашь и даже не предскажешь. Въ древности вѣрили въ существованіе разныхъ Солоновъ и Ликурговъ; вѣрили, что законы каждаго государства составлены какимъ нибудь очень мудрымъ мудрецомъ, который сказалъ, что должно быть такъ и эдакъ, и которому всѣ граждане повѣрили на слово. Въ древности даже историческіе мудрецы,

оставившие намъ вполнѣ достовѣрныя сочиненія, воображали себѣ, что они могутъ основать идеальныя государства, и осчастливить человѣчество, заставивъ его жить въ предѣлахъ данной программы. Съ паденіемъ Греціи и Рима не погибла претензія умныхъ людей распоряжаться жизнью, мыслями и поступками своихъ ближнихъ; утописты, т. е. люди, изображавшие идеальный порядокъ вещей и пытавшіеся осуществить свои фантазіи на дѣлѣ, являлись во всевозможныхъ богословскихъ, философскихъ и экономическихъ школахъ; можетъ быть, они не перевелись и до сихъ поръ, но за то рядомъ съ ними явились и такіе люди, которые, не возражая противъ частностей ихъ проектовъ, говорятъ просто и рѣшительно: «Это построеніе чистаго разума, это теоретическое сооруженіе, слѣдовательно оно неприложимо къ жизни. Жизнь не терпитъ произвольныхъ ампутацій и механическихъ склеиваній; кто хочетъ коверкать на свой ладъ живую дѣйствительность, тотъ этимъ самымъ желаніемъ обнаруживаетъ полное непониманіе жизни и полную неспособность дѣйствовать на нее благотворно. Это заявленіе полнаго и рѣшительнаго недовѣрія къ непогрѣшимости личной логики составляетъ протестъ мужающаго человѣчества противъ опеки разныхъ геніевъ, мудрецовъ и великихъ людей. Безъ этого протеста обыкновеннымъ людямъ нельзя было бы жить на свѣтѣ; ихъ постоянно охраняли и предостерегали бы отъ увлеченій разные мудрецы; ихъ постоянно просвѣщали бы противъ ихъ воли разные геніи; имъ постоянно благодѣтельствовали бы, не спрашивая ихъ согласія, разные исполины филантропіи; а вѣдь непрошенныя предостереженія, просвѣщенія и благодѣянія, все равно что не въ пору гость, — хуже Татарина. Самое драгоцѣнное достояніе человѣка—его личная независимость; его свобода постоянно приносилась бы въ жертву разнымъ обширнымъ и возвышеннымъ цѣлямъ, созрѣвающимъ въ разныхъ великихъ и высокихъ головахъ; намъ, простымъ смертнымъ, пришлось бы отказаться отъ всякой самодѣятельности; за насъ думали, чувствовали и жили бы разные герои, мудрецы и геніи; можетъ быть, въ нашей жизни водворилось бы вслѣдствіе этого небывалое благочиніе; можетъ быть явилась бы невиданная и неслыханная гармонія, но во всякомъ случаѣ намъ, отдѣльнымъ атомамъ, букашкамъ и моськамъ было бы скучно и тяжело среди этого размѣреннаго, расчитаннаго, чиннаго и симметричнаго хозяйства жизни. Къ счастью или къ несчастью (смотря по вкусамъ читателя), стремленіе къ личной независимости съ каждымъ десятилѣтіемъ глубже и глубже проникаетъ въ

сознаніе людей; необходимость личной полноправности сознается шире, полнѣе и опредѣленнѣе; увеличивающееся сознаніе этой необходимости составляетъ даже главное основаніе того процесса, который называется въ исторіи развитіемъ или усовершенствованіемъ человѣчества. Чѣмъ развитѣе нація, тѣмъ полнѣе самостоятельность отдѣльной личности, и въ то же время тѣмъ безопаснѣе одна личность отъ посягательствъ другой. Пользоваться полною личною свободою и въ то же время не вредить другому и не нарушать его личной свободы—вотъ то положеніе, въ которое всевозможныя законодательства и общественныя учрежденія стараются поставить отдѣльную личность. Чѣмъ ближе подходятъ существующія общества людей къ этому желанному положенію, тѣмъ незначительнѣе становится вліяніе людей, склонныхъ мудрить надъ жизнью и ломать ее по своей прихоти или по своимъ болѣе или менѣе мудрымъ соображеніямъ. Въ цивилизованной націи, въ которой каждый отдѣльный гражданинъ считаетъ себя полноправнымъ лицомъ и знаетъ, гдѣ кончается свобода и гдѣ начинается нахальный произволъ, въ такой націи, говорю я, возможны или постепенныя измѣненія въ правахъ и идеяхъ, измѣненія, происходящія отъ смѣны поколѣній и отъ естественнаго движенія жизни, или крупные перевороты, соотвѣтствующіе той или другой неудовлетворенной потребности цѣлаго сословія, цѣлой массы людей. По идеѣ одного мыслителя, по волѣ одного генія, какъ бы ни былъ уменъ этотъ мыслитель, какъ бы ни былъ силенъ этотъ геній, не сдѣлается никакого ощутительнаго измѣненія ни въ жизни, ни въ понятіяхъ, ни въ стремленіяхъ. Когда мыслятъ, когда живутъ полною человѣческою жизнью цѣлыя тысячи или милліоны разумныхъ существъ, тогда, конечно, единичная мысль и единичная воля тонутъ и исчезаютъ въ общихъ проявленіяхъ великой народной мысли, великой народной воли. Когда существенный характеръ общества заключается не въ инерціи, а въ самодѣятельности, когда каждый устраиваетъ себѣ жизнь по-своему и составляетъ себѣ о ней свои болѣе или менѣе своеобразныя и самостоятельныя понятія, тогда ваши идеи, высказанныя публично или напечатанныя, принимаются не иначе, какъ послѣ многосторонней и строгой критической провѣрки. Въ обществѣ мыслящихъ людей самый краснорѣчивый ораторъ, самый вдохновенный мыслитель найдетъ себѣ мало слѣпо вѣрующихъ адептовъ. Выслушавъ такого оратора или мыслителя, каждый отдѣльный человѣкъ скажетъ про себя: ты, другъ любезный, очень уменъ, но это нисколько не отнимаетъ у меня воз-

можности и потребности взвѣшивать твои слова и разбирать, на сколько они дѣльны и справедливы. Словомъ, слѣпой фанатизмъ, увлекающій многоголовую толпу за тѣмъ человѣкомъ, который умышленно или нечаянно успѣлъ поразить ея воображеніе, возможенъ только при такомъ состояніи общества, которое уже миновалось для большей части образованныхъ европейскихъ націй или по крайней мѣрѣ для дѣйствительно образованныхъ слоевъ этихъ народовъ.

Если въ этихъ образованныхъ націяхъ трудно или невозможно увлечь за собою толпу, дѣйствуя только на ея воображеніе, то тѣмъ болѣе трудно или невозможно повести эту толпу за собою насильно. Въ Африкѣ, въ какой нибудь имперіи Негровъ-Ашантіевъ, властелинъ, имѣющій подъ своимъ начальствомъ преданное войско, можетъ, пожалуй, по своему благоусмотрѣнію, измѣнять у жителей моды, обычаи, образъ жизни; онъ можетъ насильно дать имъ новую религію, новые законы, новыя увеселенія. Не составивъ себѣ яснаго понятія о своихъ чисто-человѣческихъ правахъ, бѣдные Ашантіи покорятся, привыкнутъ, можетъ быть, къ новымъ искусственнымъ порядкамъ и даже можетъ быть согласятся быть въ рукахъ своего властелина послушными орудіями для дрессированія своихъ упорныхъ или непонятливыхъ соотечественниковъ. Въ образованномъ обществѣ, конечно, немыслима даже подобная попытка. Самый съумасшедшій изъ римскихъ Цезарей, какой нибудь Кай Калигула, Коммодъ или Геліогабалъ не пытался произвольно перестроить соціальныя отношенія, установленные обычаи, существующіе законы. Въ новѣйшее время, самое легкое посягательство отдѣльнаго лица на такія права, которыя общество привыкло считать своею неотъемлемою и законною собственностью, вело за собою самые рѣзкіе и рѣшительные перевороты. Достаточно назвать Карла I и Іакова II англійскихъ, Карла X и Людовика Филиппа французскихъ. Эти четыре имени напомнятъ читателю четыре многознаменательные историческіе эпизода. Изъ этихъ эпизодовъ такъ легко вывести нравоученіе басни, что я предоставлю этотъ трудъ другимъ, а самъ приступлю наконецъ къ личности и дѣятельности Петра.

III.

Когда западники спорили съ славянофилами о реформѣ Петра, тогда первые доказывали, что она была въ высшей степени полезна,

а вторые утверждали, что она извратила русскую жизнь и нанесла къ намъ цѣлыя груды иноземной лжи. Западники говорили, что съ реформы Петра начинается исторія Россіи, а что предъидущія столѣтія ничто иное, какъ печальное и мрачное введеніе; славянофилы божились напротивъ того, что съ Петра начинается вавилонское плѣненіе русской мысли, египетская работа, заданная намъ западомъ. Мнѣ кажется, нельзя согласиться ни съ западниками, ни съ славянофилами. Западниковъ можно было озадачить однимъ очень простымъ вопросомъ: въ чемъ же вы, господа, можно у нихъ спросить, видите проявленія исторической жизни въ Россіи послѣ Петра? Какое же существенное различіе между Россіею Алексѣя Михайловича и Россіею Екатерины I? Въ чемъ измѣнилась судьба народа? И какое дѣло народу до того, что въ Петербургѣ ученые Нѣмцы собираютъ монстры и раритеты, что приказы переименованы въ коллегіи, и что шведскій король разбитъ подъ Полтавою? Обращаясь къ славянофиламъ можно сказать: помилуйте, господа, о чемъ вы горюете? Если иноземная ложь дѣйствительно подавила нашу народную правду, то, значитъ, эта ложь, хоть и ложь, а все-таки была сильнѣе хваленой вашей правды? Если эта побѣда лжи надъ правдою есть явленіе временное, происходящее отъ временнаго ослабленія этой правды, тогда ждите ея усиленія и не вините Петра въ томъ, что онъ будто бы задавилъ это живое начало. Да и что за правда? Гдѣ она? Въ какой это прелюбезной чертѣ старо-русской жизни вы ее видите? Въ сбоярщинѣ, въ униженіи женщины, въ холопствѣ, въ батогахъ, въ постничествѣ и юродствѣ? Если это правда, то во всякомъ случаѣ, правда относительная. Иному она нравится, а иному и даромъ не нужна. Расходясь съ западниками и славянофилами, я въ то же время схожусь и съ тѣми, и съ другими на нѣкоторыхъ существенно-важныхъ пунктахъ. Съ западниками я раздѣляю ихъ стремленіе къ европейской жизни, съ славянофилами—ихъ отвращеніе противъ цивилизаторовъ à la Паньшинъ, или что то же самое, à la Петръ Великій. Европейская жизнь хороша, спору нѣтъ,—не хорошо только то, что мы до сихъ поръ созерцаемъ ее въ заманчивой, но отдаленной перспективѣ. Любя европейскую жизнь, мы не должны и не можемъ обольщаться тою блѣдною пародіею на европейскіе нравы, которая разъигрывается высшими слоями нашего общества со временъ Петра; мы должны помнить, что ничто не вредитъ истинному прогрессу такъ сильно, какъ сладенькій оптимизмъ, принимающій декораціи за живую дѣйствитель-

ность, удовлетворяющійся фразами и жестами, питающійся дешевыми надеждами и не рѣшающійся называть вещи ихъ настоящими именами. Постепенное очищеніе нашего сознанія отъ этого тупаго оптимизма составляетъ самую живую и интересную сторону въ развитіи нашихъ литературныхъ идей. Съ каждымъ десятилѣтіемъ мы начинаемъ смѣлѣе и безпощаднѣе относиться къ самимъ себѣ, къ тѣмъ проявленіямъ нашей жизни, которыя такъ недавно возбуждали въ насъ патріотическую гордость. Мы трезвѣемъ съ изумительною быстротою и перестаемъ бояться тѣхъ непріятныхъ ощущеній, которыя можетъ доставить намъ созерцаніе неподкрашенной дѣйствительности. Давно ли Полевой писалъ свою Парашу-Сибирячку?. давно ли Загоскинъ восхищалъ патріотическую публику произведеніями, вродѣ Юрія Милославскаго или Рославлева? Давно ли Пушкинъ взывалъ къ клеветникамъ Россіи, давно ли онъ пѣлъ Петру переслащенные панегирики, въ Полтавѣ и въ Мѣдномъ Всадникѣ? давно ли даже Гоголь, въ концѣ первой части Мертвыхъ Душъ сравнивалъ Россію съ могучею тройкою, отъ которой сторонятся народы, передъ которою чуть ли не съ благоговѣніемъ разступаются европейскія державы? Возьмите наконецъ Бѣлинскаго, этого неподкупнаго критика, этого трезваго мыслителя. Просмотрите его статью о Петрѣ, писанную въ 1841 году. Что это за восторги, что за восклицанія, что за риторическія фигуры вмѣсто тонкаго анализа и послѣдовательной аргументаціи! Надо сказать правду, въ послѣднее время наши умственныя и нравственныя требованія поднялись гораздо выше. Теперь даже г. Пекарскій, котораго по таланту, конечно, смѣшно и сравнивать съ Бѣлинскимъ, не обнаружитъ въ отношеніи къ Петру того ребячески—слѣпаго благоговѣнія, которое въ началѣ сороковыхъ годовъ одолѣло нашего знаменитаго критика. Созрѣли ли мы или не созрѣли, это такой вопросъ, котораго разрѣшеніе надо предоставить г. Е. Ламанскому или г. Погодину, но достовѣрно то, что мы почувствовали и начали сознавать нашу незрѣлость, мы стали строги и требовательны къ самимъ себѣ, мы вооружились противъ себя и противъ другихъ оружіемъ насмѣшки и презрѣнія, юморъ и желчь проникли насквозь нашу литературу и заразили собою самыхъ незлобивыхъ нашихъ поэтовъ—вотъ что хорошо, вотъ на что мы можемъ надѣяться, потому что, какъ говоритъ Базаровъ, кто сердится на свою болѣзнь, то онъ навѣрное побѣдитъ ее. И такъ, ты любимъ европеизмъ, но, именно изъ любви къ нему, стремимся къ настоящему европеизму и неудовлетворяемся остроумными затѣями Петра Алексѣевича.

Съ славянофилами мы сходимся, какъ я уже замѣтилъ, въ ихъ отвращенiи къ цивилизаторамъ, насильно благодѣтельствующимъ человѣчеству. Мы бы желали, чтобы народъ развивался самъ по себѣ, чтобы онъ собственнымъ ощущенiемъ сознавалъ свои потребности и собственнымъ умомъ прiискалъ средства для ихъ удовлетворенiя. Мы въ этомъ случаѣ не возстаемъ противъ подражательности, если только народъ собственнымъ процессомъ мысли доходитъ до сознанiя необходимости позаимствоваться у сосѣдей тѣмъ или другимъ изобрѣтенiемъ или учрежденiемъ. Мы не желаемъ только, чтобы надъ жизнью народа продѣлывали тѣ или другiе фокусы; если бы теперь въ Россiи жили два человѣка, изъ которыхъ одинъ захотѣлъ бы силою вводить заключенiе женщины въ терема, а другой вздумалъ бы силою же вводить гражданскiе браки, то меня прежде всего возмутило бы не направленiе той или другой реформы, а ея насильственность, т. е. способъ ея приведенiя въ жизнь. Но, придавая такимъ образомъ важное значенiе самостоятельному развитiю народной жизни и народной мысли, мы не желаемъ утѣшать себя звучнымъ паденiемъ словъ; мы не думаемъ, чтобы мыслящiй историкъ могъ въ исторiи московскаго государства до Петра подмѣтить какiе нибудь симптомы народной жизни, мы не думаемъ, чтобы онъ нашелъ что нибудь кромѣ жалкаго, подавленнаго прозябанiя. Мы не думаемъ, чтобы мыслящiй гражданинъ Россiи могъ смотрѣть на прошедшее своей родины безъ горести и безъ отвращенiя; намъ не на что оглядываться, намъ въ прошедшемъ гордиться нечѣмъ; мы молоды, какъ народъ, и, если счастье дастся намъ въ руки, такъ не иначе, какъ въ будущемъ, впереди, въ неизвѣстной, заманчивой, голубой дали. Слѣдовательно, славянофильское отрицанiе дѣйствiй Петра во имя до-петровскаго порядка вещей оказывается несостоятельнымъ, хотя это отрицанiе основано на очень законномъ и понятномъ отношенiи славянофиловъ къ тѣмъ бытовымъ формамъ, которыя выработались у насъ въ XVIII и въ половинѣ XIX вѣка. Сухой бюрократизмъ этихъ бытовыхъ формъ тяготѣлъ надъ ними свинцовою тяжестью, и они видѣли, что этотъ бюрократизмъ ведетъ свое происхожденiе изъ заморскаго запада и постоянно указываетъ на свою непосредственную связь съ дѣйствiями Петра. Недовольные настоящимъ, несправедливо негодуя противъ заморскаго запада, славянофилы обратились къ тому гонимому, отверженному прошедшему, которое наши оффицiальные историки отнесли подъ рубрику русскихъ древностей. Желая вычитать изъ лѣтописей привлекательныя черты этого умышленно забытаго про-

шедшаго, славянофилы успѣли это сдѣлать; въ каждой книгѣ, въ каждой рукописи всегда можно прочесть именно то, что желаешь, и такимъ образомъ, многіе изъ нашихъ патріотовъ по предвзятой идеѣ влюбились въ наше прошедшее, доказали себѣ, что оно хорошо, и зажмурили глаза, чтобы не видать его гнойныхъ ранъ и кровавыхъ болячекъ. Накидываясь на Петра за то, что онъ нарушилъ гармонію этого прошедшаго, славянофилы не сообразили того, что одинъ человѣкъ не можетъ измѣнить строй народной жизни, если эта жизнь дѣйствительно построена на крѣпкихъ и разумныхъ основахъ, сознанныхъ и любимыхъ самимъ народомъ. Если Петръ дѣйствительно опрокинулъ что нибудь, то онъ опрокинулъ только то, что было слабо и гнило, только то, что повалилось бы само собою.

Мы видимъ такимъ образомъ, что и славянофилы и западники преувеличиваютъ значеніе дѣятельности Петра; одни видятъ въ немъ исказителя народной жизни, другіе—какого-то Сампсона, разрушившаго стѣну, отдѣлявшую Россію отъ Европы. Метафорамъ съ той и съ другой стороны нѣтъ конца, потому что только метафорами можно до нѣкоторой степени закрасить нелѣпость того или другого положенія. Дѣятельность Петра вовсе не такъ плодотворна историческими послѣдствіями, какъ это кажется его восторженнымъ поклонникамъ и ожесточеннымъ врагамъ. Жизнь тѣхъ семидесяти милліоновъ, которые называются общимъ именемъ русскаго народа, вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ, если бы, напримѣръ, Шакловитому удалось убить молодаго Петра. Конечно, очень можетъ быть, что у насъ не было бы столицы на барегахъ Невы и, слѣдовательно, не было бы ни кунсткамеры съ раритетами, ни академіи наукъ, ни даже изслѣдованія г. Пекарскаго, удостоеннаго полной демидовской преміи. Все это очень возможно, но скажите по совѣсти, положа руку на сердце, какое дѣло русскому народу до всѣхъ этихъ общеполезныхъ учрежденій? Многіе ли изъ этихъ семидесяти милліоновъ знаютъ о ихъ существованіи? Вотъ манифестъ 19 февраля 1861 года—дѣло совсѣмъ другое; объ немъ черезъ полгода знала вся Россія, и мужики повеселѣли на всемъ протяженіи земли

Отъ хладныхъ Финскихъ скалъ
До пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая.

Этотъ манифестъ—историческое событіе, эпоха для жизни Россіи. Но кто же, кромѣ г. Устрялова, рѣшится считать эпохою закладку Петербурга или учежденіе академіи, или основаніе потѣшныхъ ротъ?

А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что многосторонняя, кипучая дѣятельность Петра представляетъ собою оригинальное и характерное явленіе. Эта дѣятельность важна и замѣчательна, какъ барометрическое указаніе; она доказываетъ намъ, какъ глубоко спалъ русскій народъ, какъ безсиленъ былъ противъ этого богатырскаго сна тотъ шумъ, который производилъ Петръ, и какъ непробудно продолжалъ спать этотъ народъ во время дѣятельности своего властелина и послѣ ея окончанія. Проснулся ли онъ теперь, просыпается ли, спитъ ли попрежнему — мы не знаемъ. Народъ съ нами не говоритъ, и мы его не понимаемъ. Вѣрно только одно: если онъ проснется, то проснется самъ по себѣ, по внутренней потребности; мы его не разбудимъ воплями и воззваніями, не разбудимъ любовью и ласками, какъ не разбудилъ Петръ Алексѣевичъ ни казнями стрѣльцовъ, ни изданіями голландской типографіи Тессинга.

Д. ПИСАРЕВЪ.

Руководство къ сравнительной статистикѣ *Г. Ф. Кольба*. Переведено и дополнено подъ редакціею А. Корсака. Изданіе Н. Тиблена. Томъ I. С.-Петербургъ, 1862.

I.

«Статистика, чтобы выполнить свое назначеніе, должна быть удобопонятна во всѣхъ своихъ частяхъ; она должна служить всѣмъ, кому нужно дѣлать по ней справки, и написана не для однихъ только ученыхъ».

Таково сужденіе извѣстнаго французскаго статистика Моро-де-Жоннеса.

Руководство къ сравнительной статистикѣ Кольба, по нашему мнѣнію, удовлетворяетъ своему назначенію: оно написано для «*общаго практическаго употребленія*». Авторъ не строитъ своей системы и

не излагаетъ теоріи статистики; предисловіе его занимаетъ всего пять страницъ. Кольбъ начинаетъ его такъ:

«Статистика явилась вслѣдствіе практическихъ требованій, а не теорій ученыхъ... Даже и теперь не установились окончательно ни понятія, ни значеніе и объемъ, ни цѣль и средства этой науки».

«Но между тѣмъ какъ въ теоріи о всѣхъ этихъ вопросахъ идутъ безпрерывные споры, и на согласіе между теоретиками можно расчитывать только въ отдаленной будущности, — каждый образованный человѣкъ нуждается въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, каждому толковому, дѣловому человѣку и даже вообще каждому мыслящему и разсуждающему читателю газетъ они сдѣлались необходимостью».

Кто рѣшится послѣ этого упрекать автора «Руководства» за то, что онъ отказывается строить свою умозрительную систему и не создаетъ теоріи? Эпиграфомъ книги Кольба служатъ слова Гёте: «Цифры не только управляютъ міромъ, но и показываютъ, какъ онъ управляется». Полагаясь на неотразимую силу логики и краснорѣчіе цифръ, Кольбъ избѣгаетъ пустословія. Въ этомъ отношеніи онъ вѣренъ принципу статистиковъ математической школы: Кетле, Дюфо, Моро-де-Жоннесу, Гильяру и др. Благодаря трудамъ этихъ ученыхъ, *цифра* сдѣлалась существеннымъ условіемъ всякаго статистическаго изслѣдованія и наука много выиграла въ точности и положительности. Статистика не ищетъ ложнаго блеска: ея скромная цѣль — принести обществу пользу своими изслѣдованіями и заложить прочное основаніе зданію экономической и общественной науки.

Въ историческомъ развитіи статистики мы замѣчаемъ, что цѣль и назначеніе ея постепенно расширялись. Первоначально она имѣла въ виду только тѣ свѣдѣнія, которыя казались необходимыми для правительствъ. Потомъ мало-по-малу она сдѣлалась наукою общественною и стала зорко слѣдить за всѣми явленіями государственной и народной жизни, изучая причины благоденствія или бѣдствій обществъ.

«Въ былыя времена народъ восклицалъ: «*Si le roi savait*»—если бы король зналъ! Теперь онъ знаетъ все: достаточно нѣсколькихъ цифръ, чтобы указать ему на злоупотребленія».

Какой же смыслъ могутъ имѣть теперь системы *a priori*?

Кажется, пора ихъ миновалась. Современная наука гонитъ ихъ. Статистика не терпитъ фантазій и безплодныхъ, произвольныхъ умозрѣній. Статистика не имѣетъ еще теорій — это и къ лучшему. «Время господства теорій доказываетъ только младенчество науки и

ея застой, что особенно замѣтно въ первомъ періодѣ развитія человѣческаго ума. Тогда, за недостаткомъ положительнаго знанія, на видимыя явленія смотрѣли какъ на факты совершенно случайные, подчиненные управленію какихъ-то сверхъестественныхъ силъ... Съ теченіемъ времени умъ человѣка постепенно отрѣшался отъ подобнаго заблужденія и сбрасывалъ съ себя ярмо теорій... Непосредственное наблюденіе явленій постепенно раскрывало ему тайну ихъ логической связи и вело къ открытію ихъ законовъ, давая человѣку власть надъ силами природы». (*Carey*. Principes de la science sociale, traduits de l'anglais par M. M. St. Germain Leduc et Aug. Planche. 1861. Tome I, p. 18.)

Таковъ раціональный ходъ развитія науки. Она постоянно боролась и борется съ произволомъ системъ и теорій, потому что въ основаніи ихъ всегда лежатъ гипотеза и абсолютизмъ. Мы знаемъ до какого жалкаго, почти безвыходнаго состоянія довели экономисты свою пресловутую науку, а все изъ честолюбиваго желанія строить теоріи, не провѣряя ихъ данными статистики и естественныхъ наукъ, и возводя отдѣльные факты въ какіе-то непреложные законы.

Дюфо справедливо замѣчаетъ:

«Вслѣдствіе того, что политическая экономія, наука тщеславная по своему характеру, слишкомъ пренебрегала пособіемъ статистики, она часто блуждала въ лабиринтѣ вздорныхъ и пустыхъ умозрѣній». (*Dufau*. Traité de Statistique, 1840, p. 41.)

Для доказательства своего основательнаго упрека экономистамъ за ихъ равнодушіе къ изученію статистики, Дюфо указываетъ на сужденіе о ней Ж.-Б. Сэя. Этотъ Ахиллесъ секты такъ называемыхъ экономистовъ докторально утверждалъ, что статистика, занимающаяся описаніемъ подробностей, обращаетъ на себя вниманіе только любопытныхъ, не удовлетворяя ученаго. По его мнѣнію законы политической экономіи отличаются непреложностью, между тѣмъ какъ выводы статистики всегда ошибочны и могутъ имѣть лишь мимолетное значеніе.

Странное дѣло, Ж.-Б. Сэй и его послѣдователи, кончая Жозефомъ Гарнье и Бодрильяромъ, постоянно старались внушать всѣмъ и каждому, что политическую экономію ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ статистикой. Право, можно подумать, что имъ стыдно стать въ ряды скромныхъ ученыхъ, которые, не прибѣгая къ

шарлатанству и доктринерству, усердно собираютъ факты и подвергаютъ ихъ научному анализу.

Чѣмъ объяснить, однакожъ, подобное отчужденіе,—скажемъ даже—пренебреженіе экономистовъ къ статистикѣ, безъ которой почти не мыслима соціальная экономія, какъ наука? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, своими нелѣпыми выходками противъ статистиковъ они думаютъ упрочить авторитетъ своего ученія и пріобрѣсти монополь общественной науки?

Вотъ сужденіе о статистикѣ нынѣшняго профессора политической экономіи во Французской коллегіи, г. Бодрильяра, преемника Мишеля Шевалье.

«Политическую экономію смѣшиваютъ иногда съ статистикою; но она пользуется ею какъ пособіемъ въ *своихъ* доказательствахъ. Политическая экономія, по своимъ основнымъ истинамъ, принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ народамъ, тогда какъ статистика относится только къ извѣстному времени и данному мѣсту. Статистика можетъ *только* выражать факты, *но сама по себѣ не способна отдавать въ нихъ отчета* (!!). Политическая экономія становится какъ бы философіею статистики: *она даетъ ей смыслъ* (?!) *и дѣлаетъ изъ нея выводы* (!!). (*H. Baudrillart*. Manuel d'Economie politiqne. 1857, p. 26.)

Итакъ, по мнѣнію ученаго экономиста, знаменитые статистики—Кетле, Легоа, Моро-де-Жоннесъ, Реденъ и др. могутъ *только* собирать факты и выражать ихъ цифрами. Когда же эти ученые осмѣливаются объяснять по-своему собранные факты и дѣлать изъ нихъ свои выводы, не ожидая разрѣшенія экономиста, то послѣдній, во имя науки, долженъ предупредить ихъ, что они *неспособны* разсуждать и философствовать. Короче, статистикъ не долженъ посягать на авторитетъ экономиста, а если угодно, обязанъ покорно слушать, что скажетъ и прикажетъ учитель. Magister dixit!

Вотъ до какой нелѣпой, фанатической нетерпимости можетъ дойдти экономистъ-доктринеръ, одурѣвшій отъ школьнаго угара!

Ложный взглядъ экономистовъ на значеніе статистики имѣлъ вредное вліяніе на развитіе политической экономіи. Со временъ Ж.-Б. Сэя, Мальтуса и Рикардо, самонадѣянные послѣдователи ихъ систематически, безжалостно извели и доконали экономическую науку. Въ настоящее время политическая экономія, какъ наука, не существуетъ—это фактъ, не признаваемый только одними экономистами.

Почему, однакожъ, статистика, наука положительная, основанная на фактахъ и цифрахъ, могла играть такую незавидную и жалкую роль въ глазахъ экономистовъ? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, пренебреженіе къ ней было отчасти основательно?

Дѣйствительно, нельзя скрыть того обстоятельства, что сами статистики неоднократно давали своимъ врагамъ благовидный поводъ издѣваться надъ необдуманными своими выводами и явными противорѣчіями. Скажемъ болѣе: недобросовѣстность и безцеремонность обращенія съ наблюдаемыми явленіями часто подрываютъ всякое довѣріе къ статистикѣ, какъ къ наукѣ точной. Бывали примѣры, что люди, искренно желавшіе заниматься ею, вскорѣ отворачивались отъ нея съ презрѣніемъ, полагая, что, по образцу нѣкоторыхъ финансовыхъ бюджетовъ, она подложно выражаетъ цифрами, что ей вздумается.

Наконецъ надо упомянуть еще о тѣхъ писателяхъ, которые не видятъ въ статистикѣ никакой науки, кромѣ сбора множества фактовъ, часто представляющихъ собою колоссальную ложь. Людеръ говоритъ, что статистика есть не только масса лжи и пустяковъ, но даже источникъ величайшихъ бѣдствій... Вредъ же ея доказывается безконечнымъ рядомъ грѣховъ, совершенныхъ статистиками...

«Такой взглядъ, справедливо замѣчаетъ г. А. Корсакъ, показываетъ только, какъ необходима научная основа для статистики и *правильный методъ* въ изслѣдованіяхъ и представленіяхъ...» (Кольба. Предисловіе г. Корсака, стр. XVII и XVIII).

Неточность наблюденій, неполнота анализа, недостатокъ или несовершенство метода, весьма понятное желаніе обобщать и синтезировать данныя—все это могло вовлечь статистиковъ въ противорѣчія съ принципами ихъ науки и уронить ея достоинство въ глазахъ тѣхъ, которые не имѣютъ ни времени, ни желанія сами изучать ея.

Мы не говоримъ уже объ односторонности взгляда, какой имѣли на статистику различные писатели. Каждому открыто широкое поле для наблюденій и каждый можетъ изучать ихъ съ какой угодно точки зрѣнія. Тамъ гдѣ одни только факты составляютъ весь авторитетъ— личному авторитету нѣтъ мѣста. Тамъ гдѣ на факты можно смотрѣть съ безчисленныхъ сторонъ—тамъ каждый можетъ строить свою систему, что и сводится на отсутствіе всякихъ системъ. Послѣ *Novum Organum* Бэкона и *критики чистаго разума* Канта ни въ философіи, ни въ наукѣ не можетъ быть системъ; царство ихъ миновалось безвозвратно.

Статистика, какъ наука точнаго наблюденія, изучаетъ факты и изслѣдуетъ ихъ отношенія. Для этой цѣли она нуждается прежде всего въ *методѣ*. Безъ метода нѣтъ науки, и статистика, на нашъ взглядъ, ничто иное, какъ методъ, посредствомъ котораго мы оцѣниваемъ значеніе и пользу чиселъ и помощью ихъ доходимъ до положительнаго значенія. Принципъ такого метода былъ найденъ еще Паскалемъ, который сказалъ, что числа тѣмъ полезнѣе и поучительнѣе, чѣмъ они значительнѣе и достовѣрнѣе.

Такимъ образомъ методъ статистики заключается въ томъ, чтобы собирать *возможно большее* число сходныхъ (аналогическихъ) и достовѣрныхъ фактовъ, выражать ихъ *числами*, опредѣлять *среднюю* величину этихъ чиселъ и смотрѣть на нее затѣмъ какъ на фактъ. Таковъ методъ, усвоенный статистиками математической школы Дюфо, Бильгромъ и другими послѣдователями знаменитаго Кетле, который признаетъ всякій выводъ законнымъ только въ томъ случаѣ, *если онъ строго повѣренъ посредствомъ сравненія среднихъ величинъ*.

Моро-де-Жоннесъ, безспорно оказавшій статистикѣ важныя услуги, отказываясь отъ этого метода, предложилъ свой такъ называемый имъ *методъ изложенія* (méthode d'éxposition). Онъ состоитъ въ томъ, что всѣ *числовыя данныя*, выражающія составные элементы какого нибудь предмета, записываются въ таблицахъ въ строгомъ порядкѣ. Что же касается до вывода *среднихъ* величинъ, то Моро-де-Жоннесъ совѣтуетъ избѣгать ихъ, на томъ основаніи, что онѣ приводятъ часто къ нелѣпымъ заключеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что средними величинами слѣдуетъ пользоваться съ крайнею осмотрительностью, въ особенности если можно подозрѣвать, что онѣ основаны на ограниченномъ числѣ сомнительныхъ и разнородныхъ данныхъ. Но развѣ это даетъ законный поводъ отвергать вовсе методъ вывода среднихъ? Развѣ можно ограничиться одними абсолютными числами? Не значитъ ли это заниматься ариѳметикой, а не статистикой?!

Опрометчивость своего метода Моро-де-Жоннесъ доказалъ множествомъ произвольныхъ выводовъ. Такъ, между прочимъ, онъ пришелъ къ такому зловѣщему выводу: «успѣхи общественнаго благосостоянія уменьшаютъ размноженіе людей, налагая болѣе тягостныя условія для ихъ существованія въ самомъ обществѣ». (*Moreau de Jonnès*, Eléments de Statistique, p. 336.) Тутъ же краснорѣчивый ученый, зажмуря глаза, начинаетъ пророчествовать о томъ, какъ велико будетъ населеніе Франціи въ 1980 и въ Англіи въ 1915 году!

Всѣ вообще явленія общественной жизни и экономическаго міра отличаются измѣнчивостью, непостоянствомъ и подвержены колебаніямъ. Самыя колебанія, то бóльшія, то меньшія, достигаютъ всегда извѣстныхъ предѣловъ *maximum'a* и *minimum'a*, т. е. крайностей. Найдти *среднюю* этихъ колебаній для каждаго порядка явленій, основываясь на возможно большемъ числѣ достовѣрныхъ данныхъ—такова задача статистики и соціальной экономіи. Эти двѣ науки имѣютъ своею цѣлью благосостояніе общества; принципъ благосостоянія — равновѣсіе отношеній. Но такъ какъ истина заключается въ крайностяхъ уклоненій, такъ какъ ни *maximum*, ни *minimum* не выражаютъ ее, то приходится искать принципа равновѣсія въ выводѣ *среднихъ* величинъ и смотрѣть на нихъ, какъ на выраженія самой справедливости. Отсюда вытекаетъ необходимость приложенія идеи справедливости къ политической экономіи и провѣрка послѣдней выводами статистики.

Обыкновенно говорили, замѣчаетъ Кольбъ, что статистика имѣетъ тѣсную связь съ двумя науками: съ *исторіей* и *политикой*. Но мы не понимаемъ, какъ до сихъ поръ можно было упускать изъ виду еще болѣе тѣсную связь статистики съ другой наукою—*политическою экономіей*. А между тѣмъ ясно, что наука о народномъ хозяйствѣ можетъ утвердиться на прочныхъ основаніяхъ, *только благодаря подтвержденнымъ статистикой фактамъ*».

Такимъ образомъ достовѣрность статистики и политической экономіи зависитъ отъ качества ихъ метода и наблюденій. Чѣмъ совершеннѣе методъ, чѣмъ обильнѣе количество точныхъ наблюденій и фактовъ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ выводы и тѣмъ болѣе принесутъ они пользы самому обществу.

Но если статистика не вполнѣ оправдала еще ожиданія общества, если она остается по сіе время лишь сборникомъ матеріаловъ безъ опредѣленныхъ результатовъ, то не одни представители ея въ этомъ виноваты. Прежде всего замѣтимъ, что развитіе статистическихъ изслѣдованій не зависитъ отъ доброй воли частнаго лица. Отъ него можно требовать только методическаго изслѣдованія данныхъ, ихъ анализа, сравненія, группировки, вывода среднихъ и отчасти объясненія причинъ. Самое же собираніе матеріаловъ, прямая отвѣтственность за ихъ достовѣрность возможны только для правительственныхъ мѣстъ и вообще оффиціальныхъ лицъ, которымъ ввѣрено управленіе и администрація. По своему назначенію и положенію среди общества они могутъ и должны постоянно заботиться объ открытіи и

изданіи возможно-большаго числа вѣрныхъ статистическихъ данныхъ: того требуетъ долгъ и интересы самаго общества. Но чтобы оффиціальныя цифры могли возбудить полное къ себѣ довѣріе, необходимы два условія: во-первыхъ, чтобы онѣ были составлены опытными и добросовѣстными людьми, а во-вторыхъ, чтобы, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, онѣ были обнародованы для гласнаго обсужденія.

Къ сожалѣнію, настоятельная потребность собиранія матеріаловъ по статистикѣ въ интересахъ науки и общества стала ощущаться въ весьма недавнее время. Хотя за границей и у насъ образовалась уже оффиціальная статистика и возникли особыя вѣдомства, которыя спеціально занимаются статистическими изслѣдованіями по опредѣленному плану, тѣмъ не менѣе подобныя предпріятія далеко не достигли желаемаго развитія. Даже во Франціи, Бельгіи и Англіи, гдѣ по статистикѣ собрана громада матеріаловъ и издано множество сочиненій, ощущается еще большой недостатокъ въ нѣкоторыхъ данныхъ, существенно необходимыхъ и крайне важныхъ для самаго общества. «Намъ показываютъ съ большими подробностями сколько ежегодно мы убиваемъ быковъ, коровъ, телятъ, барановъ и свиней: въ этомъ отношеніи у насъ поступаютъ совершенно основательно, говоритъ Гилльяръ. Но почему же, спрашиваетъ онъ, не даютъ намъ знать съ тою же точностью, сколько у насъ ежегодно умираетъ дѣтей, взрослыхъ и стариковъ? Пора уже понять, какой приноситъ намъ вредъ подобное умалчиваніе». Ach. Guillard, id. Introd.

Обращаясь къ нашему любезному отечеству, мы, къ прискорбію, встрѣчаемъ крайнюю бѣдность статистическихъ матеріаловъ по многимъ отдѣламъ, не смотря на труды нашихъ статистиковъ и ученыхъ обществъ.

«Статистика Россіи, говоритъ г. А. Корсакъ, представляетъ самыя шаткія данныя. Одни изъ ея фактовъ не опредѣлены пока даже приблизительно вѣрно, *другіе недоступны для науки*. Къ числу первыхъ можно отнести даже свѣдѣнія о пространствѣ и народонаселеніи. Данныя о территоріи составляются преимущественно по вычисленіямъ, основаніемъ для которыхъ служатъ почтовыя и подобныя имъ карты; результаты вычисленій такъ разнообразны, что уклоняются одинъ отъ другаго на десятки тысячъ кв. миль... Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не произведено до сихъ поръ даже генеральнаго межеванія, начатаго еще при Екатеринѣ. Что касается до народонаселенія, то для опредѣленія его у насъ производятся такъ называемыя «ревизіи»,

*

введенныя Петромъ I въ 1722 г.; но цѣль ихъ главнымъ образомъ финансовая: поэтому исчисляются преимущественно податныя сословія мужескаго пола; остальныя сословія и женскій полъ вносятся «только для счета» съ большими пропусками; притомъ въ нихъ указывается одно лишь приписное народонаселеніе, а не дѣйствительное,—отчего онѣ не могутъ дать приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ распредѣленіи жителей по мѣстностямъ. Наконецъ производятся онѣ не въ опредѣленные періоды времени, а по мѣрѣ надобности. Есть, правда, другой источникъ, который могъ бы служить повѣркою для ревизій,—это «метрическія книги»; но и онѣ ведутся духовенствомъ весьма неточно, особенно тамъ, гдѣ приходы обнимаютъ собою огромное пространство. Притомъ для каждаго вѣроисповѣданія эти книги имѣютъ особую форму, ведутся отдѣльными вѣдомствами и не имѣютъ никакой связи съ ревизіями (по эпархіямъ, а не по губерніямъ)».

Что же касается самаго способа собиранія у насъ достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, то вотъ что мы прочитали недавно въ № 105 Сѣверной Пчелы (20 апрѣля).

«Съ 1835 года являются у насъ особые губернскіе статистическіе комитеты, а съ ними зараждается и самая возможность отечественной статистики, какъ науки... Но не всякая возможность есть уже дѣйствительность,—и къ сожалѣнію это вполнѣ оправдалось на статистическихъ комитетахъ 1835 года. Составленные преимущественно изъ лицъ, обязанныхъ службою, комитеты, просуществовавши двадцать лѣтъ, создали явленіе нигдѣ болѣе не встрѣчающееся — явленіе *завѣдомо-ложной статистики*; администрація періодически заваливаема была цѣлыми горами статистическихъ таблицъ, но сама смотрѣла на эти таблицы, какъ на сочиненныя, слѣдовательно ложныя, слѣдовательно такія, которыми не могла руководствоваться добросовѣстно въ своихъ дѣйствіяхъ. Къ этому не замедлило примѣшаться и злоупотребленіе: къ несчастію нашлись такіе *безсовѣстные* чиновники, которые самое собираніе статистическихъ данныхъ умѣли обратить въ источникъ личныхъ доходовъ, и такимъ образомъ не только лгали оффиціально, но научили лгать оффиціально и народъ, угрожая за правдивыя показанія новыми налогами».

«*Руководство къ сравнительной статистикѣ*» Кольба, какъ мы уже упомянули, написано съ чисто практическою цѣлью. Представляя сжатый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно подробный очеркъ совре-

меннаго состоянія государствъ стараго и новаго свѣта, эта книга вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію и можетъ служить очень полезнымъ руководствомъ для каждаго. Надо надѣяться, что съ распространеніемъ подобныхъ книгъ логика цифръ войдетъ въ большое употребленіе и статистическія изслѣдованія станутъ наконецъ обращать на себя вниманіе не только ученыхъ, но и всѣхъ образованныхъ гражданъ общества.

Матеріалы сравнительной статистики Кольба расположены въ слѣдующемъ порядкѣ.

I. *Пространство и народонаселеніе вообще.*

II. *Государственные финансы.*

III. *Войска и флотъ.*

IV. *Общественныя, промышленныя и торговыя отношенія* вообще и въ частности.

V. *Заграничныя владѣнія* морскихъ державъ.

Первый томъ «Руководства» заключаетъ въ себѣ статистическій обзоръ пяти первостепенныхъ государствъ Европы — Великобританіи, Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи. Второй томъ представитъ описаніе прочихъ государствъ Европы и главнѣйшихъ частей Азіи и Америки.

Издатель перевода книги Кольба, г. Н. Тибленъ говоритъ: «Хотя отдѣлъ о Россіи и заключаетъ въ подлинникѣ много интересныхъ данныхъ, однако далеко не полонъ и даже не совсѣмъ вѣренъ. Вотъ почему онъ подвергся совершенной передѣлкѣ, которую принялъ на себя самъ переводчикъ г. А. Корсакъ. Онъ не только расширилъ рамки отдѣла о Россіи, внося новыя данныя, неизвѣстныя Кольбу, но и разработалъ ихъ притомъ научною критикою, — что и придаетъ имъ живой интересъ и современное значеніе.

Такъ какъ Кольбъ въ своей книгѣ обратилъ особенное вниманіе на самыя живыя стороны государственной жизни и подробно изобразилъ современное состояніе финансовъ, военныхъ и разныхъ общественныхъ отношеній, то мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя извлеченія изъ отдѣла о финансахъ Англіи, Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи.

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ.

(Простр. 5,767 кв. м. Населеніе 29,031,164 (1861).

Государственный бюджетъ утверждается парламентомъ (въ дѣйствительности только нижнею палатою) и всегда на одинъ годъ.

Бюджетъ ограничивается одними государственными расходами и притомъ только соединенныхъ королевствъ, безъ Индіи и прочихъ колоній. Каждое изъ этихъ владѣній имѣетъ своей собственный бюджетъ.

Точно также въ бюджетъ не включаются расходы графствъ (расходы провинціальные, окружные и общинные), такъ какъ издержки на содержаніе дорогъ, на призрѣніе бѣдныхъ, на полицію и пр. считаются мѣстными.

По бюджету $18^{60}/_{61}$ г. значилось:

Дохода — 60,700,000 ф. ст.

Расхода—70,100,000 » »

Дефицитъ покрылся главнымъ образомъ возвышеніемъ подати съ дохода (income-tax) и чрезвычайными налогами на чай и сахаръ.

Главную статью доходовъ составляли косвенные налоги (болѣе 85%).

Главныя статьи расходовъ:

Проценты государственнаго долга	30,560,000 ф. ст.	= 44,15%
Военныя силы	26,082,000 » »	= 37,61 »
Всѣ прочія потребности	7,825,000 » »	= 11,30 »
Издержки по взиманію доходовъ	4,740,000 » »	= 6,94 »

Если исключить издержки по взиманію доходовъ, какъ необходимое слѣдствіе прочихъ расходовъ, то государственный долгъ будетъ поглощать 47,44%, военныя силы—40,44%; для всѣхъ же прочихъ потребностей остается лишь не много болѣе 12%.

Причина относительной умѣренности расходовъ по внутреннему управленію заключается въ господствѣ *самоуправленія* (Self-Government). Графства и общины сами должны опредѣлять и покрывать свои расходы, равно какъ и управлять собою. Въ большихъ городахъ часто нѣтъ ни одного чиновника отъ правительства.

Государственный долгъ. Къ 31 марта 1858 вся сумма долга простиралась до 805,078,554 ф. ст. (свыше 5,150 милл. рублей).

«Не революція наша, говоритъ Маколей, положила основаніе на-

шему государственному долгу,—начало его было въ незапамятныя времена; революція ввела только обычай честно платить долги». Долгъ возникъ и умножался постоянно вслѣдствіе *одной* причины *войны*.

Вооруженныя силы. Численность войска въ $18^{60}/_{61}$ г. простиралась до 143,360 человѣкъ, безъ Индіи. Бюджетомъ $18^{60}/_{61}$ г. парламентъ назначилъ численность флота въ 85,000 чел.

«Въ 1859 году, говоритъ Горнъ, во время мира, бюджетъ англійской арміи и флота обошелся въ 650 милл. фр. ($162\frac{1}{2}$ м. р.).

ФРАНЦІЯ.

(Простр. 9,665 нѣм. кв. Населеніе (съ Савоей и Ниццей) около 37 милл.).

Бюджетъ всегда утверждается на одинъ годъ, *по одобренію* «законодательнаго корпуса» (которое впрочемъ ничего не значитъ).

По бюджету 1860 года значилось:[1]

Расхода — 1,824,957,778 фр.

Дохода — 1,825,854,379 »

Если исключить, замѣчаетъ Кольбъ, изъ государственныхъ доходовъ чисто *воображаемые* доходы кассы погашенія, затѣмъ доходы Алжиріи, пенсіонныя суммы, разные и чрезвычайные доходы, вошедшіе въ смѣту, то весь доходъ будетъ простираться только до $1,655\frac{1}{2}$ милл. фр.

Главная статья доходовъ это—*косвенные налоги*, которые притомъ чрезвычайно обременительны (въ особенности пошлина съ напитковъ).

Расходы. Если изъ общей суммы бюджета вычесть статьи, имѣющія значеніе лишь на бумагѣ, то для государственныхъ потребностей очистится сумма въ $1,499\frac{1}{2}$ милл., изъ которой идетъ на

государственный долгъ, вмѣстѣ съ дотаціями	602 м.	= 40,14%
на войска сухопутныя и флотъ	463 «	= 30,87 »
Оба эти непроизводительные расходы требуютъ въ мирное время.	1065 м.	= 71,01%

Между «дотаціями» (штатъ министерства финансовъ) первое мѣсто занимаетъ civil liste императора въ 25 милл. (liste civile Луи-Филиппа простирался всего до 12 милл.).

Общая сумма государственнаго долга—10,800 милл. фр.

(2,700 милл. р.). Долгъ увеличивался всегда вслѣдствіе войнъ. Одна крымская война, по показаніямъ министра финансовъ (мая 1859), обошлась Франціи почти въ 1,722 милл. фр. (430½ м. р.); изъ этой суммы 1,500 милл. получены *займами*. Уплата процентовъ этихъ займовъ дла крымской войны, вмѣстѣ съ ихъ погашеніемъ, ляжетъ на цѣлыя поколѣнія сжегоднымъ бременемъ въ 92½ милл.— сумма, которую можно считать равною *годовому* расходу 185,000 семействъ ремесленниковъ (по 500 фр. на каждое).

Вооруженныя силы. До начала итальянской войны дѣйствительная численность арміи (по оффиціальной статьѣ въ «Constitutionnel») простиралась до 568,000. Въ этой же газетѣ были данныя, по которымъ къ 1 іюня 1859 года число войскъ можно положить въ 672,400 чел.

Всѣ военныя силы считаются (на бумагѣ) въ 761,000. (Въ дѣйствительности, приблизительно, находится подъ ружьемъ до 450,000.)

Что касается до морскихъ силъ, то состояніе французскаго военнаго флота держится въ настоящее время, по возможности, въ тайнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣми усиліями стараются сравнить его съ англійскимъ флотомъ, даже дать перевѣсъ надъ послѣднимъ. Въ восточную войну на военныхъ корабляхъ находилось до 60,000 матросовъ.

Крѣпости. Ни одно государство въ мірѣ не имѣетъ столько крѣпостей, какъ Франція: ихъ считается 119—изъ нихъ 8 первоклассныхъ. Укрѣпленія Парижа стоили болѣе 200, а Шербурга— 170 милл.

АВСТРІЯ.

(Простр. 11,760 кв. м. Насел. 35,300,000)

Австрійскій бюджетъ никогда не публикуется; печатается только послѣдній годовой счетъ. У Кольба показанъ такой счетъ только за 1858 г. У Горна, въ его «Annuaire international du crédit public» находятся, кромѣ годовыхъ счетовъ за 1858 и 1859 годы (contes définitifs), еще какія-то особенныя дополнительныя къ нимъ смѣты (*des prévisions* budgetaires), которыя утверждены въ 1860 и 1861 гг. государственнымъ совѣтомъ. Указывая на нихъ, Горнъ говоритъ: «болѣе всего давитъ теперь Австрію ея финансовая нищета; одна

только радикальная политическая реформа можетъ спасти ее отъ угрожающаго ей банкротства».

Бюджетъ Австріи за 1861 г. слѣдующій:

Доходъ — 299,554,300 флор.

Расходъ— 339,617,900 »

Какъ въ Англіи и Франціи, точно такъ и въ Австріи поразительно ограниченъ доходъ съ государственныхъ имуществъ (доменовъ); онъ составляетъ всего 1,74% всѣхъ доходовъ. Много госуд. имущества было растрачено прежде; еще болѣе продано въ критическіе моменты послѣдняго времени.

Главныя статьи дохода:

Государственный долгъ (проценты)	—113	милл.	фл.	= 33%
Войска и флотъ.	106	»	»	= 31
Итогъ . .	219	»	»	= 64

Дефицитъ. Еще до революціи 1848 года (слѣдовательно вовсе не вслѣдствіе ея, говоритъ Кольбъ, австрійской казнѣ приходилось постоянно бороться съ дефицитами. Финансовые результаты держались въ то время въ строгой тайнѣ, что, правда, нисколько не мѣшало извѣстности затруднительнаго положенія. Съ 1844 года уже дефицитъ былъ *постоянный*; съ 1848 по 1858, въ теченіи 11 л., недочетъ оказался въ 1,181,303,500 фл., т. е. свыше 760 милл. р. Дефицитъ 1859 можно положить едва ли меньше 200—300 милл.

Государственный долгъ Австріи Кольбъ полагаетъ не менѣе 2,700 милл. флор. (1,700 милл. р.). Австрія не имѣетъ никакихъ фондовъ для погашенія этого долга (Горнъ).

Вооруженныя силы Австріи съ точностью вычислить довольно трудно. Хотя по штатамъ мирнаго времени и полагается имѣть на лицо до 280 тысячъ, но числительность войска всегда превышала эту цифру, такъ какъ австрійская имперія постоянно находится на военномъ положеніи. Можно почти навѣрное сказать, что въ настоящее время въ ней находится подъ ружьемъ не менѣе 350 тысячъ. Въ началѣ 1859, до итальянской войны, она имѣла 362,788 чел. (Кольбъ).

Военный флотъ Австріи не имѣетъ въ дѣйствительности никакого значенія.

Крѣпости. Въ Австріи 32 крѣпости, въ томъ числѣ 6 первоклассныхъ.

ПРУССІЯ.

(Пространство 5,103 кв. мил. Населеніе 17,740,000).

Смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ Пруссіи Кольбъ представилъ только за 1859 годъ.

У Горна мы находимъ бюджетъ на 1861 годъ; въ немъ показаны слѣдующія цифры:

Доходъ. . . .	135,783,544	талер.
Расходъ. . . .	140,208,544	»

Дефицитъ произошелъ вслѣдствіе чрезвычайныхъ издержекъ на армію и флотъ и увеличенія окладовъ жалованья чиновникамъ. Въ настоящее время число ихъ простирается свыше 50,000; расходы на ихъ содержаніе (не включая сюда пенсіи) по умѣренному вычисленію Редена, доходятъ до $21\frac{1}{2}$ милл.

Расходы:

Государственный долгъ. .	15,547,700	тал.	= 11%.
Сухопутныя и морскія силы	43,305,889	»	= 30.

Государственный долгъ. Къ 1 января 1859 года процентный долгъ составлялъ 234,799,134 тал. Затѣмъ въ 1859 году прибавился военный заемъ въ 30 мил. Кромѣ того сеймъ согласился на заемъ въ 10,900,000 тал. для желѣзныхъ дорогъ. Исторія этого послѣдняго займа, говоритъ Кольбъ, намъ неизвѣстна, почему мы и не станемъ принимать его въ расчетъ. Такимъ образомъ оказывается всего долга (процентнаго и безпроцентнаго) 283,545,609 тал. (263,697,417 р.)

Армія. Извѣстно, что въ Пруссіи предположено измѣнить отчасти прежнюю военную систему усиленіемъ линейныхъ войскъ и уменьшеніемъ ландвера. Посредствомъ новой организаціи желаютъ удвоить число батальоновъ гвардейской и линейной пѣхоты, такъ какъ число ихъ незначительно, и соединенные резервные батальоны уничтожить. (Ландверъ перваго призыва превращается въ линейный резервъ и, въ случаѣ нужды, присоединяется къ этимъ войскамъ; старый ландверъ предназначается только для обороны страны).

По вычисленію, общая сила линейныхъ войскъ вмѣстѣ съ гвардіей составитъ 265,000.

Военный флотъ Пруссіи пока весьма незначителенъ (55 судовъ,

3,000 матросовъ); онъ составляетъ предметъ особенныхъ заботъ настоящаго короля.

Крѣпостей въ Пруссіи 28 (много первокласныхъ).

РОССІЯ.

По сіе время въ Россіи не имѣется еще положительныхъ свѣдѣній ни о пространствѣ ея, ни о народонаселеніи. Однако по приблизительнымъ вычисленіямъ, показаннымъ у г. А. Корсака, значится:

	Пространство.
Европейская Россія. . . .	92,977,15 кв. мил.
Великое княжество Финляндія.	6,835,2 » »
Царство Польское	2,313 » »
Закавказье	5,285,37 » »
Сибирь (западная и восточная)	260,441,5 » »
Американскія владѣнія . . .	24,298,6 » »
Вообще русскія владѣнія.	392,150,82 » »

Такимъ образомъ пространство россійской имперіи полагается въ 392,000 кв. миль. Само собою разумѣется, замѣчаетъ г. А. Корсакъ, что сюда входятъ и такія владѣнія, которыя только номинально считаются принадлежащими ей. Что же касается до цифры населенія, то, сравнивъ ревизскія о немъ свѣдѣнія съ показаніями центральнаго статистическаго комитета, г. А. Корсакъ пришелъ къ тому заключенію, что число жителей Россіи слѣдуетъ принять только въ 72 милліона, не болѣе,

Изъ этихъ 72 милліоновъ приходится:

На Польшу.	4,790,000
» Финляндію	1,636,000
Итогъ .	6,426,000
» Европейскую Россію. .	58,500,000
» Сибирь	4,000,000
» Закавказье. . . .	3,000,000
Всего (кругл. числ.)	72,000,000

Общественный составъ народонаселенія. Въ европейскихъ губерніяхъ Россіи, изъ числа 58 милл, жителей обоего пола, по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета за 1858 годъ, считалось мужескаго пола:

Дворянъ и чиновниковъ. . .	445,411
Духовенства	290,143
Почетныхъ гражданъ и купцовъ	215,225
Мѣщанъ, цеховыхъ и прочихъ городскихъ сословій . . .	1,873,859
Колонистовъ.	229,542
Инородцевъ	114,566
Иностранныхъ подданныхъ . .	35,499
Свободныхъ лицъ прочихъ разрядовъ.	274,548
Итогъ свободныхъ сословій	3,478,793
Крѣпостныхъ крестьянъ разнаго рода . .	11,046,164.
Лицъ, принадлежащихъ государству и разнымъ вѣдомствамъ или отправляющихъ обязательныя работы	14,827,139.
Итогъ несвободныхъ и полусвободныхъ сословій.	25,873,303.
Итогъ мужескаго насел. Европ. Рос.	29,352,096.

Такимъ образомъ несвободныя и полусвободныя сословія составляютъ болѣе 87% всего мужескаго народонаселенія Россіи. Лицъ, принадлежащихъ прямо или посредственно къ военному сословію, считается 2,785,500 человѣкъ, или около $9\frac{1}{2}$% всего мужескаго народонаселенія; дворяне и чиновники (къ которымъ относится большая часть дворянъ) составляютъ $1\frac{1}{2}$%; духовенство около 1%; между тѣмъ торговое сословіе (купцы и почетные граждане) меньше $\frac{3}{4}$%; мѣщанъ и цеховыхъ около $6\frac{1}{3}$%.

Какъ ни неточны представленныя цифры, но онѣ ясно указываютъ общественный составъ народонаселенія.

Финансы. По табели доходовъ и расходовъ государственнаго казначейства на 1862 годъ, обнародованной министерствомъ финансовъ, показано:

Прихода . . 310,619,739 р.
Расхода . . 310,619,739 »

Слѣдовательно равновѣсіе изумительное—точное до послѣдней копейки.

Но если общая сумма прихода показана въ 310,619,739 рублей, то въ этомъ числѣ 14,757,899 р. $72\frac{3}{4}$ к. взяты изъ «чрезвы-

чайныхъ суммъ», поступившихъ по послѣднему $4^1/_2$% займу; слѣдовательно доходъ слѣдуетъ считать только въ 295,861,879 р. $27^1/_4$ к., что и значится въ самой табели.

Одинъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ Россіи—это *питейные сборы.*

По табели доходовъ на 1862 годъ показано пошлинъ: питейныхъ, откупныхъ, акцизныхъ, чарочныхъ и пр. 123,022,580 р. 73 к.; пошлинъ со свидѣтельствъ на шинки въ привилегированныхъ губерніяхъ—1,272,000,—всего до 125 мил. р. (круглымъ числомъ).

«Въ 1859 году, говоритъ г. Корсакъ, казна получила всѣхъ питейныхъ сборовъ 129,760,000 и почти столько же въ 1860 г.».

Съ будущаго года, какъ извѣстно, вводится акцизная система; продажа вина будетъ вольная, съ уплатою только патентнаго сбора.

При откупной системѣ, когда казна перепродавала купленный ею спиртъ откупщикамъ, издержки ея относились къ доходу, получаемому отъ откуповъ, какъ 1: 8 (г. А. Корсакъ). Поэтому видно, что если казна захочетъ получать при новой акцизной системѣ тѣ же доходы, какіе получала при откупной, то ей придется наложить большой акцизъ, что неизбѣжно поведетъ къ развитію корчемства.

Главныя статьи расхода (по табели).

1) На платежи по внутреннимъ и внѣшнимъ долгамъ	54,296,187	р. 91	к.
2) По военному министерству . . .	106,575,892	» $39^1/_2$	»
» морскому »	20,579,830	» $74^1/_4$	»
Такимъ образомъ расходы по двумъ министерствамъ составляютъ въ итогѣ.	127,165,623	» $13^3/_4$	»

Къ этому итогу слѣдуетъ прибавить еще слѣдующіе расходы:

По эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства.	1,527,730	р. 19	»
» главному управленію военно-учебныхъ заведеній.	3,535,959	» $7^1/_4$	»
На пенсіи военнымъ чинамъ и ихъ семействамъ, изъ 13 мил. по крайней мѣрѣ.	7,000,000	»	
На приготовленіе снарядовъ и за мѣдь для военнаго и морскаго министерствъ.	3,710,624	» $48^1/_4$	»
Итогъ военныхъ расходовъ . .	142,939,936	» $88^1/_4$	к.

Итакъ на военныя расходы по вышеприведенному расчету приходится сумма почти въ 143 милліона. Но это еще не все: къ этой суммѣ надо причислить значительную долю показанныхъ въ росписи арендныхъ выдачъ и строительныхъ расходовъ (аренды военнымъ чинамъ, расходы по крѣпостямъ, казармамъ и пр.), часть помильной платы обществамъ пароходства (по морскому министерству)... Соображая все это, слѣдуетъ полагать, что общая сумма всѣхъ расходовъ государственнаго казначейства на военныя потребности простирается до 147 мил. или болѣе. При этомъ умѣренномъ вычисленіи мы вовсе не принимали въ расчетъ процентовъ съ разнаго рода непроизводительныхъ цѣнностей, находящихся въ распоряженіи военнаго и морскаго министерствъ (отведенныя земли и пр.).

Такимъ образомъ изъ общей суммы государственныхъ расходовъ на уплату долговъ идетъ 17%, а на военныя издержки—болѣе 47%.

Общую сумму *государственнаго долга* г. Корсакъ считаетъ свыше 1,500 милліоновъ рублей.

Не смотря на значительныя сокращенія, числительность войскъ въ настоящее время простирается до 800,000 челов.

Что касается до флота, то къ 1 мая 1860 года считалось по спискамъ 216 пароходовъ и 529 парусныхъ судовъ; въ томъ числѣ:

Паровыхъ кораблей 9, *парусныхъ* кораблей 12.
» фрегатовъ 11, » фрегатовъ 9.

Кромѣ того строятся 13 паровыхъ судовъ, преимущественно въ балтійскомъ флотѣ.

Во всѣхъ командахъ морскаго вѣдомства, послѣ разныхъ сокращеній, въ 1860 году считалось не по спискамъ, а налицо, собственно *для службы* на судахъ, до 26,000 матросовъ (А. Корсакъ). Для болѣе точныхъ справокъ относительно числительности вооруженныхъ силъ какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ европейскихъ государствахъ, мы предлагаемъ обратиться къ журналу Военный Сборникъ, гдѣ съ мая прошлаго года печатались по этому предмету замѣчательныя изслѣдованія г. Лаврентьева, подъ названіемъ «Вооруженныя силы европейскихъ государствъ».

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ представить сравнительныя таблицы оффиціальнаго состоянія финансовъ пяти первоклассныхъ державъ и числительность войскъ, которыя онѣ содержатъ въ мирное время.

Для облегченія сравнительной оцѣнки, мы переложили иностран-

ную монету на нашъ рубль, принимая 1 ф. стерл.=6 р. 40 к., или 1 р.=37½ пенсамъ, 1 фр.=25 к., 1 флоринъ=63 к. и 1 тал.= 93 коп.

Государства:	Годовой доходъ.	Годовой расходъ.	Проценты государственнаго долга.	% долга изъ общей смѣты расходовъ.	Сумма государственнаго долга.
		(р у б	л и)		милліон.
Великобританія.	388,480,000	448,640,000	195,584,000	44,15	5,150
Франція. . . .	413,875,000	374,875,000	150,500,000	40,14	2,700
Австрія. . . .	188,719,209	213,956,277	71,000,000	33,1	1,700
Пруссія. . . .	126,278,696	130,393,946	14,459,341	11.	263½
Россія.	310,619,730	310,619,739	54,296,188	17.	1,500

Государства.	Армія и флотъ.	Расходы по бюджету. (рубли).	% изъ бюджета расходовъ.
Великобританія. .	228,000	166,920,800	37,61
Франція.	500,000	115,750,000	30,87
Австрія.	360,000	66,700,000	31
Пруссія.	265,000	40,274,748	30
Россія.	825,000	147,000,000	47

Н. СОКОЛОВЪ.

Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира. Переводъ съ англійскаго Ѳ. Н. Устрялова. С.-Петербугъ. 1862.

Ни одинъ писатель не былъ предметомъ такого вниманія со стороны переводчиковъ, какъ Шекспиръ; но едва ли кого такъ странно маскировали въ чужіе костюмы, какъ знаменитаго британскаго поэта.

Его передѣлывали у каждаго народа по своему, его исправляли, коментировали, о немъ писали огромные критическіе трактаты, его называли грязнымъ гаеромъ и въ то же время ставили его бюсты во всѣхъ театрахъ и античныхъ галлереяхъ, наконецъ его столько разъ переводили, что изъ однихъ переводовъ можно составить цѣлую библіотеку. И за всѣмъ тѣмъ, чтобы понимать Шекспира, надо читать его въ оригиналахъ, чтобы насладиться имъ на сценѣ, надо видѣть его въ Англіи, чтобы воспитать по немъ художественное чувство, надо изучать не мертвые его образы, а самую жизнь, которая произвела его, наконецъ, чтобы считать его истинно-великимъ поэтомъ, надо выбросить изъ него по крайней мѣрѣ половину того, что потеряло для нашего времени всякое внутреннее достоинство...

Въ нашей литературѣ Шекспиръ имѣетъ свою генерацію переводчиковъ отъ Карамзина и до г. Росковшенко включительно. Повидимому, ни одинъ языкъ не можетъ передать такъ сильно и точно шекспировскій стихъ, какъ Русскій, но едва ли гдѣ искажали его такъ, какъ у насъ. По большей части за него брались люди, гораздо меньше имѣвшіе сходства съ талантомъ Шекспира, чѣмъ московская саламата съ лондонскимъ пуддингомъ. А между переводимымъ поэтомъ и переводчикомъ должны быть умственныя и нравственныя симпатіи, которыя въ этомъ случаѣ составляютъ главное условіе для успѣха дѣла. Но посмотримъ, какъ выполнилъ г. Устряловъ свое предпріятіе.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить достоинства и недостатки какого нибудь перевода. Всякое оригинальное произведеніе отвѣчаетъ само за себя. Но переводъ имѣетъ столько разныхъ отвѣтственностей, долженъ удовлетворять столькимъ, часто противоположнымъ условіямъ, что при разборѣ его поневолѣ спросишь себя: да можно ли все это требовать отъ одного лица?

Во-первыхъ, мы хотимъ, чтобы переводъ выражалъ оригиналъ въ томъ самомъ видѣ, какъ этотъ оригиналъ представляется людямъ, для которыхъ написанъ. Безъ этого условія никакой переводъ не будетъ имѣть ни достоинства, ни смысла. А между тѣмъ разсмотрите внимательнѣе это, повидимому, простое условіе и сейчасъ тысячи противорѣчій и трудностей представятся вамъ.

Въ свойствахъ каждаго народа и языка лежатъ особенности, которыя никогда не будутъ понятны другому народу. Особенности эти составляютъ главный колоритъ и тонъ созданія. Очень часто они со-

ставляютъ единственное достоинство оригинала. Какимъ бразомъ опредѣлить теперь обязанность переводчика?

Если онъ передаетъ намъ подстрочный переводъ произведенія, чтобъ ознакомить съ буквальнымъ значеніемъ каждаго слова и оборотовъ рѣчи, то переводъ будетъ почти непонятенъ для насъ, хотя и сохранитъ точный фотографическій снимокъ съ оригинала. Если же переводчикъ захочетъ поставить свою копію въ такое же отношеніе къ намъ, въ какомъ находится оригиналъ къ своему языку и народу, то переводъ сохранитъ только одну мысль созданія, утративъ всѣ свои національныя особенности, и тогда уже будетъ скорѣе оригинальнымъ произведеніемъ, чѣмъ переводомъ.

Болѣе или менѣе удачное соглашеніе этихъ крайнихъ противоположностей даютъ мѣру для оцѣнки перевода, но оцѣнки только приблизительной.

Главнѣйшее послѣ того требованіе состоитъ въ вѣрности перевода. Но опять: чѣмъ опредѣлится вѣрность его? Состоитъ ли она въ лексиконной точности перевода словъ и выраженій, или должна измѣнять эти слова и выраженія, примѣняясь къ свойствамъ языка, на который дѣлается переводъ или наконецъ не обращая вниманія на слова, фразы и отдѣльныя мысли, заботиться только о передачѣ *духа* произведенія? Какой изъ этихъ трехъ различныхъ способовъ перевода назовемъ мы болѣе вѣрнымъ.

Тотъ, въ которомъ соединены всѣ эти три условія? Конечно. Только жаль, что соединить–то ихъ невозможно. Разумѣется, выполненіе третьяго условія важно болѣе другихъ двухъ, но опять: чѣмъ опредѣлить этотъ *духъ* произведенія? Долженъ ли онъ на всѣхъ языкахъ сохранять свою національную особенность, или переходя въ другой языкъ, принимать и всѣ особенныя свойства своего новаго платья?

Всѣ эти вопросы до сихъ поръ представляютъ спорные пункты при обсужденіи достоинствъ перевода. Всякій читатель требуетъ отъ него тѣхъ или другихъ достоинствъ, смотря по степени своихъ понятій, взглядовъ и убѣжденій. Изъ этой невозможности соединить въ одно различныя и противорѣчивыя требованія отъ переводовъ можно вывести такого рода заключенія:

1) Что одинъ переводъ, какими бы высокими достоинствами не обладалъ, не можетъ намъ дать полнаго и яснаго понятія объ оригиналѣ. Вслѣдствіе чего

2) Для изученія оригинала по переводамъ, необходимо имѣть ихъ

нѣсколько, изъ которыхъ бы каждое выполняло добросовѣстно хотя одно изъ качествъ, требуемыхъ отъ перевода.

Смотря такими глазами на переводы, мы постараемся разсмотрѣть, по возможности безпристрастно, вновь изданную книгу, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи.

Новый переводчикъ трагедіи Шекспира «Макбетъ», г. Ѳ. Н. Устряловъ, въ довольно длинномъ предисловіи объясняетъ свои понятія о достоинствахъ перевода и цѣль, которой онъ хотѣлъ достигнуть; потомъ разсказываетъ содержаніе трагедіи, объясняетъ характеры дѣйствующихъ въ ней лицъ и свой взглядъ на всѣ произведенія Шекспира.

Изъ предисловія этого видно, что г. Ѳ. Н. Устряловъ хотѣлъ соединить въ своемъ переводѣ именно всѣ тѣ несоединимыя достоинства, о которыхъ мы говорили. Именно вотъ что онъ пишетъ:

«Переводя Макбета, мы прежде всего отбросили въ сторону всякое предубѣжденіе, которое могло бы отдалить насъ отъ нашей цѣли — вѣрности съ подлинникомъ. Шекспиръ такъ великъ, что если въ немъ и существуютъ недостатки, то они служатъ какъ бы тѣнью, которая дѣлаетъ еще болѣе ослѣпительными всѣ свѣтлыя стороны его произведеній. Шекспиръ не нуждается ни въ прикрасахъ, ни въ сокращеніяхъ. Это намъ казалось чуть ли не святотатствомъ. По нашему мнѣнію, скромная доля переводчика должна исключать всякую попытку искаженія оригинала, на что переводчикъ не имѣетъ никакого права. Переводъ Шекспира долженъ быть слѣпкомъ, снимкомъ, въ которомъ малѣйшее прикосновеніе грубой руки можетъ нарушить всю гармонію цѣлаго. Но здѣсь мы должны оговориться. Мы хотѣли сдѣлать опытъ согласовать вѣрность перевода *съ нѣкоторою отчетливостью роднаго языка*, безъ которой всякій переводъ, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ лишенъ смысла и недостигнетъ своей цѣли. Всякій языкъ имѣетъ свои особенности; въ одномъ встрѣчаются такія выраженія и обороты, какія въ другомъ можно передавать только равнозначущими выраженіями и оборотами, *но не буквально слово въ слово*. Слѣдовательно, вѣрность перевода должна быть относительная, возможная. Только то одно, что не свойственно духу русскаго языка, можетъ, до нѣкоторой степени, составить исключеніе. Другой причины извиненія быть не можетъ. Говоря о точности перевода, мы имѣли въ виду не только ту рабскую точность, которая возможна исключительно въ прозѣ, но и *точность смысла*, *общее выраже-*

ніе, общій характеръ перевода. Эти два условія, вѣрность и художественность языка, составляютъ тотъ идеалъ, къ которому долженъ стремиться всякій, кто переводитъ Шекспира».

Вотъ какую програму задалъ себѣ г. Ѳ. Н. Устряловъ, приступая къ переводу Макбета. Тутъ есть все, что только мы можемъ требовать отъ подобнаго труда. Онъ желаетъ сохранить точность смысла, общее выраженіе, общій характеръ, отчетливость роднаго языка и т. д.

Скажемъ прямо: переводъ не выполняетъ и десятой доли обѣщаній, высказанныхъ въ предисловіи.

Прежде всего, намъ кажется, чтобъ сохранить характеръ и общее впечатлѣніе пiесы, она должна быть написана языкомъ понятнымъ. Между тѣмъ въ переводѣ г. Ѳ. Н. Устрялова встрѣчаются выраженія, до того темныя и запутанныя, что понять ихъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Напримѣръ: *судьба, скрывшаяся въ винтовой скважинѣ*, или: *ввинтить храбрость въ точку сопротивленія*, или: *разстроеннаго дѣла своего къ поясу порядка никакъ не можетъ онъ прикрѣпить пряжкой*, и т. д.

Переводчикъ самъ указываетъ въ своемъ предисловіи на эти темныя мѣста, но извиняетъ ихъ слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Всѣ подобныя сравненія и обороты, взятыя отдѣльно, невольно поражаютъ своею оригинальностью и едва ли могутъ казаться умѣстными; но въ цѣломъ, въ связи съ общимъ ходомъ пьесы, они имѣютъ смыслъ, силу и значеніе. Поэтому мы не считали себя въ правѣ пренебрегать такими метафорами и выраженіями или перепначивать ихъ и старались переводить, по возможности, *ближе къ подлиннику, если только они не нарушали законовъ и требованій русскаго языка и не вредили общей ясности перевода*».

У всякого, конечно, свой взглядъ и г. Ѳ. Н. Устрялову можетъ казаться, что такія выраженія не нарушаютъ требованій русскаго языка и не вредятъ ясности перевода. Но на наши глаза русскій языкъ страдаетъ тутъ самымъ безпощаднымъ образомъ, не говоря уже объ ясности, которую не спасаетъ даже общій ходъ пьесы. Можетъ быть мы и ошибаемся, но по нашему мнѣнію, чтобы книга была понятна читателю, прежде всего должны быть понятны каждое слово и каждая фраза ея. А когда книга написана, хотя русскими словами, но англійскимъ языкомъ и переполнена вышеприведенными

оборотами, то можно ли требовать, чтобъ она была понятна русскому читателю?

Чистый и правильный языкъ, первое условіе для пониманія мысли, страдаетъ и болитъ на каждый страницѣ, въ каждой строчкѣ перевода г. О. П. Устрялова. Вы слышите какъ будто и русскіе слова, но говорятъ ими иностранцы, можетъ быть Англичане, и говорятъ по своему, по англійски.

Мы спрашиваемъ, много ли *отчетливости* русскаго языка, напримѣръ хоть въ слѣдующемъ періодѣ:

ДУНКАНЪ.

Откуда ты,
Достойный тэнъ?

РОССЪ.

Изъ Файва, государь,
Гдѣ флагъ норвежскій, небесамъ въ насмѣшку
Надъ содрогнувшимся народомъ вѣялъ.
Король норвежскій самъ, съ несмѣтной силой,
Съ измѣнникомъ безчестнымъ нашимъ вмѣстѣ,
Кавдорскимъ тэномъ,—ринулся въ борьбу,
Пока женихъ, Беллонѣ обрученный (*),
Съ нимъ не вступилъ въ бой смертный съ грудью грудь,
Рука съ рукою, мечь съ мечемъ, и ярость
Свирѣпую его не укротилъ.
Короче вамъ скажу: побѣда наша (стр. 27).
Или:

МАКБЕТЪ.

. . . .
И жалость, какъ нагой новорожденный
Младенецъ, скачущій на ураганѣ,
Иль херувимъ небесный на коняхъ
Незримыхъ воздуха въ очахъ предъ всѣми,
Кровавое злодѣйство потопила-бъ
Въ слезахъ я тѣхъ, что самый вѣтеръ могутъ
Собою потопить. И т. д. (стр. 49).

(*) Т. е. Макбетъ.

Все это сказано можетъ быть по англійски, но никакъ не по русски. А между тѣмъ развѣ нельзя было, нисколько не измѣняя ни характера пьесы, ни смысла каждой отдѣльной фразы, развѣ нельзя было весь этотъ иностранный наборъ словъ расположить, хоть бы по правиламъ русской граматики? Мы уже не говоримъ о *духѣ* русскаго языка, который можетъ быть доступенъ не всякому; нѣтъ, довольно и одной грамматики.

Вотъ гдѣ и высказывается весь характеръ перевода, который, какъ мы уже говорили, не удовлетворяетъ и десятой доли обѣщаній, сдѣланныхъ предисловіемъ. Это не болѣе какъ рабское, почти подстрочное переложеніе англійскихъ словъ на русскія. Словъ, мы говоримъ, а не фразъ, потому что еслибъ были переложены фразы, то они бы вышли русскими.

Переводчикъ, стараясь быть какъ можно ближе къ оригиналу, не такъ понялъ значеніе этой *близости*. Говоря что:

«Переводъ Шекспира долженъ быть слѣпкомъ, снимкомъ, въ которомъ малѣйшее прикосновеніе грубой руки можетъ нарушить всю гармонію цѣлаго».

Онъ дѣйствительно снялъ фотографическую копію, надѣясь что вѣрныя знаки, въ состояніи передать *общее выраженіе, общій характеръ* оригинала. Преслѣдуя эту *вѣрность*, переводчикъ упустилъ даже изъ виду русскую граматику, забылъ требованія чистоты русскаго языка, и передалъ намъ Макбета на непонятномъ для насъ англійскомъ языкѣ, хотя и русскими словами.

Достоинству языка вѣроятно много помѣшало также желаніе передать Макбета шекспировскими-же стихами. Эта задача, конечно, еще болѣе затруднила и усложнила процессъ работы.

Поэзія допускаетъ такъ называемыя *бѣлые* стихи, т. е. не оканчивающіеся риомами; но въ замѣнъ этого недостатка она требуетъ отъ стиха такихъ размѣровъ и такъ расположенныхъ удареній, чтобъ недостатокъ риомы былъ почти незамѣтенъ. Въ противномъ случаѣ бѣлыя стихи выйдутъ не болѣе, какъ рубленой прозой. А къ какого рода стихамъ мы отнесемъ напримѣръ хоть слѣдующія:

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА.

Въ передникѣ жена матроса
Каштаны у себя держала,

И ѣла ихъ, все ѣла, ѣла...
«Дай мнѣ», я ей сказала.
«Прочь, вѣдьма»! вскрикнула карга.
Уѣхалъ мужъ ея въ Алеппо
Шкиперомъ на Тигрѣ.
Я за нимъ туда
Крысой безъ хвоста
Въ решетѣ поплыву,
Поплыву, поплыву и поплыву. (стр. 29).

Пусть не упрекаютъ насъ въ излишней придирчивости къ стихамъ и вообще языку г. Ѳ. Н. Устрялова. Мы уже сказали, что смотримъ на языкъ, какъ на первое и главное основаніе ясности, а оттуда и всѣхъ другихъ достоинствъ цѣлаго произведенія, особенно если это произведеніе есть переводъ Шекспира. Въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ можно передать всѣ красоты оригинала, если средство для передачи ихъ, то есть языкъ, будетъ тяжелъ, грубъ, а главное— построенъ по неизвѣстному и непонятному намъ способу.

Конечно, многія изъ этихъ обвиненій можно свалить на самаго Шекспира, и отговориться невозможностью совладать вполнѣ съ его языкомъ (что и дѣлаетъ г. Устряловъ). Но вѣдь особенности языка, собственно шекспировскаго, разбросаны въ его произведеніяхъ довольно рѣдко, какъ отдѣльныя темныя или свѣтлыя пятна. Все же остальное писано имъ общимъ англійскимъ языкомъ, а потому задача перевода въ отношеніи къ языку лежитъ собственно въ умѣньи перевести съ англійскаго на русскій *понятнымъ русскимъ языкомъ.* Для этого нужно только забыть англійское построеніе рѣчи и говорить по русски, Напрасно думалъ г. Ѳ. Н. Устряловъ, что это будетъ святотатствомъ, или нарушеніемъ гармоніи цѣлаго. Скорѣе наоборотъ: передавая намъ Шекспира на неизвѣстномъ для насъ русско-англійскомъ языкѣ, онъ заставляетъ насъ составить очень невыгодное мнѣніе о самомъ Шекспирѣ. Поневолѣ спросишь себя: неужели этотъ міровой геній писалъ такимъ же языкомъ? (если вѣрить предисловію, что переводъ, лежащій передъ нами, есть *точный слѣпокъ* оригинала).

Трудно опредѣлить съ точностью границы, до которыхъ должна простираться *буквальная* вѣрность оригиналу, но во всякомъ случаѣ она не должна быть препятствіемъ для перевода. Угадать предѣлъ

этой вѣрности—принадлежитъ таланту переводчика, а строгими законами онъ не можетъ быть ограниченъ.

Всего страннѣе то, что въ выпискѣ, приведенной нами въ началѣ, авторъ перевода соглашается, что точность его должна быть относительная, возможная, слѣдовательно допускаетъ нѣкоторыя измѣненія въ оригиналѣ; а между тѣмъ въ самомъ простомъ, самомъ необходимомъ измѣненіи: построеніи языка по русскому складу рѣчи, онъ робко отступаетъ.

Или не отступаетъ, если угодно, а дѣйствуетъ такъ по убѣжденію, что гораздо вѣроятнѣе и что видно изъ предисловія, которое (сказать между прочимъ) противурѣчитъ само себѣ на каждомъ словѣ.

Все что мы говорили о языкѣ перевода, относится вообще до какихъ бы то ни было переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Но такъ какъ предметъ настоящей статьи есть собственно переводъ Шекспира, то намъ приходится сдѣлать еще нѣкоторыя замѣчанія, вызываемыя разстояніемъ между эпохами, когда были написаны оригиналъ и переводъ.

Фактъ извѣстный всѣмъ, что у живаго народа и особенно у народа развивающагося, вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальныхъ и умственныхъ силъ его, языкъ точно также не остается мертвымъ, а постоянно перерабатывается, пополняется, улучшается, однимъ словомъ идетъ въ уровень современнымъ требованіямъ.

Всего ярче эти измѣненія въ языкѣ замѣтны въ нашей исторіи за послѣднія двѣсти лѣтъ. Языки временъ: Михаила Θедоровича, потомъ Петра Великаго, потомъ Екатерины II и наконецъ нашего времени такъ сильно разнятся другъ отъ друга, что еслибъ люди этихъ эпохъ какъ нибудь сошлись бы вмѣстѣ, то съ большимъ трудомъ могли бы понимать другъ друга.

Развитіе языка отъ развитія самаго общества образуетъ у всякаго народа нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ каждое обладаетъ своими особенностями.

Зная все это, странно бы было удивляться тому, что у Шекспира встрѣчаются иногда такіе обороты и выраженія, которыхъ иногда не пойметъ и коренной англичанинъ. А между тѣмъ эти обороты въ свое время, т. е. во время Шекспира, были понятны и ясны не только ему, но и публикѣ, для которой онъ писалъ.

Все что теперь, не только намъ Русскимъ, но и Англичанамъ можетъ казаться страннымъ или напыщеннымъ, или даже непонятнымъ

въ произведеніяхъ Шекспира, было очень просто, естественно и понятно для его современниковъ. Это была дань времени, въ которое онъ жилъ, дань, отъ которой не избавляется ни одинъ геній, даже такой великій, какъ Шекспиръ.

Англичане не имѣютъ права дотрогиваться до его произведеній и передѣлывать ихъ, сообразно потребностямъ времени, потому что тогда бы они изуродовали оригиналъ и, постепенно измѣняя одни выраженія за другими, наконецъ совершенно бы исказили весь смыслъ, весь духъ произведеній Шекспира. Для избѣжанія этого, каждый народъ хранитъ произведенія своихъ великихъ писателей со всѣми особенностями, присущими эпохѣ ихъ созданія.

При томъ же отдѣльные обороты и фразы, устарѣвшіе и потому сдѣлавшіеся неясными и темными, выясняются нѣсколько общимъ ходомъ пьесы, угадываются инстинктомъ (если можно такъ выразиться) тѣмъ народомъ, на языкѣ котораго написана пьеса, потому что духъ языка остается неизмѣннымъ. Такъ что, напримѣръ, если Англичанинъ и не съумѣетъ объяснить, что значитъ *судьба скрывшаяся въ винтовой скважинѣ*, то онъ все-таки не найдетъ этого выраженія дикимъ, какимъ она кажется намъ, Русскимъ.

Но переводчикъ не можетъ и не долженъ оставлять всѣ эти мелкія неясности и устарѣлости безъ измѣненій изъ опасенія представить своимъ читателямъ оригиналъ въ уродливомъ видѣ.

Въ этихъ случаяхъ онъ не только можетъ, но и долженъ наложить свою *святотатственную* руку хоть на самого Шекспира и передавать его *своими словами* (какъ говорятъ ученики), заботясь только о томъ, чтобы какъ можно меньше исказить смыслъ оригинала. Въ противномъ случаѣ, читатели перевода не только не оцѣнятъ всей великости оригинала, но пожалуй и посмѣются надъ нимъ.

Г. О. Н. Устряловъ самъ это чувствуетъ, говоря въ предисловіи (стр. 2), что еслибъ на нашей сценѣ давали трагедію Шекспира въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ играютъ въ Англіи, то въ числѣ зрителей нашлись бы такіе, которые бы улыбнулись или пришли бы въ удивленіе въ нѣкоторыхъ самыхъ поэтическихъ мѣстахъ. Но (прибавляетъ авторъ) это было бы, надѣемся, ни что иное, какъ исключеніе.

Совсѣмъ нѣтъ, вовсе не исключеніе. Смѣшное всегда будетъ смѣшнымъ, какимъ бы именемъ его не прикрывали. Да отчего же мнѣ и не смѣяться надъ Шекспиромъ, если мнѣ представляютъ его

въ смѣшномъ видѣ? Это не моя вина, а тѣхъ кто не съумѣлъ представить великаго писателя въ его настоящемъ свѣтѣ.

Зачѣмъ же требовать отъ читателей или отъ зрителей какого-то заранѣе доказаннаго благоговѣнія къ имени и такого благоговѣнія, чтобы даже смѣшныя стороны не возбуждали бы смѣха. Да, я вовсе не знаю Шекспира! Я не англичанинъ, я даже англійскаго языка не знаю. Вы беретесь познакомить меня съ произведенія Шекспира и хотите, чтобъ я вмѣстѣ съ вами поклонился ему. Извольте, я поклонюсь, но только тогда, когда увижу что Шекспиръ дѣйствительно былъ великій человѣкъ, а для этого вы и покажите мнѣ его великимъ. А если на каждой строчкѣ меня заставятъ смѣяться уродливости его произведеній, то ужъ извините за этотъ грубый и варварскій смѣхъ и за то, что я не пойму величія Шекспира.

Пушкинъ въ своихъ небольшихъ переводныхъ статьяхъ довольно далеко отходилъ отъ оригиналовъ (въ отношеніи подстрочной вѣрности), но за то онъ передавалъ ихъ со всѣмъ ихъ характеромъ и смысломъ. Оттого-то, даже изъ очень небольшаго отрывка «Фауста», мы уже угадываемъ характеръ этой личности.

Но г. О. И. Устряловъ иначе понялъ обязанность переводчика. Онъ смотритъ на Шекспира почти какъ на полубога, раскрываетъ книгу, писанную Шекспиромъ почти съ тѣмъ же благоговѣйнымъ трепетомъ, съ какимъ истинный мусульманинъ открываетъ коранъ, и, прежде чѣмъ передать читателямъ всѣ красоты оригинала, заставляетъ ихъ проникнуться такимъ же благоговѣніемъ.

Почему?

Да потому, что книга написана Шекспиромъ.

Однимъ словомъ, все-таки выходитъ тоже поклоненіе имени, авторитету, противъ котораго такъ горячо ратовалъ Бѣлинскій. Ради этого поклоненія, переводчикъ ограничилъ всю свою дѣятельность лексиконной точностью перевода, почему и представилъ намъ «Макбета», конечно, вовсе не такимъ, какъ онъ написанъ Шекспиромъ.

Къ чему это идолопоклонство и боготвореніе?

Вообще ко всякимъ произведеніямъ, и въ особенности къ такимъ, какъ шекспировскія, нужно подходить не съ набожнымъ пристрастіемъ, а съ хирургическимъ ножемъ въ рукѣ. Должно изрѣзать ихъ, распластать, разглядѣть всѣ внутренности, изучить ихъ, угадать смыслъ всего созданія, связь всѣхъ частей его, проникнуться самому духомъ и мыслію этого созданія—и тогда, пожалуй, можно допустить благо-

говѣніе и потомъ приняться за передачу красотъ произведенія на другой языкъ.

А переводъ, о которомъ идетъ рѣчъ, что это, какъ не скелетъ, у котораго можетъ быть и всѣ кости на мѣстѣ, но все-таки онъ не болѣе какъ голый скелетъ, безъ тѣла и, конечно, безъ души.

Авторъ перевода сдѣлалъ три капитальныя ошибки въ самомъ основаніи своего труда.

«Мы всегда думали, что невѣрность перевода, или лучше сказать неполная точность его, происходили не отъ неумѣнья или незнанія переводчика, но скорѣе отъ того, что переводчикъ какъ бы остерегался переводить Шекспира цѣликомъ, какъ онъ есть, безъ прикрасъ и сокращеній. Такая осторожность была слѣдствіемъ того, что наша публика прежняго времени, т. е. лѣтъ двадцать тому назадъ, нашла бы его черезъ-чуръ рѣзкимъ, напыщеннымъ, во многомъ неизящнымъ, несовременнымъ, однимъ словомъ страннымъ. Мы думаемъ, что въ настоящее время, при такихъ условіяхъ, подобное явленіе не можетъ повториться».

А намъ кажется наоборотъ, именно потому, что теперь понятія о переводѣ у насъ установились совсѣмъ иныя, чѣмъ были въ старину. Въ настоящее время мы такъ много требуемъ отъ перевода, что переводчику приходится быть почти вторымъ творцомъ.

Мы уже не гонимся теперь за подстрочной вѣрностью, которая ничего не даетъ, кромѣ набора словъ, а хотимъ видѣть въ переводѣ такое же цѣлое и развитое произведеніе, какъ и самый органъ. Переводчикъ долженъ проникнуться до мозга костей мыслію избраннаго имъ автора, такъ проникнуться, чтобы оригиналъ перестал ъ уже поражать его воображеніе, чтобы (да простятъ намъ слѣдующія слова) переводчикъ могъ думать, что онъ родился вмѣстѣ съ этой мыслью и самъ высказалъ ее.

При такомъ только пониманіи переводимаго автора, можно надѣяться успѣха отъ перевода, то есть когда переводчикъ съумѣетъ угадать духъ оригинала, овладѣть имъ вполнѣ и потомъ съумѣетъ передать усвоенное имъ созданіе на другой языкъ съ тою же, или почти тою же красотою.

Въ этомъ смыслѣ переводчикъ уже далеко теряетъ значеніе простаго, механическаго кописта и становится самъ почти авторомъ. Иначе и быть не можетъ.

Вотъ такихъ-то переводчиковъ и переводовъ требуетъ наше время,

а вовсе не подстрочныхъ подписей, какія дѣлаются въ учебныхъ книгахъ. Конечно, съ подобными требованіями, мы не скоро будемъ имѣть Шекспира на русскомъ языкѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что всякая копія его будетъ годиться для насъ.

Чѣмъ больше общество образовывается, тѣмъ болѣе становится изящнымъ и вкусъ его, а не наоборотъ, какъ думаетъ г. Устряловъ. Съ развитіемъ же образованности и вкуса, мы становимся требовательнѣе ко всякому произведенію.

Вторая ошибка переводчика состоитъ въ излишнемъ умаленіи взгляда на свое дѣло. Понявъ, что переводчикъ долженъ быть не болѣе какъ копіистомъ, онъ строго слѣдитъ за каждымъ словомъ оригинала и ставитъ ихъ такъ, какъ они поставлены въ оригиналѣ, не думая рѣшительно о внутренней связи, которая будто бы должна явиться уже сама–собою. Вслѣдствіе этого и выходитъ то, что копія въ отношеніи къ оригиналу стоитъ какъ трактирный органъ къ оперному оркестру или голосу примадонны.

Въ настоящее время упадка искусствъ въ Италіи, тамъ развелись цѣлыя толпы *копіистовъ*, художниковъ, которые посвятили себя на смазываніе (я не говорю сниманіе) копій съ древнихъ мастеровъ. Эти копіисты, величая себя все-таки художниками, составляютъ иногда цѣлые артели подъ началомъ какого нибудь маэстро-копіиста и цѣлые дни наполняютъ залы всѣхъ галерей своими пюльпитрами.

Они работаютъ по заказу для путешественниковъ или въ магазины своего города, или наконецъ и для высылки за границу. Легкость, ловкость и быстрота работы доведены ими до большаго искусства. Въ ихъ копіяхъ вы найдете все, что есть въ оригиналѣ: и глаза, и уши, и носъ и свѣтъ съ лѣвой стороны и тѣнь съ правой, все что угодно... только не найдете смысла.

Его и требовать нельзя, потому что еслибъ копіистъ захотѣлъ придать какой нибудь смыслъ своей работѣ, то онъ бы вмѣсто десяти, написалъ бы только одну картину. Онъ отвѣчаетъ только за вѣрность линій и красокъ, остальное покупатель можетъ дополнять воображеніемъ.

Мы сказали объ этихъ жалкихъ ремесленникахъ, чтобъ спросить переводчика, неужели онъ въ такомъ же смыслѣ понялъ свою обязанность, т. е. передать всѣ слова, точки и запятыя, а ужъ изъ нихъ смыслъ выйдетъ какъ нибудь самъ собой?

Если такъ, то онъ выбралъ для себя очень жалкій трудъ, мало полезный для русскихъ читателей и вредный для славы Шекспира.

Переводчикъ шекспировскихъ произведеній не долженъ быть *скромнымъ копіистомъ*, онъ самъ долженъ быть художникомъ и только тогда онъ въ состояніи будетъ передать его съ возможною для языка вѣрностію. Наконецъ третья и величайшая ошибка (если только это можно назвать ошибкой), которую дѣлаетъ г. Ѳ. И. Устряловъ, принимаясь за переводъ—это *благоговѣніе*, съ которымъ онъ начинаетъ свой трудъ. Благоговѣніе, непремѣнно предполагаетъ пристрастіе, а съ пристрастіемъ невозможно хладнокровное и строгое обсужденіе предмета, необходимое при всякомъ трудѣ.

Пропитанный насквозь этимъ набожнымъ пристрастіемъ къ Шекспиру, г. Ѳ. И. Устряловъ боится измѣнить какое бы то нибыло его слово, отчего и передаетъ намъ такія выраженія, какъ *ввинтить храбрость въ точку сопротивленія* и тому подобныя.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что несмотря на всѣ свои обѣщанія, сказанныя въ предисловіи, сохранить точность смысла, общее выраженіе и общій характеръ пьесы, переводчикъ все-таки ограничивается только одною подстрочной перепиской, полагая, конечно, что все остальное явится само-собою. Ничего правда не явилось, но во всякомъ случаѣ трудъ этотъ не совсѣмъ пропащій.

Если переводъ этотъ невозможенъ для употребленія на сценѣ и скученъ для чтенія, то онъ можетъ пригодиться какъ хорошій матеріалъ для будущаго переводчика, тѣмъ болѣе, что снабженъ въ концѣ книги нѣсколькими замѣчаніями, могущими послужить въ пользу.

Кстати объ этихъ приключеніяхъ.

Когда король Дунканъ пріѣхалъ въ замокъ Макбета, то (въ переводѣ г. Ѳ. И. Устрялова) привѣтствуетъ леди Макбетъ слѣдующими словами:

Не разъ любовь, слѣдящая за нами,
Смущаетъ насъ, но тѣмъ не менѣй часто
Ее благодаримъ мы какъ любовь.
Поэтому должны просить вы Бога,
Чтобъ насъ благословилъ за трудъ онъ вашъ,
И насъ благодарить за безпокойство. (Стр. 47).

Къ этому монологу есть слѣдующее примѣчаніе (21).

«Это мѣсто кажется, съ перваго взгляда, однимъ изъ самыхъ

темныхъ и почти совершенно непонятныхъ. Вотъ какъ переводитъ его г. Кетчеръ: «Любовь, которую мы внушаемъ, бываетъ иногда причиной безпокойствъ; но мы должны быть благодарны и за эти безпокойства, какъ любовь. Я хочу сказать этимъ, что вы должны благодарить Бога и насъ за то, что мы утруждаемъ васъ собою». Мы совершенно согласны съ этимъ объясненіемъ».

Ну какъ тутъ не сдѣлать вопроса, если г. Ѳ. И. Устряловъ согласенъ съ переводомъ г. Кетчера, то отчего же не передалъ онъ этого монолога такими же простыми словами какъ и г. Кетчеръ, и оставилъ его со всею темнотою подлинника? Сущность вѣдь осталась бы неизмѣнною. И переводъ г. Устрялова можетъ быть понятъ, только надъ нимъ придется поломать голову, тогда какъ изъ перевода г. Кетчера мы сейчасъ видимъ въ чемъ дѣло. Но нѣтъ, г. Устряловъ не того хотѣлъ. Онъ хотѣлъ передать намъ Шекспира съ геометрическою точностію, что и подтверждается еще двумя примѣчаніями:

«(11) Вся эта сцена и въ оригиналѣ отличается нѣкоторою напыщенностью и искусственностью слога. Стараясь какъ можно ближе передать подлинникъ, мы должны были выразить и эту особенность языка» и

«(13) Не совсѣмъ точное соблюденіе цензуры и риѳмъ находится и въ подлинникѣ».

Болѣе точно—конечно нельзя переводить. Только зачѣмъ же было говорить о духѣ, характерѣ, смыслѣ пьесы? Неужели г. Устряловъ не понимаетъ, что при подобной рабски подражательной работѣ, невозможно было передать духа и характера пьесы, точно также, какъ желая сохранить смыслъ пьесы, общій ея характеръ и впечатлѣніе, невозможно сохранить формы языка? Вѣдь это все такія старыя истины, о которыхъ наконецъ даже скучно становится и повторять.

Однимъ словомъ трудъ г. О. И. Устрялова въ своемъ родѣ очень добросовѣстный, можетъ пригодиться начинающему читать Шекспира—для сравненій, можетъ пригодиться переводчику—для справокъ. Но желающій ознакомиться съ «Макбетомъ», послѣ чтенія, даже двукратнаго и троекратнаго этого перевода, все-таки не узнаетъ ни одной изъ тѣхъ красокъ, которыми Шекспиръ обрисовалъ эту личность. А ужъ величія Шекспира — и подавно не увидитъ, за это можно поручиться.

А отчего же все это произошло? Вѣдь авторъ перевода трудился добросовѣстно, что видно изъ каждой строчки перевода. Онъ пони-

маетъ также необходимость сохраненія въ переводѣ того характера и смысла, которые лежатъ въ оригиналѣ (см. предисловіе). Не смѣемъ отказать ему и въ талантѣ. А переводъ все-таки вышелъ подстрочной подписью, мертвой, безжизненной, какъ всегда бываютъ подобныя подписи. Переводъ и для театра неудобенъ, и для чтенія тяжелъ, скученъ и затруднителенъ...

Иначе не можемъ рѣшить этого вопроса, какъ ложнымъ понимапіемъ неприкосновенности произведеній Шекспира, этимъ благоговѣйнымъ страхомъ, мѣшающимъ коснуться до нихъ *грубою рукою*, этимъ безмолвнымъ, безъотвѣтнымъ поклоненіемъ идеалу.

Людямъ, подобнымъ образомъ падающимъ во прахъ предъ какимънибудь геніемъ, хоть Шекспиромъ, никогда не слѣдуетъ говорить о предметахъ ихъ обожаній, потому что они кромѣ восторженныхъ восклицаній ничего не могутъ передать, а читатель ожидаетъ дѣла.

Безусловно почитаніе—не всегда есть слѣдствіе *пониманія* предмета. Тоже, что мы знаемъ, что у насъ въ рукахъ, то мы можемъ уважать больше или меньше, но и только.

Оттого-то и дурно всякое обожаніе, что оно влечетъ за собою отсутствіе разбора, критики, а слѣдовательно—ясности и знанія.

—ДЪ.

Переводъ и подражанія И. П. Крешева. С.-П-б. 1862.

Съ грустнымъ чувствомъ останавливаемся мы надъ этой новою книжкой. Имя автора ея напомнило намъ еще разъ объ одной порванной, заѣденной жизни, одной изъ тѣхъ, которыхъ много лежитъ на совѣсти различныхъ литературныхъ эксплуататоровъ. Покойный Крешевъ—натура талантливая и развитая—принадлежалъ къ тому темному, рабочему классу журнальной литературы, который смѣло, по всей справедливости, можно окрестить именемъ литературныхъ каторжниковъ. Темное, безвѣстное существованіе, бѣдность, переходящая даже въ нищету, упорный, черствый и неблагодарный трудъ изъ-за шаткаго куска хлѣба, шаткаго потому, что онъ чисто зависитъ отъ

личнаго каприза литературнаго эксплуататора: хочетъ — заплатитъ, а хочетъ—надуетъ! Затѣмъ болѣзнь и ранняя, безвременная могила — вотъ краткій, но вѣрный въ общемъ характерѣ своемъ очеркъ жизни подобнаго литературнаго каторжника. Къ кому обратиться? Гдѣ искать подспорья, утѣшенія и вольнаго, здороваго труда, работы по душѣ, которая дала бы человѣку хотя самый жалкій комфортъ, требованія котораго простираются не далѣе куска мяса и теплой комнаты? И этого негдѣ найдти: литературные эксплуататоры такъ похожи одинъ на другаго, какъ родные братья, притомъ же и каждый журналъ имѣетъ уже своихъ привилегированныхъ рабочихъ, слѣдственно нисколько не нуждается въ лишней энергической, умной головѣ и въ лишнихъ рабочихъ рукахъ. И приходится жалкому литературному каторжнику поневолѣ приковать самого себя, свой трудъ и всю даже жизнь свою къ капризу какого нибудь одного плантатора, у котораго онъ совершенно въ рукахъ.

Жалкое существованіе литературныхъ каторжниковъ многими своими чертами сходно съ существованіемъ тѣхъ жертвъ общественнаго темперамента, по выраженію Прудона, тѣхъ погибшихъ созданій, которыя лишены возможности самостоятельной жизни, и поневолѣ, часто обманомъ, должны находиться подъ непосредственнымъ патронатомъ своихъ эксплуататоровъ. Какъ литературные эксплуататоры, такъ и эти послѣднія употребляютъ одну и ту же систему въ отношеніи своихъ жертвъ—они, такъ сказать, затягиваютъ надъ ними мертвую петлю: хочешь, не хочешь—а живи и работай у меня и для меня! Какъ тѣ, такъ и другіе, замѣтя пригодную, «подходящую» для себя жертву, стараются тотчасъ же незамѣтнымъ, ловкимъ образомъ поставить ее къ себѣ въ обязательныя отношенія и потомъ держать ее постоянно въ черномъ тѣлѣ (послѣдніе только нравственно, а первые очень часто и физически). Въ обязательныя же отношенія жертва немедленно поставляется первою дачею взаймы или впередъ, въ счетъ будущихъ трудовъ, какой нибудь ничтожной суммы; жертвѣ деньги нужны постоянно для удовлетворенія мелкихъ нуждъ и потребностей—эксплуататоръ ихъ и даетъ постоянно; но выгода его при этомъ та, что дастъ онъ какую нибудь ничтожнѣйшую сумму, въ родѣ трехъ, пяти рублей, а учитываетъ десятки и сотни. Наглость подобныхъ оборотовъ достигаетъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Вотъ, напримѣръ, фактъ, случившійся съ однимъ молодымъ человѣкомъ недалѣе какъ съ мѣсяцъ, а много—полтора тому назадъ. Приноситъ онъ къ редактору

еженедѣльно-ежедневной газеты статью и вскорѣ видитъ ее напечатанною тамъ. Является за расчетомъ, причемъ редакторъ, принимая его въ своемъ монферановскомъ кабинетѣ, не далъ ему еще и слова сказать, какъ уже осыпалъ кучею своихъ комплиментовъ и похвалъ и просилъ сотрудничества на будущее время. Наконецъ авторъ улучилъ минутку и напомнилъ о деньгахъ. Редакторъ весь превратился въ вопросительный знакъ: какія деньги?—За статью.—Да съ чего вы взяли милостивый государь, что я обязанъ платить за всякую дрянь, помѣщенную въ моей газетѣ? Авторъ напомнилъ ему, что онъ обѣщался заплатить и что онъ, авторъ, бѣдный человѣкъ, для котораго даже и незначительная сумма можетъ быть весьма значительною. Редакторъ ни мало не смутился.—Мало ли что я буду обѣщать вамъ! Я своему слову господинъ: хочу—обѣщаю, хочу—беру назадъ обѣщаніе! Но такъ какъ вы бѣдный человѣкъ, то вотъ вамъ, собственно па бѣдность, четыре рубли! И затѣмъ, хлопнувъ дверью, онъ ушелъ изъ кабинета.

По этому факту (а это одинъ изъ тысячи) вы можете судить, что такое этотъ литературный эксплуататоръ. И вотъ въ подобныхъ-то рукахъ безвозвратно и безслѣдно гибнутъ такія свѣжія, живыя силы, какъ Крешевъ.

«Недолгая жизнь И. П. Крешева — пишетъ въ предисловіи неизвѣстный издатель его переводовъ—была печальна. Отъ рожденія до могилы ему постоянно напутствовала нужда. Не смотря на хорошее классическое образованіе, Крешевъ, оторвавшись отъ науки, долженъ былъ заниматься мелкой литературой, ради насущнаго хлѣба. Онъ сотрудничалъ во многихъ журналахъ, преимущественно второстепенныхъ, и почти во всѣхъ газетахъ, кромѣ Сѣверной Пчелы грече-булгаринскаго времени. Въ одномъ изданіи онъ помѣщалъ фельетоны, въ другомъ переводныя выдержки изъ иностранныхъ газетъ, въ третьемъ, подъ псевдонимомъ Марьи Петровны, пояснительный текстъ къ картинкамъ модъ. Въ трескучій зимній вечеръ Крешевъ запирался нерѣдко въ нетопленной комнатѣ готовить къ набору слѣдующаго дня веселый фельетонъ объ удовольствіяхъ петербургской масляницы. Одинъ изъ пріятелей засталъ его за такимъ дѣломъ блѣднаго, прозябшаго. Крешевъ вооружился противъ холода чѣмъ могъ и писалъ механически грустно повѣствованіе о балаганахъ адмиралтейской площади».

И это не одно вѣдь такое существованіе, не единственная разбитая жизнь; мы знаемъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ, которые воз-

мущают душу своимъ безъисходнымъ, отчаяннымъ положенiемъ. Мы помнимъ тоже одного молодаго, честнаго, энергическаго писателя, который теперь уже въ такой же ранней могилѣ, какъ и Крешевъ, который на нашихъ глазахъ и началъ свое литературное поприще, и кончилъ его почти въ самомъ началѣ. Онъ писалъ не болѣе полутора года. При жизни мало кто и зналъ его, а черезъ мѣсяцъ послѣ смерти нѣсколько журналовъ съ весьма похвальными отзывами и благородными сожалѣнiями о ранней кончинѣ печатали оставшiеся послѣ него необработанные матерiалы, изъ которыхъ онъ предполагалъ впослѣдствiи создать нѣчто цѣльное и стройное, — и въ этихъ матерiалахъ всѣ восхищались его своеобразнымъ, неподдѣльнымъ юморомъ, гадая, что бы вышло изъ этого писателя, если бы онъ не умеръ. Но выйдти чему нибудь, что называется изъ ряду вонъ, при той обстановкѣ, въ какую былъ онъ поставленъ, едва ли бы было возможно: вѣчная поденная работа изъ-за куска хлѣба—эта литературная каторга—заѣла его. Мы помнимъ, какъ онъ больной и разстроенный писалъ къ одному редактору письмо, въ которомъ просилъ извиненiя, что не можетъ доставить во время фельетонъ, «потому что на письменномъ (единственномъ) столѣ лежалъ его мертвый ребенокъ», котораго не на что было похоронить. Черезъ два мѣсяца и отца вслѣдъ за сыномъ злѣйшая чахотка свела въ могилу.

И этихъ примѣровъ, повторяемъ, много. Покойный Кокоревъ (авторъ Савушки), покойный Синткинъ, покойный Крешевъ—это только болѣе замѣтныя личности изъ того темнаго рода журнальныхъ и вообще литературныхъ работниковъ, о которыхъ мало кто и знаетъ и которыхъ силы гаснутъ въ безвѣстной работѣ, благодаря тому, что никто изъ сильныхъ литературнаго мiра не хочетъ взглянуть на нихъ, съ высоты своего олимпiйскаго величiя, человѣчнымъ братскимъ, взоромъ любви и состраданiя.

Тяжесть всей этой жизни глубоко чувствовалъ Крешевъ — иначе бы у него не вылились такiе стихи:

Отрадно умереть, подобно блеску дня
Въ багряномъ зеркалѣ залива:
Какъ блѣдная звѣзда, къ землѣ лучи склоня,
Угаснуть тихо, молчаливо.

Отрадно умереть, какъ свѣтлая роса
Отъ жара сохнетъ надъ листами;

Исчезнуть, какъ пѣвицъ крылатыхъ голоса,
Какъ звуки арфы подъ перстами.

Отрадно умереть, какъ въ воздухѣ полей
Цвѣтовъ уносится куренье,
Когда летитъ оно изъ вѣнчиковъ лилей,
Какъ фиміамъ благодаренья.

Но нѣтъ! Не будетъ смерть избранниковъ легка,
Тиха, какъ запада мерцанье;
Нѣтъ! Не исчезнешь ты, какъ ароматъ цвѣтка
И струнъ минутное бряцанье...

Нѣтъ! Ты пройдешь надъ міромъ безъ слѣда,
Но прежде скорбь твою разрушитъ силу.
И сердце разобьетъ на части, и тогда
Сойдешь ты, мученикъ, въ могилу.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРІЯ ТЕРРОРА.

HISTOIRE DE LA TERREUR 1792—1794 D'APRÈS LES DOCUMENTS AUTHENTIQUES ET DES PIÈCES INÉDITES PAR M. MORTIMER-TERNAUX. Paris, vol. 1., 1862.

Почти 70 лѣтъ прошло съ того времени, какъ окончилась великая драма французской революціи; важнѣйшіе дѣятели ея давно сошли въ могилу, осыпанные похвалами и порицаніями, но надъ прахомъ ихъ и до сихъ поръ горитъ вражда партій, старающихся въ ихъ дѣйствіяхъ найдти подтвержденіе своихъ теорій. Самыя разнообразныя сужденія слышатся о нихъ со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ ни одна партія не хочетъ представить вѣрно ихъ значеніе, хотя матеріалы съ каждымъ днемъ накопляются болѣе и болѣе: открываются новые документы, перепечатывается революціонный Монитеръ, дѣлаются новыя изслѣдованія—все представляетъ богатыя данныя для опредѣленія тогдашней эпохи. Пользуясь этими данными, мы намѣрены представить съ полнымъ безпристрастіемъ очеркъ того времени, принимая въ уваженіе показанія всѣхъ партій (*).

Система централизаціи и произвола, которой держался Лудовикъ XIV, принесла горькіе плоды при его преемникахъ. Правленіе Регента

(*) Главнѣйшими источниками для составленія этой статьи служили: L'ancien Régime et la Révolution par Tocqueville. Histoire de la Révolution Fran-

приблизило Францію къ революціи тѣми бѣдствіями, которыя породила система Лоу; тою безнравственностью, которая, самодовольно выставляя себя, показывала этимъ презрѣніе къ общественному мнѣнію. Лудовикъ XV продолжалъ слѣдовать примѣру Филиппа Орлеанскаго: окруживъ себя жадными, своевольными министрами и расточительными, наглыми любовницами, онъ вызвалъ общія проклятія... Лудовикъ XVI принялъ Францію въ критическомъ положеніи. Необходимость реформъ живо чувствовалась на каждомъ шагу, а между тѣмъ онъ ничего не могъ сдѣлать, хотя съ перваго взгляда и казалось, что власть его была неограничена, что централизація достигла крайняго своего предѣла. А между тѣмъ въ этой самой централизаціи заключалась и оппозиція, и одна изъ важнѣйшихъ преградъ къ реформамъ. Вотъ что говоритъ Токвиль о состояніи французской администраціи передъ революціей. «Областные штаты были вездѣ уничтожены, кромѣ Бретани и Лангедока, да и тамъ государственный совѣтъ и интендантъ часто вмѣшивались въ ихъ распоряженія. Въ остальныхъ же провинціяхъ интенданты распоряжались совершенно самовластно, не обращая вниманія на законы и подчиняясь только капризамъ министровъ или фавориткъ; министры, съ своей стороны, упускали изъ виду главное и обращали вниманіе только на мелочи. Въ концѣ XVIII вѣка нельзя было основать ни богадѣльни, ни пріюта, даже въ глуши какой нибудь отдаленной провинціи, безъ того, чтобы генералъ-контролеръ не пожелалъ узнать имена призрѣваемыхъ, составить уставъ, назначить мѣсто для постройки и наблюсти за издержками. Переписка была такъ многосложна, что почти не случалось, чтобъ отвѣтъ получался раньше года, хотя бы дѣло шло о починкѣ какой нибудь колокольни. Такой порядокъ вещей способствовалъ размноженію бюрократіи тѣмъ болѣе, что продажа должностей составляла одинъ изъ доходовъ правительства. Эта бюрократія и привилегіи дворянства и духовенства представляли главныя препятствія къ реформамъ. Вся тяжесть податей падала на

çaise par Louis Blanc. The French Revolution by Cartyle. Histoire politique et littéraire de la presse en France par Hatin. Histoire des Girondins par Lamartine. Histoire des Girondins par Granier de Cassagnac. Essai sur la révolution Française par Lanfrey. Histoire de Saint-Just par Du Hamel. Saint-Just et la Terreur par Fleury. Danton. Documents authentiques pour servir a l'histoire de la révolution Française par Bougeart. Исторія XVIII столѣтія Шлоссера. Histoire de la société Française pendant la révolution par Ed. et. de Goncourt.

народъ: положеніе его было ужасно—разоряемый поборами, онъ сверхъ того находился въ страшной зависимости отъ бюрократіи, генеральныхъ фермеровъ и привилегированныхъ классовъ (*).

Къ довершенію зла присоединились неурожаи и страшные холода. Правительство послало пособія пострадавшимъ, но они частью не дошли до нихъ, частью были розданы интендантами по протекціи... Жалобы раздавались со всѣхъ сторонъ; государству грозило банкротство... Рѣшено было созвать генеральные штаты...

Но еще задолго до этой мѣры, лучшіе умы того времени видѣли печальное положеніе общества и искали средствъ помочь ему. Тюрго, Кенэ, Гурнэ проводили новыя политико-экономическія теоріи. Вольтеръ, Гольбахъ, д'Аламберъ, Дидро въ свободѣ религіозной видѣли свободу политическую. Руссо, Мабли въ утопіяхъ древности искали идеала новаго общества. Монтескье представилъ превосходный панегирикъ англійскимъ учрежденіямъ... Со всѣхъ сторонъ наука и творчество представляли данныя для лучшаго общественнаго устройства. Литература XVIII вѣка отличалась тѣмъ, что разработывала общія и абстрактныя теоріи управленія, философіи и открыто шла противъ существующаго порядка вещей. Такое направленіе не было случайностью, замѣчаетъ Токвиль; эти идеи были внушены тогдашнимъ общественнымъ положеніемъ. Видъ столькихъ вредныхъ и смѣшныхъ привилегій, возникшихъ безъ всякой законной причины, невольно устремлялъ мысли къ равенству состояній; видъ столькихъ нелѣпыхъ и странныхъ учрежденій, потерявшихъ всякое значеніе, заставлялъ невольно желать перестроить общество на лучшихъ основаніяхъ. Въ древнемъ мірѣ философы видятъ идеалъ; они чувствуютъ необходимость переворота и понимаютъ, что для осуществленія его необходимо поднять гражданское мужество, возбудить патріотизмъ древней Греціи и Рима; съ другой стороны, начала, выработанныя новѣйшей цивилизаціей, политическая свобода, такъ удачно привившаяся къ Англіи, не могли остаться безъ вліянія на труды французскихъ мыслителей. Третій элементъ, входившій въ ихъ сочиненія, была любовь къ природѣ, свойственная всякому, пострадавшему отъ общества. Такое соединеніе противоположныхъ началъ, естественно, должно было породить противорѣчія въ политическихъ теоріяхъ XVIII вѣка, а потому онѣ и не могли осуществиться тѣмъ болѣе, что допускали поглощеніе личности

(*) См. Тюрго, Р. Слово, апр. и май 1860.

обществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое «Соціальный Договоръ» Руссо (Le Contrat social), какъ не высшее выраженіе древнереспубликанскихъ теорій. Авторъ совершенно упускаетъ изъ виду заданный имъ себѣ вопросъ, какъ найдти такую форму ассоціаціи, которая защищала бы и покровительствовала всей силой общества личность и имущество каждаго члена, такъ чтобы онъ оставался свободенъ какъ прежде и повиновался только самому себѣ. Вмѣсто того, чтобъ опредѣлить границы вмѣшательству общества, онъ проповѣдуетъ полное отчужденіе личности и собственности въ пользу его. Всякій членъ, говоритъ онъ, отдаетъ обществу себя и всѣ свои силы; имущество составляетъ часть ихъ и потому должно быть также въ его распоряженіи; и такъ какъ частному лицу не предоставляется никакихъ правъ, то оно не имѣетъ надобности ни въ какой гарантіи и должно подчиниться общественной волѣ, которая всегда справедлива, какъ бы мало ни была просвѣщена. Общественный Договоръ предоставляетъ обществу такую же неограниченную власть надъ личностью, какую всякій человѣкъ имѣетъ надъ своими членами.

Но, провозглашая непосредственную демократію Руссо въ то же время допускаетъ эту форму правленія только для небольшихъ республикъ и то при условіи существованія рабства, для того чтобы граждане имѣли больше свободы заниматься общественными дѣлами. Мабли идетъ по слѣдамъ Руссо и въ законахъ Ликурга ищетъ обновленія французскаго общества. Мерсье ставитъ образцомъ Китай, а Морельи опирается на принципъ врожденной добродѣтели человѣка. Онъ признаетъ законность страстей и природное влеченіе къ труду. «Единственный порокъ, который я знаю, говоритъ онъ—жадность. Всѣ другіе—только виды ея... Анализируйте тщеславіе, гордость, самолюбіе, лицемѣріе и другіе; разложите большую часть нашихъ софистическихъ добродѣтелей,—вы увидите, что все это имѣетъ побудительной причиной жажду пріобрѣтенія, слѣдовательно, тамъ, гдѣ не было бы собственности, не было и ея пагубныхъ послѣдствій. Человѣкъ, по природѣ своей, продолжаетъ онъ, дѣятеленъ, любитъ трудъ и чувствуетъ отвращеніе только къ однообразной и продолжительной работѣ; лѣность родилась отъ произвольныхъ учрежденій, предоставившихъ только нѣкоторымъ счастіе и довольство и осудившихъ другихъ на горе и трудъ. Бриссо представляетъ еще болѣе странное явленіе: онъ проповѣдуетъ крайній матеріализмъ и уничтоженіе собственности, непосредственность впечатлѣній и вслѣдъ за тѣмъ

является страстнымъ поклонникомъ Руссо и деистомъ. Но въ то время, когда проводились эти теоріи, когда теизмъ Руссо, Морелли и ихъ послѣдователей сражался въ философской школой Гольбаха и Вольтера, въ то самое время является новый двигатель революціи—мистицизмъ. Собранія франкмасоновъ и месмеристовъ дѣйствовали могущественнымъ образомъ на воображеніе. Въ Парижѣ, въ 1784 году, существовали уже многочисленныя общества, въ которыхъ истрачивалось пропасть денегъ для занятій мистическими науками. Многіе были убѣждены, что въ природѣ существуютъ сильфы, невидимые духи, которые могутъ находиться въ распоряженіи людей; были увѣрены, что большая часть нашихъ дѣйствій и явленій природы зависитъ отъ тайныхъ причинъ, отъ невѣдомыхъ духовъ; полагали, что не дали надлежащей вѣры талисманамъ, судебной астрологіи, волшебству; вѣрили въ фатализмъ; думали, что мы въ этомъ мірѣ играемъ роль куколъ или невѣжественныхъ слѣпыхъ рабовъ. Но эти мнѣнія не уронили людей XVIII вѣка: въ нихъ была огромная доля энергіи; не покориться этимъ невѣдомымъ вліяніямъ хотѣли они, но освободиться отъ нихъ, употребить съ пользой силы этого невидимаго міра. Отсюда возникаетъ страсть къ тайнымъ ассоціаціямъ, къ мистицизму, къ аллегоріямъ. Ученіе Розенкрейцеровъ и другихъ мечтателей, принадлежавшихъ къ обществу франкмасоновъ, привлекали къ себѣ нѣжныя и страстныя натуры, обольщая ихъ мечтой всеобщаго счастія. Для людей же болѣе развитыхъ, болѣе энергическихъ тайныя общества открывали свой настоящій символъ—сражаться противъ деспотизма. «Бергассъ, говоритъ Бриссо въ своихъ мемуарахъ, не скрывалъ отъ меня, что, воздвигая алтарь магнетизму, онъ воздвигалъ его свободѣ отечества. Пора, сказалъ онъ; Франція нуждается въ революціи, но приступить къ ней открыто невозможно; чтобъ успѣть, надо облечься таинственностью, соединить людей подъ видомъ занятій физическими опытами, но въ сущности для низверженія деспотизма. Съ этой цѣлью онъ образовалъ общество, членами котораго, между прочимъ, были Лафайеттъ, Клавьеръ и другіе.

Эти идеи, это общее броженіе, общее недовольство нашли себѣ выраженіе въ многочисленныхъ журналахъ и брошюрахъ. За десять лѣтъ до революціи это было настоящее литературное наводненіе: желаніе высказаться — вѣрный признакъ общественнаго развитія — волновало всякаго маломальски образованнаго человѣка. Пришло время, когда XVIII вѣкъ захотѣлъ привести свои теоріи

въ дѣйствіе. Новое поколѣніе, воспитанное энциклопедистами, поколѣніе восторженное, тревожное, нетерпѣливое съ жадностью бросилось на поприще журналистики. Пора книги кончилась; событія быстро шли другъ за другомъ; наступила очередь брошюры и журнала. Придворныя партіи пользовались такимъ литературнымъ разлитіемъ и употребляли памфлетъ орудіемъ своихъ интригъ. Такъ нѣкто Леметръ (Lemaître) былъ призванъ въ парламентъ за содержаніе тайной типографіи. Оказалось, что онъ печаталъ пасквили Морена противъ Неккера. Но, пользуясь услугами презрѣнныхъ либеллистовъ, дворъ боялся истинной журналистики. Большая часть министровъ пыталась подкупить замѣчательнѣйшихъ писателей, стараясь въ то же время унизить другихъ. Болѣе 300 борзописцевъ просили пенсіи у Калонна и щедро курили ему фиміамъ лести. Но всѣ эти происки и подлости не повели ни къ чему: лучшіе люди революціи остались неподкупны; идеи ея составляли насущную потребность общества; о необходимости реформъ говорили ежедневные факты жизни — что же могли сдѣлать нѣсколько подкупленныхъ чиновниковъ, записавшихся въ литераторы только потому, что это было выгодно. «Читая записки (cahiers) трехъ сословій (до созванія генеральныхъ штатовъ), говоритъ Токвиль, я замѣчаю, что здѣсь требуютъ уничтоженія закона, тамъ—какого нибудь обычая. Окончивъ эту громадную работу, я съ ужасомъ увидѣлъ, что сумма всѣхъ требованій заключаетъ въ себѣ одновременное и систематическое уничтоженіе всѣхъ законовъ и обычаевъ страны». Это свидѣтельство служитъ лучшимъ доказательствомъ неизбѣжности революціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что политика и политическія брошюры вошли въ моду, что ими стали заниматься даже дамы — интересы были слишкомъ глубоко затронуты, злоупотребленія правительства слишкомъ очевидны...

Лудовикъ XVI понималъ, что такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться. Съ самаго начала царствованія онъ предпринималъ разныя реформы, но никогда не рѣшался на радикальное исцѣленіе зла. Слабый и нерѣшительный, онъ позволялъ только затрогивать всѣ вопросы и не разрѣшалъ ни одного изъ нихъ. Постоянно подчиняясь чьему-нибудь вліянію, онъ смѣнялъ министровъ по интригамъ придворныхъ и Маріи Антуанетты, но эти смѣны нисколько не поправляли обстоятельствъ. Прежняя раздача пенсій и наградъ любимцамъ продолжалась (*). На общественное мнѣніе попрежнему не обраща-

---

(*) Вотъ нѣкоторые образцы пенсій, извлеченные изъ *красной книги* (назва-

ли вниманія. Марія Антуанетта въ короткое время возбудила общее негодованіе своимъ мотовствомъ, легкомысліемъ и деспотическими стремленіями. Въ дѣлѣ объ ожерельѣ общественный голосъ обвинялъ ее (*).

Теперь разсмотримъ, въ какомъ положеніи находились враждующія стороны при началѣ революціи.

Король не потерялъ еще народной любви. Всѣ несчастія приписывали придворнымъ, которые скрывали отъ него бѣдственное положеніе страны. Въ народѣ сохранялись еще воспоминанія о прежнихъ благодѣяніяхъ Лудовика: суровая зима 88 года, когда онъ самъ наблюдалъ за раздачей дровъ, не была забыта; простота обхожденія и доступность доставили ему множество приверженцевъ въ рядахъ массы; пуассардки, такъ оклеветанныя роялистами, называли его не иначе, какъ *le bon papa*,—все показывало, что примиреніе было еще возможно, что монархія могла еще устоять, опираясь на народъ, и не только устоять, но съ помощью его совершить самыя обширныя и полезныя реформы. Но Лудовикъ не нашелъ въ себѣ мужества взяться за эту роль: онъ остался покорнымъ мужемъ Маріи Антуанетты и королемъ касты. Онъ полагался на дворянство, духовенство и войско.

на такъ, потому что была въ красномъ сафьянномъ переплетѣ) въ ней записывались тайныя издержки короля.

Г. Дегалуа де ла Туръ (Desgalois de la Tour) получалъ 22,720 ливровъ въ видѣ трехъ пенсій. Первую—какъ первый президентъ и интендантъ, вторую—какъ интендантъ и первый президентъ; третью—въ уваженіе причинъ выше изложенныхъ.

Маркизъ д'Отишанъ (d'Antichamp) получалъ четыре пенсіона: первый за услуги покойнаго отца; второй—по тому же предмету: третій—по тому же поводу (raison); четвертый—по той же причинѣ (cause). Жоли де Флери, генеральный адвокатъ, получалъ ренту въ 17,000 ливровъ за то, что отказался отъ мѣста въ пользу своего сына. Графъ д'Артуа во время министерства Калонна получилъ больше 14 мил. ливровъ, какъ чрезвычайное пособіе. Фамилія Полиньякъ получала ежегодно около 700 т. л.

50,000 выдано единовременно г. Круамару на покупку земли; 15,000—Гурдэну на покупку должности; 60,000 г. Гоше—на уплату долговъ.

Графинѣ д'Оссуна—20,000 на столъ ежегодно.

Бѣднымъ города Парижа—15,000 единовременно.

Были даже такіе случаи, что въ числѣ пенсіонеровъ стояли покойники.

(*) Подробности о Маріи Антуанеттѣ и ея дворѣ см. Рус. Сл., сентябрь 1860., отд. ин. лит.

Тогдашнее дворянство быстро разорялось: имѣнія его переходили въ руки средняго сословія; несмотря на то, оно упорно держалось за свои привилегіи; оно было надуто пустой спѣсью, съ презрѣньемъ смотрѣло на буржуазію и народъ и служило только при дворѣ и въ войскѣ; оно замкнулось въ касту, не допускало браковъ съ лицами, принадлежащими къ другимъ сословіямъ и гордилось древностью рода; при дворѣ оно занималось интригами, мотовствомъ, любовными похожденіями; въ провинціи—охотою, тяжбами и пустыми церемоніями, напоминавшими прежнія феодальныя права; оно не смѣшивалось съ новымъ дворянствомъ, вышедшимъ изъ рядовъ буржуазіи, дворянствомъ, которое давали извѣстныя должности (болѣе 4,000, по словамъ Неккера). Но эта гордость продолжалась только до первой нужды: интенданты, которыхъ дворяне обыкновенно называли «monsieur», получали тогда титулъ «monseigneur'а, письма къ нимъ были наполнены самыми почтительными выраженіями и лестью. Что касается до дворянства парламентскаго и судебнаго (la noblesse de robe), оно стояло совершенно особнякомъ. Оно боялось всякихъ нововведеній и съ упорствомъ доктринеровъ отстаивало самыя устарѣлыя учрежденія. Послѣднія событія поставили его враждебно къ королю; оно стремилось возвратить себѣ прежнее значеніе.

Духовенство раздѣлялось на двѣ категоріи: первая, состоявшая изъ высшихъ сановниковъ, принадлежала къ дворянству, отличалась всѣми его пороками и была ненавистна народу своими привилегіями, правами и богатствами (*). Другая половина — низшаго духовенства, считала въ своихъ рядахъ многихъ поклонниковъ новыхъ идей.

(*) Въ 1789 году французская церковь состояла изъ 18 архіепископствъ, 113 епископствъ, 1,922 аббатствъ, 113 конгрегацій, 1,200 пріорствъ, 1,500 монастырей, 3,700 приходовъ, 2,760 каноникатовъ (canonicats), 828 капитуловъ (chapitres), 1380 каноникатовъ съ особыми привилегіями (dignités). Приблизительный доходъ духовенства простирался до 200 мил. франк., считая въ этой суммѣ десятину, хотя народъ платилъ сверхъ того 30 мил. на содержаніе церквей, помощь священникамъ и т. п., что по законамъ должна была оплачивать десятина. Такое богатство, соединенное съ развратнымъ поведеніемъ, глубоко раздражало народъ. Вотъ какъ изображаетъ нравы духовенства одна тогдашняя брошюра: Представители націи, взгляните на архіепископовъ, вы ихъ увидите въ великолѣпныхъ отеляхъ, въ блестящихъ экипажахъ, окруженныхъ много численными слугами, за роскошнымъ и сытнымъ столомъ. Не ищите аббатовъ между монахами: они живутъ далеко отъ монастыря, они никогда не являются за трапезой и рѣдко при богослуженіи. Они имѣютъ своихъ слугъ, свои экипажи, а монахи также совершенно пренебрегаютъ исполненіемъ долга!

Армія состояла изъ швейцарскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ и изъ французскихъ полковъ. На первыхъ можно было больше расчитывать; потому что никакіе общіе интересы не связывали ихъ съ народомъ, вторые же видѣли въ немъ братьевъ и, если не рѣшались еще рѣзко выставлять себя, то потому только, что ихъ удерживали отъ этого остатки дисциплины. Вступленіе въ министерство графа Сенъ-Жермения, который ввелъ наказаніе фухтелями, возбудило общее негодованіе между солдатами. Непрочность этихъ подпоръ еще увеличивалась придворными интригами и отношеніями принцовъ къ королю: герцогъ Орлеанскій, отличавшійся мужествомъ и либерализмомъ, былъ ненавидимъ королевой; его считали виновникомъ всѣхъ демонстрацій противъ королевской власти, объ немъ говорили, что онъ хочетъ свергнуть старшую линію Бурбоновъ, и потому заискиваетъ расположеніе народа; его оскорбляли на каждомъ шагу — не мудрено, что онъ, дѣйствительно, сталъ во враждебныя отношенія къ Лудовику. Графъ д'Артуа былъ въ головѣ реакціи вмѣстѣ съ королевой и усиливалъ своими поступками гнѣвъ революціи. Графъ Прованскій держался въ сторонѣ и льстилъ обѣимъ партіямъ, но втайнѣ былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ короля: его мучило честолюбіе, желаніе царствовать, и онъ, воспитанный іезуитами, закаленный въ притворствѣ, считалъ всѣ средства позволенными для достиженія цѣли. Разсыпаясь въ любезностяхъ передъ королевой, посылая ей великолѣпные подарки и мадригалы, онъ въ то же время распускалъ подъ рукой дурные слухи о ней: онъ сомнѣвался въ законности дѣтей ея и даже составилъ по этому случаю тайный протестъ, подписанный 12 перами; онъ заказывалъ противъ ней пафмлеты и заботился объ ихъ распространеніи; онъ вошелъ въ сношенія съ Мирабо и мечталъ о низверженіи короля, что доказывается слѣдующимъ письмомъ трибуна: «Успокойтесь, успокойтесь, умоляю васъ, нетерпѣніе погубитъ все. Именно потому, что вы родились такъ близко отъ трона, вамъ трудно сдѣлать послѣдній шагъ, отдѣляющій отъ него. Мы не на востокѣ, чтобъ такъ быстро вести дѣла... Во Франціи не подчинятся серальской революціи».

Обставленный такимъ образомъ, Лудовикъ не могъ надѣяться ни на торжество, ни на сохраненіе своей популярности: онъ былъ слишкомъ слабъ, а между тѣмъ его заставляли принимать мѣры, которыя раздражали народъ; ни отъ кого, кромѣ Неккера, онъ не слышалъ добраго совѣта, а противъ Неккера былъ почти весь дворъ.

Теперь разсмотримъ составъ противной партіи.

Главная сила національнаго собранія была въ буржуазіи. Среднее сословіе восторжествовало на выборахъ: представители его были большею частью люди, усвоившіе новыя идеи, одаренные желѣзною волею. Они чувствовали, что за нихъ стоитъ сильное сословіе, которое готовъ подкрѣпить народъ; они видѣли волненія на выборахъ въ провинціяхъ, видѣли, какъ дворянство было безсильно, даже прибѣгая къ оружію и опираясь на губернаторовъ — и они принесли эту увѣренность въ побѣдѣ въ Версаль.

На сторонѣ собранія были клубы и журналистика, слѣдовательно— общественное мнѣніе; на сторонѣ собранія были всѣ талантливые люди. Мирабо принесъ туда свое грозное, увлекающее краснорѣчіе, аббатъ Сіiесъ глубину и силу мысли, Робеспьеръ—несокрушимую энергію убѣжденія, герцогъ Орлеанскій—блескъ сана и породы, склоненные передъ идеями революціи. Собраніе было одушевлено однимъ духомъ: демократическая партія еще не выдѣлялась рѣзко изъ него; интересы народа оставались пока на второмъ планѣ; слѣдовательно оно могло дѣйствовать дружно.

II.

Объемъ статьи не позволяетъ намъ слѣдить за всѣми дѣйствіями національнаго собранія. Мы ограничимся только тѣми, которыя болѣе рельефно выставляютъ главную идею революціи: борьбу буржуазіи съ королемъ и народомъ.

При самомъ началѣ засѣданій обнаружились признаки антагонизма между сословіями. Дворянство и духовенство хотѣли вотировать отдѣльно; среднее сословіе поняло, что въ такомъ случаѣ генеральные штаты приведутъ только къ безплоднымъ смутамъ: предоставивъ «veto» духовенству, оно не могло надѣяться ни на свободу религіозную, потому что духовенство признавало католическую религію государственной; ни на свободу печати, потому что оно преслѣдовало философовъ; ни на свободу образованія, потому что оно присвоивало себѣ это право исключительно. Отъ дворянства должно было ожидать еще менѣе: оно требовало возстановленія прежнихъ формъ француз-

ской монархіи и хотя соглашалось на уничтоженіе большей части феодальныхъ правъ, но съ выкупомъ и съ предоставленіемъ себѣ исключительныхъ почетныхъ привиллегій; оно готово было унизить духовенство, ослабить королевскую власть, но съ тѣмъ, чтобы придать себѣ болѣе значенія, получить больше вліянія на дѣла. Буржуазія упорно противилась отдѣльному вотированію и твердость ея увѣнчалась успѣхомъ... 20 іюня собраніе депутатовъ средняго сословія произнесло свою знаменитую клятву въ залѣ для игры въ мячи (jeu de paume); 22 духовенство присоединилось къ нимъ; 27 король, испуганный слухами о народномъ волненіи, приказалъ дворянству уступить.

Но въ то время какъ собраніе готовилось приступить къ обсужденію конституціи, народъ выдвинулся на сцену.

Пробужденіе политической жизни въ народѣ было вызвано съ одной стороны притѣсненіями сборщиковъ податей; продѣлками барышниковъ, скупившихъ всю муку; подстрекателями, дѣйствовавшими по приказаніямъ графа прованскаго и другихъ партій; съ другой стороны участіемъ принятымъ народомъ въ выборахъ, связью его съ наиболѣе популярными членами собранія, журнальными листками. Разумѣется, самой главной двигающей пружиной былъ голодъ. Не смотря на всѣ распоряженія Неккера, на преміи, назначенныя имъ за ввозъ хлѣба, цѣны быстро увеличивались. Причиной этого была постыдная перекупка хлѣба. Компанія, въ которой были многіе знатныя лица, скупала весь хлѣбъ и безжалостно спекулировала на бѣдствіе народа... Въ Парижѣ обнаружились волненія...

Между тѣмъ Лудовикъ намѣревался подавить революцію. Изъ провинцій были вызваны полки. Неккера уволили; съ каждымъ днемъ ожидали новыхъ силъ... Парижъ отвѣчалъ взятіемъ Бастиліи и сформированіемъ національной гвардіи. Лафайеттъ былъ назначенъ ея командиромъ. 17 іюня Лудовикъ явился въ ратушу (Hôtel-de-ville) и утвердилъ всѣ распоряженія буржуазіи. Бальи предложилъ ему національную кокарду; король прикрѣпилъ ее къ шляпѣ и подошелъ къ окну... Восторженныя восклицанія привѣтствовали его. Лудовикъ сдѣлался королемъ буржуазіи. Взятіе Бастиліи составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи французской революціи. Оно показало силу народа буржуазіи и аристократіи. Первая поспѣшила стать подъ защиту національной гвардіи; вторая начала эмигрировать. Оставшіеся враждебно смотрѣли на короля. Онъ могъ спастись только съ помощью буржуазіи, которая охотно готова была поддержать королевство для

того, чтобъ не прибѣгать къ помощи народа. Въ головѣ ея стояли Бальи и Лафайеттъ. Первый, сынъ виноторговца, человѣкъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ былъ извѣстенъ какъ честный и скромный ученый. Онъ нравился буржуазіи, потому что не отличался ни особенными добродѣтелями, ни пороками. Его ребяческое тщеславіе, его твердость, походившая на упрямство, его узкій, эгоистичный взглядъ дѣлали его типомъ и героемъ буржуазіи.

Второй, молодой маркизъ, другъ Вашингтона, герой американской войны, былъ сначала идоломъ народа. Привлекательныя манеры, ласковость, красивая наружность доставили ему множество приверженцевъ. Но, играя роль республиканца, онъ не могъ отрѣшиться отъ прежнихъ преданій и навсегда остался диллетантомъ революціи. Онъ отвернулся отъ ней, какъ скоро она явилась передъ нимъ въ своемъ грозномъ величіи. Нерѣшительный и колеблющійся, онъ былъ по плечу буржуазіи: онъ не могъ сдѣлаться похитителемъ власти, потому что былъ довольно добросовѣстенъ; онъ пользовался достаточно любовью солдатъ, чтобъ заставить себѣ повиноваться.

Обставленное такимъ образомъ національное собраніе думало соединиться съ королемъ, но дворъ считалъ себя такъ крѣпкимъ, что надѣялся обойтись безъ помощи собранія. Королева отвергла даже предложенія Мирабо, который рѣшался перейдти на сторону двора, принужденный къ этому своими долгами... Этотъ человѣкъ представлялъ въ себѣ странное соединеніе самыхъ противоположныхъ тенденцій. Жертва отцовскаго деспотизма, жертва насмѣшекъ и насилія, онъ отъ самой нѣжной юности мѣнялъ неволю родительскаго дома на неволю тюрьмы; онъ былъ безобразенъ, но краснорѣчивъ и уменъ; сердце его было страстно, но страсть его была непостоянна: онъ быстро охладѣвалъ и ненасытная жадность его натуры искала новыхъ впечатлѣній, новыхъ жертвъ. Съ ужасомъ отвернулись отъ него отцы семействъ, какъ отъ демона соблазнителя; съ презрѣніямъ смотрѣла аристократія на демократическія выходки этого графа. Отвергаемый ею, страдая подъ тяжестью горькихъ воспоминаній, онъ съ отчаяніемъ бросился въ объятія народа, и народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ геніальнаго ренегата. Но рукоплесканія толпы не удовлетворяли «суконнаго торговца» Мирабо, какъ прежде не удовлетворяли графа привилегіи аристократіи. Натура его была слишкомъ богата и подвижна, и онъ не могъ остановиться на чемъ нибудь одномъ. Въ вихрѣ удовольствій думалъ забыться онъ, и съ безумнымъ хохотомъ и

скептической улыбкою безпощадно короталъ жизнь свою, то въ бурныхъ оргiяхъ, то въ усидчивыхъ, кабинетныхъ работахъ. Деньги и слава, слава и наслажденiя — вотъ въ чемъ былъ девизъ его эгоистической жизни. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, постоянно встрѣчаясь съ дурной стороной человѣческой натуры, онъ сталъ глубоко презирать людей и сдѣлался неразборчивымъ въ средствахъ. Генiй его былъ великъ, образованiе обширно, влiянiе громадно—онъ сталъ поклоняться самому себѣ, онъ вообразилъ, что революцiя была его созданiе, что онъ можетъ управлять ея судьбами... Жалкiй слѣпецъ! Онъ былъ великъ генiемъ революцiи, онъ былъ силенъ ея идеями, ея силою; едва онъ вздумалъ отшатнуться отъ ней, какъ сдѣлался безсиленъ. Блѣдный Барнавъ поражаетъ его, гиганта краснорѣчiя; простой смыслъ народа отгадываетъ тончайшiя дипломатическiя хитрости новаго Маккiавелли—и громовой голосъ Мара произноситъ надъ нимъ проклятiе.

Между тѣмъ голодъ продолжался. Народъ совершилъ нѣсколько примѣровъ жестокаго правосудiя надъ лицами, подозрѣваемыми въ скрытiи хлѣба. Вся популярность Лафайетта не могла спасти Фульона. Провинцiи послѣдовали примѣру Парижа; вмѣстѣ съ этимъ началось истребленiе замковъ. Нацiональное собранiе увидѣло, что медлить нечего и въ знаменитомъ засѣданiи 4-го августа уничтожило рабство, исключительное право охоты и ловли, всѣ частныя привилегiи городовъ, сеньерiальное судопроизводство и другiя злоупотребленiя. 26 августа явилась знаменитая «декларацiя правъ человѣка». 30 iюля образовалась коммуна.. Королевство было побѣждено. Начиналась борьба между буржуазiей и народомъ... Партiя народа, партiя республики составляла сперва весьма незначительное меньшинство. Самъ Мара былъ сначала приверженцемъ конституцiи; но интриги роялистовъ скоро обратили мысли буржуазiи къ республикѣ; какъ скоро она увидѣла, что господствовать съ помощью короля невозможно, она рѣшилась обойдтись безъ него. Борьба загорѣлась въ журналистикѣ. Едва начались засѣданiя нацiональнаго собранiя, журналы стали являться ежедневно десятками (въ 4 года ихъ насчитываютъ не менѣе 1000); роль ихъ становилась серьезнѣе, значенiе выше. Всѣ партiи нашли себѣ отголоски въ журналахъ. Мирабо основалъ журналъ (Courrier de Provence) для приведенiя своихъ идей, для цѣлей своего честолюбiя. Конституцiонная партiя имѣла себѣ защитникомъ Малье дю Пана (Mallet du Pan). Онъ постоянно былъ врагомъ крайностей и всегда полагалъ, что конституцiя—единственный

образъ правленія, сообразный съ истинной свободой; почти въ томъ же духѣ пишетъ Гара (Garat) въ Journal de Paris, съ тою только разницей, что позволяетъ себѣ прикрашивать событія для пользы прогресса и революціи. Представителями будущихъ жирондистовъ были: Бриссо-де-Варвиль, Кондорсе, Горса (Gorsas). Первый поддерживалъ коммунальную свободу и свободу печати, отвергая централизацію администраціи и власти. Второй былъ идеалистъ, желавшій прежде всего осуществленія своихъ теорій. Онъ боготворилъ разумъ, вѣрилъ во всемогущество человѣческаго генія, обожалъ будущее и проклиналъ прошедшее, желалъ свободы мысли и науки и въ то же время готовъ былъ охотно примириться со всякимъ правительствомъ, при которомъ бы могъ приводить свои теоріи въ дѣйствіе; онъ перешелъ на сторону буржуазіи потому что видѣлъ, что съ ея помощью можетъ опрокинуть зданіе предразсудковъ; но его страшили бури народныхъ волненій: разнообразіе народной жизни, кипучая ея дѣятельность, ея рѣзкія, своеобразныя формы казались ему безпорядкомъ. Главнымъ органомъ этой партіи была Парижская Хроника. Горса служитъ полнымъ выраженіемъ бездарной умѣренности: онъ не любитъ никакого движенія, никакого шуму, вездѣ видитъ анархію и безпорядокъ — не даромъ онъ былъ инспекторомъ въ какомъ-то пансіонѣ. «Парижскія Революціи», издаваемыя Прюдомомъ, подъ редакціей Лустало, выражали мнѣнія партіи, стоявшей между народомъ и буржуазіей или лучше сказать мнѣнія наиболѣе развитой части буржуазіи и народа. Строгій патріотизмъ Лустало (Loustalot) и его добросовѣстность доставили журналу множество читателей. Свобода печати безъ различія мнѣній, возбужденіе патріотизма въ ослабѣвшихъ или дремлющихъ, показаніе примѣненій отвлеченныхъ теорій къ дѣлу—вотъ цѣли журнала Прюдо̀ма. «Патріотическія Лѣтописи» Карра принимаютъ тонъ болѣе рѣзкій, хотя дѣйствуютъ въ томъ же духѣ съ тою разницей, что начала ихъ болѣе демократичны. Бонвиль и аббатъ Фоше основали журналъ, въ которомъ проводилась теорія всеобщаго счастія: первый думалъ достигнуть его раздѣленіемъ имуществъ и общностью женъ... Роялисты имѣли на своей сторонѣ вялую оффиціальную газету и нѣсколько другихъ, отличавшихся крайней умѣренностью. Первый роялистскій журналъ, который имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, назывался Journal de la cour et de la ville (придворный и городской журналъ); вслѣдъ за нимъ являются «Дѣянія Апостольскія» (les Actes des Apôtres) и др. Насмѣшка и клевета составляютъ главное ихъ оружіе, изящная форма—достоинство. Но про-

тивъ Мори, Готье, Мирабо-младшаго (Tonneau) являются грозные противники—Камиллъ Демулэнъ и Мара. Никто изъ тогдашнихъ писателей не обладалъ такимъ даромъ остроумнаго, увлекательнаго изложенія, какъ Демулэнъ. Пламенное воображеніе, наполненное классическими героями, неистощимая французская веселость, находчивость, смѣлость, рѣзкія республиканскія мнѣнія дѣлали изъ него любимца народа; онъ страстно любилъ свободу, но свободу Аѳинъ, а не Спарты; его непослѣдовательность происходила отъ излишней впечатлительности; человѣкъ минуты, онъ быстро переходилъ отъ одного ощущенія къ другому, но всегда былъ искрененъ—однимъ словомъ онъ былъ вѣрнымъ выраженіемъ народа, которому служилъ: въ немъ соединялись всѣ его добродѣтели и недостатки. Еще на скамьяхъ коллегіи Лудовика Великаго, гдѣ онъ былъ товарищемъ Робеспьера, онъ сдѣлался ревностнымъ республиканцемъ. «Мы воспитывались въ школахъ Греціи и Рима, говорилъ онъ, въ республиканской гордости и въ ненависти къ Клавдіямъ и Вителліямъ... Безумцы! можно-ли чувствовать страсть къ отцамъ отечества, къ капитолію, не презирая версальскихъ людоѣдовъ? Можно-ли удивляться прошедшему, не осуждая настоящаго»?

Первый шагъ Демулэна на политическомъ поприщѣ была знаменитая рѣчь его въ Пале-Роялѣ, когда онъ возбудилъ народъ взять Бастилію. Вслѣдъ затѣмъ явились его «свободная Франція» и «рѣчь фонаря» къ Парижанамъ. Роялистскіе писатели обвиняютъ его въ хладнокровной жестокости, въ неприличныхъ шуткахъ, въ потворствѣ народнымъ страстямъ. Это несправедливо. Вотъ что говоритъ фонарь: «я не люблю слишкомъ поспѣшнаго правосудія. Вы знаете, что я показалъ ясно, что я недоволенъ, во время возшествія Фульона и Бертье. Я два раза перервалъ роковую петлю. Я былъ совершенно убѣжденъ въ измѣнѣ и мошенничествѣ этихъ бездѣльниковъ; но столяръ слишкомъ поторопился. Я хотѣлъ бы допроса и разоблаченія многихъ фактовъ. Слѣпые Парижане! вмѣсто того, чтобы подтвердить эти факты, вы, можетъ быть, погубили доказательства заговора противъ васъ. Я до сихъ поръ служилъ правосудію и отечеству, какъ только они требовали этого, а вы обезчестили меня. Слава моя пройдетъ, и я останусь замаранъ въ глазахъ потомковъ убійствами».

Чтобъ сказать такія вещи раздраженному народу надо было много смѣлости и ловкости, и генеральный прокуроръ фонаря (такъ назы-

ваетъ себя Демулэнъ) доказалъ, что онъ понимаетъ свое дѣло: онъ не измѣнилъ ни своей популярности, ни убѣжденіямъ.

Но всѣ эти обвиненія ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, что говорили о Мара не только роялисты, но и умѣренные; даже нѣкоторые изъ красныхъ республиканцевъ представили его какимъ-то чудовищемъ. Конечно, онъ имѣлъ пороки, но далеко не былъ такъ червнъ, какъ его представляютъ. Постараемся опредѣлить настоящее его значеніе въ началѣ революціи. Жанъ-Поль Мара (Marat) родился въ одной деревушкѣ у подножія Альпъ въ княжествѣ Нефшатель въ 1743 году. Чувствительное сердце, огненное воображеніе, откровенный характеръ представляли богатые задатки для дальнѣйшаго развитія. Съ десяти лѣтъ онъ сталъ чувствовать непреодолимую склонность къ наукамъ: умственныя наслажденія сдѣлались для него необходимостью. Руководимый матерью, онъ до 20 лѣтъ умѣлъ сохранить чистоту нравовъ и вслѣдствіе этого нѣкоторое идеалистическое настроеніе. Послѣ того онъ поступилъ докторомъ въ одинъ изъ полковъ французской гвардіи. Но скоро служба наскучила ему, онъ вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ онъ все время посвятилъ наукѣ и наблюденіямъ; объѣхалъ половину Европы и около 12 лѣтъ провелъ въ Англіи. Въ 74 году онъ напечаталъ въ Эдинбургѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ произведеній: «цѣпи рабства» (the chains of slavery). Эта книга представляла историческое и философское изложеніе всѣхъ средствъ, которыми народъ удерживается въ невѣжествѣ и порабощеніи. На другой годъ онъ издалъ трактатъ о «человѣкѣ», въ которомъ досталось порядкомъ Гельвецію, Кондильяку, Вольтеру и вообще всѣмъ философамъ, противнымъ школѣ Руссо. Вольтеръ отвѣчалъ язвительной критикой, которая окончательно похоронила репутацію Мара въ глазахъ ученыхъ обществъ, тѣмъ болѣе, что онъ не щадилъ ихъ: онъ показывалъ ошибки Ньютона, обвинялъ Лавуазье въ присвоеніи открытій Кавендиша, не щадилъ ни Лапласа, ни Ласепеда. Оскорбленные ученые вооружились противъ него такъ, что онъ не могъ помѣщать на стобцахъ ихъ журналовъ даже своихъ объявленій. А между тѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ открытій въ химіи и физикѣ, но на нихъ ученая котерія не обратила вниманія. Къ этому времени печали и гоненія относится его «разсужденіе о реформѣ уголовныхъ законовъ». Глубокая и гуманная философія видна въ этомъ сочиненіи; съ полнымъ сочувствіемъ и любовью относится

онъ къ несчастнымъ, доказывая, что общество само виновато въ большей части тѣхъ преступленій, за которыя такъ жестоко наказываетъ. Съ перваго взгляда такое направленіе кажется невѣроятнымъ въ редакторѣ Друга Народа (l'Ami du Peuple). Какъ можно предполагать, чтобы человѣкъ, требовавшій въ послѣдствіи нѣсколькихъ сотъ тысячъ головъ для спасенія республики былъ одаренъ нѣжнымъ и чувствительнымъ сердцемъ? А между тѣмъ женщины, которыхъ онъ любилъ, народъ, страданія котораго онъ понималъ—доказываютъ это. Въ разныхъ мѣстахъ Друга Народа просвѣчиваютъ страницы, полныя неподдѣльнаго чувства и истиннаго страданія. Патріотизмъ составлялъ господствующую страсть Мара, страсть, поглощавшую все его существованіе. Пропитанный политическими теоріями древности, онъ не затруднялся прибѣгать къ энергическимъ и кровавымъ мѣрамъ для общаго блага, а общее благо онъ полагалъ въ торжествѣ и счастіи народа. «Святая любовь къ отечеству, говоритъ онъ, я посвятилъ тебѣ мой сонъ, мои досуги, мои дни, всѣ способности моей души. Я приношу теперь тебѣ въ жертву мои предубѣжденія, мщеніе, ненависть... Божество душъ чистыхъ, дай мнѣ силы исполнить мои обѣты! Никогда самолюбіе или упорство не воспротивятся во мнѣ мѣрамъ, предписаннымъ благоразуміемъ. Дай мнѣ восторжествовать надъ побужденіями чувства и если изступленіе негодованія должны когда нибудь вывести меня изъ границъ и подвергнуть опасности общественное спокойствіе, пусть я умру отъ горя, прежде чѣмъ совершу подобное преступленіе». Но эти чувства не бросили Мара сначала въ крайнюю демократію. Онъ понималъ, что демократія можетъ существовать и при конституціи, и въ началѣ своей политической карьеры не прочь отъ монархической конституціи. Впрочемъ обольщеніе его продолжалось не долго. Онъ скоро увидѣлъ и происки буржуазіи, и замыслы роялистовъ. Буря разразилась. Знаніе людей и огромная начитанность дѣлали Мара почти ясновидящимъ. Подозрительный глазъ его проникалъ вездѣ; онъ предъугадывалъ все, что клонилось къ вреду народа. Но обожая народъ, онъ не льстилъ ему, какъ не льстилъ никому. «О, Парижане, восклицаетъ онъ, легкомысленные, слабые, малодушные! Любовь къ новостямъ доходитъ въ васъ до ярости; страсть къ великимъ подвигамъ—у васъ мгновенная вспышка... Уроки мудрости и благоразумныя намѣренія не для васъ. Легіоны голодныхъ писакъ извратили вашъ вкусъ глупостями и жестокостями. Дѣльныя вещи не производятъ на васъ впечатлѣнія. Вамъ уже нравятся только крайности, раздираю-

щіе сердца поступки, грубая брань; вамъ уже кажутся самыя сильныя выраженія безъ энергіи, и скоро вы будете глухи ко всему, кромѣ криковъ тревоги и измѣны»!

Народъ понималъ, что эти укоры вырывались отъ избытка любви, и не только прощалъ смѣлому публицисту, но еще прибѣгалъ къ нему въ частныхъ дѣлахъ. Страницы Друга Народа испещрены обличительными статьями и изъявленіями благодарности — одному заплатили долгъ, другой обнаруживаетъ продажность судей, третій—злоупотребленія властей, четвертый хлопочетъ о разводѣ, пятый о славѣ—и всѣ обращаются къ журналу Мара. И сколько гнѣва, сколько гоненій перенесъ онъ за это. Клевета не щадила его: кромѣ справедливыхъ упрековъ за жестокость, говорили, что онъ служитъ орудіемъ аристократіи для возбужденія народныхъ волненій. Вотъ что отвѣчалъ на это Мара: «Враги народа, мои враги, говорятъ, что мое перо продано. Кому, скажите пожалуйста, кому? Не національному ли собранію, которое я столько разъ порицалъ за пагубные декреты, напоминая ему объ его обязанностяхъ? Не коронѣ ли, на которую я всегда нападалъ за ея ненавистную хищность, за ея страшныя прерогативы? Не министерству ли, которое я всегда представлялъ какъ непріятеля народа, котораго членовъ я называлъ злодѣями отечества? Не принцамъ ли, которыхъ издержки я требовалъ ограничить, которыхъ звалъ къ суду? Не духовенству ли на притязанія и безнравственность котораго я всегда возставалъ? Не дворянству ли, котораго коварные замыслы я раскрылъ, котораго несправедливыя привилегіи и желанія я всегда порицалъ? Не капиталистамъ ли, грабителямъ, лихоимцамъ, государственнымъ піявкамъ, у которыхъ я требовалъ отчета въ высосанной ими крови? Не думѣ ли, которой тайныя цѣли и опасные замыслы я обнаружилъ? Не округамъ ли (districts), которыхъ устрашающій составъ я показалъ и требовалъ реформъ? Не продалъ ли я себя національной гвардіи, на которую возсталъ за ея глупые поступки и безразсудную довѣрчивость къ подозрительнымъ начальникамъ?..

«За что же я нажилъ себѣ такую тучу смертельныхъ непріятелей? За народъ, за бѣдный народъ, истощенный бѣдностью, всегда притѣсняемый и презираемый; за народъ, который не даетъ ни мѣстъ, ни пенсій!.. Жертва гражданскаго мужества, я долженъ служить примѣромъ тѣмъ, которые попытаются защищать права націй! Легкомысленный и неблагодарный народъ! Ты поклоняешься тиранамъ и оставляешь

своихъ защитниковъ, но я предаюсь тебѣ, я посвятилъ тебѣ мои труды, мой покой, здоровье и свободу»!..

Понятно, какое значеніе могъ имѣть человѣкъ съ такимъ патріотизмомъ и энергіей. Вліяніе его еще увеличивалось Фрерономъ, редакторомъ «Народнаго Оратора» и ревностнымъ послѣдователемъ Мара.

При такихъ литературныхъ дѣятеляхъ, народная партія обладала еще ораторскимъ талантомъ Дантона и фанатической непреклонностью Робеспьера. Первый отличался порывистымъ, страстнымъ краснорѣчіемъ и съ необыкновенной ясностью умѣлъ излагать самые запутанные вопросы; онъ никогда не издавалъ никакой книги и самыя рѣчи говорилъ большею частью безъ приготовленія. Въ чистотѣ и силѣ своихъ убѣжденій онъ находилъ тѣ звуки, которые привлекали къ нему сердца народа. Сынъ прокурора въ Арсизѣ, онъ съ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя юридической карьерѣ; но нѣтъ никакихъ данныхъ, показывающихъ, чтобы онъ прославился на этомъ поприщѣ. Вѣроятно судьба его ничѣмъ не отличалась отъ судьбы его товарищей, когда вдругъ революція выдвинула его на сцену. Избранный въ президенты округа Кордильеровъ, онъ сообщилъ ему свою энергію. Этотъ округъ, говоритъ Фреронъ, сдѣлался ужасомъ аристократіи и убѣжищемъ всѣхъ притѣсняемыхъ. Его энергическія постановленія не разъ приводили въ смущеніе муниципальный деспотизмъ, возникшій на развалинахъ всѣхъ другихъ тиранній. Такое вліяніе было тѣмъ болѣе ощутительно, что Дантонъ былъ человѣкъ съ глубокимъ политическимъ тактомъ и не слишкомъ затруднялся въ выборѣ средствъ для достиженія своей цѣли. Съ перваго взгляда онъ понялъ, что буржуазія, едва освободившись, захочетъ сдѣлаться привилегированнымъ сословіемъ, и потому съ самаго начала своей политической карьеры онъ дѣйствуетъ противъ ней во имя народа. Онъ хотѣлъ странной но непродолжительной диктатуры; онъ думалъ, что она упрочитъ царство свободы и дастъ развиться учрежденіямъ наиболѣе благопріятнымъ для науки, искусства и общественнаго развитія; и что тогда она будетъ не нужна. Онъ не отдѣлялъ демократіи и если мечталъ когда о древней республикѣ, то о республикѣ Аѳинъ, но не Спарты.

Максимиліанъ Робеспьеръ, депутатъ Арраса, отличался строгостью нравовъ и неподкупной честностью. Страстный поклонникъ Руссо, онъ всю жизнь мечталъ о приведеніи «общественнаго договора» въ дѣйствіе. Фанатикъ этой идеи, онъ стремился къ осуществленію ея

со всѣмъ упорствомъ глубокаго убѣжденія. Кроткій и сантиментальный въ частной жизни, онъ становился неумолимымъ, какъ скоро дѣло касалось общественнаго блага. Рѣчи его отличались гуманностью, которой никакъ нельзя было ожидать отъ будущаго террориста: онъ предлагалъ уничтоженіе смертной казни, требовалъ освобожденія негровъ во французскихъ колоніяхъ. Но, не смотря на справедливость защищаемыхъ имъ принциповъ, рѣчи его не производили впечатлѣнія на большинство собранія, потому что были холодны, напыщены и отличались извѣстными риторскими пріемами. Ничто не показывало въ немъ, говоритъ Луи Бланъ, чего нибудь роковаго или великаго; одинъ среди цѣлаго собранія онъ доводилъ вопросъ до послѣднихъ предѣловъ, одинъ посреди всѣхъ этихъ людей, волнуемыхъ самыми противоположными чувствами, онъ шелъ прямо, безъ страха, безъ колебаній, безъ противорѣчія себѣ, со взглядомъ постоянно устремленнымъ вдаль къ одной точкѣ. Никто не разгадалъ его. То пламя, которое другіе имѣютъ въ сердцѣ, онъ имѣлъ въ головѣ. Онъ былъ страстенъ умомъ; его вѣрованія были прочны, но холодны какъ сталь... «Этотъ человѣкъ сдѣлаетъ что нибудь, сказалъ однажды Мирабо въ минуту невольнаго увлеченія, потому что онъ вѣритъ въ то, что говоритъ».

Кого могли выставить роялисты противъ такихъ бойцевъ: Клермонъ–Тонерра, Малуэ, Казалеса, аббата Мори. Казалесъ, служившій прежде въ арміи, принесъ въ собраніе пылкое порывистое краснорѣчіе и рыцарскую преданность дѣлу короля; недостатокъ образованія онъ замѣнялъ начитанностью, хотя безпорядочною; недостатокъ доказательствъ—страстностью. Иронія и негодованіе были любимыя его оружія, но дѣйствіе ихъ было мгновенно... Дѣло монархіи и дворянства было проиграно. Вліяніе Клермонъ-Тонерра и Малуэ было еще незамѣтнѣе: они говорили уму, а не чувству, не отличались ни оригинальностью, ни силою мысли и нравились только самымъ умѣреннымъ. Аббатъ Мори началъ свое поприще панегирикомъ св. Лудовику; эта рѣчь открыла ему двери во французскую академію. Вскорѣ потомъ онъ получилъ мѣсто королевскаго проповѣдника. Дебютомъ его было похвальное слово св. Винценту де Полю, наполненное намеками на дурное поведеніе Маріи Антуанетты и призывами къ благотворительности. Никто не могъ думать, чтобы онъ сталъ на сторонѣ реакціи. Но ему недоставало сердца. Познанія его были громадны, память удивительна, діалектика искусна, но подъ всей этой блестящей обстановкой скрывался холодный риторъ, умѣвшій

быть кстати даже энтузiастомъ. Его смѣлость и наглость, доходившiя иногда до цинизма, возмущали собранiе; но иногда его красивая фигура, звонкiй голосъ, ловкая, цвѣтистая рѣчь вырывали рукоплесканiя даже у лѣвой стороны: въ немъ недоставало искренности и народъ, какъ справедливо замѣчаетъ Ламартинъ, видѣлъ въ немъ актера и адвоката. Iезуитъ въ выборѣ средствъ, Мори не стѣснялся ни клеветой, ни интригами. Честолюбивый эгоизмъ служилъ двигателемъ всѣхъ его дѣйствiй, и онъ нисколько не стыдился прибѣгать къ ложнымъ слухамъ и возбужденiю народныхъ волненiй посредствомъ фанатизма и подкуповъ, для того чтобъ получить кардинальскую шапку или еще нѣсколько фермъ къ своимъ и безъ того уже огромнымъ богатствамъ.

Гораздо опаснѣе для народной партiи могъ быть графъ Мирабо, но онъ оставался тогда еще вѣренъ началамъ революцiи; о возможности подкупить его могли только знать люди, хорошо его знавшiе. Роялисты считали себя настолько сильными, что считали помощь его излишней; они полагались на войско—въ людяхъ насилiя у нихъ не было недостатка.

III.

Голодъ въ Парижѣ продолжался. Министры не предпринимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенiю его. Распоряженiя Неккера были неудовлетворительны. Роялисты думали воспользоваться такимъ положенiемъ дѣлъ и распространяли въ народѣ слухи, что всему виной конституцiя. Дворъ сталъ сосредоточивать около Версаля войска. Королева ласкала офицеровъ. Въ Версальскомъ театрѣ устроился 1-го октября роскошный обѣдъ слишкомъ на 200 человѣкъ. Во время обѣда Марiя Антуанетта входитъ въ сопровожденiи короля, держа дофина за руку. Восторженныя рукоплесканiя привѣтствуютъ ее. Она обходитъ столы и ласковыми словами и привѣтливыми улыбками успѣваетъ довести энтузiазмъ до послѣдней степени. Собесѣдники надѣваютъ бѣлыя кокарды и клянутся заставить другiе полки носить ихъ... 2-го октября былъ новый обѣдъ, хотя менѣе шумный, но не менѣе возбуждающiй страсти; безумныя клятвы, напоминавшiя времена рыцарства, были

произнесены, невозможныя предпріятія задуманы; придворныя дамы старались поддержать такое расположеніе умовъ, онѣ дѣлали и раздавали кокарды изъ бѣлыхъ лентъ своихъ уборовъ; онѣ употребляли всѣ хитрости женскаго кокетства, чтобъ превратить своихъ поклонниковъ въ сеидовъ королевы. . Число ихъ быстро прибавлялось. Планъ роялистовъ состоялъ въ томъ, чтобъ увезти короля въ Мецъ и обложивъ Парижъ, принудить его къ сдачѣ голодомъ. Они думали, что осуществленіе надеждъ ихъ близко и съ каждымъ часомъ вели себя наглѣе: гражданская форма и національная кокарда были презираемы и носившіе ихъ подвергались оскорбленіямъ...

Извѣстія обо всемъ этомъ дошли до Парижа. Дантонъ и Мара поспѣшили возбудить народную подозрительность. Еще сильнѣйшимъ двигателемъ былъ голодъ, тѣмъ болѣе, что народъ видѣлъ, что національная гвардія, разгонявшая его, была обильно снабжена хлѣбомъ. Страданія ближнихъ глубоко потрясло женщинъ массы. Онѣ рѣшились отправиться депутаціей къ королю.

5 октября рано утромъ одна молодая дѣвушка ударила въ барабанъ, многочисленная толпа женщинъ явилась на условленный знакъ. Сперва онѣ устремились къ ратушѣ, истребили много бумагъ, но не нашли почти никого изъ членовъ... Въ то же время раздался набатъ, и народъ высыпалъ изъ предмѣстій. Ратуша была залита этими живыми волнами; оружейный магазинъ расхищенъ.... часть толпы отправилась къ Версалю, другая разсѣялась по городу набирать рекрутъ. При концѣ Елисейскихъ полей первая партія получила значительное подкрѣпленіе. До восьми тысячъ женщинъ составляло авангардъ. Между ними красовались: Роза Лакомбъ, Пьеретта Шабри, Регина Одю, названная королевой рынковъ и Теронія де Мерикуръ, восторженная поклонница свободы. Въ ярко красной амазонкѣ, въ круглой шляпѣ, украшенной чернымъ перомъ, съ волнистыми волосами, небрежно разбросанными по плечамъ, на крутящейся лошади, съ копьемъ въ рукѣ она казалась достойной жрицей той религіи, которая замѣнила ей любовь, единственную религію женщины....

Между тѣмъ собралась національная гвардія. Лафайеттъ не зналъ, что дѣлать. Коммуна не давала никакихъ приказаній; народъ требовалъ вести войска къ Версалю, депутація отъ шести ротъ гренадеръ требовала того же... Каждая минута увеличивала волненіе; раздраженіе толпы достигло высшей степени... Въ это время принесли Лафай-

етту желанное приказаніе. Онъ противъ воли долженъ былъ повиноваться...

Явившись въ Версаль, женщины хотѣли войдти въ національное собраніе. Депутація отъ нихъ была принята, жалобы выслушаны; собраніе рѣшило, чтобъ президентъ Мунье представилъ королю депутацію отъ женщинъ. Лудовикъ принялъ ихъ ласково и обѣщалъ удовлетворить ихъ просьбамъ.

Наступила ночь. Весьма немногія удалились въ Парижъ. Большинство оставалось на улицахъ Версаля подъ проливнымъ дождемъ, безъ куска хлѣба... Дворъ былъ въ волненіи, но король оставался спокоенъ: онъ получилъ извѣстіе отъ Лафайетта, который увѣдомлялъ его о скоромъ прибытіи національной гвардіи и ручался, что не случится никакого безпорядка... Въ полночь явился самъ Лафайеттъ и окончательно успокоилъ дворъ. Всѣ улеглись спать.

Утромъ 6-го октября небольшая кучка парижанъ вошла на дворъ версальскаго дворца. Скоро весь дворъ наполнился народомъ... Вдругъ раздается выстрѣлъ и одинъ изъ прибывшихъ падаетъ, убитый на поваль. Яростные крики раздаются въ отвѣтъ. Толпа наводняетъ дворъ и залы дворца. Нѣсколько солдатъ принесено въ жертву. Страстямъ полный разгулъ. Въ массѣ показываются люди въ мистическихъ костюмахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, съ мальтійскими крестами на мундирахъ національной гвардіи. Къ нимъ присоединяется вся грязь парижскихъ предмѣстій... Головы двухъ убитыхъ роялистскихъ солдатъ отрублены и посажены на пики.... Испуганные придворные спѣшатъ переодѣться и бѣжать. Королева, полуодѣтая, спасается потайнымъ ходомъ къ королю....

Между тѣмъ прибылъ Лафайеттъ. Внутренность дворца была очищена, но на дворахъ тѣснился еще народъ.... Король показался на балконѣ. Vive le roi! Le roi à Paris! раздается со всѣхъ сторонъ. Волненіе мѣшаетъ ему отвѣчать, онъ дѣлаетъ утвердительный знакъ головой и молча удаляется... Вслѣдъ за тѣмъ народъ хочетъ видѣть королеву. Послѣ нѣкотораго колебанія, она, по совѣту Лафайетта, рѣшается показаться. Взявъ за руки своихъ дѣтей, она выходитъ на балконъ не безъ нѣкотораго трепета и смущенія. При видѣ ея состраданіе проникаетъ въ сердца женщинъ: нѣкоторыя начинаютъ кричать: vive la reine! Другія хотятъ имъ помѣшать, но когда Лафайеттъ преклоняется передъ этимъ униженнымъ величіемъ, народъ прощаетъ все, и восторженные клики привѣтствуютъ королеву....

Такъ кончился этотъ замѣчательный день: народъ спасъ себя отъ голода и затруднилъ дѣйствія реакціи переселеніемъ короля и національнаго собранія въ Парижъ. Буржуазія принуждена была дѣйствовать заодно съ народомъ: она воспользовалась плодами его усилій, и съ первыхъ же дней торжества своего стала преслѣдовать демократическую партію.

По случаю убійства одного булочника, коммуна обратилась въ законодательное собраніе съ просьбой объявить городъ на военномъ положеніи. Это желаніе было исполнено. Коммуна ловко воспользовалась преступленіемъ нѣкоторыхъ, чтобъ подавить всѣхъ. Напрасно Лустало восклицалъ: Французы, Французы! Нѣтъ, нѣтъ! Такія чудовища не принадлежатъ ни къ какой странѣ!... Преступленіе—ихъ элементъ, висѣлица—отечество! Буржуазія не обращала ни на что вниманія и въ короткое время повѣсила трехъ человѣкъ. Мара энергически возсталъ противъ военнаго закона, доказывая, что народъ никогда не возстаетъ безъ причины, что только тогда, когда истощится его терпѣніе, онъ рѣшается взяться за оружіе. Коммуна отвѣчала новыми притѣсненіями. Произвольные аресты, запрещеніе носильщикамъ продавать другіе листки, кромѣ постановленій правительства, преслѣдованія читателей газетъ безъ визы полиціи, оскорбленія, наносимыя на улицѣ женщинамъ, учрежденіе слѣдственнаго комитета, который имѣлъ право заключать въ тюрьму на три дня безъ всякой вины, подъ предлогомъ предваренія безпорядка—все это подняло журналистику на коммуну.

Поражая народъ, буржуазія сочла себя настолько сильной, что вздумала окончательно порѣшить вопросъ съ духовенствомъ и парламентами.

Вопросъ объ отобраніи церковнаго имущества въ пользу государства и объ уничтоженіи монашескихъ орденовъ возбудилъ жаркіе споры въ собраніи. Аббатъ Мори и Казалесъ, по обыкновенію, говорили въ пользу духовенства. Мирабо и Камюсъ (Camus), суровый янсенистъ, возражали имъ. Рѣчи ихъ произвели сильное впечатлѣніе. Значительное большинство одобрило ихъ предложенія. Тѣмъ не менѣе недовольныхъ было множество. Борьба съ парламентами представляла менѣе затрудненій, потому что время ихъ прошло, что въ основѣ ихъ не было столько жизни, какъ въ католицизмѣ; сверхъ того на этотъ разъ король присоединился къ собранію и—парламентовъ не стало...

Но въ то время, когда дворъ лишился одной опоры, онъ пріобрѣлъ другую. Мирабо постоянно нуждался въ деньгахъ и искалъ толь-

ко случая подороже продать себя. Графъ Ламаркъ разгадалъ его и старался сблизить съ королевой, но та упорно противилась; съ другой стороны Дюпортъ, Ламетъ и Барнавъ хотѣли сблизить его съ Лафайеттомъ, чтобъ съ ихъ помощью низвергнуть министерство. Надо предполагать, что Лафайеттъ дѣйствовалъ съ вѣдома Лудовика и Ламарка, представляя Мирабо Монморану (Montmorin), потому что министръ черезъ нѣсколько дней прислалъ знаменитому оратору отъ имени короля значительную сумму денегъ. Мирабо изъ завистливаго соперника Лафайетта сдѣлался ревностнымъ его поклонникомъ, но не надолго—скоро между ими вспыхнула снова вражда. Мирабо хотѣлъ сдѣлаться министромъ, надѣясь управлять всѣми посредствомъ своего краснорѣчія; того же самаго хотѣлъ Лафайеттъ, который понималъ, что при такомъ товарищѣ вліяніе его будетъ непрочно. Чтобъ удалить его, онъ предложилъ ему мѣсто посланника, но тотъ отказался. Тогда Лафайеттъ отдалился отъ него, и Мирабо опять сталъ осыпать его сарказмами. Дворъ также не оставался въ бездѣйствіи. Кавалеръ Фавра замышлялъ возбудить армію противъ собранія и похитить короля; эмигранты старались заинтересовать другія державы на возстановленіе прежней его власти. Парижскіе роялисты сдѣлались предпріимчивѣе...

Революція съ своей стороны пріобрѣла сильную поддержку въ клубахъ. Бретанскій клубъ, основанный депутатами Бретани въ Версали, скоро развился въ обширное «общество друзей конституціи», сдѣлавшееся впослѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ «клуба якобинцевъ». Этотъ клубъ имѣлъ многочисленныя колоніи въ провинціяхъ. Число ихъ быстро увеличивалось, и съ каждымъ днемъ онъ пріобрѣталъ болѣе значенія, хотя сначала принципы его были не точно опредѣлены; любовь равенства, уваженіе человѣческихъ правъ, защита слабыхъ—вотъ максимы, которыми руководствовались якобинцы. Въ головѣ ихъ стояли тогда не Робеспьеръ или Дантонъ, а братья Ламетъ и Барнавъ, ораторы не безъ достоинствъ, но которымъ далеко было до Мирабо.

Такъ окончился 1789 годъ. Революція выяснилась, важнѣйшіе дѣятели ея вступили на сцену; другіе приготовлялись смѣнить ихъ; толчекъ былъ данъ, не извѣстно было только, гдѣ остановится революція. Національное собраніе думало, что сдѣлано очень много; демократическая партія находила, что сдѣлано очень мало, что ни одинъ вопросъ не доведенъ до конца. Умы были напряжены; общее бѣдствіе сближало сердца патріотовъ; пожертвованія въ пользу отечества

сыпались со всѣхъ сторонъ (*). Народные трибуны поддерживали волненіе словомъ и печатью; трагедія Карлъ IX, наносившая страшные удары королевской власти и духовенству, привлекала ежедневно массы зрителей; роялисты роптали; дуэли умножались; ненависть офицеровъ была устремлена противъ журналистовъ и либеральныхъ членовъ собранія — все предвѣщало близкую бурю.

В. ПОПОВЪ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

(*) 7 сентября двѣнадцать гражданокъ принесли въ національное собраніе первое приношеніе. Примѣру ихъ послѣдовали другія. серьги, браслеты, кольца, бриллiанты сыплятся въ патріотическую кассу. Неккеръ жертвуетъ 100 т. ливр.; французская комедія 23 т. Маркиза Сильери-Жанлисъ—серебряный туалетъ. Въ числѣ жертвователей встрѣчаются земледѣльцы, лакеи, женщины и даже дѣти, и этотъ потокъ патріотизма, начавшійся въ 89 году, не переставалъ увеличиваться во все время революціи по мѣрѣ увеличенія опасности отечества.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Что такое наше общественное мнѣніе? Кѣмъ и какъ оно выражается?— Крестьянскій вопросъ; гг. Падалица и Бланкъ его порѣшители.—Письмо крестьянина Иванова.—Встрѣча моя съ крестьяниномъ Нижегородской губерніи.—Вѣсти изъ медвѣжьяго угла и Казани объ уставныхъ грамотахъ.—Искъ временно-обязанныхъ крестьянъ г. Каншина противъ бывшаго своего владѣльца и его рѣшеніе мировымъ съѣздомъ.—Очистка входящихъ бумагъ кіевскимъ по крестьянскому дѣлу присутствіемъ.—Вяземскій мировой посредникъ Ивановъ и судъ надъ нимъ.—Уставная грамота графа Ланскаго и мой знакомый либералъ.—Помѣщикъ Чертковъ.—Юридическіе обычаи крестьянъ и величественное отношеніе къ нимъ «мѣстныхъ начальствъ».—Дѣянія акціонерныхъ компаній. — Подвиги новѣйшихъ баши-бузуковъ.—Увеличеніе содержанія городовымъ врачамъ.—Казанская городовая больница.—Положеніе о городскихъ банкахъ.—Слухъ объ окончаніи работъ по предмету о земскихъ банкахъ. — Внѣшній заемъ.—Циркуляръ с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Когда мы выходимъ изъ круга офиціальной жизни и перестаемъ думатъ мыслію правительства и говорить его языкомъ, то намъ остается единственный судья нашихъ намѣреній и поступковъ — *общественное мнѣніе*. Къ нему мы относимся съ нашими протестами и обличеніями; отъ него требуемъ той справедливости, которую не удовлетворяетъ юридическій законъ; въ общественномъ мнѣніи мы ищемъ примиренія съ той средой, въ которой живемъ и дѣйствуемъ, и успокоенія нашей собственной совѣсти. Сила общественнаго мнѣнія есть первая и главная сила народа, посредствомъ которой онъ управляетъ своими дѣлами и исторической судьбой: такъ думаетъ извѣстный разрядъ прогрессистовъ, доктринеровъ и *шовинистовъ*, чрез-

вычайно склонныхъ формулировать народную жизнь въ отвлеченныя понятія, часто не имѣющія никакого дѣйствительнаго смысла. Нисходя съ облаковъ на реальную точку зрѣнія,—мы имѣемъ право спросить: но что же такое общественное мнѣніе? Въ чемъ выражается его голосъ и судъ! Гдѣ тѣ органы, въ которыхъ оно проявляетъ свою инисіативу? Какъ, повидимому, ни просты эти вопросы, но отвѣчать на нихъ нелегко. Прежде всего мы желали бы знать, къ какому классу животнаго царства надо отнести общественное мнѣніе? Какимъ языкомъ оно говоритъ? Ѣстъ и спитъ ли оно или, подобно олимпійскому божеству, носится въ сферахъ безплотнаго міра, гдѣ не спятъ и не ѣдятъ, но живутъ какою-то особенною жизнію. Если мы ежеминутно обращаемся къ общественному мнѣнію, просимъ его участія въ нашемъ домашнемъ и гражданскомъ поведеніи, если мы постоянно ссылаемся на его авторитетъ, то, конечно, мы признаемъ въ немъ что-то реальное, живое, доступное осязанію, слуху и зрѣнію. Но гдѣ же оно обитаетъ и чѣмъ поддерживаетъ свое существованіе? Позвольте спросить васъ, любезный сосѣдъ, не у васъ ли проживаетъ *общественное мнѣніе?* — Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ. Позвольте спросить васъ, г. N. N., не вы ли общественное мнѣніе?

— Нѣтъ, отвѣчаютъ намъ. А! вѣроятно, милая губернская матрона, разносящая разныя сплетни по городу, это вы —общественное мнѣніе?

— Нѣтъ, и не я, отвѣчаетъ благородная жена, отставнаго коллежскаго ассесора. Да гдѣ же оно,—это безпаспортное и праздношатающееся существо? Перебирая всевозможныя географіи и статистики, мы нигдѣ не находимъ ни имени, ни мѣста жительства, ни даже, чина, который бы назывался общественнымъ мнѣніемъ. Такъ что же это? Неужели опять надувательство, въ родѣ философскаго камня, вертящихся столовъ и разныхъ шарлатанскихъ фокусовъ, придуманныхъ для набиванія кармана насчетъ разныхъ простаковъ и неучей? Такъ пожалуй придется согласиться съ нашими крайними индивидуалистами, которые кромѣ собственнаго носа не признаютъ ничего реальнаго и дальше своего носа не видятъ ничего въ обществѣ. Да, пришлось бы согласиться съ ними, если бъ не разубѣждалъ насъ слѣдующій примѣръ: одной изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ случилось поневолѣ выйдти за мужъ за очень пошлаго господина; съ первыхъ же дней онъ опротивѣлъ ей до омерзѣнія: сначала возмущало ее насиліе, скаредность и мелкота душонки этого человѣка; потомъ, приглядѣвшись къ нему поближе, она узнала въ немъ взяточника, надменнаго глупца,

помѣшаннаго на двухъ пунктахъ, что жена не должна имѣть своей воли и мысли, и что выше статскаго совѣтника нѣтъ ничего подъ луной. Бѣдная моя знакомая, какъ на зло преслѣдуемая дикими ласками и поцѣлуями своего антипатичнаго супруга, желающаго создать себѣ искусственную и насильственную любовь, давно желаетъ отвязаться отъ него, но что бы вы думали препятствуетъ ей? Она ужасно боится нарушить *приличіе*. И вотъ ради этого приличія десять лѣтъ молодой жизни брошено въ грязный колодезь. Не далѣе, какъ вчера, другой мой знакомый простоялъ въ холодной передней своего покровителя и, страшно простудившись, едва не отправился сегодня къ отцамъ то же ради *приличія*. Взятка берется потихоньку—также изъ *приличія*; на улицахъ не дерутся наши лапландскіе львы и львицы—опять изъ *приличія*. Лицемѣрятъ, лгутъ, надуваютъ, кормятъ обѣдами и задаютъ разорительные вечера—опять изъ *приличія*. Теперь, переверните слово *приличіе* въ *общественное мнѣніе*, и вы догадаетесь, что у насъ, наперекоръ всякой грамматикѣ и логикѣ, смѣшиваютъ эти два понятія въ одно значеніе. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: нами управляетъ приличіе; оно предписываетъ намъ извѣстныя правила, которыхъ мы нарушать не смѣемъ; у него есть своя расправа, свой судъ и кодексъ, свои наказанія и помилованія, свои враги и любимцы, однимъ словомъ, своя маскарадная обстановка, гдѣ все ходитъ по канату и пляшетъ на самыхъ узенькихъ подмосткахъ. Но кто же создаетъ это *приличіе*? Отвѣчать на это еще труднѣе, чѣмъ на первый вопросъ; однако попробуемъ. Представьте себѣ ловкаго пройдоху, заѣхавшаго къ намъ изъ Парижа или Гамбурга, и успѣвшаго увѣрить двухъ или трехъ не очень крѣпкихъ на голову людей, что говорить по французски гораздо приличнѣе, чѣмъ по русски: эти не крѣпкіе на голову повѣрили ему, распространили это мнѣніе въ своемъ кругу; къ нимъ пристало еще двадцать или тридцать человѣкъ, которые, въ свою очередь, повѣрили на слово своимъ пріятелямъ, затѣмъ мало-по-малу сомкнулось цѣлое общество лицъ, безотчетно принявшихъ мнѣніе другихъ. Такимъ образомъ составился общественный голосъ: большинство стоитъ горой за приличіе французскаго языка, меньшинство, хотя думаетъ и иначе, но не рѣшается отступить отъ обще-принятыхъ условій, отчасти изъ трусости, отчасти изъ подражанія, а всего больше изъ боязни прослыть чудакомъ и оригиналомъ. Въ этомъ вся обязательная сила такъ называемаго приличія.

*

Неужели же, возразятъ намъ, вы не допускаете различія между приличіемъ и общественнымъ мнѣніемъ? Напротивъ, различіе огромное, чтобы не сказать діаметрально противоположное. Первое образуется привилигированнымъ сословіемъ и состоитъ изъ внѣшнихъ формъ, развиваемыхъ по закону пассивной инерціи; а второе возникаетъ снизу, строго держится логической послѣдовательности; первое пополняетъ пустоту жизни за неимѣніемъ внутренняго ея содержанія, а второе вноситъ и разработываетъ новые вопросы въ движеніи общества; первое совершенно равнодушно къ чувству справедливости, а второе вездѣ и во всѣмъ ищетъ правоты и смысла. Но если общественное мнѣніе основывается на справедливости, то можетъ ли оно быть достояніемъ той или другой части общества, мнѣніемъ партіи или котеріи? Конечно, нѣтъ. Всякое сословное разъединеніе, всякій духъ партіи прямо противорѣчитъ тому, что мы должны понимать подъ именемъ общественнаго мнѣнія. Интересы и стремленія капиталиста и дворянина никогда не могутъ быть тождественными съ интересами пролетарія или крестьянина. Поэтому въ каждомъ *благоустроенномъ* государствѣ de facto существуетъ нѣсколько мнѣній, столько же, сколько сословій. Къ сожалѣнію, вездѣ принимаютъ голосъ преобладающей партіи за общій народный голосъ, и въ частныхъ интересахъ стараются видѣть общія выгоды и, что еще хуже, требованія высшей человѣческой справедливости. Иногда достаточно бываетъ возгласа какого нибудь плута и отпѣтаго дурака, чтобъ дать этому возгласу характеръ обще-національнаго мнѣнія. Это одно изъ величайшихъ злоупотребленій нашего времени и соціальной рутины. Что же остается дѣлать, спроситъ наивной читатель?—Во-первыхъ, не признавать за общественное мнѣніе сословныхъ тенденцій; во-вторыхъ, не навязывать народу выраженія тѣхъ желаній, которыхъ онъ никогда не имѣлъ и наконецъ не смѣшивать серьезныхъ требованій общества съ его внѣшними приличіями. Пока и этого довольно.

Итакъ есть ли у насъ общественное мнѣніе? Для прогрессистовъ, въ родѣ Чичерина и всѣхъ литературныхъ Маниловыхъ, такой вопросъ кажется смѣшнымъ; имъ представляется совершенно доказанной истиной то, надъ чемъ никто и не трудился задуматься. Но еслибъ дѣствительно, у насъ было общественное мнѣніе, въ его настоящемъ смыслѣ, то чѣмъ же оно заявляетъ себя? Гдѣ его инисіатива и опозиція? Въ чемъ его принципъ и стремленія? По какимъ отличительнымъ признакамъ мы можемъ распознавать его среди праздной

болтовни и безсмысленныхъ толковъ? Кого и гдѣ оно осудило и что сдѣлано имъ въ пользу нашего прогресса? Общественное мнѣніе принадлежитъ не отдѣльнымъ кружкамъ, не Сыну Отечества съ его подписчиками и другимъ аугейскимъ яслямъ, а всей странѣ и всему народу, а народъ нигдѣ и не въ чемъ не выражаетъ своей гражданской и умственной автономіи. Поэтому надо согласиться, что не мнѣніе, а приличіе и чисто–нѣшняя форма нѣсколько сдерживаетъ нашъ произволъ и грубыя наклонности...

Теперь мы можемъ перейдти къ самымъ фактамъ и начать обзоръ ихъ съ крестьянскаго дѣла. По статистическимъ даннымъ, на Европейскую Россію приходится 103,158 имѣній, заселенныхъ 10,682,400 крестьянъ мужескаго пола... Изъ хода крестьянскаго дѣла видно, что по мартъ мѣсяцъ составились въ 41 губерніи всего 5234 устав ныхъ грамотъ, изъ числа коихъ подписано крестьянами 2693. Результатъ какъ видно не совсѣмъ блестящій.

«По отчего же такъ туго идетъ у насъ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса»? спрашиваютъ всѣ, кто хоть сколько нибудь интересуется имъ.

«По мѣрѣ приближенія срока къ подписанію уставныхъ грамотъ, пишетъ г. Падалица, срока, который назначенъ у насъ на 11-ое марта, мы замѣчаемъ возрастающую дѣятельность помѣщиковъ. Я уже писалъ вамъ, что крестьяне у насъ не желаютъ связывать себя никакими письменными обязательствами. Какъ видно изъ русскихъ газетъ, это почти общій симптомъ. Объясняютъ его различно: одни видѣли и видятъ въ немъ глубокую народную мудрость, другіе подозрѣваютъ въ немъ тайную пропаганду, или отыскиваютъ иныя причины. Чтó касается до насъ, то мы твердо убѣждены въ томъ, что глупая опозиція крестьянъ есть симптомъ общій, принадлежащій не только нашимъ провинціямъ, но и всей Россіи; помимо разнообразія мѣстныхъ условій и степени развитія крестьянъ,—является она, какъ естественное слѣдствіе невѣжества, которое принадлежитъ имъ всѣмъ одинаково».

Коротко и ясно разъяснилъ г. Падалица причины неуспѣшнаго состоянія и подписанія крестьянами уставныхъ грамотъ: тупая опозиція, какъ слѣдствіе непроходимаго невѣжества—ну и баста!

А вонъ, по теоріи знаменитаго Петра Бланка, всѣ затрудненія, которыя доселѣ встрѣчались въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и которыя могутъ встрѣтиться впредь, объясняются еще легче.

Какъ извѣстно, Петръ Бланкъ принимаетъ начало стадообразности,— то, что дѣлаетъ одинъ, дѣлаютъ и другіе. Одному изъ безсловеснаго стада сдуру взбрело въ голову не подписывать грамоты,—ну за нимъ потянулись и другіе...

Не правда-ли, вѣдь легко объясняютъ гг. Падалица и Бланкъ современныя явленія? Только намъ почему-то кажется, что гг. Падалица и Бланкъ уподобляются въ этомъ случаѣ Тяпкину Ляпкину, который, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, «до сотворенія міра дошелъ своимъ умомъ».

Нѣтъ ничего легче какъ обвинить кого бы то нибыло и въ чемъ бы то нибыло, когда этотъ обвиненный поставленъ силою обстоятельствъ въ такое положеніе, что онъ или не хочетъ, или не можетъ оправдаться. Г. Падалица всю вину сваливаетъ на крестьянъ, — ну, а вотъ послушайте, что пишетъ крестьянинъ Иванъ Ивановъ въ 4-мъ № Мироваго Посредника:

«Въ настоящее время винятъ мужиковъ въ томъ, что они не подписываютъ охотно уставныхъ грамотъ и ожидаютъ послѣ двухъ лѣтъ какихъ-то льготъ. Дѣйствительно, это неоспоримая правда, но почему крестьяне такъ думаютъ? Вотъ вопросъ. Они думаютъ потому, что получили такое свѣдѣніе отъ самихъ г.г. помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и старостъ; въ то время, когда означенныя лица выдавали книгу о крестьянскомъ устройствѣ, они увѣряли крестьянъ, что два года должно повиноваться по старому—оброкъ платить по старому; слѣдовательно новые порядки должны начаться черезъ два года».

— Наконецъ дождались мы мировыхъ посредниковъ; пошли за совѣтами и говоримъ: растолкуйте, ваше благородіе Василій Сергѣевичъ, какое получимъ мы улучшеніе въ хозяйствѣ, т. е. въ землѣ и когда уменьшится плата оброка? Мировой посредникъ пояснилъ, что помѣщикъ, если онъ пожелаетъ, можетъ взять отъ насъ третью часть земли. Мы говоримъ: у насъ и въ настоящее время хлѣба не хватаетъ на полгода, на одну лошадь и корову недостаетъ корму, а безъ скота невозможно удобреніе полей. Мировой посредникъ замолчалъ, и мы остались въ недоумѣніи о хозяйственной нашей участи. Повели рѣчь мы о платежѣ оброка за землю. Мировой посредникъ объяснилъ, что платить съ ревизской души должно по десяти рублей. Позвольте же, мы говоримъ: теперь мы платимъ оброкъ съ тягла пятнадцать рублей, а въ тяглѣ числится двѣ души съ четвертью и выходитъ значитъ на ревизскую душу по шести рублей семнадцати копѣекъ, а по вашему

разсужденію выходитъ на тягло двадцать два рубля и пятьдесятъ копѣекъ вмѣсто настоящихъ пятнадцати рублевъ и къ тому же убавится у насъ третья часть земли и мѣра въ десятинѣ тоже убавится,— вмѣсто сороковки намѣриваютъ намъ тридцать въ 2,400 квад. саженъ. Въ такомъ случаѣ чего же вы хотите? сказалъ посредникъ. Мы говоримъ — у насъ земли мало, терять третью часть не изъ чего. Въ такомъ случаѣ вы можете выписыватся въ городскія сословія, вы, истинные олухи. Мы стали возражать, что городская жизнь страшитъ: въ ней молъ мы видимъ умственное упражненіе, тонкіе извороты, плутни, жизнь городская намъ не по сердцу; мы привыкли къ черному хлѣбу, желаемъ трудиться, воздѣлывать землю и при всемъ томъ съ родиной и съ кладбищемъ, гдѣ лежатъ наши родные, невозможно разставаться, тяжело. Такъ воздѣлывайте землю, говоритъ посредникъ, кто вамъ воспрещаетъ. Вѣстимо, законъ не воспрещаетъ, да расчету никакого не выходитъ: земли мало, всего приходится по одной десятинѣ, разбитой на три поля—ни хлѣба запасти, ни корма для скота, рѣшительно никакой нѣтъ возможности. Да много ли нужно земли по вашему? спросилъ посредникъ. Мы говоримъ, что если жить честно, платить повинности исправно, имѣть настоящій кусокъ хлѣба, здоровый скотъ, удобренныя поля, платить повинности исправно, имѣть настоящій кусокъ хлѣба, здоровый скотъ, удобренныя поля, при видѣ которыхъ сердце радуется—то на таковое хозяйство потребно восемь съ половиною десятинъ, то есть шесть десятинъ пахатной, двѣ луговой и полдесятины подъ строенія и огородъ для капусты и разныхъ овощей. Въ такомъ случаѣ мы постарались бы стать выше колонистовъ, у насъ же теперь къ тому, какъ и у нихъ, свои выборы и расправа. Мировой посредникъ замолчалъ и мы остались въ томъ же недоумѣніи. Разговоръ перешолъ къ другому предмету: заговорили о выкупѣ усадьбы и осѣдлости; мировой посредникъ сказалъ: подлежите выкупу по 2 рубля 50 копѣекъ, то есть 41 руб. 50 коп. за ревизскую душу, а съ полевымъ надѣломъ по расчету въ шесть процентовъ съ 10 рублеваго оброка—выйдетъ 166 рублей 67 коп. Мы говоримъ: у насъ нѣтъ никакихъ привольевъ, рѣкъ, наемныхъ луговъ и торговыхъ площадей и городъ кажется имѣетъ жителей менѣе 20 тыс., слѣдовательно подлежимъ выкупу 1 рубля 50 коп., т. е. 25 рублей за ревизскую душу, а полевой земли цѣна въ частныхъ рукахъ отъ 10 рублей 50 коп. и до 15. Неправда, говоритъ мировой посредникъ, вы живете въ Московской губерніи, Коломен-

скаго уѣзда, значитъ въ промышленномъ пунктѣ, по паспортамъ ходите,—съ кого же и взять, какъ не съ васъ; вы нехуже ярославцевъ. Мы стали возражать, указали на барщинскихъ, у которыхъ нѣтъ промысла. Они, сказалъ посредникъ заплатятъ столько же, сколько и вы, иначе выйдетъ ералашъ. Итакъ пять разъ мы были у посредника и всегда уходили съ тѣмъ же, съ чѣмъ приходили. Пусть добрые люди рѣшатъ, правы ли мы или виноваты? а до той поры подписывать уставную грамоту какъ-то нѣтъ охоты». Мы цѣликомъ выписали письмо Иванова потому, что это почти единственное, гласное заявленіе крестьяниномъ своихъ нуждъ, своего взгляда на совершающійся вокругъ него переворотъ. Наша масса какъ извѣстно не любитъ высказыватся,— ее не пріучила къ тому исторія. Но во всякомъ случаѣ въ письмѣ Иванова нисколько незамѣтно той тупой опозиціи, которую замѣчаетъ въ крестьянахъ г. Падалица, ни той безсмысленной стадообразности, на которую осудилъ ихъ пресловутый г. Бланкъ. Напротивъ того, если бы въ кругу своихъ интересовъ г. Падалица и Бланкъ заявили точно такую же опозицію противъ напора враждебныхъ силъ, какая высказывается въ письмѣ Ивановымъ, то едва ли кто нибудь изъ общества Падалицы и Бланка назвалъ ихъ тупыми, невѣжественными опозиторами, стадообразными существами.

Въ нынѣшнемъ году, зимой, я ѣхалъ изъ Петербурга Нижегородской губерніи, на такъ называемыхъ сдаточныхъ лошадяхъ. Способъ передвиженія «на сдаточныхъ» принадлежитъ къ самымъ патріархальнымъ способамъ. Его выгода состоитъ въ томъ, что вы избѣгаете возможности столкновенія съ лицами, власть имѣющими. На сдаточныхъ ѣздятъ преимущественно купцы, мѣщане, управляющіе маленькими имѣніями, словомъ всѣ лица, которыя казеннаго боятся какъ огня. Крестьяне-ямщики не боятся лицъ, ѣдущихъ «на сдаточныхъ»,— они знаютъ, что «бари» ѣдутъ всегда или на почтовыхъ, или на своихъ, а потому очень охотно разговариваютъ съ своими сѣдоками, стараясь выпытать что нибудь новенькое, дающее отвѣтъ на подстрекающіе ихъ вопросы.

Въ Нижегородской губерніи, изъ селенія М., извощикомъ у меня попался крестьянинъ бойкій, смѣтливый, онъ скоро совсѣмъ разговорился со мной.

— Ну что, какъ новые порядки у васъ? спросилъ я у своего возчика.

— Ништо идутъ, тяжеловато маленько, — да все повольготнѣе, чѣмъ прежде бывало; Волостной у насъ таковой умный, — грамотѣ знаетъ.

— Онъ изъ чьихъ же крестьянъ-то?

— Изъ нашинскихъ-же. У насъ въ селѣ чай и волостный. Потачки нашему брату не даетъ, да и сторонкамъ поуволить не любитъ. Онамнясь у насъ и судъ былъ.

— Надъ кѣмъ же?

— Да я вишъ, родимый, хорошенько-то и не знаю, какое эвто дѣло было, — я въ Арзамасъ въ тѣ поры съ извозомъ ѣздилъ. Только нонѣ мужики баили.

— Ну, а грамоту-то подписали что-ли?

— Грамоту-то? Крестьянинъ приостановилъ даже лошадей и всѣмъ корпусомъ обернулся ко мнѣ. «Ты послушай-ка, малый человѣкъ, какое эвто дѣло вышло. Знашъ мы сначала не хотѣли рукъ прикладывать: землю давали, что у Стрижовскаго оврага, какъ-есть одинъ песокъ, да камень, сколь не вали на него навоза, все ничаво почитай неродится. Вотъ мы на мiру и положили: не люба молъ намъ эвта земля. Посредственникъ сталъ насъ было уговаривать, возьмите дескать старики землю, къ околицѣ близко. Одначе мы на томъ порѣшили — небрать эвту землю. Ну, намъ стали давать другую, знашь, что у Закурдаевскаго перелѣска. Земля, что и баить, добрая, что хошь сѣй — все родится. Мы и покончили было на мiру, брать грамоту. Тольхо знашь нелегкая принесла на мiръ управителя, такой лисой сталъ къ намъ маститься, знашь, чтобы поскорѣе грамоту мы подписывали. Мы его слушали, слушали, да и баимъ промежъ собой: не гоже тутъ, старики, дѣло, управитель знамо господское бережетъ, — какая ему нужда до насъ, — въ петлю онъ знать насъ хочетъ съ грамотой-то вести. Такъ на томъ и порѣшили опять — не подписывать грамоты.

«По мѣрѣ приближенiя срока къ подписанiю уставныхъ грамотъ — пишетъ г. Падалица, срока, который назначенъ у насъ на 11-е марта, мы замѣчаемъ возрастающую дѣятельность помѣщиковъ».

«Остается только нѣсколько дней, — пишетъ кореспондентъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей подъ рубрикой «вѣсти изъ медвѣжьяго угла» (впрочемъ угла, какъ видно не созданнаго воображенiемъ автора, а дѣйствительнаго), — до окончательнаго срока подачи уставныхъ грамотъ. Многiе помѣщики, чело которыхъ заботливо мрачилось приближенiемъ этого срока, съ завистью смотрѣли на тѣхъ смѣлыхъ людей, которые

давно составили эту абракадабру и даже относились къ своимъ крестьянамъ по новому «Положенію».

Казалось бы зачѣмъ смущаться этимъ мрачнымъ господамъ—свою землю и свои интересы они должны бы знать, какъ свои пять пальцевъ; слѣдовало взять въ руки Положеніе да и описать, но на дѣлѣ оказалось не такъ, особенно когда пришлось занятся непривычнымъ дѣломъ. Но и мрачные господа теперь повеселѣли — нужда родила людей; явились составители уставныхъ грамотъ, такіе доки, для которыхъ написать грамоту — пустое дѣло. Такого борзописца убѣдительно призываютъ, сажаютъ въ отдѣльную комнату и ходятъ тихонько, чтобы не помѣшать совершенію мистеріи.

«У насъ уставныя грамоты, — пишетъ изъ Казани г. Демертъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, нерѣдко составляются кабинетнымъ порядкомъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ отъ крестьянъ той деревни, для которой они предназначены.

«Прошлаго года въ декабрѣ, пишетъ тотъ же кореспондентъ С. Пет. Вѣдомостей, я былъ случайно на мировомъ съѣздѣ посредниковъ Ростовскаго уѣзда. Около полудня началось засѣданіе. Усѣлись за особымъ столомъ мировые посредники съ г. В., представившимъ на разсмотрѣніе свою грамоту, усѣлись и посѣтители любознательные, крестьяне же, большею частью волостные старшины, присутствовавшіе не изъ прихоти, а по необходимости, должны были слушать посредническія пренія въ теченіи 5—6 часовъ, стоя—одна половина крестьянской толпы въ самой комнатѣ засѣданія, а другая, скучившись у дверей, изъ за которыхъ и выглядывала, какъ дворовая прислуга во время господскаго бала. Грамота г. В., которая разсматривалась въ это засѣданіе, та самая, въ которой одною статьею дарились крестьянамъ минеральныя богатства (илъ и песокъ), сокрытыя въ нѣдрахъ земли, поступающей имъ въ надѣлъ, въ знакъ попечительности и отеческой любви помѣщика къ крестьянамъ. Тѣмъ не менѣе крестьяне г. В., получившіе такой богатый даръ, имѣютъ право, какъ и многихъ другихъ имѣній крестьяне, на полученіе кое-чего посущественнѣе. Я объясню въ чемъ дѣло. Надѣлъ землей ($4\frac{1}{2}$ десятины на душу) и слѣдующая за этотъ надѣлъ повинность (10 р. с. съ души) опредѣлены для временно-обязанныхъ крестьянъ г. В. грамотою, имъ поданною, какъ и въ цѣломъ Ростовскомъ уѣздѣ. Но земля имѣнія г. В., какъ и многихъ другихъ имѣній, находящихся въ 20 верстномъ разстояніи отъ Ростова, явно не подходитъ качествомъ къ пригородной Ро-

стовской землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно одинакова съ землею Суздальскаго уѣзда, по лѣвую сторону рѣки Нерли, что извѣстно помѣщикамъ, крестьянамъ и посредникамъ;—да не только песчано-иловатый грунтъ земли, урожаи хлѣбовъ, количество и качество накашиваемаго сѣна, но даже всѣ условія крестьянскаго быта и заработокъ отъ отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ совершенно одинаковы, какъ въ части Суздальскаго уѣзда, по лѣвую сторону рѣки Нерли, такъ и въ части Ростовскаго уѣзда, прилежащей къ Суздальскому. А между тѣмъ въ части Суздальскаго уѣзда, по лѣвую сторону Нерли, надѣлъ $4^1/_2$ десятины на душу, а оброкъ 9 рублей сер. съ души; въ Ростовскомъ же уѣздѣ—надѣлъ десятиной меньше, а оброкъ рублемъ больше,—все это въ общемъ итогѣ для ростовскаго крестьянина составитъ три рубля лишней тяги на душу противъ Суздальскаго, при одинакихъ совершенно условіяхъ ихъ быта и качества земли, получаемой въ надѣлъ».

Конечно, крестьяне понимаютъ всю невыгоду своего положенія, но незнаютъ какъ взяться за дѣло, чтобы выдти изъ него и, конечно, обязанность мировыхъ посредниковъ устроить это дѣло такъ, чтобы выгоды одной стороны не клонились въ явный ущербъ другой.

«А какъ же, — продолжаетъ кореспондентъ,—посреднику разъяснить, совѣтывать и вступаться въ дѣло полезное для крестьянъ и избѣжать нарѣканія въ приторно-либеральныхъ крайностяхъ. Этого бѣгутъ и очень хорошіе люди изъ посредниковъ».

Просматривая всѣ факты, относящіеся до крестьянскаго вопроса за ближайшее къ намъ время, мы не можемъ нѣкоторые изъ нихъ не внести въ настоящую современную лѣтопись. Причемъ мы заявляемъ впередъ, что въ нашу лѣтопись будутъ вообще вноситься только тѣ факты, кои уясняютъ собой взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ.

Въ калужскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи разсматривалось дѣло по иску съ помѣщика Капнина временно-обязанныхъ крестьянъ за присвоенный будто бы имъ мірской хлѣбъ и скотъ, бывшій при общественной запашкѣ. Цѣна иска предъявленнаго крестьянами простирается до 17,500 руб. сереб.

Дѣло началось съ объявленія самихъ крестьянъ, поданнаго мировому посреднику, въ коемъ между прочимъ прописано, что къ 1861 году *въ мірскихъ магазинахъ* состояло хлѣба 21,542 четв. $5^1/_4$ мѣръ; изъ этого числа помѣщикъ Капнинъ (надо замѣтить, что крестьяне до 1850 года принадлежали г-жѣ Засѣцкой) отдаетъ имъ ржи по 1 четв. и овса по 4 мѣры на душу, а остальное количество: 6 четв. $4^9/_{32}$

мѣры на душу и 75 штукъ разнаго скота удерживаетъ въ свою пользу.

Г. Каншинъ въ объясненіи мировому посреднику говоритъ между прочимъ, что когда онъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ, то не только никакой общественной запашки не было, но будто бы на крестьянахъ недоимки было въ 1851 году слишкомъ 5000 четвертей, и что будто бы съ тѣхъ поръ съ крестьянъ ничего не поступало въ общественный запасный магазинъ, причемъ г. Каншинъ присовокупилъ, что онъ давалъ своимъ крестьянамъ свой собственный хлѣбъ въ займы за извѣстный процентъ, который получалъ съ этимъ извѣстнымъ процентомъ.

Мировой посредникъ, *неоткрывъ никакихъ слѣдовъ къ подтвержденію* иска крестьянъ, представилъ дѣло на обсужденіе мироваго съѣзда.

Подтверждая все вышеприсанное и на мировомъ съѣздѣ, г. Каншинъ прибавилъ, что отдалъ въ займы подъ особыя росписки *за извѣстный процентъ* 6 т. четв. хлѣба крестьянамъ; крестьяне недоимку въ 5 т. четв. подтвердили, но только какъ мирскую, а не господскую. Мировой съѣздъ, основываясь на показаніи Дмитрія Миронова, бывшаго управителя у г-жи Засѣцкой, что прежде точно существовала общественная запашка, скотъ и хлѣбные запасы, съ вступленіемъ же г. Каншина во владѣніе все это смѣшалось съ экономіей, и никакихъ отдѣльныхъ счетовъ не велось, и на купчей крѣпости, въ коей (какъ это велось всегда) значится, что по ней все имѣніе безъ исключенія перешло къ г. Каншину,—рѣшилъ, что просьба крестьянъ не подлежитъ удовлетворенію, хлѣбъ же выданный г. Каншинымъ въ 1861 году въ количествѣ 6 т. четв. долженъ быть возвращенъ съ условленнымъ ростомъ.

Крестьяне, вслѣдствіе такого рѣшенія мироваго съѣзда, перенесли дѣло въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; претензія крестьянъ высказана такимъ образомъ: 1) что въ мировой съѣздъ, вмѣстѣ съ объявленіемъ о 21542 четв. 5¹/₄ мѣръ крестьянскаго хлѣба, были представлены и книги съ 1848 по 1861 годъ. Мировой съѣздъ заключилъ, что мірской хлѣбъ, по усмотрѣнію владѣльца, смѣшали съ господскою экономію и отыскать этого не возможно; но мировой съѣздъ не обратилъ вниманіе на то, что отчеты были ведены особымъ порядкомъ въ Андроповѣ, Бѣломъ и Красномъ холму; въ Сильовичахъ же хотя и смѣшанъ, но они знаютъ сколько хлѣба вы-

дано и получено съ процентами. Уполномоченный г. Каншина *Кашеневъ тѣ книги скрылъ*; 2) г. Каншинъ на вопросъ мироваго съѣзда показалъ, что въ 1851 году состояло долгу 5000 четв. Дѣйствительно если бы небыло въ долгу хлѣба, то они имѣли бы при г. Засѣцкой собственнаго хлѣба до 14000 четвертей; на наличный хлѣбъ и на состоящій въ долгу г. Засѣцкая не обращала вниманія; слѣдующій же оброкъ она простила крестьянамъ; 3) помѣщикъ Каншинъ объявилъ мировому съѣзду, что ссужалъ господскимъ хлѣбомъ, напротивъ того ссуда производилась изъ мирскаго запаса, ибо хлѣбъ годъ отъ году прибавлялся; 4) весною 1861 года Каншинъ не выдавалъ хлѣба до тѣхъ поръ, пока крестьяне вынуждены были пордавать скотъ для продовольствія. Въ это время прибылъ въ Красный холмъ попечитель запасныхъ магазиновъ, Телюковъ, и по просьбѣ крестьянъ пожелалъ узнать: находится ли крестьянскій запасъ, распечаталъ магазинъ, но въ немъ ничего не нашелъ.

По собраннымъ справкамъ губернскимъ присутствіемъ оказывается: въ донесеніи, Масальскаго уѣзднаго предводителя дворянства въ 1847, что въ имѣніи г. Засѣцкой было на 3042 души *общественной запашки* 150 десятинъ; въ дѣлахъ коммиссіи народнаго продовольствія съ 1848 по 1860 годъ, что запасный хлѣбъ въ этихъ имѣніяхъ находится по числу душъ, что если онъ и выдавался въ пособіе, то недоимки не полагалось изъ урожая слѣдующаго года, *и что помѣщикъ Василій Семеновъ Каншинъ и сынъ его Андрей были предводителями дворянства Масальскаго уѣзда съ 1854 года по 60 годъ.*

Такъ какъ всѣ эти собранныя свѣдѣнія даютъ дѣлу совершенно другой свѣтъ, чѣмъ въ какомъ оно было передъ присутствіемъ мироваго съѣзда, то губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе рѣшило: возвратить дѣло въ Масальскій мировой съѣздъ и войдти въ новое его разсмотрѣніе.

Признаемся, мы не безъ нетерпѣнія будемъ ждать вторичнаго рѣшенія мироваго съѣзда. Когда мы читали это интересное дѣло, намъ прежде всего бросилось въ глаза: какъ могъ мировой съѣздъ въ такомъ важномъ искѣ поставить свое рѣшеніе, основываясь только на голословномъ показаніи г. Каншина, не войдя даже въ разсмотрѣніе представленныхъ крестьянами книгъ? Развѣ показаніе истца или отвѣтчика, не подтвержденныя юридическими доказательствами, могутъ что либо значить при произнесеніи приговора? Развѣ не дѣло суда при-

нять и тщательнѣйшимъ образомъ разсмотрѣть всѣ факты, могущіе служить къ подтвержденію права, отыскиваемаго или защищаемаго тяжущимися сторонами.

Самарское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ журналѣ своемъ пишетъ, что въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ замѣчается иногда нѣкоторое пристрастіе въ пользу крестьянъ, если въ дѣлахъ вмѣстѣ съ крестьянами участвуютъ постороннія лица. Намъ было бы очень грустно слышать, что и наши мировые съѣзды не совсѣмъ свободны отъ такого же упрека.

Звенигородскій уѣздный врачь, донося врачебной управѣ о бѣдственномъ положеніи больницъ, устроенныхъ при помѣщичьихъ имѣніяхъ, настаивалъ на необходимости составленія новыхъ правилъ; врачебная управа передала этотъ вопросъ на обсужденіе кіевскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое принимая въ расчетъ обширность занятій мировыхъ учрежденій, нашло не возможнымъ составленіе по сему предмету особыхъ правилъ и надзора за ними, о чемъ и сообщено врачебной управѣ.

Ну и слава Богу! Бумага исполнена, приличная отмѣтка имѣется, на душѣ не лежитъ, стало быть не объ чемъ и думать. Вѣдь не при глазахъ присутствія, какъ доноситъ звенигородскій врачъ, эти сотни и тысячи рабочихъ безпрерывно заболѣваютъ и потомъ въ тѣсномъ, зараженномъ воздухѣ больницъ развиваютъ тифозныя горячки и умираютъ вдали отъ родины и семействъ своихъ.

Въ Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщенъ замѣчательный случай:

Предсѣдатель смоленскаго присутствія заявилъ, что въ бытность его 5 марта на вяземскомъ мировомъ съѣздѣ читано было постановленіе, въ которомъ мировой посредникъ Александръ Николаевъ Ивановъ обвиняется въ небрежномъ и недобросовѣстномъ исполненіи служебныхъ обязанностей, въ превышеніи власти и лихоимствѣ, причемъ съѣздъ приступилъ къ снятію допросовъ, къ сужденію дѣйствій посредника и даже къ заключенію о необходимости удаленія г. Иванова отъ должности. Согласно мнѣнію своего предсѣдателя, смоленское губернское присутствіе, считая дѣйствія вяземскаго мироваго съѣзда противузаконными и оскорбительными, опредѣлило отмѣнить постановленіе вяземскаго съѣзда, а члену присутствія г. Потемкину съ членомъ отъ правительства, Шапаловымъ, произвести строгое изслѣдованіе, дабы

подвергнуть взысканію или виновнаго посредника, или лицъ, его оклеветавшихъ.

Кромѣ того, чтобы добродѣтель восторжествовала, а порокъ былъ наказанъ, мы желали бы еще, чтобы это дѣло такъ же гласно покончилось, какъ началось, что необходимо, какъ для обвинителей, такъ и для обвиненныхъ.

Въ 69 № Московскихъ Вѣдомостей помѣщенъ весьма любопытный журналъ симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по поводу представленной графомъ Ланскимъ уставной грамоты. Неимѣя возможности выписывать содержаніе журнала, мы только скажемъ, что временно-обязанные крестьяне гр. Ланскаго заявили претензію о непроизводительности почвы значительной части предоставленнаго имъ надѣла земли, что подтверждено и посторонними добросовѣстными.

При чтеніи журнала Симбирскаго присутствія, намъ почему-то вспомнилась одна личность. N N въ душѣ, да и въ дѣйствіяхъ былъ страшный деспотъ, но, какъ человѣкъ умный, зналъ, что время требуетъ другой кожи; онъ прикинулся либераломъ, и при поднятіи крѣпостнаго вопроса сталъ за освобожденіе крестьянъ. Когда не было еще извѣстно, какимъ образомъ поведется освобожденіе, то есть получатъ ли крестьяне въ надѣлъ землю или останутся вѣчными бобылями, N N не унывалъ, а удивлялъ губернію своими красными наклонностями, своими гуманными воззрѣніями на крестьянъ. Вдругъ, отъ одного изъ самыхъ ближайшихъ родственниковъ, человѣка очень вліятельнаго, N N получаетъ секретное извѣщеніе, что conditio sine qua non освобожденія—подушный надѣлъ. Что же вы думаете дѣлаетъ нашъ либералъ и гуманистъ? Недолго думавши, онъ переселяетъ всѣхъ своихъ крестьянъ съ удобныхъ земель на пески, не имѣвшіе никакой стоимости, на которыхъ даже плохой урожай былъ положительно невозможенъ.

Я недавно проѣзжалъ черезъ имѣніе этого либерала: бѣдность страшная!

— Ну какъ живете? спросилъ я знакомаго мнѣ крестьянина.

— Разорилъ онъ насъ, въ полонъ разорилъ. Скотинка какая была,—всю распродали. Хлѣбушка совсѣмъ не родится. Прогнѣвали знать мы царя небеснаго, печально отвѣтилъ мнѣ на вопросъ временно-обязанный крестьянинъ моего либерала...

Въ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ напечатанъ журналъ гу-

бернскаго по крестьянскимъ дѣламъ комитета, по дѣлу г. Черткова, изъ коего видно, что г. Чертковъ, на томъ основаніи, что крестьяне (у нихъ нѣтъ надѣла) плохо работаютъ, хотѣлъ уволить ихъ отъ обязательныхъ отношеній и не давать имъ никакого содержанія, но по изслѣдованію Мценскаго посредника оказывается, что крестьяне ни въ чемъ помѣщика не ослушались, а что не получая мѣсячины принуждены продавать свой скотъ для пропитанія.

Въ то же орловское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе временно обязанные дворовые г. Аладьина Федоръ Сергѣевъ и Никита Плетковъ вошли съ прошеніемъ, что помѣщикъ ихъ запродалъ всю землю какъ господскую, такъ и крестьянскую казеннымъ крестьянамъ, но купчую еще не совершилъ; крестьяне, купившіе землю, отняли у просителей огороды и не допустили ихъ сѣять хлѣбъ; когда же они подали жалобу о томъ, то имъ объявили, что они по сказкамъ числятся дворовыми, тогда какъ ни они, ни отцы ихъ никогда дворовыми не были. По собраннымъ свѣдѣніямъ мировымъ посредникомъ оказалось, что хотя просители и записаны по ревизіи дворовыми, но обработывали землю помѣщику, какъ крестьяне, а слѣдовательно имѣютъ право на надѣлъ, и что у г. Аладьина земли для того достаточно. Орловское губернское присутствіе опредѣлило: просить мироваго посредника снестись съ г. Аладьинымъ и просить этого послѣдняго о принятіи мѣръ для обезпеченіи быта его дворовыхъ, чему въ особенности можетъ способствовать своевременное представленіе уставной грамоты.

Нигдѣ не должно имѣть столько осторожности, какъ въ рѣшеніи вопросовъ по крестьянскому дѣлу. Представлять одну сторону, какъ готовую на всякія уступки, во имя общаго блага, а другую безсмысленно ничего непринимающую—въ высшей степени недобросовѣстно. Не надо забывать, что если одна сторона росла подъ условіями, замедляющими нравственной ростъ, то атмосфера, окружающая и другую, вовсе не способствовала развитію добродѣтелей; герои человѣчества не растутъ, какъ грибы въ одну ночь. Крестьяне туго идутъ на сдѣлки, они колеблются, ждутъ чего-то, но примите въ расчетъ кромѣ того, что крѣпостное право ужъ никакъ не принадлежитъ къ явленіямъ, способствующимъ развитію взаимнаго довѣрія между различными классами общества—закрѣпленію нравственной связи. Разъ то, что узаконенный надѣлъ вошелъ въ разрѣзъ съ нѣкоторыми вѣрованіями крестьянъ, быть можетъ не выдерживающими общественной критики, но за

то подходящими совершенно подъ плечо простому смыслу, во-вторыхъ трудно крестьянамъ, не подумавши, нѣсколько разъ не почитавши, согласиться на тѣ условія, въ первоначальномъ составленіи которыхъ они не участвовали, и съ которыми они могутъ протестовать только противъ деталей, а ужъ никакъ не противъ общаго смысла; въ—третьихъ наконецъ, уставная грамота есть не больше, не меньше, какъ окончательный актъ, совершающій съ одной стороны законность купли, съ другой законность продажи; понятно, что крестьяне ни на шагъ не отступаютъ отъ пословицы «десять разъ прикинь, а одинъ отрѣжь», вѣдь всякому на меньшій капиталъ хочется пріобрѣсти большее, и такое желаніе тѣмъ больше законно, что капиталъ въ этомъ случаѣ есть не манна, упавшая съ неба, Богъ знаетъ за какія добродѣтели, а представитель именно пота и крови, а отъ большей или меньшей выгоды пріобрѣтеннаго зависитъ все будущее благосостояніе... Вѣдь это не то, что пріобрѣсти ухорскаго рысака, или достать ложу на абониментъ. То, что съ нашей стороны кажется ничего не стоющей мелочью, едва ли имѣетъ такую же цѣнность въ глазахъ крестьянъ.

Я знаю, что многіе приводятъ въ примѣръ поразительнаго тупоумія крестьянъ — ихъ страхъ рукоприкладства подъ грамотами, но объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

Въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ Вѣка (1—6) былъ поднятъ вопросъ объ юридическихъ обычаяхъ крестьянъ. Въ наукѣ достаточно уже уяснена мысль, какъ осторожно мы должны относиться ко всему, что осталось не тронутымъ донынѣ отъ народной жизни, послѣ ея страшной ломки. Законодательство не можетъ быть прочно, не можетъ выполнить до тѣхъ поръ своего назначенія, пока оно не перестанетъ *сочиняться* въ кабинетѣ, пока не перестанетъ идти въ разрѣзъ съ народной жизнью. Оно никогда не примется, пока не будетъ имѣть подъ ногами дѣйствительную почву. Какъ бы не была груба форма юридическихъ обычаевъ народа, тѣмъ не менѣе ломать ихъ съ чиновнымъ презрѣніемъ—вовсе не заслуга; уничтожая то, къ чему народъ привыкъ относиться съ уваженіемъ, какъ къ предмету имъ самимъ выработанному, мы даемъ тѣмъ полное право ему отвергать враждебно все нами созданное. Юридическій обычай у насъ важнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; писанныхъ законовъ народъ вовсе не знаетъ, или только, знаетъ ихъ только со стороны безъусловно карательной. Онъ видитъ что человѣка наказываютъ, что въ деревню наѣзжаетъ стано-

вой, что многихъ таскаютъ къ нему. Симпатія народа почти всегда клонится къ совершившему преступленіе. И это понятно—преступника судятъ чиновники, то есть люди чуждые народу, судятъ по книгамъ, въ которыхъ народу не понятна ни одна іота. Какъ народу знакомы *наши* юридическіе формы и взгляды я разскажу одинъ случай. Судебному слѣдователю привелось спросить одного крестьянина: «былъ ли онъ подъ судомъ»? Крестьянинъ отвѣтилъ: «Богъ миловалъ, не приводилось». Слѣдователь внесъ неподсудимость крестьянина въ протоколъ. Спустя нѣсколько времени, крестьянинъ съ испуганнымъ видомъ говоритъ слѣдователю: «виноватъ, батюшка, обмолвился». Слѣдователь спросилъ его «въ чемъ же?» «Да я сказалъ вамъ, что подъ судомъ не былъ,—не взыщи, отецъ родной, солгалъ я окаянный». «Ну когда же ты былъ?» «Да вонъ по запрошломъ году въ водоливахъ на расшивѣ служилъ, какъ-то несдержался, да и упалъ». Такъ что же? «*Подъ судно* подтащило,—кабы не добры люди, тутъ бы моей душенькѣ и капутъ». Извольте видѣть—крестьянинъ принялъ, что все одно и то же быть подъ судомъ и подъ судномъ!.. Не считайте этого крестьянина за идіота: онъ нисколько не былъ глупѣе другихъ. Что за дѣтски-наивное незнаніе! Если же представители администраціи будутъ ломать юридическіе обычаи такого народа, что же останется ему взамѣнъ ихъ? Чѣмъ онъ будетъ судиться во всѣхъ судахъ? Гдѣ тотъ кодексъ, на основаніи котораго будутъ произноситься приговоры? Не напихать ли въ эти суды различныхъ регистраторовъ, ассесоровъ, протоколистовъ и т. д.? Въ Сѣверной Почтѣ и Сѣверной Пчелѣ намъ удалось найдти два случая, очень наглядно показывающіе, какъ относится наше чиновничество къ юридическимъ обычаямъ, вытекающимъ изъ народной жизни.

Губернскій секретарь Кремлевъ (командированный на горный заводъ графини Косаковской, въ видахъ усиленія полицейскаго надзора) встрѣтилъ на одной изъ улицъ архангельскаго завода толпу людей; подавшись къ главному пункту стеченія, г. Кремлевъ сдѣлался очевидцемъ такого явленія: по улицѣ вели крестьянскую дѣвицу, на шеѣ которой навѣшанъ былъ картофель, впереди ея шелъ крестьянскій мальчикъ и барабанилъ въ желѣзное ведро, другой же игралъ на трещеткѣ; при церемоніи присутствовалъ староста сельскаго управленія. Сначала г. Кремлевъ не понялъ смысла такой церемоніи; по распросамъ же оказалось, что дѣвушка была поймана въ кражѣ картофеля, и волостной судъ присудилъ провести ее въ воскресный день по

улицамъ и базару. «Г. Кремлевъ *запретилъ*, разумѣется, продолжать такой судъ и съ подробнымъ описаніемъ этого обстоятельства сообщилъ о немъ мировому посреднику для надлежащихъ съ его стороны распоряженій о взысканіи съ виновныхъ по законамъ».

Крестьянинъ деревни Евзина, Тверскаго уѣзда, Андрей Григорьевъ, былъ пойманъ одножителемъ своимъ Егоромъ Степановымъ въ то время, какъ забрался къ нему въ сарай, наклалъ сѣна и хотѣлъ съ нимъ отправиться домой. Объ этомъ Степановымъ было заявлено старостѣ и на мирскомъ сходѣ присуждено было взять съ Григорьева 20 пудъ сѣна и провести его съ охапкой сѣна по улицѣ подъ барабаннымъ боемъ. Такое наказаніе такъ подѣйствовало на Григорьева, что онъ было покусился на свою жизнь, но былъ во-время оставленъ. Становой приставъ, по произведеніи о семъ дознанія, передалъ дѣло судебному слѣдователю, для производства формальнаго слѣдствія, и виновные, по распоряженію мѣстнаго начальства (то есть мирскаго схода), обязаны подпиской не отлучаться съ мѣста жительства до рѣшенія настоящаго дѣла о ихъ противозаконномъ сужденіи и посрамленіи крестьянина Григорьева.

Я всегда прихожу въ нѣкоторый родъ умиленія при видѣ канцелярскаго юпитеризма. Скажите пожалуста, какъ величественно г. Кремлевъ увидалъ, запретилъ и сообщилъ! Даже напоминаетъ нѣсколько извѣстное: veni, vidi, vici. Впрочемъ г. Кремлевъ нѣсколько великодушнѣе г. тверскаго становаго пристава: онъ покрайней мѣрѣ передалъ дѣло мировому посреднику, стало быть въ дальній ящикъ не затянулъ. Нѣтъ, Евзинскимъ такъ не посчастливилось; тѣхъ сначала г. становой спрашивалъ, дознаніе производилъ, потомъ слѣдователь будетъ спрашивать, настоящее слѣдствіе производить, дѣло передастъ въ уѣздный судъ, изъ уѣзднаго суда оно перейдетъ въ уголовную палату, тамъ, Богъ дастъ, слѣдствіе найдется не полнымъ, возвратятъ опять судебному слѣдователю, тотъ опять его представитъ въ уѣздный судъ и т. д. и между тѣмъ во все время «виновные будутъ обязаны подпискою не отлучаться съ мѣста жительства до рѣшенія настоящаго дѣла». Ну, а если дѣло-то не рѣшится цѣлый годъ, а быть можетъ и больше, что жъ тогда? Ничего; виновные (то есть сходъ, который состоялъ изъ каждаго двора по одному человѣку) сиди на одномъ мѣстѣ.

Господа, если кто интересуется нашими юридическими обычаями, не теряйте времени, собирайте ихъ скорѣе. Благодаря нашимъ администраторамъ, въ родѣ гг. Кремлевыхъ и тверскихъ «мѣстныхъ на-

чальствъ», народъ еще глубже спрячется, еще упорнѣе станетъ молчать. Вы видите, чѣмъ встрѣчаются его первыя попытки юридически заявить то, что сложилось въ немъ въ продолженіи жизни.

Странное дѣло, гдѣ кажется нѣтъ особенной нужды вмѣшиваться нашему мѣстному начальству, тамъ оно вмѣшается, а гдѣ и надо бы дѣйствовать, тамъ оно отписывается. Вотъ въ Тамбовской губерніи, въ Темниковскомъ уѣздѣ носилась молва объ убійствѣ одного крестьянина. Крестьянинъ дѣйствительно пропалъ и никто не зналъ навѣрное, что съ нимъ случилось; такъ какъ молва объ убійствѣ все усиливалась, то мировой посредникъ далъ *предложеніе* становому приставу сдѣлать дознаніе о пропажѣ крестьянина. Что же—вы думаете—становой сдѣлалъ? Сталъ дѣлать розыски. Какъ же? Онъ обидѣлся, какъ могъ давать ему предложеніе мировой посредникъ, онъ долженъ былъ сообщаться съ нимъ отношеніями, какъ съ равнымъ! И представилъ подлинное предложеніе посредника на распоряженіе земскаго суда, а такъ же губернскаго правленія. Что же крестьянинъ-то? Да ничего, не розыскивался; какое дѣло мѣстному начальству до горячихъ слѣдовъ, когда задѣто чиновное самолюбіе.

Въ Нашемъ Времени напечатаны два любопытныхъ циркуляра становаго пристава Шуйскаго уѣзда, г. Яковлева, волостнымъ правленіямъ, изъ коихъ во 2-мъ, между прочимъ, сказано, чтобы *въ дѣло подрядовъ* на содержаніе земскихъ пунктовъ никто не вмѣшивался, *кромѣ лицъ оффиціально допущенныхъ г. исправникомъ*. И чтобы въ дѣлѣ этомъ отнюдь не было допущено какой либо аферы къ ущербу содержателей пунктовъ, и если кто либо къ объявленному подряду или на содержаніе дорогъ безъ формальнаго разрѣшенія г. исправника будетъ допущенъ, то это останется на личной строгой отвѣтственности тѣхъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, которые себѣ это дозволятъ; лицо же, допущенное ими безъ разрѣшенія, немедленно будетъ устранено».

Какъ пишутъ-то нынче! Какъ дѣйствуютъ-то нынче! Нѣтъ, что ни говорите—новымъ духомъ пахнетъ, очень пахнетъ!

А что пахнетъ въ самомъ дѣлѣ новымъ духомъ, такъ доказательствомъ тому служитъ существованіе въ настоящее время такихъ вещей, которыхъ нашимъ добродушнымъ предкамъ и во снѣ чай не грезилось, напримѣръ въ Сѣверной Пчелѣ помѣщенъ одинъ документъ, долженствующій занять не послѣднее мѣсто въ исторіи нашихъ акціонерныхъ компаній; рубрика этого курьезнаго документа такого рода:

существуетъ или нѣтъ общество романовской льняной мануфактуры? Дѣло, извольте видѣть, вотъ въ чемъ: въ 1859 году было опубликовано объ открытіи подписки на акціи означеннаго общества. Штабсъ-капитанъ, Николай Харьковцевъ, желая быть въ числѣ акціонеровъ, послалъ по почтѣ деньги, и въ полученіи оныхъ получилъ надлежащую квитанцію. «Теперь уже, пишетъ г. Харьковцевъ, прошло почти два съ половиною года со времени выдачи мнѣ квитанціи, но мы не получали ни процентовъ за это время, ни обратно взнесенныхъ денегъ, даже не встрѣчали нигдѣ объявленія касательно этой компаніи». Г. Харьковцевъ для разъясненія такого курьеза обращался въ банкирскую контору г. Трубникова, но г. Трубниковъ отвѣчалъ ему, что «общество, судя по слухамъ, не состоится, но за достовѣрность этихъ слуховъ онъ не ручается, потому что объ нихъ никакихъ извѣстій не имѣетъ».

Неправда ли, какъ пріятно быть въ числѣ акціонеровъ общества романовской льняной мануфактуры? Хвала и честь тебѣ, отечественная промышленность!..

Впрочемъ «ничто не ново подъ луною», вѣдь пропалъ же въ одномъ городѣ комитетъ народнаго здравія, такъ отчего же не пропасть и обществу льняной мануфактуры.

По своимъ результатамъ, въ отношеніи акціонеровъ, едва ли не настолько же полезно дѣйствительное существованіе россійско-балтійской компаніи, какъ мифическое существованіе общества романовской льняной мануфактуры. Изъ отчета россійско-балтійской компаніи на 1861 годъ видно, что валовая выручка ея была 357,266 р. 54 к., что составляетъ въ отношеніи общей цѣнности навигаціоннаго имущества 84,65%, но изъ такого огромнаго валоваго дохода компанія ухитрилась выкроить чистаго 7,605 р. 51 коп., остальная же сумма вся пошла на расходы!! Признаемся, мы, привыкшіе созерцать дивныя дѣла многихъ казенныхъ инстанцій, гдѣ напримѣръ на работу, стоющую всего 5 рублей серебромъ, посылался нѣсколько разъ техникъ и на его путешествіе выводилось прогоновъ рублей по 40, по 50, и то пришли въ недоумѣніе, при видѣ чистой выручки россійско-балтійской компаніи. Очень жалѣемъ что въ числѣ акціонеровъ роскошной компаніи нѣтъ никого въ родѣ М. В. Эрикса, а то, онъ такъ хорошо объяснившій дѣйствіе днѣпровско-бугскаго пароходства и директора распорядителя по управленію дѣлами на югѣ, г. Нейкера, быть можетъ пролилъ бы свѣтъ и на отчеты россійско-балтійской ком-

паніи. Какъ же соблюдалъ г. Пейкеръ интересы общества, это доказываетъ присвоеніе имъ 7,000 руб. сер. «для спасенія, какъ объяснилъ г. Пейкеръ, общества отъ разоренія». Неправда ли, какой остроумный способъ спасенія?

Вообще наши общества представляютъ для наблюдателя предметъ въ высшей степени любопытный и назидательный.... Посреди печальныхъ исторій нашихъ компаній тѣмъ болѣе мы должны цѣнить великодушіе россійско-американской компаніи. Эта компанія, не смотря на то, что удовлетворительное состояніе дѣлъ ея, печатные отчеты по управленію и удовольствіе акціонеровъ, выраженное въ общемъ собраніи, служатъ лучшимъ оправданіемъ противъ упрековъ и обвиненій, тѣмъ не менѣе удостоиваетъ еще разъ объясниться насчетъ благосостоянія ввѣреннаго ей края и, какъ лучшее доказательство своей заботливости, приводитъ выборки изъ донесенія капитана 2 ранга Головина, командированнаго предъ истеченіемъ срока привилегіи компаніи 15 генваря 1862 года на мѣсто дѣйствій компаніи.

Привыкши съ малолѣтства питать глубокую вѣру во всѣ донесенія, мы не отказываемся отъ этой вѣры и въ настоящее время; что Алеуты благоденствуютъ, это конечно неоспоримо, но, что въ отчетѣ г. Головина есть нѣкоторые пункты, вопіющіе противъ началъ политической экономіи, такъ это то же неоспоримо (стр. 130 и 131). «Что же касается улучшенія быта Алеутовъ, то пусть дадутъ имъ возможность пріобрѣтать за свой трудъ то, что имъ хочется, что для нихъ нужно, а тамъ пусть сами о себѣ заботятся» (стр. 99 и 104). «Съ 1834 года введено *надлежащее хозяйство* въ производствѣ промысла, и въ настоящее время соблюдается строгій въ этомъ отношеніи порядокъ. Сверхъ *обязательства* выѣзжать на промыслы и *продавать компаніи шкуры по таксѣ*, Алеуты не несутъ никакихъ повинностей». Что же касается разрѣшенія всѣмъ и каждому производить свободно промыслы въ колоніяхъ, то можно поручиться навѣрное, что въ нѣсколько лѣтъ и Алеуты въ конецъ разорятся. Не понимаю, ей-Богу, не понимаю: чтобы улучшить бытъ, надо дать возможность *брать за трудъ сколько угодно*;—вѣрю, но какъ же дальше-то: *надлежащее хозяйство*, *обязательство выѣзжать на промыслы*, *такса*, и наконецъ *при свободѣ промысловъ* Алеуты *разорятся*!

Если г. Головинъ согласенъ, что Алеутамъ нужно дать возможность пріобрѣтать за свой трудъ сколько имъ хочется, стало быть

необходимо допустить и полную свободу промысловъ, ибо только при этомъ и достижимо условіе благосостоянія Алеутовъ, стало быть такса, которая нарушаетъ настоящую стоимость предмета и которая въ рукахъ компаніи всегда будетъ отличнымъ оружіемъ здоровеннаго процента, должна быть уничтожена, стало быть должно быть уничтожено и обязательство выѣзжать на промыслы. Вѣдь согласитесь, послѣднее условіе, есть чисто крѣпостное право, барщина, отбываемая только не на лицо, а на цѣлое общество. Такъ гдѣ же тутъ съ 1834 года введено *надлежащее хозяйство*. Кромѣ таксы и обязательства выѣзжать на промыслы, Алеуты не несутъ никакихъ другихъ повинностей. Мало!.. Это мнѣ напоминаетъ одинъ разсказъ про Еврея, который, нанимая работника, говорилъ, что ему совсѣмъ нечего будетъ дѣлать; «ты только встань до зори, говорилъ Еврей, наруби дровъ, да и спи; наложи въ печь, затопи ее, да и спи; убери лошадь да коровъ, да и спи»; такимъ образомъ росписанъ былъ день до глубокой полночи и при каждомъ занятіи, которыхъ набралось цѣлый возъ, Еврей прибавлялъ: ты больше ничего не дѣлай, и только спи. Откуда же, сообразивъ первое предположеніе, г. Головинъ, выводитъ, что при свободѣ промысловъ, то есть, «когда Алеутамъ будетъ дана возможность брать сколько угодно за свой трудъ», они, т. е. Алеуты-то разорятся!..

Не понимаю, не понимаю точно также, какъ дебеты, кредиты и балансы волховской компаніи.

Впрочемъ, да ну ее, политическую экономію, мы и безъ нея обойдемся; главное дѣло—благоденствіе и мирное житье, а тамъ хоть трава не рости.

Для любопытствующихъ считаю не лишнимъ присовокупить, что первымъ основателемъ сѣверо-американской компаніи былъ рыльскій почетный, гражданинъ, Шелеховъ въ 1794, черезъ три года она слилась съ другой компаніей, основанной купцомъ Мельниковымъ и въ 1799 году принята подъ покровительство правительства, получила свой уставъ, и ей дана привилегія на 20 лѣтъ; съ тѣхъ поръ окончаніе привилегіи отлагалось каждый разъ: наконецъ послѣдній срокъ привиллегіямъ наступилъ 1 января 1862 года. Передъ наступленіемъ этого срока общее собраніе акціонеровъ журналомъ 27 апрѣля 1860 года предоставило главному правленію ходатайствовать предъ правительствомъ о возобновленіи привилегіи.

Нѣтъ, вонъ откупъ, «не смотря на то, что истекаетъ срокъ его

привиллегій» нисколько не унываетъ, геройствуетъ все попрежнему. Если будущій историкъ, составляя біографіи храбрыхъ мужей изъ Россіянъ, забудетъ внести въ нее откупныхъ воителей, то да будетъ ему стыдно!.. Такъ презрительно-молчаливо встрѣчать всѣ нападки, поношенія, такъ неустрашимо проводить всю идею до конца, какъ то дѣлаетъ откупъ, дѣло великихъ душъ, дѣло великихъ административныхъ учрежденій, предавать забвенію дѣяніе ихъ—это верхъ несправедливости... Желая по возможности сдѣлать нашу хронику полной картиной современно-прекраснаго, мы должны внести и слѣдующій фактъ, заимствованный нами изъ Одесскаго Вѣстника; больной отецъ г. Иванченко сталъ поправлятся. Въ то время, когда самъ г. Иванченко находился на службѣ въ его квартиру вломилась толпа пьяныхъ солдатъ и мужиковъ предводимая 2-мя питейными повѣренными и однимъ изъ полицейскихъ. Ихъ встрѣтила мать Иванченки и предупредила о болѣзни мужа. Но они, не обративъ на это никакого вниманія, разсыпалисъ по комнатамъ, стали переворачивать мебель, мять и рвать платье, бить посуду и все это дѣлалось для отысканія водки. Но водки не нашли. Во время обыска изломана и раздавлена часть мебели и посуды, унесена часть платья г. Иванченка. Это нашествіе откупной орды вредно подѣйствовало на Иванченка отца. Онъ опять впалъ въ прежнюю болѣзнь...

Въ вышеприведенномъ фактѣ меня, кромѣ подвиговъ представителей откупа, еще возрадовало то, что въ числѣ предводителей воинства былъ и представитель полиціи. Браво! Неужели высшее начальство остается глухо къ такимъ подвигамъ и не произведетъ изслѣдованіе, гдѣ и въ комъ кроется ихъ главная причина...

Едва мы занесли въ нашу хронику разсказъ о подвигахъ новѣйшихъ баши-бузуковъ, какъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ намъ попалась слѣдующая замѣтка:

«Старые монополисты откупа дѣятельно стараются связать съ новою системою свои личные интересы, и это участіе ихъ обнаруживается не только въ законтрактованіи ими винокуренныхъ заводовъ, — что особенно замѣтно въ Пензенской губерніи, центральномъ пунктѣ этого производства,—но еще и въ слѣдующемъ ухищреніи. Они стараются образовать изъ себя особую компанію, съ цѣлью замѣнить всѣхъ чиновниковъ отъ казны и съ обязанностью доставлять казнѣ сумму сбора, значительно большую, нежели какую она надѣется собрать при помощи своихъ чиновниковъ по новому положенію.

Такъ вотъ зачѣмъ нынѣшней зимой со всѣхъ концовъ пространной Россіи

«Отъ хладныхъ финскихъ скалъ
До пламенной Колхиды»,

собирались въ златоглавую матушку Москву представители благодѣтельнаго откупа. Совѣтъ совѣщевался на благо и процвѣтаніе роднаго народа... А хорошо бы было невидимкой присутствовать въ этомъ миломъ конклавѣ: вотъ гдѣ чай гуманныя-то идеи развивались!..

Къ числу мѣръ правительства, на которыхъ мы должны остановить вниманіе, относится увеличеніе содержанія уѣздныхъ и городовыхъ врачей; для этой цѣли всѣ судебно-медицинскіе и медико-полицейскіе акты осостояніи здоровья людей и животныхъ объ осмотрѣ разныхъ заведеній и проч. составляемые, врачами не по особому, чрезвычайному случаю, а на основаніи общихъ врачебно-полицейскихъ постановленій должны быть писаны на штемпельной бумагѣ, насчетъ лицъ или заведеній, до коихъ составляемый актъ относится. Изъ части суммы, вырученной отъ продажи штемпельной бумаги, назначается, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, прибавочное содержаніе уѣзднымъ и городовымъ врачамъ, служащимъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, и изъ сего же, если представится возможность, г. министромъ симъ же врачамъ будутъ назначаться особыя вознагражденія, въ поощреніе какъ служебныхъ, такъ и литературныхъ трудовъ. Мѣра эта вносится предварительно на три года.

Чтобы судить, насколько эта мѣра соотвѣтствуетъ современнымъ нуждамъ городовыхъ и уѣздныхъ врачей, надо знать житье не тѣхъ медиковъ, которые являются къ вамъ на парѣ лошадей, въ щеголеватомъ кабріолетѣ, одѣты по послѣдней картинѣ, которымъ ваша рука не осмѣливается дать за визитъ меньше трехъ рублей серебромъ... Такихъ счастливцевъ немного!.. Стоитъ только побывать въ тѣхъ terra incognita, что въ географіяхъ отмѣчены: Царевококшайскомъ, Селегилѣемъ, Курмышемъ, Ставрополемъ, Васновсурскомъ и т. д, и посмотрѣть, какъ тамъ перебиваются со дня на день наши уѣздные и городовые врачи, чтобы получить навсегда полное отвращеніе къ медицинской карьерѣ...

Правда, наши медицинскіе факультеты были самые многочисленные

по числу слушателей, но я замѣтилъ одно явленіе—между ними почти вовсе не было дѣтей медиковъ... Причины пополненія нашихъ медицинскихъ факультетовъ передъ прочими объяснить не трудно: хотя университеты наши вообще не отличаются числомъ людей состоятельныхъ, но медицинскіе факультеты были по преимуществу пополнены людьми почти лишенными матеріальныхъ средствъ; я помню одного медика, который до разрѣшенія стипендіи, въ глубокую осень ходилъ въ сапогахъ, подошву которыхъ замѣняла сахарная бумага. Бѣдняга недождался стипендіи, тифъ не пощадилъ его за остроуміе... Я помню цѣлую компанію медиковъ, имѣвшую одну пару форменнаго платья, и потому поочередно ходившихъ на лекціи... Впрочемъ не перечесть всѣхъ исторій страшной бѣдности, что остались у меня въ числѣ воспоминаній изъ *золотыхъ* временъ студенчества... Въ медицинскихъ факультетахъ была всегда большая возможность поступить на казенный коштъ, получить какую нибудь стипендію; хотя потомъ поступившіе сторицею расплачивались за благодѣяніе, когда судьба толкала ихъ въ такой уголокъ нашего обширнаго отечества, который бывалъ даже забытъ и въ географіи Ободовскаго; но надежда кое-какъ пробиться, хоть съ дорогой расплатой послѣ, привлекала бѣдняковъ на медицинскій факультетъ. Потомъ во 2-хъ медики, по окончаніи курса, прямо поступали на мѣсто, имѣли хоть какой бы то ни было кусокъ хлѣба, были лишены возможности питаться акридами и надеждами, между тѣмъ какъ всѣ эти камералы, филологи, юристы, естественники, математики, (мы говоримъ про большинство) послѣ многочисленныхъ хожденій по переднимъ сильныхъ земли сей, поступали въ штатъ какого нибудь губернскаго правленія, служили безкорыстно мѣсяцевъ пять, шесть и потомъ получали 8, 9, 10 рублей серебромъ мѣсячнаго содержанія... Поневолѣ лучше кусокъ чернаго хлѣба, не какъ нищему, а какъ работнику, чѣмъ чуть-что не голодная смерть... Далѣе, медики все же имѣли примѣненіе своихъ знаній; какое же примѣненіе имѣли напр. математики, камералы, филологи? — Слушали отношеніе мордоплюевской казенной палаты, при коемъ препровождается на зависящее распоряженіе губернскаго правленія $2\frac{1}{2}$ коп. серебромъ...

Но тяжела дальнѣйшая судьба большинства городовыхъ и уѣздныхъ медиковъ... Ужъ не говоря о томъ, что обитатели нашихъ городковъ пользуются невообразимымъ здоровьемъ, кромѣ какихъ нибудь волдырей, возмущающихъ ихъ толстый организмъ, другихъ болѣзней они не

ощущаютъ; самое число этихъ обитателей, имѣющихъ возможность пользоваться совѣтами медика, такъ ничтожно, что на практику ему нечего и расчитывать... Толстобрюхій купчина, его расплывшаяся дражайшая, мѣщанинъ, et coetera не пойдутъ къ дохтуру; остается, стало быть, одна только высшая бюрократія обоихъ половъ въ лицѣ, городничихъ, исправниковъ, окружныхъ; но чтобы лечить ихъ здоровыя тѣлеса вовсе ненужно не только двухъ медиковъ: уѣзднаго и городоваго, но достаточно было бы одного, который, въ качествѣ ревизора, наѣзжалъ бы одинъ разъ на эти разсадники здоровья. Впрочемъ, у городоваго и уѣзднаго врача, подчасъ столько оффиціальной практики, что они не могутъ заняться серьезно тѣми больными, которые увеличили бы ихъ скудное содержаніе; кромѣ больницъ, они обязаны быть при многихъ судебныхъ слѣдствіяхъ, часто производящихся на мѣстѣ преступленія; вдалекѣ отъ города составлять акты побоямъ, потасовкамъ; производить свидѣтельства трактирамъ, лавкамъ; наблюдать за правильной продажей питей и припасовъ и т. д. И за все это получать, кажется, не больше 200 рублей серебромъ въ годъ! Выходитъ изъ университета молодой медикъ, полный любви къ человѣчеству, къ наукѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ идей, что навѣяны на него любимымъ профессоромъ, кружкомъ товарищей, онъ хочетъ работать, хочетъ идти рядомъ съ наукой, а тутъ встрѣчаетъ его апатичная безсмысленная жизнь уѣзднаго городка, страшная нищета, прикрытая вицъ-мундиромъ. Нѣтъ ни книгъ, ни инструментовъ, уцѣлѣвшія тетрадки профессоровъ, замѣняютъ для него источникъ свѣта, отвратительная, тупая, какъ остроуміе Безрылова, пила служитъ ему единственнымъ орудіемъ для научныхъ изысканій. Средствъ у молодаго медика хватаетъ только на то, чтобы перебиваться кое-какъ, со дня на день; *о роскоши*, то есть о книгахъ, о микроскопѣ и проч. нечего и думать. Сначала въ немъ идетъ внутренняя борьба, жгучая боль погибающихъ даромъ силъ, отчаянныя попытки какъ нибудь найдти исходъ изъ проклятаго положенія, потомъ все это мало-по-малу стихаетъ, жгучая боль уступаетъ мѣсто тупому терпѣнію, наконецъ человѣкъ и вовсе сживается съ той средой, отъ которой еще недавно готовъ былъ отвернуться съ презрѣніемъ, примиряется съ началами, противъ которыхъ еще такъ недавно и такъ благородно ратовалъ. Пройдетъ годи три, четыре въ этой борьбѣ и.... заброшены въ печку и студенческія тетрадки, забыты мечты слѣдить за наукой, хорошо поигрывается въ вистикъ, несутъ посильную дань продавцы питей и припасовъ, купецъ N получаетъ

свидѣтельство, что его лѣзущая врозь жизнь подвергается опасности отъ нестерпимыхъ побоевъ, ему причиненныхъ, тогда какъ только онъ, N сотворилъ затрещину своему прiятелю, самъ счастливо избѣжалъ полученiя таковой же, составляются акты, что причина смерти М—естественное утопутiе, тогда какъ это естественное утопутiе заключалось въ дубинѣ.

Да тяжелая школа испытанiй предстояла тебѣ, Базаровъ и, не смотря на весь твой закалъ, еще можно поспорить, пробился ли бы ты черезъ нее.

Впрочемъ и положенiе ординаторовъ при больницахъ немногимъ лучше положенiя городовыхъ и уѣздныхъ врачей, но о нихъ когда нибудь послѣ.

Кстати о больницахъ. Въ Казани *23 января*, принятъ былъ (Казан. Губ. Вѣд.) для излѣченiя въ городовую больницу государственный крестьянинъ Вятской губернiи, Никифоръ Ефимовъ Овчинниковъ. *Въ 1-мъ часу ночи онъ бросился въ окно съ верхняго этажа* и ушибся до-смерти.

Скажите, пожалуйста, какой интересный случай: въ больницѣ, 23 января, броситься изъ окна. Чрезвычайно интересно!.. Ужъ не подвинулась ли Казань къ тропикамъ? Ну, и что же, предать судьбѣ и волѣ Божей?..

Распубликовано нормальное положенiе для городскихъ общественныхъ банковъ. Разрѣшенiе на открытiе городскихъ банковъ предоставляется министерству финансовъ, по соглашенiю съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Нынѣ дѣйствующiя уставы городскихъ банковъ оставляются во всей силѣ, съ освобожденiемъ только ихъ отъ контроля приказовъ общественнаго призрѣнiя. Если же который либо изъ существующихъ нынѣ банковъ будетъ просить о распространенiи на оный новаго нормальнаго положенiя, то сiе на опредѣленномъ основанiи допускается. Основный капиталъ каждаго банка долженъ быть не менѣе 10,000 руб. сер. Банкъ состоитъ при мѣстной городской думѣ, подъ отвѣтственностью и наблюденiемъ городскаго общества, предъ коимъ онъ исключительно и обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствiяхъ. Правленiе банка состоитъ изъ директора и двухъ его товарищей, избираемыхъ обществомъ, установленнымъ для городскихъ выборовъ порядкомъ. Правленiе производитъ дѣла свои коммерческимъ порядкомъ, удовлетворяя каждаго съ возможной скоростью. По истеченiи каждаго года, правленiе составляетъ отчетъ о дѣйствiяхъ банка въ минувшемъ году. Отчетъ за каждый истекшiй годъ не позже 15 февраля слѣдующаго го-

да представляется правленіемъ черезъ городскую думу городскому обществу, которое для повѣрки отчета по всѣмъ вообще подлиннымъ книгамъ и документамъ, назначаетъ отъ себя не менѣе трехъ опытныхъ граждапъ. Лица сіи обязаны окончить повѣрку въ теченіи мѣсяца и о послѣдствіяхъ оной извѣстить городскую думу, для представленія обществу. Затѣмъ отчетъ не подвергается уже никакой внѣ городскаго общества контрольной повѣркѣ и печатается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Сверхъ того правленіе обязано публиковать въ тѣхъ же вѣдомостяхъ балансъ банка, по прошествіи каждаго полугодія. Городскимъ общественнымъ банкомъ дозволяется: 1) пріемъ вкладовъ; 2) учетъ векселей; 3) ссуды подъ разнаго рода залоги. Вклады, для обращенія изъ процентовъ, принимаются какъ отъ частныхъ лицъ всякаго сословія, такъ и отъ разнаго рода казенныхъ и общественныхъ учрежденій. Вклады принимаются или на неопредѣленное время съ обязательствомъ возврата по востребованію или на извѣстные сроки отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ. Размѣръ процентовъ по вкладамъ, какъ срочнымъ такъ и безсрочнымъ, назначается правленіемъ банка обще съ городскимъ головою и членами думы. Процентовъ на проценты, по вкладамъ какъ безсрочнымъ, такъ и срочнымъ, банки ни въ какомъ случаѣ не платятъ. Къ учету въ банкъ допускаются векселя отъ лицъ, имѣющихъ по существующимъ законамъ право обязыватся векселями, и другія срочныя, безсрочныя и вѣрныя обязательства, напр. купоны по билетамъ 5% банковымъ и коммиссіей погашенія долговъ, облигаціи, вышедшія по тиражу и т. д. отъ всѣхъ лицъ безъ изъятія. Банкъ принимаетъ вексель къ учету или въ пріемѣ онаго отказываетъ, соображаясь съ степенью довѣрія, какого заслуживаютъ участвующія въ векселѣ лица, по ихъ благонадежности и торговымъ оборотамъ. Если кто въ послѣдній граціонный день срока денегъ по векселю не заплатитъ, то вексель поступаетъ въ протестъ и не долѣе какъ на другой день банкъ относится въ подлежащую полицію о взысканіи по векселю денегъ; въ случаѣ же неплатежа о немедленномъ опечатаніи, и секвестрованіи ихъ имущества. По секвестрованіи и описи имущества дается на уплату еще 2 недѣли. Но если владѣлецъ и по истеченіи этого срока не заплатитъ, то изъ означеннаго имущества часть состоящая долгу немедленно продается съ публичнаго торга. Городскіе общественные банки могутъ производить ссуды подъ залогъ: а) процентныхъ бумагъ, б) товаровъ; в) драгоцѣнныхъ и другихъ неподверженныхъ порчѣ вещей и г) недвижимыхъ имуществъ.

Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ билетовъ государственнаго казначейства и государственной коммиссіи погашенія долговъ государственныхъ 5% банковыхъ билетовъ, 4% билетовъ государственнаго банка, безъименныхъ билетовъ другихъ городскихъ общественныхъ банковъ, которымъ до срока возврата капиталовъ осталось не болѣе 9 мѣсяцевъ, и оплаченныхъ акцій или облигацій, выпускаемыхъ частными комитетами и пользующихся гарантіею правительства или принимаемыхъ въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ. Ссуды подъ залоги процентныхъ бумагъ выдаются на сроки отъ 1—6 мѣсяцевъ. Въ заемъ городскихъ общественныхъ банковъ принимаются товары россійскаго произведенія, предназначенные къ сбыту оптомъ, какъ заграницу, такъ и внутри имперіи, но не составляющіе предмета мѣстной разничной торговли. Закладываемые товары, кромѣ металловъ, должны быть застрахованы въ полной ихъ стоимости. Правленіе банка, по соображенію количества и качества товара и существующихъ на него цѣнъ, а также кредита закладателя и торговыхъ обстоятельствъ вообще, опредѣляетъ размѣры ссуды, на выходъ впрочемъ превышающихъ размѣровъ, установленныхъ для ссудъ сего рода по государственному банку. Ссуды могутъ быть приводимы подъ залогъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ, торговыхъ лавокъ, фабрикъ, заводовъ и другихъ зданій въ томъ городѣ, гдѣ банкъ утвержденъ, а равно находящихся въ томъ же городѣ и уѣздахъ его губерніи участковъ земли. Въ ссуду выдается неболѣе половины оцѣночной суммы. Ссуды назначаются срокомъ подъ залогъ зданій на одинъ, на два и на три года, съ допущеніемъ для каменныхъ строеній отсрочки до восьми лѣтъ, а подъ залогъ земель на одинъ, на два, на три, на восемъ и двѣнадцать лѣтъ. За отчисленіемъ изъ чистыхъ годовыхъ прибылей банка извѣстной суммы для составленія резервнаго капитала и за удовлетвореніемъ изъ нихъ необходимыхъ расходовъ на содержаніе городскаго банка, дозволяется по желанію городскаго общества или учредителей надѣлять частью прибылей ежегодно или единовременно на городскіе надобности и на устройство и содержаніе благотворительныхъ заведеній, какъ-то: больницъ, богадѣленъ, разнаго рода школъ и проч,. и вообще на предметы общественнаго призрѣнія и воспитанія.

Быть можетъ никогда еще положеніе нашей промышленности не было такъ печально, какъ въ настоящее время: лихорадочная дѣятельность акціонерныхъ обществъ доказала только всю нашу несостоятельность въ веденіи дѣлъ подобнаго рода; наша внѣшняя торговля

почти исключительно находится въ рукахъ иностранцевъ. Въ 1861 года вывезено было въ Европу изъ с.-петербургскаго порта русскихъ товаровъ на 41,500,000, но на 305 торговыхъ фирмъ, производящихъ торговлю при с.-петербургскомъ портѣ съ Европой было только 58 русскихъ коммерсантовъ; иностранныхъ товаровъ привезено было на 96,479,000, стало быть разница между привозомъ и вывозомъ простиралась почти на 55,000,000; нашъ вексельный курсъ — этотъ лучшій современный барометръ общественнаго положенія въ извѣстный моментъ времени—на иностранныхъ биржахъ едва ли не самый низкій изъ всѣхъ европейскихъ вексельныхъ курсовъ, даже послѣ обнародованія государственной росписи доходовъ и расходовъ; на лондонской биржѣ вексельный курсъ на Петербургъ оставался $32^3/_4$ пенса за 1 рубль, т. е. 80 коп. за рубль; капиталы внутри Россіи такъ дороги, что за нихъ платится нерѣдко отъ 12 до 18% въ годъ. До какихъ страшныхъ предѣловъ достигло зло въ нашемъ промышленномъ мірѣ, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ перечень банкротствъ, печатаемыхъ въ Биржевыхъ вѣдомостяхъ, не проходитъ недѣли, что бы пять, шесть фамилій, и притомъ фамилій, пользовавшихся повидимому до сихъ поръ общественнымъ довѣріемъ, не объявили себя несостоятельными. Монопольный характеръ внутренней торговли есть господствующій. Такъ какъ средоточіемъ нашей внутренней торговли служатъ ярмарки, то изъ того, какимъ образомъ шли обороты нашихъ, можно вывести заключеніе, каковъ вообще характеръ нашей внутренней промышленности настоящаго времени; читая многочисленныя письма корреспондентовъ, объ исходѣ крещенской ярмарки въ Кіевѣ (контракты) въ 1862 году, видимъ ясно, что зло, до сихъ поръ накапливавшееся внутри нашего организма, пришло къ такимъ предѣламъ, послѣ которыхъ никакія полумѣры не могутъ почесться за спасительныя средства, и что только крутой поворотъ къ новому порядку вещей можетъ остановить дальнѣйшее разраженіе этого зла. «Настоящіе контракты, пишетъ г. Л. Савинскій, представляютъ груды развалинъ. Съ утра до вечера разгуливало по Кіеву банкротство на тощей жидовской клячѣ. Сахарные заводы измѣнили своимъ основателямъ; одни упали совершенно, дѣла другихъ запутаны въ крайней степени. Яхненка, Яненскій, Кадюжинскій и многіе другіе понесли значительные убытки. Знаменитое имѣніе Шембека разорвано на клочки. Общая потеря весьма подробно оцѣнивается около 100 милліоновъ злотыхъ. Повсемѣстно слышались жалобы на недостатокъ денегъ.

При такомъ печальномъ положеніи отечественной промышленности, жалобы на недостатокъ кредита должны быть конечно повсемѣстны, и мы надѣемся, что обнародованіе устава о городскихъ банкахъ, въ связи съ другими мѣрами, должно принести надлежащіе результаты. Изъ существующихъ нынѣ городскихъ банковъ мы имѣемъ подъ руками нѣкоторые цифры самарскаго общественнаго банка. Этотъ банкъ открытъ 14 марта 1861 года съ основнымъ капиталомъ въ 20 тысячъ рублей. Въ теченіи остальныхъ мѣсяцевъ банкъ имѣлъ слѣдующіе обороты: вкладовъ поступило 103,017 р. 1¾ коп., выдано ссудъ 126,593 р. 40 к. Изъ числа розданныхъ въ ссуды: 120,588 р. 40 к. отдано подъ учетъ векселей; 4,005 руб. подъ учетъ билетовъ кредитныхъ установленій и подъ залогъ недвижимыхъ имѣній 2,000 р. Къ 1-му генваря 1862 года банкъ имѣлъ наличной ссумы 7,385 руб. 98¼ коп. сер.

Въ Сѣверной Почтѣ кромѣ того напечатано, какъ слухъ, что коммиссія, высочайше утвержденная для устройства земскихъ банковъ, на дняхъ окончила свои работы и представляетъ ихъ г. министру финансовъ. Коммиссія, сколько извѣстно, начертала проектъ закона для частныхъ кредитныхъ учрежденій, открывающихся съ цѣлью производства операцій по залогу недвижимыхъ имуществъ, и изложила свое мнѣніе о мѣрахъ, могущихъ способствовать успѣху этихъ учрежденій и вообще упроченію поземельнаго кредита въ имперіи. Проектированный коммиссіею законъ обнимаетъ всякаго рода банки, занимающіеся поземельнымъ кредитомъ, не связываетъ ихъ устройства никакою напередъ опредѣленною нормою и не стѣсняетъ никакими ограниченіями свободы кредитныхъ операцій банковъ. Правительственныя мѣры, указываемыя коммиссіею, должны заключаться въ устраненіи разныхъ существующихъ препятствій къ устройству и дѣятельности частныхъ банковъ, къ которымъ, по мнѣнію коммиссіи, необходимо окончательно перейдти отъ прежней системы казенныхъ банковъ.

Заключаемъ нашу хронику извѣстіемъ о внѣшнимъ займѣ и циркуляромъ с.-петербургскаго оберъ-полицiймейстера.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 4 апрѣля на имя управляющаго министерствомъ финансовъ, выражено:

«Въ видахъ установленія денежнаго обращенія на твердомъ основаніи, Мы признали за благо приступить нынѣ же къ приведенію въ дѣйствіе, съ надлежащею постепенностью, мѣръ для открытія въ государственномъ банкѣ размѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ на

звонкую монету. Принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, что для вящщаго облегченія государственному банку таковой обязанности, необходимо подкрѣпить размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ, составляющій нынѣ болѣе 79,000,000 рублей золота и серебра въ слиткахъ и монетѣ и 12,000,000 рублей государственными фондами; Мы признали нужнымъ, согласно съ представленіемъ вашимъ, заключить внѣшній заемъ въ пятнадцать мильоновъ фунтовъ стерлинговъ, черезъ посредство банкировъ Н. М. Ротшильдъ и сыновья — въ Лондонѣ и Ротшильдъ братья—въ Парижѣ, на утвержденныхъ нами условіяхъ, съ тѣмъ чтобы суммы, имѣющія поступить въ счетъ сего займа, были обращены сполна въ непосредственное вѣдѣніе государственнаго банка, для употребленія исключительно на предметъ ихъ назначенія. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ вамъ учинить слѣдующія распоряженія:

1) Заемъ сей внести въ государственную долговую книгу подъ названіемъ седьмаго пяти-процентнаго займа.

2) Билеты государственной коммиссіи погашенія долговъ для сего займа выдать на предъявителя въ 50 фунт. стер. и выше до 1000 фунтовъ стерлинговъ.

3) По займу сему платить по пяти процентовъ въ годъ, начиная съ 19 апрѣля (1-го мая) сего года. Къ каждому билету присовокупить талонъ съ 10 купонами, для полученія по предъявленію оныхъ, причитающихся въ подлежащіе сроки процентовъ.

4) Платежъ таковыхъ процентовъ производить 19 апрѣля (1 мая) и 20 октября (1-го ноября) за каждые протекшіе полгода въ Санктпетербургѣ, въ коммиссіи погашенія долговъ, считая рубль въ 37½ пенсовъ; въ Лондонѣ у банкировъ Н. М. Ротшильдъ и сыновья, фунтами стерлинговъ; въ Парижѣ у банкировъ братьевъ Ротшильдъ, считая фунтъ стерлинговъ въ 25 франковъ 20 сантимовъ; во Франкфуртѣ на Майнѣ у банкировъ М. А. Ротшильдъ и сыновья — по биржевому курсу, и въ Амстердамѣ по назначенію контрагентовъ и по курсу—который будетъ ими объявленъ.

5) По прошествіи перваго десятилѣтія займа, на билеты, имѣющіе оставатся въ обращеніи, выдать, по предъявленію талона, новые купоны.

и 6) До истеченія двадцати лѣтъ, считая съ 19 апрѣля (1 мая) 1862 года, заемъ сей не можетъ быть ни погашаемъ, ни конвертированъ.

Къ исполненію предначертаній нашихъ, для открытія размѣна кре-

дитныхъ билетовъ на звонкую манету, вы имѣете приступить на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Суммы, которыя поступятъ въ счетъ настоящаго займа, передавать сполна въ непосредственное вѣдѣніе государственнаго банка, исключительно на подкрѣпленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ.

2) Вслѣдъ за обезпеченіемъ поступленія новаго займа, представить на утвержденіе наши правила объ открытіи постепеннаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, съ тѣмъ, чтобы изъемлемые изъ обращенія, посредствомъ сего обмѣна, билеты были неотлогательно предаваемы сожженію.

и 3) Затѣмъ заготовленіе и выпускъ кредитныхъ билетовъ приводить впредь по распоряженію и подъ вѣдѣніемъ государственнаго банка, и отнюдь не иначе, какъ въ замѣнъ золота или серебра въ слиткахъ и монетѣ или въ обмѣнъ крупныхъ билетовъ на мелкіе и обратно и ветхихъ на новые билеты.

Въ Вѣд. Спб. Гор. Пол. напечатанъ слѣдующій приказъ с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Не могу не поставить на видъ с.-петербургской полиціи, что она недостаточно обращаетъ вниманіе на разбрасываніе въ городѣ людьми неблагонамѣренными разныхъ воззваній, которыя хотя и не имѣютъ никакого значенія, но однако могутъ напрасно тревожить жителей, а черезъ это возбуждать ропотъ всѣхъ людей благомыслящихъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ справедливому нареканію, въ томъ, что она недовольно заботится объ исполненіи прямой своей обязанности, то есть о спокойствіи обывателей, прекращая и даже предупреждая подобные безпорядки.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Несомнѣнные признаки весны.—Лѣтній садъ и его мраморные боги и красавицы. — Вліяніе весны на суровыхъ публицистовъ. — Всемірная выставка и русскіе туристы. — Причины, по которымъ имъ не ловко *будто бы* ѣхать за границу. — Международная компанія увеселительныхъ поѣздокъ за границу и ея краснорѣчивое объявленіе. — Новый способъ жить по программѣ и пріятная заграничная опека. — Можно ли знать свое будущее безъ помощи оракула? — Напутственная пѣсня нашимъ путешественникамъ. — «Таблички жизни» и настольная книга неизвѣстнаго автора «Memento mori». — Увеселительная продѣлка одного иностранца и фантастическая желѣзная дорога въ Воронежѣ. — Орѳографическій комитетъ въ Петербургѣ и его замыслы. — Русская азбука передъ лицемъ новаго ареопага. — «Упрощеніе русской граматики» г. Кадинскаго и его предложеніе о замѣнѣ русскаго шрифта — латинскимъ. — Буква *Ъ* — въ ролѣ Маріи Стюартъ. — Ея казнь и чудесное превращеніе. — Остроумные выводы г. Кеневича по поводу буквы *Ъ*.—Изгнаніе *Ѳ* и *Э*. — Важное значеніе двухъ митинговъ: о кринолинахъ—въ Лондонѣ, и объ азбукѣ — въ Петербургѣ. — Мнѣніе Сына Отечества о цензурѣ.—Извѣстный русскій поэтъ и неизвѣстный публицистъ Пушкинъ. — *Нѣчто о неблагонамѣренныхъ* людяхъ. — «*Вопросы*», пѣсня посвященная А. В. Старчевскому. — Обличенный редакторъ. Тридцать рублей за три печатныхъ листа!...—Выгодная продажа. — Темные углы Петербурга.— Голодная промышленность. — Способъ подкидыванья дѣтей въ провинціи. — Избіеніе младенцевъ полиціей. — Аттестатъ раздаваемый однимъ частнымъ пансіономъ. — «Плачь русскихъ акціонеровъ различныхъ обществъ» — стихотвореніе. — Протестъ акціонера общества торговли—г. Зубинскаго. — Можно ли брать тихонько чужія деньги на собственныя нужды? — Директоръ общества, обличенный въ такомъ поступкѣ и снова выбаллотированный въ директоры. — «Завѣщаніе акціонера» — предсмертная пѣсня.—Абиссинскій Маэстро Лазаревъ и его новые подвиги. — Пѣвецъ Свѣтовани. Французы въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ.—Случай на Владимірской дорогѣ. — Два поэта—католическій и православный.—Пѣсня о прогрессѣ. — Спектакли любителей. «Горе отъ ума» на частномъ театрѣ. — Чѣмъ занимается общество любителей россійской словесности? — Описаніе будущаго памятника Пушкину.—Библіографическое извѣстіе Книжнаго Вѣстника.—Вѣсти изъ провинцій. Вызовъ тарскаго земскаго суда. — Г. Лесли—какъ любитель звонкой серебряной монеты. — Два слова объ Орловской публичной библіотекѣ. — Почему нѣтъ училищъ въ двухъ уѣздныхъ городахъ Воронежской губерніи?— Безкорыстный субъектъ акцизнаго міра. — Сцена изъ Фрейшица — опытъ новаго либретто.—Гласность, какъ средство для лихоимства сибирскаго чиновника. — Симферопольскій скандалъ. — Суды въ провинціи.

Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, капризовъ и похоронъ, отправивъ на Волково не одинъ десятокъ жертвъ, Петербургская весна наступила: это уже несомнѣнно и не требуетъ доказательствъ.

Майское солнце если не очень грѣетъ, за то смотритъ весело; Нева разломала свою ледяную плотину,

И льдины, по рѣкѣ играя на просторѣ,
Съ волной холодною бѣгутъ свободно въ море.

Заглянешь на улицу — тамъ точно праздникъ, точно всѣ получили по новому чину, по ордену. Праздничныя лица, праздничные весенніе костюмы. Мѣховой воротникъ и бобровая шапка стали какимъ-то анахронизмомъ, какой-то провинціальной рѣдкостью. Развѣ только какой нибудь хворый бѣднякъ идетъ и изъ—за порыжѣвшаго енотоваго воротника выглядываетъ его желтая, истомленная физіономія. Блестящія кэпи, воздушныя шляпки и легкіе бурнусы всюду мелькаютъ передъ глазами. Все спѣшитъ дохнуть майскимъ воздухомъ и насладиться первыми красотами просыпающейся природы.

Насъ клонитъ къ лѣни и ко сну...
И мы назвать ужъ не хотимъ
Санктпетербургскую весну
«Каррикатурой южныхъ зимъ».

Не смотря на то, что Лѣтній садъ находится еще во всей дѣвственной наготѣ своей, по его аллеямъ цѣлое утро ходитъ нарядная, пестрая толпа гуляющихъ, и различные мраморные мудрецы и богини, съ которыхъ уже сняли ихъ деревянныя, зимнія покрышки, вновь видятъ вокругъ себя своихъ старыхъ знакомцевъ. Самый ярый антагонистъ невскаго климата, отворивъ въ своемъ кабинетѣ форточку окошка и вбирая всей грудью тѣ весеннія благовонія, которыя благоухаютъ теперь на дворѣ каждаго петербургскаго дома, готовъ весело улыбнуться и воскликнуть вмѣстѣ со мною:

Дождались мы мая этого,
Солнца, воздуха нагрѣтаго...
Таютъ тучки въ серебрѣ,
И пѣтухъ, звончѣе Сѣтова
Распѣваетъ на дворѣ.

Самый сумрачный публицистъ въ такіе дни готовъ забыть свою свирѣпость и впасть въ лиризмъ, если не въ стихахъ, то по край-

ней мѣрѣ въ прозѣ. Чѣмъ, какъ не вліяніемъ весны, объяснимъ мы напримѣръ, восклицаніе публициста Сѣверной Пчелы, который даже въ прозѣ увлекается риѳмой: «Россіи, восклицаетъ онъ, нужно всего болѣе *знаніе, самопознаніе* и *самосознаніе*; но знаніе нужно ей не для подражанія; знаніе нужно для самопознанія и самосознанія, а самопознаніе и самосознаніе для саморазвитія» (№ 71.)

Только лишь знаніе,
Самопознаніе,
Самосознаніе
(Вотъ такъ открытіе!)
Дастъ намъ сознаніе
Саморазвитія.

Чѣмъ не стихи, чѣмъ не поэзія!.. Вотъ что значитъ вліяніе весны на людей самаго мрачнаго характера! Чѣмъ же инымъ и объяснимъ мы подобныя лирическія восклицанія?

Есть многое, друзья, въ природѣ человѣка
Чего не объяснятъ ни Павловъ, ни Громека.

Итакъ, не пройдетъ еще и мѣсяца, какъ Петербургъ совершенно опустѣетъ. По деревнямъ, по окрестностямъ разбредутся столичные жители, отдыхать отъ зимняго труда, шумныхъ увеселеній, обличительныхъ статей и полемическихъ перебранокъ. Но главный пунктъ, который привлекаетъ къ себѣ нашу публику—это предстоящая всемірная выставка. Для русскихъ туристовъ всемірная выставка служитъ отличнымъ предлогомъ для поѣздки за границу. Какъ вообще, такъ и въ этомъ случаѣ, люди ужасно надуваютъ себя.

Намъ, напримѣръ, въ настоящее время, какъ-то особенно неловко кажется отправиться заграницу, потому что это не своевременно, потому что теперь въ Россіи такъ много своего собственнаго дѣла, что... ну, и т. д. Иной баринъ живетъ въ Россіи настоящимъ бездѣльникомъ, не знаетъ ни труда, ни работы, чиститъ только ногти и беретъ ежедневныя ванны, какъ Павелъ Кирсановъ. Ему смерть какъ хочется удрать куда нибудь въ Европу, поиграть въ рулетку и покутить съ танцовщицами, но онъ этого не сдѣлаетъ.

— Помилуйте, скажетъ, теперь стыдно оставлять Россію. Всюду улучшенія, реформы, люди вездѣ нужны, руки необходимы, — такъ можно ли ѣхать!...

*

А у этого господина и руки прицѣплены къ плечамъ только для перчатокъ и бриллiантовыхъ перстней. Подите, увѣрьте его, что всѣ улучшенiя, всѣ реформы въ государствѣ и безъ него сдѣлаются, что дѣятельный человѣкъ и за границей время не безъ пользы проведетъ. Вонъ Шедо-Ферoти и внѣ отечества умѣетъ ему служить, какъ должно. Но, подите, увѣрьте этого патрiота, что онъ можетъ ѣхать куда ему угодно!...

Предстоящая же всемiрная выставка даетъ возможность и смѣлость всѣмъ этимъ патрiотамъ улизнуть изъ Россiи подъ благовиднымъ предлогомъ. Они вполнѣ убѣждены, что ихъ присутствiе тамъ необходимо, хотя самая выставка ихъ вовсе не занимаетъ. Такимъ образомъ, многочисленная толпа этихъ Кирсановыхъ бросилась теперь за границу и на всемiрной выставкѣ въ числѣ разныхъ русскихъ рѣдкостей не послѣднее мѣсто займетъ многолюдный таборъ кочующихъ нашихъ «Отцовъ»—туристовъ.

Нѣкоторые догадливые спекуляторы поняли, что перелетъ изъ Россiи будетъ большой и поспѣшили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ я уже упоминалъ объ одномъ пароходномъ обществѣ, которое за баснословно-дешевую цѣну предлаетъ поѣздку въ Лондонъ, содержанiе тамъ и наконецъ обратное возвращенiе въ Петербургъ.

Въ настоящую минуту передъ нами лежитъ новое объявленiе какихъ-то благодѣтелей-Французовъ, постоянно заботящихся о нашемъ благосостоянiи и благополучiи. Неизвѣстные ревнители русской цивилизацiи публиковали теперь объ открытiи «Международной компанiи увеселительныхъ поѣздокъ за границу» (Compagnie internationale, des voyages de plaisir á l'etranger). Въ самомъ названiи мы уже видимъ генiй французской изобрѣтательности. Новая эта компанiя, разумѣется, только вслѣдствiе своей симпатiи къ нашей нацiи, за 500 р. с. берется исполнить слѣдующее: она повезетъ васъ во Францiю, потомъ въ Англiю, въ продолженiе мѣсяца будетъ заботиться о вашемъ желудкѣ, станетъ водить въ театръ, показывать замѣчательныя зданiя, рѣдкости, однимъ словомъ сулитъ самую великолѣпную опеку. Нашъ неизвѣстный опекунъ, съ гордостью указывая на новое событiе, состоящее въ открытiи съ 1 мая желѣзной дороги, которая сблизитъ Востокъ съ Западомъ, (а развѣ Свѣточъ этого уже не сдѣлалъ?) съ не малою торжественностью восклицаетъ: «Это послѣднее событiе позволитъ высшимъ классамъ русскаго народа усилить сношенiя съ

чужими землями и отправляться съ большею легкостью, большею быстротою и меньшею опасностью, чѣмъ прежде въ Германію, Англію, Францію и Италію для того, чтобы почерпать тамъ открытія и успѣхи новой цивилизаціи,—цивилизаціи, которая *однако*, уже такъ развита въ *нашей* странѣ»... Благородный иностранный опекунъ нашъ такъ увлекся, что забылъ свое отечество и говоритъ «*наша страна*, т. е. Россія. Затѣмъ онъ прямо переходитъ къ «увеселительной поѣздкѣ», называя ее и полезною и пріятною: «полезною потому, что поведетъ на знаменитую всемірную выставку, на которой національныя произведенія явятся въ сравненіи съ иноземными, и на которой каждый можетъ почерпнуть необходимыя для него промышленныя и техническія свѣдѣнія; пріятную потому, что путешественникамъ предстоитъ осмотрѣть все, что Парижъ и Лондонъ заключаетъ въ себѣ любопытнаго, *съ точки зрѣнія какъ искуства, такъ и природы* (!) и познакомиться съ великолѣпными произведеніями человѣческаго ума, заключающимися въ этихъ городахъ: Лондонѣ — царицѣ промышленности и торговли, Парижѣ—этой дѣйствительной столицѣ искусствъ, литературы (ужъ не императорской ли?) и новѣйшей цивилизаціи». Однимъ словомъ,

Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильный
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ
Для роскоши, для нѣги модной,—

все это, за 500 руб. мы увидимъ лицемъ къ лицу, по заманчивому обѣщанію международной компаніи. Кромѣ искушеній, которыя намъ сулитъ увеселительная поѣздка, путешественникамъ предстоитъ совершенно новое удовольствіе въ продолженіи цѣлаго мѣсяца не имѣть ни воли, ни возможности распорядиться своимъ временемъ по собственному усмотрѣнію. Отдавая компаніи 500 руб. сер. вы въ тоже время дѣлаетесь ея крѣпостнымъ, поступаете въ полное ея распоряженіе. Вы пріучитесь въ эти тридцать дней жить по табличкѣ, по программѣ, заранѣе составленной, и не имѣете права во время путешествія имѣть своихъ желаній, своихъ прихотей и привычекъ. Еще сидя въ

Петербургѣ въ своей квартирѣ вамъ впередъ извѣстно, гдѣ вы будете обѣдать такого числа, гдѣ гулять, гдѣ слушать музыку. Вотъ на образчикъ распредѣленіе одного дня и именно 27 мая. Пусть это будетъ доказательствомъ того, что иногда человѣкъ можетъ знать свое будущее, безъ помощи всякихъ оракуловъ и вертящихся столовъ.

Неугодно ли теперь прислушать. День 27 мая долженъ быть непремѣнно хорошимъ и яснымъ и объ этомъ вѣроятно озаботилась впередъ международная компанія. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, гулять въ дурную ненастную погоду.

Программа дня слѣдующая:

«Въ десять часовъ—завтракъ въ гостинницѣ».

— А если я просплю? спрашиваетъ осторожный туристъ.

— Васъ разбудятъ.

— А если голова будетъ болѣть?

— Стоитъ ли на это обращать вниманіе. Пустяки!...

«Въ одинадцать часовъ — божественная служба въ православной церкви».

«Послѣ служенія визитъ къ отцу протоіерею».

— Помилуйте! воскликнетъ туристъ: да я не знакомъ съ отцомъ–протоіереемъ и не хочу къ нему идти. Я и въ Россіи, на родинѣ, къ такимъ *особамъ* безъ особенной надобности никогда не хаживалъ...

Вмѣсто отвѣта вамъ только укажутъ на неумолимую программу и вы должны будете покориться.

«Послѣ визита: прогулка въ Булонскомъ лѣсу, черезъ аллею императрицы, озера и каскады, до *гипподрома*, а оттуда въ Булонь и Сенъ-Клу, берегами Сены».

«Осмотръ замка и покоевъ императора и императрицы»,

«Прогулка въ паркѣ».

«Обѣдъ на площадкѣ Діогенова Фонаря; видъ на Парижъ и на бассейнъ Сены; во время обѣда военная музыка».

«Игра фонтановъ и каскады; прогулка съ факелами по парку; въ десять часовъ большой венеціанскій праздникъ на озерахъ Булонскаго лѣса; прогулка въ гондолахъ; ужинъ въ шалашѣ Острововъ; военная музыка, праздникъ въ Pré Catelan... Въ два часа утра, чай и ужинъ въ гостинницѣ»...

Итакъ, вы будите знать впередъ, какъ проведете каждый день:

когда будете въ оперномъ театрѣ, когда услышите «Графа Ори» и увертюру изъ «Вильгельма Телля» (!) и пр. и пр. Покорившись вполнѣ новому контролю, застраховавъ свое здоровье отъ всѣхъ случайностей путешествія, разставшись съ собственною волею, съ лѣнью, съ хандрой, русскій путникъ съ помощью благодѣтельныхъ Французовъ увидитъ всѣ рѣдкости первыхъ городовъ земнаго шара.

Что же касается до того, что каждый путешественникъ во время пути попадаетъ подъ опеку, то объ этомъ намъ кажется нечего много сожалѣть. Будто бы, въ самомъ дѣлѣ, опека — для насъ дѣло незнакомое, будто бы мы всегда и вездѣ можемъ жить, какъ намъ только хочеться? Да такъ ли это!

Не даромъ въ спичахъ и рѣчахъ
Толкуютъ всѣ о дѣтствѣ вѣка,
И въ наши годы человѣка
Вездѣ ведетъ на помочахъ
Благоразумная опека.

И потому, пусть не смущается русскій путникъ тѣмъ, что предаетъ свою судьбу на цѣлый мѣсяцъ въ руки иностранцевъ (новость ли это для него?) и весело и спокойно отправляется въ заграничную поѣздку. Мы же споемъ ему напутственную пѣсенку самаго успокоительнаго, мирнаго характера.

ВЪ ПУТЬ ДОРОГУ.

Милый путникъ! знай заранѣ,
Такъ означено въ графѣ:
Будешь спать ты въ ресторанѣ,
Станешь завтракать въ кафè.

—

Изъ кафе-жъ не уходи ты
Даже на десять минутъ:
Дѣлать нужные визиты
Всѣхъ туристовъ поведутъ.

—

Послѣ васъ прогнавъ изъ дома
Подъ дождемъ, сквозь вихрь и мглу,
Поведутъ до *гипподрома*
Чрезъ Булонь и чрезъ Сенъ-Клу.

—

Вамъ укажутъ берегъ Сены,
Лувръ—созданье многихъ лѣтъ;
На площадкѣ Діогена
Приготовятъ вамъ обѣдъ.

—

Послѣ: паркъ, фонтанъ, каскады,
Балъ-мабиль, его канканъ,
Музыкальныя рулады
И разгулъ въ Pré Catalan.

—

Путешествіе въ гондолахъ,
«Графъ Ори», въ театрѣ—«Телль»,
И потомъ кисейный пологъ
И душистая постель.

—

Съ этой милою программой,
Повинуясь слѣпо ей,
Мизантропъ угрюмый самый
Перемѣнится ей-ей.

—

Броситъ старыя привычки
И, какъ дѣльный человѣкъ,
По указанной табличкѣ
Доживетъ спокойно вѣкъ.

Впрочемъ «таблички жизни» у насъ уже не новость. Еще не такъ давно за окномъ книжныхъ магазиновъ была выставлена большая книга въ великолѣпномъ переплетѣ и съ самымъ замысловатымъ названіемъ: «Memento mori». Долго ломая голову надъ смысломъ этого названія, я наконецъ зашелъ въ магазинъ и взялъ въ руки любопытную книгу. Что же открывается? Вся книга состоитъ изъ разграфленныхъ страницъ, изъ клѣтокъ и линеекъ съ краткими, но сильными отмѣтками: «Что дѣлалъ отъ 9 до 4 часовъ утра», «Какой былъ обѣдъ» «Какую читалъ книгу» и пр. и пр. въ этомъ родѣ. По осмотрѣ оказалось, что эта книга составлена съ нравственною цѣлью заставить человѣка жить по росписанію, по часамъ, по алфавиту. Тамъ все указано: когда просыпаться, когда гулять, когда работать. Чуть ли кажется не означены годъ и число когда нужно вступать

въ *законный* бракъ порядочному человѣку и сколькихъ лѣтъ нужно заказывать гробъ и саванъ... Славная это книга «Memento mori». Жаль что на ней нѣтъ имени ея автора!...

— А что стоитъ это сокровище? спросилъ я въ лавкѣ.

— Шесть рублей.

Рѣшительно не дорого, потому что за такія изобрѣтенія нужно непремѣнно давать привилегіи. Очень будетъ жаль, если *сочиненіе* неизвѣстнаго автора не появится ни всемірной выставкѣ... Ужъ не баронъ ли Фирксъ занимается составленіемъ этихъ «табличекъ жизни»? Онъ къ этому показалъ въ послѣдней своей книжкѣ большія склонности...

Разсказавъ о вызовѣ «международной компаніи *увеселительной* поѣздки за границу», не могу умолчать объ «увеселительной» продѣлкѣ одного иностранца. Съ легкой руки главнаго общества желѣзныхъ дорогъ иностранцы какъ-то особенно сдѣлались щедры на увеселительныя предпріятія и изощряютъ на насъ свои спекулятивныя способности.

Случилось мнѣ на дняхъ ѣхать на извощикѣ по гороховой улицѣ. Извощикъ, молодой парень, проѣзжая мимо одного дома, съ лукавой улыбкой указалъ на него своимъ кнутомъ и лаконически замѣтилъ:

— Нашего брата мужика здѣсь славно принадули...

Я началъ узнавать въ чемъ дѣло.

— Нѣмецъ какой-то, прощелыга, тутъ жилъ, ловкій, видно... Зимой, значитъ, сталъ онъ вездѣ рабочихъ людей на желѣзную дорогу набирать, работать... Деньги сулилъ хорошія, переѣздъ изъ Питера и харчи хозяйскіе, да жалованья 25 рублевъ, видишь ли, въ мѣсяцъ. Извѣстное дѣло: народъ простой глупъ; начали къ нему мужички на домъ ходить, онъ имъ билетъ какой-то даетъ, а за прописку тамъ что ли, за бумагу-ли, деньги бралъ больше рубля. И набралось этого народу много; онъ только успѣваетъ билетики какіе-то давать, да деньги сбирать. Какъ набралъ, значитъ, денегъ съ достаткомъ, взялъ Нѣмецъ да и улизнулъ.

— А билеты?

— А билеты фальшивые вишь были; такъ, зря давалъ ихъ, замѣтилъ извощикъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Глупый народъ — обмануть всякій можетъ, заключилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Признаюсь, что исторіи, разсказанной извощикомъ, я не совсѣмъ повѣрилъ. Прошла недѣля. Вдругъ мнѣ попадается одно извѣстіе въ Сѣв. Пч., гдѣ говорится о томъ же самомъ случаѣ болѣе подробно. Какой-то господинъ (иностранецъ, но къ сожалѣнію фамилія его неизвѣстна) мѣсяца три тому назадъ, сталъ нанимать рабочихъ для постройки желѣзной дороги въ Воронежѣ, по контракту. Охотниковъ набралось около *трехъ тысячъ*. Каждый изъ нихъ, подписывая контрактъ, отдавалъ подрядчику 1 р. 10 к. с., а за что—имъ самимъ *неизвѣстно*. Когда у подрядчика денегъ набралось болѣе трехъ тысячъ, онъ заблагоразсудилъ скрыться и его нигдѣ найдти не могутъ. Разумѣется, нужно думать, что онъ отправился съ *заработанными* деньгами въ увеселительную поѣздку за границу. Многіе изъ обманутыхъ имъ рабочихъ, въ чаяніи будущихъ благъ и работы, оставили свои прежнія занятія, совершенно прожились и теперь находятся въ самомъ незавидномъ положеніи.

— Вотъ она, западная цивилизація то! вѣроятно воскликнутъ при этомъ московскіе славянофилы. Вѣдь у нихъ всегда въ такихъ случаяхъ Европа, да цивилизація виновата, какъ будто они должны отвѣчать за каждаго плута и грязнаго промышленника.

Самою крупною новостью прошлаго мѣсяца безъ всякаго сомнѣнія нужно считатать коренное преобразованіе нашей ороографіи и окончательное пораженіе и изгнаніе нѣкоторыхъ буквъ изъ русской азбуки. Дѣйствителъно, въ ороографіи въ послѣднее время царствовалъ классическій безпорядокъ и произволъ. Общей системы и слѣдъ простылъ. Каждый журналъ держался своего собственнаго правописанія. Напр. одни писали *поцалуй*, другіе—*поцѣлуй*, а третьи даже—*поцелуй*. Хотя, собственно говоря, бѣды въ этомъ особенной нѣтъ никакой, и нашей литературѣ оттого опасность никакая не грозитъ, но система, господа, прежде всего система... Системы нужно держаться во всемъ, и мы должны разсказать нашему читателю

Какъ нынѣ сбирались исправить букварь
И подвигъ свершить исполинскій,
Изгнавъ изъ печати рутину и старь—
Стоюнинъ, Кеневичъ, Кадинскій.

Въ педагогическомъ собраніи, существующимъ уже болѣе двухъ

лѣтъ, еще мѣсяца три тому пазадъ, В. Я. Стоюнинъ предложилъ пригласить *всѣхъ учителей русскаго языка, занимающихся въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобъ они согласились въ общихъ орѳографическихъ основаніяхъ, и, разъяснивъ нѣкоторые спорные пункты, упростили бы самую орѳографію.*

Орѳографическія собранія были наконецъ открыты. Посѣтителей оказалось много. Русская грамматика, завѣщанная намъ Ломоносовымъ, уже болѣе ста лѣтъ гулявшая свободно, была притянута къ суду, такъ какъ грѣшковъ за ней оказалось много.

Шеренга тридцати пяти русскихъ буквъ была выстроена предъ судилищемъ. Предсѣдателемъ орѳографической инквизиціи былъ выбранъ г. Паульсонъ.

Прежде всего, самымъ неумолимымъ карателемъ русской азбуки явился г. Кадинскій. Ни одной буквы нашей онъ не хотѣлъ признать —

Все отвергалъ: *еры, добро, живете,*
Глаголь и *нашъ, покой* и *рцы.*
И даже самое *мыслете,*
Что пишутъ дѣды и отцы.

Г. Кадинскій явился самымъ отчаяннымъ радикаломъ,

И предлагалъ, чтобъ зло пресѣчь
Собрать всю азбуку—и сжечь.

Чтобъ объяснить свою мысль, г. Кадинскій объявилъ всему собранію слѣдующее:

— Лѣтъ двадцать тому назадъ я издалъ «Упрощеніе русской грамматики». Думаю, что, вѣроятно, кто нибудь изъ присутствующихъ здѣсь читалъ мою книгу...

Но, увы,—таковыхъ, къ сожалѣнію, не нашлось.

— Въ своей книгѣ, продолжалъ онъ, я предлагалъ сдѣлать коренное преобразованіе въ нашей грамматикѣ, и принявъ предложенную мной реформу, всѣ бы легко и скоро научились писать по-русски безъ ошибки...

— Какое же это средство?

— Средство самое простое: принять вмѣсто нынѣшняго, русскаго шрифта—латинскій.

Такое обращеніе русской азбуки въ католицизмъ рѣшительно было всѣми отвергнуто и авторъ «Упрощенной русской грамматики», двадцать лѣтъ не говорившій о своемъ проектѣ, долженъ былъ снова умолкнуть.

Собраніе, отвергнувъ поголовную ссылку русскаго букваря, остановилось пока на томъ, что нѣкоторымъ буквамъ все-таки не миновать изгнанія. Въ инквизиторахъ заговорила кровожадность и имъ потребовалась жертва. Разумѣется, первая подъ ихъ ударами должна была пасть буква «Ѣ» — этотъ общій камень преткновенія въ русскомъ правописаніи. Эта злосчастная буква, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ была для насъ какимъ-то пугаломъ и втиралась незванная, не прошенная почти въ каждое слово,

— Долой букву «Ѣ»! слышалось отвсюду,—долой; пусть идетъ куда угодно, хоть къ Нѣмцамъ.

И несчастную литеру, какъ Марію Стюартъ, возвели на эшафотъ и отрубили ей голову. Но, о чудо! какъ живуча эта проклятая буква! Когда она осталась безъ головы, то преобразилась въ новую букву «Ь».

Г. Кеневичъ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ казни «Ѣ», не остановился предъ этимъ чуднымъ обращеніемъ, не смутился духомъ и доказалъ весьма положительно, что буквы «Ъ» и «Ь» дармоѣдки, безполезныя существа, надъ которыми тоже необходимо произнести смертный приговоръ. Изъ его словъ мы узнали, наприм., что одинъ «Ъ» составляетъ на страницѣ двадцатую часть всѣхъ буквъ, такъ что, по его остроумному вычисленію, изъ *сорока* печатныхъ листовъ *два* уходятъ на «Ъ».

Чтобъ окончательно смутить нѣкоторыхъ людей, которые изъ романтизма готовы были отстаивать подсудимую букву, г. Кеневичъ привелъ слѣдующій любопытный фактъ:

«Энциклопедическій Лексиконъ предполагается издать въ сорока томахъ; стало быть два тома будутъ посвящены *одному еру*. Каждый томъ обходится издателямъ въ 15,000 руб., слѣдовательно 30,000 руб. имъ придется заплатить за *еръ*»!

Такой остроумный выводъ вызвалъ общія рукоплесканія и *еръ*, и *ерь* рѣшительно были отвергнуты. Можно ли же теперь сказать, что четыре орѳографическія засѣданія прошли безполезно? Но позвольте: это еще не все. Нашлись радикалы, которые предложили изъ двухъ

буквъ *И* и *І* одну изгнать непремѣнно. Но эти буквы постояли за себя и предложили слѣдующій вопросъ:

— Какъ же вы станете писать совершенно два разныя слова: *миръ* и *міръ*. Никто ничего не могъ возразить на это и подсудимыя были оправданы. Но не та участь ожидала боквы *Э* и *Ѳ*.

— Смерть иностранкамъ! Вонъ изъ русской азбуки! Казнить, казнить ихъ. За нихъ никто даже не явился адвокатомъ и смертный приговоръ ихъ былъ подписанъ.

Итакъ, уничтоженіе пяти нашихъ литеръ—а главное этой ужасной *яти*—было первымъ подвигомъ ороографическаго общества. Всѣ были довольны, кромѣ г. Кодинскаго, который смотрѣлъ на дѣло съ своей точки зрѣнія.

— Это все не то, говорилъ онъ: наше спасеніе только въ латинскомъ шрифтѣ. Хотя намъ и не легче отъ этого будетъ учиться грамматикѣ, *за то иностранцамъ будетъ легче*... Наконецъ и наборщикамъ при вставкѣ въ русскій текстъ иностранныхъ фразъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Но, увы, заботы г. Кадинскаго объ иностранцахъ и наборщикахъ не были ни кѣмъ уважены: всѣхъ остановило патріотическое чувство...

Будемъ же теперь дожидаться слѣдующихъ засѣданій общества. На эти засѣданія мы смотримъ безъ всякой улыбки и понимаемъ ихъ глубокое значеніе. Пусть охотники глумиться надо всѣмъ узнаютъ, что въ самой Англіи, въ самомъ Лондонѣ былъ недавно большой митингъ, на которомъ разсуждали... (о чемъ бы вы думали?) *о кринолинахъ*. Слышите ли, господа! На ряду съ политическими и общественными дѣлами Европы на англійскихъ митингахъ толкуютъ о женскихъ юбкахъ. А почему? Потому что съ вопросомъ о кринолинѣ связанъ политическій вопросъ Великобританіи. Недостатокъ желѣза, потребнаго въ большомъ количествѣ на постройку броненосныхъ кораблей, привелъ Англичанъ къ тому убѣжденію, что нужно уничтожить кринолины, на которые идетъ безконечное множество желѣзныхъ обручей.

Русскіе ороографическіе митинги имѣютъ для насъ не меньшее значеніе, и да будетъ стыдно всѣмъ, не признающимъ этого. Мы же, съ своей стороны, не можетъ безъ вниманія пройдти мимо грамматическихъ реформъ русскаго языка, не почтивъ ихъ восхваленіемъ. Съ гордостью русскій человѣкъ видитъ теперь, что

Ѳиты ужъ больше не встрѣчаемъ
Мы въ букварѣ,
И буквой *есть* всѣ замѣняемъ
И *ять* и *э*.

Событіе это на столько важно, что мы, исполненные умиленіе, посвящаемъ ему теперь особую пѣсню:

ИЗГНАННИЦЫ.

* * *

Въ старинныхъ граматикахъ нашей страны
Пять буквъ проживали, преданью вѣрны,

—

И самъ Тредьяковскій съ Хабаровымъ вмѣстѣ
Не смѣли ихъ тронуть изъ злобы и лести,

—

И чтить эти буквы давно умъ привыкъ }
Исполненный гордости русскій языкъ.

—

Такъ *э* оборотное въ цѣлой Россіи
Почтили какъ гостью родной Византіи,

—

Любили вполнѣ за ея красоту
Прекрасную, круглую букву *ѳиту*,

—

И волю не смѣя дать гнѣву, проклятью,
Мы ладили съ юности съ буквою *ятью*,

—

Лишь школьникъ лѣнивый въ минувшую старь
Ее проклиналъ, изучая букварь,

—

Да ставилъ, порою, ее съ неудачей
Въ казенныхъ бумагахъ угрюмый подьячій;

—

Такъ жили они, безъ утратъ, безъ потерь,
И *еръ* вмѣстѣ съ ними съ сестрицею *ерь*.

—

Никто не грозилъ имъ позоромъ и казнью,
Никто не бросалъ въ нихъ ни камнемъ, ни грязью.

—

Такъ многіе годы не слышно прошли
Для нихъ въ алфавитахъ россійской земли,

—

Но въ царствѣ морозовъ, пустынь и сугроба
Имъ жизнь показалась угрюмѣе гроба.

—

И стали тѣ буквы на небо роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?

—

О, небо! насъ гонишь на трудъ для чего ты?
Нѣтъ отдыха намъ отъ тяжелой работы.

—

Насъ льютъ въ словолитняхъ, насъ давитъ станокъ,
Какъ негровъ, замучилъ насъ хмурый Востокъ»...

—

Но только замолкли,—и вдругъ по дорогѣ
Вдали показались тогда педагоги.

—

Зловѣщіе крики, угрозы и звонъ,
И велъ эти полчища самъ Паульсонъ.

—

Тамъ, шрифтомъ латинскимъ наполнивши вьюки,
Шелъ мрачно Кадинскій, сложивъ свои руки.

—

Смутилась *ѳита* и безпечная *ять*:
Предъ ними стояла могучая рать —

—

Сухонинъ, Стоюнинъ, Сидонскій, Микѣшинъ,
И грозный Кеневичъ, оружьемъ обвѣшенъ:

—

Совѣтъ помѣстился въ огромный покой,
Вотъ знакъ подаетъ предсѣдатель рукой

—

И пала завѣса; развернуты свитки,
Дохнули могилой орудія пытки,

—

Блеснула секира во мракѣ, и вотъ
Предъ жертвами черный стоитъ эшафотъ.

—

Свершилось—и тихо сѣкира упала:
Пять буквъ въ алфавитѣ россійскомъ нестало,

И азбука наша, плёрезы надѣвъ,
Одинъ погребальный лишь тянетъ напѣвъ.

Съ нѣкотораго времени, по вызову самаго нашего правительства, многіе русскіе журналы и газеты стали заявлять свое мнѣніе по поводу новыхъ цензурныхъ правилъ и постановленій. Сынъ Отечества, желая тоже отозваться на этотъ вопросъ, однако не рѣшился высказать своего собственнаго мнѣнія—изъ скромности, вѣроятно, потому де-скать, что

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Газета Сынъ Отечества рѣшила, что послѣ статьи Пушкина о цензурѣ—вопросъ этотъ уже не требуетъ разбора. Пушкинъ, по ея мнѣнію, уже сказалъ о цензурѣ настоящее послѣднее слово и она, опираясь на его авторитетъ, указываетъ своимъ читателямъ на эту статью съ особеннымъ благоговѣніемъ и дѣлаетъ изъ нея выписку. Изъ этой выписки мы увидимъ, почему именно слова Пушкина такъ любезны сердцу А. В. Старчевскаго.

Вотъ что говоритъ Пушкинъ:

«Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать безразсудность цензуры. Если—говоритъ онъ—способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бы установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то позволеніе».

«Конечно, еслибы *слово* не было общею принадлежностью всего человѣческаго рода, а только милліонной части его, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ *безграмотный* не есть уродъ и не находится внѣ вѣч-

ныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ *возможностью* и самою *способностью* писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изо всего народонаселенія. Аристократія самая мощная, *самая опасная* есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліянія обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушающаго дѣйствія типографскаго снаряда. *Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно*».

«Мысль—великое слово! Что-жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: *въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ*».

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣчаютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу».

«Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ *рѣчь* и *рукопись* не подлежатъ закону? Всякое правительство вправѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову прійдетъ и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографскимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона».

«Дѣйствіе человѣка мгновенно и одиночно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое».

Будучи «*самымъ лучшимъ*» (какъ говорятъ гостинодворскіе прикащики) органомъ русской журналистики, «Сынъ Отечества» опирается въ этомъ случаѣ на мнѣніе извѣстнаго русскаго поэта и неизвѣстнаго публициста Пушкина и находитъ въ немъ самые неопровержимые доводы. Да кто же съ ними не согласенъ, г. Старчевскій? Мы всѣ убѣжде-

ны, что для насъ необходимъ этотъ контроль, рѣшительно необходимъ... Мы знаемъ по опыту, до чего могутъ дойдти люди неблагонамѣренные, не признающіе этого контроля. Вѣдь вы вѣроятно читали ужъ приказъ с.-петербургскаго оберъ-полицiймейстера, отъ 19 апрѣля, слѣдующаго содержанія: «Не могу не поставить на видъ с.-петербургской полиціи, что она недостаточно обращаетъ вниманіе на разбрасываніе въ городѣ людьми неблагонамѣренными разныхъ воззваній, которыя хотя и не имѣютъ никакого значенія, но, однако, могутъ напрасно тревожить жителей, и чрезъ это возбуждать ропотъ всѣхъ людей благомыслящихъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ справедливому нареканію на полицію въ томъ, что она недовольно заботится объ исполненіи прямой своей обязанности, т. е. о спокойствіи обывателей, прекращая и даже предупреждая подобные безпорядки.

Кто же будетъ послѣ этого противорѣчить г. Старчевскому? Напрасно почтенный редакторъ Сынъ Отечества и поднимаетъ такіе важные вопросы! Вѣдь придетъ же охота такая! Нѣтъ, лучше бросьте ваши хитрые намёки, г. редакторъ «Сына...»

Брось свои иносказанья
Про «высокіе предметы»,
На житейскіе вопросы
Дай прямые намъ отвѣты.

—

Отчего твое изданье
Такъ оборвано, убого,
А подписчиковъ—по слухамъ—
На газету очень много?

—

Отчего плоды науки
Для тебя весьма не сладки?
И зачѣмъ мы видимъ въ «Сынѣ»
Все—одни перепечатки?

—

Отчего за листъ печатный
Платишь всѣмъ ты шесть цѣлковыхъ?
Иль вырѣзываешь прямо
Рядъ статей уже готовыхъ?

—

Отчего твою газету
Всюду свистъ встрѣчаетъ рѣзкій?
Отчего? На тѣ вопросы
Отвѣчай же намъ Старчевскій!

Что же касается до того, какъ обращается г. Старчевскій съ своими сотрудниками, то намъ на это можетъ отвѣтить г. Арнольдъ, изъ письма котораго мы можемъ узнать весьма любопытныя свѣдѣнія по этому поводу. Вотъ что между прочимъ говоритъ г. Арнольдъ, протестуя противъ редактора Сынъ Отечества.

1) «Я никогда не рѣшился бы заявлять публично о ничтожномъ *для меня* фактѣ, еслибы не слышалъ о томъ, что г. Старчевскій сплошь да рядомъ позволяетъ себѣ подобныя выходки съ другими, и что онъ зачастую оттягиваетъ на неопредѣленное время выдачу гонорарія за статьи своихъ сотрудниковъ.

2) «Я доставилъ г. Старчевскому мою не большую статью вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ его газетѣ...

3) «Какъ особенную характеристику г. Старчевскаго, редактора газеты, имѣющей, благодаря нашимъ старосвѣтскимъ помѣщикамъ, до 20-ти тысячъ подписчиковъ, помѣщаю здѣсь слѣдующее. Когда я пришелъ къ нему, то онъ встрѣтилъ меня со словами, что съ удовольствіемъ напечатаетъ мою статью, если я напишу еще побольше о томъ же самомъ предметѣ. Когда же я обратился къ нему съ просьбою о выдачѣ слѣдующихъ мнѣ, по расчету, нѣсколькихъ рублей, то онъ объявилъ, что все, что было въ моей статьѣ хорошаго, то вычеркнуто, а напечатано только дурное, и что *поэтому* (!?) онъ денегъ *платить не будетъ*».

Но на этомъ еще дѣло не кончилось. Принужденный наконецъ отдать деньги, редакторъ Сына хотѣлъ уязвить своего сотрудника.

— Возьмите ваши деньги, но знайте, что статья ваша положительно скверна. Я самъ противъ нея буду писать въ своемъ журналѣ опроверженіе и съ этихъ поръ не принимаю къ себѣ ни одной вашей строчки.

Вотъ такъ логика у г. Старчевскаго! Напечаталъ у себя статью и у себя же хочетъ писать противъ нея опроверженіе. Вотъ бы утѣшилъ!.. При этомъ не лишенъ смысла слѣдующій фактъ: г. Старчевскій платитъ своимъ сотрудникамъ по 30 р. с. за листъ въ 80,000

буквъ, т. е. *тридцать рублей* почти за три листа Русскаго Слова. Можно ли послѣ того не уважать безкорыстныхъ сотрудниковъ Сына Отечества! Что же касается до коммерческихъ соображенiй его редактора, то съ ними на ряду мы можемъ поставить только два случая, недавно почерпнутые нами изъ моря житейскаго. Содержатель одной петербургской гостинницы, узнавъ по слухамъ, что одному богатому господину нужна рысистая лошадь, прислалъ къ нему своего кучера вмѣстѣ съ рысистымъ бѣгуномъ, котораго онъ продавалъ. Лошадь осмотрѣли: конь съ виду хорошiй.

— А какая ему цѣна? спросили у посланнаго.

— Пятьсотъ рублей.

Цѣну, разумѣется, нашли непозволительной, но покупатель еще не зналъ бѣга лошади, и какъ она ходитъ въ упряжѣ—и желалъ ее испытать. Такъ какъ былъ вечеръ и ѣхать было уже поздно, то испытанiе отложили до другаго дня, а лошадь, по общему соглашенiю, рѣшились оставить на ночь въ конюшнѣ покупателя, для того чтобъ не водить лошади взадъ и впередъ. На другой день отъ хозяина рысака является посланный. Ему предлагаютъ триста рублей за коня, но онъ проситъ все-таки пятьсотъ рублей сер. Понятно, что отъ покупки лошади отказались и покупатель велѣлъ увести ее обратно къ хозяину. Но посланный не шелъ и сказалъ, что хозяинъ его требуетъ всѣ деньги, а лошадь брать съ конюшни не велѣлъ. Съ тѣмъ онъ и ушелъ, не взявши съ собой лошади. Черезъ нѣсколько дней трактирщикъ пишетъ письмо, въ которомъ требуетъ деньги за лошадь, потому что онъ считаетъ ее проданной и назадъ къ себѣ не возьметъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что покупатель долженъ былъ послать къ нему всѣ деньги, оставивъ за собою лошадь, которую вовсе не хотѣлъ покупать.

И къ такимъ продѣлкамъ прибѣгаютъ люди богатые, имѣющiе огромные дома въ городѣ и мѣшки съ золотомъ въ сундукахъ своихъ! Можно ли послѣ того очень обвинять голодную промышленность многихъ голяковъ, которые, чтобъ быть сегодня сытыми, выдумываютъ для того не совсѣмъ благородныя, за то не лишенныя своего рода остроумiя, средства. Подвиги этихъ несчастныхъ бѣдняковъ нестолько возмущаютъ, сколько заставляютъ сожалѣть и нагоняютъ не совсѣмъ веселыя мысли.

Когда какой нибудь счастливый баловень фортуны, съ полнымъ кошелькомъ въ карманѣ, проѣзжаетъ по свѣтлымъ, пышнымъ и парад-

нымъ улицамъ города, то онъ вѣроятно и не воображаетъ, что тутъ же рядомъ, вблизи этой шумной, блестящей обстановки, существуетъ особый, мрачный міръ съ его голодной нищетой, съ ея развратомъ и грязью, онъ и не знаетъ, что рядомъ съ великолѣпнымъ магазиномъ, гдѣ золото промѣнивается на модныя побрякушки—живетъ, двигается совершенно другой народъ, съ другими нравами, съ другой обстановкой. Всякому, вѣроятно, случалось, идя вечеромъ по Невскому проспекту или по прилежащимъ улицамъ и разсматривая со всѣхъ сторонъ ярко освѣщенныя окна лавокъ и гостинницъ, замѣчать гдѣ нибудь около мрачнаго подвала темную лѣстницу съ тусклымъ висячимъ фонаремъ, на которомъ можно было прочесть надпись: «пирожная». Если вы носите лакированные сапоги и батистовое бѣлье, если вы имѣете солидный и видъ, и чинъ, то, вѣроятно, и не подумаете спуститься по грязноватой, влажной лѣсенкѣ въ этотъ ресторанъ, устроенный въ пользу бѣдныхъ, бездомныхъ и голодныхъ. Но если вы рѣшитесь на этотъ подвигъ, и украдкой, закрывъ на улицѣ воротникомъ лице свое, войдете туда, то на васъ пахнетъ новымъ воздухомъ, новою неизвѣстною вамъ жизнью. Подъ эти угрюмыя, почернѣлыя стѣны «пирожныхъ» сбираются по вечерамъ какія-то темныя, оборванныя, суровыя личности. Здѣсь отдыхаетъ и заштатный чиновникъ, живущій кое-какимъ промысломъ, и отставной воинъ съ краснымъ носомъ и дрожащими руками, и какіе-то люди съ загадочною дѣятельностью, и загулявшіе ремесленники, пропивающіе здѣсь послѣднюю копѣйку. И видите вы, что всѣ эти посѣтители, довольные окружающимъ ихъ грязнымъ комфортомъ, сидятъ въ чаду и дыму за пирожкомъ съ горькимъ масломъ или за стаканомъ пива. Иногда здѣсь появляются несчастныя, зеленыя, полуоборванныя женщины, жадно смотрятъ онѣ на людей, которые пьютъ и ѣдятъ, и молча просятъ, чтобъ ихъ накормили и дали стаканъ пива или зеленую, горькую сигарку. Оглядывая новую для васъ среду, всматриваясь сквозь дымъ въ очеркъ этихъ лицъ, часто озлобленныхъ, болѣзненныхъ, небритыхъ, слушая крикъ и пьяный говоръ, прислушиваясь къ подозрительному шепоту неизвѣстныхъ людей—вамъ дѣлается какъ-то неловко и страшно, какъ послѣ прочтенія страницы изъ «Парижскихъ тайнъ»; въ вашей памяти точно вновь воскресаютъ давно-забытые герои: разные «Пѣвуньи», «Рѣзаки» «Красныя Руки», только недостаетъ одного идеальнаго, добродѣтельнаго «Родольфа» для полноты картины.

Вотъ въ этихъ-то темныхъ пріютахъ въ послѣднее время стали

появляться чисто и прилично одѣтые господа, но не имѣя, какъ видно, возможности платить за кушанье деньги, придумали новое средство питаться *даромъ*, на счетъ своей собственной изобрѣтательности. Они съ достоинствомъ и шумомъ входятъ въ пирожную и требуютъ себѣ на пробу нѣсколько пирожковъ, а въ портерныхъ — двѣ, три бутылки знаменитаго кроновскаго пива. Попробовавъ все это съ видомъ знатоковъ, а въ сущности накушавшись очень плотно, эти джентльмэны оставляли тамъ адресы извѣстныхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ и уходили, приказывая тотчасъ же послать по этимъ адресамъ по 300 и 500 пирожковъ или же по нѣсколько дюжинъ бутылокъ пива. Разумѣется, съ нихъ при этомъ не рѣшались требовать тутъ же платы за *пробу* и они удалялись самой величественной походкой. Когда же по указаннымъ адресамъ приносили огромный запасъ, то узнавали, что такихъ господъ тамъ никогда и не видали... Голь на выдумки хитра, говоритъ пословица.)

— Впрочемъ, чему жъ вы тутъ удивляетесь, говорилъ мнѣ одинъ знакомый судебный слѣдователь, когда я ему передалъ этотъ фактъ. Вы въ Петербургѣ сидите и на все смотрите въ форточку вашей квартиры. Знаете ли вы, напримѣръ, самый хитрый и осторожный способъ подкидывать дѣтей въ провинціи?

— Нѣтъ, не знаю.

— Нѣтъ? То-то же... А вотъ какъ. Подкидывать дѣтей подъ ворота или куда нибудь въ сѣни стало не совсѣмъ удобно—какъ разъ поймаютъ, да при томъ и жалко, ну вотъ и выдумали новую штуку. Принесутъ ребенка къ обѣдни, какъ будто къ причастію, да во время службы какая нибудь баба выберетъ въ толпѣ старушку, съ виду попроще и подобрѣе, и подойдетъ къ ней: «Подержи, говоритъ, родимая, ребенка на минуточку, мнѣ нужно только свѣчку идти поставить». Возьметъ старушка ребенка въ руки, а та юркнетъ въ толпу—и поминай какъ звали! Ну, значитъ и пристроила дитя...

— Что же онѣ съ ними дѣлаютъ?

— Иныя у себя оставляютъ, если же есть въ городѣ воспитательный домъ—то туда отдаютъ, а если же нѣтъ воспитательнаго дома—то въ полицію представляютъ.

— Ну, а полиція что? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Тутъ, батюшка, и остаются: а ужъ оттуда прямо на кладбище везутъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ... Народецъ тамъ, какъ вамъ извѣстно, нельзя сказать чтобъ чувствительный—слабостью нервъ не страдаетъ, и потому въ этихъ случаяхъ не смотритъ на то, что ребенокъ — еще грудной, что ему и покой, и тепло, и пища нужны, и не мѣняютъ своей методы *торопиться медленно*. Принесутъ ребенка въ полицію—тамъ подождутъ часъ, другой, изъ полиціи перешлютъ его при отношеніи въ ту часть, гдѣ былъ онъ подкинутъ, а оттуда опять при бумагѣ отсылаютъ ребенка въ полицію. Такъ цѣлый день въ этой эмиграціи и пройдетъ, ну а къ вечеру, смотрятъ—ребенокъ уже и умеръ. Иначе почти никогда и не бываетъ. Одно, батюшка, слово: полиція!..

Кстати теперь о полиціи и о нѣкоторыхъ ея свидѣтельствахъ и скрѣпахъ. Одесскій Вѣстникъ сообщаетъ, что въ одномъ изъ приморскихъ городовъ южнаго края до сихъ поръ существуетъ оригинальный частный пансіонъ, гдѣ содержатель пансіона, отставной поручикъ, выдаетъ окончившимъ курсъ въ его школѣ слѣдующій милый аттестатъ: «Дано сіе *отъ меня* сыну коллежскаго секретаря, К. Т. К—у, въ томъ, что онъ дѣйствительно обучался у меня съ малыхъ лѣтъ слѣдующимъ предметамъ, какъ-то: ариѳметик*и*, русской исторіи и географіи довольно хорошо, и что онъ, К—ъ, можетъ быть полезенъ *къ* статской Его Императорскаго Величества службѣ, въ чемъ *подписомъ моимъ* удостовѣряю. Декабря 4 дня 1861 г.». Но всего лучше, что этотъ наивный аттестатъ скрѣпляется засвидѣтельствованіемъ мѣстной полиціи (тоже не мало наивной), слѣдующаго содержанія: «Что дѣйствительно это свидѣтельство собственноручно подписано оставнымъ поручикомъ Б—ъ, въ томъ первая полицейская часть города N подписомъ и приложеніемъ казенной печати удостовѣряетъ. Число, годъ и имя пристава. Прочтя все это—

И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Но позвольте... Не у всѣхъ такъ легко на душѣ, не у всѣхъ на губахъ улыбки. Чу! прислушайтесь къ этому печальному напѣву, въ которомъ дрожатъ слезы: это раздается мрачная пѣсня русскихъ акціонеровъ. Постараемся же понять смыслъ ихъ горькой пѣсни...

ПЛАЧЬ РУССКИХЪ АКЦІОНЕРОВЪ РАЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы для акцій стали
Вносить свой кровный капиталъ,
Не разъ мы слезы проливали,
И въ каждомъ «обществѣ» встрѣчали
Лишь посрамленье да скандалъ.

—

Вездѣ у насъ акціонеры
Лишь полны страха и тревогъ...
Мы помнимъ горькіе примѣры,
Какъ насъ французы-инженеры
Сгубили въ «обществѣ дорогъ».

—

Мы стали жертвой новой моды,
Мы вмѣстѣ съ газомъ деньги жгли
И наконецъ водопроводы,
Толкая только на расходы,
Не воду—насъ лишь провели.

—

Акціонеръ! еще готовъ ли
На дѣло новое взглянуть?
О, въ «русскомъ обществѣ торговли»
Не будь ты жертвой новой ловли,
Игрушкой прихоти не будь!..

—

Безъ упованья и безъ вѣры
За днями дни для насъ бѣгутъ.
Что шагъ—то грустные примѣры...
Увы! теперь акціонеры
Веселыхъ пѣсенъ не поютъ.

Что же еще случилось такое въ акціонерномъ мірѣ? Неужели еще новая глава прибавилась къ россійской акціонеріадѣ? Намъ на это можетъ отвѣчать протестъ одного изъ акціонеровъ, Г. С. Зубинскаго, открывающій передъ нами одну изъ *тайнъ* «общества русскаго пароходства и торговли» (См. Спб. Вѣд., № 68).

Въ экстренное собраніе акціонеровъ этого общества г. Зубинскій представилъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

«По городу ходитъ говоръ, что будто бы одинъ изъ директоровъ русскаго общества пароходства и торговли, находясь въ Одессѣ по дѣламъ общества, вытребовалъ изъ кассы одесской конторы, *для нуждъ общества*—12,000 руб., между тѣмъ деньги эти употребилъ на свои нужды и лишь по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ взятый капиталъ внесъ въ правленіе акціями.

«Желательно знать:

1) «На сколько слухъ этотъ справедливъ, о чемъ несомнѣнно должны знать гг. директоры, производившіе, въ 1861 году, ревизію дѣлъ и дѣйствій общества въ Одессѣ, и если справедливъ, то кто именно тотъ директоръ, не оправдавшій довѣрія гг. акціонеровъ выборомъ его въ директоры?

2) «Имѣлъ ли право управлявшій одесскою конторою выдать изъ кассы конторы деньги тому директору?

и 3) «Если слухъ этотъ подтвердится, то можетъ ли подобный директоръ оставаться во главѣ правленія?

Записка была прочтена. Съ минуту продолжалось торжественное молчаніе. Вдругъ начинаетъ говорить одинъ изъ директоровъ, Н. Н. Сущовъ. А директоры—извѣстно—

Что не скажутъ—ихъ рѣчь хороша...

Главное достоинство рѣчи г. Сущова была искренность: надо отдать ему въ этомъ справедливость. Вотъ что онъ объявилъ:

«Деньги 12,000 руб. дѣйствительно были взяты много самимъ изъ одесской конторы, *на собственныя мои нужды* (развѣ это не откровенно?), но возвращены мною же въ Петербургѣ, въ кассу правленія *съ процентами*, а потому общество не понесло никакого оттого убытка; что же касается до управляющаго конторой, то онъ обязанъ былъ исполнить мое требованіе на основаніи уполномочія, которое я имѣлъ отъ правленія».

Кажется, нельзя сомнѣваться теперь, что г. Сущовъ совершенно правъ въ этомъ дѣлѣ и имѣлъ полное право брать чужія деньги на *свои собственныя нужды*, возвративши ихъ потомъ обществу съ процентами. Что жъ за бѣда, въ самомъ дѣлѣ!

Объясню это примѣромъ. Случилось вамъ гдѣ нибудь замѣтить, положимъ, хотя у вашего пріятеля, что у него кошелекъ съ деньгами *плохо лежитъ*, какъ говорятъ, лежитъ безъ всякаго употребленія. Вы какъ человѣкъ совершенно современный, не признающій *мертва-*

го капитала, который не пущенъ въ оборотъ, рѣшаетесь тихонько взять эти деньги и тотчасъ пускаете ихъ въ дѣло. Потомъ, когда вы получаете свои деньги, то пріятелю возвращаете его кошелекъ съ процентами. Неужели же такой поступокъ можно назвать продѣлкой, преступленіемъ?

Но г. Зубинскій, какъ акціонерный обличитель, посмотрѣлъ на это дѣло иначе и предложилъ г. Сущову слѣдующій вопросъ:

— Позвольте мнѣ, м. г. сдѣлать слѣдующее предположеніе. Положимъ, что вы взяли изъ кассы одесской конторы двѣсти, триста тысячъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ возвратить послѣ, но на возвратномъ пути въ Петербургъ вдругъ бы умерли: какъ были бы тогда возвращены деньги?

О, какъ вы безпощадны, г. Зубинскій! Можно ли солидному, почтенныхъ лѣтъ гражданину, напоминать о его смерти: вѣдь мнительный человѣкъ отъ одного такого предположенія можетъ сильно заболѣть. При томъ же—въ смерти своей человѣкъ неволенъ. Кому охота идти въ могилу, а ужъ если случилось такое несчастіе—кто жъ тутъ виноватъ? Обществу вѣроятно извѣстно, что смерть со всѣмъ примиряетъ. De mortuis aut bene, aut nihil.

Нѣкоторые изъ акціонеровъ такъ и взглянули на дѣло и вполголоса сказали:

— Объ этомъ не стоитъ говорить... Это *дрязги*, *личности*... Нужно начинать занятія. Только *одинъ* изъ акціонеровъ тутъ же замѣтилъ:

— Я не согласенъ съ тѣмъ, что это дрязги, неимѣющія значенія. По какимъ бы причинамъ это не было заявлено, но общество заявленіе г. Зубинскаго должно принять съ полною благодарностью. Для насъ это весьма важно уже потому, что мы узнали, по крайней мѣрѣ, ближе лицо, которое было выбрано нами въ директоры.

Слова эти остались не безъ одобренія многихъ акціонеровъ, а затѣмъ наступила глубокая тишина. Потомъ... (какъ вы думаете что было потомъ?) приступили къ занятіямъ и баллотировкѣ новыхъ директоровъ, и г. Сущовъ былъ снова избранъ 130-ю голосами (шарами 12 только акціонеровъ). Въ собраніи было 95 акціонеровъ съ правомъ голоса, располагавшихъ 221 голосомъ.

Что же далѣе? спросите вы. Да ничего... Все кончилось также тихо и спокойно, какъ кончаются всѣ русскія сказки, т. е. благополучіемъ и примиреніемъ, и сладкимъ припѣвомъ: «и я тамъ былъ,

и медъ тамъ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало»... Это очень идетъ къ акціонерамъ. Бѣдные акціонеры!..

Отъ одного изъ такихъ акціонеровъ, участь свою оплакивающаго и акціонерными смутами свое здоровье растроившаго, я получилъ на дняхъ предсмертное стихотвореніе. Увѣренный въ своей скорой смерти, онъ прощается заранѣе съ жизнію и съ своими земляками. Такъ какъ онъ и мой землякъ, то я рѣшился исполнить его просьбу и печатаю послѣднюю пѣсню акціонернаго лебедя. Вотъ она.

ЗАВѢЩАНІЕ АКЦІОНЕРА.

На единѣ со мною, братъ,
Побудь на этотъ разъ:
Акціонерамъ, говорятъ,
Пришолъ послѣдній часъ.
Поѣдешь ты въ Симбирскъ весной
Въ губернскій городъ мнѣ родной...
Да что я... уже слишкомъ
Тѣмъ занятъ городишкомъ.

—

Тамъ если спроситъ, напримѣръ...
Ну, кто бы не спросилъ,
Скажи, что я акціонеръ
Несчастный самый былъ,
Что прожилъ свой послѣдній грошъ,
Что невскій климатъ не хорошъ,
И что отъ кукельвана
Я умеръ очень рано.

—

Моихъ родныхъ увидишь ты...
Тамъ тетки есть и дяди, —
Они ужасные скоты:
Бѣги ихъ, Бога ради!
А спросятъ—говори: вамъ онъ
Оставилъ денегъ милліонъ,
Безцѣнныхъ акцій груду,
Да битую посуду.

—

Пріятель тамъ одинъ живетъ,
Лишившійся вдругъ мѣста,

Онъ даже дня не проведетъ
Не написавъ протеста.
Всю правду ты скажи ему,
Дай пищу праздному уму:
Пускай протестъ напишетъ...
Онъ этимъ только дышетъ...

Нужно при этомъ замѣтить, что не всѣ акціонеры съ такимъ мрачнымъ взглядомъ на жизнь, какъ мой угрюмый землякъ. Большинство изъ нихъ, въ чаяніи будущихъ благъ, весьма довольны своимъ земнымъ жребіемъ и не предаются отчаянію, которое, по словамъ Аскоченскаго, есть грѣхъ смертный.

Давно уже мы ничего не слыхали о нашемъ знаменитомъ абиссинскомъ маэстро Александрѣ Васильевичѣ Лазаревѣ, который послѣ своего прошлогодняго концерта со скандаломъ въ пользу сирійскихъ христіанъ—вдругъ куда-то исчезъ изъ Петербурга.

Гдѣ носится? Въ какихъ краяхъ?

думали мы, вспоминая иногда о немъ, и были почти увѣрены, что онъ готовитъ міру какую нибудь новую музыкальную фантазію изъ жизни индѣйскихъ племенъ или китайцевъ. Мы ждали, и вдругъ къ первому дню пасхи (вотъ такъ подарокъ къ празднику!) получили объявленіе, писанное геніальной рукой автора «Смерти Олоферна». Прежде всего изъ этого объявленія узнали мы, что онъ, изъ любви, разумѣется, къ отечеству, подвергалъ свою драгоцѣнную жизнь опасности въ самомъ центрѣ Азіатской Турціи, въ Агинѣ, «извѣстномъ своими чудными водопадами, бьющими съ значительной высоты горы. Созерцаніе ихъ при свѣтѣ лунномъ едва не стоило жизни нашему предпріимчивому путешественнику», говоритъ о себѣ г. Лазаревъ въ третьемъ лицѣ, для пущей важности. Далѣе упомянувъ о томъ, что онъ *открылъ* новый свѣтъ: *за востокомъ* (?) Восточную Африку и Абиссинію, извѣщаетъ что онъ продастъ иконы (числомъ 31), написанныя имъ масляными красками на особо приготовленномъ холстѣ.

Разочарованіе наше было полное. Мы надѣялись встрѣтить извѣщеніе о какомъ нибудь новомъ концертѣ г. Лазарева, уже впередъ сулили ему блестящій успѣхъ и вдругъ.... читаемъ совсѣмъ другое. Но все-таки мы не можетъ не воскликнуть теперь: что за дарови-

тый человѣкъ г. Лазаревъ! Онъ и славянскіе ораторіи пишетъ съ бубнами и тромбонами, и на холстѣ масляными красками рисуетъ, и литературнымъ талантомъ обладаетъ! Что за разнообразныя способности.

Но что заставило г. Лазарева пустится въ продажу иконъ? Что же еще какъ не благотворительная цѣль! Прежде онъ давалъ концерты въ пользу бѣдныхъ сирійскихъ христіанъ, теперь же продаетъ образа съ не менѣе благородной цѣлью. Публикуя о томъ, что онъ добился того, что его произведенія велѣно *имѣть въ виду* для вновь строющихся *западныхъ православныхъ церквей*, (?!) г. Лазаревъ предлагаетъ покупать его образа для сельскихъ церквей. Какъ извѣстно, всѣ сельскія церкви — бѣдныя, что безкорыстному маэстро вѣроятно очень хорошо извѣстно, и потому-то вѣрно онъ назначилъ такую дешевую цѣну за каждый образъ на холстѣ — 60 руб., т. е. вдвое болѣе того, что онъ собралъ въ пользу бѣдныхъ Сирійцевъ. Какъ же послѣ того, не оцѣнить новаго благотворительнаго предпріятія г. Лазарева! Только досадно будетъ одно, если онъ для этого предпріятія позабудетъ свою музыкальную карьеру и лишитъ насъ возможности наслаждаться его симфоніями и «гимнами Черкесамъ». Нѣтъ, было бы гораздо лучше, еслибы г. Лазаревъ бросилъ свою живопись для забытыхъ имъ трещетокъ и тромбоновъ и написалъ бы новую ораторію, наприм. «землетрясеніе въ Сибири» или «Всемірный потопъ». Зачѣмъ зарывать свои таланты въ землю? Вѣдь великій нашъ маэстро можетъ смѣло, подобно Пушкину или Державину, воскликнуть:

* * *

Я памятникъ себѣ воздвигнуть также воленъ,
Презрѣвъ обидный смыслъ насмѣшливыхъ рѣчей,
И вознесется онъ всѣхъ выше колоколенъ,
Всѣхъ выше башенъ, каланчей...

—

Нѣтъ, весь я не умру и «Смертью Олоферна»
Займу въ исторіи я нѣсколько страницъ,
И внуки, правнуки, праправнуки—навѣрно
Передо мной падутъ всѣ ницъ.

—

Слухъ обо мнѣ пройдетъ отъ степи абиссинской —
Въ Тифлисъ, въ Одессу, на Амуръ;

Потомокъ будущій мой образъ исполинскій
Найдетъ... въ числѣ каррикатуръ.

—

И долго буду я любезенъ тѣмъ народу,
Что поднималъ вездѣ въ концертахъ я трезвонъ,
И наконецъ скажу: рѣшительно ввелъ въ моду
Трещетки, бубны и тромбонъ.

—

Нѣтъ, къ порицаніямъ я буду хладнокровенъ,
Снесу презрѣніе нахала и глупца,
Увѣренный вполнѣ, что я лишь, да Бетховенъ
Достойны лавровъ и вѣнца.

* * *

Дѣйствительно, что бы не говорили враги А. В. Лазарева, а его музыкальная слава вполнѣ упрочена и ему нечего заботиться о своей популярности. Не всѣмъ вѣдь выпадаетъ на долю такое счастіе. Мы знаемъ какъ трудно артисты завоевываютъ свою извѣстность и для примѣра разскажемъ теперь повѣсть о крушеніяхъ одного мало извѣстною міру пѣвца Свѣтовани. Разсказъ будетъ весьма поучительный.

Много лѣтъ тому назадъ, еще задолго до постройки памятника тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ и динабургской желѣзной дороги, жилъ въ Парижѣ коммиссіонеръ N. или M. все равно; занимался онъ пріискиваньемъ актеровъ, пѣвцовъ и проч. для всѣхъ европейскихъ театровъ.

Приходитъ къ нему однажды какой-то господинъ, очень бѣдно одѣтый и проситъ достать ему мѣсто.

— Да вы кто такой? спрашиваетъ коммиссіонеръ, осматривая художественный безпорядокъ костюма посѣтителя.

— Я пѣвецъ Свѣтовани.

— Свѣтовани? хмъ... слыхалъ о васъ кое-что, дай только Богъ память... Э!.. да вы не тотъ ли самый Свѣтовани, котораго закидали апельсинами въ Ливорно, когда вы дебютировали въ Трубадурѣ?...

— Нѣтъ... да... я! съ безнадежною храбростью промолвилъ несчастный пѣвецъ, сквозь слезы.

— Ну, въ такомъ случаѣ ужъ вы меня извините!

— Ахъ! вскричалъ Свѣтовани, чуть не падая на колѣни. Не погубите меня, мнѣ жить не чѣмъ. Найдите мнѣ какое нибудь мѣсто, гдѣ бы не было...

— Да какъ же, любезнѣйшій, ну посмотрите, вотъ что о васъ пишутъ въ газетѣ: во Флоренціи васъ освистали, въ Римѣ—тоже, въ Ливорно—забросали апельсинами, въ Ниццѣ — чуть было не отколотили, а въ какомъ-то городѣ, не помню, бросили крысу... ну, куда же вы послѣ этого годитесь!

— Ахъ, пожалуйста, помогите мнѣ... я...

— Эхъ, Signor, жалко мнѣ васъ. Приходите-ка завтра, авось горю поможемъ. Свѣтовани ушелъ, не зная куда приклонить голову.

Коммиссіонеру стало жаль молодаго пѣвца. Добрякъ N. началъ придумывать средство, куда бы пристроить бѣднаго человѣка. Видитъ—горло богатое, пожалуй чего добраго и талантъ есть... не скоро вѣдь разберешь... Думалъ онъ—и придумалъ. Вспомнилось ему, что не давно содержатель одного русскаго провинціальнаго театра, устраивая оперу, обращался къ нему съ просьбой объ артистахъ. На другой день, только что Свѣтовани вошелъ въ комнату къ N, какъ этотъ его спросилъ:

— Были вы въ Россіи?

— Нѣтъ.

— А есть у васъ тамъ кто нибудь: знакомые, что ли, родные..

— Да, въ Москвѣ живетъ мачиха.

— Ну, такъ не сокрушайтесь очень. Вотъ въ чемъ дѣло: я дамъ вамъ письмо, по которому васъ *будтобы* приглашаетъ за 20,000 франковъ въ годъ директоръ мадридскаго театра. Это необходимо для того, чтобъ пыли въ глаза подпустить. Съ этимъ письмомъ вы поѣдете въ Россію и заявите свое желаніе играть на одномъ изъ тамошнихъ провинціальныхъ театровъ. Ну, разумѣется, не столица, а вы смотрите берите побольше жалованья. Вотъ и дѣло въ шляпѣ!..

— А если мнѣ откажутъ?

— Э, не бойтесь, тамъ провинціальные театры, и въ особенности опера, совсѣмъ не процвѣтаютъ, да при томъ же содержатель театра, къ которому вы явитесь, ни бельмеса не смыслитъ въ музыкѣ. Я увѣренъ, что тамошняя публика будетъ васъ принимать, какъ истиннаго артиста... Дѣлайте то, что я сказалъ, а тамъ—чѣмъ чортъ не шутитъ! Попробовать можно!..

— Очень вамъ благодаренъ. Попытаю счастье.

Такимъ образомъ Свѣтовани отправился въ путь и явился къ содержателю провинціальнаго театра. Содержатель театра предложилъ ему довольно скудное жалованье.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ съ достоинствомъ Свѣтовани, я ѣду въ Мадритъ. Вотъ неугодно ли посмотрѣть письмо тамошняго директора: онъ предлагаетъ мнѣ 20,000 фр. въ годъ.

— Покажи, покажи, сказалъ содержатель, (онъ имѣлъ привычку всѣмъ артистамъ говорить *ты*) и взявъ письмо началъ его разсматривать.

— Да, точно 20,000 фр... хмъ!.. странно только, зачѣмъ ты не поѣхалъ прямо изъ Парижа въ Мадридъ.

— Я хотѣлъ увидаться здѣсь съ родными, проговорилъ пойманный пѣвецъ.

— А, это дѣло другое... Но вовсякомъ случаѣ я такихъ денегъ платить не могу...

Зачѣмъ онъ предложилъ ему жалованье, съ надбавкой противъ прежде предложеннаго. Свѣтовани не вдругъ согласился, но поломался немного.

— Пожалуй, рѣшилъ онъ наконецъ, не хочется мнѣ только ѣхать, хотя въ Мадридѣ мнѣ выгоднѣе было бы гораздо жить. Но вотъ что: назначьте мнѣ, кромѣ жалованья, за выходъ 50 р. с., да бенефисъ одинъ въ годъ—и я, пожалуй, останусь...

— Ладно, по рукамъ...

Тотчасъ же былъ заключенъ контрактъ на три года.

Свершилось—и пѣньемъ смущая народъ,
Онъ началъ играть на чужбинѣ,
Но общихъ похвалъ и букетовъ онъ ждетъ
Безплодно еще и понынѣ.
Поетъ онъ, а сзади съ улыбкой стоитъ
Съ запасомъ свистковъ мефистофель,
И вмѣсто цвѣтовъ дебютанту сулитъ
Позорный чухонскій картофель.

Бѣдный пѣвецъ! Капризная публика!..

Насъ вообще упрекаютъ за грубость нравовъ, а ставятъ намъ въ образецъ галантерейныхъ, вѣжливыхъ и любезныхъ Французовъ. А мы, что дѣлаемъ мы? Мы сами портимъ нравственность милыхъ Галловъ,

поселившихся въ Россіи, которые вѣроятно отъ русскихъ заражаются, привыкая къ грубости и къ безцеремонному обращенію. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ быть Французы главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Глядя на нихъ невольно воскликнешь: неужели это представители изящной вѣжливой націи, у которой въ языкѣ даже слово ты почти не употребляется! Какъ хотите, а это мы ихъ развращаемъ. Все это пришло намъ въ голову по случаю послѣдней несчастной исторіи на Владимірской желѣзной дорогѣ, подробности которой описаны въ Днѣ (№ 24) г. Самаринымъ. Поѣздъ желѣзной дороги, въ день этого происшествія, быстро бѣжалъ по пустынной, глухой мѣстности и уже былъ на разстояніи пяти — шести верстъ отъ станціи, какъ вдругъ внезапный крикъ въ одномъ вагонѣ привлекъ общее вниманіе. Всѣ бросились къ окнамъ и сквозь паръ увидѣли, что въ сажени отъ дороги что-то черное упало на снѣгъ, отпрыгнуло и опять улеглось въ снѣгу. Наконецъ, кто-то крикнулъ: «кондукторъ сорвался». Это было правда. Одинъ изъ кондукторовъ (контролеръ, отбирающій билеты у пассажировъ) на всемъ ходу сорвался съ ступеньки и прямо попалъ подъ колеса. Большая половина поѣзда переѣхала черезъ него. Черезъ минуту поѣздъ остановили; кондукторы засуетились. Вдругъ явился какой-то господинъ въ форменной фуражкѣ и началъ бранить старшаго кондуктора: какъ онъ смѣлъ остановить поѣздъ. Кондукторъ указалъ ему на расшатавшіяся дверцы одного изъ вагоновъ, того самаго, съ котораго сорвался упавшій контролеръ (прочно же дѣлаютъ наши вагоны!) Дверцу тотчасъ же привязали веревкой и — подали сигналъ отъѣзда. Кто-то изъ публики спросилъ у начальника:

— Qu'est-il arrivè?

— Monsieur, c'est le controleur qui a glissé sous les roues.

— Grand Dieu! Mais le malheureux s'est peut-être tué; où est-il?

— Ah! il doit être broyé!

Такимъ образомъ никого изъ пассажировъ не выпустили изъ вагоновъ—и поѣздъ тронулся.

— Но тронулся-ли участью бѣднаго кондуктора начальникъ поѣзда? спросите вы? Кто остался съ несчастнымъ? Кто оказалъ ему помощь?

Вотъ что отвѣчаетъ свидѣтель этого случая: «кондукторъ лежалъ отъ насъ въ какой нибудь полуверстѣ; никто не подумалъ подобрать его, никто при немъ не остался, даже не взглянулъ на него; отломленная половинка вагонныхъ дверецъ была прибрана и бережно пере-

несена въ другой вагонъ, а изуродованнаго человѣка бросили въ снѣгу».

Когда поѣздъ прибылъ на станцію, нѣкоторые изъ пассажировъ обратились къ начальнику съ вопросами: по какому случаю не оказали никакой помощи упавшему кондуктору и отчего его бросили одного посреди дороги?

Отвѣтъ былъ такого рода:

—«Messieurs, on n'a pas le droit d'arrêter le train et puis il y a l'homme de garde qui est là.

Оказывается, что этотъ homme de garde — одинъ изъ сторожей, разставленныхъ по всей дорогѣ на извѣстныхъ разстояніяхъ, кажется, черезъ двѣ или три версты. Не знаю, близко ли отъ часоваго упалъ кондукторъ, но спрашивается, что могъ для него сдѣлать, какую могъ подать ему помощь этотъ одинокій сторожъ въ глухомъ мѣстѣ, безъ всякихъ средствъ для перевоза?.. Желательно было бы теперь узнать: дѣйствительно ли существуетъ правило, воспрещающее останавливать поѣздъ *для подачи помощи* и точно ли, *по закону, нельзя подобрать человѣка, вывалившагося на всемъ ходу изъ вагона*»?

Небрежность и грубость этого героя изъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ такъ возмутительны, что мы думаемъ, что русскіе французы будутъ почище на этомъ поприщѣ всѣхъ офранцузившихся россіянъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы уже сравнивали двухъ Аскоченскихъ—иностраннаго и россійскаго, и, кажется, иностранный взялъ верхъ, поборолъ. Но въ тотъ разъ мы разсматривали въ нихъ извѣстнаго рода публицистовъ мракобѣсія, теперь же намъ представился новый случай сравнить двухъ поэтовъ такой же закалки. Передъ нами лежатъ произведенія двухъ поэтовъ: одного — *заграничнаго*, католическаго, другаго—самодѣльнаго, кіевскаго. Заимствуемъ одно стихотвореніе, напечатанное духовенствомъ въ Вильнѣ, въ 1860 г., и называющееся: «подарокъ для малыхъ дѣтей». Вотъ близкій, хотя и не изящный переводъ нѣкоторыхъ стиховъ, воспѣвающихъ розги:

Сѣчь розочкой, дѣтки, самъ Богъ васъ велитъ
И розочка здравью ничуть не вредитъ;
Умъ разумъ въ головку вамъ розга вгоняетъ,
Молиться васъ учитъ, браниться мѣшаетъ;
Хоть больно, хоть жжется—цѣлехоньки кости;
Лекарство отъ лѣни, лекарство отъ злости.

Вамъ розочекъ дѣтки, побольше лишь надо,
А душу ужъ вѣрно спасете отъ ада;
Васъ розга научатъ жить честнымъ трудомъ,
И въ рай вамъ дорогу укажетъ потомъ,
Да благость Господня къ тому низойдетъ,
Кто дѣтокъ порядкомъ за дѣло сѣчетъ;
И благостью полны тѣ рощи, лѣса,
Гдѣ розга растетъ—да хранятъ небеса.

Кто же писалъ у насъ такіе нѣжные мадригалы *этимъ розочкамъ*? Даже г. Юркевичъ придумалъ для нихъ особенное, цѣломудренное названіе. Самые закоснѣлые жрецы мракобѣсія, если и вздумаютъ у насъ иногда дать волю своему лиризму, то ужъ ни какъ не выберутъ темой для своихъ пѣсенъ березовыхъ прутьевъ, а затянутъ какую нибудь томную или сладострастную элегію. Вотъ послушайте слѣдующую пѣсенку:

На утесѣ роковомъ
Тамъ красавица сидѣла
И, поднявши надъ челомъ
Руку бѣлую, глядѣла
На колеблющійся Рейнъ,
Въ сладострастьѣ томномъ млѣя,
Слаще дѣвственныхъ сиренъ
Полногрудая Лурлея
Пѣла пѣсенку свою.
И кудрями шелковыми
Забавляясь и играя,
Тихо ручками живыми
Косу длинную плела.

Или вотъ еще другой отрывокъ:

Влажныя любовью,
Полныя пожара,
Очи его ищутъ
Ангела земнаго.
И несчастна дѣва,
Если она, бросясь
Въ жгучія объятья
Юноши, позволитъ

Въ сладострастной нѣгѣ
Таять въ поцѣлуяхъ!..
Впиваясь вампиромъ
Онъ ее задушитъ
Въ пламенныхъ восторгахъ,
И до капли выпьетъ
Нектаръ наслажденья.

— Кто авторъ этихъ стиховъ,—какъ вы думаете?

— Кусковъ? Розенгеймъ? Кн. Вяземскій? Гротъ?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Творецъ ихъ, все онъ же, редакторъ Домашней Бесѣды, авторъ «Асмодея нашего времени», все тотъ же Викторъ Ипатьевичъ. Муза г. Аскоченскаго не хотѣла унизить себя до гимна розгамъ, а воспѣвала полногрудую Лурлею, сладострастныя объятія, пламенные восторги и пр. и пр. Кто бы могъ ожидать этого отъ суроваго гонителя просвѣщенія, цивилизаціи и прогресса... Нѣтъ, пора намъ догадаться, что и г. Аскоченскій прогрессистъ (да еще какой!), что онъ только кокетничаетъ своимъ мракобѣсіемъ, шалитъ, оригинальничаетъ, а на самомъ-то дѣлѣ—современный человѣкъ. Ужъ такова сила времени: чуть только кто подышетъ настоящимъ воздухомъ, то тотчасъ же въ прогрессиста и преобразится. Намъ ли теперь завидовать европейскому развитію? Нѣтъ, не завидуйте, господа!

* * *

Нѣтъ, мы Европу перегнали,
И только стоитъ вкругъ взглянуть —
Цивилизаціи детали
Намъ украшаютъ всюду путь.

—

Прогрессъ, науки пропаганда...
Мысль наша движется быстрѣй:
Мы въ Ольгѣ Н—нашли Жоржъ-Занда,
У насъ Потанинъ—Теккерей.

—

Смѣнилъ въ насъ Рудиныхъ—Базаровъ,
Явилась Кукшина сама...
У насъ французскій складъ товаровъ,
У насъ нѣмецкій складъ ума.

—

Повсюду новое движенье,
Иной приходитъ періодъ:
«На судъ общественнаго мнѣнья»
Самъ Вольфъ брошюры издаетъ.

—

Хоть броненосныхъ пароходовъ
Не сочиняли мы, за то,
Такихъ, какъ мы, водопроводовъ
Еще не выдумалъ никто.

—

Предавъ невѣжество проклятью,
Ведемъ дѣла на чистоту:
Безъ слезъ разстались съ буквой *ятью*,
Прогнали въ Грецію *ѳиту*.

—

Возставъ отъ сна, о край нашъ мирный
Свои богатства не таи:
Стоятъ на выставкѣ всемирной
Произведенія твои.

—

Вотъ наша слава, наша сила!
Вотъ какъ впередъ уходимъ мы!
Тому примѣръ столы изъ мыла,
И домъ Бардовскихъ изъ кошмы.

—

Переродились точно всѣ мы,
Исчезла тьма, явился свѣтъ,
И для торжественной поэмы
Теперь, что шагъ—то есть сюжетъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о спектакляхъ любителей, которыхъ нельзя пройдти молчаніемъ. Въ послѣднее время эти спектакли были весьма часто, и доставили намъ удовольствіе встрѣтить нѣсколько новыхъ сценическихъ дарованій. Представленія эти давались съ благотворительною цѣлью въ маленькомъ театрѣ пассажа. Мнѣ удалось быть на одномъ изъ этихъ спектаклей, и я сверхъ ожиданія вынесъ послѣ него самое пріятное впечатлѣніе. Давали «Горе отъ ума».—Какъ? «Горе отъ ума» на домашней сценѣ? думалъ я, идя

въ театръ, и признаюсь сильно сомнѣвался въ успѣхѣ. Но я ошибся. Всѣ четыре акта комедіи были съиграны очень умно, а многими съ талантомъ, какъ напр. г. и г-ею Квадри (Софья и Репетиловъ) и г-ею Споровой. Особенно хороша была послѣдняя въ ролѣ Лизы. Г-жа Спорова рѣшительно создала роль этой плутоватой, хитрой, русской служанки, которая была чуть–чуть не подругой своей барышни, повѣрявшей ей свои секреты и любовныя тайны. Такой Лизы мы не видали ни на одной сценѣ. Также довольно рельефно были исполнены роли полковника Скалозуба, Фамусова и Загорѣцкаго (гг. Потѣхинъ, Кузаевскій и Князевъ); Чацкій не совсѣмъ только удался... Но вообще вся комедія, въ цѣломъ была съиграна весьма не дурно. Нужно при этомъ еще замѣтить, что это былъ первый спектакль, на которомъ «Горе отъ ума» игралось безъ пропусковъ. Такимъ образомъ, наша публика впервые еще слышала со сцены монологъ Фамусова о Максимѣ Петровичѣ, и ту сцену, которая начинается словами Скалозуба:

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ два,—
А книги сохранятъ, такъ, для большихъ оказій.

За полное, грамотное и дешевое изданіе (10 к.) «Горе отъ ума» мы должны быть благодарны Н. Л. Тиблену. Мы такого *полнаго* изданія этой комедіи еще не видѣли въ печати, потому что въ 1–мъ изданіи 1833 и въ изданіи Полеваго 1839 г. (съ біографіей Грибоѣдова) комедія являлась съ большими пропусками. Пусть изданіе г. Тиблена будетъ живымъ упрекомъ обществу любителей россійской словесности, которое хоть занялось бы дѣломъ и издавало въ свѣтъ сочиненія русскихъ классическихъ писателей. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ занято общество россійской словесности? Для какихъ цѣлей открываются его засѣданія? А вотъ для какихъ: на этихъ засѣданіяхъ г. Лонгиновъ читаетъ обществу стихотворенія кн. Вяземскаго и восторгаетъ всѣхъ ихъ поэтическими красотами. Вотъ самый лучшій образчикъ дѣятельности этого общества!..

Сообщу теперь описаніе утвержденнаго проекта памятника А. С. Пушкину, составленнаго г. Бахманомъ. Памятникъ раздѣляется на двѣ части: *верхнюю*, или собственно *монументальную*, выражающую

полное значенie и заслуги Пушкина въ литературѣ и въ русской жизни, начиная отъ новаго направленiя и влiянiя его школы на слѣдовавшее за нимъ молодое поколѣнie писателей, народной любви, имъ прiобрѣтенной, до грустной, преждевременной утраты его среди лучшаго перiода его литературной дѣятельности, и *нижнюю—объяснительную*, указывающую на главнѣйшiя отрасли поэзiи, надъ которыми Пушкинъ трудился.

Верхнюю составляетъ група изъ четырехъ фигуръ, въ которой главное среднее мѣсто занимаетъ Пушкинъ. Правою рукою онъ передастъ перо свое отроку, въ лицѣ котораго представляется слѣдующее поколѣнie русскихъ писателей, на которыхъ Пушкинъ возлагаетъ свою надежду. Отрокъ съ благоговѣнiемъ глядитъ на поэта. Позади его другой юноша, изображающiй русскiй народъ, съ любовью прижимаетъ къ сердцу полученную отъ поэта книгу его сочиненiй. Лѣвою рукою Пушкинъ старается утѣшить музу русской литературы, которая на колѣнахъ оплакиваетъ преждевременую смерть своего любимца. *Нижнюю* часть составляетъ, вмѣсто пьедестала, большая глыба гранита неправильной формы съ углубленiями и выступами, обложенная внизу дикими каменьями. По четыремъ ребрамъ этого природнаго пьедестала, раздѣляющимъ его на четыре части, вмѣсто мховъ и порослей, лѣпятся, все шире развѣтвляясь къ верху, вѣчно цвѣтущiе лавры и оливы, символъ мирной художественной славы. Подъ тѣнью лиственнаго карниза, въ неправильной нишѣ—*лирическая муза* изсѣкла на камнѣ надпись: «*Пушкину*», указывая на раскинутый на ея колѣнахъ свертокъ, на которомъ написано:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа.

По лѣвую сторону отъ зрителя представлена сказка: «Русланъ и Людмила», въ плоскомъ барельефѣ, гдѣ изображенъ Фарлафъ съ похищенной Людмилой на конѣ, поддерживаемый волшебницей Наиной, и готовый умертвить спящаго Руслана. Впереди барельефа, на обрывѣ скалы, помѣщена небольшая круглая група старика-сказочника, по книжкѣ толкующаго дѣтямъ одну изъ сказокъ поэта.

По правую отъ зрителя сторону, представлена *драма* «Борисъ Годуновъ». Барельефъ состоитъ изъ картины отреченiя Бориса отъ престола. Впереди на уступѣ скалы изображены въ групѣ, чернецъ—Пименъ, передъ монологомъ:

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончится моя, —

и Гришка Отрепьевъ, погруженный въ глубокую думу.

На задней сторонѣ, въ небольшомъ углубленіи, окаймленномъ лавровыми вѣтвями, съ соблюденіемъ подлиннаго рисунка, изваянъ «Бахчисарайскій фонтанъ», изъ котораго струится живая вода и, сбѣгая съ подошвы памятника, наполняетъ довольно широкій бассейнъ, окружающій весь памятникъ.

Мысль памятника задумана хорошо, но о впечатлѣніи, которое онъ произведетъ, можно только судить по его модели. Вѣроятно, къ исполненію ея будетъ скоро приступлено.

Давно ужъ мнѣ не приводилось заглядывать въ провинціальную жизнь, въ милые сѣрые листы губернскихъ вѣдомостей—эти бассейны, куда стекаются всѣ новости, всѣ курьезы губернскаго міра. Одна оригинальность губернскихъ вѣдомостей чего стоитъ! Я ихъ предпочитаю рѣшительно всѣмъ столичнымъ ежедневнымъ изданіямъ. Столичныя газеты похожи на тѣхъ франтовъ, въ которыхъ вы никакъ не различите одного отъ другаго, у которыхъ одна и та же прическа, одни и тѣ же выраженія лицъ, голоса и фразы. Точно также я только по шрифту наприм. отличаю теперь Сѣверную Почту, Сѣверную Пчелу и Сынъ Отечества. То ли дѣло губернскія вѣдомости!

На всѣ изданья сѣтуя
На невскомъ берегу,
Столичную газету я
Взять въ руки не могу.
Камбеки, Аскоченскіе,
Какихъ именъ тамъ нѣтъ. .
Газеты же губернскія
Милѣй мнѣ всѣхъ газетъ!
Есть сила черноземная
На сѣрыхъ ихъ столбцахъ,
Вся Русь проснулась темная
Въ невѣдомыхъ творцахъ.
Извѣстія смѣняются,
Какъ фокусы Боско,

И слезы проливаются,
И такъ легко, легко...

Полюбуемся же теперь нѣкоторыми рѣдкостями провинціальныхъ изданій и пересмотримъ ихъ сѣрыя тетрадки. Раскрываемъ на удачу № 1 Тобольскихъ Вѣдомостей и читаемъ: «изъ подъ караула саргатскаго волостнаго правленія бѣжали двое неизвѣстныхъ бродягъ—мужчина и женщина; одинъ называлъ себя Михаиломъ Степановымъ, а другая Авдотьей Петровой». Далѣе псарскій земскій судъ проситъ, чтобы этихъ бродягъ, если они гдѣ нибудь отыщутся, выслать къ нему за карауломъ.

— А извѣстны ли ихъ примѣты?

Примѣты сообщены самыя подробныя: по нимъ нельзя не узнать бродягъ.

«Мужчинѣ около 40 лѣтъ».

«Ростъ—2 арш. 3 вершка».

«Лицо немного рябоватое».

«Глаза сѣрые, волосы темнорусые, носъ горбатый, ротъ обыкновенный, борода небольшая, раздвоенная».

«Женщинѣ около 30 лѣтъ».

«Ростъ—2 арш. 2 вершка».

«Лице чистое, круглое, волосы русые, глаза сѣрые, носъ широковатъ».

Этого живописнаго описанія кажется довольно для того, чтобъ при первой же встрѣчѣ поймать бродягъ. Но вотъ что меня вдругъ встревожило. Прочитавъ описаніе примѣтъ бѣглаго скитальца я съ ужасомъ замѣтилъ, что я самъ очень похожъ на портретъ, начертанный псарскимъ земскимъ судомъ. Мнѣ, напримѣръ, тоже 40 лѣтъ. Ростъ мой какъ разъ—2 арш. 3 вершка. Благодаря невниманію моихъ любезныхъ родителей, не привившихъ мнѣ въ дѣтствѣ оспы, лице мое тоже покрыто рябинами. И глаза мои сѣрые, и волосы темнорусые, и носъ съ горбинкой, и ротъ обыкновенный, даже для довершенія сходства и борода у меня раздвоенная. Я не на шутку испугался и въ головѣ моей мелькнула мысль: ну, что какъ меня притянутъ въ псарскій земскій судъ и признаютъ за того самаго бродягу. Скверная исторія! Только и осталась у меня надежда на редакцію Русскаго Слова: авось въ случаѣ бѣды выручитъ... Успокоившись немного, перехожу къ одному изъ нумеровъ Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Что за милое извѣстіе! Мужъ одной смоленской помѣщицы, г. Лесли, настойчиво требуетъ, чтобъ крестьяне вносили его женѣ оброкъ *только одною звонкою серебряною монетою*, достоинствомъ по вѣсу и пробѣ, чекана до 1860 года, или по курсу, на томъ основаніи, что курсъ кредитныхъ билетовъ измѣняется и даже достоинство серебра при чеканѣ мелкой звонкой монеты нынѣ понижено. Отчего же г. Лесли хочется серебряныхъ монетъ, а не золотыхъ?

Нашъ совѣтъ—ужъ если
Жить съ методой этой:
Пусть сбиралъ бы Лесли
Золотой монетой.

Къ чести губернскаго присутствія нужно сказать, что оно отвергло требованія изобрѣтательнаго помѣщика и огласило его выдумку въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Если петербургскихъ газетъ г. Лесли не читаетъ, то губернскія вѣдомости вѣроятно прочтетъ. Кстати о любителяхъ чтенія и пропогандѣ русскихъ журналовъ въ провинціи. Жаль, что у насъ мало подробныхъ статистическихъ свѣдѣній, но вотъ для примѣра одно. Въ одномъ изъ порядочныхъ русскихъ городовъ, именно въ Орлѣ, по словамъ тамошняго корреспондента, публичная орловская библіотека выписываетъ слѣдующія періодическія изданія: *Сѣверную Почту*, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Наше Время* и *Московскія Вѣдомости*, а еженедѣльныхъ изданій, кромѣ *Искры*, ни одного. Выборъ, какъ видите, удачный!

Еще утѣшительныя свѣдѣнія. Изъ памятной книжки Воронежской губерніи, изданной на 1861 годъ, видно, что въ Воронежской губерніи существуетъ 10 уѣздныхъ училищъ, кромѣ городовъ—Землянска и Коротояка. Какъ гражданамъ вполнѣ просвѣщеннымъ, имъ видно не нужно училищъ: тамъ вѣрно живутъ одни «отцы» а «не дѣти». Въ Коротоякѣ нѣтъ не только уѣзднаго училища, но даже и приходскаго, на томъ основаніи, говорятъ его обитатели, что насъ всего-то только 927 человѣкъ живетъ въ городишкѣ. Землянскъ же, который по своему народонаселенію гораздо больше Нижнедѣвицка, Валуекъ, Богучара и Боброва, гдѣ давно уже заведены уѣздныя училища,—считаетъ всѣ эти училища однимъ только *вольнодумствомъ*, фанаберіей. А ужъ о воскресныхъ школахъ тутъ и думать нечего!

* * *

Въ Землянскѣ и въ Коротоякѣ,
Своей не муча головы,
Предпочитаютъ жить во мракѣ,
Занявши мудрость у совы.

—

Всесильно вѣка отрицанье!
Тамъ отрицаньемъ лишь горя,
Не признаютъ правописанья
И общей пользы букваря.

—

Они вѣрнѣй достигнутъ цѣли.
Ужъ коли гнать *ѳиту* и *ять*,
Такъ отчего же, въ самомъ дѣлѣ,
Нельзя всей азбуки прогнать.

—

И житель доблестный, землянскій,
Къ такому мнѣнію пришелъ:
Что первый подвигъ нашъ гражданскій —
Не заводить воскресныхъ школъ.

Чуть-чуть было не забылъ я разсказать про одинъ случай бюрократическаго безкорыстія. Департаментъ податей и сборовъ опубликовалъ этотъ *замѣчательный* случай во всѣхъ газетахъ. Вотъ въ чемъ вся исторія. Нѣкто г. Лаговскій, желая получить мѣсто въ будущемъ акцизномъ управленіи, обратился къ одному лицу, состоявшему въ званіи окружнаго управляющаго. Управляющій, выслушавъ просителя, велѣлъ ему подать прошеніе. Изъ этого факта видно, что просьба г. Лаговскаго была уважена и ему разрѣшено поступить въ акцизные чиновники. На другой день послѣ подачи прошенія будущій управляющій вдругъ получаетъ пакетъ отъ г. Лаговскаго, со вложеніемъ визитной карточки и *тысячи* руб. сер. Какимъ образомъ проситель ни съ того, ни съ сего, не говоря ни слова управляющему, прислалъ ему деньги — это неизвѣстно. Думайте, что хотите... Но вотъ тутъ-то и обрисовалось высокое безкорыстіе г. управляющаго. *Какая нибудь* тысяча рублей его глубоко оскорбила и онъ представилъ эти деньги въ департаментъ, съ объясненіемъ, какъ онъ ихъ получилъ. Что за удивительное безкорыстіе! Г. управляющій былъ

совершенно правъ, желая предать этотъ поступокъ гласности, какъ доказательство того, что есть же такіе люди, которые отвергаютъ отъ себя такія *мелкія* приношенія. Для другаго, приношеніе въ тысячу рублей—соблазнъ, а для неподкупнаго человѣка—оскорбленіе...

Пусть смолкнутъ крики съ этихъ поръ
Про лихоимство и про взятки...
Давно ль извѣстный прокуроръ
Сталъ уважаемъ всѣми въ Вяткѣ.

—

Давно ль—никто вѣдь не забылъ!
Когда сквозь свистъ и шепотъ адскій,
Насъ безкорыстьемъ поразилъ
Ты, незабвенный Вышнеградскій.

—

Теперь же ярче, чѣмъ когда,
(Воскликну я въ минорномъ тонѣ),
Зажглася новая звѣзда
Вдругъ на акцизномъ небосклонѣ.

—

Такъ умились же духомъ Россъ,
И пиръ торжественный устроя,
Вѣнкомъ изъ лавровъ и изъ розъ
Почти акцизнаго героя.

Но позвольте, правда намъ всего дороже: въ акцизномъ мірѣ не все же одни безкорыстные люди. Нѣкто (не будемъ называть его по имени, даже буквы первой изъ скромности не выставимъ) такъ прославился по части *благодарности*, что вызвалъ небольшое стихотвореніе неизвѣстнаго поэта. Чтобъ эти стихи понялъ читатель, припомнимъ ему, что въ оперѣ Фрейшицъ есть одинъ литейщикъ пуль—Максъ; это-то фантастическое лице и выведено въ слѣдующей пьескѣ:

Сцена изъ Фрейшица.

(Опытъ новаго либретто).

Дѣйствіе въ лѣсу. На небѣ черная ночь. *Максъ* (литейщикъ Волшебнаго стрѣлка) у разведеннаго костра льетъ пули. Лѣсъ стонетъ

отъ вѣтра и бури. *Гротъ*, поросшій мхомъ виденъ на второмъ планѣ.

Максъ (поетъ)

Лью волшебныя я пули —
Эти пули мѣтко бьютъ,
И едва ли въ Ливерпулѣ,
Даже въ нашей русской Тулѣ
Лучше Макса пули льютъ.
Только ночи темной риза
Упадетъ на мрачный боръ,
Съ міромъ, жаждущимъ акциза,
Какъ награды, какъ сюрприза,
Я вступаю въ договоръ.
Мѣсто, должность—эту-ль, ту-ли,
Я за деньги раздаю,
И таинственныя пули
Лью и лью, и лью, и лью.

(Изъ глубины лѣса прилетаютъ вѣдьмы и окружаютъ Макса).

Старшая вѣдьма.

Пуль акцизныхъ ждемъ отъ Макса.
Какъ цѣна?

Максъ.

Извѣстна такса —
Сто червонцевъ.

Хоръ вѣдьмъ.

Лей же пули роковыя,
Лей ужасный человѣкъ,
Чтобъ тебя всѣ отставные
Пристава и становые
Прославляли цѣлый вѣкъ.
Все предъ Максовою пулей
Упадетъ смиренно ницъ,
И чиновничій нашъ улей
Разыграетъ вновь Фрейшицъ.

—

Вѣдьмы высыпаютъ передъ Максомъ груду червонцевъ; берутъ пули и улетаютъ. Со сторону *Грота* слышатся зловѣщіе звуки.

Гласность! Знаете ли вы, господа, что одинъ сибирскій исправникъ смотритъ на гласность, какъ на мать родную, и съ помощію ее умѣетъ обирать своего ближняго, и вотъ какимъ образомъ. Въ газетѣ Амуръ была помѣщена одна мѣстная статья, въ которой, между прочимъ, сказано нѣсколько хорошихъ словъ въ пользу одного исправника, который держитъ сторону крестьянъ. Мѣсто дѣйствія и имя были скрыты. Этимъ то и поспѣшилъ воспользоваться исправникъ одного изъ многихъ сибирскихъ округовъ.

— Дай, думаетъ, сыграю я штуку. И разыгралъ.

Ко времени полученія № газеты (это конечно дѣло случая), почтсодержатели собрались въ городъ для полученія денегъ и заключенія новыхъ условій. Деньги получаютъ они отъ исправника.

И вотъ передъ собраніемъ является письмоводитель исправника (участвующій въ заговорѣ) съ 59 № Амура въ рукахъ.

— Слушайте, возгласилъ онъ таинственно, но съ достоинствомъ. Слушайте, что про васъ пишутъ въ газетахъ.

Сибиряки, всѣ почти до единаго крестьяне, навострили уши.

Писарь читаетъ, какъ слѣдуетъ, съ разстановкой, съ приличными удареніями, гдѣ нужно, и съ небольшими опущеніями.

— Ну, что, каково? восклицаетъ онъ наконецъ, окидывая самодовольнымъ взглядомъ своихъ слушателей.

— Ладно-то, ладно, нечего сказать! говорятъ сибиряки. Да неужто эвто про насъ наваляли?

— Да про кого же? развѣ не узнаете, что про васъ. Вѣдь развѣ *нашъ* исправникъ не благодѣтель? Развѣ мало онъ стоитъ за вашего брата? Ктожъ еще и заступается за васъ, какъ не онъ.

— Оно извѣстно дѣло... Кому за насъ заступиться, какъ не ихъ высокоблагородію? говорятъ земляки и крѣпко почесываютъ затылки.

Писарь какъ будто не замѣчаетъ послѣдняго жеста.

— Вотъ видите, любезные, продолжаетъ онъ, теперь съ васъ почтовые чиновники никакихъ поборовъ не будутъ взимать. Вѣдь они васъ просто обирали, разбойники! Такъ и въ газетахъ пишутъ.

— Мы.. грѣхъ сказать, конечно, благодарность почтовому началь-

ству держать завсегда готовы... не равенъ случай... Вотъ и его высокоблагородію тоже не прочь...

— Теперь вамъ до почтоваго начальства и дѣла нѣтъ. Вы вѣдь крестьяне? Говорите, крестьяне вы?

— Какъ не крестьяне, извѣстно дѣло—крестьяне.

— А кто у васъ ближайшій начальникъ?

— Вѣстимо вы... то есть, примѣрно сказать, ихъ высокоблагородіе.

— Поэтому, коли въ васъ душа христіанская есть, такъ вы должны все чувствовать надлежащимъ порядкомъ.

— Какъ не чувствовать!.. Чувствуемъ!.,

— Такъ и слѣдуетъ... Значитъ въ васъ душа есть... Первое дѣло—душа! Скоты только души не имѣютъ. Такъ помните же, кому слѣдуетъ благодарность проявлять —ближайшему, значитъ, начальству...

— Безъ благодарности, кажись, насъ ни разу еще не отпускали, замѣчаютъ со вздохомъ слушатели.

Дѣйствительно, и на этотъ разъ безъ благодарности не обошлось. Писарь вынулъ изъ бюро кипу условій отпечатанныхъ въ типографіи. Прежде условія съ почтсодержателями обыкновенно были писанныя, но благодѣтель-исправникъ позаботился объ ихъ напечатаніи.

— Вотъ смотрите, говоритъ писарь, указывая почтсодержателямъ на печатные бланки: можете ли вы не чувствовать благодарности къ его высокоблагородію. О васъ онъ какъ о дѣтяхъ думаетъ.

Почтсодержатели поняли, что отеческая заботливость исправника обойдется имъ не дешево.

Такъ и случилось. Эти печатныя условія обошлись почтсодержателямъ слишкомъ по 20 р. с. съ каждой лошадиной пары, а такъ какъ на каждой станціи полагается по десяти паръ, въ томъ же округѣ было слишкомъ десять станцій, то итогъ оказался не маленькій.

Но это еще не все.

При раздачѣ денегъ почтсодержателямъ, его высокоблагородіе *обсчитался* на 600 рублей. (Амуръ, № 18).

Послѣ того можетъ ли умиленный исправникъ не прославлять *благодѣтельной* гласности?...

Въ симферопольскомъ благородномъ собраніи былъ недавно слѣдующій случай, импровизированный, какъ видно, подъ вліяніемъ фельетоновъ Никиты Безрылова. Задолго до начала бала, на хоры собранія пришла г-жа Б. съ двумя дѣвицами В., и такъ какъ на хорахъ никого еще не было, то онѣ и заняли мѣсто по выбору. Черезъ нѣсколько времени, вслѣдъ за ними является на хоры и г. С. и объявляетъ г-жѣ Б., что занятое ею и дѣвушками мѣсто уже выбрано имъ для знакомыхъ ему дамъ.

— Поэтому, продолжалъ онъ, я прошу васъ это мѣсто *очистить* (подлинныя слова симферопольскаго рыцаря).

— Мѣста на хорахъ не нумерованы, отвѣчала ему удивленная г-жа Б. Я заплатила такія же деньги, какъ и другіе и потому не считаю себя обязанною уступать по требованію своего мѣста.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я директоръ собранія (видите ли директоръ собранія имѣетъ право говорить дерзости), и на основаніи своей *директорской власти* (!!) прошу васъ занять другое мѣсто.

Г-жа Б. не смотря на то, что передъ ней стоялъ директоръ, просила его оставить ее въ покоѣ.

Директоръ рѣшился доказать на дѣлѣ свою власть и позвалъ *жандарма*, съ тѣмъ, чтобы онъ очистилъ мѣста. Къ счастію одинъ военный, бывшій тутъ, заступился за дамъ, и не позволилъ этого очищенія.

Когда вѣсть объ этомъ случаѣ разнеслась по залѣ собранія, то тотчасъ же многіе изъ публики обратились къ г. С. за объясненіемъ. Г. С. замялся и началъ увѣрять всѣхъ въ своей правотѣ. Тогда всѣ отправились на хоры, гдѣ отъ свидѣтелей этой сцены узнали всю правду. На другой день за подписомъ 33-хъ человѣкъ былъ посланъ въ собраніе письменный протестъ противъ такого наглаго оскорбленія женщины. Когда же отъ г. С. потребовали, чтобъ онъ поѣхалъ тотчасъ же къ оскорбленнымъ дамамъ просить извиненія, то онъ рѣшительно не согласился... Къ этому прибавлять больше нечего...

Въ заключеніе приведу случай, показывающій какъ иногда преслѣдываются и раскрываются преступленія въ провинціяхъ. Сообщая въ газетахъ этотъ фактъ, г. Теленневъ подписью своего имени ручается въ его справедливости. (С. П., № 102).

Въ 27 верстахъ отъ уѣзднаго города Кинешмы, близъ большаго почтоваго тракта въ г. Кострому, находится имѣніе г. Зузина. При

имѣніи есть господская усадьба, въ которой живетъ г. Зузинъ съ семействомъ. На краю деревни—изба; въ ней проживаетъ одиноко дворовый человѣкъ, который, имѣя наличныя деньги, занимается мелочною торговлею. Въ ночное время, когда всѣ въ деревнѣ были погружены въ глубокій сонъ, ворвались къ нему два неизвѣстные человѣка; одинъ изъ нихъ вошелъ въ избу, другой остался у входа сторожевымъ. Шорохъ, произведенный незванымъ посѣтителемъ, разбудилъ домохозяина; онъ всталъ съ постели съ намѣреніемъ засвѣтить огонь, но въ это время получилъ ударъ по головѣ. Завязалась борьба; защищавшійся притащилъ разбойника къ окну; темнота препятствовала разсмотрѣть его въ лицо, однако же ему удалось крѣпко схватить зубами за палецъ разбойника. Домохозяинъ вышибъ стекло, и сталъ громко звать на помощь сосѣдей. Замелькали огни въ ближайшихъ избахъ селенія. Сторожевой разбойникъ въ это время скрылся, а нападавшій съ трудомъ вырвалъ палецъ изъ крѣпко стиснутыхъ зубовъ, нанесъ еще нѣсколько ударовъ, и обратился въ бѣгство. Окровавленный, избитый домохозяинъ съ трудомъ вышелъ изъ избы, и упалъ въ изнеможеніи на снѣгъ. Выбѣжали на помощь два крестьянина, но неизвѣстные люди уже скрылись, оставивъ на снѣгу слѣды крови отъ сильно-искусаннаго и израненнаго пальца.

Помѣщикъ Зузинъ, утромъ, послалъ объявленіе о ночномъ происшествіи приставу 1-го стана, Неллингеру, прося принять немедленно дѣятельныя мѣры къ открытію преступниковъ. Чрезъ десять дней напраснаго ожиданія дѣятельности со стороны земской полиціи, г. Зузинъ нарочно поѣхалъ въ уѣздный городъ Кинешму, лично въ земскомъ судѣ заявилъ о происшествіи, и настаивалъ о принятіи мѣръ къ раскрытію преступленія. Спустя послѣ этого двѣнадцать дней, выѣхалъ на мѣсто становой приставъ Неллингеръ. Не приступая къ дѣйствіямъ, онъ потребовалъ составленія временнаго отдѣленія отъ земскаго суда, и уѣхалъ.

По закону, дѣла такого рода изслѣдовались временными отдѣленіями, которыя составляются изъ исправника, мѣстнаго становаго пристава и уѣзднаго стряпчаго.

Бывшій кинешемскій земскій исправникъ, Сальковъ, нынѣ служащій костромскимъ судебнымъ слѣдователемъ, и уѣздный стряпчій Скворцовъ не сочли нужнымъ выѣхать на мѣсто. Взамѣнъ временнаго отдѣленія, выѣхалъ вольнонаемный письмоводитель исправника; составленное имъ дѣлопроизводство подписано членами временнаго отдѣленія,

какъ это бываетъ очень часто. Вольнонаемный письмоводитель напалъ на указанные ему слѣды преступниковъ, взялъ одного изъ нихъ съ откушеннымъ пальцемъ и представилъ его въ земскій судъ для заключенія въ острогъ.

Дослѣдованіе произвелъ непремѣнный засѣдатель земскаго суда, Ковырневъ. Преступникъ надѣется быть оправданнымъ и получить свободу. Надежда весьма основательна: моментъ для раскрытія его преступленія потерянъ; онъ, какъ это и бываетъ, останется въ подозрѣніи.

Такъ производятся у насъ дѣла въ провинціяхъ.

Впрочемъ, не даромъ же мы смѣемся теперь надъ моралью тѣхъ древнихъ романовъ и драмъ, гдѣ «добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 40.

Апрѣль 1862 года.

Какія партіи достойны печати?—Основанія, которыми руководится Шахматный Листокъ въ выборѣ игоръ.—Пріѣздъ А. Д. Петрова въ Петербургъ.—Четыре игры его съ Шумовымъ.—Партія Шумова противъ играющихъ по консультаціи Пеликана, Ахшарумова и Михайлова.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Исправленіе опечатки.—Корреспонденція.

Дѣйствительно игранныя партіи составляютъ одну изъ существеннѣйшихъ частей всякаго шахматнаго журнала. По словамъ Гейдебранда (Handbuch des Schachspiels. Vorwort) число такихъ игоръ, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, простирается до пяти тысячъ. Предположить, чтобъ всѣ онѣ были ведены совершенно или почти совершенно безошибочно,—невозможно для всякого, кто сколько нибудь знакомъ со свойствами шахматной игры; съ другой стороны, странно было бы думать, что редакціи газетъ и журналовъ печатаютъ безъ разбора всѣ сообщаемыя имъ партіи. Чѣмъ же руководятся онѣ въ выборѣ партій, однимъ ли только ихъ внутреннимъ достоинствомъ или также и иными соображеніями? Разъяснить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ относительно нашего журнала, мы считаемъ необходимымъ потому, что нѣкоторые любители упрекаютъ насъ въ томъ, что мы слишкомъ будто бы строги въ вы-

борѣ игоръ и недовольно часто сообщаемъ партіи русскихъ шахматистовъ, другіе напротивъ того полагаютъ, что въ печати достойны появляться только превосходно игранныя партіи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ сильнѣйшій русскій шахматистъ Александръ Дмитріевичъ Петровъ. По поводу своей шестой битвы съ княземъ С. С. Урусовымъ, битвы очень интересной, живой и поучительной во многихъ отношеніяхъ, онъ замѣчаетъ что «такихъ партій не слѣдовало бы печатать»; и далѣе указываетъ на *три* слабые хода этой партіи: два со стороны черныхъ, одинъ со стороны бѣлыхъ (Шахм. Лист. 1861 года стр. 95). Подобное же мнѣніе г. Петровъ выражалъ намъ недавно на словахъ; онъ говорилъ, что лучше даже перепечатывать старыя игры Лабурдонне съ Макдоннелемъ, чѣмъ сообщать партіи хотя и современныя, но игранныя слабо.

Какъ ни высоко цѣнимъ мы сужденіе русскаго Филидора о всякомъ шахматномъ вопросѣ, но въ настоящемъ случаѣ не можемъ съ нимъ согласиться. Абсолютно безошибочныхъ партій, т. е. такихъ, въ которыхъ отъ начала до конца, какъ съ той такъ и съ другой стороны, сдѣланы были бы наилучшіе ходы, такихъ партій, говоримъ мы, вовсе не существуетъ. Образцовыми признаются тѣ, въ которыхъ ошибокъ (разумѣя опять таки подъ ошибкою всякій не наилучшій ходъ) сравнительно очень мало и въ которыхъ ошибки эти сколь возможно менѣе очевидны. Но самое слово *очевидность* имѣетъ тутъ значеніе относительное: что очевидно сильному игроку, то часто вовсе не видно игроку слабому. Опытный любитель, привыкшій соображать самыя отдаленныя послѣдствія хода, назоветъ грубою ошибкою такое движеніе, вредъ котораго обнаружится черезъ семь, восемь и даже болѣе ходовъ, тогда какъ для игроковъ слабыхъ потребно большое усиліе, чтобъ расчитать вѣрно три-четыре хода впередъ. Понятно, что такимъ игрокамъ,— а они то и составляютъ большинство, — чтеніе и посредственно игранныхъ партій не безполезно. Можно даже сказать, что подобныя партіи интереснѣе для нихъ въ томъ отношеніи, что тутъ легче усмотрѣть причину ходовъ, чѣмъ въ играхъ слишкомъ глубокомысленныхъ, гдѣ каждое почти движеніе основано на отдаленныхъ соображеніяхъ и сложныхъ комбинаціяхъ, часто недоступныхъ слабому

игроку. Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ все таки о партіяхъ, игранныхъ болѣе или менѣе основательно; упражненія какихъ нибудь мазетокъ, гдѣ что ни ходъ то ошибка, конечно не достойны печати. Нельзя упускать изъ виду и того, что печатаніе партій имѣетъ цѣлію знакомить любителей не только съ шахматной игрой, но также и съ шахматными игроками.

О *степени* искусства того или другаго шахматиста можно еще пожалуй судить по числу его побѣдъ, но *характеръ* его игры познается не иначе, какъ чтеніемъ самихъ партій. Наконецъ, есть много партій, которыя получаютъ занимательность не въ силу внутренняго своего достоинства, а отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ были разыграны; такъ напр. игры матча между двумя знаменитыми игроками или партіи турнира, на который со всѣхъ концовъ свѣта съѣхались сильнѣйшіе шахматисты, какъ это было въ Лондонѣ въ 1851 году, всегда интересуютъ любителей и непремѣнно должны быть напечатаны всѣ, не выключая и тѣхъ, которые ведены слабо или ошибочно. Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ столь серьёзныхъ состязаніяхъ не встрѣтится ни слабыхъ партій, ни ошибокъ; совсѣмъ нѣтъ: то и другое встрѣчается и даже довольно часто.

Изъ сказаннаго легко усмотрѣть что́ руководитъ насъ въ выборѣ партій. Выше всего мы ставимъ тѣ изъ нихъ, которыя, по возможности, приближаются къ идеальному совершенству; такія партіи, гдѣ бы и кѣмъ онѣ ни были разыграны, всегда найдутъ мѣсто въ Листкѣ. За тѣмъ, мы считаемъ необходимымъ знакомить читателей съ характеромъ игры всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ шахматистовъ, сообщеніемъ ихъ замѣчательнѣйшихъ побѣдъ и пораженій. Что же касается серьёзныхъ матчей знаменитыхъ игроковъ, всемірныхъ турнировъ и вообще тѣхъ состязаній, которые, привлекая вниманіе любителей всѣхъ странъ, составляютъ нѣкоторымъ образомъ эпоху въ лѣтописяхъ игры, то они, какъ это было и до сихъ поръ, будутъ сообщаться во всей полнотѣ, отъ первой партіи до послѣдней. Сверхъ того, мы будемъ обращать особенное вниманіе на шахматные подвиги нашихъ соотечественниковъ; при одинаковомъ достоинствѣ партіи русской и иностранной, всегда отдадимъ

предпочтеніе первой. Не смотря на то, русскія партіи будутъ, вѣроятно, по прежнему составлять лишь незначительную часть всѣхъ сообщаемыхъ въ Листкѣ игоръ. Дѣло въ томъ, что въ Россіи играютъ въ шахматы несравненно меньше, чѣмъ за границею; сильныхъ игроковъ здѣсь тоже немного, а главное, шахматная игра не имѣетъ у насъ того значенія, какимъ давно уже пользуется она въ Германіи, Франціи и Англіи. Тамъ, всякая сколько нибудь интересная партія непремѣнно записывается, коментируется и сообщается въ редакцію какого нибудь шахматнаго журнала; у насъ напротивъ того, огромное большинство партій пропадаетъ безслѣдно. Довольно сказать, что г-нъ Петровъ почти никогда не отмѣчаетъ своихъ игоръ: Онъ играетъ въ шахматы уже полъ вѣка, играетъ мастерски, геніально, а между тѣмъ гдѣ его партіи? Переройте всѣ шахматные журналы, сборники, учебники, и вы едва ли найдете пятнадцать—двадцать игоръ русскаго маэстро. Чтобъ хоть сколько нибудь пополнить этотъ прискорбный для любителей пробѣлъ, мы сообщаемъ въ нынѣшнемъ Листкѣ нѣкоторыя изъ партій, съигранныхъ на дняхъ г-мъ Петровымъ противъ г-на Шумова. Онѣ не вполнѣ соотвѣтствуютъ знаменитости обоихъ состязателей, но вѣдь жестоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что великіе шахматные игроки всегда и вездѣ играютъ съ одинаковымъ совершенствомъ, что стоитъ имъ присѣсть за шахматный столъ, то такъ вотъ и посыпются блестящіе ходы, красивыя атаки, великолѣпные маты. Необходимо замѣтить, что ни Петровъ, ни Шумовъ не придавали особеннаго значенія своимъ настоящимъ партіямъ. Г. Петровъ пріѣхалъ въ Петербургъ на самое короткое время (онъ уже опять въ Варшавѣ), по своимъ дѣламъ, а вовсе не для шахматныхъ состязаній; и онъ и Шумовъ играли чрезвычайно быстро: партіи длились часъ, два, не болѣе. Всего съиграно было ими шесть игоръ; четыре выигралъ Петровъ, двѣ Шумовъ.

ПАРТІЯ № 253.

(Играна 30-го марта 1862 года; длилась 2 часа).

GIUOCO PIANO.

И. С. Шумовъ. (Бѣлые).	А. Д. Петровъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	29) f3 — g4°	h5 — g4°
2) g1 — f3	b8 — c6	30) c4 — d3 (5)	e5 — d5°
3) f1 — c4	f8 — c5	31) f4 — g4° +	g6 — f6
4) 0 — 0	d7 — d6	32) g4 — g6 +	f6 — e7
5) c2 — c3 (1)	g8 — f6	33) g3 — e3 +	e7 — f7
6) d2 — d4	e5 — d4°	34) e3 — e8°	f7 — g6°
7) c3 — d4°	c5 — b6	35) e8 — e3	d5 — d4
8) a2 — a4 (2)	0 — 0	36) g2 — h3	g6 — f6
9) b1 — c3	c8 — g4	37) e3 — f3	d4 — d5
10) c1 — e3	g4 — f3°	38) d3 — e4	d5 — c5
11) g2 — f3°	d8 — d7	39) e4 — b7°	c7 — c6
12) g1 — h1	d7 — h3	40) b7 — c8	c5 — c5
13) f1 — g1	h7 — h6	41) f3 — d3	d6 — d5
14) c3 — d5	f6 — d5°	42) c8 — b7	e5 — e6
15) e4 — d5°	c6 — d4° (3)	43) d3 — e3	f6 — e7
16) e3 — d4°	b6 — d4°	44) b7 — c6°	d5 — d4
17) d1 — d4°	h3 — f3° +	45) e3 — c4	d4 — d3
18) g1 — g2	f7 — f6	46) c6 — f3	e6 — e3
19) d4 — g4 (4)	f3 — g4°	47) h3 — g2	d3 — d2
20) g2 — g4°	a8 — e8	48) c4 — d4	e3 — b3°
21) a1 — g1	g7 — g5	49) d4 — d2°	b3 — b4
22) h2 — h4	f6 — f5	50) f3 — c6	b4 — c4
23) g4 — d4	g5 — g4	51) c6 — b5	c4 — g4 +
24) b2 — b3	h6 — h5	52) g2 — h3	a7 — a6
25) d4 — f4	g8 — g7	53) b5 — d7	g4 — c4
26) g1 — g3	e8 — e5	54) h4 — h5	e7 — f6
27) h1 — g2	f8 — e8	55) d2 — f2	f6 — e7
28) f2 — f3	g7 — g6	56) d7 — f5°	c4 — a4°
		57) h5 — h6	a4 — b4

	(Бѣлые).	(Черные).
58)	f5 — d3	a6 — a5
59)	h6 — h7	b4 — b8
60)	d3 — c4	b8 — h8
61)	c4 — g8	a5 — a4
62)	f2 — a2	e7 — f6
63)	a2 — a4°	f6 — g5
64)	a4 — g4 +	g5 — h5
65)	h3 — g3	h5 — h6
66)	g3 — f4	h6 — h5
67)	f4 — f5	h5 — h6
68)	g4 — g1	h8 — h7°
69)	g8 — h7° и матъ не позже 3-хъ ходовъ.	

Примѣчанія къ партіи № 253.

(1) Тутъ можно бы двинуть b2 — b4, обращая игру въ выгодный для бѣлыхъ варіантъ эвансова гамбита.

(2) Тонкій пріуготовительный ходъ; чернымъ слѣдовало бы, во избѣжаніе опасности, отвѣчать на него тоже движеніемъ пѣшки ферзевой ладьи.

(3) Потеря офицера вынуждена; если конь уйдетъ на e7, d8 или b4, то бѣлые двинутъ a4 — a5 и слонъ погибъ, если же конь ступитъ на a5, то отведутъ слона на f1, черный ферзь долженъ отступить, тогда b2 — b4 и коню нѣтъ спасенія.

(4) Вынуждаютъ мѣну ферзей, что значительно усиливаетъ игру бѣлыхъ.

(5) Теперь уже невозможно спасти пѣшку g, а затѣмъ партія черныхъ, — вся надежда которыхъ могла быть только на пѣшки этого фланга, — несомнѣнно проиграна.

ПАРТІЯ № 254.

(Играна 1-го апрѣля 1862 года; длилась ¾ часа).

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЪ.

	А. Д. Петровъ. (Бѣлые).	И. С. Шумовъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f2 — f4	d7 — d5
3)	e4 — d5°	e5 — e4
4)	b1 — c3	g8 — f6
5)	d2 — d3	f8 — b4

	(Черные).	(Бѣлые).
6)	c1 — d2	e4 — e3
7)	d2 — e3°	f6 — d5°
8)	e3 — d2	b4 — c3°
9)	b2 — c3°	0 — 0
10)	c3 — c4	f8 — e8 +
11)	f1 — e2	d5 — e3
12)	d2 — e3°	c8 — e3°
13)	e1 — f2	d8 — d4
14)	g1 — f3	d4 — f4°
15)	d1 — c1	e3 — f3° +
16)	e2 — f3°	f4 — h4 +
17)	g2 — g3	h4 — d4 +
18)	c1 — e3	d4 — e3° +
19)	f2 — e3°	b8 — a6

	(Бѣлые).	(Черные).
20)	h1 — e1	a6 — b4
21)	e3 — d2	c8 — d7
22)	f3 — b7°	a8 — b8
23)	b7 — d5	d7 — a4
24)	a1 — b1	g8 — f8
25)	a2 — a3	b4 — a6
26)	b1 — b8° +	a6 — b8°
27)	e1 — f1	f7 — f6
28)	f1 — b1	b8 — d7
29)	b1 — b7	c7 — c6
30)	b7 — d7°	c6 — d5°
31)	d7 — d5°	a4 — c6
32)	d5 — a5	сдается.

ПАРТІЯ № 255.

(Играна 2-го апрѣля 1862 г.; длилась 1 часъ).

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

	И. С. Шумовъ. (Бѣлые).	А. Д. Петровъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — b5	a7 — a6
4)	b5 — a4	g8 — f6
5)	d2 — d4	f6 — e4°
6)	d4 — e5°	d7 — d5
7)	0 — 0	f8 — c5
8)	a4 — b3	c8 — e6
9)	c2 — c3	0 — 0
10)	c1 — e3	c5 — e3°
11)	f2 — e3°	c6 — e7
12)	b1 — d2	e4 — d2°
13)	d1 — d2°	c7 — c6
14)	b3 — c2	e7 — g6

	(Бѣлые).	(Черные).
15)	d2 — d4	a8 — c8
16)	f1 — f2	c6 — c5
17)	d4 — d3	d8 — e7
18)	a1 — f1	c8 — d8
19)	h2 — h4	e6 — g4
20)	f3 — g5	f7 — f5
21)	e5 — f6° (на проходъ.)	g7 — f6°
22)	g5 — h7°	f6 — f5
23)	h7 — f8°	e7 — f8°
24)	f2 — f5°	g4 — f5°
25)	f1 — f5°	f8 — e7
26)	f5 — g5	d8 — d6
27)	g5 — g6° +	d6 — g6°
28)	d3 — g6° +	сдается.

ПАРТІЯ № 256.

(Длилась ¾ часа).

ГАМБИТЪ ЛАДЬИ.

А. Д. Петровъ. (Бѣлые).	И. С. Шумовъ. (Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5
2) f2 — f4	e5 — f4°
3) g1 — f3	g7 — g5
4) h2 — h4	g5 — g4
5) f3 — e5	g8 — f6
6) f1 — c4	d7 — d5
7) e4 — d5°	f8 — d6
8) d2 — d4	f4 — f3
9) g2 — f3°	d8 — e7
10) d1 — e2	g4 — f3°
11) e5 — f3°	d6 — g3 +
12) e1 — f1	e7 — e2° +
13) f1 — e2°	c8 — g4
14) h1 — g1	f6 — h5
15) c1 — e3	b8 — d7
16) b1 — d2	0—0—0
17) d2 — e4	g4 — f3° +
18) e2 — f3°	g3 — d6
19) e4 — d6°	c7 — d6°
20) g1 — g5	h5 — f6
21) e3 — f4	d7 — b6
22) c4 — b3	h8 — g8
23) g5 — f5	b6 — d7
24) f4 — g5	g8 — g7
25) g5 — f6° +	d7 — f6°
26) f5 — f6°	d8 — g8
27) a1 — f1	g7 — g3 +
28) f3 — e2	g3 — g2 +
29) e2 — d3	h7 — h5
30) f6 — f7°	g8 — g3 +
31) f1 — f3	g3 — g4
32) f7 — h7°	сдается.

ПАРТІЯ № 257.

Черные даютъ впередъ пѣшку и ходъ.

В. М. Михайловъ.
В. В. Пеликанъ. И. С. Шумовъ.
Н. Д. Ахшарумовъ.

(снять съ доски пѣшку f7).

Первый вечеръ 23-го декабря 1861 года.

(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	b8 — c6 (1)
2) d2 — d4	e7 — e5
3) d4 — d5	c6 — e7
4) f2 — f4 (2)	e7 — g6
5) g1 — f3	e5 — f4°
6) f1 — d3	d8 — f6
7) 0 — 0	f8 — c5 +
8) g1 — h1	d7 — d6
9) c1 — d2	g8 — e7 (3)
10) d2 — c3	g6 — e5

(Бѣлые).	(Черные).

Второй вечеръ 30-го декабря 1861 года.

Положеніе игры.

Черные.

Бѣлые.

11)	b1 — d2 (4)	0 — 0
12)	d2 — c4	e7 — g6
13)	b2 — b4	c5 — b6
14)	a2 — a4	a7 — a6
15)	c4 — b6°	c7 — b6°
16)	c3 — d4 (5)	c8 — g4
17)	d3 — e2	g6 — h4
18)	a1 — a3	g4 — f3°
19)	e2 — f3°	f6 — g6
20)	d4 — e5° (6)	d6 — e5°

Третій вечеръ 13-го января 1862 г.

Положеніе игры.

Черные.

Бѣлые.

(Бѣлые).		(Черные).
21)	c2 — c4	g6 — d6
22)	d1 — e1	h4 — g6
23)	f3 — g4	f8 — f6
24)	a3 — h3	h7 — h6
25)	a4 — a5	d6 — c7
26)	a5 — b6° (7)	c7 — c4°
27)	h3 — c3	c4 — b5

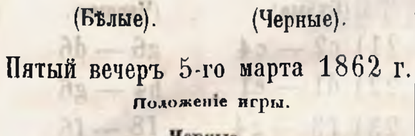
Четвертый вечеръ 26-го февраля 1862 года.

Положеніе игры.

Черные.

Бѣлые.

28)	g4 — e6 +	g8 — h8
29)	c3 — f3	b5 — b6°
30)	g2 — g4 (8)	g6 — f8
31)	g4 — g5	f6 — g6
32)	e6 — f5	g6 — g5°
33)	h2 — h4	g5 — f5°
34)	e4 — f5°	b6 — f6
35)	e1 — e4	f6 — h4° +
36)	h1 — g2	f8 — d7
37)	f3 — c3 (9)	d7 — f6 (10)



(Бѣлые).	(Черные).

Пятый вечеръ 5-го марта 1862 г.

Положеніе игры.

Черные.

Бѣлые.

(Бѣлые).	(Черные).
38) e4 — e5°	a8 — e8
39) e5 — f4°	h4 — f4°
40) f1 — f4°	f6 — d5°
41) c3 — f3	d5 — f4° +
42) f3 — f4°	h8 — g8
43) g2 — f3	g8 — f7
44) f3 — g4	f7 — f6
45) f4 — d4	e8 — e7
46) g4 — f4	e7 — c7
47) d4 — e4	c7 — c6

бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 257.

(1) Это одно изъ лучшихъ средствъ обороны для игрока, давшаго пѣшку и ходъ, ибо въ такихъ партіяхъ очень важно привести ферзева коня, какъ можно скорѣе, на e5 или e7, откуда онъ можетъ заслонить короля отъ шаха ферземъ на h5.

(2) Добровольно отдаемъ пѣшку въ надеждѣ пріобрѣсти сильную атаку.

(3) Ясно, что брать пѣшку b2 было бы очень дурно, по причинѣ 10 d2 — c3.

(4) Можно было выиграть пѣшку, слѣдующимъ образомъ:

11) f3 — e5°	d6 — e5°
12) d1 — h5 +	e7 — g6

13) g2 — g3 и т. д., но это дало бы сильную атаку черным.

(5) Безполезная потеря времени.

(6) Соединеніе пѣшекъ значительно усиливаетъ положеніе черныхъ, тѣмъ не менѣе взять коня было необходимо для предупрежденія гибельнаго хода e5 — f3°

(7) Грубая ошибка.

(8) Нашъ лѣвый флангъ разбитъ совершенно, и если мы поведемъ игру осторожную, оборонительную, то непремѣнно проиграемъ. Одна надежда бросится въ атаку на королевскомъ флангѣ.

(9) Занять ладьей линію *c* необходимо, но гораздо лучше было бы сдѣлать это посредствомъ f1 — c1.

(10) Теперь бѣлымъ нѣтъ ужъ никакого спасенія; если отступятъ ферземъ, то соединенныя пѣшки черныхъ e и f немедленно рѣшатъ участь партіи, а если (какъ это и было въ дѣйствительности) возьмутъ пѣшку то потеряютъ échange.

(11) См. примѣч. 9-е.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 108.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 4 хода.

№ 109.

Черные.

Бѣлые.

Обратный матъ въ 3 хода.

№ 108.

1) g1 — g6°	f8 — g7 (лучшій ходъ)
2) g6 — g2	g7 — f6° + (A)
3) h6 — g6°	h7 — h5 или на h6
4) g6 — h6 ✕	

(A)

2) . . . . .   g7 — g6
3) g2 — g6°   f7 — g6°
4) h6 — h7° ✕

№ 109.

1) a8 — d5   a2 — a1

A. Черные обращаютъ пѣшку въ ферзя или ладью.

2) f7 — f8 Л + (*)   a1 — a7°
3) d5 — d7 +   a7 — d7° ✕

B. Черные обращаютъ пѣшку въ слона.

2) c3 — b2   a1 — b2° ✕

C. Черные обращаютъ пѣшку въ коня.

2) a7 — a8 конь идетъ на c2 или b3 и даетъ матъ.

№ 110.

Черные.

Бѣлые.

Обратный матъ въ 12 ходовъ.

№ 111.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 5 ходовъ.

№ 110.

1) g4 — e3 +   d4 — e3°

(*) Пѣшка, достигшая восьмой полосы доски, можетъ быть превращена въ любаго офицера (только въ Италіи существуетъ правило, воспрещающее дѣлать сверхъ комплектныхъ офицеровъ), а потому созданіе третьей ладьи ничуть не противно постановленіямъ игры.

2) f3 — e3° +	f5 — g4
3) g6 — e5 +	d7 — e5°
4) f2 — h4 +	g4 — f5
5) h1 — f1° +	e5 — f3
6) h4 — h7 +	f5 — g4
7) f1 — g1 +	f3 — g1°
8) e6 — g6 +	g4 — f5
9) c4 — d3 +	f5 — e5
10) h7 — c7 +	e5 — d5 (лучшій ходъ)
11) c7 — c6 +	d5 — e5
12) c6 — c5° +	f8 — c5 ×

№ 111.

1) h1 — g6	f6 — f5

Явно, что если 1. g4 — h3 то 2. g6 — f5 ×.

2) g6 — f7	g4 — h3
3) f7 — e8	h3 — g4
4) e8 — g6	g4 — h3
5) g6 — f5° ×	

№ 112.

Черные.

Бѣлые.

Обратный матъ въ 4 хода.

№ 113.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода

№ 112.

1) d4 — c6 +	f3 — c6° (A)
2) d2 — d8° +	e7 — f7

3) g6 — g7 +	f7 — g7°
4) d8 — f6 +	c6 — f6° ×

(A)

1)	e7 — f7
2) g6 — g7 +	f7 — g7°
3) d2 — h6 +	g7 — f7
4) h6 — f6 +	f3 — f6° ×

№ 113.

1) e5 — c6 +	d4 — c4
2) c7 — c8 дѣлаетъ коня	какъ угодно.
3) Конь c8 даетъ матъ.	

№ 114.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

№ 115.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

№ 114.

1) a5 — e1 +	e2 — e1°
2) e5 — f3 +	e1 — f1
3) e8 — e1 ×	

№ 115.

1) a8 — b7 +	d7 — d6 (лучшій ходъ)
2) g2 — g3	d6 — e5
3) b7 — d5 ×	

№ 116.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

№ 117.
Черные.

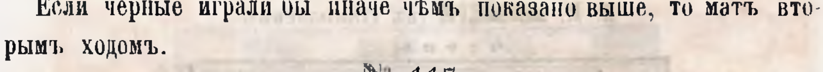
Черные.
Матъ въ 2 хода.

№ 116.

1) e1 — c2	b3 — b6 + (A)
2) d7 — b6° +	a7 — b6°
3) h3 — a3 ⨯	

(A)

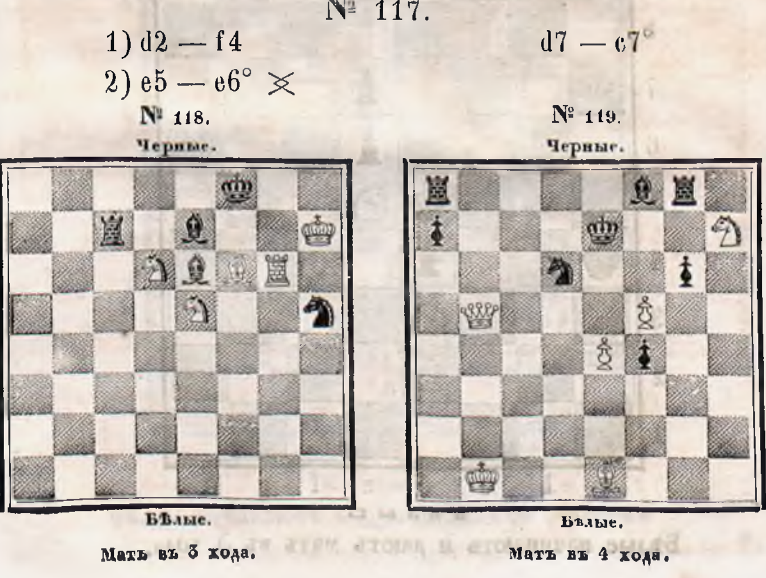
1)	b3 — c3
2) d7 — c5 +	c3 — c5°
3) h3 — a3 ⨯	



Если черные играли бы иначе чѣмъ показано выше, то матъ вторымъ ходомъ.

№ 117.

1) d2 — f4	d7 — c7°
2) e5 — e6° ⨯	



№ 118.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

№ 119.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 4 хода.

№ 118.

1) f6 — g7 + h5 — g7°
2) g6 — f6 + e7 — f6°
3) e5 — g6 ✕

№ 119

1) f5 — f6 + король на e6 или f7 (A)
2) h7 — g5 + король беретъ пѣшку f6
3) b5 — e5 + f6 — e5°
4) e1 — c3 ✕

(A)

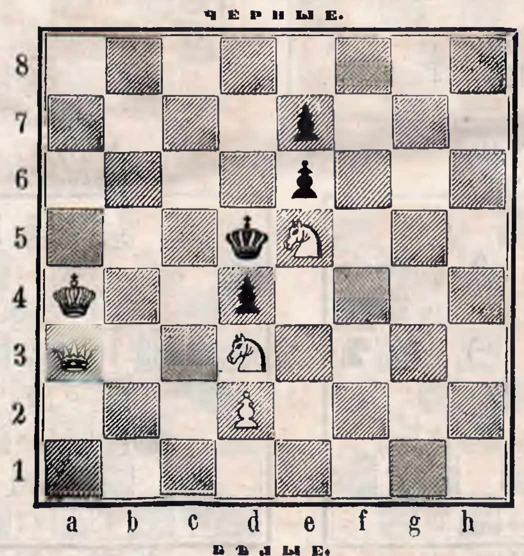
1) . . . . e7 — d8
2) e1 — a5 + d8 — c8
3) b5 — c6 + c8 — b8
4) c6 — c7 ✕

Задачи.

№ 144.

К. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.



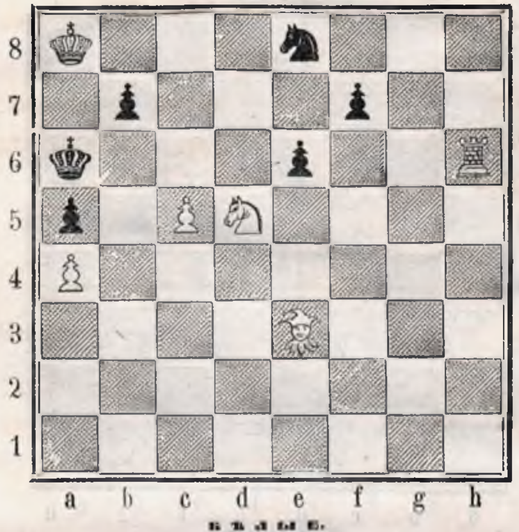
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 145.

И. С. ШУМОВА.

ЧЕРНЫЕ.



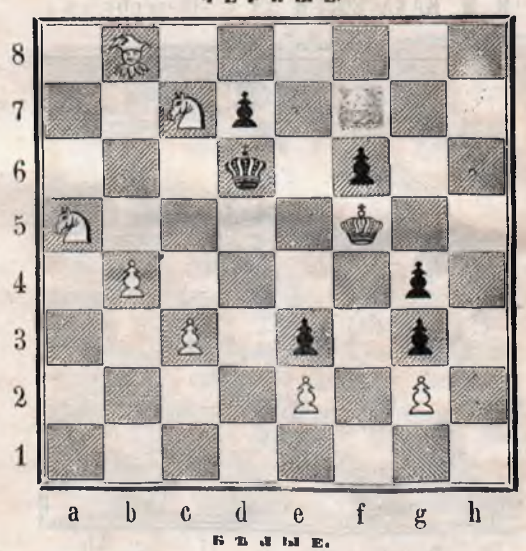
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ *конемъ* въ 4 хода.

№ 146.

К. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.



БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 147.

КИЗЕРИЦКАГО.

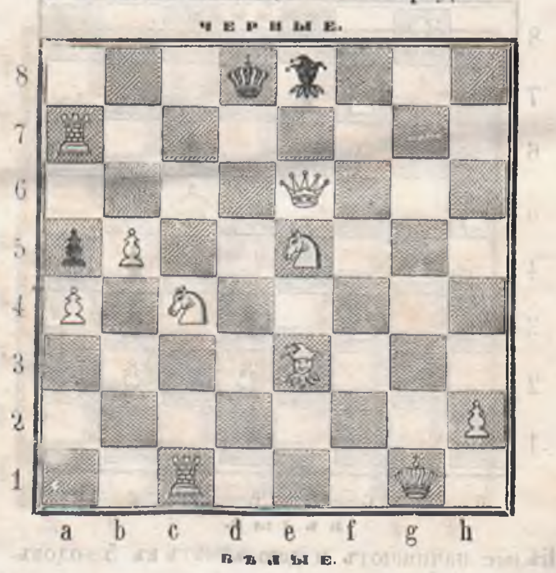
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода

№ 148.

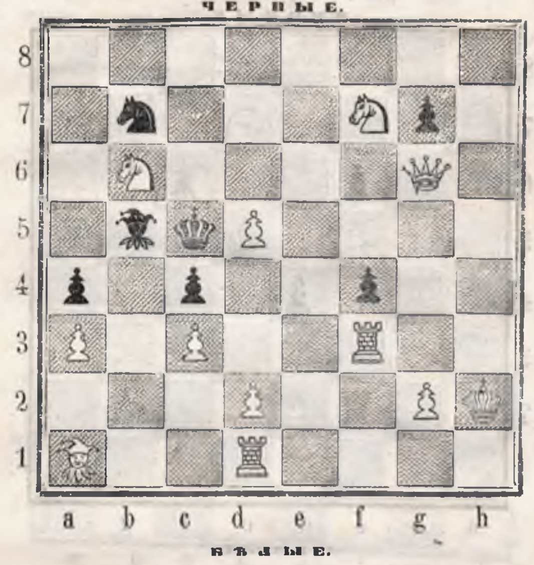
К. И. КАЛАГЕОРГИ (въ С.-Петербургѣ).



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

№ 149.

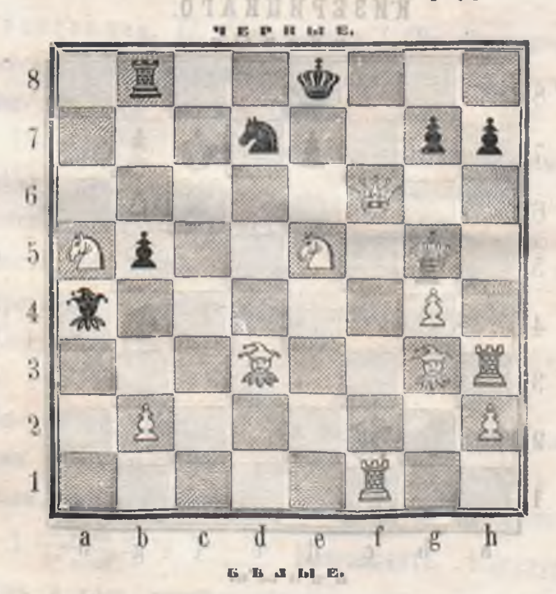
ГАЛЕЯ (призовая проблема).



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 150.

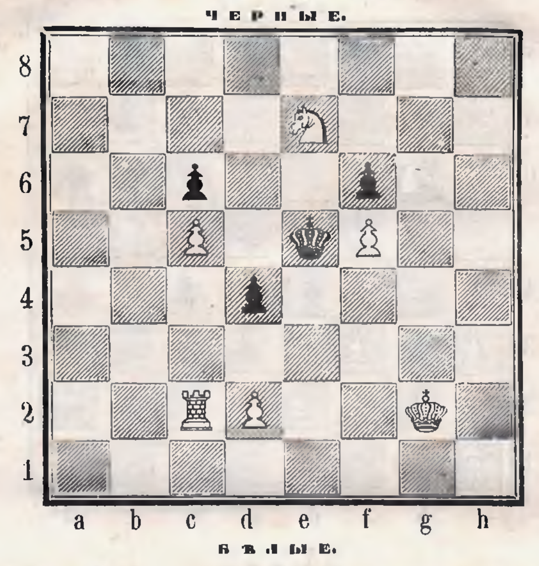
К. И. КАЛАГЕОРГИ (въ С.-Петербургѣ).



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 10 ходовъ.

№ 151.

КИЗЕРИЦКАГО.



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 152.

КИЗЕРИЦКАГО.

ЧЕРНЫЕ.

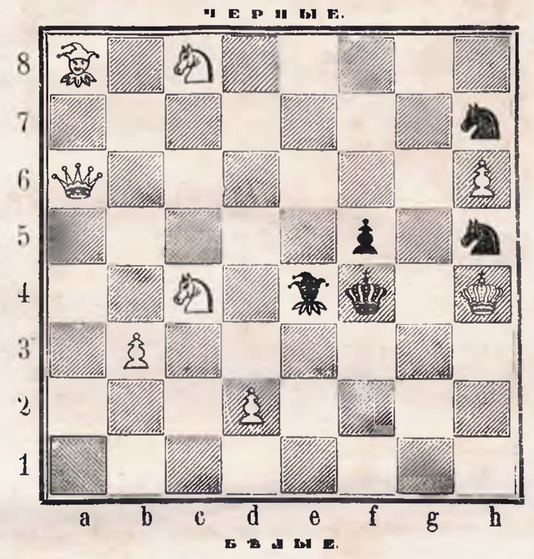
8 7 6 5 4 3 2 1

a b c d e f g h

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Исправленіе опечатки: задача за № 123 напечатана не вѣрно: бѣлый конь поставленъ, по ошибкѣ, на b8, тогда какъ ему надлежитъ быть на c8, т. е. задача должна имѣть слѣдующій видъ:



Матъ въ 3 хода.

Корреспонденція. *П. Срт—кому.* (Въ Кишиневѣ.) Печатаніе составленнаго кн. Урусовымъ «Руководства къ изученію шахматной игры» началось съ февральской книжки 1859 года. Доставленныя Вами задачи не можемъ къ сожалѣнію помѣстить въ Листкѣ потому, что первыя двѣ такъ легки, что самый слабый игрокъ мгновенно разрѣшитъ ихъ, а третья ошибочна: чернымъ нѣтъ надобности заслоняться ферземъ отъ шаха 2. $\frac{h7-h8+}{}$; они могутъ возвратиться королемъ на прежнюю клѣтку.

В. Х. Хохр—ву (въ Пензѣ). Мой адресъ: Петербургъ, Моховая домъ № 16.

С. А. Яц—чу (с. Плоцкое). Въ задачѣ 5-й, изъ числа присланныхъ вами при письмѣ отъ 20-го января, на клѣткѣ b6 нѣтъ никакой шашки, а между тѣмъ рѣшеніе этой проблемы вы начинаете такъ: 1. $\frac{e2-e4+}{d6-e4}$ 2. $\frac{b6-c5}{}$. Благоволите, пожалуста, объяснить въ чемъ у васъ ошибка: въ положеніи или въ рѣшеніи.

Histoire de la Terreur 1792—1794 d'après les documents authentiques et des pièces inédites par M. Mortimer-Ternaux. Paris, vol 1, 1862. В. ПОПОВА ... 4

ОТДѢЛЪ III.

Современная лѣтопись.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Histoire de la Terreur 1792—1794 d'après les documents authentiques et des pièces inédites par M. Mortimer-Ternaux. Paris, vol 1, 1862. В. ПОПОВА . . . . 1.

ОТДѢЛЪ III.

Современная лѣтопись.

—Что такое наше общественное мнѣніе? Кѣмъ и какъ оно выражается?— Крестьянскій вопросъ; гг. Падалица и Бланкъ его порѣшители. — Письмо крестьянина Иванова.—Встрѣча моя съ крестьяниномъ Нижегородской губерніи.—Вѣсти изъ медвѣжьяго угла и Казани объ уставныхъ грамотахъ.—Искъ временно-обязанныхъ крестьянъ г. Каншина противъ бывшаго своего владѣльца и его рѣшеніе мировымъ съѣздомъ.—Очистка входящихъ бумагъ кіевскимъ по крестьянскому дѣлу присутствіемъ.—Вяземскій мировой посредникъ Ивановъ и судъ надъ нимъ.—Уставная грамота графа Ланскаго и мой знакомый либералъ.—Помѣщикъ Чертковъ.—Юридическіе обычаи крестьянъ и величественное отношеніе къ нимъ «мѣстныхъ начальствъ».—Дѣянія акціонерныхъ компаній.—Подвиги новѣйшихъ баши-бузуковъ.—Увеличеніе содержанія городовымъ врачамъ.—Казанская городовая больница.—Положеніе о городскихъ банкахъ.—Слухъ объ окончаніи работъ по предмету о земскихъ банкахъ. — Внѣшній заемъ.—Циркуляръ с-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Дневникъ темнаго человѣка.

Несомнѣнные признаки весны.—Лѣтній садъ и его мраморные боги и красавицы. — Вліяніе весны на суровыхъ публицистовъ. — Всемірная выставка и русскіе туристы. — Причины, по которымъ имъ не ловко *будто бы* ѣхать за границу. — Международная компанія увеселительныхъ поѣздокъ за границу и ея краснорѣчивое объявленіе. — Новый способъ жить по программѣ и пріятная заграничная опека. — Можно ли знать свое будущее безъ помощи оракула? — Напутственная пѣсня нашимъ путешественникамъ. — «Таблички жизни» и настольная книга неизвѣстнаго автора «Memento mori». — Увеселительная продѣлка одного иностранца и фантастическая желѣзная дорога въ Воронежѣ. — Орѳографическій комитетъ въ Петербургѣ и его замыслы. — Русская азбука передъ лицемъ новаго ареопага. — «Упрощеніе русской граматики» г. Кадинскаго и его предложеніе о замѣнѣ русскаго шрифта — латинскимъ. — Буква *Ѣ* — въ ролѣ Маріи Стюартъ. — Ея казнь и чудесное превращеніе. — Остроумные выводы г. Кеневича по поводу буквы *Ѣ*.—Изгнаніе Ѳ и Э. — Важное значеніе двухъ митинговъ: о кринолинахъ—въ Лондонѣ, и объ азбукѣ — въ Петербургѣ. — Мнѣніе Сына Отечества о цензурѣ.—Извѣстный русскій поэтъ и неизвѣстный публицистъ Пушкинъ. — *Нѣчто о неблагонамѣренныхъ* людяхъ. — «*Вопросы*», пѣсня посвященная А. В. Старчевскому. — Обличенный редакторъ. Тридцать рублей за три печатныхъ листа!...—Выгодная продажа. — Темные углы Петербурга.— Голодная промышленность. — Способъ подкидыванья дѣтей въ провинціи. — Избіеніе младенцевъ полиціей. — Аттестатъ раздаваемый однимъ частнымъ пансіономъ. — «Плачь русскихъ акціонеровъ различныхъ обществъ» — стихотвореніе. — Протестъ акціонера общества торговли—г. Зубинскаго. — Можно ли брать тихонько чужія деньги на собственныя нужды? — Директоръ общества, обличенный въ такомъ поступкѣ и снова выбаллотированный въ директоры. — «Завѣщаніе акціонера» — предсмертная пѣсня.—Абиссинскій Маэстро Лазаревъ и его новые подвиги. — Пѣвецъ Свѣтовани. Французы въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ.—Случай на Владимірской дорогѣ. — Два поэта—католическій и православный.—Пѣсня о прогрессѣ. — Спектакли любителей. «Горе отъ ума» на частномъ театрѣ. — Чѣмъ занимается общество любителей россійской словесности? — Описаніе будущаго памятника Пушкину.—Библіографическое извѣстіе Книжнаго Вѣстника.—Вѣсти изъ провинціи. Вызовъ тарскаго земскаго суда. — Г. Лесли—какъ любитель звонкой серебряной монеты. — Два слова объ Орловской публичной библіотекѣ. — Почему нѣтъ училищъ въ двухъ уѣздныхъ городахъ Воронежской губерніи?— Безкорыстный субъектъ акцизнаго міра. — Сцена изъ Фрейшица — опытъ новаго либретто.—Гласность, какъ средство для лихоимства сибирскаго чиновника. — Симферопольскій скандалъ. — Суды въ провинціи.

Шахматный листокъ (за апрѣль) В. М. МИХАЙЛОВА.

РУССКОЕ СЛОВО

в 1862 году

будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками отъ 25 до 35 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ пересылки	12 р. 50 к.
Съ пересылкой и доставкой	14 » — »

Подписка исключительно принимается
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ Русскаго Слова, у Гагаринской пристани, въ домѣ Графа Г. А. Кушелева-Безбородко, въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Русскаго Слова, на углу большой Дмитровки, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Въ означенныхъ Конторахъ Русскаго Слова и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются изданія Графа Г. А. Кушелева-Безбородко.

СОЧИНЕНІЯ А. МАЙКОВА.

Спб. 1858 г. 2 т., цѣна . . . . 2 р. сер. — к.
Съ пересылкою . . . . 2 » » 75 »

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО.

Спб. 1859 г. 2 тома, цѣна . . . . . . 3 р. сер. — к.
Съ пересылкою . . . . 3 » » 75 »

РИСУНКИ БОКЛЕВСКАГО

представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, вышли въ 4 выпускахъ и поступили въ продажу.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio). Цѣна каждому— 1 р. 50 к. сер. безъ пересылки.
2 руб. съ пересылкою.

СОЧИНЕНІЯ ПАНАЕВА,

Въ 4 томахъ; цѣна за 4 тома — 3 руб. — коп.
съ пересылкою 4 » 50 »

ПАМЯТНИКИ

Старинной русской литературы,

подъ редакціей А. Н. Пыпина. (Выпускъ третій).

С. Петерб. 1862 г. Цѣна 2 р.
Съ пересылкою 2 р. 50.

Для подписчиковъ Русскаго Слова на помянутыя сочиненія дѣлается въ Редакціи уступка 20 проц. съ продажной цѣны.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями въ Главную Контору Русскаго Слова, въ С. Петербургѣ.